

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі
“Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання”
Кафедра гуманітарных дысцыплін
Дзяржаўная навуковая ўстанова
“Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі”
Еўрапейскі цэнтр па пытаннях меншасцей
(European Centre for Minority Issues), Германія

Этнічная, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве

Зборнік навуковых прац
удзельнікаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі

29–30 мая 2014 г.

Магілёў
2014

УДК 323.1 + 008 (476) (091)
ББК 63.5
Э 91

Рэдакцыйная калегія:
**Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.), В. Г. Мазец, А. Г. Осіпаў,
І. А. Пушкін, М. У. Смяховіч**

Навуковыя рэцэнзенты:
доктар сацыялагічных навук, дацэнт *М. Я. Ліхачоў*
доктар гістарычных навук, прафесар *І. А. Марзалюк*

Укладальнік
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *І. А. Пушкін*

**Этнічная, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным
Э 91 грамадстве** : зборнік навуковых прац удзельнікаў Міжнар. навук. –
практ. канф., 29–30 мая 2014 г., г. Магілёў / Маг. дзярж. ун-т харч.;
уклад. І. А. Пушкін; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. –
Магілёў: МДУХ, 2014. – 357 с.
ISBN 978-985-6979-99-9.

У зборнік увайшлі навуковыя працы удзельнікаў Міжнароднай навукова-
практычнай канферэнцыі “Роля этнічнай, моўнай і культурнай разнастайнасці ў
сучасным грамадстве”, якая адбылася ў г. Магілёве 29–30 мая 2014 г. на базе
кафедры гуманітарных дысцыплін установы адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны
універсітэт харчавання”. Змест зборніка склалі даклады навукоўцаў з Беларусі,
Германіі, Грузіі, Казахстана, Расіі, Сербіі і Украіны, у якіх аналізуюцца
тэарэтычныя і практычныя аспекты рэалізацыі этнічнай, моўнай і культурнай
разнастайнасці, а таксама гістарычныя перадумовы яе фарміравання.

У выданні захаваныя погляды, арфаграфія і мова аўтараў, таму за
магчымыя недакладнасці і спрэчныя моманты ў тэксе адказнасць нясуць
аўтары.

**УДК 323.1 + 008 (476) (091)
ББК 63.5**

ISBN 978-985-6979-99-9

© Установа адукацыі
“Магілёўскі дзяржаўны універсітэт
харчавання”, 2014

Этнічная, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве

У зборнік увайшлі навуковыя працы удзельнікаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі “Роля этнічнай, моўнай і культурнай разнастайнасці ў сучасным грамадстве”, якая адбылася ў г. Магілёве 29–30 мая 2014 г. на базе кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання. Таксама ўдзел у падрыхтоўцы і правядзенні канферэнцыі прымалі – Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і Еўрапейскі цэнтр па пытаннях меншасцей (European Centre for Minority Issues) з Германіі.

Змест зборніка склалі даклады навукоўцаў з Беларусі, Германіі, Грузіі, Казахстана, Расіі, Сербіі і Украіны, у якіх аналізуюцца тэарэтычныя і практычныя аспекты рэалізацыі этнічнай, моўнай і культурнай разнастайнасці, а таксама гістарычныя перадумовы яе фарміравання.

Канферэнцыя праводзілася для падсумоўвання вынікаў НДП “Роля нацыянальных меншасцей у забеспячэнні ўстойлівага паступальнага развіцця беларускага грамадства ў навейшай гісторыі Беларусі” (№ дзяржрэгістрацыі 20112416, навуковы кіраўнік – І.А. Пушкін) ДПНД “Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава” (2011–2015 гг.), якая выконвалася ў 2011–2013 гг. супрацоўнікамі кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання.

Этнічна, мовна та культурна різноманітність у сучасному суспільстві

До збірника увійшли наукові роботи учасників Міжнародної науково-практичної конференції «Роль етнічного, мовного та культурного розмаїття в сучасному суспільстві», яка відбулась у м. Могильові 29–30 травня 2014 року на базі кафедри гуманітарних дисциплін Могильовського державного університету продовольства (Республіка Білорусь). Участь у підготовці та проведенні конференції також брали – Інститут історії Національної академії наук Білорусі та Європейський центр з питань меншин (European Centre for Minority Issues) з Німеччини.

Зміст збірника склали доповіді вчених із Білорусі, Німеччини, Грузії, Казахстану, Росії, Сербії та України, в яких аналізуються теоретичні та практичні аспекти етнічного, мовного й культурного розмаїття, а також історичні передумови його формування.

Конференція проводилася з метою обговорення результатів науково-дослідницької роботи «Роль національних меншин у забезпеченні сталого поступального розвитку білоруського суспільства в новітній історії Білорусі» (науковий керівник – І. О. Пушкін) Державної програми наукових досліджень «Історія, культура, суспільство, держава» (2011–2015 рр.), яка виконувалась протягом 2011–2013 років співробітниками кафедри гуманітарних дисциплін Могильовського державного університету продовольства.

Этническое, языковое и культурное разнообразие в современном обществе

В сборник вошли научные работы участников Международной научно-практической конференции «Роль этнического, языкового и культурного разнообразия в современном обществе», которая состоялась в г. Могилеве 29–30 мая 2014 г. на базе кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия (Республика Беларусь). Участие в подготовке и проведении конференции также принимали – Институт истории Национальной академии наук Беларуси и Европейский центр по вопросам меньшинств (European Centre for Minority Issues) из Германии.

Содержание сборника составили доклады ученых из Беларуси, Германии, Грузии, Казахстана, России, Сербии и Украины, в которых анализируются теоретические и практические аспекты этнического, языкового и культурного разнообразия, а также исторические предпосылки его формирования.

Конференция проводилась с целью обсуждения результатов научно-исследовательской работы «Роль национальных меньшинств в обеспечении устойчивого поступательного развития белорусского общества в новейшей истории Беларуси» (№ госрегистрации 20112416, научный руководитель – И.А. Пушкин) Государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» (2011–2015 гг.), которая выполнялась в 2011–2013 гг. сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия.

Ethnic, linguistic and cultural diversity in modern society

Scientific papers of the participants of the International theoretical and practical conference “The role of ethnic, linguistic and cultural diversity in modern society” held in Mogilev on May, 29–30, 2014 at the department of the Humanities of Mogilev State University of Food Technologies (the Republic of Belarus) are presented in the miscellany. The Institute of the History of the National Academy of Sciences and European Centre for Minority Issues (Germany) have been also involved in preparing and holding the conference.

The reports of the scientists from Belarus, Germany, Georgia, Kazakhstan, Russia, Serbia and Ukraine analyzing theoretical and practical aspects of ethnic, linguistic and cultural diversity as well as historical preconditions of its formation make up the miscellany .

The conference was aimed at the discussion of the results of research work “The role of ethnic minorities in securing a progressive steady development of the Belarusian society in modern history of Belarus” (research supervisor – I.A. Pushkin) of the State programme of the research “History , culture, society, state” (2011–2015) carried out in 2011–2013 years by the research workers of the department of the Humanities of Mogilev State University of Food Technologies.

Ethnische, Sprach-und Kultur-Vielfältigkeit in der gegenwärtigen Gesellschaft

Der Sammelband enthält wissenschaftliche Artikel der Teilnehmer von der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz zum Thema : „Die Rolle der ethnischen, Sprach-und Kultur-Vielfältigkeit in der gegenwärtigen Gesellschaft“, die vom 29. bis zum 30. Mai 2014 in Mogilew auf der Grundlage des Lehrstuhls für geisteswissenschaftliche Disziplinen der Mogilewer Staatlichen Universität für Lebensmittel (Republik Belarus) stattgefunden hat.

An der Vorbereitung und Durchführung der Konferenz haben auch das Institut für Geschichte der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Belarus und das Europäische Zentrum für Angelegenheiten von nationalen Minderheiten (European Centre for Minority Issues) teilgenommen.

Der Band beinhaltet Vorträge der Wissenschaftler aus Belarus, Deutschland, Georgien, Kasachstan, Russland, Serbien und der Ukraine, in denen theoretische und praktische Aspekte der ethnischen, Sprach-und Kultur-Vielfältigkeit sowie historische Voraussetzungen deren Gestaltung analysiert werden.

Das Ziel der Konferenz war, die Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschungsarbeit zum Thema: „Die Rolle der nationalen Minderheiten bei der Gewährleistung von stabiler progressiver Entwicklung der belorussischen Gesellschaft in der neuesten Geschichte von Belarus“ (der Forschungsleiter ist I.A. Puschkin) des Staatlichen Forschungsprogramms zum Thema : “Geschichte, Kultur, Gesellschaft, der Staat” (2011–2015) zu besprechen, die von den Mitgliedern des Lehrstuhls für geisteswissenschaftliche Disziplinen der Mogilewer Staatlichen Universität für Lebensmittel durchgeführt wurde.

Etnická, jazyková a kulturní rozmanitost v současné společnosti

Sborník obsahuje vědecké práce účastníků mezinárodní vědecko-praktické konference "Úloha etnické, jazykové a kulturní rozmanitosti v současné společnosti", která se konala v Mogilevě ve dnech 29. – 30. května 2014 na Katedře humanitních disciplín Mogilevské státní potravinářské univerzity (Bělorusko). Na přípravě a konání konference se zúčastnil také Institut dějin Národní akademie věd Běloruska a Evropské centrum pro záležitosti menšin (European Centre for Minority Issues) z Německa.

Sborník obsahuje příspěvky vědců z Běloruska, Německa, Gruzie, Kazachstánu, Ruska, Srbska a Ukrajiny, ve kterých jsou analyzováni teoretické a praktické aspekty etnické, jazykové a kulturní rozmanitosti a taky historické předpoklady zformování této rozmanitosti.

Konference se konala s cílem projednání výsledků výzkumné práce "Role národnostních menšin při zajišťování stabilního a postupního rozvoje běloruské společnosti v novodobé historii Běloruska" (vědecký vedoucí – Puškin I. A.) Státního programu výzkumu "Dějiny, kultura, společnost, stát" (2011–2015), který byl proveden v letech 2011–2013 pracovníky Katedry humanitních disciplín Mogilevské státní potravinářské university.

ЗМЕСТ

Шаршунов В.А.	Созидательная роль национальных общностей в обеспечении устойчивого поступательного развития общества	11
РАЗДЕЛ 1. СУЧАСНАЕ ГРАМАДСТВА Ў ЯГО ЭТНІЧНАЙ І КУЛЬТУРНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ		
Бабосов Е.М.	Структурная архитектура белорусской модели этнокультурного развития	13
Пушкін І.А., Бубнаў Ю.М.	Роль нацыянальных меншасцей у забеспячэнні ўстойлівага паступальнага развіцця беларускага грамадства ў навейшай гісторыі Беларусі	18
Осипов А.Г.	Парадигма транзита, неопатримониализм и этнические отношения в постсоветском пространстве	25
Рогозина О.Л.	Роль традиций в формировании национально-культурной идентичности в современном мире	30
Марзалюк І.А.	Уплыў канфесійнага фактара на фарміраванне этнічнай і нацыянальнай свядомасці насельніцтва Беларусі ў XIV – XXI стст.	33
Смехович Н.В.	Белорусская государственность и этнокультурное разнообразие общества (опыт теоретико-методологического осмысления проблемы)	36
Старостенко В.В.	К вопросу об истоках религиозной толерантности в Беларуси	43
Трусаў А.А.	Ад літвінскай ментальнасці да беларускай самасвядомасці	47
Лыч Л.М.	Моўны фактар разнастайнасці культурнага жыцця БССР (1 студзеня 1919 – 1 студзеня 1929 гг.)	53
Мазец В.Г.	Міграцыйныя працэсы як фактар фарміравання этнічнай разнастайнасці	57
Макрушич Е.Н.	Факторы сохранения культурной самобытности этнических общностей в современном обществе	62
Липницкий В.В.	О концепции государственной этнокультурной (национальной) политики Республики Беларусь	66
Строгальщикова З.И.	О ходе подготовки стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: содержание и итоги дискуссий	71
Масненко В.В.	Современное языковое законодательство и проблемы образования в контексте этнокультурной структуры населения Украины	75
Васілевіч Г.А.	Палітыка моўнай разнастайнасці ў Беларусі	80

Петрова Е.	«Маркеры толерантности» в конструировании фантомных границ (опыт одесского региона)	83
Капцов А.В.	Общность и различие личностных ценностей как фактор развития личности	90
Бунас А.У.	Некаторыя рысы да сацыялінгвістычнага партрэта сучаснага беларуса	95
Агееў А.Р.	Метадалагічныя аспекты этнічнай, моўнай і рэлігійнай разнастайнасці ў працэсе вывучэння курса “Этналогія Беларусі”	100

РАЗДЕЛ 2. ТЭАРЭТЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ ЭТНІЧНАЙ, МОЎНАЙ І КУЛЬТУРНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ

Аленькова Ю.В.	Культурный Другой в эпоху глобализации	105
Афанасьева Л.В., Буценко А.А.	Пространство взаимопонимания и возможностей	110
Вахнин Н.А., Вахнина Е.Г.	Эгалитаризм информационной культуры общества и проблемы идентичности	114
Миськевич В.И.	Белорусский менталитет как проблема междисциплинарного дискурса	119
Бабосова Е.С.	Структура и характер этнонациональной идентичности в Беларуси	124
Цюрупа М.В.	Украинская военно-гуманитарная традиция в контексте этнокультур Востока и Запада: история становления	128
Сулимов С.И., Черниговских И.В.	Механизм возникновения антисистемы (на примере гуситского движения)	132
Жарын Д.В.	Культурна-цывілізацыйны аспект дзейнасці Ганзы ва Усходняй Еўропе ў XIII – пач. XVI стст: гістарычныя магчымасці для сучаснай Беларусі	137
Ганус С.А.	Гуманистические коннотации немецкой просветительской исторической мысли XVIII в.	141
Стрелец М.В.	Еврейское искусство в германской истории нового времени	146
Матюшевская М.И.	Метод социологического портретирования культурного разнообразия в Московской школе историков конца XIX – начала XX века	151
Благоевич М.	Оспоравања секуларизационе парадигме и десекуларизација савременог света и српског друштва	156
Грабовская И.Н., Талько Т.Н.	Проблемы религиозной самоидентификации в контексте формирования этнонациональной идентичности современных украинцев	162

Яроцкая Ю.А.	Диалог христианства и буддизма в Японии	166
Буднік В.В.	Этнарэлігійнае ўзаемадзеянне ўсходнеславянскіх народаў (на прыкладзе ўсходнепалескага рэгіёна)	171
Сазонова Н.Н.	Гражданское общество, политическая культура – тренды мировой истории	174
Рудковский Э.И.	Интернационализация современного социума и идеология	177
Жуков В.З.	Условия позитивных отношений между носителями мультикультур и основной культуры в Беларуси	180
Мельникова А.И.	Уполномоченный по правам человека: история и реальность	182
Каркин Ю.В.	Общение – главный педагогический фактор в работе сотрудника МЧС Республики Беларусь	184
Лявіцкі А.М.	Беларуская гістарыяграфія пасля 1991 года: плюралістычнасць гістарычнага тэксту як адлюстраванне культурнай гетэрагеннасці грамадства	187
Пронкевич А.В.	«Наше все» в эпоху глобализации: А.С.Пушкин – герой мультфильмов	192
Синкевич Т.И.	Топонимы как средство создания ономастического пространства (на примере сказок П.П.Бажова)	196
Рубінчык У.П.	“Яўрэйскія тэмы” ў творчасці Васіля Быкава	199
Маюк Е.П.	Паремиологические эквиваленты с образной национальной спецификой (на материале белорусских и английских паремий)	204
Шпакоўская В.А.	Характарыстыка ключавога слова ў беларускіх літаратурных афарызмах	208
Канавалава І.С.	Беларускія антыпрыказкі і іх прадметна-тэматычная класіфікацыя	210
Бачкова С.У.	Інтэртэкстуальныя сувязі ў мове беларускай мастацкай літаратуры	213
Лазаревич Е.М.	Табу и эвфемизмы как отражение этнического, языкового и культурного разнообразия в современном обществе (на материале русского языка)	217
Яскевич О.В.	Православная проповедь в парадигме современного русского литературного языка	220

РАЗДЕЛ 3. ГІСТАРЫЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ ФАРМІРАВАННЯ І ПРАКТЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ РЭАЛІЗАЦЫІ ЭТНІЧНАЙ, МОЎНАЙ І КУЛЬТУРНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ

Багдановіч А.Б.	Перадумовы фарміравання этнічнай самасвядомасці беларусаў	224
Грэбень Н.Ф.	Псіхалагічныя асновы талерантнасці беларусаў	227
Митяй С., Орлов А.	Толерантность как основа межэтнических отношений народов Запорожского Приазовья	229
Тесленко А.Н.	Социолінгвістычнае прастранства Казахстана: праблемы і тэндэнцыі развіцця	234
Арабаджы Е.С.	Реализация этнонациональной государственной политики по изучению и сохранению родных языков (на примере национальных меньшинств Запорожской области Украины)	238
Падгайскай Л.І.	Моўныя практыкі жыхароў Беларусі	243
Прысяжнюк Ю.П., Бережная Н.А.	Институционализация армянских общин в 1990–2000-х гг. (на материалах Центральной Украины)	247
Тухашвілі М.В.	Влияние миграционных процессов на проживающие в Грузии диаспоры в постсоветском периоде	252
Азарных Н.А.	Психологические проблемы в условиях преднамеренной миграции	256
Азарных Т.Д.	Вынужденная миграция и посттравматические стрессы	260
Бедуліна Г.Ф.	Формирование коммуникативной культуры современных обучающихся в контексте белорусского менталитета	262
Мариненка О.П.	Особенности адаптации иностранных студентов, получающих образование в Республике Беларусь	267
Быковская Г.А., Карташова Е.Ю., Мирошнічэнка Е.Н.	Особенности методических подходов к работе с иностранными студентами	269
Ефимчик О.Е.	Специфика работы с туркменскими студентами в преподавании русского языка как иностранного	274
Канашевіч- Адыгезалова Д.А.	Группы сацыяльнай падтрымкі ў ўмовах міжкультурнай камунікацыі ў ўчебным працэсе	276
Выборный В.Д.	Влияние региональных СМИ на процесс формирования национального самосознания подрастающего поколения	281
Букреева И.В., Глінская Л.Ф.	Отношение студенческой молодежи к этнической функции языка	285

Юрис С.А., Нарижная Е.П.	Немецкие переселенцы-анабаптисты на землях Российской империи: белорусско-украинское пограничье	289
Сидоренко Б.И.	Русский компонент в общественно-политической жизни Могилева XIX века	292
Кривопалова Н.Ю.	Деятельность немецкой интеллигенции как фактор социокультурного развития Самары во второй половине XIX – начале XX вв.	296
Кузьмин А.Д.	Национальный и конфессиональный состав чиновничества белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX веков»	299
Грудзіна А.П. Новик Н.Е.	Яўрэі Шклова Политика российского правительства по формированию этнического состава учащихся профессиональных учебных заведений Беларуси в начале XX в.	303 308
Юдин В.В.	Становление правового обеспечения политики Советской власти в отношении религии и церкви	312
Зайцева О.О.	Проблемы взаимоотношений на предприятиях Петрограда-Ленинграда в начале 1920-х годов как исторический пример формирования производственной субкультуры	316
Шаўчук І.І., Карзенка Г.У. Альховік М.К.	Спроба стварэння Інстытута яўрэйскай культуры Фактар беларускай мовы ў грамадска-палітычным жыцці БССР у 1933–1939 гг.	318 323
Костеров А.П.	Культурная жизнь Могилева накануне Великой Отечественной войны	328
Грыбава С.У.	Беларускія татары ў складзе партызанскіх фарміраванняў усходніх абласцей БССР падчас Вялікай Айчыннай вайны	332
Ковалев Е.А.	Кладбища, как предмет изучения при исследовании истории и культуры нацменьшинств на территории отселенных деревень Чернобыльской зоны	337
Горбунов И.В.	Сохранение и популяризации культурного наследия на примере создания экспозиций музеев Могилева периода 2000–2006 гг.	339
Лимаренко А.П., Прилепко Е.М. Яковук Т.И.	Социокультурные процессы в современной белорусской семье Современное путешествие как возможность освоения нового социокультурного пространства	343 347
ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ		351

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОГО ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Актуальность исследования этнического, языкового и культурного разнообразия определяется важностью для современного мира формирования у населения, особенно у молодежи, мировоззрения на основе общечеловеческих гуманистических принципов, осознания невозможности конфронтации людей по национальным и иным признакам. Без этого невозможно сохранение историко-культурного наследия такого многонационального народа, как белорусский, и формирование идеологических основ дальнейшего успешного развития белорусской государственности.

На современном этапе развития человеческой цивилизации большое значение имеет объективная оценка места и роли национальных общностей в жизни государств, их деятельности в различных объединениях, политических партиях и организациях. Без анализа отношений официальных органов власти к национальным общностям, их участия в общественно-политической жизни и социально-правового статуса, всестороннего изучения альтернативных путей общественного развития, определения роли национальных организаций в современном обществе невозможно выработать глубоко продуманную, соответствующую интересам страны и народа государственную политику.

В период новейшей истории во многих странах усилились процессы консолидации этнических групп, повысился уровень этнического и национального самосознания. В результате стало наблюдаться резкое возрастание интереса к родному языку, традициям, культуре, особенно к национальной культуре как носителю этнической самобытности. В то же время обострились межэтнические отношения.

Республика Беларусь является унитарным государством, в котором проживают представители разных национальностей. Всего в стране проживают около 9,5 млн. человек. На протяжении столетий на этой земле мирно жили и трудились “бок о бок” белорусы, русские, поляки, украинцы, евреи и представители других народов. Внутренний и внешнеполитические курсы Республики Беларусь ориентированы на самобытность страны, формирование правового общества с социально ориентированной рыночной экономикой и определяется как “политика згоды (согласия)”. Внимание правительства акцентировано на объединение белорусского народа в составе государства, где будут гарантированы права человека каждой национальности. После референдума 1996 г. в Конституции термин “национальные меньшинства” был заменен термином “национальные общности”, под которым понимаются все национальности, проживающие на территории страны.

В Беларуси отсутствуют предпосылки и условия для острых конфликтов на этнической, расовой, лингвистической и конфессиональной основе. Такое положение объясняется не только менталитетом белорусского народа, историческими традициями мирного межэтнического сотрудничества, но и взвешенной национально-государственной политикой, прогрессивным законодательством в сфере межнациональных отношений.

В условиях поступательного развития белорусского общества Конституция и законодательство Республики Беларусь в сфере межнациональных отношений позволяют проводить в жизнь принципы национальной политики, направленной на свободное развитие культур, языков, традиций всех национальных общностей на основе равенства, уважения и учета их прав и интересов, а также поддержки со стороны государства в реализации данных прав.

Одновременно с этим есть в Республике Беларусь и проблемы, требующие решения, в том числе и в сфере межнационального общения. Поэтому сегодня крайне необходимо обобщить положительный опыт участия национальных общностей в общественно-политических процессах, их созидательной роли в обеспечении устойчивого поступательного развития общества в новейшей истории Беларуси и других государств.

Коллектив нашего университета не мог остаться в стороне от изучения процессов общественно-политической и культурной жизни современного общества и возможностей использования накопленного опыта в практической и учебно-воспитательной деятельности. В 2011–2013 гг. сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин нашего университета в рамках Государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» (2011–2015 гг.) выполнялась НИР «Роль национальных меньшинств в обеспечении устойчивого поступательного развития белорусского общества в новейшей истории Беларуси» (научный руководитель – И.А. Пушкин).

С целью развития международного сотрудничества и кооперации, обобщения результатов научных исследований в области гуманитарных наук как фактора развития белорусского общества и государственной идеологии на базе кафедры гуманитарных дисциплин нашего университета 29–30 мая 2014 г. была организована Международная научно-практическая конференция «Роль этнического, языкового и культурного разнообразия в современном обществе». В подготовке и проведении конференции также принимали участие – Институт истории Национальной академии наук Беларуси и Европейский центр по вопросам меньшинств из Германии.

Результатом стал сборник “Этническое, языковое и культурное разнообразие в современном обществе”, включающий в себя научные работы ученых из Беларуси, Германии, Грузии, Казахстана, России, Сербии и Украины, в которых анализируются теоретические и практические аспекты этнического, языкового и культурного разнообразия, а также исторические предпосылки его формирования. Итогом работы коллективного разума учёных из многих стран стало не только описание этнокультурных процессов, но и выработка конкретных, научно обоснованных предложений, направленных на гармонизацию межэтнических отношений в современном обществе. Надеемся на то, что труд исследователей не пропадёт даром и будет способствовать стабильному общественному прогрессу.

Доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси,
ректор учреждения образования «Могилевский
государственный университет продовольствия»

В.А. Шаршунов

РАЗДЕЛ 1

СУЧАСНАЕ ГРАМАДСТВА Ў ЯГО ЭТНІЧНАЙ І КУЛЬТУРНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ

Е.М. Бабосов (Минск, Беларусь)

СТРУКТУРНАЯ АРХИТЕКТОНІКА БЕЛОРУССКОЙ МОДЕЛИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

В начале XXI века резко актуализировались проблемы этничности, этнической идентификации и этнокультурного развития индивидов и социальных групп.

Этническая идентификация в своем реальном воплощении предстает как процесс восприятия и осознания личностью или группой своей тождественности с определенным этносом и реальной включенности их в усвоение идеалов, ценностей и норм вполне определенной этнической (позже – национальной) культуры. Этническая же группа функционирует в качестве социальной общности людей, обладающей общей этнической идентичностью, воплощающей в себе такие элементы групповой общности, как единство территории, языка, религии, культуры, обычаев, традиций, осознание общности происхождения и исторической судьбы.

Этнокультурное развитие представляет собой многогранный процесс взаимодействия индивидов и групп внутри данного этноса либо между этносами посредством социокультурных атрибутов ценностей культуры, языка, традиций, обычаев, менталитета. Оно воплощается в социально-экономическом, политическом, культурном, духовном развитии этнокультурных сообществ, функционирующих в специфических условиях данной страны, и интегрирует в себе не только ее этническое и религиозное многообразие, но и общестрановой приоритет, идентичность всех ее граждан. Этнокультурное развитие, если оно протекает в условиях государственного суверенитета и полиэтничного состава населения страны, предполагает перенесение акцента с национального государственного и национально-территориального принципа организации общественной жизни на национально-культурные (этнокультурные) взаимодействия. Такие взаимодействия призваны обеспечивать свободу и равенство социокультурного самоопределения и самовыражения каждого индивида или социальной группы независимо от их принадлежности к той или иной этнической общности. Очень важна при этом такая реализация принципов этнокультурного развития, при которой личные культурные интересы и ориентации не подчинялись беспрекословно этнонациональным, а гармонично сочетались бы с ними.

Каждый народ, каждая страна в условиях нарастающей в XXI в. нелинейности, непредсказуемости основных трендов своего социально-экономического и социокультурного развития вырабатывает свою собственную модель этнокультурных взаимодействий, вытекающую из самобытности ее культуры и исторической судьбы. Поэтому белорусская модель этнокультурного развития должна быть своеобразной, характерной именно для Беларуси. Она должна отличаться специфическими особенностями и от российской, и от казахской, и от литовской, и от любой другой страновой модели такого развития.

Что же представляет собой такая модель?

Теоретическая модель этнокультурного развития – это система целей, принципов, своеобразных особенностей, параметров совершенствования, намечаемых политической и научной элитой страны по отношению к социокультурным процессам, к существующим в ней этническим общностям, их взаимодействиям и направлениям их консолидации.

Теоретическая и практическая значимость такой модели предопределяется тем, что она способна не только отражать и выразить существующие в обществе процессы этнического и культурного развития, но и конструировать возможные направления их изменений, содействовать выбору наиболее благоприятных для человека и общества их альтернатив.

Модель этнокультурного развития в своей содержательной сущности и в своей прогностической ориентированности призвана служить важным составным компонентом конструирования и конституирования благоприятной для жизнедеятельности различных этнических и социокультурных групп социальной реальности. Но чтобы оказаться действенной и эффективной в своей практической реализации, она должна опираться на исторические традиции народа, выражать в обобщенной, теоретической форме базисные ценности народа, его надежды и стремления. Поэтому исходным системообразующим началом такой модели становятся менталитет и традиционные ценности.

Менталитет (от англ. *Mentality* – склад ума, мироощущение) представляет собой глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, умонастроения, мироощущения, интеллектуально-психологических установок и представлений, выражающих самобытное осознание разделяющими его людьми окружающей реальности и определенным образом ориентирующих социальное поведение и стремления индивидов и групп, составляющих данный народ со свойственной ему системой ценностей. В этом смысле говорят о менталитете белорусов, русских, немцев, англичан и т.п. В зависимости от особенностей менталитета нация, народ, иная социальная общность обладают меньшей или большей восприимчивостью к определенному типу политического устройства общества и власти, социокультурных ценностей и норм, идеологии, социального поведения. Доминирующий в обществе менталитет обеспечивает историческую, социально-культурную, этнонациональную преемственность, а также социальное единство народа на основе его базисных ценностей, их воспроизведение и обогащение в изменяющихся социально-экономических и культурных условиях.

Выступая в качестве интегральной характеристики достаточно обширной общности людей, живущих в определенной системе культуры, менталитет народа обладает несколькими характерными особенностями:

а) он представляет собой специфический синтез воззрений, чувств, образов, верований, лежащих в основе представлений людей о мире и о своем месте в нем, и, следовательно, позволяет членам данного сообщества воспринимать и оценивать окружающие их процессы и события более или менее одинаково;

б) задавая определенные параметры восприятия и оценки окружающей действительности и поступков людей, их одобрения либо порицания, он

детерминирует типичные способы поведения и образа жизни, свойственные представителям данного народа;

в) воплощая в себе характерные для данного народа интересы, склонности, верования, убеждения и идеалы, он формирует свойственную этому народу иерархию ценностей и ценностных ориентации.

Вследствие взаимосвязанного действия отмеченных особенностей основные характеристики менталитета в решающей степени определяются сложившейся на протяжении веков и ограниваемой историческим опытом народа совокупностью базовых ценностей. Для белорусского народа такими именно базовыми ценностями являются преданность Родине, высокая значимость соборной общности («громады» и «толоки»), трудолюбия, доброжелательности, толерантности, свободы и независимости личности, терпеливости и социальной справедливости. Именно эти ценности в своем непрекращающемся, исторически длительном и социально устойчивом взаимодействии составляют системообразующий каркас белорусского национального менталитета, воплощенного в национально-государственном существовании народа.

Проведенные в мониторинговом режиме Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси социологические исследования выявили устойчивый рост таких показателей этнокультурного развития, как осознание этнической и гражданской принадлежности, повышение их значимости. Так, например, в ноябре 2012 года 46,2 % опрошенных социологами граждан Беларуси утверждали, что для них важна их национальная принадлежность, но еще большее их количество – 52,9 % отметили значительную важность для них белорусского гражданства. Год спустя, в конце октября 2013 года только 4 % опрошенных считали, что в нашей стране встречаются проявления (в большинстве случаев в бытовой сфере) дискриминации по языковому и национальному признакам, но в то же время 71,8 % лиц, принимавших участие в опросе, выразили убеждение в том, что в Беларуси нет дискриминации по национальному признаку, а 71,6 % – по языковому признаку (при 18,5 % не ответивших однозначно на заданные вопросы).

Именно такая ситуация в этногражданской сфере белорусского общества находит свое выражение в одном из основных компонентов белорусской модели этнокультурного развития, каковым является забота государства, общественных организаций и социокультурных фондов о сохранении культурного наследия. В статье 54 Конституции Республики Беларусь провозглашается, что «каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности».

Такая ориентированность проводимой в нашей стране политики этнокультурного развития не только декларируется, но и находит конкретное воплощение в жизненных устремлениях значительной части граждан. Проведенный в ноябре 2013 года общереспубликанский социологический опрос показал, что каждый пятый из числа опрошенных считает очень важным сохранение национальных традиций и обычаев, а в среде служащих и специалистов непромышленной сферы (учителя, врачи и т.п.) такую позицию занимают 26,3 % от общего количества опрошенных. При этом они отчетливо осознают, что сохранение и защита культурного развития предполагает расширение масштабов культурного разнообразия, составляющих одно из важнейших условий благотворного для человека

этнокультурного развития. Белорусская модель такого развития предусматривает мониторинг состояния культурного наследия, поддержку культурного наследия на основе единения усилий представителей всех форм собственности – государственной, частной, смешанной, акционерной, которые должны заботиться о нем как о национальном достоянии и национальной гордости.

С этим органично связан еще один элемент белорусской модели этнокультурного развития – усиление социокультурной, воспитательной и социально-политической роли этнической и религиозной традиции народа.

Важной составной частью белорусской модели этнокультурного развития является рассмотрение и осуществление всего многообразия социокультурных и этноконфессиональных изменений как составной и неотъемлемой части общей стратегии Республики Беларусь – обеспечение устойчивого социально-экономического, политического и социокультурного, инновационного развития страны.

К числу системообразующих элементов белорусской модели этнокультурного развития относится создание благоприятных экономических, социальных, политических, социокультурных условий и предпосылок сближения этнокультурных и вероисповедных сообществ, их консолидации в процессе решения общей для всех этнических групп задачи – формирование общебелорусской гражданской идентичности, объединяющей всех граждан независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Тот факт, что с гражданами Беларуси ощущают свою духовную и политическую близость свыше 56% населения, в состав которого входят и этнические белорусы, и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и татары, и представители других этнических групп, свидетельствует о достаточно эффективной работе по формированию общебелорусской гражданской идентичности. Такая идентичность не может быть только национальной.

Национальная идея или этническая группа объединяет людей по критерию одинаковости – одинаковости этнического происхождения, языка, культуры, этнического самосознания. Гражданская же идентичность может и должна объединять людей не только одинаковых, но и разных и по этническому происхождению, и по языку, и по конфессиональным признакам, и по социокультурным и политическим ориентациям. Она является объединением различающихся, но объединением по более обобщенному, чем этничность, критерию, каковым может быть гражданская идентичность, т.е. отождествление индивида или группы со своим государством.

Белорусская модель этнокультурного развития предполагает реализацию жизненных интересов граждан всех национальностей, поэтому в ней предусматривается наличие некоей более широкой интерпретационной матрицы, которая бы объединяла не только людей, различных по своим этнокультурным характеристикам, но и людей, обладающих одинаковыми и существенными признаками, благодаря которым они консолидируются в предельно широкую социальную общность – белорусский народ. Этим принципом является гражданская принадлежность человека к белорусскому государству как независимой, суверенной стране. Ввиду наличия такой всеобъемлющей для страны консолидирующей силы этнокультурные особенности белорусов,

русских, украинцев и представителей других национальностей, проживающих в Беларуси, оказываются тесно связанными с идеей и осуществлением гражданственности, с реализацией этнонациональной политики белорусского государства. Поэтому одним из существенных элементов белорусской модели этнокультурного развития является формирование общебелорусской идентичности у всех граждан Беларуси вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности. Фактически здесь речь идет о формировании гражданской солидарности всех жителей страны и социальной общности – единый белорусский народ.

Поскольку важным приоритетом в осуществлении государственной национальной политики в многоэтничной стране является формирование общегражданской идентичности, постольку в структурной архитектонике белорусской модели этнокультурного развития существенное место отводится противодействию этнополитическому экстремизму. В статье 50 Конституции Республики Беларусь подчеркивается, что «оскорбление национального достоинства преследуется по закону». А статья 5 констатирует, что в Беларуси запрещается деятельность партий и других общественных объединений, ведущих пропаганду «социальной, национальной, религиозной и расовой вражды».

В демократическом обществе, где обеспечивается реальный плюрализм мнений, мировоззрений, оценок и жизненных позиций, а навязывание определенных догматических установок исключено, создаются реальные условия для свободного волеизъявления гражданами в их отношении к определению своей национальности. Поэтому одним из элементов белорусской модели этнокультурного развития является свободное определение каждым гражданином своей национальной принадлежности.

Этот принцип органически связан с другим, без которого он не получает простора для своей реализации. Сущность этого другого принципа заключается в создании государственных гарантий и возможностей для реализации интересов граждан всех национальностей, проживающих на территории Республики Беларусь. В этом и состоит еще один важный элемент белорусской модели этнокультурного развития. Современная Беларусь, как и большинство стран мира, является многонациональным государством. В ней проживают без каких-либо серьезных межнациональных и межконфессиональных конфликтов не только белорусы, составляющие более 83% населения, но и большие группы русских (свыше 18%), украинцев, поляков, литовцев, татар, евреев и других этнических общностей. В стране функционирует целый ряд этнокультурных объединений, например, Союз поляков Беларуси, Еврейский культурный центр и др., издаются газеты, осуществляются радиопередачи, ведутся уроки в школах не только на белорусском и русском, но и на украинском, польском, еврейском и других языках. Это означает, что в Беларуси усилиями государства, национальных объединений, широкой общественности создаются благоприятные условия для развития институтов гражданского общества в этнокультурной среде. В этом заключается еще один элемент белорусской модели этнокультурного развития.

Белорусская модель этнокультурного развития включает в себя в качестве структурного элемента обеспечение этнонациональной и этнокультурной безопасности, которая по своему характеру и источникам угроз может быть классифицирована в качестве внутренней и внешней. Внутренняя этнокультурная безопасность означает обеспечение устойчивого функционирования, воспроизводства и развития культур всех национальных групп и этнических общностей, сохранение их этнической идентичности и участие в свободном межэтническом взаимообмене культурными ценностями, нейтрализацию причин и условий, способствующих возникновению конфликтов на национальной и религиозной почве, пресечение любых проявлений этнической дискриминации и этнополитического экстремизма, национальной и религиозной вражды. Целенаправленная и хорошо скоординированная реализация данной модели этнокультурного развития способна оказать эффективное воздействие на успешное развитие межнациональных и этноконфессиональных взаимодействий в стране, совершенствование этнокультурных процессов в интересах личности, общества и государства.

І.А. Пушкін, Ю.М. Бубнаў (Магілёў, Беларусь)

РОЛЬ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ МЕНШАСЦЕЙ У ЗАБЕСПЯЧЭННІ ЎСТОЙЛІВАГА ПАСТУПАЛЬНАГА РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА Ў НАВЕЙШАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

У Рэспубліцы Беларусь пражываюць каля 9,5 млн. чалавек. Згодна перапісу насельніцтва 2009 г. 83,7% жыхароў краіны – беларусы, 8,3% – рускія, 3,1 % – палякі, 1,7 % – украінцы, 0,1 % – яўрэі, 3,1 % – іншыя (з іх 2,4 % не ўказалі нацыянальнасць). Калі параўноўваць колькасць прадстаўнікоў розных нацыянальнасцей з папярэднімі перапісамі 1989, 1999 гг., то павялічылася колькасць армян, азербайджанцаў, арабаў, грузін, асецін, таджыкаў, туркмен; паменшылася колькасць амаль усіх іншых нацыянальнасцей (яўрэяў, рускіх, украінцаў, палякаў, татар, літоўцаў, латышоў, эстонцаў і інш.). Значна скарацілася колькасць яўрэяў, што звязана з ад’ездам апошніх за межы Беларусі. Працэнт рускіх стаў адпавядаць 1959 г., калі стаў пашырацца працэс русіфікацыі, які быў выкліканы пабудовай новай супольнасці людзей – савецкі народ. У 2009 г. амаль у 4 разы павялічылася колькасць тых нацыянальнасцей, якія з’явіліся ў Беларусі, у пасляваенны час і ў перыяд існавання незалежнай Рэспублікі Беларусь [7; 12, с. 306].

У разглядаемы перыяд прадстаўнікі большасці нацыянальных меншасцей пражывалі па ўсёй тэрыторыі Рэспублікі Беларусь дысперсна, у асноўным у гарадскіх пасёлках, і займалі даволі высокія статусныя пазіцыі (за выключэннем некаторых, напрыклад, цыгане) у сацыяльнай структуры, эканоміцы, палітыцы і культуры беларускага грамадства. Гэта тлумачыцца тым, што нацыянальныя групы актыўна папаўняліся, яшчэ ў перыяд існавання СССР, за кошт высокаадукаваных мігрантаў з іншых саюзных рэспублік.

У Беларусі дзейнічалі каля 125 грамадскіх арганізацый (ГА) і іх саюзаў, якія прадстаўлялі 24 нацыянальныя супольнасці. Сярод арганізацый (2005 г.) –

47 яўрэйскіх, 12 польскіх, 9 нямецкіх, па 8 рускіх і літоўскіх, па 5 азербайджанскіх, украінскіх і татарскіх, 3 армянскіх, 4 цыганскіх, па 2 грэчаскія і грузінскія. У Рэспубліцы Беларусь, таксама, былі нацыянальныя арганізацыі арабаў, афганцаў, башкіраў, грузінаў, дагестанцаў, казахаў, карэйцаў, латышоў, малдаван, сірыйцаў, туркаў, чувашоў, эстонцаў [1; 13, с. 118–120]. 38 арганізацый мелі статус міжнародных і рэспубліканскіх.

Па выніках выканання навукова-даследчай працы “Роль нацыянальных меншасцей у забеспячэнні ўстойлівага паступальнага развіцця беларускага грамадства ў навейшай гісторыі Беларусі”, якая выконвалася ў 2011–2013 гг. у межах ДПНД «Гісторыя, культура, грамадства, дзяржава» на 2011–2015 гг. (№ дзяржрэгістрацыі 20112416) калектывам выкладчыкаў кафедры гуманітарных дысцыплін установы адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання” зроблены шэраг абагульненняў і высноў.

Усім зразумела, што роля і ўплыў на развіццё грамадства у першую чаргу залежаць ад нацыянальна-дзяржаўнай палітыцы, якая праводзіцца ў краіне. Канстытуцыя і заканадаўства Рэспублікі Беларусь у сферы міжнацыянальных адносін дазвалялі праводзіць у жыццё прынцыпы нацыянальнай палітыкі, накіраванай на адносна свабоднае развіццё культур, моў, традыцый усіх нацыянальных меншасцей на аснове роўнасці, павагі і ўліку іх правоў і інтарэсаў, а таксама пэўнай падтрымкі з боку дзяржавы ў здзяйсненні дадзеных правоў. Асобы, якія займалі вышэйшыя дзяржаўныя пасады ў нашай краіне неаднаразова падкрэслівалі сваю прынцыповую пазіцыю аб прытрымліванні агульнапрызнаных прынцыпаў і норм, выкананні добраахвотна ўзятых на сябе абавязкаў у дадзенай сферы, у поўным выкананні абвешчаных дэмакратычных прынцыпаў нацыянальнай палітыкі [8; 11].

На нацыянальна-дзяржаўную палітыку аказвалі пэўны ўплыў і знешнепалітычныя фактары. У прыватнасці, падтрымка дзейнасці ГА нацыянальных меншасцей была выклікана спробамі ўладаў Рэспублікі Беларусь пераадолець крызіс у знешнепалітычных стасунках з шэрагам краін і для паляпшэння эканамічных, палітычных адносін з краінамі паходжання нацыянальных меншасцей Беларусі.

Нарматыўна-прававая база стварыла досыць камфортныя ўмовы для развіцця культур нацыянальных меншасцей і задавальнення іх этнакультурных запатрабаванняў. Дзяржава спрыяла развіццю культур усіх нацыянальных меншасцей, якія жылі ў краіне. Гэта забяспечвалася добраўпарадкаванай і разгалінаванай сістэмай дзеянняў дзяржаўных органаў улады ў галіне пратэктыві правоў нацыянальных меншасцей, асабліва пасля стварэння органаў, адказных за правядзенне нацыянальна-канфесійнай палітыкі: Рэспубліканскага цэнтра нацыянальных культур, які ўваходзіў у склад Міністэрства культуры, Кардынацыйнай рады па справах нацыянальных меншасцей (1995–1997 гг.), Дзяржаўнага камітэта па справах рэлігій і нацыянальнасцей (1997–2001 гг.), у 2002–2006 гг. – Камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей, з 2006 г. – Упаўнаважаны па справах рэлігій і нацыянальнасцей [10].

Прыярытэт у дзейнасці адпаведных дзяржаўных органаў Рэспублікі Беларусь атрымоўвалі праекты, праграмы і мерапрыемствы, якія мелі

інтэрнацыянальны і міжкультурны характар, былі накіраваны на здзяйсненне і развіццё міжнацыянальнага дыялогу.

Аналіз крыніц дазваляе сцвярджаць, што структуры прадстаўнічай і выканаўчай улады Рэспублікі Беларусь прымалі рашэнні ўзважана, з улікам дзяржаўных інтарэсаў, а таксама грамадска-палітычнай і эканамічнай сітуацыі ў рэспубліцы. Нацыянальная палітыка дзяржаўнай улады насіла характар пратэксцыянізму і здзяйснялася ў цэлым выверанымі, прадуманымі крокамі, пры наяўнасці пэўных недахопаў, якія можна выправіць. У дзеяннях уладаў прасочвалася схіленне да комплекснага вырашэння існуючых праблем нацыянальных меншасцей. У выніку правядзення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі, якая забяспечвала задавальненне культурна-асветных і грамадскіх запатрабаванняў нацменшасцей з улікам агульнанацыянальных інтарэсаў Беларусі, у грамадстве склаліся стабільныя міжнацыянальныя адносіны.

Намі выяўлена гістарычная заканамернасць пра пераемнасць этнакультурнай палітыкі Беларусі ў адносінах да “нацыянальнай палітыкі” СССР. Тэрміналогія, канцэптуальная арганізацыя кіравання раснастайнасцю і аперацыянальныя падыходы да яе, якія сфарміраваліся ў савецкі перыяд і выразна сфармуляваны ў канцы 1980-х гадоў, засталіся ў цэлым без змен, што дазваляе зрабіць выснову пра вызначальную ролю савецкай ідэалагічнай і істытуцыянальнай спадчыны ў кіраванні этнакультурнай разнастайнасцю ў перыяд навейшай гісторыі Беларусі.

У Беларусі сфарміравалася такая мадэль дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да нацыянальных меншасцей, пры якой вядучая роля адводзілася дзейнасці грамадскіх аб’яднанняў, якія былі створаны іх прадстаўнікамі, пры фінансавай, прававой, арганізацыйнай падтрымцы і кантролі з боку дзяржаўных структур. ГА нацыянальных меншасцей ажыццяўлялі культурна-асветніцкія, дабрачынныя і адукацыйныя праграмы пры падтрымцы рэспубліканскіх і муніцыпальных улад. Іх дзейнасць была накіравана на вывучэнне гісторыі, культуры, мастацтва сваіх народаў, правядзенне сустрэч, семінараў, свят, фестывалей, выстаў, канферэнцый, наладжванне сувязей з краінамі іх паходжання. Была створана вялікая колькасць творчых і мастацкіх самадзейных калектываў пры нацыянальных аб’яднаннях і дзяржаўных установах культуры. Масавымі, яскравымі і разнастайнымі былі фестывалі нацыянальных культур. На базе некаторых агульнаадукацыйных школ, пазашкольных, клубных, бібліятэчных устаноў сістэм Міністэрства адукацыі і Міністэрства культуры па ініцыятыве прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей былі ўтвораны школы, класы, факультатывы, гурткі па навучанню і выхаванню на роднай мове, даследаванню гісторыі і культуры дадзенай супольнасці. Усё гэта спрыяла адраджэнню і фарміраванню нацыянальнай самасвядомасці. Найбольш актыўнымі з’яўляліся яўрэйскія і польскія грамадскія фарміраванні. У той жа час большасць насельніцтва краіны не была знаёма з дзейнасцю ГА нацыянальных меншасцей Беларусі. Грамадскія арганізацыі не змаглі цалкам пазбавіцца ад жорсткай апекі з боку дзяржаўных органаў [8; 9].

Устаноўлена гістарычная заканамернасць пра ўзнікненне і дзейнасць нацыянальных грамадскіх аб’яднанняў па ініцыятыве прадстаўнікоў этнічных супольнасцей з больш высокім сацыяльным статусам. Дзейнасць нацыянальных

грамадскіх арганізацый была сканцэнтравана пераважна ў гарадах і ўзровень іх актыўнасці ва ўсходнім рэгіёне Рэспублікі Беларусь быў значна ніжэй, чым у заходнім. Не кампактнасць пражывання нацыянальных меншасцей на ўсходзе Беларусі абумовіла нязначны ўплыў нацыянальных аб'яднанняў на насельніцтва і памяншала верагоднасць узнікнення праблем у міжнацыянальных адносінах.

Нягледзячы на адсутнасць антаганістычных сутычак і канфліктаў, у Беларусі былі пэўныя праблемы ў міжнацыянальных адносінах. Заўважаліся праявы антысемітызму. Былі складанасці ў адносінах з цыганскай і польскай супольнасцямі, адзінкавыя выпадкі абвастрэння міжнацыянальных адносін з асобамі каўказскай нацыянальнасці, грамадзянамі Туркменістана.

Выяўлена асаблівае таго, што этнічны радыкалізм сярод некаторай часткі насельніцтва Беларусі прысутнічае, не паменшыўшыся за перыяд з 1997 г. У якасці сацыялагічных індыкатараў этнічнага радыкалізму былі ўжыты варыянты адказаў у ананімнай анкеце пра розныя забаронныя меры ў адносінах да прадстаўнікоў нетытульных нацый, а таксама згода рэспандэнтаў з прапановай высяліць іх з Беларусі сілай ці нават вынішчыць фізічна. У прыватнасці, было высветлена, што забарону на заняцце важных адміністрацыйных пасадаў выхадцамі некарэнных народаў цалкам ці збольшага падтрымае больш 50% нашых суграмадзян, забарону на куплю зямлі і нерухомасці для чужынцаў ухваляць каля паловы суайчыннікаў. Абмежаванне прадстаўнікоў нацменшасцей па месцах пражывання станоўча ўспрымуць больш траціны жыхароў Беларусі. Супраць змяшаных шлюбаў выступіў кожны чацвёрты ўдзельнік апытання. За гвалтоўнае высяленне за межы Беларусі прадстаўнікоў шэрагу нацый выказаўся кожны пяты наш зямляк. А ксенафобія ў рэцыдыўнай форме зафіксавана ў 6,2% рэспандэнтаў, якія лічаць магчымым фізічнае знішчэнне прадстаўнікоў некаторых этнасаў [2; 3; 4; 14].

Усе выпадкі праяўлення ксенафобіі, экстрэмізму і нецярпімасці не заставаліся без належнага рэагавання адпаведных дзяржаўных органаў Рэспублікі Беларусь. За перыяд з 2003 г. па 2010 г. у адпаведнасці з Крымінальным кодэксам Рэспублікі Беларусь за здзяйсненне злачынстваў на глебе расавай дыскрымінацыі асуджаны [6]: 2003 год – 4 чал. (частка 3 артыкула 130); 2006 год – 2 чал. (частка 1 артыкула 193); 2007 год – 2 чал. (частка 1 артыкула 193); 2 чал. (пункт 14 часткі 2 артыкула 139); 1 чал. (частка 3 артыкула 147); 2008 год – 1 чал. (частка 2 артыкула 130); 2009 год – 1 чал. (частка 1 артыкула 130).

Па частцы 1 артыкула 130 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (наўмысныя дзеянні, накіраваныя на ўзбуджэнне расавай, нацыянальнай, рэлігійнай варожасці ці розні, на зневажэнне нацыянальнага гонару і годнасці) асуджаны 1 чалавек з прызначэннем пакарання ў выглядзе штрафу, па частцы 2 артыкула 130 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (наўмысныя дзеянні, накіраваныя на узбуджэнне расавай, нацыянальнай, рэлігійнай варожасці ці розні, на зневажэнне нацыянальнага гонару і годнасці, звязаныя з гвалтам або здзяйснення службовай асобай з выкарыстаннем сваіх службовых паўнамоцтваў) асуджаны 1 чалавек з прызначэннем пакарання ў выглядзе 3 (трох) гадоў пазбаўлення волі, па частцы 3 артыкула 130 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (дзеянні, прадугледжаныя часткамі першага ці другога

дадзенага артыкула, здзейшчэння групай асоб або пацягнулыя па неасцярожнасці смерць чалавека або іншыя цяжкія наступствы) асуджана 4 чалавека, з іх двум асобам прызначана пакаранне ў выглядзе 5 (пяці) гадоў пазбаўлення волі, яшчэ двум – пазбаўленне волі на тэрмін 8 (восем) гадоў.

Сабраны статыстычны і сацыялагічны матэрыял, які характарызуе стан міжнацыянальных адносін на Магілёўшчыне, у Беларусі, а таксама ў шэрагу краін Еўрапейскага Саюза дазволіў выявіць гістарычную заканамернасць актуалізацыі праблематыкі этнічнай нецярпімасці ў залежнасці ад дэмаграфічных, эканамічных, палітычных і тэхніка-тэхналагічных фактараў. Менавіта ў навейшай гісторыі праблематыка этнічнай дыскрымінацыі выступае ў першы шэраг найбольш грамадска значных праблем. Фактарны аналіз прычын актуалізацыі праблематыкі этнічнай нецярпімасці дазволіў нам вызначыць асноўныя кірункі супроцьдзеяння дыскрымінацыі на нацыянальнай глебе.

Мы лічым мэтазгодным сфарміраваць дарадчыя органы пры першых кіраўніках дзяржавы і рэгіёнаў, у складзе якіх працавалі б спецыяльныя камісіі па прадухіленні міжэтнічнай напружанасці. Такія саветы маглі б ажыццяўляць антыдыскрымінацыйную экспертызу кіраўніцкіх рашэнняў, якія прымаюцца на ўсіх узроўнях, ініцыіраваць абмеркаванне метадаў вырашэння міжнацыянальных праблем, якія ўзнікаюць час ад часу, прапаноўваць канкрэтныя рэкамендацыі па іх ліквідацыі.

Роля дзяржавы ў забеспячэнні міжнацыянальнай гармоніі надзвычай важная. Аднак не менш істотны ўдзел у гэтай працы грамадзянскай супольнасці. Лічым мэтазгодным на базе рэспубліканскага і абласных саветаў грамадскіх аб'яднанняў стварыць камітэт з прадстаўнікоў нацыянальных рухаў з мэтай каардынацыі і арганізацыйнага забеспячэння праваабарончай дзейнасці ў сферы процідзеяння дыскрымінацыі на этнічнай глебе. Правядзенне такой працы з удзелам дзяржавы і арганізаванай грамадскасці дазволіць прадухіліць стыхійныя міжнацыянальныя канфлікты.

Аналіз прычын міжнацыянальных канфліктаў, якія адбыліся ў Расіі, прывёў да нашай наступнай рэкамендацыі. Лічым неабходным публічна абмеркаваць мэтазгоднасць увядзення паняцця “этнічна абумоўленая манаполія” (або любога іншага блізкага па значэнні тэрміна) для абазначэння сітуацыі, калі нейкі этнас займае непарарцыянальна сваёй колькасці ў структуры насельніцтва месца на рынку працы, тавараў, паслуг і капіталаў, што перашкаджае сумленнай канкурэнцыі ў сферы эканомікі і правакуе міжэтнічную напружанасць. Намі абгрунтаваны неабходнасць і абмежаванні прымянення на практыцы гэтай прапановы.

У незалежнасці ад таго, у якой меры будуць прынятыя нашы рэкамендацыі, лічым сам факт абмеркавання праблематыкі этнічнай нецярпімасці і шляхоў процідзеяння яму надзвычай важным і прадуктыўным.

Звярнулі мы ўвагу і на моўную праблему. Своеасабліваць моўнай сітуацыі ў тым, што асноўным сродкам зносін большасці беларускага насельніцтва з'яўлялася руская мова, хаця пераважная колькасць жыхароў Рэспублікі Беларусь называла нацыянальную мову роднай.

Выяўлена заканамернасць: высокая канцэнтрацыя польскага насельніцтва спрыяе павелічэнню частотнасці выкарыстоўвання беларускай мовы ў

параўнанні з іншымі абласцямі. Вялікая частка палякаў (58%) роднай мовай назвалі беларускую. Па меры набліжэння да мяжы з Расіяй назіраецца зніжэнне частотнасці ўжывання беларускай мовы, што пацверджана дадзенымі па Магілёўскай вобласці. Асаблівасцю сучаснай моўнай сітуацыі з’яўляецца тое, што на сённяшні дзень асэнсаванне беларускай самаідэнтыфікацыі па лінгвістычнай прыкмеце не з’яўляецца дамінантным ва ўспрыманні беларусаў.

Устаноўлена заканамернасць: пры даволі высокай ступені самаідэнтыфікацыі беларусаў як асобнай нацыі, адна з самых галоўных прыкмет нацыі – агульная мова народа – застаецца незапатрабаванай. Беларуская мова не выконвае сваёй ролі найважнейшага сродку этнічнай камунікацыі, але захоўвае іншае значэнне – сімвалічнай складовай этнічнай культуры і традыцыі.

Беларускае насельніцтва валодае развітай, устойлівай самаідэнтыфікацыяй, аднак у стадыі развіцця знаходзіцца нацыянальная самасвядомасць у яе шырокім разуменні, якое ўключае разуменне народаў уласнай сутнасці, свайго становішча сярод іншых народаў, сваёй ролі ў гісторыі чалавецтва, усведамленне свайго права на незалежнае існаванне і на самабытную этнічную культуру [5].

Такім чынам, устаноўлена, што асаблівасцю культурна-асветніцкага і грамадска-палітычнага жыцця нацыянальных меншасцей было вылучэнне трох этапаў. 1) 1991–1995 гг. – гэта перыяд ідэнтыфікацыі і актывізацыі, найвышэйшага ўзроўню грамадскай дзейнасці нацыянальных супольнасцей. Праводзілася палітыка неўмяшальніцтва ў дзейнасць грамадскіх нацыянальна-культурных арганізацый. Асноўная ўвага дзяржаўных органаў была накіравана на развіццё адукацыі нацыянальных меншасцей на іх родных мовах. На піке беларусізацыі значна ўзрасла колькасць школ, дзе вывучалася мова нацыянальных меншасцей. Паступова фарміраваліся элементы грамадзянскай супольнасці і актывісцкага тыпу палітычнай культуры насельніцтва, арыентаванай на рынак і канкурэнтную барацьбу. Была створана прававая база, якая забяспечыла спрыяльныя ўмовы для свабоднага развіцця ўсіх культур нацыянальных меншасцей Беларусі. 2) 1996–2000 гг. – заканадаўчае рэгуліраванне і паступовае згортванне ініцыятыў. Нацыянальная палітыка была накіравана на вырашэнне праблем забеспячэння правоў нацыянальных меншасцей і задавальнення этнакультурных запытаў насельніцтва. 3) 1999 г. назіралася памяншэнне актыўнасці з боку як асобных прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей, так і НГА. 3) з пачатку 2000-х гадоў – перыяд рэгламенціраванага кантролю з боку дзяржаўных выканаўчых органаў, дзейнасць толькі ў рэчышчы ўзгодненых і дазволенных мерапрыемстваў. Пераважае падтрымка інтэрнацыянальнага і выкарыстоўванне праграмных метадаў працы. Нацыянальна-дзяржаўныя дачыненні ў краіне развіваюцца па шляху перахода да інтэграцыйнай мадэлі ўзаемаадносін у кірунку пратэкцыі правоў нацыянальных меншасцей. Заўважаецца рэзкае звужэнне функцыянавання беларускай мовы і моў нацыянальных меншасцей на карысць рускай. Выразна акрэслілася тэндэнцыя да зніжэння прэстыжу роднай мовы, нават у якасці этнічнага сімвала [10].

У Беларусі адсутнічалі сутыкненні і вострыя канфлікты на этнічнай, расавай, лінгвістычнай і канфесійнай аснове. Такое становішча тлумачыцца

менталітэтам беларускага народа, гістарычнымі традыцыямі мірнага міжэтнічнага супрацоўніцтва, даўнімі і трывалымі сувязямі між этнічнымі групамі, што пражывалі на тэрыторыі Беларусі, існаваўшым заканадаўствам у сферы міжнацыянальных адносін і нацыянальна-дзяржаўнай палітыкай. У пэўнай ступені і адносна невялікай колькасцю прадстаўнікоў не славянскага насельніцтва, але колькасць якіх стабільна павялічваецца.

Кірункі дзейнасці нацыянальных грамадскіх аб'яднанняў залежылі ад палітыцы дзяржавы і тыпу палітычнага рэжыма ў Рэспубліцы Беларусь. Дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў нацыянальных меншасцей садзейнічала працэсу фарміравання грамадзянскай супольнасці ў Беларусі.

У перыяд навейшай гісторыі Беларусі прадстаўнікі нацыянальных меншасцей унеслі значны ўклад у развіццё беларускай культуры, навукі, спорта, эканомікі і грамадства. Сваё імкненне да творчай самарэалізацыі, задавальненню нацыянальных запатрабаванняў прадстаўнікі нацыянальных меншасцяў Беларусі рэалізавалі, выкарыстоўваючы ў поўным аб'ёме магчымасці ў культурна-асветніцкай сферы. Неабходна адзначыць, што ў пэўных рэгіёнах жаданне паказаць культуру нацыянальных меншасцей, якія пражывалі на іх тэрыторыі, прыводзіла да таго, што зусім не было бачна беларускай.

Эфектыўная грамадска-палітычная, культурна-асветніцкая дзейнасць і самарэалізацыя нацыянальных меншасцей, іх высокі сацыяльна-прававы статус у Беларусі забяспечваюць адну з галоўных умоў – заахвочванне рэгіянальных і нацыянальна-культурных аб'яднанняў, падтрымку нацыянальных культур і традыцый, якая неабходна для працякання натуральных працэсаў сацыяльных змен у нашай краіне ва ўмовах устойлівага паступальнага развіцця беларускага грамадства.

Праробленая ў рамках узгаданага праекта праца, на наш погляд, стварыла метадалагічныя і метадычныя ўмовы для ажыццяўлення практычных мер дзяржавы і грамадзянскай супольнасці па мінімізацыі рызык міжнацыянальных канфліктаў, што будзе спрыяць паспяховаму развіццю Рэспублікі Беларусь у сучасны перыяд яе існавання.

Літаратура:

1. Абарона правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь. Даведнік / Склад. Н.В.Ходар. – Мінск: "Энцыклапедыкс", 2004. – 272 с.
2. Бубнов, Ю. М. Социологический очерк потенциальной этнической нетерпимости в белорусском обществе / Ю.М. Бубнов // Вестник Брестского университета. Серия 1. – 2012. – № 1. – С. 129–138.
3. Бубнов, Ю.М. Социологический метод индикации этнического радикализма / Ю.М. Бубнов // Социология. Научно-теоретический журнал. – 2013. – № 1. – С. 81–93.
4. Бубнов, Ю.М. Формы этнической дискриминации / Ю.М. Бубнов // Молодёжная галактика: Ежегодный Альманах НИИКСИ Санкт-Петербургского государственного университета. – 2013. – № 9 – С. 88–92.
5. Бунас, А.У. Асаблівасці беларускай самасвядомасці і роля нацыянальнай мовы ў фарміраванні этнічнай самаідэнтыфікацыі беларускага насельніцтва / А.У. Бунас // Гуманитарный альманах: сборник статей. – Могилёв: МГУП. – 2013. – С. 88–100.
6. Доклады Беларуси от 18 ноября 2012 г. восемнадцатый и девятнадцатый периодические доклады по выполнению положений Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, подлежащие представлению 8 мая

- 2008 г. CERD/C/BLR/18-19. П. 53–54 // <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cerd/cerds83.htm>. Дата доступа 16 жніўня 2013г.
7. Перепись населения 2009. Национальный состав населения Республики Беларусь. Том III. – Минск: Нац. Стат. комитет Республики Беларусь, 2011. – 433 с.
  8. Пушкин, И.А. Политико-правовые основы и деятельность национальных меньшинств в Республике Беларусь / И.А. Пушкин // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире : материалы VIII Международной науч.-практ. конф. 22 марта 2011 г. / М-во обр. и науки РФ. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 207–213.
  9. Пушкин, И.А. Этнические особенности гражданской культуры населения Могилевского региона (белорусско–российское пограничье) / И.А. Пушкин // *Studia internationalia*: Материалы II международной науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (28–30 ноября 2013 г.). – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2013. – С. 184–189.
  10. Пушкін, І.А. Дзейнасць інстытутаў дзяржаўнай улады па рэгуляванні міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1991–2010 гг.) / І.А. Пушкін // *Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя А. Гуманітарныя навукі*. – 2013. – № 9. – С. 32–39.
  11. Пушкін, І.А. Заканадаўчыя асновы міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1991–2010 гг.) / І.А. Пушкін // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1*. – 2012. – № 1. – С. 70–79.
  12. Пушкін, І.А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.): манаграфія / І.А.Пушкін. – Магілёў: МДУ імя А.А.Куляшова, 2007. – 206 с.
  13. Пушкін, І.А. Уздел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919–1990 гг.) : манаграфія / І.А. Пушкін. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2010. – 319 с.
  14. Юдин, В.В. Законность как основание патриотизма / В.В. Юдин // Становление гражданского общества: проблемы и перспективы: сборник выступлений. – Могилев: УО «МГУП», 2011. – С. 11–15.

А.Г. Осипов (Фленсбург, Германия)

ПАРАДИГМА ТРАНЗИТА, НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Доклад посвящен возможностям теорий неопатримониализма в отношении анализа этнической проблематики в странах бывшего СССР. В последнее десятилетие парадигма транзита (одним из проявлений которой являются теории демократизации), призванная объяснять изменения в посткоммунистических странах, подвергается обоснованной критике [3; 16]. За более чем 20 лет, прошедшие с момента распада СССР и «лагеря социализма» в целом, не было придумано адекватного обозначения для характера и направленности произошедших трансформаций и тем более состояния, достигнутого этими странами; категории «посткоммунистических» и «переходных» обществ оказываются малосодержательными [6; 16]. Большинство аналитиков, по-разному оценивая успешность конкретных изменений в отдельных странах, сходится на том, что большей части

посткоммунистических государств не удалось создать устойчивую и прозрачную институциональную среду, в том числе обеспечить верховенство закона, гарантии частной собственности, политическую конкуренцию и сменяемость элит на основе широкого демократического участия. В тех или иных формах и в разной степени во многих посткоммунистических странах произошла «приватизация» государства различными элитными группами интересов; закрытая и отчужденная от остального общества элита оказывается незаинтересованной и неспособной создать устойчивые формальные институты, предпочитая теневые договоренности и отношения [6; 20]. При этом, все «гибридные» модели обнаруживают способность к выживанию и воспроизводству в долгосрочной перспективе [9].

Едва ли не единственная теоретическая рамка, позволяющая удовлетворительно объяснить основные черты установившегося социального и политического порядка (при всех его вариациях в отдельных странах), связана с понятием «неопатримониализм». Теории неопатримониализма развивают концепцию патримониального господства М.Вебера, которая описывает осуществление публичной власти в форме частного владения, что было свойственно многим обществам до стадии модерна [1]. Начиная с конца 1960-х годов все большее число исследователей адаптирует идеи М.Вебера для описания реалий новых независимых стран Африки, а затем также Латинской Америки и Азии, где номинально существующие институты рыночной экономики, парламентаризма и многопартийной системы функционируют по-иному и с иными результатами, чем в развитых капиталистических странах [5]. Аналитики обратили внимание на такие черты этих обществ, как развитые клиентеллы, зависимость социальной мобильности и распределения ресурсов от личной или политической лояльности и принадлежности к патронажно-клиентарным группам [7; 18].

В последние годы некоторые исследователи начинают успешно использовать неопатримониалистскую рамку для описания посткоммунистических обществ [9; 19]. Кроме того из сходной теоретической перспективы, начиная с М.Восленского, удавалось также описывать советские реалии и их основные черты [11, с.139]. Следует отметить, что только небольшая часть аналитиков развивает теории неопатримониализма буквально; большее число исследователей приходит к аналогичным выводам, используя иные, хоть и сходные, подходы и категории [5, с.27]. Разные авторы, фактически работающие в неопатримониалистской парадигме, акцентируют разные черты и компоненты постсоветских реалий, как-то: персонифицированные клиентеллы [9], разрыв между макро- и микросоциальной интеграцией [10], классовую («сословную») структуру, формируемую государственной системой перераспределения ресурсов [4], и преобладание неформальных институтов [2].

Этническая проблематика остается той областью общественных отношений, где неопатримониалистская парадигма (как бы она ни обозначалась) пока не нашла применения. Более того, изучение этнических отношений в большинстве случаев ведется на основе двух совершенно иных, слабо отрефлектированных, но отчасти пересекающихся подходов. Первый представляет собой ту же парадигму «демократического транзита»,

прикладываемую к национальному строительству и адаптации этнического плюрализма. При этом основное внимание уделяется внешнему воздействию, а именно, внедрению норм по «защите меньшинств», предлагаемых международными организациями, и импорту соответствующих механизмов из развитых капиталистических стран. Второй подход (который можно обозначить архаичным тропом «отношения большинства и меньшинств») основан на дискурсивном тренде, который Р.Брубейкер обозначил как «группизм» [13, р.163]. Он предполагает некритичное отношение к этническим группам как к самоочевидным структурным единицам общества и субъектам социальных отношений, мотивации и модели поведения которых универсальны и инвариантны.

Попытки анализировать этнические отношения с учетом специфики социальной мобильности и политического участия в постсоветских обществах редки. В литературе можно встретить, скорее, априорные суждения, опирающиеся на представления об этнических группах как вертикально интегрированных корпорациях [8], либо же своего рода классах, занимающих определенную – формально и неформально – нишу в системе распределения благ [4]. Однако, эмпирических данных, которые позволяли бы оценивать данные модели, мало, а те, что имеются, скорее, их опровергают, поскольку социальные деления не совпадают с этническими. Возможные корреляции показателей социальной мобильности и общественного участия с этническими различиями достаточно сложны и требуют дополнительных исследований.

Однако предварительно можно показать, в какой степени неопатримониализм пригоден для описания этнических отношений.

1. Синтез формальных и неформальных «правил игры» объясняет институционализацию этничности в политико-правовом поле. Эта институционализация характеризуется, во-первых, «размытой легальностью» [17], то есть, формальными нормами, лишенными определенного содержания, открытыми для интерпретаций, не выполняющими регулятивных функций или стимулирующими внеправовое поведение. На практике это означает, что даже развитый корпус законодательства о равенстве и недискриминации, о языках, культурной политике, структурах территориальной автономии оставляет широкую свободу усмотрения правоприменителям, руководствующимся собственными представлениями о целесообразности и неформальными договоренностями элитных групп.

2. Имитационный характер законодательства и слабость формальных институтов тесно связаны с феноменом «системного лицемерия» – разрывом между риторикой и действиями организаций, прежде всего публичной власти, или противоречиями между деятельностью разных частей одной организации [15]. При этом политика управления этническим разнообразием относится преимущественно к области «символического производства» [12] и обеспечивает «традиционную» (в веберовском смысле) легитимацию публичных институтов, которая сопутствует патримониальному управлению. Социальные институты не рационализируются, а воспринимаются как данность или как феномены, подчиняющиеся квазиестественным законам. Этим, например, можно объяснить слабую отрефлексированность в общественном сознании и общее

приятие идей этнической государственности или этнических иерархий с предоставлением привилегий «коренным» или «титულным» этничностям или отнесение этнической политики к области узко понимаемой «культуры» или абстрактного «этнического развития».

3. Отношения «патрон-клиент» делают возможной массовую социальную и политическую мобилизацию почти исключительно на основе административного ресурса публичной власти. И наоборот, - это же объясняет отсутствие или слабость независимых движений на этнической основе и лояльность формальных организаций меньшинств официальной власти.

4. Всеми перечисленными выше обстоятельствами объясняются успехи «национализирующей политики» [14], то есть политики создания «национальных» в этническом смысле государств с обеспечением символических и институциональных преимуществ «титулным» этническим группам. Такая политика в большинстве постсоветских стран, а также республик России практически не вызывает контрмобилизации. Подобную ситуацию можно интерпретировать как успех «традиционной» легитимации, кооптации лидеров меньшинств и политики обмена возможностей для социальной мобильности клиентов (граждан) на лояльность патрону (работодателю), а его, в свою очередь, государственному порядку в целом. В качестве частного проявления общей закономерности могут рассматриваться формальные организации меньшинств (в большинстве своем – этнокультурные общества). Участие граждан в их деятельности во многих случаях означает включение в патрон-клиентские отношения с руководством, представленным бизнесменами, политиками или чиновниками. В свою очередь, для руководства этих организаций их формальный статус означает дополнительный канал коммуникации с публичной властью, но он может использоваться только в обмен на лояльность.

5. Неопатримониальные механизмы распределения ресурсов и власти, включающие в себя клиентарные сети и доступ к ресурсам на основе личной и корпоративной лояльности, в реальности ограничивают этническую сегментацию общества, так как унаследованные от советского времени профессиональные, территориальные, политические, корпоративные и пр. деления не совпадают с этническими. Эти же механизмы могут неодинаково воздействовать на мобильность разных этнических групп из-за неравного распределения экономического, социального, культурного и символического капиталов, а также сетевых эффектов. При определенных обстоятельствах они допускают маргинализацию и исключение отдельных групп. Следствием конкуренции и неравного положения разных клиентелл и статусных групп является невозможность формирования и практического воплощения повестки равенства и недискриминации, за исключением имитаций.

Важный исследовательский вопрос относится к возможностям неопатримониалистских механизмов в обеспечении стабильности и основных прав лиц, относящихся к меньшинствам. Другой вопрос касается того, насколько подобные отношения уникальны и могут ли они проявляться вне постсоветского контекста. В этой связи важна мысль М.Вебера о том, что механизмы патримониалистского господства и, в частности, традиционной легитимации

могут возникать и действовать в разных социальных условиях [11, с. 137]. Можно предположить, что отношения внутри формальных этнических организаций и их взаимодействия с органами публичной власти и в более широких географических рамках могут включать патрон-клиентские сети и обмен ресурсами на лояльности. Сопутствующими обстоятельствами для этих моделей могут быть неформальные договоренности, аналоги постсоветского «системного лицемерия» и варианты «традиционной» легитимации публичных институтов.

Литература:

1. Вебер, М. Традиционное господство / М. Вебер // Прогнозис. – 2007. – № 2. – С. 150–165.
2. Гельман, В. Я. "Подрывные" институты и неформальное управление в современной России / В. Я. Гельман // Полития. – 2010. – № 2 (57). – С. 6–24.
3. Капустин, Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия / Б.Г. Капустин // Полис. – 2001. – № 4. – С. 6–26.
4. Кордонский, С.Г. Сословная структура постсоветской России : [монография] / С.Г. Кордонский ; – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
5. Панов, П. В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника / П. В. Панов // ПОЛИТЕКС. – 2010. – № 3. – С.19–33.
6. Рябов, А. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций / А. Рябов // Polit.ru. – 2010. – 12 авг. Доступно на сайте: <<http://www.polit.ru/article/2010/08/12/riabov/>>. [Дата доступа 20 февраля 2014 г.]
7. Теобальд, Р. Патримониализм / Р. Теобальд // Прогнозис. – 2007. – № 2. – С.166–176.
8. Туровский, Р. Принесенные ветром / Р. Туровский // Политический журнал. – 2005. – № 29 (80). – 12 сентября. Доступно на сайте: <<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&issue=119&tek=4183&dirid=67>> [Дата доступа 20 февраля 2014 г.]
9. Фисун, А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации : [монография] / А. А. Фисун ; Региональный фил. Нац. ин-та стратегических исслед. в г. Харькове. – Харьков : Константа, 2006. – 352 с.
10. Хлопин, А.Д. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма / А.Д. Хлопин // Полития. – 1997. – № 3. – С.7–28.
11. Чайко, И.В. Проблемы исследования режимных трансформаций, или неопатримониальная альтернатива транзитологии / И.В. Чайко // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С.131–143.
12. Bourdieu, P. The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature : [монография] / P. Bourdieu ; – London: Polity Press, 1993. – 322 p.
13. Brubaker, R. Ethnicity without groups / R. Brubaker // Archive Europeenne de Sociologie. – 2002. – No. XLIII (2). – P.163–189.
14. Brubaker, R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – 2002. – No.34(11). – P.1785–1814.
15. Brunsson, N. Reform as Routine. Organizational Change and Stability in the Modern World : [монография] / N. Brunsson ; – Oxford: Oxford University Press, 2009. – viii, 166 p.
16. Carothers, T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. – 2002. – No. 13(1). – P. 5–21.
17. Cohn, M. Fuzzy Legality in Regulation: The Legislative Mandate Revisited / M. Cohn // Law and Policy. – 2001. – No. 23 (4). – P. 469–497.

18. Eisenstadt, S. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism : [монография] / S. Eisenstadt ; – Beverly Hills, CA : Sage, 1973. – 95 p.
19. Hanson, S. Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia : [монография] / S. Hanson ; – Cambridge; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2010. – XXVIII, 274 p.
20. Levitsky, S., Way, L.A. The Rise of Competitive Authoritarianism / S.Levitsky, L.A.Way // Journal of Democracy. – 2002. – No.13 (2). – P. 51–65.

О.Л. Рогозина (Санкт-Петербург, Россия)
**РОЛЬ ТРАДИЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

В исследовании национально-культурных особенностей формирования и развития наций как в исторической перспективе, так и в современном мире важным методологическим основанием является представление об обществе как сложной социальной системе, основанной на совокупности исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, общей территории и пространства их проживания. При этом общество и его подсистемы являются, в свою очередь, результатами длительного процесса возникновения и последующей сборки из различных сегментов – формы государственного устройства, наций и других общностей людей, религии, культуры, языка, общих социальных норм и ценностей, и т.д.

В современных условиях динамично меняющегося мира, сопровождающегося процессами модернизации и глобализации, переосмысления, а порой и утраты многих связей и ценностей традиционных обществ, все более актуальным становится сохранение базовых ценностей национальных культур как фактора устойчивого развития общества и его подсистем.

Понятие «культурная идентификация» отражает прежде всего процесс отождествления индивида или группы индивидов с определенной, уже сложившейся и закрепившейся в социоисторической памяти (традиции), системой культурных ценностей, что, в свою очередь, дает возможность для данного индивида или группы почувствовать сопричастность к этим ценностям. При этом нахождение вне системы традиций/культурных ценностей неизбежно влечет за собой ограничение либо потерю полноценной ориентации в обществе, включая культурное пространство, а также утрату чувства принадлежности к определенной национальной, социальной группе. В таком видении проблемы мы неизбежно приходим к необходимости осмысления условий и факторов, обеспечивающих сохранение культурной идентичности, которая, в свою очередь, «делает акцент на индивидуальном в противовес универсальному, опираясь на историческую память и собственные традиции» [1, с. 11]. Заметим при этом, что именно традициям принадлежит особая роль в сохранении культурной идентичности нации как общности людей и ценностей, лежащих в основе такой культурной идентичности.

Стремление к культурной самоидентификации на протяжении всей человеческой истории является важным фактором развития как отдельно взятых

наций, так и общества в целом, а также необходимым условием для сохранения преемственности культуры и культурной традиции.

Здесь необходимо отметить, что культура национальная находится в постоянном развитии и взаимодействии с другими культурами, в отличие от культуры этнической, которая, по сути своей, достаточно консервативна, ориентирована на сохранение в неизменном виде базовых ценностей. И если национальная культура, находясь в состоянии диалога с другими культурами, сглаживает или даже нивелирует определенные различия, то этническая культура стремится сохранить местные, локальные особенности, свой неповторимый колорит.

Исходя из того, что культура формирует сознание и самосознание как индивида, так и любого социума, следует, что национальная культура формирует национальное сознание. Но национальное сознание, а значит и национальная культура, обусловлены этническим фактором, как более древним, предшествующим формированию национального и, следовательно, укоренившимся на том уровне, когда это воспринимается как единственно правильное и не подвергается критическому рассмотрению: «этническое самосознание, в большей степени связанное с происхождением человека, осознающим свою причастность к общим для членов определенной группы предкам и к общей территории проживания, наделяемой сакральными мифологическими смыслами» [2, с. 60].

Национальная культура в своем формировании и развитии опирается на язык, религию и территорию, а также на экономику и закон, регламентирующий существование социума. Другими словами, мы видим различные способы регулирования и организации существования общества, построенные на соблюдении уже сложившихся правил и норм. Соответственно, человек, живущий в такой культуре должен иметь возможность соотнесения себя с ней — идентифицировать себя, как часть данной структуры, то есть, посредством национально-культурной идентификации.

Формирование национально-культурной идентификации, безусловно, связано с особенностями возникновения и развития культуры (традиций, обычаев) и общества (семья, племя, род, государство), которые, в свою очередь, формируют модель поведения человека. Разделить эти два сегмента (культуру и общество) на абсолютно отдельные, самостоятельные величины не представляется возможным, так как они взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимовлиянии друг на друга.

Культура – это нравственные, моральные и материальные ценности, умения, знания, обычаи, традиции. В культуре раскрываются человеческие способности, его духовный мир. Культура выступает, как «мера человека» с одной стороны, и как «пространство» его формирования – с другой. В структуру культуры входят множество сегментов, в том числе, язык как знаково-символический элемент, включающий в себя знания, традиции, образы, представления и отражающий символику и особенности культуры, к которой он относится, религия как система выработки, сохранения и передачи ценностной системы и норм поведения носителей данной культуры, и др.

Универсальным средством формирования и сохранения социальной/исторической памяти народа, собирания национальной и иных общностей людей, объединения народа во временном, в географическом и социально-культурном пространстве выступает, безусловно, язык. Язык выступает в качестве границы того или иного этноса, народа, с одной стороны – объединяя его, с другой – отгораживая от других, выделяя в особую группу – каждый народ воспринимает мир по своему, через призму родного языка.

По утверждению М.Фуко, каждая эпоха обладает более или менее единой системой знаний – эпистемой [3]. В свою очередь, она реализуется в речевой практике современников как строго определенный языковой код – свод предписаний и запретов. А значит и сам язык является неким кодом, который предписывает своим носителям определенную структуру мышления и, как вытекающее, определенную картину мира.

Особая роль в собирании наций и этносов, а также в формировании национально-культурной идентификации посредством культивирования традиционных ценностей принадлежит такому социокультурному институту, как религия. Религия выполняет определенные функции как в жизни индивида, так и в развитии общества, культуры, цивилизации, но главное – она выступает базой для сохранения транслируемой ею системы ценностей, норм морали, мировоззренческих установок и т.д. и сборки на этой основе общества и его подсистем.

Религия стала базой для упорядочивания жизни людей, освобождая их от инстинктивных программ поведения. Она помогала взаимодействовать с окружающей средой и упорядочивать отношения между людьми внутри сообществ. Она задавала ориентиры поведения и формировала саму жизнь сообщества и жизнь индивида в сообществе. Религия представляет собой символическую модель, формирующую человеческий опыт – как познавательный, так и эмоциональный. Она вырабатывает специфические традиции, парадигмы действий и поведения как человека, так и общества, связанного определенной религией (обрядами и ритуалами) в единое целое, целое, выделенное и обособленное от других.

Необходимо отметить, что еще одну немаловажную роль в национально-культурной идентификации играет этническая принадлежность индивида/группы, основанная на соответствующих символах и воспоминаниях, которые, в свою очередь, и являются структурной матрицей для культурных ценностей и традиций.

Культурная идентичность, основываясь на этническом содержании, впитывает в себя язык и литературу, искусство и архитектуру, обычаи и нравы, историю и религию, словом все, что обеспечивает память и побуждает к развитию и осознанию культурной общности. Для множества культурных образований, составляющих общество, объединяющим началом выступает общая символическая среда. Общепризнанная и понятная система символов выступает регулятором поведения на ценностно-нормативном уровне, основываясь на воспроизведении базовых, традиционных для того или иного сообщества, ценностях и устойчивых стереотипах. Этнокультурная

идентичность определяет поведение человека и помогает ему ориентироваться как в повседневности, так и в необычной обстановке.

Заметим, что национально-культурные традиции, с одной стороны, являются базой для сохранения устоявшихся ценностей, а с другой - они являются необходимым условием развития национальной культуры в целом. Это обусловлено тем, что национальная культура, чтобы «выжить» в современном динамично изменяющемся мире, должна обладать определенной мобильностью, дающей возможность для изменений, без которых невозможно сохранение национальных культур.

Традиции как форма сохранения ценностей национальных культур не означает стремления к консерватизму. Национально-традиционные ценности – база для осознания своей культурной идентичности, но база подвижная, имеющая возможность адекватно реагировать на требования расширяющегося мира. Консерватизм же – это стагнация, консервация традиций на каком-то определенном уровне развития, не предусматривающем возможности изменения мировоззрения и мировосприятия, что в современной ситуации практически означает забвение и исчезновение с культурной карты мира.

В результате развития межкультурного диалога в настоящее время в мире наблюдается самый широкий спектр форм и проявлений культурной идентичности: от крайне радикальных, на уровне фанатизма приверженности собственным этнокультурным традициям до практически полного разрыва с этими традициями и перехода к самоидентификации на базе глобальных ценностей универсальной цивилизации с ее размытыми культурными традициями. Именно поэтому сегодня особенно возрастает значимость сохранения и развития традиций как базового условия обеспечения национально-культурной идентичности.

Литература:

1. Константинова, Н.С. Проблема культурной идентичности в поликультурном обществе / Н.С. Константинова // Культура современной Испании. – М.: Наука, 2005. – С. 9–34.
2. Костина, А.В. Национальная культура. Этническая культура. Массовая культура / А.В. Костина. – М., 2009.
3. Фуко, М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко // [http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Culture/Fuko Slova/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Culture/Fuko_Slova/index.php)

І.А. Марзалюк (Магілёў, Беларусь)

**УПЛЫЎ КАНФЕСІЙНАГА ФАКТАРА НА ФАРМІРАВАННЕ
ЭТНІЧНАЙ І НАЦЫЯНАЛЬНАЙ СВЯДОМАСЦІ НАСЕЛЬНІЦТВА
БЕЛАРУСІ Ў XIV – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯЎ**

У нашым рэгіёне Еўропы, на землях Вялікага Княства Літоўскага і Рускага, існаваў устойлівы стэрэатып атаясамлення веравызнання і этнічнай прыналежнасці. Такое атаясамленне мела пад сабой усе падставы – усходнеславянскае, рускае (русінскае) насельніцтва было праваслаўным, таму і праваслаўе азначалася як вера “руская”. Літоўцы былі першапачаткова паганцамі, а потым сталі каталікамі, запазычылі польскую, “ляшскую”, веру,

таму адрознасць веравызнання, побач з мовай і звычайны правам, то і ёсць галоўныя маркеры па якіх адрознівалі іх сучаснікі і яны самі сябе. У тагачасных актавых кірылічных крыніцах ВКЛ, ды і ў летапісах таксама, існуе выразнае атаясамленне праваслаўнасці з “рускай”, а каталіцтва з “ляшскай” верай. Гэта было характэрна і для Захаду, і для Усходу Беларусі. На землях Беларусі і ў XVII – XIX стст, як і ў папярэдні час, на ўзроўні масавых стэрэатыпаў, панаваўшых у грамадстве, працягвала існаваць выразнае атаясамленне рэлігійнай і этнічнай прыналежнасці чалавека¹. Змена праваслаўнага ці уніяцкага веравызнання на карысць рыма-каталіцызму ў рэшце рэшт прыводзіла і да моўнай, і да ментальнай асіміляцыі, да з’яўлення на тэрыторыі Беларусі груп “палякаў па выбару”, продкі якіх з этнаграфічна польскім насельніцтвам нічога супольнага не мелі².

Асобнай гаворкі патрабуе высвятленне таго кола аўтараў і іх ідэалагічнай накіраванасці, якія спрычыніліся да ўзнікнення канцэпцыі аб беларускім народзе, канфесійна падзеленым на праваслаўных і каталікоў, але пры гэтым і тыя, і другія – гэта менавіта беларусы, якія маюць супольнае мінулае, агульнае этнічнае паходжанне, родную (беларускую) мову. Пачынальнікамі такога пункту гледжання былі мясцовыя беларускія інтэлектуалы заходнерускай традыцыі ды спрыяўшыя ім асобныя прадстаўнікі імперскай адміністрацыі “Северо-Западного края”.

Менавіта прадстаўнікі расійскай адміністрацыі стаялі за дактрынай аб “перараджэнні” мясцовай шляхты. Згаданая дактрына пачынае актыўна скарыстоўвацца пасля студзенскага паўстання 1863 г. Магілёўскі губернатар А.П. Беклямішаў сцвярджаў, што “*католики в Могилевской губернии – по большей части ополячившиеся белорусы или литовцы*”, аднак ніяк не асобы “*польского происхождения*”³. Апалячанне, такім чынам, ва ўсіх вышэй згаданых выпадках не прызнаецца вызначальным для нацыянальнай ідэнтычнасці. Штучна накінутая ў выніку паланізацыйных працэсаў “польскасць” прызнавалася маргінальнай і іншароднай, а яе носьбітам, па сутнасці, адмаўлялася ў праве вызначаць сваю нацыянальнасць як польскую.

Гэта дактрына была актыўна падхоплена мясцовымі заходнерусамі. З падачы імперскай адміністрацыі, заходнерускай інтэлігенцыяй Беларусі было распрапагандавана ўяўленне аб “паланізме”, як ілжывай, неспраўднай нацыянальнай і этнаграфічнай аберацыі⁴. Менавіта заходнерускія гісторыкі Беларусі першымі пачалі называць спаланізаваную шляхту “сваёй”, беларускай, а не польскай, ды пачалі заклікаць яе вярнуцца да вытокаў, да свайго народа, выкупіць грэх нацыянальнага рэнегацтва перад кінутым на волю лёсу “простым” беларускім народам. Беларускія заходнерусы – гэта было магістральнае, асабліва

¹ Флоря Б.Н. Отражению религиозных конфликтов первой половины XVII века в массовом сознании православного населения Восточной Белоруссии // Наш Радавод. 1992. кн. 4 (4.1). – Гродна, 1992. – С. 319–322.

² Насевіч В. Адзін са шляхоў фармавання польскай этнічнай меншасці на Беларусі // Наш Радавод. Кн. 8. 1999. – Гродна, 1999. – С. 64–68.

³ Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период). Материалы “Круглого стола” в Институте славяноведения РАН // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2003. – Москва, 2003. – С. 184–186.

⁴ Тамсама. – С. 184–185.

ў асяродзі этнографу і гісторыкаў, меркаванне – сцвярджалі аб прыналежнасці рыма-каталікоў да беларускага народа, бо і праваслаўных, і каталікоў лучыць у адно нацыянальнае цэлае іх родная, беларуская мова⁵.

Беларускія заходнерусы прапанавалі і асноўны іканастас “нацыянальных герояў”, без якіх сёння проста немагчыма сабе ўявіць беларускі нацыянальны пантэон. Менавіта В. Стукаліч, блізкі папчечнік А. Сапунова, ці не першым, сцвярджаючы аб прыродных здольнасцях “беларускага племені”, залічыў да яго найбольш геніяльных сыноў: і Францыска Скарыну, і Сімяона Полацкага, і Тадэвуша Касцюшку, і Адама Міцкевіча, і Спасовіча, і Манюшку, і Глінку. Тое, што частка з вышэйпералічаных персанажаў была прыналежная да польскай культуры, зусім не палохала Стукаліча. Больш таго, менавіта Стукаліч першым пачаў сцвярджаць, што Літоўскі Статут не што іншае, як помнік беларускай прававой думкі, красамоўны выраз беларускага народнага генія, з якога маскоўскі цар Аляксей Міхайлавіч папросту спісаў сваё “Уложение”⁶.

Адчайныя намаганні творцы беларускай нацыянальнай ідэі ў канцы XIX – пачатку XX ст. прыкладалі дзеля таго, каб зламаць канфесійны стэрэатып “польскасці” на ўзроўні масавай свядомасці ў каталіцкім асяродзі. Яны апелявалі, услед за заходнерусамі, да беларускай мовы як найважнейшага крытэрыю нацыянальнай тоеснасці, але плёну, па вялікаму рахунку, гэтыя высілкі, адразу не далі.

Безумоўна, з каталіцкага асяроддзя, найперш дробнай шляхты, выйшла шмат шчырых пратаганістаў беларускай нацыянальнай ідэі. Але ці можа гэта супярэчыць таму факту, што беларуская нацыянальная свядомасць замацавалася найперш і пераважна сярод праваслаўнай часткі насельніцтва Беларусі?

Але было б відавочным спрашчэннем атаясамліваць усіх рыма-каталікоў краіны з палякамі. Адчувальны удар па атаясамленню канфесійнай і нацыянальнай тоеснасці насельніцтва Беларусі быў здзейснены ўжо ў 20-х гадах XX ст. Натуральна, што гэта адбывалася на тэрыторыі БССР, у эпоху беларусізацыі. Моўны крытэрыў, для беларускіх бальшавікоў, быў галоўным пры вызначэнні нацыянальнасці чалавека. Паказальна, што каталіцкае насельніцтва Усходняй Беларусі не пратэставала супраць гэтай палітыкі. Больш таго, менавіта ў гэты час, як сведчыць статыстыка, адбываецца добраахвотнае ператварэнне канфесійных “палякаў”-каталікоў у нацыянальна свядомых беларусаў. У выніку – ужо ў 1926 годзе палякі складалі толькі 1, 96% насельніцтва БССР⁷.

Іначай выглядала сітуацыя на “Крэсах Выходніх”, у Заходняй Беларусі, дзе польскія шавіністы зрабілі касцёл інструментам ментальнай асіміляцыі і

⁵ Тамсама; Латышонак А. Гутарка “царкоўнага старасты Янкі” з “Яськам гаспадаром з-пад Вільні” // Дзеяслоў. – 2004. – №9 (2). – С. 208; Цвікевіч А. “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і ў пачатку XX в. – Мн., 1993. – С. 177; Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 5. – Витебск, 1891. – С. III; Его же, Плач Белорусской земли. – Витебск, 1894. – С. 1–10; Его же, Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский. – Витебск, 1898. – С. 89–92, 119–120; Его же, По поводу заметки г. Дедлова // Могилевская Старина. Вып. 3. – Могилев, 1903. – С. 16–21.

⁶ Цвікевіч. А. “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і ў пачатку XX в. – Мн., 1993. – С. 290.

⁷ Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. – Москва, 2013. – С. 144.

паланізацыі. Вынікі дзейнасці пільсудчыкаў і іх эфектыўнасць бяспрэчныя. Паняцце “паляк” у беларускім выпадку і зараз самым цесным чынам звязана з рыма-каталіцкай ідэнтычнасцю⁸. Паказальнае і тое, што значная частка беларускіх палякаў пры гэтым называе сваёй роднай мовай беларускую⁹.

Разам с тым, узважаная адукацыйная і канфесійная палітыка сучаснай беларускай дзяржавы дае свой плён і ў Заходняй Беларусі. Колькасць каталікоў, якія лічаць сябе беларусамі, а не палякамі, істотна ўзрасла і ў гэтым рэгіёне нашай краіны. Больш чым красамоўна аб гэтым сведчаць лічбы. Калі ў 1989 г. палякамі сябе назвалі 417720 грамадзян Беларусі, то ў 1999 толькі 395712, а ў 2009 колькасць палякаў скарацілася да 294549 чалавек. Іначай кажучы, калі з 1989 па 1999 год колькасць палякаў зменшылася на 22008, то з 1999 па 2009 на 101163 чалавек¹⁰. Пры гэтым ніякай масавай міграцыі не адбывалася. Частка рэпандэнтаў, у адрозненне ад сваіх продкаў, усвядомілі сябе беларусамі.

Такім чынам, негледзячы на рэлігійны рэнесанс у нашай краіне, значэнне канфесійнага фактара, як формы ідэнтыфікацыі грамадзян Беларусі з той ці іншай нацыянальнай групай насельніцтва, сёння істотна зменшылася. Уяўленні аб тым, што можна быць беларусам і адначасна ці праваслаўным, ці каталіком, ці пратэстантам, ці атэістам з’яўляюцца дамінуючымі ў нашым сучасным грамадстве.

Н.В. Смехович (Минск, Беларусь)

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОБЩЕСТВА (ОПЫТ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Государственность и государство. Начнем с понятий. Как писал Ф.Энгельс: “С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме, отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые нам дает исторический процесс”[13, с. 497]. С этим выводом Ф.Энгельса трудно не согласиться. Думается, что когда заходит речь о государственности возникают вопросы – 1) с чего же началась история белорусской государственности, 2) что же она собой вообще представляла и представляет? Прежде чем ответить на эти вопросы, сделаем уточнение, что и в первом, и во втором случае есть необходимость отражения исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме.

Теоретическая последовательность – основа концептуальности. В исторической науке, как и в реальной жизни человека и общества, эта

---

⁸Новицкий В. И. Католицизм в современной Беларуси // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения. – Могилев, 2006. – С. 78.

⁹ Мячкоўская Н. Беларуская мова ў масавай камунікацыі Беларусі: сродак зносін ці ідэалогія? // Terra Alba. Мова і соцыум. Т. III. – Магілёў, 2004. – С. 152.

¹⁰ Макрушыч А. М. Культурна-асветніцкая дзейнасць этнічных супольнасцяў у Рэспубліцы Беларусь (1991–2004 гг.). Дысертацыя на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук па спецыяльнасці “07.00.02 – айчынная гісторыя”. – Гродна, 2012. – С. 126.

последовательность находит воплощение в логической взаимосвязи исторических фактов, событий и явлений. В тоже время любая деятельность человека имела имеет продуманно-целенаправленный характер. В свою очередь, продуманная целенаправленность находит отражение в категориях абстрактного мышления. Следовательно, в вопросе о государственности присутствуют две стороны, которые относятся друг к другу, взаимодействуют друг с другом. С одной стороны, это экономические, социальные процессы, которые составляют основу развития всякой общности. С другой стороны – это политические отношения, в рамках которых экономические, социальные отношения и процессы обретают форму государственного организма.

По традиции, сложившейся еще в советской исторической науке, политические отношения рассматривались как результат экономических отношений разных групп населения – классов. Здесь мы видим теоретическую последовательность, наблюдаем конкретно-фактическую сторону этих отношений: историю каких-либо государств. Эту последовательность необходимо проследить на примере отдельных научных понятий.

Научные понятия – результат осмысления реальных социальных, экономических и политических процессов. Они не «придумываются» беспредметно. Вспомним, что начиная с железного века, понятия «территория» и «население» не связывались с политической организацией общества. Племена почти повсеместно не имели постоянной территории, они перемещались. В IV – VI вв. н.э. под воздействием и влиянием гуннов геополитическая карта Европы постоянно трансформировалась. Это была эпоха Великого переселения народов, которая оказала влияние на последующую историю всех народов Европейского континента, в том числе и восточных славян.

По этим причинам еще в античные времена греки, рассуждая о политической организации, пользовались понятиями “polis”, “politea”, которые были идентичными таким современным понятиям как «политическое сообщество», «гражданское общество». Аристотель говорил, что «человек – существо политическое», «существо, живущее в полисе». У Аристотеля государство – данность, то, что «существует по природе». «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку, ... каждое государство слагается из отдельных семей», – утверждал Аристотель” [1, с. 379, 380]. Аристотель не связывал понятие «государство» с территорией и населением.

В Древнем Риме сфера управления соответствовала понятиям “res publica” и “societe civilis». В связи с этим римское право называлось гражданским, а не государственным. Российский историк и философ К.Гаджиев утверждает, что античные философы вообще не знали понятия “государство”, которое было введено в оборот Н.Макиавелли. У него государство – это прежде всего организация политической власти.

Известный афоризм Людовика XIV: «государство – это я», это не только «формула» абсолютизма, это констатация сути понятия «государство», понятия, характерного для средневековья. Территория и население в тот период не были обязательными атрибутами государства. Таким обязательным атрибутом была власть.

В конечном счете, через века, в философско-правовой мысли стран Западной Европы античные выражения “status rei publicae”, “status rei romanae” видоизменились и стали использоваться для обозначения понятия “государство” – “stato”, “staat”, “etat”, “state”. Эти последние термины в дословном переводе соответствуют правовому понятию “статус”, “состояние”, “упорядоченность”. В политических реалиях стран Запада начала XXI века понятие «государство» используется прежде всего тогда, когда разговор ведется об институтах власти и должностных лицах, которые составляют систему управления [3, с. 21, 22, 30, 58, 227, 228].

Марксистское учение о государстве вполне “вписывается” в общую социально-политическую доктрину классов и классовой борьбы, которую начал освещать еще Н.Макиавелли в “Истории Флоренции”. Предельно точно логику марксизма в отношении государства изложил В.Ленин в работе “Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции”. “Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий”, – писал В.Ленин [8, с. 7, 36]. Общим, объединяющим началом (от Аристотеля и до Ленина), которое связано с понятием “государство” является политическая власть. Следовательно, история любого государства своими корнями изначально связана с системой управления, политической организацией общества.

Истории народа в контексте культурного разнообразия. Белорусы уже давно доказали, что почти во всех областях научного знания они имеют весомые результаты, которые вносят вклад в сокровищницу мировой науки. Пожалуй, только в области разработки проблематики, связанной с государственностью, у белорусов до недавнего времени не было достижений. По той причине, что проблематика государственности, прежде всего, нуждается в теоретико-методологическом анализе и осмыслении исторического пути, пройденного белорусским народом.

Трудности в осмыслении этого пути были обусловлены не только недостаточностью источниковой базы, малоизученностью исторических начал этого пути, в частности, в периоде VI – IX вв. Но и тем, что отечественная историческая наука как не имела, так до сих пор и не создала концепцию становления и развития белорусской нации. Эта проблематика также требует глубокого теоретического осмысления. На одной сумме фактов и телеге старой концепции возникновения буржуазных наций, изложенной К.Марксом и Ф.Энгельсом в Манифесте Коммунистической партии, далеко не уедешь. В рамках этой концепции белорусы в XIX в. – догоняющая нация, которая запоздала в своем развитии.

Однако социально-экономические, политические и цивилизационно-культурные реалии начала XXI века свидетельствуют, что белорусы никого не догоняли. В своем развитии, как историческая общность, они ни от кого не отставали и не отстают. С начала XX века они стремились реализовать собственную модель цивилизационного развития, в которой национальный фактор (в отличие, например, от Франции, Италии, Испании и Германии) не был главным, стержневым. Поэтому решение социальной проблематики

осуществлялось не в условиях противоречий классовой борьбы, а по законам социальной гармонии.

Такое понимание возможных путей развития наций только начинает обретать право на существование, только пробует пробить брешь в стене западно-либерального понимания истории европейских наций. В результате на протяжении длительного времени в отечественной исторической науке не было разработано концептуального понимания исторического пути, пройденного нашим народом. В среде людей, мышление которых было озадачено поиском ответа на вопрос – какое вековое историческое наследие, обретенное на этом пути, являлось национальным, возникало немало рассуждений, которые сводились к попытке соединить государственные и национальные начала этого пути. Соединить под лозунгом – государственное должно стать национальным. Для этого государственное должно было, так сказать, обрести паспортно-метрические характеристики. В период с 1991 по 2010гг. эти рассуждения были изложены и получили постоянную “прописку” на страницах школьных и студенческих учебников, множества научных статей, монографий и энциклопедических изданий.

В результате школьные учителя, университетские преподаватели, научные сотрудники и просто любители истории, ориентируясь на историю культуры, роль и место в жизни общества национально-культурных начал и разнообразия, попытались паспортно-метрические характеристики соединить с артефактами историко-культурного происхождения. На этой основе еще в XIX в. возникла кривичская концепция истории Беларуси. Когда же более пристальному и всестороннему анализу были подвергнуты артефакты культурного разнообразия XIV–XVI вв. и многие убедились в их белорусском происхождении, появилась концепция истории Великого Княжества Литовского, вначале как белорусско-литовского, а затем белорусского государства.

В контексте истории культурного разнообразия белорусских земель исчезновение Речи Посполитой и последующее вынужденное временное культурное бытие белорусов в составе Российского государства создало питательную почву для возникновения концепции их национального возрождения. В рамках этой концепции национально-культурное возрождение, охватившее XIX – начало XX вв., завершилось возрождением белорусской государственности в форме Белорусской Народной Республики.

Думаю, что нет необходимости указывать на многочисленные труды самой разной номинации, на страницах которых изложены отмеченные рассуждения и концепции. Достаточно назвать последнюю (по времени издания) коллективную монографию – “Гісторыя Беларусі” в 6-ти томах.

Конечно, можно сослаться и на работы оппонентов, где содержится аргументированная критика отмеченных концептуальных сущностей. Однако критика, как правило, была констатирующей, она не содержала зерна рациональных предложений. Поэтому не могла рассматриваться как альтернатива устоявшимся теоретическим концептам.

Ситуация кардинальным образом изменилась только с появлением коллективной монографии “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.” В этой работе, путь пройденный белорусским народом,

рассматривается в контексте понимания истории его государственности, а не культуры. На наш взгляд, история Беларуси может быть понята только тогда, когда понята истоки и формы белорусской государственности. В этом же контексте могут быть понята общественные и политические отношения, конфессиональные, культурные, правовые устои и традиции, теоретические рассуждения, появившиеся в историографии, и многое другое, покинувшее неизгладимый след в историческом времени и пространстве.

Концепт государственность: теоретическое наследие (краткий обзор).

В литературных трудах до Ж.Бодена толкования понятия “государственность” практически не встречается. «Я не спорю, и прежде люди писали книги, собственно, как принято, об устройстве исторических форм государственности, например диктатур...», – написал Ж.Боден во «Введении» к «Методу легкого познания истории» [2, с. 18]. У этого французского философа и историка государственность – все то, что связано с формой правления – демократическая государственность, диктаторская государственность, монархическая государственность и т.п.

В работах К.Маркса упоминается термин государственность. “Различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о “современной государственности”, в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество”, – писал К.Маркс в “Критике Готской программы” [9, с. 21]. К.Маркс усматривал корень государственности в классовости общества, поэтому у него не просматривается разницы между государством и государственностью.

История как наука оформилась во второй половине XIX века. Профессиональные историки, в том числе российские, находились под влиянием немецких философов. Поэтому в их эпистолярной практике «государство» и «государственность», как правило, отождествлялись. Например, В.Ключевский писал, что «народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона» [7, с. 42]. С.Соловьев считал, что государственность – это “правительство в той или другой форме своей, есть произведение исторической жизни известного народа” [10, с. 18].

В XXв. в социогуманитарных науках целого ряда стран возобладали марксистские методологические подходы к проблеме исследования и освещения сути государства, начиная с процесса его возникновения. В трудах советских философов, историков, экономистов велся разговор о государстве и государственности как сущностно едином понятии.

В оксфордском словаре термин statehood – государственность – трактуется как «the fact of being an independent country and of having the rights and powers of a country» [факт существования независимой страны и обладания правами и властью (силой) страны] [10, с. 1497]. В другом смысловом значении – statehood – это состояние существования одного из штатов внутри страны, например,

США или Австралии: Западная Вирджиния [10, с. 1497]. И в этих толкованиях не прослеживается различия между государством и государственностью.

На страницах советских энциклопедий констатируется, что термин государственность в политической литературе употребляется: 1) как синоним государства вообще, 2) для обозначения этапа в развитии государства, 3) для обозначения политической организации общества, 4) для обозначения системы органов государства [4, с. 146].

Белорусская государственность, ее формы. В дальнейшем стало ясно – без научно-теоретического осмысления проблемы государственности, без нового концептуального прочтения истории белорусского народа, преодолеть сложившиеся в историографии противоречия практически невозможно [12].

Поэтому одним из направлений в исследовании отечественной истории было стремление сотрудников Института истории НАН Беларуси органически соединить фактологию, наработки археологов (эмпирическую часть) с частью теоретической. В новейших трудах, посвященных истории белорусской государственности, было определено, *что белорусская государственность – это “право этнонациональной общности, потенциальная способность и возможность ее национальной элиты (политической, экономической, научной, культурной) к длительному самостоятельному историческому существованию и развитию”* [6, с. 502].

Государство же – это конкретно-историческое воплощение права, способности и возможности в историческом пространстве и времени [6, с. 502]. Государство – это не что иное как совокупность государствообразующих процессов. Продолжая разговор о государственности, отметим, что формы воплощения государственности могут меняться, эволюционировать, но сама государственность всегда остается неизменной. Это значит, что белорусская этнонациональная общность не “теряла” своей государственности, которую не надо было “возродить”. Вместе с разделами Речи Посполитой это государство прератило свое существование. Однако это прекращение, означало, что этнонациональные сообщества: польское, белорусское, украинское, литовское, которые являлись носителями совместной государственности, в новой ситуации могли избрать два пути. Или направить свою деятельность на восстановление в той или иной форме старого, но нежизнеспособного государства, безликой Речи Посполитой, или обеспечить право на самостоятельное существование на новой основе – формировании и консолидации своих национальных элит, которые смогут обеспечить дальнейшее развитие в рамках собственного титульного государства.

В конечном итоге, к 1870-м годам молодая белорусская национальная элита осознала, что надо добиваться реализации права своего народа на самостоятельное историческое существование. Об этом возвестили белорусские народники в столице России. В начале XX в. почти все политические течения, которые представляли интересы белорусской нации, ориентировались на автономно-государственное развитие края в составе демократической Российской федеративной республики» [6, с. 602].

В XIX – начале XX в. на территории белорусского края развивались нациообразующие, элитаобразующие процессы, которые наполняли

государствообразующие процессы реальным социальным содержанием, они (эти процессы) были составной частью единого общероссийского потока, имевшего общую цель. Эта цель была достигнута в 1917 г. И в конечном итоге указанные процессы завершились тем, что белорусский народ добился реализации права на государственность путем создания национального государства.

На наш взгляд, определение историками сущностного содержания государственности – важное научное достижение, которым могут воспользоваться праведы, политологи, представители других социогуманитарных дисциплин. Это дало возможность проследить эволюцию и определить формы белорусской государственности. Полоцкая, Туровская и Киевская Русь – это в одинаковой степени первые исторические формы белорусской государственности. Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское, куда входили белорусские земли, – вторая историческая форма белорусской государственности. Третьей исторической формой государственности на белорусских землях была Речь Посполитая. Исторические формы государственности принадлежали не только белорусскому народу, но и другим народам, на территории которых они существовали [5, с. 7]. К национальным формам государственности принадлежат те из них, в титулах которых присутствует компонент – «белорусская».

Литература и источники:

1. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.4. /Аристотель // пер. С древнегр.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, – 830 с.
2. Боден, Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. – М.: Наука, 2000. – 412с.
3. Гаджиев, К.С. Политическая философия / К.С. Гаджиев. – М.: ОАО "Издательство "Экономика", 1999. – 606 с.
4. Большая Советская Энциклопедия: [в 30 т.] Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 7. Гоголь-дебит, 1972. – 608 с.
5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 1. / А.А. Каваленя і інш; рэдкал.: А.А. Каваленя і інш. – Мінск: Беларус.навука, 2012. – 584 с.
6. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2. / М.У. Смяховіч і інш; рэдкал.: А.А. Каваленя і інш. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 654 с.
7. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9-ти т. / В.О. Ключевский // Т. I. Курс русской истории. Ч. I. Под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.
8. Ленин, В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1975. – 160 с.
9. Маркс, К. Критика Готской программы / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1977. – 48 с.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary, Oxford University Press, 2005, Sally Wehmeier (ed.), 1780 p.
11. Соловьев, С.М. Чтения и рассказы по истории России/ С.М.Соловьев // Сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева. – М.: Правда, 1989. – 768 с.
12. Смехович, Н.В. Исторические истоки, этапы становления и развития белорусской государственности / Н.В. Смехович // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 3. / Редкол.: А.П. Салтыков, О.А. Яновский (отв. редакторы) и др. – Минск: БГУ, 2008. – С. 3–24.
13. Энгельс, Ф. Карл Маркс. “К критике политической экономии” / Ф. Энгельс // Маркс, К. Сочинения:[в 50 т.]. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 489–499.

В.В. Старостенко (Могилев, Беларусь)
**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В
БЕЛАРУСИ**

Мирное сосуществование в современной Беларуси различных конфессий – продолжение «исторической традиции толерантности, характерной для белорусских земель еще со средневековых времен». [22, с. 7] Развитие белорусского этноса протекало в условиях интенсивного взаимодействия представителей разных религиозных традиций, причем «тенденции к обострению межконфессиональной и межрелигиозной напряженности постоянно гармонизировались через непрерывное накопление положительного опыта поддержания веротерпимости как на уровне «высокой», так и народной культуры» [6, с. 288].

На возникновение и становление толерантности оказали особенности этногенеза, исторической, социально-политической и религиозной жизни, ее проявления обнаруживаются в общественной жизни и сознании с эпохи Киевской Руси. В период язычества веротерпимость являлась естественным следствием политеизма, фактически исключавшего из сферы общественной жизни практику религиозного эксклюзивизма. Имела свою специфику христианизация белорусов. В то время, как население Киева в конце X в. было принуждено к крещению князем Владимиром («Аще не обрящеться кто завтра на реце... противень мне да будеть» [12, с. 80]), а о крещении новгородцев сохранилась пословица, что «Путьята крестил их мечом, а Добрыня огнём», источники умалчивают о фактах насильственного введения христианства на землях Западной Руси. Возможно, на это повлияла особенность Приднепровья как зоны активного культурного обмена и взаимовлияния на пути «из варяг в греки». На территории Беларуси в течение многих столетий сравнительно мирно уживалось язычество и христианство. Воплощением языческо-христианского синтеза являлся созданный в «Слове о полку Игореве» образ Всеслава Полоцкого-Чародея: «... великому Хрѣсови влькомъ путь прерыскаше» [17, с. 45].

Принцип религиозно-этнической толерантности сыграл исключительно важную роль в процессе политического и культурного славяно-балтского синтеза. Геополитический фактор обусловил интенсивное взаимодействие в условиях ВКЛ этносов разных религиозных и духовно-культурных ориентаций, сосуществование которых возможно было только на основе терпимости.

При включении восточнославянских земель в состав ВКЛ в сфере религиозной политики чаще всего использовался принцип «старины не нарушать». Подтверждались традиционные права православной церкви, основанные на княжеских уставах Древней Руси. Церковь (как православная, так и католическая) надзидала над нравственностью, соблюдением паствой норм религиозно-церковной жизни, и получала в этом правовую поддержку со стороны верховной государственной власти. При развитии правовой системы ВКЛ в различных актах всех ее основных уровней получали отражение вопросы государственно-конфессиональных отношений. Тема вероисповедных прав так или иначе затрагивалась в привилеях (жалованных грамотах) великих князей

литовских. Издавались привилеи общеземские (преимущественно для шляхты, действовали на территории всего княжества), региональные (для населения определенной земли), местные (чаще всего в ответ на ходатайства и жалобы духовных лиц в связи с нарушениями древних обычаев или обязательств со стороны местных властей), городам на магдебургское право (для жителей городов с правом самоуправления), нехристианским этно-конфессиональным сообществам (для евреев-иудеев и татар-мусульман). С XVI в. действовали Статуты ВКЛ. Великие князья литовские обладали правами высшего патроната над церковной жизнью, и особое место занимали привилеи религиозным объединениям, представителям церковной иерархии, конкретным церквям, монастырям, братствам. На процессы межконфессионального взаимодействия и религиозную терпимость на местах значительное влияние оказывала конфессиональная позиция крупных земельных собственников, которые имели право патроната над монастырями и церквями на своих землях.

Уже в дореволюционной историографии отмечалось, что в начальный период истории княжества, несмотря на конфессиональные различия, отсутствовала нетерпимость. Данное суждение не лишено идеализации, однако распространенным явлением были межэтнические и межрелигиозные браки, принятие литовскими князьями и магнатами православия. Веротерпимость и даже религиозная индифферентность, чаще в угоду политической конъюнктуры, были свойственны первым литовским великим князьям. Миндовг, принявший православие, через пять лет переходит в католицизм, но продолжает приносить жертвы языческим богам [15, с. 1]. Сын Миндовга Войшелк не только принял «русскую веру», но и монашество [8, с. 93]. Веротерпимость Гедимина выражена в словах: «Пускай христиане почитают бога своего по-своему, русские по-своему, поляки по-своему, а мы почитаем бога по нашему обычаю» [7, с. 28]. Оставаясь язычником, он позволял принимать христианство детям и родне [11, с. 20]. Преемник Гедимина Ольгерд, как полагают, принял православие, был два раза женат на «русских» княжнах, и «мел сынов шести, в рускую веру покрещеных» [13, с. 63]. Витовт Великий в одной из инструкций писал: «А который русин будет, а захочет по своей воле креститься, тот пускай крестится; а который не захочет, он будет в своей вере» [5, с. 26].

Религиозная терпимость в ВКЛ утверждалась постепенно и неоднократно подвергалась историческим испытаниям. Так, по решению Кревской унии 1385 г. господствующей религией был провозглашен католицизм. Ягайло, король Польский и великий князь литовский, издал ряд постановлений, дискриминирующих православных верующих, составлявших подавляющее большинство населения княжества. В привилее от 20 февраля 1387 г. подчеркивалось, что лишь католицизм является «правой» верой, и поэтому только феодалы католического вероисповедания получают неограниченные права по распоряжению и владению своей собственностью [3, с. 101–102]. Грамота Ягайлы от 22 февраля 1387 г. гласила, что народы «Литвы и Руси, будут приведены к католической вере... в какой бы вере они не состояли» [18, с. 17]. Постановлением Городельского сейма 1413 г. право занимать должности в центральном и провинциальном управлении, участвовать в избрании великого

князя получили только католики, «римской церкви подвластные, не схизматики или другие неверующие» [21, с. 26–28].

Результатом подобного рода дискриминационной политики стало нарушение гражданского мира и единства страны. В ходе гражданской войны 30-х гг. XV в. страна раскололась на княжества «Литовское» и «Русское» [14, с. 34, 57, 76]. Конфликт был улажен лишь возвратом к политике политического компромисса и веротерпимости, распространением на православных феодалов большей части прав, дарованных католикам (привилеи 1432 и 1434 гг.). Привилеем Владислава III 1443 г. провозглашалось равенство прав православного и католического духовенства. [1, с. 56]. Привилей 1447 (?1457) г. Казимира Ягеллончика устанавливал права шляхты независимо от вероисповедания [3, с. 124–127]. Эти нормы провозглашались и последующим законодательством, грамотами 1492, 1506, 1529, 1547 и 1551 гг. [23, с. 43–44]. Последняя ограничительная статья (п. 9) постановления 1413 г., не всегда соблюдавшаяся и ранее, была отменена грамотой 1563 г. Сигизмунда II Августа. Она распространяла привилегии «подданных костела Римскаго» на «все иные стану рыцарского и шляхетского, яко Литовского так и Руского народу, одно бы были веры хрестиянской» (т.е. на православных и протестантов) [2, с. 120], что было подтверждено затем на Гродненском сейме 1568 г. Религиозная толерантность в качестве стабильной правовой нормы фиксируется в высших законодательных актах ВКЛ. Статут 1529 г. подтвердил все права и церковные привилеи «так латинского закону, яко и греческого» [20, с. 31]. Равноправие подчеркивалось и во втором Статуте (1566).

Религиозная толерантность в стране обеспечивалась также жалованными грамотами конкретным землям, церквям, монастырям, братствам. В начале XVI столетия, несмотря на запрет строительства православных храмов по указу 1480 г. Казимира IV, права «Руской веры» («Греческого закону») в Витебске, Полоцке, Смоленске подтверждались привилеями 1503, 1505 и 1511 гг. [9, с. 253, 255, 276]. Данная в 1503 г. Витебской земле грамота Александра предписывала: «Которыи будут, литвин або лях, крещены были у Витебску в русскую веру... того нам не рушити, права их хрестьянского ни в чом не ломити» [10, с. 96]. Стремление к установлению конфессионального баланса прослеживается в привилеях на магдебургское право [3, с. 265].

Провозглашаемая во многих правовых актах толерантность не являлась абсолютной и безграничной. Так, отношение к инаковерующим нехристианским сообществам нередко испытывало воздействие средневековых стереотипов и предрассудков, определялось конкретно-историческими условиями [19, с. 512–514]. «Буква закона» относительной веротерпимости в ВКЛ не всегда соблюдалась, но существовала возможность на правовых основаниях отстаивать свои вероисповедные и национально-культурные права.

Идея свободы религии получает значительное развитие в отечественной ренессансно-гуманистической мысли раннего Возрождения. Философия толерантности, уважения к иному являлась атрибутом социальной этики Франциска Скорины. В целом конфессионально-мировоззренческая ориентация Скорины находилась в общехристианском контексте его религиозной и культурно-просветительской деятельности, лишенной узкого конфессионального

догматизма и строгой церковности, выдержанной в духе веротерпимости. Об этом свидетельствует отсутствие в скорининских текстах конфессиональной полемики, апелляция ко "всякому человеку", "ко всем верующим во Христа", "людем всем"; типичность формул "нам, христианом", "нас всех христиан" и т.п. [16, с. 22, 32, 105–117]. Поэтизируя в поэме «О зубре» миролюбивый характер белорусов, Николай Гусовский выступал против таких порядков, когда другой народ "топит в крови иноверцев, сжигает селенья", когда "вера велит ненавидеть другого". Не приемля религиозного фанатизма, он протестует и против существующих в народном сознании религиозных предрассудков и средневековых суеверий. Веротерпимостью отличались взгляды Михалона Литвина, автора трактата "О нравах татар, литовцев и москвитян". Он стремился без конфессиональной предвзятости оценить все то позитивное, что есть в культуре и традициях разных народов, даже тех, которые нередко выступали военными противниками "Литвы".

Осознание значимости веротерпимости усиливается в ренессансно-гуманистической и реформационной мысли в период подготовки Люблинской унии между Польшей и ВКЛ. Так, в 1567 г. в Бресте сторонниками реформационных кругов была издана на польском языке "История о жестоком гонении Церкви Божьей в Немцах, Франции, Англии, Италии, Испании и других землях...". Книга стала первым белорусским изданием, в каком были резко осуждены религиозные гонения в странах Западной Европы – казни и преследования неугодных церковных, общественных и политических деятелей, книгоиздателей, писателей, студентов. По сути дела, берестейское издание предупреждало общества ВКЛ и Польши об угрозе нетолерантности, опасности решения религиозных противоречий насильственным путем [4, с. 125–127].

Принцип религиозно-этнической терпимости сыграл важную роль не только в процессе создания Великого княжества Литовского с его богатой, основанной на этноконфессиональном синтезе культуры, но и в формулировании идеи свободы религии как предпосылки концепции свободы совести. Важное место проблема веротерпимости занимала в ренессансно-гуманистической и реформационной мысли развитого Возрождения (вторая половина XVI в.). Значимым фактором конфессиональной жизни ВКЛ с середины XVI в. становится реформационное движение, сыгравшее роль катализатора разработки идеологии религиозной свободы. Благоприятность ситуации конфессионального плюрализма была высоко оценена белорусской мыслью последующего, XVII в. "Золотой век" стал метафорой второй половины XVI в., времени относительной веротерпимости и гражданского согласия в ВКЛ (мемуары Федора Евлашовского, "Лабиринт" Фомы Иевлевича и др.).

Литература:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб.: Тип. II отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1846. – Т. 1. – 419 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб.: Тип. Э.Праца, 1848. – Т. 3. – 342 с.
3. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в 3 т. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1. – 516 с.
4. Галенчанка, Г.Я. Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV – сярэдзіны XVII ст. / Г.Я. Галенчанка – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 458 с.

5. Грицкевич, А.П. Из истории идейной борьбы в Белоруссии XV – XVI вв. / А.П. Грицкевич // Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник. – Минск: Выш. шк., 1989. – С. 23-28.
6. Еворовский, В.Б. У истоков религиозной веротерпимости / В.Б. Еворовский // Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь. – Минск: Четыре четверти, 2005. – С. 286-291.
7. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мінск: Бацькаўшчына, 1994. – 91 с.
8. Коялович, М. Чтения по истории Западной России / М.Коялович. – СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1884. – XII, 341 с.
9. Ластоўскі, В.Ю. Гісторыя Беларускай (Крыўскай) кнігі / В.Ю. Ластоўскі. – Коўна: Друкарня Сакалоўскага і Лана, 1926. – 773 с.
10. Макарий. История Русской церкви. / Макарий – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 5. – 560 с.
11. Малышевский, И.В. Западная Русь в борьбе за веру и народность. / И.В.Малышевский. – СПб.: Синод. тип, 1895. – Ч. 1. – 212 с.
12. Повесть временных лет. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Ч. 1: Текст и перевод. – 406 с.
13. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
14. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1980. – Т. 35. – 308 с.
15. Пятницкий, И. Очерк истории Киевской митрополии. / И. Пятницкий. – Могилев: Скоропечатня Ш.Фридланда, 1891. – 72 с.
16. Скарына, Ф. Творы / Ф.Скарына. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
17. Слово о полку Игореве. – М.: Худ. лит., 1985. – 222 с.
18. Социально-политическая барьба народных масс Белоруссии: конец XIV в. – 1648 г.: Сб. документов и материалов: В 3 т. / Сост. З.Ю.Копыцкий и др. – Минск: Наука и техника, 1988. – Т. 1. – 303 с.
19. Старасценка, В.У. Ідэі вальнадумства і свабоды рэлігіі ў айчыннай рэнесансна-гуманістычнай думцы XVI ст. / В.У. Старасценка // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 2. Пратарэнесанс і Адраджэнне. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – С. 497–519.
20. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.
21. Хрестоматия по истории Белоруссии. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – 472 с.
22. Этноконфессиональные процессы в Беларуси и формирование патриотизма. – 2-е изд. – Минск: Право и экономика., 2004. – 160 с.
23. Юхо, І.А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І.А. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – 236 с.

А.А. Трусаў (Мінск, Беларусь)
**АД ЛІТВІНСКАЙ МЕНТАЛЬНАСЦІ ДА БЕЛАРУСКАЙ
САМАСВЯДОМАСЦІ**

Летась і сёлета грамадскасць краін-спадкаемцаў Рэчы Паспалітай адзначае 150-ыя ўгодкі з нагоды паўстання 1863–1864 гг. У Польшчы і Літве гэтыя даты адзначаюць на высокім дзяржаўным узроўні, Украіне зараз не да ўгодкаў праз сённыя глыбокія палітычныя і эканамічныя крызісы, а ў Беларусі юбілей пераважна

адзначаецца на грамадскім узроўні. Найбольшая ўвага пры гэтым надаецца кіраўнікам паўстання і асабліва постаці Канстанціна (Кастуся) Каліноўскага.

Пасля падаўлення паўстання і пакарання смерцю Канстанціна Каліноўскага царскія ўлады праводзілі вялікую ідэалагічную працу па дыскрэдытацыі Каліноўскага, называлі яго сепаратыстам, сцвярджалі, што ён хацеў адарваць Беларусь ад “рускага сямейства” і далучыць яе да Польшчы. У Варшаве таксама лічылі гэтае паўстанне толькі польскім і шляхецкім. Каліноўскага залічылі ў шэрагі польскіх патрыётаў, які ўсё ж стаў раскольнікам, што не хацеў бяздумна выконваць загады і пастановы Цэнтральнага Нарадовага камітэта.

Таму не выпадкова, што ў першай беларускай версіі гісторыі нашага народа, напісанай у 1910 г. у Вільні Вацлавам Ластоўскім, паўстанне называецца польскім, а імя Каліноўскага зусім не згадваецца. Аднак гісторык піша, што падчас польскіх паўстанняў паўстанцы звярталіся да беларускага народа з заклікамі на беларускай мове.

Цікава, што Ластоўскі не вызначае нацыянальную прыналежнасць гэтых паўстанцаў, а таксама тых аўтараў, якія ў першай палове – сярэдзіне XIX ст. пачалі пісаць па-беларуску. Аднак паведамляючы, што ў 1840 г. у Парыжы выйшла кніга Рыпінскага “Беларусь”, Ластоўскі дае ёй і яе аўтару вельмі цікавую характарыстыку: “Кніжка гэта ў сваіх поглядах зусім польская, але аўтар тэрытарыяльна лічыў сябе за беларуса” [1].

Ад сябе трэба дадаць, што Рыпінскі ўпершыню называе нашу зямлю не “Літва”, як яго сучаснік Адам Міцкевіч, а менавіта “Беларусь”.

Справядліва і тое, што ў юбілейны год паўстання ў Беларусі вельмі зацікавіліся літаратурнай спадчынай і Адама Міцкевіча. На сцэне Нацыянальнага Купалаўскага тэатра з поспехам была пастаўлена тэатральная інтэрпрытацыя твора нашага славутага земляка “Пан Тадэвуш” у інсцэніроўцы Сяргея Кавалёва, а пастаноўшчыкам спектакля стаў Мікалай Пінігін.

Спектакль выклікаў шмат крытычных публікацый, у якіх зноў сталі разглядаць нацыянальнасць Адама Міцкевіча. Аднаы сцвярджаюць, што Міцкевіч – гэта польскі нацыянальны геній з беларускімі каранямі, іншыя спасылаліся на польскага даследчыка Станіслава Піганя, які пісаў, што Міцкевіч адчуваў сябе літвінам, шчыльна звязаным з “роднай Наваградскай зямлёй”. Беларускі пісьменнік і літаратар Сямён Букчын лічыць, што “не трэба займацца дзяльбой Міцкевіча, а прымаць яго такім, якім ён ёсць” [2].

Нашу краіну, якая існавала ў часы Адама Міцкевіча, Букчын называе “Літва-Беларусь” і гэта, на нашу думку, зусім не выпадкова. У сярэдзіне XIX ст. пасля паўстання 1830-1831 гг. частка беларускай шляхты пад уплывам ідэй рамантызму пачала актыўна звяртацца да сваіх нацыянальных вытокаў, якія ляжаць у гісторыі ВКЛ, а не Польшчы, як складовай часткі больш позняга дзяржаўнага ўтварэння Рэчы Паспалітай, дзе ў XVIII ст. запанавала польская мова і культура.

І тут на першае месца выходзяць мясцовыя гісторыкі, археолагі і краязнаўцы. Варта адзначыць дзейнасць у гэтым накірунку Яўстафія Тышкевіча, які ў 1848 г. звярнуўся да віленскага генерал-губернатора з прапановай стварыць музей у Вільні на аснове яго прыватнай калекцыі. Пасля падтрымкі генерал-

губернатарам І. Т. Бібікавым гэтую ідэю ўхваліў і імператар Мікалай І – і ў красавіку 1855 г. у зале публічных паседжаньняў былога Віленскага ўніверсітэта музей быў урачыста адкрыты. Сам Тышкевіч лічыў, што ў музеі паказаны не мясцовыя помнікі старажытнасьцяў, а менавіта “літоўска-рускія”. Пад словам “Віленскі музей” Тышкевіч разумее збор рэчаў, якія распавядаюць пра жыццё і дзейнасьць “літоўска-рускага народа”.

Даследчык музейнай справы Беларусі Аляксандр Гужалкоўскі лічыць, што гэтыя выказванні Яўстафія Тышкевіча сведчаць аб першых спробах нацыянальнай самаідэнтыфікацыі ў музейнай справе Беларусі [3].

Адкрыццё музея менавіта ў Вільні, былой сталіцы ВКЛ, было справай невыпадковай. Нават нягледзячы на часы русіфікацыі цягам ХІХ ст., перабудову касцёлаў у праваслаўныя цэрквы, закрыццё ў 1832 г. Віленскага ўніверсітэта, горад становіцца для жыхароў былога ВКЛ сімвалам мінулага хараства страчанай дзяржавы. За Вільняй замацоўваецца статус святыні, помніка нацыянальнай культуры ў першую чаргу для гістарычных літвінаў, характэрным прадстаўніком якіх быў Адам Міцкевіч – удзельнік польскамоўнага літвінскага руху, што працягваўся да канца ХІХ – пачатку ХХ ст. З 1883 г. пачалося літоўскае (альбо літувіскае) адраджэнне, калі ва Усходняй Прусіі з’явілася іх першая газета “Ausra” [4]. Літоўская інтэлігенцыя таксама пачала прэтэндаваць на Вільню, як на сваю спрадвечную гістарычную спадчыну.

Пачынальнікам жа беларускага адраджэння лічаць Францішка Багушэвіча, які таксама жыў і працаваў у Вільні з 1884 да 1898 г. адвакатам у Акруговым судзе, што мясціўся ў былым палацы Тышкевічаў. Якраз на Віленскі перыяд жыцця прыпадае большая частка літаратурнай дзейнасці Багушэвіча [5].

Дык кім тады быў Канстанцін Каліноўскі: польскім патрыётам, які пісаў па-беларуску, каб прыцягнуць на свой бок беларускіх сялян, літвінам з беларускімі каранямі ці першым беларусам, які ўпершыню заклікаў да незалежнасці нашага народа ад заваёўніка-“маскаля”?

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі і стварэння БССР імя Каліноўскага было рэабілітавана і яго постаць трывала прапісалася ў беларускім мастацтве і гісторыі. Даследчык беларускай драматургіі Сцяпан Лаўшук выдзяляе пяць уваскрашэнняў Каліноўскага ў беларускай драматургіі. Гэта п’еса “Кастусь Каліноўскі” Е. Міровіча, дакументальны фільм П. Шамшура “Кастусь Каліноўскі”, трагедыя ў трох актах, трынаццаці карцінах “Кастусь Каліноўскі. Смерць і неўміручасць” У. Караткевіча, драматычная паэма А. Куляшова “Хамуціус” і філасофская драма “Кастусь Каліноўскі” Э. Скобелева [6].

Постаць Канстанціна Каліноўскага трывала прапісалася на старонках падручнікаў па гісторыі БССР, як школьных, так і для ВНУ. Прывядзём некалькі прыкладаў, прычым на мове арыгінала. Пачнём са школьнага падручніка па гісторыі БССР пад рэдакцыяй Абэцэдарскага: **“Рэволюционер-демократ Константин Калиновский.** Борьбу белорусских крестьян против помещиков поддержали революционеры-демократы во главе с выдающимся сыном белорусского народа Константином Калиновским.

Константин Калиновский (настоящее имя Калиновского – Викентий-Константин) родился 21 января 1838 г. в имении Мостовляны Гродненского уезда. Отец его, шляхтич по происхождению, имел небольшую ткацкую

мастерскую. Детство свое Калиновский провел в деревне, среди крестьян. Он хорошо знал их горе, страдания и несправедливость. Окончив Свислочское уездное училище, Калиновский в 1856 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Родители не помогали ему.

В это же время революционная организация, которую возглавлял Калиновский, *стремилась поднять на вооруженную борьбу белорусских крестьян и объединить их силы с польскими повстанцами*. На Гродненщине, где повстанческим движением руководил Калиновский, крестьяне в отдельных случаях присоединялись к отрядам польских повстанцев. Но поднять белорусское крестьянство на вооруженную борьбу Калиновскому и другим революционерам-демократам не удалось.”

“Калиновского схватили. На допросах он держался мужественно, никого из своих товарищей не выдал. Царский суд приговорил его к смертной казни через повешение. Зная о приговоре, он написал в тюрьме свое последнее письмо. В нем Калиновский призывал народные массы к борьбе: “Воюй, народ, за свое человеческое и народное право, за свою веру, за землю свою родную!”

Калиновского повесили 10 марта 1864 г. в Вильно. Стоя под виселицей, глядя на далекую толпу, Калиновский молча слушал, как читали приговор. Когда чиновник прочитал, что приговаривается к смертной казни “дворянин Викентий Калиновский”, он крикнул: “У нас нет дворян, у нас все равны!” Это были его последние слова.

Костантин Калиновский, *пламенный революционер-демократ, был борцом за свободу и счастье белорусского народа, за его светлое будущее.*”

Абэцэдарскі і яго памочнікі называлі Каліноўскага сынам беларускага народа, кіраўніком узброеных беларускіх сялян, які намагаўся аб’яднаць іх з польскімі паўстанцамі [7]. З гэтых цытат вынікае, што тады Каліноўскага лічылі беларусам і кіраўніком беларускага, а не польскага, паўстання супраць царызму. А зараз возьмем у рукі падручнік для студэнтаў гістарычных факультэтаў ВУНУ БССР [8].

“В Вильно в июле 1862 г. “красными” был создан Литовский провинциальный комитет для руководства восстанием на территории Литвы и Белоруссии. В комитет входили К. Калиновский (1838-1864), Л. Зверждовский, Ф. Рожанский, Э. Вериго. Комитет формально подчинялся Центральному национальному комитету. Он установил связи с тайной организацией “Земля и воля” и приступил к подготовке восстания: его члены собирали деньги для покупки оружия, собирали повстанческие отряды, создавали местные революционные организации в Гродно, Минске, Белостоке и других местах. Эти организации вели пропаганду среди населения, распространяли листовки, призывая присоединиться к национально-освободительной борьбе. Большинство членов организаций относились по своим взглядам к умеренным “красным”. “Левую” часть повстанцев в Белоруссии возглавлял К. Калиновский. Он был выходцем из семьи обедневшего шляхтича Гродненской губернии, окончил Петербургский университет. К. Калиновский являлся членом тайного кружка выдающегося польского революционера С. Сераковского. Вместе с В. Врублевским и Ф. Рожанским Калиновский в 1862 – начале 1863 г. издавал газету “Мужицкая правда” (вышло всего 7 номеров), проникнутую

революционно-демократическими идеями. Газета вскрывала крепостническую сущность реформы 1861 г., развенчивала веру крестьян в царя, воспитывала чувство интернационализма. Повстанческие организации вели агитацию в воинских частях, расквартированных на территории Белоруссии, распространяли среди солдат прокламации с призывами присоединиться к повстанцам, выступать вместе с народом против царя, за землю, за волю.”

“Вожди повстанцев в большинстве были представителями “красных”; руководимые ими отряды выступали как выразители и защитники интересов крестьянства. Во всех селах и деревнях по пути своего продвижения повстанцы зачитывали крестьянам манифест и аграрные декреты, изданные Центральным национальным комитетом.”

Тут даецца станоўчая ацэнка газеты “Мужыцкая праўда”, якую выдаваў Каліноўскі, паведамляецца, што Літоўскі правінцыйны камітэт толькі фармальна падпарадкоўваўся Цэнтральнаму нацыянальнаму камітэту ў Варшаве.

Пасля абвяшчэння незалежнасці Беларусі постаць Каліноўскага паранейшаму займала ганаровае месца ў нацыянальным пантэоне беларусаў. Была выпушчана паштовая марка з выявай героя, Вярхоўны Савет Беларусі зацвердзіў ордэн імя Каліноўскага. Але ў другой палове 90-х гадоў мінулага стагоддзя сітуацыя змянілася. Змяніліся падручнікі па гісторыі Беларусі, зноў паднялі галаву прыхільнікі заходнерусізму і вось у 2008 г. з’яўляецца школьны падручнік для 10 класа пад рэдакцыяй Я. І. Трашчанка, дзе роля Каліноўскага падаецца зусім з іншых пазіцый: **“Гістарыяграфічны міф пра Вікенція (Кастуся) Каліноўскага.** З міфам пра “беларускі характар” паўстання звязана міфалагізацыя некаторых яго кіраўнікоў на тэрыторыі Літвы і Беларусі, у прыватнасці **Вікенція Каліноўскага.** Міф перайменаваў яго ў “Кастуся”, хаця ў рэальнасці Вікенцій Каліноўскі сваім другім імем “Канстанцін” ні ў афіцыйнай дакументацыі, ні ў прыватнай перапісцы ніколі не карыстаўся. В. Каліноўскі быў прыхільнікам адраджэння федэрацыі Кароны Польскай і Вялікага княства Літоўскага і лічыў сябе ліцвінам. **Паводле этнічнай ідэнтыфікацыі, ён быў палякам і ніколі не называў сябе беларусам.** Як устанавіла сенацкая камісія, што прызнала шляхецтва сям’і Каліноўскіх, яны былі выхадцамі з карэннай польскай Мазовіі. Ніякіх аб’ектыўных падстаў для ператварэння В. Каліноўскага ў “нацыянальнага героя беларускага народа” не існуе.”

“Што датычыцца Беларусі, то ў 1863 г. самастойным суб’ектам палітыкі яна яшчэ не выступала. Для расійскага ўрада Беларусь была Заходняй Расіяй, якая адрознівалася ад Цэнтральнай толькі польскім землеўладаннем, уплывам каталіцызму і яўрэйскай мяжой аседласці. Так успрымала яе мясцовая інтэлігенцыя праваслаўнай арыентацыі, якая складала рух *заходнерусізм*. Для Польшчы, якую марылі адрадзіць мяцежнікі, Беларусь была “крэсамі ўсходнімі”, усходнімі ўскраінамі. Для праваслаўнага беларускага народа месца ў ёй увогуле не прадугледжвалася” [9].

Такім чынам, практычна была паўторана царская версія паўстання 1863–1864 гг., а Каліноўскі стаў літвінам польскага паходжання.

Нягледзячы на гэта беларуская грамадскасць у мінулым і гэтым годзе шырока адзначыла юбілей паўстання не толькі ў Мінску, але і па ўсёй краіне. Апошнюю кропку ў спрэчцы заходне-русістаў і беларускіх патрыётаў аб

паходжанні і самасвядомасці Каліноўскага паставіла публікацыя на гэтую тэму доктара гістарычных навук Валянціна Голубева. На старонках Беларускага гістарычнага часопіса навуковец упершыню цалкам надрукаваў на мове арыгінала паказанні аднаго з удзельнікаў паўстання Вітольда Парфіяновіча, дзякуючы якім царскія жандары схапілі Каліноўскага [10].

Па-першае, царскія следчыя ніколі не называлі Каліноўскага Вікенціем, а толькі Канстанцінам, што цалкам пярэчыць выказванням Абэцэдарскага і Трашчанка. Па-другое, следчыя дакладна зафіксавалі пароль паўстанцаў “Люблю Беларусь”. Менавіта “Беларусь”, а не “Белоруссию”, ці “Літву”, або “Польшчу”.

І гэта ў той час, калі тэрмін “Беларусь” быў забаронены Мікалаем I задоўга да паўстання.

Што здарылася ў свядомасці Каліноўскага і яго прыхільнікаў? Гэта выхад на палітычную сцэну беларускага сялянства, якое ў 1861 г. нарэшце пазбавілася прыгону. Сяляне сталі юрыдычна роўнымі з іншымі класамі беларускага грамадства і гэта першым падтрымаў менавіта Каліноўскі, калі перад гвалтоўнай смерцю публічна адмовіўся ад свайго шляхецтва і стаў першым свядомым палітычным беларусам, які любіў і Беларусь, і беларускі народ. Пасля паўстання выразнікамі новай мадэрновай беларускай нацыі сталі разам з сялянамі і мяшчанамі і беларускія шляхцічы, якія падчас перапісу 1897 г. пазначалі роднай мовай не польскую (якую дакладна ведалі), а менавіта беларускую. Сярод іх былі і магнаты, напрыклад, Раман Скірмунт ці Магдалена Радзівіл.

Літаратура:

1. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мн.: Універсітэцкае, 1992. – С. 101.
2. Букчын Сямён. Аднаўленне памяці пра Літву-Беларусь С. Букчын. – Народная воля, № 22, 21 сакавіка 2014. – С. 6.
3. Гужалоўскі, А. А. Нараджэнне беларускага музея / А. А. Гужалоўскі. Мн.: НАРБ, 2001. – С. 79.
4. Косман, М. З гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага / М. Косман, пер. з польск. С. Ішчанка [і інш.]. – Мн.: Медысонт, 2010. – С. 137.
5. Луцкевіч, Л. Вандроўкі па Вільні / Л. Луцкевіч. – Вільня: выдавецтва Таварыства беларускай культуры “Рунь”, 1998. – С. 57.
6. Лаўшук Сцяпан. “Ствараем новае аблічча...”: вобраз Кастуся Каліноўскага ў беларускай драматургіі. / С. Лаўшук // Літаратура і мастацтва. – 2014. – 21 сак. – С. 6–7.
7. Абецедарский, Л. С., Баранова М. П., Павлова Н. Г. История БССР. Учебник для учащихся средней школы. – Мн.: Народная асвета, 1976. – С. 83, 85–86.
8. История БССР. Часть I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. Чепко В. В., Игнатенко А. П. – Мн.: Изд. БГУ им. Ленина, 1981. – С. 205–206.
9. Трашчанок, Я. І., Вараб’ёў А. Н., Валжанкоў В. В. Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да кастрычніка 1917 г. – Мн.: Адукацыя і выхаванне, 2008. – С. 191–192.
10. Голубеў, В. Ф. Люблю Беларусь! Пароль паўстанцаў 1863 – 1864 гг. / В. Ф. Голубеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 12. – С. 11–15.

Л.М. Лыч (Мінск, Беларусь)

МОЎНЫ ФАКТАР РАЗНАСТАЙНАСЦІ КУЛЬТУРНАГА ЖЫЦЦЯ БССР (1 СТУДЗЕНЯ 1919 – 1 СТУДЗЕНЯ 1929 ГГ.)

Сваю мэтанакіраваную дзейнасць па рэгуляванні моўных працэсаў улады Савецкай Беларусі распачалі ў надзвычай цяжкіх, складаных варунках. Да абвяшчэння 1 студзеня 1919 г. Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі ні ў адным з мясцовых савецкіх адміністрацыйных органаў не было складзена аніводнага службовага дакумента на беларускай мове. А яна ж, паводле законаў логікі, законаў справядлівасці павінна была стаць дзяржаўнай мовай БССР. Гэта добра разумелі многія з яе палітычных кіраўнікоў і таму ўжо на другі дзень існавання БССР з рускай мовы пераклалі на беларускую “Маніфест Часовага Рабоча-Сялянскага савецкага ўрада Беларусі”. Зрабіў гэта пісьменнік, а пазней вядомы грамадскі і дзяржаўны дзеяч Зм. Жылуновіч (літ. псеўд. Цішка Гартны) – першы па ліку старшыня Часовага Рабоча-Сялянскага савецкага ўрада Беларусі (з 1 студзеня да 2 лютага 1919 г.)

Наша краіна многае страціла, у тым ліку і ў культурна-моўнай сферы, што гэты так моцна, шчыра адданы нацыянальным інтарэсам палітычны лідар вымушаны быў не па сваёй волі пакінуць самую высокую ў краіне дзяржаўную пасадку. Хаця з пазіцыі беларускай нацыянальнай ідэі зыход Зм. Жылуновіча з пасадкі негатыўна адбіўся на ходзе рэгулявання моўных працэсаў, у гэтай практыцы заўсёды знаходзілася месца для беларускай мовы. Да таго ж працягвала захоўвацца складаная геапалітычная сітуацыя, якая істотна абвастралася з польска-савецкай вайной. БССР як самастойная дзяржава спыняе сваё існаванне, а яе незанятая польскімі інтэрвентамі тэрыторыя ўваходзіць у склад утворанай 27 лютага 1919 года Літоўска-Беларускай ССР (Літ-Бел). Па віне самых высокіх кіраўнікоў гэтага дзяржаўнага аб’яднання роля беларускага фактару ў культурнай сферы не была належным чынам улічана. Гэта пацвярджаецца наяўнасцю пэўных цяжкасцяў з выданнем на беларускай мове перыядычных друкаваных органаў. З 24 лютага 1919 г. нават спыняецца выпуск беларускамоўнай газеты “Дзянніца”. Шмат перашкод існавала з развіццём беларускамоўнай адукацыі. На падобнае ніяк не маглі не рэагаваць нашыя цвёрдыя нацыянальнай арыентацыі палітыкі і прадстаўнікі інтэлігенцыі. Гэта дзякуючы іх настойлівым намаганням у Літ-Беле разам з літоўскай, рускай, польскай і яўрэйскай, афіцыйнай мовай з’яўлялася і беларуская. На ёй выдавалася 1 газета, можна было навучаць дзяцей у школе, ладзіць культурна-асветніцкую працу з людзьмі. Наяўнасць у Літ-Беле афіцыйнага пяцімоўя стварала рэальныя магчымасці для забеспечэння ў ёй культурнай разнастайнасці. І калі з гэтым далёка не ўсё атрымлівалася, дык толькі з-за складанасці ваеннай абстаноўкі.

Тым не менш, у тых экстрэмальных умовах нацыянальна-культурнае жыццё нашага народа не зведвала такіх сур’ёзных абмежаванняў, перашкод, як за царскім рэжымам ці ў часы існавання Заходняй вобласці (пазней – Заходняй камуны)

Са знікненнем з палітычнай карты Літ-Бела, з вызваленнем Беларусі ад польскіх інтэрвентаў, яна зноў стала самастойнай дзяржавай – Беларускай

Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікай. У мясцовым і цэнтральным кіраўніцтве яе знаходзілася багата чыноўнікаў небеларускай нацыянальнасці, а таксама тых, хто ў гэтым краі добра набыў руку на правядзенні царскай русіфікатарскай палітыкі. Не належаў да беларускай нацыі і сам партыйны лідар БССР Вільгельм Кнорын (латыш). Яго змешчаная ў 1918 г. у друкаваным органе Мінскага камітэта РСДРП (б) “Звезда” публікацыя, у якой сцвярджалася аб адсутнасці падстаў называць беларусаў самабытнай, адрознай ад рускіх нацыяй, добра помнілася занятымі ва ўладных структурах чыноўнікамі. І нават тыя з іх, што вызначаліся здаровай нацыянальнай самасвядомасцю, з вялікай цяжкасцю адчынялі насцеж дзверы беларускай мове для ўвядзення яе ў грамадскае жыццё. Прыклад таму – стаўленне да моўнай праблемы Другога Усебеларускага з’езда Саветаў, які праходзіў у снежні 1920 г., гэта значыць, калі ішоў толькі шосты месяц пасля другога абвяшчэння БССР. Каб не трапіць пад абстрэл афіцыйнай крытыкі за наданне ў сферы асветы прэстыжу беларускай мове (а такога яна заслугоўвала, бо з’яўлялася роднай мовай тытульнага народа краіны). У чацвёртым пункце рэзалюцыі з’езда было так запісана: “Стварэнне сеткі ўстаноў, якія ўсебакова абслугоўваюць культурныя патрэбы масаў на ўсіх мясцовых мовах, падрыхтоўка для іх работнікаў асветы, выданне для іх літаратуры на мясцовых мовах...” Як бачым, мелася б толькі жаданне (а яно было ў той час у нашага народа), і беларускую мову можна было шырока выкарыстоўваць у такой важнай нацыястваральнай сферы, як адукацыя, дзе да кастрычніцкай рэвалюцыі панавала руская мова, што самым негатыўным чынам адбівалася на стане культуры, этнічнай свядомасці карэннага насельніцтва гэтай тэрыторыі былой Расійскай імперыі. Прафесійныя пласты нацыянальнай культуры знаходзіліся толькі ў самім зародку, што не надавала разнастайнасці духоўнаму жыццю Беларусі.

У дзяржаўным ргуляванні моўных працэсаў яшчэ далей за Другі Усебеларускі з’езд Саветаў пайшла II-я сесія Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта Саветаў Беларусі (люты 1921 г.) У адпаведнасці з прынятай рэзалюцыяй Народнаму камісарыяту асветы БССР прадпісвалася “зрабіць захады да ўмацавання працы на мове пераважнай большасці працоўнага сялянства Беларусі – мове беларускай. Наркам асветы павінен у сваёй працы зыходзіць з няўхільнай перспектывы планамернага і паступовага пераходу ўстаноў, у якіх навучаюцца і выхоўваюцца дзеці-беларусы на іх матчыну – беларускую мову выкладання. За выкананне гэтага задання павінны ўзяцца яшчэ у бягучым годзе”, г.зн. у 1921 годзе.

Тады нікому з дзяржаўных дзячоў не прыходзіла ў голаву думка пытацца ў бацькоў ці праводзіць рэфэрэндум датычна мовы навучання і выхавання, бо ёю павінна была быць, як прынята ва ўсім цывілізаваным свеце, толькі мова тытульнага народа краіны, інакш ён стане ахвярай асіміляцыйных працэсаў. Падключаць жа людзей да развязвання гэтай заўжды самай складанай праблемы нельга было ні толькі з-за іх нізкага адукацыйнага ўзроўню, але яшчэ і з прычыны даволі высокай ступені зрусіфікаванасці, асабліва інтэлігенцыі, чыноўнікаў, з-за адсутнасці спрыяльных умоў для развіцця беларускай нацыянальнай культуры, у выніку чаго людзі не ўмелі цаніць усяго таго, што ім было дадзена самой прыродай. Словам, малаадукаваныя бальшавікі не

памыліліся ў тым, што надалі законны для беларускай мовы прыярытэт у сферы народнай адукацыі. Ужо ў першыя гады Савецкай улады маладыя пакаленні беларускага народа сталі ўзгадоўвацца паводле сваіх бацькоўскіх культурна-моўных традыцый, раслі нацыянальнымі патрыётамі. Неўзабаве па сваёй жа ініцыятыве ўлады нададуць такі законны прыярытэт беларускай мове ў абслугоўванні палітычнага, эканамічнага жыцця, науки і іншых сфераў дзейнасці чалавека. Арганізаванае ўкараненне беларускай мовы ў службовае справаводства прычынілася да таго, што паступова, без усялякага прымусу, яна стала галоўным сродкам зносін палітыкаў, афіцыйных ідэолагаў з самімі сабой і са самім народам.

Такое пазітыўнае стаўленне чынавенства, грамадства ў цэлым да беларускай мовы яшчэ ў большай меры пачало выяўляцца пасля прыняцця 15 ліпеня 1924 г. пастановы ЦВК БССР “Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі”. Гэтай гістарычнай важнасці пастановай беларусізацыю ўзвялі ў статус дзяржаўнай палітыкі, зрабілі абавязковай для выканання ўсімі і кожным.

Неабходна адзначыць, што з’яўленню на свет названай пастановы папярэднічала прыняцце ЦК КП(б)Б шэрага важных нарматыўных актаў па нацыянальным пытанні. Сфармуляваныя ў іх палажэнні, несумненна, дапамаглі пазбегнуць усялякай стыхійнасці, непрадуманасці пры распрацоўцы асноўных напрамкаў і ажыццяўленні дзяржаўнай палітыкі беларусізацыі. З такіх нарматыўных актаў коратка разгледжу толькі ліпеньскі (1924г.) Пленум ЦК КП(б)Б, які праходзіў 6 – 9 дня гэтага года. Пленум прызнаў ненармальным, што ў дзяржаўных, грамадскіх і прафесійных установах у крайне абмежаваных аб’ёмах выкарыстоўваецца беларуская мова, хаця яе носьбіты складаюць пераважную колькасць жыхароў рэспублікі. З мэтай ліквідацыі такой дыскрымінацыйнай для іх практыкі прапаноўвалася стварыць такія “умовы, якія найбольш спрыялі б развіццю і выкарыстанню беларускай мовы з тым, каб з фармальна раўнапраўнай зрабіць фактычна раўнапраўнай”. Прапаноўвалася, каб усе члены партыі, якія валодаюць беларускай мовай, у сваіх выступленнях ужывалі пераважна яе.[1, с. 3–5]

Спадзяваюцца, што ў гэтай прапанове бальшавіцкай партыі будуць толькі адны прыхільнікі, ніяк не даводзілася. А не даводзілася таму, што камуністы, як і многія іншыя катэгорыі працаўнікоў, прайшлі багатую школу царскай русіфікацыі і з прычыны гэтага асабліва не цягнуліся да беларускіх нацыянальна-культурных традыцый. Падобнае назіралася і пасля абвешчэння беларусізацыі дзяржаўнай палітыкай. Каб хутчэй пакончыць з такой адмоўнай, шкоднай для беларускай нацыянальнай ідэі з’явай, партыя ўносіць у рэзалюцыю студзенскага 1925 г. Пленума ЦК КП(б)Б наступнае жыццесцвярджальнае палажэнне: “Пры раўнапраўі ўсіх нацыянальнасцяў, пры абавязку з боку ўрада і партыі забеспячэння развіцця культуры кожнай з іх, пры прызнанні дзяржаўнымі мовамі 4-х (беларускай, рускай, яўрэйскай, польскай. – Л.Л.) – пры ўсім гэтым, аднак, справа развіцця мовы, літаратуры, усёй культуры на беларускай мове прызнаецца першай і асноўнай справай.” [2, с. 5] (падкрэслена мною – Л.Л.).

Надзвычай павучальны на сёння ўрок дзяржаўнай палітыкі беларусізацыі заключаецца ў тым, што прыклад у пераходзе на культурна-моўныя стандарты

тытульнай нацыі паказвалі чыноўнікі самых высокіх эшалонаў савецкіх і партыйных уладных структур, ад якіх не жадалі адставаць занятыя ў падначаленых ім звёнах. Так, ужо на другім годзе правядзення беларусізацыі, г.зн. у апошні год першага паслякастрычніцкага дзесяцігоддзя, беларускай мовай валодала 80% агульнай колькасці работнікаў Цэнтральных (рэспубліканскіх) устаноў, а ва ўстановах больш нізкага рангу – 70%. У 1925 годзе аналагічныя паказчыкі складалі адпаведна толькі 36 і 22% [3, с. 12]. Такая пазітыўная з’ява з авалодваннем беларускай мовай была характэрнай для ўсіх катэгорый інтэлігенцыі.

Наданне самой дзяржавай прэстыжнасці беларускай мове як найважнейшаму фактару яго культурна-нацыянальнага адраджэння ніколі не пярэчыла інтарэсам этнічных груп нашай краіны. Наадварот, яшчэ ніколі не назіралася такога культурнага росквіту іх, як у гады беларусізацыі. Сказанае датычыла і рускай меншынні. І гэта, заўважу, ва ўмовах, калі павышаць ролю беларускай мовы ў аблугоўванні ўсіх відаў службовага справаводства, сфер адукацыі, прафесійнай культуры даводзілася ажыццяўляць за кошт абмежавання рускай мовы, у якіх яна бесканкурэтна панавала дзякуючы шматгадовай царскай палітыцы русіфікацыі. У гады беларусізацыі на рускай мове друкаваліся кнігі, выходзілі газеты і часопісы, вялося навучанне ў школах, тэхнікумах і ВНУ, ладзіліся спектаклі ў тэатрах. Не мелі прэтэнзій да дзяржавы з-за яе палітыкі беларусізацыі яўрэйская, польская і іншыя этнічныя супольнасці. “У канцы 1920-х гадоў у БССР дзейнічалі 3 яўрэйскія і польскія педтэхнікумы... Беларускае радыё транслявала перадачы таксама на польскай, рускай, літоўскай, латышскай і яўрэйскай мовах.” [4, с. 537]. Такой культурна-моўнай разнастайнасці, як у першае дзесяцігоддзе Савецкай улады, у чым самая вялікая роля дзяржаўнай палітыкі беларусізацыі, наша краіна больш не перажывала: ні ў крывавыя сваімі масавымі палітычнымі рэпрэсіямі 1930-я гг., ні ў любое з пасляваенных дзесяцігоддзяў з уласцівай для кожнага з іх буйнамаштабнай дзяржаўнай палітыкай дэбеларусізацыі, ні стаўшы на шлях суверэннага развіцця. Паводле паказчыка культурна-моўнай разнастайнасці, першае савецкае дзесяцігоддзе ў нашай айчыннай гісторыі беспамылкова можна назваць залатым, непаўторным. Сёння нічым нельга апраўдаць, што ў культурна-моўнай разнастайнасці нашай краіны так мала чаго нацыянальна-беларускага, што на вуліцах гарадоў часцей гучыць кітайская мова, чым мова тытульнага дзяржаўнага народа – беларуская, на што ёсць свае важкія прычыны. І шукаць іх трэба не ў паводзінах, поглядах людзей, а ў самім характары дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі.

У наш час, відаць, кожны чыноўнік вышэй раскрыты падыход кампартыі да ўвядзення ў афіцыйны ўжытак беларускай мовы назаве аўтарытарным, а мо яшчэ і дыктатарскім. У Савецкай улады з прычыны глабальнай зрусіфікаванасці народа іншага выбару не было. І ўвогуле трэба ведаць, што ў сусветнай практыцы не знайсці аніводнага выпадку, каб нацыянальна-культурнае адраджэнне адбывалася толькі па ініцыятыве яго прыхільнікаў, без выкарыстання дзяржавай свайго адміністрацыйнага рэсурсу.

У тыя нялёгкія першыя савецкія гады рэгуляваннем культурна-моўных працэсаў займаліся і дзяржаўныя, партыйныя органы Віцебшчыны, Магілёўшчы і Гомельшчыны, якія ўваходзілі ў склад Расійскай Федэрацыі. Праўда, займаліся

гэтымі працэсамі без уліку, насуперак беларускаму нацыянальнаму інтарэсу, рабілі тое, што прынята называць русіфікацыяй. Кожны раз у час праверак арганізацыі нацыянальнай працы ў гэтых губернях, выяўляліся даволі частыя выпадкі, калі мясцовыя ўлады перашкаджалі стварэнню беларускіх школ, а настаўнікаў, якія прыхільна ставіліся да іх, называлі нацыяналістамі ў бальшавіцкім разуменні гэтага слова.

Кіраўніцтву маладой Савецкай Беларусі стварае вялікі гонар, што ў тых далёка не спрыяльных умовах яно стала ініцыятарам, узначаліла, надало шырокі размах руху за нацыянальна-культурнае адраджэнне свайго тытульнага народа. Толькі дзякуючы актыўнаму ўдзелу дзяржавы, беларусізацыя давала жаданыя вынікі на ўсіх дзялянках нацыянальнага будаўніцтва і асабліва ў такіх важных этнаўтваральных, як адукацыя, культура. За першае дзесяцігоддзе існавання БССР, за 5 гадоў ад часу пераходу да дзяржаўнай палітыкі беларусізацыі ўдалося стварыць усе неабходныя ўмовы для самабытнага этнакультурнага развіцця беларускай нацыі. Ёй ужо больш не пагражала, як гэта было на працягу ўсяго перыяду знаходжання пад уладай царскай Расіі, стаць безабароннай ахвярай культурна-моўнай асіміляцыі ў фармаце русіфікацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры:

1. Резолюция Пленума ЦК КП(б)Б (принята 6 – 9 июля 1924 г.). – Минск, 1924.
2. Резолюции Пленума ЦК КП(б)Б. 25 – 29 января 1925 г.). – Минск, 1925.
3. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. – Минск, 1927. Ч.1. Белоруссизация.
4. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. – Мінск: Беларус. навука, 2011.

Мазец В.Г. (Мінск, Беларусь)

МІГРАЦЫЙНЫЯ ПРАЦЭСЫ ЯК ФАКТАР ФАРМІРАВАННЯ ЭТНІЧНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ

Адным з важнейшых фактараў, які на працягу 1945 – 1970-х гг. рабіў істотны ўплыў на працэс фарміравання этнічнай разнастайнасці ў Беларусі, былі міжрэспубліканскія міграцыі. Так, на працягу 1945 – 1959 гг. адбываўся даволі інтэнсіўны адток насельніцтва Беларусі ў іншыя рэспублікі Савецкага Саюза ў выніку прафесійнай падрыхтоўкі моладзі ў сістэме фабрычна-заводскага навучання (ФЗН). Суадносіны тых, хто навучаўся ў Беларусі і па-за межамі рэспублікі, складалі прыкладна 1 да 5. Так, у гэты перыяд часу каля 35% выпускнікоў школ фабрычна-заводскага навучання, рамесных і чыгуначных вучылішчаў БССР працавала на прадпрыемствах і будоўлях Масквы, Ленінграда, Адэсы, Камсамольска-на-Амуры, Сахаліна, лесазавадах Архангельска і Мурманска. Калі мець на ўвазе, што ўсяго за гады чацвёртай пяцігодкі навучальныя ўстановы працоўных рэзерваў БССР выпусцілі 79 тыс. маладых рабочых, то, паводле падлікаў, атрымоўваецца, што прыкладна 27,7 тыс. чалавек на працягу 1946 – 1950 гг. пакінулі тэрыторыю рэспублікі [1, с. 480].

Адметнай з’явай 40-х – 50-х гг. быў выезд беларусаў у Маскву і Ленінград на аднаўленне гэтых гарадоў і будаўніцтва прамысловых прадпрыемстваў. Як

сведчаць статыстычныя звесткі, найбольшы адток беларускага насельніцтва ў гэтыя гарады ў памеры ад 3,7 тыс. да 4,7 тыс. чал. штогод назіраўся ў 1948 – 1955 гг. Усяго на працягу 1947 – 1959 гг., паводле папярэдніх падлікаў выехалі з БССР 46 371 чалавек у Маскву і 45 669 – у Ленінград [2].

Вялікая колькасць беларусаў ў першыя пасляваенныя гады была накіраваная ў Калінінградскую вобласць і Карэла-Фінскую рэспубліку. Так, аддзелам перасялення і рэпатрыяцыі Савета Міністраў БССР на працягу 1945 – пачатку 1947 г. у Калінінградскую вобл. былі пераселены 2 562 сям’і і 700 сем’яў – у Карэла-Фінскую рэспубліку. На працягу 1947 г. планавалася перасяліць 500 сем’яў калгаснікаў і 1000 сем’яў работнікаў саўгасаў, а таксама “правесці работы па засяленню Карэльскага перашыйку” [3, с.513-514]. Штогод, як сведчаць архіўныя звесткі, у Карэла-Фінскую рэспубліку і Калінінградскую вобласць з БССР накіроўвалася ў сярэднім ад 1.300 да 2.700 сем’яў [4, арк.70]. Усяго за 1947 – 1959 гг., паводле папярэдніх падлікаў, ў Калінінградскую вобласць выбылі 27 733 жыхары БССР. За адзначаныя вышэй 12 год з БССР у РСФСР выехала 174 543 чалавекі [2]. Па стану на 15 студзеня 1959 г. у РСФСР пражывала 844 тыс. беларусаў, або 0,7% насельніцтва РСФСР. Найбольшая ж удзельная вага беларусаў – 2,9% – была ў 1959 г. у складзе насельніцтва Латвійскай ССР, дзе пражывала на той момант 62 тыс. беларусаў [5, с. 128].

На працягу 1947 – 1959 гг. з БССР у гэтую рэспубліку выехала 17 тыс. 898 чалавек [2]. На працягу 1965 г. у гарады і гарадскія пасёлкі Латвійскай ССР прыбылі на працу каля 9,5 тыс. беларусаў [6, с. 50]. Пры гэтым, у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе ў БССР даволі значна скарацілася колькасць латышоў [7, с. 129–130]. У Літоўскай ССР у 1959 г. пражывала 30 тыс. беларусаў, або 1,1% насельніцтва Літоўскай ССР [5, с.128]. У 1947 – 1959 гг. у гэтую рэспубліку з БССР выехалі 20 тыс. 587 чалавек. У БССР налічвалася ў 1959г. 8 тыс. 363 літоўцы, або 0,1% насельніцтва рэспублікі. Большасць з іх – 6 299 чалавек – пражывалі ў сельскай мясцовасці. У Эстонскай ССР у 1959 г. пражывала 11 тыс. беларусаў. Пры гэтым, верагодней за ўсё, рост іх колькасці ў гэтай рэспубліцы адбываўся ў 1947 – 1959 гг., калі з БССР туды выехала 8 тыс. 85 чалавек. У той жа час, у БССР, паводле папярэдніх падлікаў, у 1959 г. пражывала толькі каля 700 эстонцаў. З трох прыбалтыйскіх рэспублік у 1947 – 1959 гг., паводле папярэдніх падлікаў, прыбыў у БССР 48 тыс. 681 чалавек [2].

У 1954 г. быў распачаты мэтавы набор беларускай моладзі на асваенне цалінных прастораў стэпаў Казахстана і Сібіры. У сакавіку 1954 г. дэлегаты 18 з’езда ЛКСМБ праводзілі першы атрад пасланцоў камсамола Беларусі на асваенне цалінных і абложных зямель, а ўсяго за 1954 г. выехала 3 тыс. чалавек. 26 чэрвеня 1956 г. у адпаведнасці з пастановаю Савета Міністраў і ЦК КПБ было запланавана накіраваць на ўборку ўраджаю ў саўгасы і калгасы Казахскай ССР 6 тыс. камсамольцаў і моладзі, амаль палова з іх – 2 500 чалавек – з Мінскай вобласці [8, арк.58]. Гэты план быў перавыкананы, так як выехалі 8 589 чалавек [2]. У 1958 г. на цалінных землях Казахстана ўбіралі ўраджай і будавалі дамы ўжо каля 11 тыс. камсамольцаў рэспублікі [9, с. 72–73]. На працягу 1954 – 1959 гг. на цаліну для ўборкі ўраджаю ў асноўным па камсамольскіх накіраваннях выязджалі 64 тыс. 494 чалавек. Неабходна адзначыць, што на працягу 1947 – 1959 г. паміж БССР і Казахскай ССР адбывалі даволі значныя міграцыйныя

працэсы, якія ўплывалі на працэс фарміравання этнічнай разнастайнасці ў БССР. За гэты час з Казахскай ССР прыбылі 40 092 чалавекі, а ў Казахскую ССР выехалі з БССР 73 тыс. 563 чалавекі [2]. Безумоўна, гэта прыводзіла да павелічэння колькасці беларусаў у складзе насельніцтва Казахскай ССР. Так, у 1959 г. у Казахскай ССР пражывала 107 тыс. беларусаў, што складала 1,2% насельніцтва [5, с. 128].

Акрамя асваення цалінных земляў Казахстана, вялікая колькасць беларусаў выязджала на асваенне цалінных земляў РСФСР. Так, паводле папярэдніх падлікаў, толькі ў Алтайскі край на працягу 1954 – 1959 гг. выязджалі каля 8 тыс. чалавек [2].

У канцы 50-х – пачатку 60-х гг. ураджэнцы Беларусі працавалі ў Сібіры і на Далёкім Усходзе, у Казахстане і Сярэдняй Азіі, у рэспубліках Прыбалтыкі. Так, у 1960 г. у БССР паступіла 5171 заява ад жадаючых перасяліцца ў іншую рэспубліку. У выніку ўсе заявы былі задаволены і 5171 сям'я колькасцю 20 226 чалавек былі накіраваныя ў Казахскую ССР. [10, арк. 122]. У 1962 г. з Беларускай у Казахскую ССР было пераселена яшчэ 6 139 сем'яў і 23 557 чалавек [11, арк. 6]. За 9 месяцаў 1964 г. з БССР выбылі ў Казахскую ССР 1 952 сям'і і 7 518 чал. [12, арк. 171]. За апошні год сямігодкі – 1965 – ў гарады і гарадскія пасёлкі Латвійскай ССР прыбылі на працу каля 9,5 тыс. беларусаў [6, с. 50].

У 1974 г. пачалося будаўніцтва Байкала-Амурскай магістралі. Першы атрад беларускай моладзі ў складзе 128 чалавек быў накіраваны на БАМ у сакавіку 1975 г. Неўзабаве ў Сібіры былі сфарміраваны беларускія будаўніча-мантажныя ўпраўленні [13, с. 205]. У цэлым у РСФСР за час паміж усесаюзнымі перапісамі насельніцтва 1970 і 1979 гг. колькасць беларусаў павялічылася з 964,1 да 1051,9 тыс. Ва Украінскай ССР колькасць беларусаў паміж перапісамі 1970 і 1979 гг. вырасла з 385,8 тыс. да 406,1 тыс., у Літоўскай ССР – з 45,4 да 57,6, Малдаўскай – з 10,3 да 13,9, Латвійскай – з 95,0 да 111,5, а ў Казахстане колькасць беларусаў зменшылася са 198,3 тыс. да 181,5 тыс. [14, с. 445]

Характэрна, што колькасць беларусаў у межах рэспублікі расла больш марудна, чым у цэлым па СССР. Пра гэта сведчаць наступныя лічбы. За міжперапісны перыяд 1959 – 1970 гг. колькасць беларусаў у рэспубліцы павялічылася на 757 575 чалавек, а прырост склаў 11%. Прырост беларусаў у цэлым па СССР за той жа міжперапісны перыяд склаў 12,6%, па-за межамі Беларусі – 21,6%. У 1970 – 1979 гг. тэмпы прыросту беларусаў прыкметна знізіліся: колькасць беларусаў на тэрыторыі сваёй рэспублікі павялічылася толькі на 278 345 чал., а прырост склаў 3,8%; прырост у цэлым па СССР – 4,3%, па-за межамі БССР – 7%. За наступны міжперапісны перыяд, паводле праведзеных падлікаў, колькасць беларусаў у рэспубліцы вырасла на 336 668 чалавек, а прырост склаў адпаведна – 4,4%; 5,7% і 11,1%. Усяго за 1959 – 1989 гг. колькасць беларусаў у БССР павялічылася на 1 372 600 чалавек, а прырост склаў 17,3%. За аналагічны перыяд па СССР павелічэнне колькасці беларусаў складала 21,1%, па-за межамі БССР – 35,2%. Паводле матэрыялаў перапісу насельніцтва СССР 1989 г., за межамі Беларусі пражывалі 2 131,6 тыс. этнічных беларусаў, з іх больш за ўсё – у Расіі – 1 206 222 чалавекі (12,02%), ва Украіне –

440 045 чалавек (4,38%), у Казахстане – 182 601 (1,82%), краінах Балтыі – 210 582 (2, 10%) [15, с. 29].

У сваю чаргу, у першыя пасляваенныя гады на Беларусь адбывалася даволі інтэнсіўная міграцыя рабочых з Расіі і Украіны на будаўніцтва трактарнага і аўтамабільнага заводаў, а таксама іншых прадпрыемстваў. Акрамя таго, у 1944 г. 500 спецыялістамі з іншых рэспублік папоўнілася сельская гаспадарка і 1 506 медыцынскімі работнікамі – сістэма аховы здароўя. Ва ўмовах, калі неабходна было тэрмінова аднаўляць гаспадарку і наладжваць працу медыцынскіх устаноў, праблема валодання спецыялістамі беларускай мовы адступала на задні план [16, с. 151–152]. На працягу 1947 – 1959 гг. з РСФСР у БССР прыбылі 672 399 чалавек. У выніку такіх міграцыйных працэсаў у 1948 г. з 1 368 849 рабочых прамысловых прадпрыемстваў 82% складалі беларусы, у той жа час на іх даводзілася толькі 48% колькасці інжынерна-тэхнічных работнікаў рэспублікі [17, с. 143]. З 1939 г. да 1959 г., як сведчаць дадзеныя перапісаў, адбылося павелічэнне колькасці рускіх з 367,5 тыс. да 660,5 тыс. чалавек, а іх ўдзельнай вагі ў складзе насельніцтва БССР з 6,6% да 8,2% [5, с. 126]. Паводле папярэдніх падлікаў, з РСФСР у БССР на працягу 1947 – 1959 гг. прыехалі з РСФСР 188 712 чалавек [2].

На працягу 1947 – 1959 гг. адбываўся даволі інтэнсіўны прыток насельніцтва з Украінскай ССР у Беларускаю ССР. Так, паводле праведзенага падліку механічнага перамяшчэння насельніцтва БССР, на працягу 1947 – 1959 гг. з Украінскай ССР прыехалі 188 тыс. 712 чалавек, а выехалі з БССР 174 тыс. 543 чалавекі [2]. Паводле папярэдніх дадзеных, у 1959 г. ва Украінскай ССР пражывала 291 тыс. беларусаў, або 0,7% насельніцтва гэтай рэспублікі [5, с. 128].

Для развіцця новых галін прамысловасці і будаўніцтва буйных прадпрыемстваў Беларусі былі накіраваныя спецыялісты з ўсіх саюзных рэспублік, перш за ўсё РСФСР. Так, удзельная вага выхадцаў з РСФСР у агульнай колькасці насельніцтва, што прыбывала на Беларусь у 60-я гады, складала прыкладна 62% [18, с. 317]. У БССР накіроўваліся таксама выпускнікі вышэйшых і сярэдне-спецыяльных навучальных устаноў СССР. Так, у 1963 годзе на прадпрыемствы ўпраўлення электратэхнічнай і прыборабудаўнічай прамысловасці БССР былі накіраваныя выпускнікі вышэйшых навучальных устаноў Кіева, Харкава, Львова і іншых гарадоў Украіны [1, с. 352].

Тэмпы росту іншанацыянальнага насельніцтва ў Беларусі былі наступнымі: за 1959 – 1970 гг. яго прырост склаў 11%, за 1970 – 1979 гг. – 13%, за 1979 – 1989 гг. – 13% [19].

Колькасць рускіх у рэспубліцы за 1959 – 1989 гг. вырасла больш чым у 2 разы, а ўдзельная вага іх ва ўсім насельніцтве павялічылася на 5%. За міжперапісны перыяд 1959 – 1970 гг. прырост колькасці рускіх у рэспубліцы склаў 30,3%, за 1970 – 1979 – 21%, 1979 – 1989 – 15,5% [20, арк. 27].

Даволі хуткімі тэмпамі павялічвалася колькасць і ўдзельная вага ўкраінцаў у складзе насельніцтва Беларусі. Так з 1959 да 1970 г. колькасць ўкраінцаў павялічылася на 77 778 чалавек, з 1970 да 1979 г. – на 40 146 чалавек, з 1979 да 1989 г. – на 60 023 чалавек. Прырост колькасці склаў адпаведна 40,7%, 17,4% і 20,6% [19].

Назіралася таксама даволі ўстойлівая тэндэнцыя павелічэння ў рэспубліцы колькасці малдаван, цыганоў, немцаў, узбекаў і азербайджанцаў. Так, колькасць малдаван з моманту перапісу 1959 г. да перапісу 1989 г. павялічылася ў 6,8 раза, узбекаў – у 4 разы, немцаў і азербайджанцаў – амаль у 3 разы, цыганоў – у 2,3 раза.

Разам з тым, назіралася ўстойлівая тэндэнцыя да зніжэння колькасці і ўдзельнай вагі яўрэяў у складзе насельніцтва БССР. Так з 1959 да 1970 гг. колькасць яўрэяў зменшылася на 2 638 чал., а ўдзельная вага – на 0,3%, з 1970 да 1979 г.: адпаведна на 2 672 чал. і 0,2 %, а за 1979 – 1989 гг. – 4 655 чал. і 0,3% [21]. Адным з фактараў, які зрабіў уплыў на змяншэнне колькасці яўрэяў у БССР, з’явілася эміграцыя іх у Ізраіль. Усяго за 1968 – 1989 гг. паводле папярэдніх падлікаў у Ізраіль эмігрыравала 11 589 яўрэяў [22, с. 112, 117].

На працягу 1959 – 1989 гг. адбылося скарачэнне колькасці палякаў ў БССР на 121 161 чал. і змяншэнне іх удзельнай вагі на 2,6%. Пры гэтым самае прыкметнае памяншэнне агульнай колькасці палякаў на 156,3 тыс. чалавек адбылося за 1959 – 1970 гг. Калі ўлічыць той факт, што на працягу гэтага перыяду ніякіх масавых перасяленняў палякаў за межы БССР не адбывалася, то прычыны даволі значнага скарачэння у рэспубліцы колькасці тых, хто назваў сябе ў час перапісу 1970 г. палякамі, можна растлумачыць наступным чынам.

Абумоўлена гэта было перш за ўсё, на нашу думку, паступовым зніжэннем функцыі польскай мовы як этнічнага сімвала прадстаўнікоў гэтай нацыянальнасці. Так, калі ў 1959 г. 261,8 тыс., або 44,5% палякаў назвалі роднай мову сваёй нацыянальнасці, то ў 1970 г. – толькі 50 тыс., або 13,1%. У сваю чаргу, колькасць палякаў, што назвалі роднай беларускую мову, павялічылася з 254,9 тыс., або 47,2% у 1959 г. да 292,4 тыс. або 76,4% у 1970 г. Удзельная вага палякаў з роднай рускай мовай вырасла больш чым у два разы: з 4% да 10,4% [21].

Такім чынам, пад уплывам міграцыйных працэсаў на працягу 1945 – 1980-х гг. адбывалася памяншэнне ў складзе насельніцтва рэспублікі ўдзельнай вагі беларусаў і адпаведна – павелічэння ўдзельнай вагі прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцяў, у першую чаргу рускіх і украінцаў. Пры гэтым тэмпы прыросту беларусаў па-за межамі БССР былі вышэйшымі, чым у рэспубліцы. Акрамя беларусаў, адбылося істотнае змяншэнне ўдзельнай вагі палякаў і яўрэяў. Абумоўлена гэта было, як міграцыйнымі, так і асіміляцыйнымі працэсамі, што адбываліся ў асяроддзі палякаў, яўрэяў і беларусаў.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры:

1. Гісторыя Беларускай ССР. У 5-ці тамах. – Мінск, 1975. Т. 5.
2. Падлічана паводле статыстычных дадзеных Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 30. – Вопіс 5.
3. Белорусские остарбайтеры. Репатриация (1944 – 1951): Документы и материалы. В 2-х ч. Ч.2, кн.3. Ч.2 / Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. – Мн.: НАРБ, 1998. – С.488.
4. НА РБ. – Ф.4-п. – Воп.62. – Спр.110.
5. Раков, А.А. Население БССР. – Минск, 1969.
6. Серова, И. И. О пролетарском интернационализме. – Минск, 1970.
7. Тугай, У. В. Латышы на Беларусі. – Мінск, 2001.
8. НАРБ. – Ф. 952. – Воп. 3. – Спр.1.

9. Петрашкевич, А., Гудень И. Победу одерживают мужественные. – Минск, 1961.
10. НАРБ. – Ф. 30, – Воп. 5, – Спр. 7148 “а”.
11. НАРБ, – Ф. 30 – Воп. 9, – Спр. 328.
12. НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 9. – Спр. 710.
13. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. – Новосибирск, 2001.
14. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэд. калегія: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011.
15. Злотнікаў. Анатоль. Міграцыйныя працэсы ў Беларусі ў канцы XIX – XX ст. // БГЧ. – 2004. – №11.
16. Лыч, Л. Беларуская нацыя і мова: Літ.-гістарыч. арт. – Мінск, 1994.
17. Марченко, И. Е. Рабочий класс БССР в послевоенные годы. – Минск, 1962.
18. Основные проблемы рационального использования трудовых ресурсов в СССР. – М., 1971.
19. Падлічана паводле статыстычных дадзеных НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 9, 13.
20. НАРБ. – Ф. 30. – Воп.9. – Спр. 6470.
21. Падлічана паводле статыстычных дадзеных НАРБ. – Ф. 30. – Воп. 5, 9, 13.
22. Иоффе, Э. Белорусские евреи в Израиле: Биограф. справ. – Минск, 2000.

Е.Н. Макрушич (Гродно, Беларусь)

ФАКТОРЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В XX веке произошло множество событий, оказавших значительное влияние на культурную жизнь людей. Повышение грамотности, переезд в города, миграции внутри союзных республик и в пределах СССР, распространение медиа-культуры – всё это привело к значительной культурной нивелировке населения. Геополитические трансформации XX века привели к тому, что многие этнические общности расселились дисперсно, по всей территории бывшего Союза, вдали от мест своего традиционного проживания. Межэтнические браки, широко распространившиеся во времена Советского Союза, также содействовали размыванию этнических границ. Определённую роль играла целенаправленная политика советских властей по формированию нового советского человека – носителя русского языка и советской культуры. В этом случае этническая идентичность отодвигалась на второй план, вытеснялась.

В таких условиях важнейшим является вопрос сохранения этнической идентичности представителями этнических меньшинств, проживающими в иноязычной и инокультурной среде. Это касалось как тех из них, кто переехал из мест своего традиционного проживания, так и тех, кто остался там проживать. В условиях глобализации размываются языковые, культурные и религиозные границы, и, как следствие, теряются ценностные ориентиры. Этническая идентичность наряду с гендерной является важнейшей составляющей мировоззрения человека.

В настоящий момент можно подвести некоторые итоги сохранения культурно-этнической самобытности этническими меньшинствами на постсоветском пространстве, выделить факторы, которые этому способствовали, а также те обстоятельства, которые негативно влияли на этот процесс.

Рассмотрим факторы, которые способствовали сохранению культуры этнических общностей на примере Республики Беларусь.

1) Общность происхождения.

Формирование культуры этноса происходит в процессе совместной деятельности этнофоров, компактно проживающих на одной территории. Этнические общности, компактно проживающие как в сельской местности и городах, также создавали собственную культурную среду, которая способствовала сохранению культурной самобытности этнофоров, воспитания у детей этнического самосознания. Это достигалось за счёт совместного компактного проживания (кварталы в городах, деревни), внутриэтнических браков, соблюдения обычаев и традиций, семейного и организованного воспитания. Во второй половине XX века многие этнокультурные сообщества разрушились, чему способствовали миграции в города и другие республики, Холокост, репрессии. Некоторый всплеск этнокультурной активности во второй половине 1940-х гг. вскоре сменился полным застоём в этнокультурной сфере. Демократизация общественно-политической жизни в конце 1980-х гг. в БССР позволила представителям этнических общностей открыто заявить о своей идентичности и заняться публичной культурно-просветительской деятельностью. Однако сложности возникли с определением содержания культурно-просветительской деятельности, которую предстояло осуществлять в новых условиях: проживание в городской урбанизированной среде, отрыв от культурных корней, потеря этнофорами многих элементов культуры (языка, фольклора и других).

Общность происхождения из общей культурной среды обеспечивает общий культурный код у этнофоров, облегчает коммуникацию между ними и упрощает организацию совместной культурно-просветительской работы. Данный фактор проявился для татар, литовцев и поляков Беларуси. Белорусские поляки были в абсолютном большинстве уроженцами Беларуси, на Гродненщине, где проживало 72 % от всех поляков страны, наблюдалась подобная ситуация – абсолютное большинство поляков Гродненской области были уроженцами этого региона [5, с. 322–323; 7, с. 16–17, 28–29]. Наличие родственных и дружеских связей, общая история содействовали консолидации белорусских поляков и созданию ими общественных объединений культурно-просветительского характера. Литовцы компактно проживали в Вороновском и Островецком районах Гродненской области, в этом случае культурно-просветительская деятельность развёртывалась ими непосредственно в традиционной среде проживания на основе многовековых традиций. Количество татар Беларуси, которые проживают на белорусской земле со времён Витовта Великого, уменьшилось в 1940-х гг. вследствие выезда части диаспоры в Польшу, однако значительная часть осталась проживать в Ивье, Новогрудке, Смиловичах, увеличилось их количество в Минске. Как литовцы северо-запада Гродненщины, так и татары с местными корнями консолидировались внутри своей микроэтнической группы, создавая специальные этнокультурные объединения: «Гимтине» в деревне Пеляса Вороновского района, Международный клуб «Гервячай» в деревне Гервяты Островецкого района, татарское общественное объединение «Зикр уль-Китаб» [1, с. 236 – 237, 241].

2) Общность религии. Данный фактор имеет большое значение в консолидации этнической общности. Язык, используемый при богослужениях в конфессии, приобретает особый статус для верующих, к его сохранению и передаче относятся особенно трепетно. Объединяющими элементами также являются те компоненты традиционной культуры, в которые вплелись религиозные мотивы: праздники, их коллективное празднование и домашние обряды, фольклор. Среди этнических общностей Беларуси особую роль сыграла религия для поляков, евреев, татар, в некоторой степени литовцев. В формировании польского этнического самосознания значительная роль принадлежала католическому костёлу, где языком богослужений и проповедей была польская [9, с. 504]. Литовцы также исповедовали католицизм, проводились проповеди в костёлах на литовском языке. Среди татар Беларуси выделялись две группы. К первой относятся татары, предки которых появились на белорусских землях в средневековье. Для них главным этноинтегрирующим фактором являлся ислам и связанные с ним обычаи, что обусловило стремление к созданию религиозных организаций, особенно при наличии в городе мечети [4, с. 10]. Второй группой были татары из России, которые переехали в Беларусь в советский период и являлись носителями татарской духовной культуры. Именно представителями этой группы был создан в Минске в 1998 году Международный фонд развития татаро-башкирского духовного наследия «Чишма» [6]. Для евреев традиционной религией являлся иудаизм. Богослужения являются местом, где представители этнической общности могли встретиться и обсудить различные вопросы, договориться о совместной деятельности в культурно-просветительской сфере вне религиозных рамок.

3) Общность языка. Язык является одним из важнейших этноотличительных признаков, сохранение языка этнической общности зачастую становится основным фактором её сохранения от ассимиляции. Представители этнических общностей обычно полилингвистичны, и кроме родного языка владеют как минимум языком титульного этноса. Родной язык может существовать как в виде диалекта, на котором разговаривают его носители, либо литературного языка, сформировавшегося в стране происхождения этноса либо сакрального языка. В современном обществе диалекты отходят на второй план, когда их носители выезжают из среды бытования. Основным становится литературный язык, проникновение которого в среду этнической общности осуществляется через контакты с зарубежной частью этноса, чтение литературы, изучение в рамках религиозного обучения. В первую очередь, распространение литературного языка в среде этнической общности происходит через его целенаправленное изучение. В 1990-х гг. – начале 2000-х гг. в учреждениях Министерства образования Республики Беларусь представители польской, литовской, украинской и еврейской этнических общностей имели возможность изучать родной язык в форме предмета, факультатива или кружка. Наибольшее количество учеников было охвачено изучением польского языка в общеобразовательных школах. Дополнительно польской, еврейской и литовской общностями были организованы учебные структуры (детские сады и группы, школы и классы), где не только изучался язык этнической общности, но и излагались предметы

этнокомпонента (история и география страны происхождения и др.). Внешкольное образования в 1991–2004 гг. было организовано не только поляками, евреями, литовцами и украинцами, но и еще 10 этническими общностями (азербайджанцами, армянами, афганцами, грузинами, греками, корейцами, латышами, немцами, татарами, эстонцами), для которых общественные школы стали единой формой осуществления этнокультурного обучения.

С третьим фактором тесно связан **четвёртый – связи с зарубежной частью этноса**. Это может проявляться как в связях с национальным государством, так и зарубежными этническими общностями (корейцы и немцы Беларуси связывались с аналогичными общностями в России, тут сыграло роль общее этническое происхождение этих групп) [2, с. 161; 8, с. 10], татары Беларуси поддерживали связи с татарскими общностями в Польше и Литве аналогичного происхождения. С государственными структурами и благотворительными организациями стран происхождения активно взаимодействовали польские и литовские объединения, еврейские организации также получали помощь из-за рубежа, например, от Американского еврейского объединённого распределительного комитета «Джойнт» [3, с. 68]. Благодаря связям с зарубежной частью этноса, этнические общности получают возможность приобщаться к национальной культуре, совершенствовать родной язык, получать различную методическую и финансовую помощь. С другой стороны, в стране происхождения должна проводиться целенаправленная политика по поддержке диаспоры в других странах, при наличии финансовых средств для этих целей.

В заключение следует отметить, что наибольших успехов в деле сохранения и трансляции своих культурных ценностей добились именно те этнические общности Беларуси, у которых наблюдались все вышеперечисленные факторы: поляки, евреи, литовцы, татары. Все эти этнические общности имеют длительные традиции проживания на Беларуси. Для «новых» этнических общностей, которые появились на белорусских землях относительно недавно и являются небольшими численно, весьма важными являются связи с зарубежной частью этноса, общность религии и традиций.

Список литературы:

1. Абарона правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь : давед. / Кам. па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры Савеце Міністраў Рэсп. Беларусь; склад. Н.В. Ходар. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2004. – 272 с.
2. Горбач, Т. К вопросу о судьбах немцев Беларуси: возрождение немецкой культуры (90-е гг. XX в.). / Т. Горбач // Беларусіка – 22. Нацыянальныя пытанні : матэрыялы трэцяга міжнар. кангрэсу беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21–25 мая, 4–7 снежня 2000 г. – Мінск, 2001. – С. 159–163.
3. Иоффе, Э. Джойнт в Беларуси / Э. Иоффе, Б. Мельцер. – Минск : Мэджик Бук, 1999. – 94 с.
4. Канапацкий, И. Мусульмане Беларуси / И. Канапацкий // Жизнь : журнал мусульман Беларуси. – 1996. – № 2 (14). – С. 10–14.
5. Миграция населения Республики Беларусь : итоги переписи населения Республики Беларусь: стат.сб. / М-во статистики и анализа Респ.Беларусь. – Минск, 2002. – 329 с.

6. Министерство юстиции Республики Беларусь перерегистрировало Международное общественное объединение «Татаро-башкирское культурное наследие «Чишма» // Ислам.by [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.islam.by/ns/?id=9&page=11>. – Дата доступа : 22.02.2012.
7. Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков (Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 г.) : стат. сб. / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь ; редкол.: Г.И. Гасюк (гл. ред.), С.В. Лукашевич. – Минск, 2001. – Т. 1. – 451 с.
8. Нацыянальныя культурна-асветныя аб'яднанні Рэспублікі Беларусь / Каардынац. савет па справах нац. меншасцей пры Кабінёце Міністраў Рэсп. Беларусь, Рэсп. цэнтр нац. культур. – Мінск, 1996. – 48 с.
9. Gawin, T. Zwycięstwa i porażki / T. Gawin. – Białystok, 2003. – 583 s.

В.В. Липницкий (Минск, Беларусь)

О КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ (НАЦИОНАЛЬНОЙ) ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Важной задачей Республики Беларусь как многонационального государства является оптимизация национальных и межэтнических отношений, поиск и реализация наиболее благоприятных вариантов взаимодействия их субъектов. От характера проводимой государственной национальной политики зависит будущее состояние национальных отношений, развитие этносов и наций, положение национальных меньшинств. Этничность может стать конструктивным элементом национальной консолидации и интеграции, средством формирования и усиления национальной идентичности и солидарности граждан, формой народной мобилизации, направленной на созидательные цели.

Следует отметить, что национальные и этнические процессы не являются статичными и данными раз и навсегда – они находятся в постоянном движении, развитии. На протяжении жизни одного поколения можно наблюдать, как исчезают и рождаются, сливаются воедино и выделяются языки, народы, этносы, нации. Течение этих процессов во многом зависит от проводимой государствами политики, которая может быть либеральной, демократической, ассимиляторской, великодержавно-шовинистической, интеграционной, сегрегационной и пр.

Каждое государство вырабатывает свою модель этнокультурного развития, учитывающую особенности исторической судьбы, культуры и традиций своего народа. Национальная политика представляет собой систему законодательных, организационных и идеологических мер, осуществляемых государством, направленных на учет, сочетание и реализацию национальных интересов, на разрешение противоречий в сфере национальных отношений. Это целенаправленная деятельность по регулированию взаимоотношений между нациями, этническими группами, закрепленная в соответствующих политических документах и правовых актах государства [7, с. 373].

На современном этапе в Республике Беларусь наблюдается тенденция принятия программных документов правового, политического и

идеологического характера (например, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь). Вместе с тем, в нашей стране до сих пор отсутствует правовой документ, который бы отражал системный, цельный взгляд на национальный вопрос. Отдельные положения, касающиеся национальной политики, можно найти в Конституции Республики Беларусь, Концепции национальной безопасности, некоторых законах и указах Президента Республики Беларусь. Необходимость принятия единого цельного документа в сфере национальной политики неоднократно отмечалась белорусскими учеными, в частности, И.В. Ковалевой, С.А. Яцкевичем и др. [2, с. 13; 9, с. 16].

Важность затрагиваемых в таком документе вопросов, их основополагающий характер для развития Республики Беларусь как независимого и суверенного государства в целом, определяют, что приниматься данный документ должен на высшем государственном уровне – Указом Президента Республики Беларусь, либо Национальным собранием Республики Беларусь в форме Закона Республики Беларусь. Название может быть сформулировано как «Концепция государственной этнокультурной (национальной) политики», либо «Об основах государственной этнокультурной (национальной) политики». Для удобства дальнейшего изложения данный документ будем именовать далее Концепцией.

Концепция, представляющая собой совокупность официальных взглядов на сущность и содержание этнонациональных процессов в стране, призвана стать базисом для консолидации усилий личности, общества и государства, обеспечить единство подходов к формированию и реализации государственной этнокультурной политики, стать методологической основой совершенствования актов законодательства, разработки государственных программ развития и иных документов в сфере национальных отношений.

При разработке Концепции необходима консолидация усилий органов государственной власти, гражданского общества, организаций национальных меньшинств, научных кругов. При этом должны соблюдаться принципы научности, учета исторических, демографических, миграционных, этнических, конфессиональных и иных факторов, соответствия принципам и нормам международного права. Концепция должна учитывать реальное состояние и перспективы развития национальных отношений в Республике Беларусь, базироваться на конституционных принципах, научно обоснованных выводах и рекомендациях. Важно также изучение опыта зарубежных государств.

Программные документы политико-правового характера в этнокультурной сфере приняты в ряде стран. В частности, можно отметить Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации, принятую в июне 1996 г. Указом Президента, Концепцию этнокультурного образования в Республике Казахстан, одобренную распоряжением Президента Республики Казахстан от 15 июля 1996 г. [4].

Следует отметить, что Концепция государственной национальной политики Российской Федерации не являлась законом, и поэтому не содержала обязательные к исполнению нормы. Концепция не учитывала современные угрозы распространения радикальных форм ксенофобии и экстремизма, общественно-политических рисков, связанных с массовой иммиграцией;

недостаточно внимания уделялось механизмам координации действий органов государственной власти; были не вполне согласованы подходы к терминологии и основным принципам правового регулирования в сфере государственной национальной политики. Данные обстоятельства предопределили необходимость разработки проекта закона «Об основах государственной национальной политики в Российской Федерации», призванного устранить названные недостатки [3, с. 5, 8–9].

Известный белорусский ученый, доктор философских наук С.А. Яцкевич высказывает необходимость принятия «Концепции национально-культурного развития национальных меньшинств Беларуси», т.е. отдельного документа для одного из важнейших направлений национальной политики [9, с. 16–30].

Вместе с тем автору настоящей статьи, учитывая тесную взаимосвязь и взаимозависимость всех сфер национальных отношений, представляется обоснованным и желательным создание единого документа для всего комплекса национальных отношений. Полагаем, что Концепция государственной этнокультурной (национальной) политики Республики Беларусь, как программный правовой и идеологический документ, должна охватывать следующие сферы национальных отношений: 1) вопросы белорусской национальной идеи, цивилизационной идентичности, положения белорусского государства, нации, народа, этноса в мире в условиях глобализации; 2) вопросы актуального положения и перспектив развития белорусского языка и культуры; 3) вопросы государственной политики в отношении национальных меньшинств; 4) вопросы взаимоотношений государства с соотечественниками за рубежом, белорусской диаспорой; 5) вопросы государственной политики в отношении иных национальных общностей – трудящихся-мигрантов, беженцев, иностранных граждан, лиц без гражданства и др.

В Концепции следует закрепить: 1) применяемые в данной сфере общественных отношений термины и их определения; 2) характеристику исторического прошлого и актуальной ситуации в области национальных отношений в Республике Беларусь; 3) принципы государственной национальной политики; 4) основные цели и задачи государственной национальной политики в политико-правовой, социально-экономической, духовной и внешнеполитической сфере; 5) основные направления государственной этнокультурной политики; 6) механизмы реализации государственной национальной политики.

Правовое значение Концепции заключается в том, что она содержала бы ряд норм-принципов, норм-целей, норм-дефиниций, являлась бы программой и ориентиром для разработки и развития законодательства в сфере национальных отношений. Концепция призвана стать базисом, методологической основой для последующего развития системы законодательства в сфере национальных меньшинств, трудящихся-иммигрантов, беженцев, взаимоотношений с белорусской диаспорой за рубежом и др.

Республика Беларусь является государством-нацией, результатом реализации права на самоопределение белорусского народа (этноса). Белорусский этнос является наиболее многочисленной, государствообразующей частью белорусского народа, легитимирующей само существование белорусского государства. От его благополучия во многом зависит и

благополучие иных национальных общностей. По этой причине в Концепции следует отразить такие базовые основы, как цивилизационная идентичность белорусов, ответы на вопросы, представляют ли белорусы самостоятельный этнос, или являются субэтносом русских и пр.

Необходимо осмысление и закрепление в Концепции положения и роли русской национальной общности и русского языка. По мнению многих российских ученых и политиков (в частности, В.А. Тишкова, А.А. Сурикова и др.) на постсоветском пространстве русские меньшинствами не являются, «их наиболее вероятная и спасительная для самих независимых государств перспектива – это утверждение государственной доктрины о народах-партнерах и отстаивание статуса равнообщинных государств» [8]. Выдвигается идея, что русские, проживающие в Беларуси, наряду с белорусами представляют часть государствообразующей нации [6, с. 6]. В условиях Беларуси, где русский язык является государственным, доминирует в общественной и политической жизни, образовании, деловой переписке, а русский язык и литература, как важнейшие компоненты русской культуры, являются обязательными предметами в школах, данный вопрос требует особого внимания и осмысления.

В Концепции должны быть отражены официальные взгляды на такое явление, как этничность в целом, и ее место в общественной и государственной жизни, является ли она рудиментом, историческим пережитком, угрозой государственному единству и предпосылкой этнических конфликтов, или важным элементом становления наций и народов, конструктивным культурным, моральным и политическим ресурсом развития страны.

Важность принятия Концепции обусловлена также отсутствием устоявшейся терминологии в сфере национальных отношений, как в науке, так и в законодательстве. В научном мире до сих пор нет единства в понимании таких базовых и ключевых категорий, как «нация», «национальное меньшинство», «коллективные права» и др. Данное обстоятельство может вызывать сложности в интерпретации правовых норм, а также создавать препятствия в развитии законодательства. Представляется желательным закрепление в Концепции основных терминов в области национальных отношений, отражающих последние достижения правовой, политической, философской, этнологической и других наук. Осознавая всю сложность задачи по определению базовых терминов в области национальных и этнических отношений, все же следует признать необходимым наличие четких и ясных для всех понятий, рабочих определений, что повысит эффективность национальной политики и права в целом.

В Концепции следует также отразить перспективность введения в Республике Беларусь института экстерриториальной этнокультурной (национальной) автономии национальных меньшинств. Следует отметить, что данная идея была поддержана многими белорусскими исследователями (Е. Бровкиным, И.В. Ковалевой, С.А. Яцкевичем и др.), и, в условиях дисперсного расселения национальных меньшинств в Беларуси, данный институт может стать наилучшим механизмом для обеспечения прав национальных меньшинств [1, с. 40; 2, с. 16; 9, с. 19–20].

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь имеется необходимость в принятии единого комплексного политико-правового и идеологического документа, который бы закреплял научно выверенные официальные взгляды на широкий спектр вопросов в сфере национальных отношений. Концепция государственной этнокультурной (национальной) политики призвана определять пути и направления дальнейшего развития этнических отношений. Данный документ будет способствовать установлению единой общепринятой терминологии, согласованию основных подходов и принципов правового регулирования, служить ориентиром и методологической основой для развития законодательства в сфере национальных отношений.

Список литературы:

1. Броўкін, Я. Да пытання аб традыцыях аўтаноміі нацыянальных меншасцей на Беларусі / Я. Броўкін // Нацыянальныя меншасці Беларусі: тэматычны зб. навук. прац. Кн. 1. «Канцэптуальныя пытанні развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі» / навук. рэд. С.А. Яцкевіч. – Брэст–Мінск–Віцебск, 1996. – С. 39–40.
2. Ковалева, И.В. Национальные меньшинства как объект государственной национальной политики Республики Беларусь: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И.В. Ковалева; БГУ. – Минск, 2003. – 20 с.
3. Пояснительная записка к проекту концепции федерального Закона «Об основах государственной национальной политики в Российской Федерации» // Министерство образования и науки Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/files/materials/7786/11.10.17-proekt.pz.pdf>. – Дата доступа: 16.02.2012. – 34 с.
4. Концепция этнокультурного образования в Республике Казахстан, одобрена распоряжением Президента Респ. Казахстан, 15 июля 1996 г., № 3058 // Информационно-аналитическая система On-line Законодательство Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.epravo.kz/urist/detail.php?ELEMENT_ID=6508. – Дата доступа: 29.05.2013.
5. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 1992 г., № 1926-ХІІ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2004 г., № 261-3, с последующими изм. и доп.: Закон Респ. Беларусь от 07.05.2007 г., № 212-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 4. – 2/1010.
6. Русские в Беларуси / сост. А.Н. Андреев. – Минск: Макбел, 2010. – 256 с.
7. Тавадов, Г.Т. Этнология: Учебник / Г.Т. Тавадов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2009. – 408 с.
8. Тишков, В.А. Малое не всегда прекрасно. Концепция защиты национальных меньшинств и меняющийся мир / В.А. Тишков // Независимая газета [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2003-07-29/10_protection.html. – Дата доступа: 15.02.2012.
9. Яцкевіч, С. Канцэпцыя нацыянальна-культурнага развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі: патрэба часу / С. Яцкевіч // Нацыянальныя меншасці Беларусі: тэматычны зб. навук. прац. Кн. 1. «Канцэптуальныя пытанні развіцця нацыянальных меншасцей Беларусі» / навук. рэд. С.А. Яцкевіч. – Брэст–Мінск–Віцебск, 1996. – С. 16–30.

З.И. Строгальщикова (Петрозаводск, Россия)

**О ХОДЕ ПОДГОТОВКИ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОДЕРЖАНИЕ И ИТОГИ ДИСКУССИЙ**

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия) готовилась по Указу Президента РФ В.В. Путина «Об обеспечении межнационального согласия», и была подписана им в день вступления в должность [15]. Она заменила действовавшую с 1996 г. «Концепцию государственной национальной политики РФ» [16] и вошла «в систему документов государственного стратегического планирования» [17].

В предвыборной статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин заявил: *«Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме»*. Не осталось без внимания и поддержка этноконфессионального самовыражения россиян, но при доминирующей гражданской идентичности: *«Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим»* [10].

Решение В.В. Путина представить свое видение «национального вопроса» эксперты оценили как весьма актуальное [1]. В статье рассматриваются многие темы: от мирового опыта решения этнополитических проблем до констатации прямой зависимости конфликтов между местным населением и мигрантами от нерешенных социально-экономических проблем, пороков правоохранительной системы, неэффективности власти, коррупции. В общественном мнении такие конфликты, обычно воспринимают как межэтнические. В статье заявлено о необходимости *«на порядок повысить качество миграционной политики государства»*, в том числе и *«ужесточение правил регистрации и санкций за их нарушение»* [10]. С последним утверждением ряд ведущих экспертов не согласились. По мнению политолога Э. Паина, если «вместо проблемы межэтнических отношений ставится проблема ограничения миграции», то никаких перемен в национальной политике не будет [5]. Такие меры не поддержал и академик В. Тишков, заявив, что власти должны обратить внимание на работодателей, наживающихся на эксплуатации мигрантов. Прежде всего, они «и провоцируют многие риски, которая несет миграция». Серьезным упущением он считает отсутствие в статье обсуждения вопроса о состоянии федеративного устройства страны: «все попытки его замолчать или, тем более, ликвидировать, будут означать, конечно, большие потрясения для России» [14].

Основу межэтнической стабильности в стране В.В. Путин видит в изначально полиэтническом характере древнерусского государства, цитируя из «Повести временных лет» перечень разноразных племен, вошедших в состав Древней Руси, а также особенностях восприятия христианства, которое на Руси исходило из признания равенства всех народов перед Богом. По мнению В.В. Путина для понимания особого характера русской государственности, где роль объединителя и хранителя этнического многообразия во все века играл русский народ, необходимо проведение целенаправленной образовательной и культурной

политики. Тема статуса русского народа оказалась самой острой. В.В. Путин, заявил, что *«Русский народ является государствообразующим – по факту существования России»* [10], но при этом резко выступил против идеи построения русского «национального», моноэтнического государства: это *«кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности»* [10]. Как заметил политолог А. Гронский, «совсем недавно за такие заявления любой чиновник мог подвергнуться остракизму и обвинениям в «русском фашизме», сейчас власть проявляет обеспокоенность проблемой современного положения русского народа [2]. События 11 декабря 2010 г. в Москве на Манежной площади резко усилили влияние русских националистических организаций. Их требование о внесении в конституцию страны положения о русском народе как государствообразующем в свои программы в период выборов в Государственную Думу в 2011 г. вслед за ЛДПР включили КПРФ и «Справедливая Россия» [11].

В статье В.В. Путин не дает однозначный ответ на вопрос о создании специального органа исполнительной власти по реализации этнической политики, хотя и заявил о необходимости специальной структуры, отвечающей *«за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов»* [10]. По его мнению, это должно быть не стандартное ведомство, а коллегиальный орган с определёнными властными полномочиями, где президент страны напрямую взаимодействует с руководством правительства, а в обсуждении решений *«должны непосредственно участвовать национальные, общественные объединения»* [10]. Таким органом (совещательным и консультативным) стал Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ (далее Совет), положение и состав которого были утверждены 5 июля 2012 г. его указом [18]. Все предложения по его организации исходили от аналогичного по функциям органа в правительстве - Межведомственной рабочей группы по вопросам межнациональных отношений, созданной 24 июня 2011 г. под руководством заместителя Председателя Правительства Д.Н. Козака [8].

Решение о подготовке до конца 2012 г. проекта Стратегии и проведение до его утверждения широкого общественного обсуждения принималось 9 июня 2012 г. на встрече В.В. Путина, как председателя Совета со своими заместителями [12]. Его разработка поручалась рабочей группе, созданной на первом заседании Совета в Саранске (24.08. 2012 г.) под руководством бывшего министра по национальной политике и федеративным отношениям д.и.н. В.А. Михайлова. В неё вошли и остальные экс-министры соответствующего ведомства: В.А.Тишков, Р.Г. Абдулатипов и В.Ю. Зорин. К 27 сентября появилась первая версия проекта, но с окончательным вариантом определились только к середине октября. По сообщениям прессы, из него «изъяли наиболее спорные пункты, в частности тезис о «государствообразующей» роли русского народа, заменив её словом «объединяющая» [4], вызвав тем самым недовольство представителей русских националистических организаций [11].

Для всеобщего обсуждения проекта Стратегии отводилось всего две недели. Его публикации в интернете появились 18 сентября [13], а срок истекал в конце месяца. В регионах прошли общественные слушания, организованные

властными структурами, вызвав волну публикаций в Интернете. Замечаний к проекту оказалось много. В рабочую группу поступило более 3 тыс. замечаний и предложений [7]. В Якутии депутаты обратились к Президенту РФ с просьбой продлить сроки обсуждения, чтобы представить полное заключение [6].

Вопросы к проекту Стратегии начинались с понятийного аппарата, причем с названия документа. В современном политическом дискурсе понятие «национальный» как общегосударственный стал привычным не только в науке, он активно используется при наименовании документов стратегического планирования, например: «Стратегия национальной безопасности РФ», национальные проекты в области образования, здоровья и др. Получалось, что в Стратегии два равнозначных по смыслу термина следуют друг за другом [3]. Критике подверглось и использование таких понятий, как «политика согражданства», «коренной народ», «этническая общность».

Этническая общность (которая в проекте представлена и как синоним слов народ и этнонация) определялась как *«исторически возникшая на основе общих территории, языка и культуры устойчивая группа людей, обладающая отличительным самосознанием»*. В то же время утверждается, что по переписи 2010 г. на территории Российской Федерации проживают представители 193 этнических общностей, хотя в это число входят – британцы, боснийцы, вьетнамцы, гвинейцы, афророссияне и еще десятки представителей самых экзотических народов мира. Вряд их правильно считать их российскими этническими общностями страны, характеризуя культурное многообразие страны.

К коренным народам в проекте Стратегии отнесены народы, сформировавшиеся *«на территории современного российского государства и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности и культуры»*. Данная формулировка заимствована из Концепции национальной политики РФ. Но она не соответствует уже существующему в международном праве определению «коренного народа», которое в российском законодательстве применяется к группе коренных малочисленных народов.

Проект Стратегии, как и Концепция государственной национальной политики РФ, включает положения Конституции РФ о правах народов на их этнокультурное развитие, в том числе и их право на самоопределение, гарантиях государства по соблюдению прав национальных меньшинств и особых прав коренных малочисленных народов. Многие из данных конституционных положений вошло в федеральное и региональное законодательство. У представителей национальных меньшинств и коренных малочисленных народов есть серьезные вопросы к их применению, что и является одной из причин обострения межнациональной напряженности. К сожалению, выражаясь современным языком, той дорожной карты, которая бы четко определила путь к созданию условий для формирования общероссийской идентичности, и стала основой для межнационального согласия, в проекте Стратегии не было. Вместе с тем, в нем усилен акцент на профилактику экстремизма националистических, религиозных, этнических и иных организаций. Такой перекокс настраивает на негативную оценку активности национально-ориентированной части этнических

сообществ, для которой весьма существенна правовая защита их этнокультурных прав не на словах, а на деле.

Странным для документа выглядят фразы о проникновении в культурно-информационную систему страны «чуждых» идей, под которыми можно понимать что угодно. У населения автономных округов и республик обеспокоенность вызвало заявление о продолжении практики «*формирования крупных территориально-промышленных районов в Российской Федерации, апробируя в них новые формы территориального управления, и оптимизации административно-территориального устройства России*» [13]. По мнению общественных организаций, представляющих интересы малочисленных народов в бывших автономных округах, которые вошли в состав соседних краев и областей, ситуация с обеспечением их прав в новых субъектах федерации ухудшилась.

Обсуждение проекта Стратегии в условиях открытой дискуссии продемонстрировало очень высокую заинтересованность общественности в выстраивании сбалансированной этнической политики на федеральном и на региональном уровнях, так как каждый регион имеет свои особенности. Необходимо отдать должное рабочей группе, которая в значительной мере учла поступившие замечания, представив в итоге для утверждения Президенту РФ, серьезно переработанный документ, исключив из него наиболее спорные положения. Вместе с тем, сам ход обсуждения и замечания по проекту Стратегии показали острую необходимость продолжения постоянного общественного диалога по выстраиванию этнонациональной политики в стране, а не под влиянием событий типа на Манежной площади или в связи предвыборными ситуациями, тем более в спешном порядке. Благодаря деятельности Совета впервые начала действовать целевая программа финансируемая из федерального бюджета «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Все это показывает стремление руководства страны об усилении внимания к проблеме межнациональных отношений.

Список литературы:

1. Актуальные комментарии. Россия: национальный вопрос. На сайте приведены мнения 11 экспертов. [Электронный ресурс]: <http://actualcomment.ru/theme/2178/>;
2. Белорусский эксперт: Путин будет вынужден обратиться к идеям конструктивного русского национализма. [Электронный ресурс]: <http://www.regnum.ru/news/1495559.html>
3. Болтенкова Л.Ф. Стратегия государственной национальной политики: какой ей быть? (Размышление) [Электронный ресурс]: <http://etnosocium.ru/lf-boltenkova-strategiya-gosudarstvennoi-natsionalnoi-politiki-kakoi-ei-byt-razмышlenie>
4. В Кремле определились с ролью русского народа в истории и обществе. [Электронный ресурс]: <http://top.rbc.ru/politics/18/10/2012/674907.shtml>; Руководство России отказало русскому народу в признании его государствообразующей роли» [Электронный ресурс]: <http://baikal24.ru/text/21-10-2012/rukovodstvo/>
5. Гарькавая Т. В полушаге от национализма. [Электронный ресурс]: <http://www.respublika-kz.info/news/politics/20174/>
6. Заключение по проекту «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]: <http://iltumen.ru/node/5381>

7. Зорин В.: «Стратегия государственной национальной политики РФ - это документ общественного согласия» [Электронный ресурс]: <http://www.bashinform.ru/news/513551/>
8. Отчет Министерства регионального развития за 2012 год. С.112.
9. Проект Стратегии [Электронный ресурс]: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/mejnacionalnie-otnosheniya/mejnacionalnie-otnosheniya/strategiya-gosudarstvennoie-nacionalnoie-politiki-rossiieskoie-federacii.html>
10. Путин В. Россия: национальный вопрос. Независимая газета. 21.01.2012 г.
11. Севастьянов А. «Стратегия государственной национальной политики» - выход из тупика или новый тупик? Национальный вопрос. [Электронный ресурс]: <http://www.apn.ru/publications/article27705.htm>
12. Стенограмма встречи с членами Совета по межнациональным отношениям 9 июня 2012 г. [Электронный ресурс]: <http://news.kremlin.ru/transcripts/15609>
13. Текст проекта Стратегии [Электронный ресурс]: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/mejnacionalnie-otnosheniya/mejnacionalnie-otnosheniya/strategiya-gosudarstvennoie-nacionalnoie-politiki-rossiieskoie-federacii.html>
14. Тишков В.А.//Актуальные комментарии. Россия: национальный вопрос. [Электронный ресурс]: [http://actualcomment.ru/theme/2178/;](http://actualcomment.ru/theme/2178/)
15. Указ Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» от 7 мая 2012 г. N 602. Российская газета, 9 мая 2012 г. [Электронный ресурс]: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nacio-dok.html>
16. Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 N 909 «О Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». [Электронный ресурс]: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/>
17. Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» от 19.12.2012 N 1666 [Электронный ресурс]: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
18. Указ Президента РФ «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям» [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153518/

В.В. Масненко (Черкассы, Украина)

СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ

За годы независимости в Украине была создана национальная система образования, которая в большинстве регионов (кроме Крыма, Донбасса и крупных промышленных центров Востока и Юга) соответствует этноязыковым характеристикам населения. Напомним: перепись населения Украины 2001 г. зафиксировала, что 67,53% ее граждан родным языком назвали украинский, а 29,59% – русский. При этом этническая структура страны была более сложной: 77,8% населения составляли украинцы, 17,3% – русские, 0,6% – белорусы, 0,5% – молдаване, 0,5% – крымские татары, 0,4% – болгары, по 0,3% – венгры, румыны, поляки, по 0,2% – евреи и армяне.

Особенно заметные изменения были осуществлены в средней школе. Так, в 2013–2014 учебном году в дневных общеобразовательных учебных заведениях

обучалось 4,1 млн. учеников. Из них, 81,8% получали образование на украинском языке, а 17,2% – на русском [1, с. 61]. Хотя и здесь оставались немалые сложности с соблюдением языкового статуса учебных заведений, особенно во внеурочное время. Кроме того, в Украине функционируют учебные заведения с венгерским, румынским, крымско-татарским, польским и другими языками обучения. Общая статистика общеобразовательных учебных заведений в 2013–2014 учебном году имела такую картину: 16 045 школ с украинским языком обучения (более 85%), 1275 с русским, 1205 – смешанных (украинско-русских), 81 – румынским, 67 – венгерским, 15 – крымско-татарским, 5 – польским, 5 – молдавским [1, с. 64].

В высшей школе ситуация с языком обучения менее сложная. Необходимо признать, что за годы независимости тут состоялись существенные трансформации. В результате в начале 2013–2014 учебного года 91% студентов высших учебных заведений 1–2 уровня аккредитации (колледжи, техникумы) обучались на украинском языке, 8,9% – на русском, 0,1 – на венгерском или румынском [2, с. 88]. В вузах 3–4 уровня аккредитации (университеты, институты, академии): 91,6% студентов обучалось на украинском языке, 8,1% – на русском, 0,2% – на английском, 0,1% – ином [2, с. 89].

К сожалению языковая ситуация в системе образования в Украине довольно часто становится заложником самых разных политических спекуляций, которые набирают особых оборотов во время избирательных кампаний. Кроме того, следует учитывать, что образовательная сфера развивается в условиях постоянной конкуренции, которая усиливается процессами глобализации и попытками соседних государств рассматривать Украину как объект для собственной культурно-образовательной и интеллектуальной экспансии. Чтобы противодействовать этим вызовам, нужна целенаправленная государственная политика, которая бы позволила создать в рамках системы украинского образования конкурентоспособный потенциал, в том числе и за счет защиты государственного статуса украинского языка. К сожалению, власть в Украине (не зависимо от ее политической и персональной составляющей) так и не смогла разработать и реализовать полноценную языковую политику, которая бы отвечала и европейским нормам, и собственным этнокультурным особенностям.

Определенные шаги в этом направлении были предприняты при президентстве В. Ющенко. Но его действия оказались достаточно нерешительными и заметно запоздалыми. Так, только в последние дни своей президентской каденции он подписал Указ «О концепции государственной языковой политики» (№ 161/2010 от 15 февраля 2010 г.). В частности, в нем прописано, что Кабинет Министров в трехмесячный срок должен утвердить план мероприятий по реализации языковой политики, в том числе по развитию сети учебных заведений разного уровня для воспитания и обучения на украинском языке, расширения применения украинского языка в сфере образования [3]. Сама Концепция, несмотря на настоятельную потребность в ее разработке, так и осталась декларативным документом, которым и не собирались пользоваться нынешние чиновники. Кстати в тексте самой Концепции отсутствуют положения, которые регламентировали бы языковое пространство в системе

образования. Такой недостаток может быть подтвержденными того, что указанный документ готовился в спешке и был рассчитан больше на сугубо политический эффект, чем для практического применения.

Последним примером, особенно показательным для отношения режима В. Януковича к сложной языковой проблематике, является Закон Украины «Об основах государственной языковой политики» (т.н. закон Колесниченка-Кивалова), подписанный 8 августа 2012 г.

О том, какие риски создал указанный Закон для функционирования языкового режима в системе образования, остановимся несколько подробнее. Основной правовой новеллой стало введения понятия «региональный язык» (кстати, этого понятия нет в Конституции Украины). Более того, механизм реализации этого нововведения крайне запутан и часто несет в себе явные противоречия. Так, во втором пункте статьи 7 этого закона предусматривается, что одним из 18 региональных языков может быть некодифицированный русинский язык [4]. Подобная законодательная норма является прямым попустительством проявлениям сепаратизма в формы т.н. «политического русинства». Шестой пункт этой же статьи предусматривает обязательное изучение регионального языка в государственных и коммунальных учебных заведениях соответствующего региона (под которым кроме отдельных территорий, понимают и сами населенные пункты, в частности, села). Такая логика приводит к тому, что региональный язык нужно изучать и в школах тех населенных пунктом, где нет национальных меньшинств.

Особенно много сложностей возникает при практической реализации статьи 20 «Язык образования». Так, в первом пункте этой статьи говорится о внедрении принципа т.н. свободного выбора языка обучения, что, по сути дела, является возвращением к порочной практике позднесоветского времени. Вспомним, что под прикрытием, такой вроде бы демократической процедуры, родители по своему усмотрению «освобождали» детей от изучения украинского языка, даже как отдельного предмета. Насколько социально немотивированной была такая процедура, свидетельствует то, что у таких учеников в будущем возникало немало проблем с социализацией в украинских условиях. Очевидно, что авторы указанного Закона не учли этого негативного опыта. Можно предположить, что у людей, за которых родители выберут обучение не на государственном языке, в будущем возникнут аналогичные проблемы.

Следующий, второй пункт статьи, прописанный так нечетко, что лишает граждан Украины гарантий на получение образования именно на государственном языке. Поскольку здесь региональные языки или языки меньшинств толкуются как равная альтернатива к государственному языку. Пункт третий также содержит несколько разночтений и соответственно угрозы для стабильного функционирования учебных заведений. Поскольку заявления об изменении языка обучения могут подаваться в любой время обучения (следовательно, и среди учебного года). Трудно даже представить, как будет выглядеть учебный процесс, когда, например, одну четверть ученики обучаются на украинском языке, а остальные уже на русском. Следующий пункт этой статьи предусматривает создание отдельных классов и групп, соответственно в средней и высшей школе, в которых обучение ведется на ином языке, чем в

учебном заведении в целом. Как отмечают эксперты, такая ситуация подрывает существующий украиноязычный режим учебного заведения.

Наибольшее удивление у педагогов вызывает седьмой пункт указанной статьи, в котором предусмотрено, что объем изучения региональных языков или языков национальных меньшинств должен определяться местными советами, с учетом распространенности языков на соответствующей территории. Нетрудно спрогнозировать к какой чрезмерной вариативности это может привести, когда в школах отдельных населенных пунктов будет разный объем изучения той или иного регионального языка. Очевидно, что в таких условиях о каких-то государственных стандартах образования нужно будет забыть.

Вступительные испытания, о которых говорится в десятом пункте, могут происходить на том языке, на котором желает сдавать абитуриент. Эта норма, не смотря на кажущуюся демократичность, также ликвидирует очень существенную мотивацию для изучения государственного языка в средней школе.

Статья 21, регламентирующая языковой режим в сфере научной деятельности, не содержит никаких преференций для государственного языка, поскольку рассматривает его на одном уровне с региональными языками или языками национальных меньшинств.

В девятом разделе Закона, который содержит переходные положения, прописанные изменения образовательного законодательства, в частности в Законах Украины «Об образовании», «О дошкольном образовании», «Об общем среднем образовании», «О внешкольном образовании», «О высшем образовании». Основная правовая новация, как и следует из предыдущего изложения, сводится к сужению сферы использования государственного языка, поскольку рассматривает его равнозначным с региональными языками или языками национальных меньшинств. Даже в недавно действующем Законе «О языках в Украинской ССР» 1989 г., несмотря на все его несовершенство, в статьях 25–29 [5] правовой приоритет отдавался именно украинскому языку как государственному, что и было закреплено в соответствующем законодательстве. Теперь это принципиально важное положение, по сути нивелировано. В чем тогда заключается особый государственный статус именно украинского языка? В таком случае можно было не создавать какой-то юридической казуистики, а прописать в действующее образовательное законодательство положения, что государство вообще не регулирует языковой статус образовательных учреждений и они могут функционировать на любом языке.

Испытаниями для украиноязычного образования является не только правовые новации, но и весьма специфический подход по обеспечению школ учебниками. Так, накануне нового 2012-2013 учебного года, тогдашний министр образования, науки, молодежи и спорта Д. Табачник обнародовал следующие показатели: всего напечатано 2 млн. 80 тыс. новых учебников, из них абсолютное большинство – 1 млн. 900 тыс. на русском языке. При этом чиновник отметил, что министерство только тщательно выполняло заказы, поступавшие с мест.

При анализе угроз деукраинизации современного образования в Украине следует учитывать и внешний фактор, прежде позицию официального Кремля.

Как известно, языковой вопрос, в том числе и в сфере образования, не раз становилось поводом для давления на Украину. Не является исключением и нынешняя ситуация. Так, посол РФ в Украине Михаил Зурабов во время августовского 2012 г. педсовета «Украина-Россия: открытый диалог» в связи с принятием нового «языкового» закона заявил: «...Масштабы нашей помощи будут несопоставимы с теми, которые реализует Российская Федерация в других странах. Речь идет о том, чтобы помочь украинской школе вывести на необходимый уровень преподавания тех предметов, которые будут вестись на русском языке, и мы не ограничиваем такую помощь в финансах» [6]. Поводом для нынешней агрессии Российской федерации против Украины также стал надуманный тезис о защите русского и русскоговорящего населения.

Практическая реализация языкового закона довольно наглядно продемонстрировало его не совершенство. Прежде всего, органы местной власти и самоуправления принимая решения о региональных языках на своей территории, под этим понятием имели ввиду, как правило, – только русский. В результате русский язык был провозглашен как региональный в 8 областях Украины и отдельных населенных пунктах. Венгерский язык стал региональным только в двух районах Закарпатской области: Виноградарском и Береговском. Болгарский и гагаузский языки – в Болградском районе Одесской области. Румынский и молдавский языки стали региональными в отдельных селах Черновицкой и Закарпатской областей.

23 февраля 2014 г. Верховная Рада Украины отменила Закон «Об основах государственной языковой политики». Однако, в условиях политического кризиса и российской военной интервенции, исполняющий обязанности президента Украины А. Турчинов не подписал это решение. Такой подход мотивирован стремлением сохранить национальный консенсус и желанием избежать различных политических спекуляций вокруг языкового законодательства. Вместо этого создана специальная парламентская комиссия для разработки нового языкового закона.

Итак, в современных условиях можно говорить о серьезных вызовах, которые возникают перед украинской образовательной сферой. Значительное количество педагогов воспринимают их как угрозу реальной деукраинизации, потери тех достижений, которые мы имели за годы независимости. По большому счету нынешнюю ситуацию можно рассматривать как испытание украинской национальной общности на зрелость. Поэтому от украинских граждан, прежде педагогической общественности, зависит в каком направлении будет развиваться современное образование в Украине: в европейском и национально ориентированном или же постсоветском, с тесной привязкой к политике соседних государств.

Литература:

1. Загальноосвітні навчальні заклади України на початок 2013/2014 навчального року. Статистичний бюлетень. – Київ: Державна служба статистики України, 2014.
2. Основні показники діяльності вищих навчальних закладів України на початок 2013/2014 навчального року. Статистичний бюлетень. – Київ: Державна служба статистики України, 2014.
3. Указ Президента України №161/2010 “Про концепцію державної мовної політики” // <http://www.president.gov.ua/documents/10486.html?>

4. Закон Украіны “Про засады державноў мовноў політыкі” // Голос Украіны. – 2012. – 10 серпня (№146).
5. Закон УРСР “Про мовы в Украінскі РСР” // <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=8312-11&p=1...>
6. Зурабов: Россия не пожалеет денег для внедрения «языкового закона» в украинских школах // http://rus.newsru.ua/ukraine/27aug2012/russiffshhh_print.html

Г.А. Васілевіч (Фленсбург, Германія)
ПАЛІТЫКА МОЎНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ Ў БЕЛАРУСІ

Савецкі перыяд ў Беларусі меў вынікам адну з найэфектыўнейшых палітыкаў русіфікацыі і асіміляцыі сярод тытульных нацыяў саюзных рэспублікаў СССР, якая ў значнай ступені базавалася на культурнай і моўнай блізкасці беларусаў да Расіі і замацоўвалася ідэалагічным складнікам агульнага “старажытнарускага народу”, укаранёнага ў афіцыйны савецкі гістарычны канон. У выніку, у Беларусі значная частка прадстаўнікоў тытульнай нацыі і іншых этнічных групаў паступова перайшла на карыстанне рускай мовай не толькі ў якасці другой, але як першай. Беларуская мова зазнала пэўную ступень крэалізацыі, што прывяло да фармавання і распаўсюджання змяшанай мовы – “трасянкі”. Мова тытульнай нацыянальнасці стала адным з элементаў палітычных дэбатаў у незалежнай Беларусі. Ажыццяўленне мяккай палітыкі нацыяналізацыі, накіраванай на пашырэнне ролі беларускай мовы, мела вынікам абвяшчэнне беларускай мовы ў якасці адзінай дзяржаўнай мовы ў Беларусі. Права на выкарыстанне рускай мовы ў якасці мовы міжнацыянальных зносін было гарантавана Канстытуцыяй, прынятай ў 1994 г. [4]. Аднак, пасля рэферэндуму 1995 г. сітуацыя змянілася. Па выніках рэферэндуму, рускай мове быў нададзены роўны статус з беларускай, што дэ-факта азначала згортванне палітыкі нацыяналізацыі і вяртанне ў моўным пытанні да таго статусу кво, што існаваў да абвяшчэння незалежнасці Беларусі.

Нягледзячы на адсутнасць адкрытых канфліктаў у моўным пытанні, дыскурс датычна беларускай мовы захваў сваю палітызаванасць і шмат у чым звязаны з апазіцыяй. У праекцыі гэтага дыскурсу руская мова паказваецца як частка савецкай спадчыны, у той час як рускамоўнае насельніцтва аўтаматычна трактуецца ў якасці патэнцыйных прыхільнікаў прарасійскага геапалітычнага выбару. У сваю чаргу, палітыка нацыяналізацыі, накіраваная на пашырэнне ролі тытульнай мовы, адпаведна, разглядаецца як элемент дэмакратызацыі і палітыкі “вяртання ў Еўропу”. Іншай асаблівасцю Беларусі ёсць тое, што ні беларуская мова, ні руская мова дэ-факта не падпадаюць пад паняцце “мова меншасці”. Такім чынам, перавага ў выбары мовы той ці іншай асобай не можа разглядацца ў якасці фактару, які вызначае праеўрапейскі ці прарасійскую геапалітычны выбар чалавека.

Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь у сваёй цяперашняй рэдакцыі прадугледжвае, што беларуская і руская мова з’яўляюцца дзяржаўнымі [4]. Гэта азначае роўнасць гэтых дзвюх моваў перад законам, а таксама роўныя магчымасці для іх выкарыстання ў дзяржаўнай і прыватнай сферах. Першасная рэдакцыя Канстытуцыі 1994 г. прадугледжвала прыярытэт беларускай мовы з

адначасова амаль неабмежаванымі магчымасцямі для развіцця рускай мовы ў Беларусі і яе дэ-юрэ прызнанага афіцыйнага статусу. Як цяперашняя, так і першасная рэдакцыя Канстытуцыі прызнаюць права, прадастаўленае кожнаму на карыстанне роднай мовай, выбар мовы зносінаў, у той час як дзяржава нясе адказнасць за забеспячэнне свабоды выбару мовы выхавання і навучання [4].

Адным з асноўных законаў, якія рэгулююць пытанні выкарыстання мовы ў Беларусі, з'яўляецца Закон “Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь”, прыняты ў 1990 годзе. У адпаведнасці з Законом, Беларусь забяспечвае паўнаважнае развіццё беларускай і рускай моваў ва ўсіх сферах грамадскага жыцця. Акрамя таго, дзяржава бярэ на сябе адказнасць у тым, каб гарантаваць свабоднае развіццё і выкарыстанне ўсіх нацыянальных моваў насельніцтва краіны. Абавязак дзяржавы заключаецца ў стварэнні для грамадзянаў неабходных ўмоваў для вывучэння беларускай і рускай моваў і дасканалы валодання імі. Гэта, аднак, не азначае патрабавання да кожнага грамадзяніна ведаць гэтыя дзве ці любыя іншыя мовы. Акрамя таго, закон не тычыцца выкарыстання моваў у прыватнай камунікацыі або дачыненняў у працоўных калектывах. Дзяржава гарантуе выкарыстанне беларускай, рускай і іншых моваў, а дзяржаўныя органы павінны валодаць абедзюма мовамі ў належным аб'ёме. У той жа час, усе прывілеі і абмежаванні на падставе мовы ёсць недапушчальнымі, а абмежаванні і перашкоды ў выкарыстанні моваў ёсць караюцца паводле закону.

Асаблівае беларускай сістэмы палягае ў тым, што фармулёўка Закону “Аб мовах” і іншых заканадаўчых актаў прадугледжвае, што мовай органаў дзяржаўнага кіравання і судовай сістэмы павінна быць беларуская **або** руская мова. Гэта азначае, што няма неабходнасці паўтараць рашэнні на іншай мове. У выніку, даволі частай з'явай ёсць тое, што ў Беларусі амаль усе законы і паслугі па змаўчанні прымаюцца і ажыццяўляюцца на рускай мове [2].

Важным ілюстрацыйным фактарам моўнай сітуацыі ў Беларусі ёсць вынікі двух нацыянальных перапісаў 1999 і 2009, праведзеных ў Беларусі пасля таго, як краіна атрымала незалежнасць. Перапіс 1999 году паказаў даволі вялікую неадпаведнасць паміж роднай мовай і найчасцей ужыванай мовай хатніх дачыненняў. У той час як амаль 74% насельніцтва Беларусі дэкларавалі беларускую сваёй роднай мовай, толькі 37% гаварылі па-беларуску дома, а сярод прадстаўнікоў тытульнай нацыі колькасць тых, хто дома гаворыць па-беларуску, складала 41 % [7].

Вынікі гэтага перапісу паказалі павелічэнне колькасці тых, хто лічыць сябе беларусамі і тых, хто лічыць беларускую мову сваёй роднай. Гэтая тэндэнцыя можа быць растлумачана праз набыццё краінай суверэнітэту і кароткую і абмежаваную “беларусізацыю” 1991-1994 гг. Тым не менш, цяжка ацаніць рэальнае ўздзеянне той палітыкі з улікам фактару рэферэндуму 1995 г., які вызначыў далейшыя напрамкі дзяржаўнай палітыкі ў сферы мовы. Вынікі перапісу 1999 г. сведчаць пра тое, што беларусы ўсведамляюць сябе самастойным народам. У той жа час, адносна нізкі працэнт выкарыстання беларускай мовы ў паўсядзённым жыцці можа быць часткова растлумачаны палітызацыяй фактару мовы і словамі Алега Трусава, пра тое, што “[б]еларус размаўляе на мове начальства. Як толькі чынавенства загаловаць па-беларуску, народ загутарыць разам з ім” [1].

Рэальныя вынікі асіметрычнай палітыкі датычна беларускай мовы можна ўбачыць у выніках перапісу 2009 г., дзе працэнт прадстаўнікоў тытульнай нацыянальнасці павялічыўся, а колькасць тых, хто лічыць беларускую мову роднай мовай і тых, хто выкарыстоўвае беларускую мову у якасці асноўнай мовы штодзённай камунікацыі, – зменшыліся (53% і 23% адпаведна).

Параўноўваючы вынікі двух перапісаў можна адзначыць наступнае. Па-першае, важнае месца належыць іншай пастаноўцы пытання пра родную мову, што робіць наўпроставое параўнанне вынікаў перапісаў не цалкам метадалагічна карэктным. Калі ў 1999 г. формула “роднай мовы” шмат у чым нагадвала савецкую з сімвалічнай сувяззю паміж этнічнасцю і мовай, то ў 2009 г. родная мова трактавалася як “першая, засвоеная ў дзяцінстве” (сярод этнічных беларусаў колькасць тых, хто задэклараваў беларускую мову як родную зменшылася з 89% у 1999 г. да 60% у 2009 г.). Па-другое, неад’емным фактарам ёсць “трасянка”, якая фармальна не прызнаецца аніводным перапісам. Такім чынам, у рэчаіснасці трактаванне трасянку як беларускай ці рускай мовы ёсць зазвычай справай асабістага ўспрымання і палітычнай сітуацыі. Яскравым прыкладам ёсць карціна перапісу 2009 г. у двух суседніх раёнах Магілёўскай вобласці. Так, у Чэрыкаўскім р-не колькасць тых, хто дома гаворыць па-беларуску складае 38,33%, а ў суседнім Краснапольскім – 66,46%. Улічваючы падабенства тамтэйшых гаворак між сабой, гэткае разыходжанне наўрад ці можна растлумачыць інакш, чым рознай інтэрпрэтацыяй той самай гаворкі, а значыць успрыняцця таго, як трактаваць трасянку.

У той жа час, беларускія ўлады стала падкрэсліваюць важнасць і неацэннае значэнне беларускай мовы. Напрыклад, у сваім інтэрв’ю з нагоды святкавання Дню беларускага пісьменства, тагачасны міністр культуры Павел Латушка заявіў, што святкаванне гэтага Дню на дзяржаўным узроўні ёсць прызнаннем таго факту, што “беларуская культура, беларускае слова, гісторыя Беларусі мае глыбокія карані, што мы з’яўляемся часткай агульнаеўрапейскай культуры, што мы можам ганарыцца сваім словам, сваёй мовай. Кожны народ стварыў штосьці геніяльнае і гэтым геніяльным з’яўляецца мова” [5]. Пазней, у 2010 г. Прэзідэнт Аляксандр Лукашэнка таксама заявіў, што “найважнейшы нацыянальны і культурны здабытак [беларусаў як нацыі]— гэта беларуская мова” [6]. Аднак, дзяржава падтрымлівае ідэю афіцыйнага двухмоўя, каб не дазволіць “ператварыць яго ў прыладу палітычнага супрацьстаяння і дыскрымінацыі” [6].

Тым не менш, калі справа даходзіць да магчымых змяненняў заканадаўства ў мэтах спрыяння магчымасцям для развіцця беларускай мовы, зазвычай паўстае пытанне стаўлення з боку беларускіх дзяржаўных службоўцаў. Паколькі яны належаць да кансерватыўнай праслойкі, то апрыйёры часта выступаюць супраць нейкіх радыкальных змяненняў, якія запатрабуюць з іх боку дадатковай працы і высілкаў. У сваю чаргу, усе апытанні паказваюць, што насельніцтва ў асноўным паважае беларускую мову, але не мае памкненняў выказаць нейкі пратэст супраць цяперашняга статусу кво ў справе мовы. Гэта можа быць звязана з нежаданнем умешвацца ў справу, якая адыме шмат часу і не заўсёды можа скончыцца жаданым вынікам. Акрамя таго, простае нежаданне ўдзельнічаць у любых формах відавочнага канфлікту, здаецца, найбольш

пераканаўчым аргументам, што тлумачыць пасіўнасць насельніцтва ў ажыццяўленні сваіх моўных правоў.

У гэтай сітуацыі далейшае пашырэнне беларускай мовы можа ажыццяўляцца як з зверху ўніз (асабліва ў тых сферах, дзе дзяржава заяўляе пра сваю падтрымку нацыянальнай мовы), так і знізу ўверх (праз грамадзянскія ініцыятывы). Можна таксама казаць пра тое, што ў выпадку станоўчай дынамікі развіцця гэтых ініцыятываў, у сярэднетэрміновай перспектыве можна было б чакаць зменаў у моўнай сітуацыі ў краіне на карысць павелічэння колькасці актыўных носьбітаў беларускай мовы.

Спіс літаратуры:

1. Беларускасць у рускамоўным свеце. *Жырандоля*, №2(48), 21.2.2009.
2. Заканадаўства, ТБМ, <<http://tbn-mova.by/laws1.html>>.
3. Закон “Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь”, 26 студзеня 1990 г. № 3094-XI.
4. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь.
5. Латушка пра выкарыстанне беларускай мовы: “Важна рабіць свой уласны прыклад”, TUT.BY. 7.9.2010, рэжым доступу: <<http://news.tut.by/culture/196330.html>>.
6. Лукашэнка: Патэнцыял беларускай культуры недастаткова выкарыстоўваецца для фарміравання і ўмацавання міжнароднага іміджу краіны. БЕЛАПАН. 6.12.2010, рэжым доступу: <http://belapan.com/archive/2010/12/06/432215_432225/>.
7. Ioffe, Grigory. “Understanding Belarus: Question of Language.” *Europe-Asia Studies*, vol. 55, No. 7 (2003), pp. 1009-1047.
8. Populations’ census 2009: Main Demographic and Social Characteristics of Population of the Republic of Belarus at the National Statistical Committee of the Republic of Belarus. 1.6.2013, рэжым доступу: <http://belstat.gov.by/homep/en/census/2009/pc_results.php>.

Е. Петрова (Одесса, Украина)

«МАРКЕРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ» В КОНСТРУИРОВАНИИ ФАНТОМНЫХ ГРАНИЦ (ОПЫТ ОДЕССКОГО РЕГИОНА)

Среди проблем, которые актуализируются сегодня в современных обществах, особую остроту приобретает проблема этнической толерантности – ей отводится важная роль в процессе активизации глобализационных процессов, в условиях размывания национальных границ, унифицированного набора ценностей, открытого информационного и коммуникационного пространства. Масштаб тотальной интеграции и гомогенизации ставит под угрозу феномен этнической идентичности и обуславливает конструирование ментальных границ в стратегиях жизнедеятельности отдельных этнических групп.

Наиболее эффективно механизмы этнической маргинализации могут реализовываться в регионах с высоким уровнем концентрации различных этнических сообществ, где они имеют как классические, так и гибридные формы. В Украине одним из таких динамично развивающихся полиэтнических мегаполисов является Одесса – город, который за свой исключительный опыт создания и поддержания особого этнопсихологического климата неоднократно провозглашался «лабораторией толерантности» [8].

Данные переписей населения свидетельствуют об усложнении национального состава Одесской области за последнюю четверть века. Если в

1989 году на ее территории проживали представители около 100 национальностей, то проведенная в 2001 году перепись зафиксировала уже более 130 этнонимов, которыми именовали себя жители региона [10]. Следует также отметить достаточно высокий уровень гетерогенности социально-этнической структуры за счет увеличения потока мигрантов из центрально-азиатского ареала, которые отличаются от коренного населения нормами поведения, устойчивыми стереотипами, религиозным мировоззрением. В связи с этим, в последние десятилетия усиливается вектор сегрегации не только по этническому признаку, но и по линии дихотомии «свой» – «чужой», «коренной» – «приезжий».

В данной статье делается попытка показать примеры толерантной этнодемаркации, используя модели этнического брендинга, которые в регионально-локальном измерении имеют как этноконсолидирующие, так и этнодифференцирующие акцентуации.

Пространственные границы

Адаптация этнических групп мигрантов, а также модели сосуществования с автохтонными диаспорами предполагают постоянное манипулирование позициями социально-статусного и ностальгического характера, знаками культурной традиции, формами презентации в окружающей среде, демонстрирующими право на «владение» городским пространством. Особенности маркирования локусов современной инфраструктуры указывают на сопричастность к отдельным этнокультурным или конфессиональным сообществам, каждое из которых «удерживает» часть социального ландшафта, в пределах которого функционирует.

В связи с тем, что большинство проживающих в Одессе народов считают себя в числе тех, кто «завоевывал», «осваивал», «обживал», «строил», город представляется как «русский» (построен российской императрицей), как «еврейский» (субкультура города немыслима без этого этноса), как «греческий» (греки первыми освоили это побережье и позже многие из них стали крупнейшими меценатами) и другими этноинтерпретациями (например, немцы, болгары, гагаузы, албанцы выступали в роли «первопоселенцев»). Интересной формой выражения подобных мифологем сегодня можно считать внедрение в туристический кластер экскурсионных этномаршрутов («еврейская Одесса», «греческая Одесса», «немецкая Одесса»), к разработке которых представители этнических групп привлекались в качестве экспертов [4]. В память о былых этнотаксонах можно судить также по названиям улиц («Польский спуск», «Большая и Малая Арнаутская», «Греческая», «Болгарская», «Еврейская» и др.) и районов («Молдаванка»).

Известны попытки объяснить закономерности формирования ниш, занимаемых отдельными этническими корпорациями в структуре социальных систем, а также базовых стратегий адаптации мигрантов, предрасположенностью народов к определенным занятиям или посредством анализа феномена «этнопрофессионализма» как элемента традиционного комплекса культуры [5, с. 62]. Данный тезис четко подтверждается одесскими примерами конца XIX – начала XX веков, где греки, армяне, евреи доминируют в торговле и ремесле; болгары и немцы – в земледелии; русские – в рыболовстве;

гагаузы и молдаване – в животноводстве. Так, в немецком отчете указывалось: *«Это был этнически пестрый деловой мир юной Одессы, причем удивление voyagerов вызывает общая гармония в этом «демографическом конгломерате».* Действительно, в городе на небольшом удалении один от другого расположены коммерческие конторы, лавки, магазины, склады, кофейни, кондитерские, трактиры и т.д. греческих, турецких, французских, итальянских, швейцарских, английских, немецких, югославских, польских, еврейских и других предпринимателей. Здесь же высятся православные, католические, лютеранские храмы, синагоги, караимская кенасса, магометанская молельня, учебные заведения клерикализма разного толка, – и никого это не смущает. *Обстановка веротерпимости, сотрудничества»* [12, с. 63].

Предпосылкой такой «культуры добрососедства» была этническая специализация в торговле – различные группы, имея различные сферы жизнедеятельности, не вступали в конкуренцию между собой, а дополняли одна другую: *«...Армяне были цирюльниками, – писалось в одних из мемуаров, – болгары – огородниками, молдаване – угольщиками, греки – булочниками и фруктовыми, евреи – факторами, стекольщиками, разносчиками, рабочими в хлебных магазинах, караимы – мануфактурищиками, итальянцы – рыбаками и портовыми рабочими, великороссы – плотниками, бондарями, печниками, водовозами и кучерами; женская домашняя прислуга была малороссийского и польского происхождения»* [3, с. 97–99].

Сегодня мультикультурность в социально-экономическом сегментировании, несмотря на некоторые инновации, напрямую является приемником выразительных обычаев одесской коммерции. Наиболее убедительным доказательством сказанного может служить пример рынка «7 километр» (официальное название – рынок «Авангард») – одного из крупнейших рынков Восточной Европы, расположенного в Овидиопольском районе Одесской области, на 7 километре (отсюда народное название) автотрассы на Овидиополь и Белгород-Днестровский. Здесь практически все вьетнамцы занимаются обменом валют, а их антропологический тип служит внешней гарантией надежности. Аналогично торговля кожаными изделиями находится в руках турков, которые выступают своеобразным брэндом национального товара. Китайцы специализируются на обуви и, как правило, располагаются на 3-ей контейнерной площадке. Здесь же работают индусы, занимаясь, в основном, оптовой продажей верхней одежды [9, с. 435].

Другой пример – местные землячества. Сегодня многие реализаторы на толчке являются представителями сел Одесской области, среди которых на «мылке» (район, где торгуют моющими средствами) – большинство болгары. Этих трудолюбивых и честных продавцов набирают не только учитывая их национальность, но и субэтнические реалии – к одному работодателю нанимаются жители одного или соседних сел.

Известен еще один аспект этнического сосуществования. Если иностранцы выступают хозяевами товара и/или контейнера, то они стремятся нанять себе местных реализаторов, поскольку незнание языка, обычаев и «языка культуры» создает для них ряд неудобств. Подобную некомфортность они предпочитают решать за счет привлечения торговых «медиаторов» между их

товаром и покупателем – именно это способствует складыванию этнической вертикали.

В целом, можно сказать, что среди современных символов Одессы, торговые сюжеты остаются наиболее репрезентативными. Об этом свидетельствуют, к примеру, ссылки на 36 наиболее (стереотипных) посещаемых объектов города в статье «Одесса» популярного сайта, в число которых входят такие торговые точки как «Пассаж», «Привоз» и «7 километр». Даже смена субъектов (иногда – кардинальная) не смогла принципиально трансформировать самобытность операции «купли-продажи» – она видоизменялась, сменялись языки торга, в зависимости от социально-экономической конъюнктуры могли исчезать либо появляться товары, однако и греки-зерноторговцы, и немцы-ремесленники, и цыгане, спекулирующие квази-импортными джинсами, и вьетнамцы, скупающие валюту, и многие другие входили в одесскую субкультуру торговцев, внося свой колорит и подчиняясь, вместе с тем, предыдущему опыту. Таким образом, выработывался баланс между традиционными и инновационными коммерческими моделями, в которых новые акторы вынуждены были учитывать практику своих предшественников.

Культурные границы.

Эра глобализации, активного национального строительства и европейской интеграции, настигшие Украину в XXI веке, интенсифицировали разрушительное воздействие на народные каноны. Этнические сообщества, которые в последнее время активно включаются в крупномасштабные миграционные потоки, мировой товарообмен и планетарное информационное пространство, интересны, в первую очередь, подвижностью и фрагментарностью своей идентичности в зависимости от компетентности и приоритетности ее отдельных маркеров. Стоит подчеркнуть, что в сельской местности продолжает доминировать групповое этническое самосознание, основанное на осознании принадлежности к этнической группе, выделении этнического конструкта «мы – они» и общих этнических интересов. В современной городской среде преобладают так называемые демонстрационные модели идентичности, а также индивидуальные формы ее выражения, базирующиеся на ощущении единства с предыдущими поколениями внутри семейной корпорации.

Среди факторов, влияющих на размывание национальных границ, можно рассматривать пространственно-временное сжатие – близость и доступность других культур приводит к их миксации и унификации. Особенно подвержено данным тенденциям пространство мегаполисов, где императивы деятельности, которые гарантируют успех и достижение тиражируемых рекламой жизненных целей и стандартов потребления отдаляют носителей конкретных традиций от следования своим моральным и религиозным ценностям.

Наиболее мощным стимулом культивации этнических барьеров в Одессе всегда была гастрономическая культура, которая не только вносит свой вклад в колорит городского габитуса, но и благодаря диапазону вкусовых пристрастий способствует толерантному отношению к «чужому». Сеть ресторанов национальных кухонь и фаст-фудов, с одной стороны, отображают мировые тенденции *cross-cooking*, с другой – содействуют интеграции и мобилизации соответствующих этнических групп и, соответственно, усилению их

идентичности. Наиболее интересный вариант пограничья представляет собой так называемая "одесская кухня", которая аккумулирует в себе этномиксаж аутентичных рецептов и технологий обработки продуктов [7]. Симптоматичным явлением для Одессы можно считать процесс приспособления этнического сообщества к определенной социальной среде приводит к выходу этнической кухни на позиции коммерческих проектов (ресторан индийской кухни "Камасутра", ресторан армянской кухни "Дудук", кошерный ресторан «Розмарин») и разрушению системы сакрального потребления еды, которая рассматривается только в разрезе культурного шоу [1, с. 71]. Болгарскую составляющую в них представляют несколько заведений («Четыре болгарина», «Механа», "Бессарабка", "Risso"), посещение которых для болгар связано, чаще всего, с важными событиями семейной или личной жизни (крестины, именины, годовщины свадеб, юбилеи) и объясняется ими единственной возможностью попробовать исчезнувшие из повседневного рациона мегаполиса блюда и напитки – шкембе чорба, таратор, баницу, кебапче, только здесь подают ракию.

Помимо индивидуальных конструкторов этнического самосознания эффекты глобализации рельефизуют коллективные национальные образы и продуцируют так называемые демонстрационные формы идентичности, которые становятся мотивом маргинализации социального поведения. Ярким примером в пользу сказанного может служить активное воспроизведение всевозможных народных образцов искусственным путем – в рамках многочисленных этнических фестивалей, ярмарок, мастер-классов, презентаций национальной кухни, реконструкции отдельных обрядов в форме театральных постановок. Такая практика становится популярной в регионе в начале XXI века и свидетельствует о поиске и конструировании условий консолидации этнических меньшинств на мега-, мезо-, микроуровнях – как правило, это совместные мероприятия, которые не только актуализируют лакуны самосохранения вовлеченных в единый диалог представителей различных диаспорных групп, но и благоприятствуют атмосфере межнациональной гармонии и комфорта в регионе. Участие этнических групп в подобных акциях обеспечивают национально-культурные общественные организации, количество которых, по данным управления культуры и туризма, национальностей и религий в Одесской области, по состоянию на январь 2014 года составило больше 160 [2, с. 2].

Одна из последних таких инициатив – этнический фестиваль «Венок Дуная – Ноев ковчег по-одесски», в рамках программы которого состоялись выставка работ народных мастеров в таких направлениях как гончарное и кузнечное дело, ткачество, резьба по дереву, вышивка, бисероплетение, декоративная роспись, народные музыкальные инструменты, а также мастер-классы по этим видам промысла; конкурс-дегустация «Мастер этнической кухни»; форум «Дни культурного диалога»; презентация фольклорных традиций. В схеме популяризации материального и духовного наследия, совместно приняли участие украинские, румынские, болгарские, еврейские, греческие, немецкие, чешские, молдавские, армянские, гагаузские, грузинские, индийские сообщества, что полностью оправдало поставленные организаторами данного проекта цели и задачи – необходимость предоставления поддержки и

возможностей в возрождении кодекса национальной идентичности в полиэтническом топосе.

К разряду «новых» традиций можно отнести также введение в местный праздничный календарь дней памяти выдающихся государственных деятелей, а также дат национальной истории и культуры – их главная роль состоит в попытке занять «свою» нишу в региональном культурном измерении и заполнить ее теми образцами и формулами, которые на данный момент являются наиболее консолидирующими.

Необычный формат межкультурного диалога был предложен Союзом молодежных организаций «Интернациональное крыло Одессы» и полностью оправдал себя не только способностью привлечь новую генерацию, но и возможностью увидеть и понять, какие сигналы используются ею в качестве фрейма при соприкосновении с иноэтническими сегментами. За звание «Самой интернациональной пары» соревновались представители пяти национальных обществ: Грузинского культурно-образовательного центра "Иверия", Одесской ассоциации турецких студентов, Украинского клуба одесситов, Азербайджанской молодежной ассоциации Одессы и Одесской области, Болгарского молодежного клуба "Актив" – они же стали победителями [11].

Исходя из сказанного, можно с уверенностью признать, что этнические сообщества Одесской области обладают надежной культурной иммунной системой, способной противостоять вызову культурной стандартизации. Они демонстрируют наиболее эффективную модель поддержания этнической идентичности, частично препятствующую унификации их традиционных канонів в условиях глобализации.

Одновременно с этим модели конструирования идентичности интересны сегодня, в первую очередь, адаптацией традиционных механизмов народного опыта к новым социальным условиям и контекстам. В полиэтническом массиве Юго-Западной Украины сложившаяся локальная модель обогащается лишь теми инновационными формами, которые естественным образом встраиваются в инфраструктуру конкретного этноса.

Языковые границы.

В силу исторических, политических, природных и социальных условий особенностью регионального функционирования языков в Одесской области является множественность диглосных границ, уникальность которых состоит в их толерантном сосуществовании.

В данной ситуации можно выделить несколько языков и коммуникативных уровней:

– «материнский» или «внутренний» язык (он же может быть и «этническим»).

– «внешний» язык, обслуживающий различные сферы коммуникации «вне семьи». В языковой практике за пределами семейного общения можно наблюдать тенденции дифференцированного выбора языка – например, если функцию «внутреннего» языка исполняет болгарский язык (гагаузский, албанский, молдавский) для внешней коммуникации с ближайшими соседями используются их языки, однако на общерегиональном уровне в качестве «публичного» выступает один из языков, понятный большинству населения – в

прошлом государственными и «престижными» языками были русский и частично румынский (для указанных групп населения).

– "официальный". Для большинства этнических групп региона все государственные языки, которые здесь внедрялись, имеют статус "искусственных" (полученных в процессе школьного образования).

– "сакральный" (церковный). До 1944 года в Бессарабии богослужение проводилось только на румынском языке. Сегодня эта практика сохраняется только в молдавских селах [6].

– "престижные" мировые языки, которые не функционируют в регионе, но преподаются в школах (в советское время – русский, сегодня – английский, французский, немецкий, итальянский). Таким образом, современный житель Бессарабии владеет как минимум тремя языками: те, кто получил образование до 1940 года – этническим, румынским и русским; те, кто учился в 90-е гг. – этническим, русским и украинским.

Таким образом, в регионе сохраняется функциональная специализация языков в индивидуальной языковой практике, однако необходимость социальной стратификации актуализирует вопрос досконального владения языком титульного этноса (официальным государственным языком), что постепенно приводит к упрощению языкового разнообразия. Би- (три-) лингвизм позволял его носителям не только успешно интегрироваться в необходимые социальные пространства, но и регламентировать коммуникативную дистанцию («изоляция»/«интеграция»), используя язык.

Подводя итог, нужно отметить, что в ситуации тотального фантомного пограничья роль надэтнического фактора и маркеров толерантности во все периоды истории Одесской области играли: общее историческое прошлое, развитая этно-экономическая интеграция, действенная региональная идентичность и конфессиональная целостность. Внешняя этническая дистанция остается стабильно толерантной также благодаря наличию развитой коммуникационной зоны и действенных инструментов государственной этнополитики (открытие национально-культурных центров, национальных школ воскресного типа, органов периодической печати, поддержание контактов с диаспорами за рубежом и связей с Родиной). Алгоритм поддержания этнической идентичности в условиях глобализации и унификации обязательно включает специфический набор мифологических конструктов, манипуляция которыми осуществляется на уровне оценивания – актуализируются те события, которые в новой ситуации могут «давать дивиденды» для реализации стратегии последующего развития.

Список используемых источников:

1. Аксьонова Н.В. Скуштувати етнічне: швидко & автентично / Н.В.Аксьонова // Постфактум: історико-антропологічні студії. Єдність у різноманітті стратегій та практик / ред. колегія: О.І.Ганчев, С.В.Коч, А.В.Леснікова, О.В.Петрова, О.А.Прігарін. – Одеса, 2013. – С. 63–71.
2. Аналітичний звіт управління національностей та релігій за 2013 рік. – Одеса, 2013. – С. 1–38.
3. Атлас Д. Старая Одесса, ее друзья и недруги. – Одесса, 1992. – 208 с.
4. Греческая Одесса // Туристическая Одесса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odessatourism.in.ua/ru/iekskursii/iekskursiipogorodu/grecheskayaode>

- ssa/default.aspx?full=1; Еврейская Одесса // Туристическая Одесса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.odessatourism.in.ua/ru/iekskursii/iekskursiipogorodu/evreyskayaodessa/default.aspx?full=1>
5. Коч С.В. Социально-экономические модели адаптации этнических групп (на примере «старых» и «новых» диаспор Юго-Западной Украины) / С.В.Коч // Предупреждение насильственных конфликтов в мультикультурных сообществах и формирование культуры мира: сб. научн. трудов / под ред. М.А.Араджиони, И.В.Бруновой-Калисецкой. – Киев, 2011. – С. 61–71.
  6. Коч С.В. Динаміка етномовної ситуації на території Півдня Бессарабії у XVIII–XX ст. / С.В.Коч // Європейська Хартія регіональних мов або мов меншин: перспективи реалізації в Україні: Матер. Науково-практичної конференції / під ред. Є.В.Стрельцова, І.Г.Ковалю, В.Г.Кушніра, В.І.Труби. – Одеса, 2008. – С. 145–157.
  7. Одесский ресторатор Савелий Либкин представил книгу «Моя одесская кухня» // Bit.ua [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bit.ua/2013/09/savelyy-lybkyn-predstavyl-knyhu-moya-odesskaya-kuhnya/>. – Дата доступа: 25.09.2013; Самый цимес: 10 блюд одесской кухни // The village [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.the-village.ru/village/city/odessa/115437-odesskaya-kuhnya>. – Дата доступа: 27.07.2012.
  8. Определена украинская столица толерантности // Полемика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polemika.com.ua/news-137743.html>. – Дата доступа: 5.02.2014; Многонациональная Одесса // Глас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.glasweb.com/index.php/default/65701>. – Дата доступа: 26.03.2009.
  9. Пригарин А.А. Рынок «7-ой километр»: торговая субкультура в современной Одессе / А.А.Пригарин // Челок в истории и культуре: мемориальный сборник материалов и исследований в память проф. В.Н.Станко / под ред. А.А.Пригарина. – Одесса, 2012. – С. 431–449.
  10. Розподіл населення Одеської області за національністю та рідною мовою за матеріалами перепису населення 1989 року // Дані головного управління статистики в Одеській області.
  11. Самая интернациональная пара // Репортер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reporter.com.ua/cameraman/ed/id153/>. – Дата доступа: 17.10.2011.
  12. Скальковский А. Коммерческое народонаселение города Одессы в 1846-1847 гг. / А.Скальковский // Одесский вестник. – Одесса, 1847. – № 8.

А.В. Капцов (Самара, Россия)

ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ¹¹

Система личностных ценностей человека формируется в процессе его социализации в обществе. Разнообразие социума отражается на индивидуальных особенностях интериоризированных, т.е. присвоенных, общественно-политических, нравственных и этических идеалов личности. Проблема влияния разнообразия личностных ценностей на межличностное взаимодействие в общем

---

¹¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-06-00411

контексте и на развитие личности в целом, остается на сегодняшний день еще мало изученной.

Освоение культуры и ценностей общества происходит через систему образования, информационные средства и межличностное общение. Причем «усвоение ценностей чаще протекает на досознательном уровне, непроизвольно, через погруженность в межличностные ситуации» [3, с. 56]. Сформированная система личностных ценностей выполняет ряд функций [3, с. 47], среди которых следует выделить ориентирующую и оценочную функции. Ценностные приоритеты являются ориентирами жизни человека, выступают в качестве базового ориентира в восприятии им реальности, направляют усилия личности на поиск порядка и смысла жизни. Реализуя оценочную функцию, личностные ценности являются критерием для выбора личностью имеющихся в конкретной ситуации альтернатив. С.Л. Рубинштейн писал: «потребность и интересы различной значимости для личности выступают в сознании в определенной последовательности» [15, с. 533], т.е. более важные потребности и интересы становятся для личности актуальными, а менее важные уходят на второй план, причем это относится не только к объектам материальной и духовной жизни личности, но и к субъектам общения и совместной деятельности.

В работе [12] нами было показано, что межличностные отношения студентов в учебной группе определяются соотношением степени общности и различий их личностных ценностей, мотивов, интеллекта и личностных качеств. Причем высокое сходство психологических характеристик (различия в относительных единицах составляют менее 40%), а также низкое сходство (различия составляют более 65%) взаимосвязаны с частотой взаимно отрицательных отношений членов группы между собой, тогда как умеренный уровень различий в психологических характеристиках – с частотой взаимно положительных межличностных отношений. Ведущая роль в совокупности психологических характеристик принадлежит личностным ценностям в определенных сферах жизнедеятельности. Например, в момент зарождения учебной группы на 1 курсе в качестве детерминант выступают сходство личностных ценностей в сфере будущей профессии (ценностно-профессиональное единство), мотивы достижений в учебной деятельности и интеллект. На следующем этапе на смену ценностно-профессионального единства, как группообразующей детерминанты, приходит сходство личностных ценностей в сфере увлечений (ценностно-досуговое единство), коммуникативные качества и мотивы общения в учебной деятельности, затем – ценности в сфере общественной жизни (ценностно-коммуникативное единство), эмоционально-волевые качества, активность и мотивы переживаний в учебной деятельности, и только потом – ценности в обучении (ценностно-образовательное единство), мотивы познания [5].

В то же время межличностные отношения студентов в учебной группе тесно взаимосвязаны с экопсихологическими типами коммуникативного взаимодействия [11], определяющими личностное развитие индивида [4, 5]. Таким образом, общность и различие психологических характеристик личности в целом, и личностные ценности в частности, как проявление динамического

неравновесия как внутри самого человека, так и между человеком и средой, направленное на преодоление этой среды, являются источником активности [13].

Одним из основных механизмов развития личности является идентификация – обособление субъектов коммуникативного взаимодействия [8], в результате которого, с одной стороны, происходит уподобление психологических характеристик, выражающееся в увеличении сходства общающихся. Однако по мере уменьшения различий между партнерами по общению возрастает неудовлетворенность взаимодействием [8], уменьшается интерес и частота контактов, что в конечном итоге приводит к уменьшению сплоченности группы, а затем к распаду неформальных микрогрупп внутри учебной группы студентов [5, 14], и образованию новых. С другой стороны, обособление как естественная потребность человека, помещенного в положение скученности, в положении «Я», задавленного насильственным присутствием других [9]. Именно обособление индивидуализирует присвоенное поведение, ценностные ориентации и мотивы человека. И хотя каждый индивид присваивает структуру самосознания через идентификационные механизмы, обособление определяет индивидуальное развитие каждого звена этой структуры.

Рассмотренная феноменология развития личности недостаточно изучена экспериментально, особенно в юношеском возрастном периоде, поэтому нами было проведено лонгитюдное исследование на примере динамики личностных ценностей студентов вуза, обусловленной общностью и различиями личностных ценностей студентов в учебной группе. В качестве факторов развития ценностей исследовались экопсихологические типы коммуникативного взаимодействия и типы межличностных отношений. Лонгитюдное исследование продолжительностью один год имело два измерительных среза (в начале первого и второго курсов обучения студентов). Всего в исследовании приняло участие 211 студентов (58% юноши) при среднем возрасте в первом срезе 18,0 лет ($SD = 0,55$).

Предварительные исследования представленности экопсихологических типов коммуникативного взаимодействия и типов межличностных отношений показали, что наибольшая встречаемость в выборке – это объект-объектный тип взаимодействия (50 – 60% в зависимости от учебной группы) с индифферентными (60 – 70%) отношениями и субъект – совместный тип взаимодействия (30 – 35%) с индифферентными (55 – 60%) и взаимно положительными (12 – 15%) межличностными отношениями.

Объект-объектный тип имеет место в тех случаях, когда взаимодействие в диаде имеет сугубо формальный характер и проявляется пассивно-ролевой позицией каждого из участников этого взаимодействия (и в этом смысле объектностью или квазиобъектностью) обеих сторон. Взаимодействие сводится к формальному обмену информацией. Субъект-совместный тип взаимодействия имеет место, если взаимодействие между сторонами носит характер конструктивного диалога и, в этом смысле, совместного действия, подчиненного достижению какой-либо цели, выполнению общей задачи и т.д. Воздействие одной стороны диалога на другую строится, принимая во внимание особенности ее как полноценного субъекта (ее ценности, установки, способы действия,

психическое состояние и т.п.), однако, подобное отношение к другой стороне не предполагает и не требует изменения своей собственной субъектности [11]. Исходя из теоретических положений экологической психологии [10], основное развитие личности должно происходить при субъект-совместном типе взаимодействия с взаимно положительными межличностными отношениями общающихся. Однако небольшая доля таких диад в студенческой группе при интенсивном процессе личностного развития молодых людей студенческого возраста позволили выдвинуть экспериментальную гипотезу о взаимосвязи развития личности, в частности личностных ценностей, с объект-объектным типом взаимодействия и индифферентными межличностными отношениями.

Поскольку психологическая диагностика межличностного взаимодействия [1] недостаточно разработана и в большей степени сводится к диагностике межличностных отношений, то нами была разработана методика для диагностики типов коммуникативного взаимодействия [7], прошедшая предварительную проверку, а для определения типа межличностных отношений использовалась социометрическая методика (непараметрическая форма) с направленностью на совместную учебную деятельность. В качестве диагностического инструмента определения личностных ценностей использовался авторский тест АНЛ4.5 [6]. Результаты первичной обработки подвергались регрессионному и частотному анализу с использованием статистического пакета STATISTICA 10.

Рассмотрим основные результаты проведенного исследования. Сразу следует отметить, что общность и различия личностных ценностей в студенческой группе обуславливают динамику развития соответствующей ценности, не превышающей четверти всей дисперсии изменений, т.е. на долю неисследованных факторов приходится около 75% случаев. В качестве предполагаемых факторов, не вошедших в исследования, могут быть личностных качества студентов, а именно, общность и различия в студенческой группе, мотивы, потребности, способности, а также ряд социально – психологических характеристик.

Как в мужской, так и женской выборках, обнаружен преимущественно механизм идентификации личностных ценностей на протяжении первого года обучения в вузе, что вполне соответствует традиции обучения в техническом вузе с преобладанием коллективных методов обучения. Идентификация как механизм развития говорит о том, что индивид с низким уровнем личностной ценности по сравнению с одноклассниками за год обучения увеличивает значимость терминальной ценности, а индивид с более высокой личностной ценностью – понижает.

Из всех полученных линейных моделей динамики восьми личностных ценностей, диагностируемых в исследовании (ценность коллективности, духовной удовлетворенности, креативности, жизнедеятельности, достижений, традиций, материального благополучия и индивидуальности), только изменение ценности креативности девушек взаимосвязано с взаимно положительными отношениями при субъект-совместном типе коммуникативного взаимодействия (коэффициент $\beta = 0,40$ и объяснительная дисперсия 0,16). Вполне возможно, что данный результат отражает специфику обучения девушек на специальностях с

естественнонаучными дисциплинами, в которых проявление творчества благоприятно при совместном коллективном труде с хорошими дружескими отношениями, взаимопомощи и поддержке. Полной противоположностью оказалось развитие ценности креативности у юношей, имеющих индивидуалистические тенденции, т.е. при объект-объектном типе взаимодействия с одноклассниками и формальных отношениях (коэффициент $\beta = 0,28$ и объяснительная дисперсия 0,13). Подтверждением этому факту служит развитие ценности индивидуальности у юношей, совместно выполняющих учебные задания при формальных отношениях между одноклассниками. Зато у 15% юношей, общающихся в группе исключительно формально (объект-объектный тип взаимодействия), наблюдалось повышение ценности коллектива, что свидетельствует о компенсаторных механизмах развития личности, а именно, увеличение той личностной ценности, которая в повседневной учебной деятельности оказалась нереализованной.

Поскольку личностные ценности условно можно разделить на гуманистические и прагматические, то обнаружено, что за первый год обучения наиболее интенсивные изменения произошли в гуманистических ценностях. В целом обнаружено, что взаимосвязь типа межличностных отношений и динамики личностных ценностей нелинейная и представляет собой поверхности параболоидного типа, имеющие особые точки, например, если имеется полное сходство той или иной ценности между партнерами по общению, то динамика данной ценности будет отсутствовать.

Проведенные эмпирические исследования поставили новые задачи на дальнейшее совершенствование методов исследования, в частности, значительное преобладание индифферентных отношений между студентами в процессе учебной деятельности, возможно, является результатом использования социометрической методики с номативной шкалой, которая обладает наименьшей мощностью. Для повышения точности исследований необходимо использование методик с интервальными шкалами, хотя они более трудоемки как в процессе обследования, так и при обработке [2].

Литература:

1. Амельков, А.А. Психологическая диагностика межличностного взаимодействия. – Мозырь: 2006.
2. Багрецов, С.А., Львов В.М., Наумов В.В. Диагностика социально-психологических характеристик малых групп с внешним статусом. – СПб.: Изд-во «Лань», изд-во СПб университета МВД России, 1999.
3. Журавлева, Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
4. Капцов, А.В. Взаимосвязь неравновесности ценностной сферы личности и развития личностных качеств студентов // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2011. – Том 4. – №3. – С. 24–29.
5. Капцов, А.В. Личностное и интеллектуальное развитие студентов в условиях учебной группы современного вуза. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2011.
6. Капцов, А.В. Психологическая аксиометрия личности и группы. – Самара: СамЛюксПринт, 2011.
7. Капцов, А.В., Панов В.И. Методика определения типа коммуникативного взаимодействия (пилотажный вариант) // Экспериментальный метод в структуре

- психологического знания /отв. ред. В.А.Барабанщиков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 682–686.
8. Капцов, А.В., Улько О.И. Взаимосвязь удовлетворенности отношениями с социально-психологическими характеристиками учебной группы // Актуальные вопросы теории и практики психологии отношений: матер. Всерос. науч.-практ.конф. – Екатеринбург: УГПУ, 2011. – С. 79–84.
  9. Мухина, В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. – М.: Академия, 2011.
  10. Панов, В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. – М.: Наука, 2004.
  11. Панов, В.И., Капцов А.В. Взаимосвязь межличностных отношений и экопсихологических типов взаимодействия // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. – Том 14. – №2(5). – С. 1219–1227.
  12. Прокофьева, Т.А., Капцов А.В. Роль личностных ценностей в социометрических предпочтениях студентов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Психология. – 2007. – №2. – С. 122–133 .
  13. Психология человек от рождения до смерти. Полный курс психологии развития /под ред. А.А. Реана. – СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003.
  14. Сидоренков, А.В. Динамика неформальных подгрупп в группе: социально-психологический анализ. – Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 2004.
  15. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2006.

А.У. Бунас (Магілёў, Беларусь)

НЕКАТОРЫЯ РЫСЫ ДА САЦЫЯЛІНГВІСТЫЧНАГА ПАРТРЭТА СУЧАСНАГА БЕЛАРУСА

У розных дзяржавах нацыянальна-моўныя пытанні вырашаюцца ў залежнасці ад лінгвістычнай сітуацыі, характэрнай для той ці іншай краіны. Зыходзячы са зместу і мэты моўнай палітыкі, кожная дзяржава выпрацоўвае ўласную мадэль лінгвістычнага развіцця. Моўнае становішча сучаснай Беларусі мае свае ўнікальныя рысы: поліэтнічны склад насельніцтва (на тэрыторыі краіны пражываюць прадстаўнікі 146 нацый і народнасцей); афіцыйны білінгвізм пры моцным дамінаванні рускай мовы як функцыянальнай; сімвалічная функцыя роднай мовы ў сферы культуры і мастацтва і інш. Рэаліі Беларусі сёння патрабуюць моўнай палітыкі, якая задавальняе патрэбы поліэтнічнага насельніцтва краіны, улічвае асаблівасці моўнай, дэмаграфічнай і палітычнай сітуацыі і з'яўляецца магутным фактарам стабільнасці ў беларускім грамадстве. Запаўненне інфармацыйнай прасторы рэальным двухмоўем дазволіць беларусам дасканала авалодаць нацыянальнай мовай і не страціць навыкаў рускай мовы. Пабудова моўнай палітыкі павінна грунтавацца на ўяўленні спецыфічных рыс і дэталей, якія характарызуюць прадстаўнікоў беларускага соцыуму з пункту гледжання геалінгвістычных і сацыякультурных аспектаў карыстання той ці іншай мовай.

Насельніцтва Рэспублікі Беларусь па характары моўных паводзін адрозніваецца ад іншых краін двухмоўем асаблівага тыпу з моцнай перавагай рускай мовы, якая не з'яўляецца роднай для большай часткі карэнных жыхароў. Акрамя наяўнасці білінгвізму, пры апісанні моўнай сітуацыі трэба ўлічыць, што

тэрыторыя Беларусі падзяляецца на два асноўныя дыялекты: паўночна-ўсходні (Віцебская вобласць, большая частка Магілёўскай вобласці, поўнач Мінскай вобласці) і паўднёва-заходні (Брэсцкая вобласць, Гомельская, поўдзень Мінскай, большая частка Гродзенскай вобласці). Гэтыя дыялекты раздзяляюцца паласой пераходных, або сярэднебеларускіх, гаворак, што знаходзяцца абапал лініі Ашмяны – Мінск – Бабруйск – Гомель. Акрамя гэтага, у склад сучаснай беларускай дыялектнай мовы ўваходзіць адасобленая група заходне-палескіх, ці брэсцка-пінскіх, гаворак. Яны значна адрозніваюцца ад усіх іншых гаворак асноўнага беларускага дыялектнага масіву.

Наяўнасць дыялектаў не парушае адзінства беларускай нацыянальнай мовы. Яны больш старажытныя, чым сама беларуская мова. Працэс групування гаворак у дыялекты адбываўся ў эпоху кансалідацыі беларускіх земляў у межах Тураўскага і Полацкага княстваў. У наш час новыя дыялекты не толькі не ўтвараюцца, але і паступова сціраюцца адрозненні паміж існуючымі, разбураюцца дыялектныя межы.

Тым не менш, і на сучасны момант назіраюцца значныя адрозненні ў маўленні жыхара беларускага Палесся і ўраджэнца Віцебшчыны, сталічнага жыхара і прадстаўніка заходнебеларускай вёскі. Таму асноўнай кампанентай для апісання і даследавання моўнай сітуацыі ў Беларусі можна лічыць тэрытарыяльны падыход.

Агульны перапіс насельніцтва не толькі з’яўляецца асноўнай крыніцай атрымання сацыялагічных даных пра колькасць і структуру насельніцтва, але і дазваляе высветліць дзеючае моўнае становішча пэўнай дзяржавы. Асабліва гэта важна для шматнацыянальных краін, таму што на аснове даных, атрыманых пры перапісе, распрацоўваецца інфармацыйна-адукацыйная палітыка, а таксама меры па падтрымцы тых ці іншых моў, калі ў гэтым ёсць неабходнасць.

У 2009 годзе ў гісторыі незалежнай Беларусі адбыўся другі перапіс насельніцтва, які ўключаў наступныя пытанні аб мове: “Ваша родная мова”, “На якой мове вы звычайна размаўляеце дома?”, “Іншыя мовы, якімі вы свабодна валодаеце”.

Для вызначэння роднай мовы сучаснага беларускага грамадзяніна вялікае значэнне мае нацыянальны склад насельніцтва. У 2009 годзе на пытанне “Да якой нацыянальнасці вы сябе далучаеце?” (па самавызначэнні і жаданні рэспандэнта) была атрымана вялікая колькасць адказаў, з дапамогай якіх было ўсталявана, што на тэрыторыі краіны пражывае 146 этнасаў. Характарыстыка насельніцтва Рэспублікі Беларусь па нацыянальнай прыкмеце выглядае наступным чынам: беларусы – 83,7%, рускія – 8,3%, палякі – 3,1%, украінцы – 1,7%, яўрэі – 0,1%, армяне – 0,1%, татары – 0,1%, цыгане – 0,1%, азербайджанцы – 0,1%, літоўцы – 0,1% і інш. [4, с. 23]. Астатнія нацыянальнасці, згодна з данымі апошняга перапісу насельніцтва, прадстаўлены на беларускай тэрыторыі колькасцю меншай за 0,1%. Такім чынам, пераважная колькасць насельніцтва далучае сябе да карэннай тытульнай нацыі. Калі разгледзець статыстычныя даныя па абласцях, то можна вызначыць, што колькасць беларусаў у Брэсцкай, Гомельскай, Мінскай і Магілёўскай вобласці нават перавышае 88%, у Віцебскай вобласці – блізкая да агульных паказчыкаў (85,1%), нязначна зніжана па г. Мінску (79,2%). Але паказчыкі Гродзенскай вобласці значна адрозніваюцца ад

сярэднестатыстычных па краіне, так як у гэтым рэгіёне пражывае вялікая колькасць палякаў – 21,5%, а беларускае насельніцтва складае ўсяго 66,7% [4, с. 24].

Выбар мовы паўсядзённага выкарыстання для сучаснага беларуса шмат у чым залежыць ад месца пражывання, аднесенасці населенага пункта да горада ці вёскі. Гістарычна так склалася, што большая частка мясцовага насельніцтва пражывала менавіта ў сельскай частцы краіны. Буйныя гарады былі шматнацыянальнымі, з'яўляліся цэнтрамі гандлю і рамёстваў, і таму насяляліся не толькі беларусамі, але і прадстаўнікамі іншых нацыянальнасцей: рускіх, яўрэяў, палякаў, украінцаў, літоўцаў і інш. Гарадское насельніцтва было больш залежным ад палітычных абставін: значна падпадала пад уплыў спачатку паланізацыі, потым русіфікацыі. На выбар мовы ўздзейнічалі органы ўлады, адміністрацыйныя падраздзяленні, адукацыйныя ўстановы, пазней сродкі масавай інфармацыі. Сельскае насельніцтва да савецкага перыяду было малаадукаваным, перадавала з пакалення ў пакаленне асаблівасці вуснай дыялектнай гаворкі, якая з'явілася асновай, падмуркам сучаснай беларускай мовы. Таму і на сённяшні момант, па даных перапісу насельніцтва 2009 года, захоўваецца значная розніца паміж горадам і вёскай у прыняцці беларускай мовы ў якасці роднай, а таксама ў яе паўсядзённым выкарыстанні.

Табліца 1 – Размеркаванне насельніцтва Рэспублікі Беларусь па валоданні беларускай і рускай мовамі [4, с.25]

	Усё насельніцтва	З агульнай колькасці насельніцтва назвалі ў якасці			
		роднай мовы		мовы, на якой звычайна размаўляюць дома	
		беларускую	рускую	беларускую	рускую
Рэспубліка Беларусь	9 503 807 100%	5 058 402 53,2%	3 948 074 41,5%	2 227 175 23,4%	6 672 964 70,2%
Гарадское насельніцтва	7 064 529 100%	3 113 235 44,1%	3 517 330 49,8%	796 213 11,3%	5 789 010 81,9%
Сельскае насельніцтва	2 439 278 100%	1 945 167 79,7%	430 744 17,7%	1 430 962 58,7%	883 954 36,2%

Даныя адзначанай вышэй табліцы пацвярджаюць той факт, што сельскае насельніцтва значна больш за гарадское выкарыстоўвае беларускую мову. Амаль 80% сяльчан нашай краіны лічаць беларускую мову роднай, большая частка (58,7%) размаўляюць на роднай мове кожны дзень. Адпаведна толькі 44,1% гараджан прызнаюць мову тытульнай нацыі роднай, і ўсяго 11,3% карыстаюцца ёй у быту.

Пераважнай дэмаграфічнай магутнасцю на Беларусі валодае руская мова. Нават такую лічбу, як 11,3% носьбітаў беларускай мовы па ўсёй краіне, большасць грамадзян паставяць пад сумненне, бо рэальна назіраюць іншую карціну.

Ацэнка моўнага становішча Беларусі праблематычна па той прычыне, што перапісы насельніцтва не ўлічваюць такі факт, як існаванне змешанай мовы, так

званай “трасянкi”. Трасянка – гэта маўленне, якое ўзнікла на аснове лексікі рускай мовы з накладаннем на яе беларускай граматыкі і фанетыкі.

Узаемадзеянне разнастайных этнакультур на тэрыторыі краіны спрыяла фарміраванню полікультурнага і полілінгвістычнага асяроддзя і, як вынік, станаўленню білінгвальнай асобы. Большасць насельніцтва без асаблівых цяжкасцей разумее абедзве мовы, выдзяляе патрэбную інфармацыю на слых і пры чытанні тэкстаў. Але, з’яўляючыся пасіўнымі носьбітамі беларускай мовы, многія з цяжкасцю прымяняюць яе ў актыўным выкарыстанні, таму трасянка распаўсюджана на ўсёй плошчы Рэспублікі Беларусь.

Фактарам, які можа непасрэдна паўплываць на выбар мовы, з’яўляецца ўзрост прадстаўнікоў беларускага насельніцтва. У апошні час праяўляюцца тэндэнцыі да скарачэння ўжывання як змешанай, так і беларускай мовы ці нават поўнай адмовы ад іх сярод юнацкай узроставай групы.

Ускоснымі паказчыкамі адносін моладзі да выкарыстання на практыцы нацыянальнай мовы з’яўляецца статыстыка ўдзельнікаў цэнтралізаванага тэсціравання. Апошнія гады захоўваецца сумная дынаміка: зніжаецца колькасць абітурыентаў, якія выбралі для тэсціравання беларускую мову, адпаведна назіраецца рост колькасці ўдзельнікаў, зарэгістраваных на рускую мову. Калі ў 2011 годзе беларускую мову здавала 53167 чалавек (больш за 35%), а ў 2012 годзе – 45199 чалавек (каля 33%), то ў 2013 годзе вырашылі праверыць свае веды па роднай мове ўсяго 33564 абітурыенты, што складае 30% ад агульнай колькасці ўдзельнікаў [5].

Ёсць меркаванне, што прычынай такой нізкай папулярнасці тэсціравання па беларускай мове сталі новыя правілы беларускай арфаграфіі, уведзеныя ў 2010 годзе.

Але добра вядома, што бліжэйшыя гады дзейнічае мараторый на выкарыстанне ў тэстах слоў, якія змянілі напісанне адпаведна новаму правапісу, таму верагоднасць рызыкі мінімальна. Тым не менш, лічбы гавораць самі за сябе...

Так як у нашай краіне афіцыйна ўстаноўлена дзве дзяржаўныя мовы, то любы абітурыент мае магчымасць здаваць іншыя дысцыпліны на беларускай мове. Але з кожным годам такую магчымасць скарыстоўваюць усё менш удзельнікаў ЦТ. Нават тэст па гісторыі Беларусі ў 2013 годзе больш за 80% абітурыентаў, зарэгістраваных на гэты прадмет, пісалі на рускай мове. Для параўнання трэба адзначыць, што яшчэ не так даўно (у 2010 годзе), лічба была ўдвая меншая: 40% рускамоўных тэстаў па гісторыі Беларусі. Па іншых дысцыплінах запатрабаванасць беларускай мовы яшчэ ніжэйшая. У 2013 годзе матэматыку, фізіку, хімію на роднай мове здавала па 6% удзельнікаў ЦТ, біялогію – менш за 7% абітурыентаў, тэст па грамадазнаўству на роднай мове вырашыла здаваць ледзь больш за 2% будучых студэнтаў.

Прычыны невысокай папулярнасці беларускай мовы сярод прадстаўнікоў моладзі трэба шукаць у тым, што веданне роднай мовы не з’яўляецца вострай неабходнасцю ў краіне з афіцыйным двухмоўем. Валоданне роднай мовай на высокім узроўні ніяк не паўплывае на будучыню маладых юнакоў і дзяўчат: не дапаможа атрымаць вышэйшую адукацыю, не пашырыць магчымасці выбару прэстыжнай і высокааплатнай працы (як, напрыклад, веданне замежнай мовы),

не пасадзейнічае ўладкаванню асабістага жыцця. Разуменне таго, што можна быць беларусам, не размаўляючы на роднай мове, поўнаасцю адпавядае моўнай рэчаіснасці ў краіне, і гэтае ўсведамленне распаўсюджана сярод моладзі.

На аснове прыведзеных даных паспрабуем акрэсліць асноўныя сацыялінгвістычныя рысы сучаснага грамадзяніна нашай краіны.

Насельніцтва Рэспублікі Беларусь па характары моўных паводзін адрозніваецца ад іншых краін двухмоўем асаблівага тыпу з моцнай перавагай рускай мовы, якая не з'яўляецца роднай для большай часткі карэнных жыхароў. Пераважная частка насельніцтва рэспублікі – пасіўныя білінгвы: разумеюць абедзве мовы, выдзяляюць патрэбную інфармацыю на слых і пры чытанні тэкстаў, але з цяжкасцю прымяняюць яе ў актыўным выкарыстанні. Таму ў маўленні многіх беларусаў можна заўважыць праявы руска-беларускай інтэрферэнцыі. Акрамя наяўнасці змешанай мовы, так званай “трасянкі”, пры апісанні моўнай сітуацыі трэба ўлічыць уздзеянне на маўленне двух асноўных дыялектаў: паўночна-ўсходняга і паўднёва-заходняга.

На аснове праведзенага аналізу даных апошняга перапісу насельніцтва ўстаноўлена залежнасць выкарыстання беларускай мовы ад месца пражывання, аднесенасці населенага пункта да горада ці вёскі. Сельскае насельніцтва значна больш за гарадское выкарыстоўвае беларускую мову. Чым буйнейшы населены пункт, тым радзей у ім чутна беларускае маўленне. Самыя нізкія паказчыкі выяўлены ў сталіцы краіны.

На аснове аналізу статыстыкі па выніках цэнтралізаванага тэсціравання апошніх гадоў устаноўлена тэндэнцыя зніжэння папулярнасці беларускай мовы сярод моладзі. Прычыны трэба шукаць у тым, што веданне роднай мовы не з'яўляецца вострай неабходнасцю ў краіне з афіцыйным двухмоўем.

Ва ўмовах доўгачасовага пражывання на адной тэрыторыі прадстаўнікоў розных нацыянальнасцей, існавання побач некалькіх моўных сістэм адбываецца ўзаемаўплыў і ўзаемапранікненне іх культур, што спрыяе фарміраванню агульных каштоўнасцей і самасвядомасці, уздзеянчае на моўнае ўсведамленне, а таксама прыводзіць да ўзнікнення добрасуседскіх адносін, да міжнацыянальнай згоды ў краіне і ідэнтыфікацыі насельніцтва як часткі адзінага цэлага – народа Рэспублікі Беларусь. Аднак у гэтай з'явы ёсць і адваротны бок: слабутая беларуская талерантнасць можа прывесці да зніжэння зацікаўленасці, нават індывідуальнасці, у моўных пытаннях. На сучасны момант асэнсаванне беларускай самасвядомасці па лінгвістычнай прыкмеце не з'яўляецца дамінуючым ва ўсведамленні беларусаў.

Спіс літаратуры:

1. Чернявская, Ю. В. Белорусы от “тутэйшых” – к нацыі / Чернявская Юлія. – Мінск: ФУАінформ, 2010. – 512 с.
2. Мячкоўская, Н.Б. Мовы і культура Беларусі: Нарысы. Н.Б. Мячкоўская; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск: “Права і эканоміка”, 2008. – 347 с.
3. Бунас, А.У. Беларуская мова ў жыцці сучаснага беларуса / А.У. Бунас // Социальное знание и белорусское общество: материалы международной научно-практической конференции, г. Минск, 3-4 декабря 2009 г. – Минск: Право и экономика, 2009. – С. 258 – 260.
4. Перепись населения - 2009. Статистические бюллетени «Общая численность населения, его состав по возрасту, полу, состоянию в браке, уровню образования,

национальностям, языку и источникам средств к существованию». Республика Беларусь. // <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi1.php>. Дата доступа 10.11.2013

5. Статистика ЦТ 2013: динамика по предметам // <http://test.bseu.net/news/> Дата доступа 10.11.2013.

А.Р. Агееў (Магілёў, Беларусь)
**МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ ЭТНІЧНАЙ, МОЎНАЙ І
РЭЛІГІЙНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ Ў ПРАЦЭСЕ ВЫВУЧЭННЯ КУРСА
“ЭТНАЛОГІЯ БЕЛАРУСІ”**

Этналогія Беларусі вывучаецца студэнтамі першага курса гістарычнага факультэта МДУ імя А. А. Куляшова ў залежнасці ад будучай спецыяльнасці ў межах вучэбных курсаў “Этналогія і этнаграфія Беларусі” ці “Краязнаўства і этналогія Беларусі” і з’яўляецца адной з асноўных спецыяльных вучэбных дысцыплін, якая вызначае кваліфікацыйную падрыхтоўку гісторыкаў і настаўнікаў гісторыі. У працэсе засваення гэтых курсаў студэнты вывучаюць многія аспекты этнічнай, моўнай і рэлігійнай разнастайнасці ў сучасным свеце.

Важнымі задачамі курсаў з’яўляецца азнаямленне студэнтаў з паняццёвым апаратам этналогіі, класіфікацыяй этнасаў, асноўнымі этнічнымі супольнасцямі розных рэгіёнаў планеты (у курсе “Краязнаўства і этналогія Беларусі” у скарачаным выглядзе), фарміраванне ў студэнтаў трывалых цэласных ведаў па этналогіі Беларусі, вывучэнне традыцый беларусаў і іншых этнасаў, якія пражываюць на тэрыторыі нашай краіны. Курсы маюць вялікае выхаваўчае значэнне. Пад час заняткаў сур’ёзная ўвага надаецца выхаванню ў студэнтаў любові і павагі да сваёй Бацькаўшчыны, яго духоўнай і матэрыяльнай гісторыка-культурнай спадчыны, але не меншая ўвага надаецца выхаванню паважлівых адносін да іншых культур і народаў.

Ужо на першай лекцыі студэнты знаёмяцца з вядомымі “Дзесяццю заповедзямі этнографа” Л. Штэрнберга і В. Багараза. Сярод іх ў кантэксце захавання культурнай і этнічнай разнастайнасці найважнейшай уяўляецца другая: “Не рабі сабе куміра са свайго народу, сваёй рэлігіі, сваёй культуры. Знай, што ўсе людзі патэнцыйна роўныя: няма ні эліта, ні іўдзея, ні белага, ні каляровага. Хто прызнае адзін народ – не знае ніводнага, хто прызнае адну рэлігію, адну культуру – не знае ніводнай...” Гэты пастулат затым у розных формах даказваецца і паўтараецца ў іншых тэмах.

Вывучаючы этнічныя працэсы, студэнты высвятляюць, што этнічная і моўная разнастайнасць пачала фармавацца дзякуючы гістарычна першым ў гісторыі чалавецтва працэсам этнічнага раздзялення, якія забяспечылі яго рассяленне. А ў апошнія стагоддзі ўзмацніліся аб’яднальныя этнічныя працэсы этнічнай кансалідацыі, міжэтнічная міксацыі і інтэграцыі, натуральнай і прымуsoвай асіміляцыі. Асабліва ўвага ўдзяляецца вывучэнню этнічнай асіміляцыі, якая бывае моўнай, моўна-культурнай і поўнай, што ў прынцыпе можна разглядаць этапамі аднаго працэсу. Яна завяршаецца заменай этнічнай самасвядомасці і пачуцця этнічнай прыналежнасці, якая, як правіла, адбываецца ў другім або трэцім пакаленнях.

У кароткім аглядзе этнічных працэсаў XX стагоддзя паказваюцца супярэчлівыя працэсы этнічнага развіцця. З аднаго боку, студэнты знаёмяцца са з’явай, якая атрымала ў этналагічнай літаратуры назву “этнічны рэнесанс” і ў мінулым стагоддзі ў палітычнай сферы выявілася ў перамозе нацыянальных дзяржаў над імперыямі. У тым ліку дзякуючы этнічнаму рэнесансу сёння ў свеце налічваюць каля двухсот незалежных краін. Так, на алімпійскіх гульнях у Пекіне і Лондане выступалі спартыўныя каманды 204-х краін. Цяжка паверыць, але ў пачатку XX стагоддзя ў свеце было пяць з паловай дзясяткаў краін, з якіх пяць дамініёнаў і пяць паўкалоній. Рост за стагоддзе склаў амаль чатыры разы. Нават ў палітычнай Еўропе (з Кіпрам, Армэніяй, Грузіяй, Азербайджанам і Косава) не было паловы – 25 краін з 50. З іншага боку, на занятках аналізуюцца складанасці, з якімі сустракаюцца этнасы і іх нацыянальныя дзяржавы ў перыяд глабалізацыі сацыяльна-эканамічнага, палітычнага і культурнага жыцця апошніх дзесяцігоддзяў.

Працэсы глабалізацыі абвастрылі праблему выжывання этнасаў. Не выпадкова ў Парыжы ў 2001 годзе была прынята “Усеагульная дэкларацыя ЮНЭСКА аб культурнай разнастайнасці.” У першым жа яе артыкуле сцвярджаецца: “...Гэтая культурная разнастайнасць увасоблена ў непаўторнасці і шматстатнасці асаблівасцяў вялікай колькасці тоесных груп і грамадстваў, з якіх складаецца чалавецтва. Як крыніца абмену, абнаўлення і творчасці культурная разнастайнасць гэтак жа неабходна для чалавецтва, як біялагічная разнастайнасць для прыроды. У гэтым сэнсе яна з’яўляецца агульнай спадчынай чалавецтва і павінна прызнавацца і сцвярджацца на карысць цяперашніх і будучых пакаленняў.” Без сумнення, культурная палітыка беларускай дзяржавы павінна ў поўнай меры ўлічваць асноўныя палажэнні дадзенай дэкларацыі [1, с. 19–20; 2].

Сусветны дзень культурнай разнастайнасці ў імя дыялогу і развіцця ўпершыню адзначаўся 21 траўня 2003 года. У гэтай сувязі Генеральны дырэктар ЮНЭСКА Каітыра Мацура звярнуўся да міжнароднай грамадскасці з пасланнем, у якім нагадаў, што Генеральная Асамблея Арганізацыі Аб’яднаных Нацый прапанавала ўсім дзяржавам членам, міжурадавым органам, арганізацыям сістэмы ААН і адпаведным няўрадавым арганізацыям, сярод іншага, інфармаваць грамадскасць пра каштоўнасць і важнасць разнастайнасці культур і, у прыватнасці, садзейнічаць з дапамогай асветы і сродкаў масавай інфармацыі ўсведамленню пазітыўнай ролі культурнай разнастайнасці... Ён падкрэсліў, што пад уздзеяннем глабалізацыі губляюцца традыцыі, знікаюць мовы, уразлівыя культуры апынаюцца на абочыне, а то і цалкам знікаюць, што небяспека рэзкага скарачэння шыраты культурнай разнастайнасці вельмі сур’ёзная, а “ўвесь спектр вясёлкі над нашай планетай нельга звесці да аднаго са складальных яе колераў” і не падвергнуць пры гэтым пагрозе культурную спадчыну будучых пакаленняў і выжыванне чалавецтва.

Не выпадкова 2001 год ЮНЕСКА абвясціў годам МОЎ. Агульная колькасць жывых моў у свеце складае ад 2,5 – 3 тыс – да 7 тыс. Дакладна вызначыць, колькі моў існуе на свеце, цяжка з-за недастатковай іх вывучанасці, з-за адсутнасці дакладных крытэрыяў размежавання мовы і дыялекту, мовы і яе варыянту. Прыкладна палова моў прыпадае на восем краін: Інданезію, Мексіку,

Бразілію, Камерун, Індыю, Кітай, ЗША і Расію. Менш за 100 тыс носьбітаў маюць 90 % сучасных моў. Генеральны дырэктар ЮНЭСКа Каітыра Мацура ў 2009 годзе заявіў, што ў свеце каля паловы моў знаходзяцца пад пагрозай знікнення. Верагодны сцэнар, пры якім да 2100 года памрэ прыблізна 3500 моваў, на якіх людзі сёння яшчэ размаўляюць. У чырвоную кнігу, як мінімум, варта занесці каля 500 моў свету. Нездарма некаторыя біёлагі эвалюцыяністы лічаць, што лінгвістычная дэградацыя – частка біялагічнай. Больш таго, падлікі паказваюць, што мовы паміраюць хутчэй чым жывёлы. Нават у Еўропе пад катэгорыю знікаючых пападаюць 50 моў. Беларускай мове эксперты ЮНЭСКа паставілі адзнаку "unsafe" – "небяспека". Гэта самая высокая адзнака сярод паміраючых моў, бо ёсць яшчэ чатыры горшыя групы, з якіх апошняя "extinct" – "мертвыя" мовы. На адносна высокую адзнаку сярод паміраючых моў паўплываў статус дзяржаўнай мовы ў Рэспубліцы Беларусь [3].

У вучэбных курсах выкладаюцца станоўчыя прыклады захавання моўнай разнастайнасці. На сённяшні дзень Швейцарыя і Нарвегія маюць акрэсленую праграму захавання моўнай разнастайнасці. Неблагая сітуацыя ў Фінляндыі, дзе маюцца дзве (фінская і шведская) дзяржаўныя мовы. У шведскіх школах дзетак эмігрантаў вучаць іхняй роднай мове. Яўрэі здолелі ў XX стагоддзі адраджаць іўрыт, які, як гутарковая мова, быў страчаны ў II стагоддзі нашай эры. У Вялікабрытаніі адраджаецца Карнійская (Карнуэльская) мова, якая знікла ў 1777 годзе. У Індыі вучні ў школах вучаць да чатырох моў: хіндзі, англійскую, галоўную мову штата і родную мову. Такая палітыка прывяла да рэзкага паляпшэння адукацыйнага ўзроўню індыйскай эліты і відавочных поспехаў у развіцці Індыі. У Канадзе з 2003 годзе чыноўнікі цэнтральных органаў улады павінны валодаць і англійскай, і французскай мовамі, інакш яны не атрымліваюць 30 % надбаўкі да заробку. У выніку матэрыяльнага стымулявання 90 % чыноўнікаў здалі іспыты на валоданне мовамі.

Вывучаючы паняцце “культура”, студэнты даведваюцца, што навукоўцы ў сярэдзіне 1970 гадоў налічылі 170 яго разнастайных вызначэнняў, у 1990 гадах – 400, а ў пачатку XXI стагоддзя у залежнасці ад навуковай дысцыпліны і аўтарскіх падыходаў колькасць вызначэнняў культуры вырасла да 1200. У адрозненне ад некаторых іншых дысцыплін, этналогія, як і антрапалогія, карыстаецца дэзаксіялагічным – безкаштоўным вызначэннем культуры. Для этнолагаў культура – гэта лад жыцця чалавека, усё што створана ім у працэсе разумовай і фізічнай дзейнасці. У этналогіі няма падзелу на некультурнае і культурнае. Такі падыход азначае, што для этнолага ўсе культуры аднолькава каштоўныя.

Пры вывучэнні этнічнай культуры розных рэгіёнаў свету студэнты на канкрэтных прыкладах даведваюцца, чым культура, традыцыі з гістарычнага пункту гледжання самых “адсталых” народаў можа дапамагаць людзям XXI стагоддзя. Так, Сеноі – паляўнічыя і збіральнікі Малайзіі шырока выкарыстоўвалі ўсвядомленыя сны для дасягнення шчасця і псіхічнага здароўя. Вывучэнне этнографамі іх культуры дапамагло фарміраванню новай галіны лячэння псіхічных хвароб. Эскімосы Паўночнай Амерыкі дзякуючы традыцыям сістэмнага спажывання тлустай ежы рэабілітавалі масла, а з ім і халестэрын. Іх культура яшчэ раз пацвердзіла, што асноўнае для здароўя – гэта здаровы лад

жыцця. Вывучэнне традыцыйнай народнай культуры падводзіць да высновы, што нават самы малы народ і ягоная культура – вялізарнае багацце ўсяго чалавецтва, а прымусовая асіміляцыя народаў – злачынства, бо народы складаюць генетычную разнастайнасць чалавецтва, а іх знікненне змяншае патэнцыйныя магчымасці развіцця.

У працэсе вывучэнні тэмы “Этнас у традыцыйным і сучасным грамадстве” студэнты знаёмяцца з працэсам фарміравання сучаснай разнастайнасці літаратурных моў. Справа ў тым, што для этнічнай культуры традыцыйнага грамадства была ўласціва адсутнасць масавай пісьменнасці. Перадача дасягненняў культуры і інфармацыі з пакалення ў пакаленне тысячагоддзямі адбывалася ў вуснай фальклорнай форме. Калі ж пісьменнасць існавала, то з’яўлялася прывілеям вузкага кола сацыяльнай эліты, для якой было нават добра, што народ непісьменны. Таму літаратурная мова часта вельмі моцна адрознівалася ад гутарковай мовы большасці насельніцтва. Так, у Заходняй Еўропе панавала лацінская мова, якую большасць насельніцтва не разумела, а ва Ўсходняй Еўропе – царкоўнаславянская мова. На Блізкім Усходзе карысталіся арабскай мовай, у Індастане – санскрытам, У Іране, Афганістане, Сярэдняй Азіі – фарсі, на Далёкім Усходзе – кітайскімі іерогліфамі.

У XVIII – XIX стагоддзях на змену традыцыйнаму прыйшло індустрыяльнае грамадства. Яго эканамічную аснову складае таварнае вытворчасць, для якой неабходна кваліфікаваная рабочая сіла. Эканамічная мэтазгоднасць выклікала неабходнасць масавай адукацыі, якая магчыма на мове зразумелай большасці насельніцтва. Выкарыстоўваць для гэтага лаціну ці царкоўнаславянскую мову, або дыялектныя гаворкі неэфектыўна. Так, адначасова з фарміраваннем рынкавых адносін фарміруюцца і літаратурныя мовы. Далей распачынаецца барацьба за іх выкарыстанне ў адукацыі. Яна прыводзіць да фарміравання нацыянальных рухаў, якія пачынаюць змагацца за культурную аўтаномію. Натуральным чынам гэтае змаганне паступова перарастае ў барацьбу за палітычную аўтаномію, а затым за незалежнасць і стварэнне нацыянальных дзяржаў, якую імперскія дзяржавы ўспрымаюць як сепаратызм і нацыяналізм.

Нацыядзяржаўныя працэсы спрыяюць развіццю этнічнай культуры нацый, якія вызваляюцца з абдымкаў імперый. Але надалей яны самі становяцца пагрозай для захавання культуры меншасцяў. Дзяржава імкнецца да манапалізаванай улады і манапалізаванага сімвалічнага поля. Нярэдка празмерная абарона нацыянальнай самабытнасці стварае пагрозу для культуры розных меншых этнічных супольнасцяў. У свеце культураў пагражаюць самыя разнастайныя фактары. Перадача культуры новым пакаленням цяпер адбываецца праз масавую адукацыю, але пад яе ўздзеяннем знікаюць лакальныя дыялекты, лакальныя формы культуры. У многіх выпадках рэлігія аказвае ціск на культуру. Нарэшце, амаль паўсюдна праблемай для лакальных культур стала глабалізацыя.

З’яўленне нацыянальных дзяржаў абвастрыла пытанні ўзаемаадносін большасці і меншасцяў. У свеце практычна няма манаэтнічных дзяржаў. Нешматлікія выключэнні: Венгрыя – 98% карэннага этнасу, Партугалія – 98%, Японія – 96% і інш. Астатнія краіны маюць вялізныя і часта разнастайныя этнічныя меншасці. У XIX стагоддзі большасць імкнулася асіміляваць

меншасць. Але ўжо напрыканцы стагоддзя палітычныя эліты для захавання этнічнага кансенсуса пачалі даваць меншасцям роўныя з большасцю правы. Ствараліся культурна-нацыянальныя аўтаноміі. У другой палове наступнага стагоддзя стала зразумела, што роўныя правы не робяць меншасці роўнымі. Пачынае пашырацца практыка пазітыўнай дыскрымінацыі большасці з мэтай захавання меншасці. Як правіла, такая палітыка прыводзіць да этнічнага кансенсуса.

На лекцыях і семінарах студэнты знаёмяцца з шырокай палітрай этнічнай, моўнай разнастайнасці ў свеце. Антрапалагічная класіфікацыя этнасаў паказвае біялагічныя адрозніванні паміж рознымі групамі людзей. Геаграфічная і геапалітычная класіфікацыя, як і па падабенству гаспадаркі і культуры, раскрывае асаблівасці рассялення этнасаў і ўплыў прыроднага асяроддзя на іх функцыянаванне. Этналінгвістычная класіфікацыя групуе ўсе народы па прыкмеце моўнага сваяцтва. Гэта класіфікацыя дапамагае і пры гістарычных даследаваннях, бо дае генетычнае вытлумачэнне падабенства паміж народамі.

У працэсе выкладання найбольшая ўвага надаецца разгляду месца беларусаў у свеце ў адпаведнасці з вышэйзгаданымі класіфікацыямі этнічных супольнасцяў, даецца агульная этнічная характарыстыка беларускага этнасу, паказваецца дынаміка этнічных працэсаў у нашай краіне, сітуацыя з іншымі этнічнымі супольнасцямі, пытанні захавання этнічнай, моўнай і рэлігійнай разнастайнасці ў Беларусі і г.д. Але гэтыя акалічнасці не разглядаюцца ў гэтым выступленні, бо патрабуюць асобнага грунтоўнага дакладу.

Такім чынам, выкладанне курса “Этналогія Беларусі” заснавана на дэзаксіялагічным падыходзе, які для этнолага і антраполога азначае, што ўсе культуры аднолькава каштоўныя. На лекцыях і семінарах студэнты знаёмяцца з праявамі этнічнай, моўнай і рэлігійнай разнастайнасці ў свеце. Вывучэнне курса дазваляе студэнтам ВНУ сфарміраваць уяўленні, у тым ліку з дапамогай міжнародных прававых дакументаў, аб неабходнасці захавання на планеце этнічнай, моўнай і рэлігійнай разнастайнасці, выявіць сучасныя праблемы ў гэтай сферы, у тым ліку небяспеку рэзкага скарачэння шыраты культурнай разнастайнасці, на канкрэтных прыкладах пазнаёміцца з палітыкай Беларусі і іншых дзяржаў па захаванню этнічнай, моўнай і рэлігійнай разнастайнасці, канкрэтызаваць і паглыбіць атрыманыя веды на этнаграфічных матэрыялах Беларусі.

Спіс літаратуры:

1. Габрусевіч, С. Нацыянальная культура ў кантэксце дзяржаўнай ідэалогіі / Сяргей Габрусевіч // Румлёўскія старонкі: Помнікі гісторыі, прыроды і культуры паміж турыстычнай прывабнасцю і навуковай цікавасцю : матэрыялы IV адкрытай рэгіянальна-навукова-практычнай канферэнцыі па праблемах рэгіяналістыкі і краязнаўства “Румлёўскія чытанні” (Гродна, 18 лют. 2011 г.) / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал. : В.Р. Карналюк (гал. рэд) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 286 с.
2. Усеагульная дэкларацыя ЮНЭСКО аб культурнай разнастайнасці, 2 лістапада 2001 г. <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf#page=24>
3. UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas>

РАЗДЕЛ 2 ТЭАРЭТЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ ЭТНІЧНАЙ, МОЎНАЙ І КУЛЬТУРНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ

Ю.В. Аленькова (Могилев, Беларусь)
КУЛЬТУРНЫЙ ДРУГОЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Осмысление феномена глобализации занимает центральное место в гуманитарных исследованиях последних десятилетий. Тенденции и последствия этого процесса получают неоднозначные оценки ученых. Создание мирового рынка труда, миграция населения, распространение высоких технологий и средств коммуникации изменили облик мира, трансформировали границы культур. Чем больше интегрируются экономика и политика, тем ярче обозначаются стремления народов к культурной дифференциации, тем больше заявляют о себе феномены сепаратизма, фундаментализма, экстремизма, фашизма. Культуры дают разные «ответы» на глобализационные «вызовы». Крах политики мультикультурализма обострил проблемы управления культурным разнообразием, поставил задачу поиска новых способов взаимодействия разных культурных традиций. Сегодня ученые говорят о кризисе национальных государств как субъектов международной политики, переосмыслению подлежат понятия этноса и нации, ведутся дискуссии о толерантности, плюрализме, кризисе и перспективах либеральной демократии.

Глобализационные процессы стимулируют поиски народами своей идентичности, которые, как пишет С. Бенхабиб, локализируются в сфере культуры: «... культура стала общеупотребительным синонимом идентичности, её характерным и определяющим принципом» [2, с.1] «Притязания культуры» (по выводам С. Бенхабиб) оказываются доселе невиданными. Культура притязает на роль регулятора международных отношений, на роль арбитра по согласованию принципов и норм, по которым будет жить человечество, ставит перед мировым сообществом задачу поиска оптимального сочетания процессов интеграции и сохранения культурного многообразия. Культурные различия – не экзотический элемент, разбавляющий скуку унифицированного мира, а реальный рычаг мировой политики, с которым нельзя не считаться.

Важность сохранения культурного многообразия не раз подчеркивалась в международных документах. В 2001 году была принята всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Её первая статья гласит: «Формы культуры изменяются во времени и пространстве. Это культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество. Будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы (курсив мой – Ю.А.). В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» [4]. В 2004 году был опубликован доклад ПРООН о человеческом развитии, акцентирующий проблемы культурной свободы: «Культурная свобода является важнейшей составляющей человеческого развития, потому что для полноценной жизни индивиду абсолютно необходимо определить свою

идентичность (с. 1)». И далее: «Чтобы стать полноценными членами обществ, построенных на многообразии и воспринять всемирные ценности терпимости и уважения к всеобщим правам человека, индивиды должны выйти из жестких рамок той или иной идентичности (с. 12)»[5].

Принятие подобных международных документов стимулирует исследовательский интерес ученых-гуманитариев к проблемам культурного разнообразия, межкультурной коммуникации. Центральной темой многих международных научных конференций стала тема *диалога культур* в условиях глобализации. Межкультурный диалог признается единственно возможным условием сохранения культурного многообразия в современном мире.

Для культурологии очерченный выше круг вопросов составляет весомую часть проблемного поля. В рамках культурологических исследований развилось целое направление, которое условно можно обозначить как «дискурс Другого». Фигура Другого (как субъекта коммуникации) пришла в культурологию из диалогической философии (М. Бахтин, М. Бубер, Э. Гуссерль, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр и др.), но культурологический ракурс видения получила благодаря развитию культурной антропологии, семиотики, герменевтики и пр. В культурологии сложились разные модели отношения к другим культурам, в рамках которых исследуются проблемы культурного разнообразия. Среди них можно выделить две основные.

Первая – модель *культурного универсализма*. Она исходит из признания существования неких всеобщих принципов (универсалий культуры). Первыми её представителями можно считать эволюционистов (Э. Тайлора, Дж. Фрэзера). Эволюционизм рассматривает человечество как единый вид, полагая, что развитие общества и культуры подчиняется общим законам: от простого к сложному, от низшего к высшему. Сходства и различия между культурами объясняются степенью их развитости, а европейская модель развития признается общей для всего человечества. К универсалистской модели можно отнести и структурную антропологию К. Леви-Стросса, который выделял в культуротворческой деятельности устойчивые универсальные формы (структуры), действующие как бессознательные механизмы.

Своеобразную интерпретацию универсалистской модели содержит концепция *интеркультуры* российского философа В.А. Беляева. «Интеркультурой я называл новоевропейское социокультурное пространство и тип социокультурного построения, ему соответствующий [3, с. 346]. Интеркультура, по мнению автора концепции, основана на *рацио-центристкой* стратегии как способе объединения людей на основе разума и противопоставляется им *веро-центристкой* стратегии (объединяющей людей на основе единой сверхценности), которая неизбежно приводит к столкновению ценностей, войне идеологий. Атрибутами интеркультуры являются материалистическое понимание человека («естественные права»), либеральная демократия, рыночная экономика и «общечеловеческие ценности» как то, что может быть представлено в качестве основы всемирного объединения культур. В таком свете глобализация может быть рассмотрена как глобальное распространение интеркультуры.

Вторая модель отношения к другим культурам – модель *культурного релятивизма*. Она утверждает, что нет культуры вообще, а есть множество уникальных культур. Эта модель воплотилась в создании циклических концепций культурной динамики (противостоящих эволюционистским однолинейным теориям), в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина. В культурной антропологии её придерживались представители американской антропологической школы: Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид, М. Херсковиц и др. Для культурного релятивизма характерны «деевропеизация» понятия культуры, рассмотрение мировой культуры как «россыпи» локальных культур, практически не связанных между собой. Модель культурного релятивизма стала основой политики мультикультурализма, в рамках которой все культуры представляются как некие замкнутые самодостаточные ценности, а национальное рассматривается как антропологически заданный фактор.

Таким образом, универалистская и релятивистская модели культуры являются разными стратегиями отношения к Другому. В рамках универалистской модели культурный Другой – лишь специфическая форма воплощения универсальных оснований культуры. Единственным (и универсальным) условием межкультурного диалога считается либеральная демократия, создающая пространство коммуникации на основе рациональной аргументации, реализации «общечеловеческих ценностей», прав и свобод человека (понимаемых как «естественные права» и либеральные свободы). В рамках модели культурного релятивизма нет признания «общечеловеческих» ценностей, а либеральная демократия рассматривается лишь как одна из систем ценностей, наряду с существующими иными. В рамках такой модели диалог с Другим возможен при нахождении неких общих точек соприкосновения столь разных культур. Но направление поисков таких точек слишком размыто. Существование же разных культур как автономных анклавов, которые находятся рядом, но не взаимодействуют друг с другом, привело к кризису политики мультикультурализма.

Противоречия между описанными моделями (глобализация воплощает универалистскую установку, мультикультурализм – релятивистскую), создают поле для дискуссий по проблемам культурной политики. Например, признавая религиозные организации субъектами политики и права, демократия порождает внутри себя «очаг сопротивления», поскольку ни одна религия не признает рациоцентристской стратегии объединения людей. Требование создания условий для реализации прав и свобод является отправной точкой для установления коммуникации с точки зрения либеральной демократии, но не является таковым для Церкви (христианской ли, мусульманской и др).

Теоретическая рефлексия над проблемой культурного многообразия порождает научный интерес к анализу типов репрезентации Другого в культурных текстах [см. 9]. От формы репрезентации Другого (способа представления Другого в сознании носителей конкретной культуры) зависит успех или провал принимаемых усилий по сохранению культурного многообразия. Попытаемся реконструировать те образы Другого, которые создаются в современной культуре.

1. Другой как Чужой. Образ Другого как Чужого исторически скалывался в массовом сознании («мы» – «они», «римляне» – «варвары» и пр.) Такой образ является результатом несовпадения культурных «кодов», знаково-символических, аксиологических систем разных культур. Но отношения к Чужому могут быть диаметрально противоположные: от любопытства, интереса, до неприятия, отторжения. Зачастую фигура Чужого превращается в фигуру Врага (социального, классового, этнического), что порождает процесс «вытеснения» Чужого, выливающийся в разные формы экстремизма, агрессии. «Вытеснению» могут подвергаться как привнесенные извне культурные элементы (например, негативное отношение к мигрантам со стороны принимающей культуры), так и сама принимающая культура (как, например, в романе Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы», повествующем о превращении французской культуры в мусульманскую, христианских храмов, – в мечети, а самих христиан – в загнанных в гетто и пр.)

Образ Чужого как Врага складывается чаще всего в культурах, испытывающих некий «комплекс неполноценности», либо имеющих трагическое прошлое, за которое должен ответить виновный. С распадом СССР, крушением коммунистической идеологии в постсоветских культурах образ Врага переместился из области социальной в область этническую (если нельзя сказать «во всем виноваты коммунисты», то можно сказать «во всем виноваты русские»).

2. Другой как симулякр. Подобное восприятие Другого (прежде всего, этнического Другого) распространено в массовой культуре: в средствах массовой культуры, в шоу-бизнесе, в туристическом бизнесе. Здесь «другость» выступает в качестве набора неких «экзотических» свойств, которые становятся рыночными артефактами (сувениры, игрушки, элементы фольклора в поп-культуре и пр.) Примером симуляции этнического Другого является пространство современного города, где разбросаны всевозможные островки «другости» в виде китайских, итальянских ресторанов, суши-баров и пр. (Заметим, что курортные города разных стран становятся похожими друг на друга, предоставляя типичный набор услуг, комфорта, а их «другость» репрезентируется привезенными сувенирами и магнитиками на холодильник). Фольклорные фестивали, народные танцы, костюмы, промыслы, превращаясь в массовые зрелища, пополняют набор симулякров. Одним из способов сопротивления превращения этнического Другого в симулякр и сохранения аутентичности этнического может сегодня стать музей.

3. Другой как Иной. Такое восприятие Другого рождает отношение к нему как субъекту диалога. В отличие от «чуждости», «инаковость» может стать побуждением к диалогу, стимулируя самопознание. Подобное отношение к Другому формирует новый тип идентичности – *гибридной* (или сложной) идентичности. Она может формироваться как на уровне индивидуального сознания (когда индивид чувствует себя принадлежащим сразу нескольким культурам), так и на уровне национальной культуры (когда инокультурные явления органично вплетаются в ткань существующей культуры, становятся её частью). Примерами подобных идентичностей могут служить пограничные культуры, какой является и белорусская культура. Поликультурность, усвоение,

синтез и переработка разных культурных элементов стали неотъемлемой частью её идентичности.

Сложные идентичности современных культур порождают такое явление как «новый космополитизм» (отличающееся от «безродного космополитизма» СССР). Космополитическое мировоззрение, как полагают философы, есть не отказ от «своего», а признание и уважение «иного» (У. Бек, М. Нуссбаум и др). Находя истоки космополитического мировоззрения у киников, стоиков, исследователи утверждают, что подобное сознание изначально укоренено в человечестве, воспринимающем единый обитаемый космос как дом. При этом «...космополитизм вовсе не предполагает отказа от национального, как и приверженность общечеловеческим интересам не исключает патриотизма. <...> *Космополит – это не тот, кто лишен своего отечества, а тот, кто свой долг перед отечеством соизмеряет с интересами мирового сообщества*» [6, с. 38]. Космополитизм воплощает мировоззренческие ориентации *транс-культуры*, формирующейся благодаря Интернету и создающей новые культурные общности – сетевые, роль которых в жизни человека весьма неоднозначна.

Идея глобализации, таким образом, выражает человеческую потребность в совместном бытии и потенциально содержит в себе свободу выбора путей развития, создавая стимул к модернизации национальной культуры под влиянием иных культур, но не означает нивелировку культурных различий. Как эти потенции воплотятся в жизнь – вопрос культурной политики. Согласимся с выводами российского философа В.М. Межуева: «Глобализацией в сфере культуры следует считать, видимо, не возникновение какой-то одинаковой и обязательной для всех культуры, а такой способ её функционирования, который позволит каждому жителю планеты пользоваться достижениями любой национальной культуры» [7, с. 73]. Такой способ может и должен стать фоном, на котором ведется диалог с культурным Другим.

Использованная литература:

1. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – Москва : Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 311 с.
2. Бенхабиб, С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб ; Пер. с англ. , ред. , вступ. ст. В.Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва. – Москва : Логос, 2003. – LX. – 289 с.
3. Беляев, В.А. К идее интеркультуры / В.А. Беляев // *НВ: Философские исследования.* – 2013. – № 5. – С. 309–346.
4. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml. – Дата доступа 15. 03. 2014.
5. Доклад о развитии человека 2004: Культурная свобода в современном многообразном мире. Пер. с англ. – Москва.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 328 с.
6. Межуев, В.М. Диалог, как способ межкультурного общения в современном мире / В. М. Межуев // *Вопросы философии.* – 2011. – № 9. – С. 65–73.
7. Нуссбаум, М. Патриотизм и космополитизм / М. Нуссбаум // *Логос.* – 2006. – № 2. – С. 110–119
8. Чумаков, А.Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности / А.Н. Чумаков // *Вопросы философии.* – № 1. – 2009. – С. 32–39.

9. Шапинская, Е. Н. Образ Другого в текстах культуры / Е.Н. Шапинская.– Москва : URSS : КРАСАНД, 2012. – 214 с.

Л.В. Афанасьева (Мелитополь, Украина),
А.А. Буценко (Киев, Украины)

ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Известный американский экономист Ричард Флорида называет город одним из наиболее выдающихся изобретений человечества. Именно городское пространство становится в последнее время главным объектом изучения философов и экономистов, писателей и социологов, урбанистов и историков идей. Отсюда происходят понятия «творческого класса», «творческого города», «открытого города», «межкультурного города». Городское пространство несет в себе все проблемы, противоречия и возможности, с какими сталкивается и какие открывает для себя в 21 ст. человечество в целом и отдельные нации.

Изучение особенностей развития города сегодня важно как никогда (принимая во внимание, что больше половины жителей планеты – более 70% европейцев – проживает в городах), поскольку факторы, влияющие на формирование городского культурного пространства посредством активности горожан, усвоение элементов коммуникационной культуры, обуславливают субъектно-объектные отношения, которые впоследствии и определяют уровень развития гражданского общества в государстве и могут проявляться как конструктивно-реформационные, так и деструктивные. Общественное пространство играет ключевую роль в функционировании города, поскольку не только связывает между собой разрозненные городские ячейки, выполняя логистическую функцию, но и обеспечивает среду для коммуникации и взаимодействия, определяя суть города и его общественное проявление. Так, американская исследовательница Дж. Джейкобс отмечает, что в условиях разобщенности жителей города и отсутствия постоянных контактов и информации о других горожанах, пространством именно общественные городские пространства становятся тем информационным и коммуникативным полем, где все встречаются со всеми, что позволяет «найти общий язык тротуара» [1, с. 28].

В пространстве современного города с многочисленным количеством этнических групп, различных культур, конфессий, традиций, моделей поведения и обусловленных этим социокультурных проблем возникает необходимость решать наряду с политическими, экономическими и экологическими вопросами также межэтнические, межконфессиональные, межкультурные, которые напрямую зависят от способности социума быть толерантным и эффективным в поликультурном пространстве.

Несмотря на огромную сложность различных сообществ и связанных с этим потенциальных конфликтов, города способны управлять разнообразием, извлекая от этого выгоду и преимущество. Искусство «менеджмента межкультурным разнообразием» [2, с.39] становится сегодня одним из главных условий успешного существования городских сообществ. Чтобы добиться этого,

городу следует пересмотреть весь комплекс своих учреждений, услуг, политик и создать соответствующие структуры и механизмы управления для устранения препятствий на пути интеграции мигрантов и меньшинств, приумножении вклада разнообразных культурных групп в развитие города.

Примером того, где разнообразие есть нормой и возможностью для всех граждан на творческое самовыражение, является модель межкультурного (интеркультурного) города. В современном понимании межкультурный город – это город, в котором проживают «люди различного происхождения и разных национальностей, говорят они на разных языках, а могут различаться и по религиозным взглядам или верованиям и убеждениям. Большинство горожан считают разнообразие скорее преимуществом, нежели проблемой и принимают как данность тот факт, что все культуры подвержены изменениям, вступая между собой во взаимодействие на общественном поприще. Городские чиновники публично заявляют о своем уважении разнообразия и плюралистической идентичности города» [3, с.27].

То есть, межкультурный город можно определить, как город, который поощряет любое взаимодействие между различными этническими группами, город, где этноразнообразие и разнообразие мнений и интересов является естественным явлением с реальным обеспечением всех граждан правами на социальное и творческое проявление.

Отличительным признаком межкультурного подхода является включение в действительность всех жителей города, что придает особое значение коллективной ответственности и коллективным действиям. И хотя в центре внимания такого подхода лежит культурное разнообразие, эти принципы и методы касаются в равной степени пола, возраста, профессии, способностей и других форм разнообразия. Эффективность применения такого подхода зависит от умения использовать все виды разнообразия и способствовать «перемешиванию» людей самого разного происхождения, профессий, историй, позиций.

Межкультурный город имеет свою стратегию, возлагая ответственность на каждый городской отдел или службу, способствует поддержке, привлечению к городской жизни и предоставления возможностей переселенцам и иностранцам. Особыми целями этой стратегии является позитивное управление межкультурными взаимосвязями; поощрение межкультурных контактов, коммуникаций и совместных инициатив; расширение культурных знаний организаций, учреждений и служащих; представление разнообразия как ресурса города .

В основе положения о межкультурном городе лежит переосмысление и реформатирование важных, но отчасти ежедневных, функций города с межкультурной точки зрения с тем, чтобы обеспечить одинаковые услуги гражданам, независимо от их культурного происхождения. Следует отметить, что такой тип города задается вопросом «если нашим приоритетом является оптимизация возможностей для межкультурного сотрудничества, то как нам лучше этого достичь?», а так же разрабатывает инструменты как для управления разнообразием, так и для решения культурных конфликтов. Кроме этого,

межкультурный город поощряет смешивание и взаимодействие между различными группами в общественных местах – межкультурном пространстве.

В оптимальном межкультурном городе этнический/культурный состав населения отражается в равной степени на составе служащих всех уровней власти. Более того, такой город понимает, что с изменениями населения должны быть переоценены и по возможности пересмотрены состав и структура социальных служб. Такой тип города открыт к новым идеям и инновациям, выдвигаем национальными общностями, а не применяет универсальный подход к социальным службам и мероприятиям.

Общественное пространство в таком городе приобретает дополнительную ценность. Это пространство, которое время от времени посещают или используют большинство жителей, а потому тут возрастает вероятность встречи представителей разных культур. Общественные места усиливают также межкультурную солидарность, например, когда вопрос открытия или закрытия общественного места/услуги вызывает усиленный общественный интерес. Умело организованные и активные общественные пространства могут стать свидетельством межкультурных намерений города. И наоборот, плохо организованы места могут стать объектом подозрения и страха прохожих.

Средства массовой информации оказывают огромное влияние на межкультурные взаимоотношения и на восприятие определенных групп большинства или меньшинств. СМИ, особенно электронные, создают второе, не менее важное, а часто и более важное пространство межкультурной коммуникации. Влияние властителей дум в виртуальном пространстве может оказывать решающее влияние на формирование городского согласия и взаимопонимания. Именно поэтому межкультурные города – это города межкультурных коммуникационных и информационных технологий.

Программа, которая дала импульс межкультурным инициативам в городских пространствах, была начата с подачи Совета Европы в 2008 году. Эта программа, уникальная по своему масштабу и подходам, представляет собой открытый проект, постоянно расширяющий географию.

Сегодня программа «Интеркультурные города» охватывает весь европейский континент, от Атлантического побережья до Урала, и касается как исторического разнообразия, так и современных миграционных процессов. Межкультурная модель внедряется в более чем 60 городах Европы, а также в Японии, Южной Корее, Мексике и Канаде. Более того, уже созданы пять национальных сетей межкультурных городов – в Италии, Испании, Норвегии, Украине и Португалии.

Идея по созданию Украинской платформы интеркультурных городов, как Платформы изменений, была представлена 29-30 марта 2011 года в Киеве во время семинара «Интеркультурные города: Украинская платформа», организованного Центром развития «Демократия через культуру» при поддержке и совместно с Министерством культуры Украины и Советом Европы.

Представители украинских городов Мелитополя, Южного, Луцка, Житомира, Прилук, Нежина, Хмельницкого, Винницы, Херсона, Ивано-Франковска и Павлограда подписали в Киеве Меморандум Украинской

платформы интеркультурных городов и, таким образом, положили официальное начало украинской национальной сети. Сейчас она состоит из 11 городов.

Целью Украинской платформы интеркультурных городов является, как указано в Меморандуме, изучение и применение лучшего опыта европейских городов в развитии успешных местных сообществ, используя ресурсы культурного разнообразия; внедрение новых форм эффективного управления на местном уровне, что позволит учитывать интересы различных групп, представленных в местной общине, объединять усилия различных секторов, мобилизовать внутренние ресурсы и достигать результатов, которые влияют на качество жизни общества; налаживание тесных творческих и партнерских связей между местными общинами в Украине и Европе, что будет способствовать развитию отдельных отраслей или местных индустрий; привлечение в качестве приоритетных партнеров и участников процесса отрасли образования, культуры, экономики и СМИ [4].

Меморандум Украинской платформы интеркультурных городов основывается на таких соображениях: мировые процессы углубления культурного разнообразия городов и стран не обошли стороной и Украину, требуя новых подходов в решении социальных, экономических и культурных проблем; подавляющее большинство украинских городов исторически являются не монокультурными, а результатом взаимодействия и сосуществования различных культур на протяжении своего развития; традиционное сосуществование различных национальных культур в местных общинах Украины может стать надежной точкой опоры для формирования политики межкультурного взаимодействия нового уровня; межкультурная стратегия развития городов, испытанная и развитая в рамках программы Совета Европы «Интеркультурные города», позволяет внедрить новые приемы управления, общественного участия, межсекторного взаимодействия, проектных подходов и т.д. для успешного будущего развития; сотрудничество с существующими сетями и объединениями межкультурных городов в Европе, открывает возможности успешного сотрудничества, обмена опытом и идеями; Украина активно поддерживает принцип межкультурного диалога, предложенный Европой, и делает его приоритетом своей политики, опираясь на такие важные документы, как «Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения», «Белая книга Совета Европы по межкультурному диалогу», «Задание на 21 века для культуры» и др. [5].

Таким образом, вопросы и проблемы городского развития в рамках программы «Интеркультурные города» рассматриваются в их органическом и естественном переплетении, основываясь на энергии и воображении межкультурных новаторов и обычных граждан, а не путем использования устоявшихся схем, жестких правил или дополнения новых структур и методик. Участники программы стремятся искать решения, которые требуют наименьшего количества энергии и ресурсов для достижения максимальных результатов путем воздействия на суть вопроса и приведения в действие ключевых рычагов – как в случае толчка, который приводит к падению фишек домино. Но прежде, чем определить структуру цепочки домино и рычаги, которые нужно привести в действие, важно понаблюдать, выслушать,

проанализировать первопричины проблем вместо того, чтобы перескакивать от одного быстрого решения к другому [6].

Таким образом, межкультурное пространство возможностей, которое создается в интеркультурных городах благодаря новой стратегии, способствует внедрению новых форм эффективного управления на местном уровне, объединению усилий различных секторов, мобилизации внутренних ресурсов и достижению результатов, которые влияют на улучшение качества жизни горожан, трансформации взаимоотношений между культурными сообществами и формирование городской политики.

Литература:

1. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г.Ионина. – Москва: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. – 295 с.
2. Diversity and community development. Rene Clarijs, Irena Guidikova and Thijs Malmberg (eds.). – Amsterdam, SWP Publishers, 2011. – 256 p.
3. Межкультурный город: шаг за шагом. Практическое руководство для применения городского модели межкультурной интеграции. – Страсбург, Совет Европы, 2013. – 132 с.
4. Гідікова, І. Мережі інтеркультурних міст / Міжнародний навчальний курс «Біла книга Ради Європи з міжкультурного діалогу»/ І.Гудікова. – Київ-Вінниця-Київ: рада Європи, Міністерство культури України, Центр розвитку «Демократія через культуру», 2012.
5. Інтеркультурні міста [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.model21.in.ua/>.
6. Меттью, Е. Мей. У пошуках елегантності: Чому деяким відмінним ідеям чогось не вистачає? // In Pursuit of Elegance : Why the Best Ideas Have Something Missing , by Matthew E. May , Crown business 2009.

Н.А. Вахнин, Е.Г. Вахнина (Санкт-Петербург, Россия)
**ЭГАЛИТАРИЗМ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА
И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Интенсификация информационных потоков сегодня является одним из главных факторов вхождения человечества в эру информационного общества. Данное многогранное историческое явление принесло как позитивные результаты, характерные практически для всех сфер жизни и деятельности человечества, так и клубок противоречий. Она отражает, в частности, кризис классической научной парадигмы, обнаруживающий развитие двух полярных тенденций современного образования – универсализацию и интеграцию знаний с одной стороны, и их научно-техническую специализацию – с другой. Одновременно она изменяет характер взаимоотношений между людьми, стиль, формы и способы общения между ними, меняет характер самой культуры.

Очевидно, что в информационном обществе формируется культура, где закрепляется соотношение между народной, элитарной и массовой культурой, о которой писали еще в «Философии неравенства» Н.А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет в работах «Восстание масс», «Дегуманизация искусства», «Размышления о Дон Кихоте» и других в конце 30-х гг. XX столетия. Великими мыслителями

было доказано, что массовая культура постепенно становится доминирующим типом культуры в современном западном обществе, что она стремительно расширяет ареал своего влияния, в полном смысле подавляя народную культуру и существенно деформируя элитарную. Размышляя о взаимодействии культуры и цивилизации, оценивая итоги XIX века, Х. Ортега-и-Гассет показал, что он принес человечеству массу завоеваний, но он и породил новый исторический тип человека – «человека-массу». «Масса, – пишет философ, – сминает все непохожее, недюжинное, личностное и лучшее. ...Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир становится массой» [11, с. 331].

В эпоху информационного общества отчетливо проявляется то, что в основе культуры начинают доминировать ценности западной цивилизации и американизации. Сегодня национальными правительствами, международными и национальными общественными организациями, в том числе и ЮНЕСКО, а также отдельными энтузиастами прилагаются титанические усилия для сохранения многообразия культурных миров, однако, отмеченные тенденции проявляются все очевиднее. Хорошо известно, что путь к великому лежит через малое, к общечеловеческому – через национальное, ибо культура существует только в оригинальных национальных формах и «тот народ наилучше служит и всемирной цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития...». [7, с. 42]. Находясь на такой высоте, он служит и всемирной цивилизации, ибо цивилизация, культура – «вырабатывается всей жизнью нации», ее бесчисленными поколениями, становится достоянием не только государства, а «принадлежит всему миру» [8, с. 179]. К.Н. Леонтьев, предсказывая негативные последствия эгалитарно-либерального процесса, отметил, что западный прогресс, - это не процесс развития, а процесс разложения, процесс уничтожения особенностей и своеобразия, присущих национальным культурам: «эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития» [8, с. 119].

Трудно не согласиться с утверждением А. Моля о том, что те, кто будет жить в «информационном обществе», будут обладать так называемой «мозаичной культурой». В своей известной работе «Социодинамика культуры» автор утверждает, что под влиянием средств массовой коммуникации и превращения их в основной источник информации для людей, формируется особый социальный тип личности с «расщепленным» сознанием, с искаженным мировосприятием, деформированной шкалой ценностей. Такая личность, считает автор, познает окружающий мир по законам случая, через множество проб и ошибок, соответственно, знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации [9, с. 44–45].

Одна из самых волнующих и широко обсуждаемых проблем, возникающих в контексте обсуждаемой темы – это проблема идентичности. Усложнение современной общественной жизни, непрерывные перемены, связанные с бурным технико-технологическим прогрессом, непосредственно вторгающимся во внутренний мир человека, влияющим на его сознание и мироощущение, на его нравственность создают дополнительные трудности адаптации к быстро меняющейся реальности, которая как бы «рассыпается» на

множество микро реальностей. Это ставит человека перед ситуацией неопределенности и тотального поиска и в своих крайних выражениях порождает, по мнению Зигмунда Баумана, не только боязнь не приспособления, но неспособность приспособиться. Не ужас, вызываемый нарушением запретов, а террор полной свободы. Не требования, превышающие возможности личности, а беспорядочные действия в напрасных поисках надежного и непрерывного пути [1]. Между тем внешняя стабильность, на которую можно ориентироваться, является условием обретения внутренней душевно-духовной стабильности и целостности личности. Человек не обладает какой-то стабильной природой или сущностью, которые обеспечили бы ему «чувство непрерывной самоидентичности» (выражение Э. Эриксона), т.е. идентичности или, проще говоря, стабильное уверенное существование. Генетические эксперименты, которые преследуют цель создания новых психических и физических характеристик человека, ставят под угрозу существование его как вида. Подрыв семейных ценностей, распространение терроризма, виртуальный эскапизм и возможность «жить в киберпространствах» – все это – симптоматика обозначенного кризиса.

Термин идентичность вошел в научный обиход постепенно. Еще З. Фрейд писал о «перцептивной идентичности». Потом К. Ясперс описывал идентичность, как одну из характеристик сознания Я. Современная трактовка данного термина обязана эго-психологу Э. Эриксону и означает принятие личностью целостного образа своего Я в единстве с ее многообразными социальными связями. Процесс формирования идентичности происходит путем идентификации – определения индивидом самого себя, исходя из различных оснований: гендерной, национальной, профессиональной, политической, географической и т.п. Однако гендерная идентификация в современных условиях не является однозначной, ибо пол теперь не влияет ни на выбор профессии, ни на выбор партнера. Идентификация по национальному признаку также утрачивает былую однозначность: в условиях глобализации человек вынужден стать «гражданином мира».

Очевидно, что современные СМИ и Интернет не только позволяют человеку чувствовать свою связь со всем миром, но и обрушивают на него такие потоки информации, которые в таком количестве ему не нужны и не могут быть им востребованы. На деле же объем информации, содержащейся на страницах интернета, фактически сводит ее адекватность реальности к минимуму. Конечно, интернет дает человеку неограниченные возможности для общения и творческого самовыражения. Однако такого рода самиздат несет в себе опасность полного отрицания идеи ценности текста. Ведь, если можно публиковать все, что угодно, как можно найти в этом гиперпотоке цифровой макулатуры что-то ценное?

Интерпретация данных явлений дается, в частности, в теории гиперреальности Ж. Бодрийяра. Гиперреальность – это мир представлений и знаний, утративших связь с социально-гуманитарной реальностью, которую они должны отображать, и ставших независимыми от нее – симулякрами. Понятие «симулякр» – подобие, кажимость, призрак – впервые применил в 60-ых годах XX века Ж. Делез в работах «Платон и симулякр», «Логика смысла» и др.

Отражение объективной реальности заменяется симулякром. Весь мир сегодня состоит из симулякров. Это - абсолютно искусственный мир, который обуславливает глубинную трансформацию отношения человека с внешним миром. Человек попадает в полную зависимость от гиперреальности, его жизнь становится иллюзорной, бессмысленной, лишенной гармонии и стабильности. Теоретики постмодернизма, таким образом, еще до тотального распространения «всемирной паутины» разоблачают механизм процесса мистификации общественного сознания со стороны СМИ и Интернета, показывают недостоверность, а потому – и ненадежность «знания», получаемого таким образом. Автор текста не может проконтролировать дальнейшую судьбу своего текста в условиях бесконечного интерпретативного процесса, защитить его от неправильного понимания.

Идея смерти автора, выдвинутая постструктуралистами, обрела свое воплощение, в частности, в «Википедии», основанной в 2001 году. Джарон Ланир, автор термина «виртуальная реальность» ставит под сомнение претензии данной энциклопедии на создание объективной картины мира. В книге «Вы не гаджет» он утверждает, что сам отказ от идеи качества в киберреальности интернета приводит к ее утрате [6, с. 85]. Стремительный рост информационных потоков в пространстве интернета порождает еще одну крайне важную в контексте обозначенной темы проблему. Это проблема отсутствия критериев для определения иерархии ценностей. Свойственный постмодернизму релятивизм усложняет процесс идентификации, поскольку отрицает существование каких-либо однозначных правил для выбора и фиксации идентичности. Свобода выбора, легкость и произвольность конструирования своей идентификации обусловлены отсутствием каких-либо образцов нравственного поведения, на которые можно было бы ориентироваться и определить свое место в мире. Интернет дает человеку сколь угодно много версий толкования истории, цивилизации, нации, культуры, но не предоставляет ему никаких критериев выбора, которые могли бы быть положены в основу его собственной истории, собственной идентичности. Тем самым разрушается порожденная эпохами Возрождения и Просвещения парадигма человека как центра мироздания, хозяина Вселенной, как индивида самодостаточного, независимого, суверенного и равного своему сознанию.

Современный кризис идентичности связан и со спецификой коммуникационных процессов в интернете. В интернете коммуникация проще и удобнее человеческого общения, но она подобна маскараду. Так, В.А. Емелин и А.Ш. Тхостов отмечают, что «речь идет не о карнавализации в стиле Бахтина, позволяющей преодолеть выстроенные и жесткие барьеры реальной жизни, а именно о безответственности маскарада, где основополагающим моментом является анонимность всех его участников. ...Это место, где никто и ни за что не несет никакой ответственности» [5, с. 80–81]. Имманентно присущее интернет-коммуникации отсутствие ответственности приводит к размыванию смысла некоторых основополагающих принципов современной демократии. Поскольку в большинстве случаев достоверность информации вызывает сомнение, то никому и не приходит в голову идея ответственности за истинность того, что

выкладывает в интернет. Безответственность автора, несерьезность его публичного слова провоцирует и соответствующую реакцию его читателей.

Кроме того, интернет дал возможность публично высказывать свои взгляды тем, которые не могли этого делать раньше, в бумажную эпоху. «С концом обязательного знака, писал Ж. Бодрийяр, наступает царство знака эмансипированного, которым могут теперь одинаково пользоваться все классы... Это переход от ограниченного числа знаков, «свободное» производство которых находится под запретом, к массовому распространению знаков согласно спросу» [2, с. 114]. В большинстве своем эти люди объединяются в «виртуальные стаи», которыми ловко манипулируют те, которые наслаждаются процессом вовлечения других пользователей в пустые дискуссии и бесполезную конфронтацию. Для объяснения этих процессов можно использовать ботанический термин «ризом», который приобрел в постмодернистских дискурсах статус логической конструкции, представляющей отличный от традиционного путь развития культуры, когда нет центральной идеи, доминирующей традиции, школы или направления.

Ризом – метафора неупорядоченного, разнонаправленного развития и распространения информации, когда исчезают присущие модернизму бинарные оппозиции высокого и низкого, элитарного и массового, истинного и ложного – адекватно и точно выражает суть гиперпространства интернета. Свобода высказываний и толкований, легкость получения информации и непринужденность общения во многом упрощают жизнь и деятельность человека, но фактически лишают его подлинной свободы. «Исчезновение фиксированного чем-то кроме ситуативного контекста настоящего лишает человека и прошлого, и будущего – вообще самого себя. Человек становится ситуативным.» [3, с. 175].

Если киберральность интернета становится для нас единственно достоверным отражением действительности, то мы перестаем его воспринимать лишь как механизм расширения наших возможностей, утрачивая критические способности и собственную суверенность. Манипулируя нашим сознанием, но сохраняя при этом иллюзию свободного выбора, он становятся «виртуальным ошейником», который многие из нас надевают его с восторгом и благоговением. Очевидно и то, что в информационном обществе культурное неравенство различных групп становится еще более глубоким и ярко выраженным. Уровень культурного уровня человека определяться не столько по социальному признаку и престижностью учебного заведения, которое он окончил, а широтой доступа к основным источникам информации. «В «информационном обществе» явно произойдет разделение членов общества на тех, кто имеет доступ к информации и тех, кто его лишен в силу тех или иных причин. Первые постепенно превратятся в элиту общества, вторые — в аутсайдеров со всеми вытекающими из этого последствиями». [6]

Современные культурные и социально-политические события, информационные баталии в странах ближнего и дальнего зарубежья изобилуют примерами, подтверждающими данное положение. Интернет, социальные сети различного уровня, виртуальное общение, становясь в таком обществе основными средствами связи и источниками информации, несомненно,

кардинальным образом меняют информационное поле современного человека и, соответственно, изменяют и его духовный мир.

Литература:

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
3. Грицай, Е.В. Инициация постмодерна (на полях у Бодрийяра) // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С.170–180.
4. Делез, Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодернизма. – Минск, 1996.
5. Емелин, В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С.74–85.
6. Ланир, Дж. Вы не гаджет. Манифест. – М., 2011.
7. Леонтьев, К.Н. Грамотность и народность // Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. – СПб., 1913.
8. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство // Записки отшельника. – М., 1992.
9. Моль, А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс. – 408 с.
10. Рашковский, Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 33–40.
11. Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридлендера; Сост. В. Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.

В.И. Миськевич (Минск, Беларусь)
**БЕЛОРУССКИЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ПРОБЛЕМА
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИСКУРСА**

Анализ отечественной истории свидетельствует, что перманентные периоды хаотизации социальной жизни, вызванные войнами, инкорпорациями, революциями, не позволили укорениться и набрать жизненно необходимый инерциальный импульс таким важнейшим субстанциональным и конститутивным началам этногенеза как язык, религия, государственность, собственность, традиции городской жизни. Периодические политические, социальные, демографические и культурные пертурбации и кризисы, волнами накрывавшие Беларусь на протяжении веков, сформировали в народе естественную социально-психологическую установку – выжить, выжить ценой приспособления к постоянно изменяющимся (чаще всего – насильственно) условиям существования. При подобном стечении обстоятельств речь могла идти лишь о сохранении некоторых черт этнокультурной идентичности, но не о развитии творческого потенциала народа и культивировании качеств свободной и инициативной личности.

Постоянные внешние вызовы и внутренние противоречия, чаще всего несоизмеримые по силе давления с возможностями адекватных на них ответов белорусского социума, в существенной мере деформировали и осложнили процессы формирования синергичных структур и отношений в белорусском обществе, в том числе национальной элиты и национального самосознания, обусловили возникновение различных форм отчуждения человека (от собственности, власти, исторической традиции, культуры, права, языка, личностного достоинства и т.д.) [1, с. 152–164]. В течение двух последних

столетий прослеживается действие тенденций к восстановлению целостности белорусской социокультурной синергии. Однако проявляли они себя весьма противоречиво, часто лишь спорадически или в контексте иных, более мощных и поглощавших их течений. Естественно, что кардинальным образом изменить структуру белорусской ментальности они не могли. Так, в советский период отечественной истории произошло становление и институализация форм высокой (профессиональной) культуры. Фактом стало укоренение в массовом сознании белорусов идеологии (и психологии) некоторого этнического своеобразия. Вместе с тем он еще больше закрепил в социальном характере белорусов комплекс пассивности, патернализма, пиетета и некритического отношения к государственной власти и чиновно-бюрократическому аппарату.

Новые исторические условия, в которых оказался белорусский социум, со всей остротой поставили в повестку дня проблему самоопределения народа, выработку стратегии устойчивого развития страны. Проблема эта многогранна. Ее нельзя сводить лишь к природно-экологическим, социально-экономическим и технико-технологическим аспектам (при всей их важности). Она включает в себя также формирование соответствующей институциональной среды, а также новое качество социального и человеческого капитала, в том числе духовно-ценностного содержания национального самосознания, менталитета народа.

Феномен национального менталитета является «сквозной» проблемой, которая должна учитываться при разработке государственных программ модернизации (в том числе инновационного развития страны), создании и «запуске» механизмов социальной самоорганизации, поддержке предпринимательства и бизнеса, практике обучения и воспитания, принятии управленческих решений и т.д. Среди существующих в научной литературе трактовок данного понятия выделим точку зрения философа Д. В. Полежаева, который считает, что менталитет – это устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система образов человека и внутренних глубинно-психических социокультурных установок общества, формируемая (и функционирующая) как под воздействием внешних условий, так и в процессах внутренней самоорганизации [2, с. 119–120].

Менталитет является относительно постоянной социокультурной исторической величиной. И даже когда, по мере развития социума, появляются внутренне дифференцированные формы «высокой» культуры – философия, теология, наука, искусство и др., его самосознание во многом определяется глубинными структурами общественной психологии.

Учеными-белорусистами, историками, социологами осуществлена большая работа по изучению различных аспектов национального самосознания. Общеизвестно, что центральную проблему белорусского менталитета составляет размытость, неочерченность его "ядра". Белорусы в своей массе знают свою историю, язык и культуру намного хуже, чем историю, язык, культуру и литературу соседних стран и народов. Отсюда и "летаргический" тип личности, отношение к себе и окружающему миру. Поэтому, как правильно утверждает исследователь этой проблемы Ю. Чернявская, – анализ белорусского менталитета, исторических и социокультурных предпосылок его формирования

и развития, – имеет самое непосредственное отношение к преодолению «национальной летаргии» [3, с. 60] и трансформации социального характера.

Социальный характер, согласно автору данного понятия Э. Фромму, – это результат динамической адаптации человеческой природы к общественной среде [4, с. 290]. Думается, что и к природной тоже. Он представляет собой сплав чувств, мыслей и установок к действию, общих для большинства людей данного социума и входит в структуру его менталитета. Социальный характер определяет динамичный аспект менталитета народа и несет на себе печать этнического своеобразия, специфицируясь в национальном характере. Трансформация этнического самосознания (его ценностно-смыслового ядра) в существенной степени зависит от изменений в структуре национального характера.

Подобно тому, как характер конкретного индивида формируется и проявляется в действиях (бездействии), также и социальный характер создается в ходе ответов этноса на вызовы истории. Если в действиях доминирует активное начало, направленное на преобразование и подчинение среды, значит характер у социального субъекта «мужской». А если его действия (ответы) имеют форму реакций на внешние вызовы, носят адаптивный характер, значит характер у него «женский». У Н. Бердяева есть интересные рассуждения на сей счет. В своем эссе «О «вечно бабьем» в русской душе» он пишет: «Великая беда русской души... в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем». Русский народ слишком погружен в стихийный коллективизм, в нем не окрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав [5, с. 300]. Думается, что это оценочное суждение великого мыслителя как нельзя лучше характеризует и «белорусскую душу».

Новые идеи, которые появляются на жизненном горизонте общества, укореняются в нем лишь тогда, когда совпадают со специфическими потребностями и архетипами людей данного социального характера. Этот процесс подчиняется определенной исторической логике и искусственно форсирован быть не может. Изменения в социальном характере могут происходить как спонтанно, в результате процессов социальной самоорганизации, так и целенаправленно – под влиянием определенной идеологии и организационной политики государства. Надо полагать, что дополняющее взаимодействие институционального и спонтанного начал социальной синергии является наиболее эффективным способом перестройки структур социального характера народа.

Исходя из сформулированных теоретических посылок, рассмотрим ситуацию с трансформацией белорусского национального характера.

Не секрет, что в социальном характере белорусов нет выраженного чувства национального достоинства, чувства здорового национализма. Между тем Э. Геллнер, один из основателей мировой науки о нациях, исследовав проблему соотношения между нацией и национализмом, высказал в свое время предположение, согласно которому не нации порождают национализм, а национализм порождает нации [6, с. 127]. В настоящее время эту формулу по достоинству называют «парадоксом Геллнера».

Перефразируя известный афоризм Мальдини, можно сказать: «Мы создали Беларусь. Теперь наша задача – создать белорусов». Первостепенное значение, как об этом свидетельствует опыт нациестроительства в других странах, имеет целенаправленная культурная политика, образование и воспитание подрастающего поколения в духе национализма (последний не нужно истолковывать вульгарно, отождествлять с шовинизмом или изоляционизмом). Речь идет об использовании тех форм и инструментов национального строительства, которые доказали свою историческую успешность с учетом, естественно, реалий XXI века. Подчеркнем: «нация», как это показано У. Альтерматтом, Э. Хобсбаумом [7; 8], белорусскими исследователями [9], является «воображаемым» сообществом, которое формируется, конструируется сознательно политической и духовной элитой общества. Если такой целенаправленной работы нет, то приходится сталкиваться с таким вот парадоксом.

В 2007 – 2009 гг. был проведен ряд исследований среди студентов, школьников и людей от 25 лет и старше [10]. Цель – выявление особенностей национальной идентичности, т.е. содержательных смыслов самоопределения «мы белорусы». На основе ответов респондентов была установлена следующая иерархия этих смыслов. На первом месте по значимости находится абстрактный и размытый образ Беларуси, без каких-либо содержательных характеристик. На втором месте – идентификация белорусов с Республикой Беларусь как с независимым государственным образованием, которое, с одной стороны, является чем-то очевидным и гарантированным, а с другой – воспринимается как контур, очерченный на карте и закрепленный государственной символикой, т.е. вне связи с внутри-и внешнеполитической, экономической, правовой, социальной конкретикой. На третьем месте – идентификация с национальной культурой. Но национальная культура не вызывает у белорусов в массе своей ни воодушевления, ни восторга, ни чувства национальной исключительности. Констатируется просто факт существования культурного наследия, с которым «я» никак не связан. Эмоционально-индифферентное отношение к собственной истории и культуре во многом обуславливает дистанцирование и отпадение от родного языка. Так, в 1999 г из общей численности белорусов своим родным назвали белорусский 85,6%, а в 2009 – лишь 60,8% [11 с. 317–318].

Такие ценности, как государство, история, язык, культура и связанные с ними традиции «в норме» являются ядром национальной самоидентификации социума. В нашем случае оно еще должно сформироваться. Спрашивается, кем? В силу неинтегрированности эмоционального и конструктивно-деятельного начала в структуру национального характера ответ связан с восприятием власти как единственной инстанции («мужа»), которая способна решать стоящие перед страной проблемы. Вместе с тем очевидно, что масштабные долгосрочные задачи модернизации белорусского общества требуют вовлечения в этот процесс в качестве заинтересованных участников широких масс («спящую красавицу»). Их («ее») «пробуждение» связано с изживанием пассивности, патерналистских ожиданий и эмоциональной индифферентности к происходящему, – с одной стороны, и формированием в структуре национального характера таких социальных чувств, как национальное достоинство, патриотизм, солидарность,

взаимопомощь, готовность к коллективным действиям, инициативность, предприимчивость, критичность, готовность рисковать, – с другой.

Работать есть над чем. В настоящий момент, как фиксирует научный анализ, «ментальный автопортрет современных белорусов определяется в первую очередь социально-духовными и патриархально-традиционными, коллективистскими характеристиками, в меньшей степени – рационально-демократическими и либеральными, индивидуалистическими ментальными характеристиками» [12, с. 26]. Социологические исследования структуры мотивации населения Беларуси показывают, что в социальном характере современного белоруса доминируют такие базовые качества, как исполнительность, дисциплинированность, работоспособность, ответственность. А вот что касается качеств, определяющих инновационную активность, то они не получили достаточного выражения в самооценках даже наиболее динамичных социальных групп – студентов и предпринимателей. Так, лишь 36,2% респондентов отметили у себя такую черту как предприимчивость, 32,8 – потребность в самообразовании, 34,7 – умение рисковать, 43,2 – инициативность, 44,9 – целеустремленность [13, с. 67–68]. Ментальные установки руководителей мало отличаются от среднестатистических. В.В. Цепкало, обобщая опыт работы парка высоких технологий, отметил: не все наши руководители пока даже понимают, что такое информационные технологии и зачем они нужны [14].

Таким образом, модернизация когнитивного, аксиологического и социально-психологического содержания национального самосознания предполагает превращением аморфных структур белорусского менталитета в самодостаточное национальное самосознание, фундированное как ценностями собственной истории и культуры, так и императивами современности. В этом процессе важны все имеющиеся в распоряжении общества и государства инструменты – система образования, СМИ (особенно TV, Интернет), кино, реклама, искусство, научная периодика, спорт, туризм и, last but not least, – политическая воля. Но, в конечном счете, общий успех модернизации, построения в нашей стране постиндустриального общества зависит (и будет зависеть) от "качества" человеческого капитала, творческого потенциала народа. И если процесс его активации будет «понимающим», то и результаты окажутся ожидаемыми. В нашем случае – совпадающими с целями национальных программ и проектов [15].

Список литературы:

1. Национальное самосознание и философия Беларуси: учеб.-метод. пособие / Г.И. Малыгина [и др.]; под. ред Г.И. Малыгиной и В.И. Миськевича. – Минск: 2012. – 170 с.
2. Полежаев, Д.В. Феномен менталитета общества: сущность и понимание / Д.В. Полежаев // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – С. 117–123.
3. Чернявская, Ю.В. Народная культура и национальные традиции / Ю.В. Чернявская. – Минск: 2009. – 170с.
4. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: 1990. – 246 с.
5. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. – Т. 2.– В 2-х т. / Н.А. Бердяев. – М.: 1994. – 510 с.
6. Геллнер, Э. Пришествие национализма / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 132–215.

7. Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М., 2000. – 252 с.
8. Хобсбаум, Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в Европе / Э. Дж. Хобсбаум // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 301–347.
9. Буховец, О. Г. Изучение национализма в Европе и Евразии : новые аспекты / О.Г. Буховец. – М., 2004. – 124 с.
10. Фабрикант, М. Белорусский народ как реальность / М. Фабрикант, Ю. Царик // Белорусская думка. – 2009. – С. 62–67.
11. Перепись населения 2009. Национальный состав Республики Беларусь. Т. III. – Минск, 2011. – 637 с.
12. Кириенко, В.В. Менталитет современных белорусов (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук / В.В. Кириенко. – Минск, 2007. – 36 с.
13. Шавель, С.А. Личностные качества – основа инновационного человеческого потенциала / С.А. Шавель // Социология. – 2010. – № 4. – С. 64–71.
14. СБ сегодня. – 2010. – 26 нояб.
15. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2020 года. – Минск: 2004. – 200 с.

Е.С. Бабосова (Минск, Беларусь)
**СТРУКТУРА И ХАРАКТЕР ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В БЕЛАРУСИ**

Тема этнонациональной белорусской идентичности в последнее время привлекает все больше внимания. В такой многонациональной стране, какой является Республика Беларусь, траектория устойчивого социально-экономического, политического и социокультурного развития во многом предопределяется отношениями и взаимодействиями проживающих на ее территории этнонациональных групп. Очень существенное значение здесь приобретает наличие гармоничности либо дисгармоничности этнонациональной идентификации и идентичности, а иначе создаются предпосылки для возникновения этнонациональных конфликтов. Особо важными в таких условиях становятся поиски средств и механизмов формирования позитивной этнонациональной идентичности, способствующей толерантному межэтническому взаимодействию людей.

Этническая идентичность представляет собой центральный конструкт и системообразующее основание той или иной этнической группы, и определяется как осознание индивидом принадлежности к конкретной этнокультурной общности, не только самоотождествление, но и представление о своем народе, его языке, культуре, территории, интересах, а также их эмоциональную оценку и восприятие. В её структуре обычно выделяют два основных компонента - когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как её члена на основе определённых характеристик) и аффективный (оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства).

Среди основных элементов в структуре этнической идентичности можно выделить такие как родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к родной земле, к

своей Родине, общая территория проживания и многие другие. Это связано с тем, что в разные исторические периоды у разных народов их доминирующая роль может изменяться.

Проводимые социологические исследования позволяют выявить некоторые особенности и тенденции развития белорусской этнонациональной идентичности. Очевидно, что в ней индивидуальное «Я» (личностная идентификация) синтезируется воедино с социокультурным идентификационным интегратором «Мы». Это находит свое реальное проявление в существующем соотношении различных идентификационных групп.

Одной из наиболее распространенных групп, согласно социологическому исследованию, проведенному в 2013 году, является та, вхождение в которую определяет отождествление себя с людьми своей национальности. Так, на вопрос «Что больше всего объединяет Вас с жителями Беларуси?» 52,4% респондентов ответили, что это национальность и происхождение. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в современном белорусском обществе при всей значимости этнонациональной идентичности чуть более важной для респондентов оказывается гражданская идентичность. Отвечая на вопрос о том, что больше всего объединяет респондентов с жителями Беларуси, 66,9% опрошенных отметили, что это гражданство и проживание на одной территории.

Следует отметить, что формирование гражданской идентичности личности тесно связано с процессом усвоения личностью различных элементов национального сознания, поведения, традиций, культуры, языка, то есть с этнонациональной идентичностью. Однако когнитивное наполнение гражданской идентичности не во всем совпадает с этнонациональной. Этническая идентичность базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, общности территории. Гражданская идентичность основывается на политической и правовой культуре, гражданской активности, на формировании и функционировании институтов гражданского общества. Она более динамична, чем этническая, выбор которой вовсе не исключает гражданской идентичности. Содержание и смысловое наполнение той и другой идентичности способно дополнять друг друга. Это дает основание говорить о совместимости таких идентичностей.

Кроме национальности и гражданства в структуре национальной идентичности можно выделить и иные факторы, оказывающие влияние на объединение жителей Беларуси. Если выстроить их в порядке убывания значимости, то 56,3% респондентов считают, что их объединяет с жителями Беларуси общая история, 52,5% – культура и традиции, 46,8% – любовь к родине и патриотизм, 45,3% – язык, религия и вероисповедание – 41,6%, черты национального характера и менталитет – 40,7% опрошенных. Что касается россиян, то 74,3% респондентов отмечают, что их объединяет с жителями России язык, 50,5% – культура и традиции, 48,3% – общая история, 41,6% – любовь к родине и патриотизм, 31,6% – менталитет и черты характера, 31,0% – религия и вероисповедание, внешность – 16,9% опрошенных.

Как уже отмечалось, этнонациональная идентификация представляет собой процесс восприятия и осознания личностью или группой своей

тождественности с определенным этносом или нацией. Респондентам был задан вопрос о том, «В какой степени Вы ощущаете единство со следующими группами и общностями людей?». Проведенное в Беларуси социологическое исследование свидетельствует о том, что 46,7% опрошенных жителей ощущают в определенной степени единство с людьми своей национальности, еще 32,7% осознают это в полной мере, 6,9% – не ощущают, 11,9% – затруднились ответить. Что касается гражданской идентичности, то 44,2% респондентов осознают в полной мере единство с жителями Беларуси, еще 39,8% осознают это в определенной степени, 6,7% – не ощущают, 8,6% – затруднились ответить.

Каждый индивид формирует свою идентичность как самоидентичность, или самоидентичность. Понимание человеком себя «как такового», как личности предполагает установление им как своего отличия от других людей, так и своего сходства с ними в соответствии с признаками, характеризующими его идентичность, что, в свою очередь, является совершенно необходимым условием для того, чтобы он оставался «самим собой» в изменяющемся мире. Главным фактором этнонациональной самоидентификации на эмпирическом уровне является набор тех признаков, которые воспринимаются как главные при определении национальности человека. В связи с этим интересным представляется анализ ответов респондентов на вопрос о том, «Кем Вы себя осознаете прежде всего?». Проведенное социологическое исследование свидетельствует о том, что идентифицируют себя с людьми белорусской национальности в полной мере 36,0% респондентов, 36,8% – осознают это в определенной степени, 12,1% – не осознают такой принадлежности, 13,1% – затруднились ответить на данный вопрос. Кроме того, респондентам был задан вопрос об осознании своей принадлежности не только к белорусской национальности, а к своей, в том числе и небелорусской. В результате было выявлено, что 40,6% опрошенных жителей отождествляют себя со своей национальностью в полной мере, 34,7% – в определенной степени, 9,4% – не осознают такой принадлежности, 12,9% – затруднились ответить на данный вопрос. Постигание значимости нации возникает у человека первоначально как ощущение и чувство личной принадлежности к ней, а затем как все более крепнущее осознанное признание неотрывности от нее. Так происходит понимание индивидом своей родовой сущности, утверждение осознанности своей принадлежности к своему народу.

Важным является создание благоприятных экономических, социальных, политических, социокультурных условий и предпосылок сближения этнонациональных и вероисповедных сообществ, их консолидации в процессе решения общей для всех этнических групп задачи – формирование белорусской гражданской идентичности, объединяющей всех граждан независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности. Тот факт, что гражданами Беларуси осознают себя в полной мере 67,5% и в определенной степени 22,7% населения, в состав которого входят этнические белорусы, и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и татары, и представители других этнических групп, свидетельствует о достаточно эффективной работе по формированию белорусской гражданской идентичности.

Согласно результатам проведенного социологического исследования, в Беларуси в полной мере реализуются права и свободы людей различных национальностей и вероисповеданий, а также отсутствуют притеснения и конфликты на основе этнонациональной принадлежности. Так, практически половине респондентов (48,6%) неизвестны факты дискриминации граждан в Беларуси по национальному признаку, 18,2% – скорее неизвестны, 10,0% – скорее известны, 8,5% – известны, 13,2% – затруднились ответить на данный вопрос.

По прагматическим, политическим и экономическим причинам предпочтения в использовании отдаются тому языку, который является родным для большинства населения. Иногда такая ситуация приводит к постановке вопроса о языковой дискриминации лиц, для которых официальный язык родным не является. Большинство населения уверено, что в Беларуси нет дискриминации по языковому признаку. Так, результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что более, чем половине респондентов (51,6%) неизвестны факты дискриминации граждан в Беларуси по языковому признаку, 17,8% – скорее неизвестны, 10,0% – скорее известны, 6,1% – известны, 13,2% – затруднились ответить на данный вопрос.

Таким образом, большинство населения проявляет высокий уровень толерантности и уверено, что в Беларуси отсутствует дискриминация по национальному и языковому признаку. Продуманная, хорошо аргументированная и последовательно осуществляемая этнонациональная политика препятствует появлению в стране таких трагических потрясений, как острые межнациональные конфликты, вооруженные столкновения.

Характеризуя ситуацию, связанную с положением национальных меньшинств в Беларуси, необходимо отметить ее стабильность и уникальность, что выражается в отсутствии каких-либо столкновений и конфликтов на этнической, расовой основе, в единстве этнических составляющих белорусского общества, равенстве различных национальных групп.

Согласно материалам проведенного социологического исследования, для подавляющего большинства граждан национальная принадлежность не имеет значения при выборе приятелей и друзей, соседей, при выборе супруга, на работе и в иных случаях повседневного взаимодействия с другими людьми. Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что 13,2% респондентов не согласны видеть представителей другой национальности в качестве близких родственников, 5,6% – приятелей и друзей, соседей – 7,7%, коллег по работе – 7,1%, жителей своего города или поселка – 6,9%, граждан своей страны – 5,2% опрошенных. Только 9,2% респондентов отметили, что не хотели бы ни в каком качестве видеть представителей другой национальности в своей стране.

Межнациональное согласие в белорусском обществе объясняется менталитетом граждан страны, историческими традициями межэтнического существования, давними и прочными связями между этническими группами, проживающими на территории Беларуси. Одним из самых важных факторов межнациональной стабильности является четкая и последовательная политика государства в данной сфере общественной жизни. В Беларуси созданы довольно комфортные условия для сохранения и развития культуры и языка

национальных меньшинств, деятельности их организаций и учреждений культуры и образования, что подтверждается мнением большинства их лидеров, а также авторитетных зарубежных экспертов.

М.В. Цюрупа (Киев, Украина)

УКРАИНСКАЯ ВОЕННО-ГУМАНИТАРНАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Гуманитарное наследие этносов Украины привлекает внимание культурологов на фоне политических конфликтов, представленных обеими сторонами как представителями различных социокультурных подходов к вопросам социального мира. Тезис статьи «Казацкая кровь, пролитая за свободу» академика М. Поповича, что общее место религиозных войн – «проявление беспощадной жестокости с обеих сторон», как в гражданской войне 1648 между украинскими повстанцами под предводительством Б. Хмельницкого и войсками польской шляхты ориентирует нас на поиск гуманитарной традиции украинского народа, которая формировалась на стыке моральных практик Востока и Запада [1, с. 4].

Важной выглядит задача аргументированной критики представителей других этнокультур (а иногда, и своих) по поводу жестокости в ведении вооруженной борьбы, укоренения антигуманности в обычаях наших народов. История вооруженных конфликтов всегда столкновением различных типов моральной регуляции борьбы. Жорж Сория в исследовании «Война и революция в Испании. 1936–1939» пишет об особо жестоком поведении марокканских наемных частей, о негативном образ африканцев – воинов в европейской духовной традиции [2, с. 152]. Но существуют и свидетельства того, что в войне во Вьетнаме именно африканские воины – сенегальцы, воевавших на стороне французских войск, человечно относились к местному населению.

Обвинения народов, проживавших на территории современной Украины, в отсутствии милосердия имеют глубокие исторические корни. В «Пятикнижии» Моисея мы читаем о «нецивилизованном» народе Скифии – Киммерии с юга от Рима, который угрожал южным соседям: "Господь поднимет против тебя народ издалека, от края земли, что взлетит на тебя, как орел, народ, языка которого ты не понимаешь, народ с жестоким видом, который не различает старых и не имеет милосердия к детям". В другом месте священной книги указано, что северный народ "жестокий и милосердие не имеет" [3].

Позже римский писатель Помпоний Мела, творивший при императоре Калигуле, писал, что наши (украинские) предки "любят войну и резню, имеют обыкновение самым выпивать из ран кровь первого забитого врага; смелейшим считается тот, кто больше убьет: не быть убийцей – величайший позор" [4, с. 70]. Еще свежи мифологемы о жестокости украинских воинов относятся к освободительной борьбе украинского народа в XX веке.

Гуманитарная украинская традиция отразила взаимопроникновение военных обычаев разных этносов, которые утверждали себя борьбой на территории нашего государства. Вооруженная борьба была обычной формой

жизнедеятельности наших предков долгие века. Степные племена в те времена новой эры представляли собой слабо связанный союз родственных, но часто враждующих племен, потребности которых удовлетворяла война.

Согласно ранних фрагментов произведений римского и византийского периодов военная практика и мораль наших предков носили переходный характер от варварского состояния к состоянию цивилизации. Историк Евнапий Сардиец писал, что спасенные римлянами скифы «сразу же обнаружили варварские свойства свои и предательство».

По восточной духовной традиции женщины – хранительницы рода – не принимают активного участия в вооруженной борьбе, но на территории Крыма они порой занимали ведущее место в этой разновидности социальной практики. Помпоний Мела писал, что женщины "участвуют в войне наравне с мужчинами. От взрослых девушек требуют, чтобы они поражали врагов, через то, что никого не убить считается преступлением", нередко "женщины бросаются в конце схватки и дерутся не железным оружием, а накидывают на врагов арканы, которыми, затягивая, душат их" [5, с. 70].

Следует отметить, что «человеческий материал» наших предков отличался среди других народов и племен, с которыми они нередко сражались, «свежей буйством и стихийным разгоном сил» (Иван Крипьякевич), потому бывало, что в борьбе бессознательно вред наносился гражданскому населению, поселению и окружающей среде как и врагам.

В историю вошло сообщение Святослава о начале войны, который «посылал к краю», говоря: «хочу на вас идти». Войну, как правило, объявляли празднично через послов. Во «внутренних» войнах под предводительством Богдана Хмельницкого с польской шляхтой о начале вооруженной борьбы сообщали «универсалы». Так, обращаясь до «всех украинских малороссиян» в июне 1648 года Зиновий Богдан Хмельницкий сказал: " .. ознаймую сим универсалом нашим, не без причин подходящим, мусилиємо начать войну и поднять оружия наше на поляков ..." [7, с. 61].

Но нередко, как и в мировой истории, войны на территории современной Украины велись часто «не цивилизованно» - уничтожали не только врага, но и жгли села, забирали все дееспособное население вместе с детьми в плен. Дурную славу получил Изяслав Мстиславич, обещаниями сохранить жизнь набрал массу пленников из галичан, а потом приказал их рубить – только лучших забрал с собой. Общественное мнение остро осуждала такие предательские действия, слой духовенства пыталось сдерживать князей от проявлений излишнего насилия и жестокости.

Запорожское войско считало основной целью войн защиту веры отцов и христианских ценностей, его поведение нередко строилось на этой основе. Так, в Конституции Пилипа Орлика указано: "Хорошо известно всем, что славной памяти Гетман Богдан Хмельницкий с Войском Запорожским не из-за какой-то другой причине вступившим в законную войну против Польского государства, только стремясь надлежащей по праву свободы и защищая Православную Веру» [8, с. 9].

С XIII века отмечены попытки защитить воинов и мирное население от проявлений грубого насилия. Для заключения мира воюющие стороны

сносились через послов, для обеспечения их неприкосновенности давали заложников, а на мирном съезде подписывали мир. Духовенство поднимало значение записного мирного соглашения – праздничной присягой и целованием креста в церкви. Условия соглашения записывали в особых грамотах. Миротворческую роль играл не факт подписи грамоты как документа, а его святочность и заверенная миролюбивая мораль.

Проявления жестокости вытекали из постоянной борьбы (война вообще была явлением обыденным в древней Украине) с коварным врагом, который обычно не щадил людей, захватывал в плен массы военных и гражданских, не соблюдал мирных соглашений, вел себя коварно в бою. Анонимный автор "Истории Русов" с болью писал, что "эта страна вроде создана или обречена на разруху от частых нашествий иноплеменников, а еще более частых набегов и сечей от народов соседних и, наконец, от наступления междоусобиц и побоищ ..." [9, с. 33].

Крипякевич писал: татары «против покоренных не знали милосердия, рубили даже людей, шли против них с подарками, не жалели и маленьких детей». Украинцы в течение трех сотен лет хорошо знали - от татар нельзя надеяться на помилование или пощаде и надо биться до конца. Это вызвало недоверие к обещаниям прекратить боевые действия и подписанным мирных соглашений противника. Украинские воины больше надеялись на сакральную силу праздничной присяги с целованием креста, или на силу договора, согласованного вместе со священником в церквях или на мощь вооруженной силы вообще, чем на соблюдение врагом обещаний.

Можно было бы ожидать от украинского народа большей душевной жестокости в таких условиях, но мы отмечаем общеевропейские черты ведения борьбы «по правилам», хотя в украинском воинстве не укоренились пышности наряда и традиционные игрища европейских рыцарей.

Украинский народ и войско были в центре борьбы между Востоком и Западом, они находились против «азиатских ворот народов», которые должны были бы пропускать новые варварские орды на гибель культуре и европейской цивилизации. Монголо-татарские нашествия отличались крайним антигуманизмом – при применении боевых средств монголы не знали ограничения, славянских женщин запрягали в телеги как скот, отдавали поработанных детей в военное обучение для своего войска и т.д.

Такое взаимовлияние миллиарных культур противоборствующих этносов, монголо-татар и славян не мог не привести к появлению рис разбоя и стихии боевой характера в украинской армии, чем иногда отличались запорожцы. В Инструкции послам от Запорожского Войска к Владиславу IV 12 июня 1648 записано: "С военной добычи, когда время благодаря богу, повезет, ничего лучшего полна взрослых татар и малых татарчат ... за что убогий казак мог приодеться ..." [7, с. 72].

Религиозные предписания играли значительную роль в закреплении гуманных правил ведения вооруженной борьбы, а важной формой существования моральных практик украинского народа и войска с княжеских времен стали празднично зафиксированы международные договоренности и молитвенные обращения духовных пастырей, в частности, киевских

митрополитов. На уровне обычая Запорожье было укоренено представление о ценности «христианской души», неприкосновенность христианских поселений. Немалое количество запорожцев получили славу служением в благородном деле освобождения христиан из татарского плена, турецкой неволи, отражая захваченных пленников с помощью оружия или приобретая для них свободу через денежный выкуп.

Регламентация отношений с представителями других племен и народов была в традиции гостеприимства – типичной для сообществ, существующих в неустанной войне с враждебным окружением – и традиции толерантного отношения к прибывшим в Сечь путешественников, купцов, какой бы то ни было национальности. Относительно посторонних людей запорожские казаки всегда были гостеприимными и приветливыми: Сей обычай был у запорожцев не только к приятелям и знакомым, но и к посторонним людям, и следили за этой добродетелью гостеприимства строго и неотступно. В Запорожье каждый желающий может прийти в шалаш, жить и есть с ними без всяких расспросов или благодарности за гостеприимство. Из преступлений злостным считалось убийство казаком своего товарища, дерзость по начальства, насилие в Запорожье или в христианских поселениях, когда товарищ отбирал у другого коня, скот и имущество, дезертирство, гайдамацтво, т.е. кража имущества у мирных жителей украинских, польских или татарских областей, у купцов и путешественников.

Войско Запорожское имело морально – боевые гуманистические добродетели, которые в дальнейшем трансформировались в нормы гуманитарного права войны. Среди них особенно выделяются: верность подписанным соглашениям, забота о соблюдении мира, честь боевых товарищей и борьба за их освобождение из плена, а также вывод из далекого чужеродного плена гражданских пленников. Милосердное отношение к пленникам, военнопленных навсегда запечатлелись в сознании украинского народа как характерная черта военной практики, а потому никогда украинских воинов не упрекали в негуманном отношении к пленным.

Особой моральной защитой пользовалась у запорожцев верность записанному миру. В письме Ст. Трощинского, который был отправлен на Сечь для выяснения отношения запорожцев к конфликту между Сечью и Крымским ханством, сделано важное наблюдение: запорожцы, к которым постоянно обращается Москва требованиям «розмирения с неверными и войны против них», удерживают с татарами мир и «...не хотят давать своего слова и переприсягать в том, в чем они присягали ...»

Кроме положительных черт боевой характера необходимо указать на негативные моменты в становлении украинского военно-гуманитарной традиции. Это недостаточный уровень воинской дисциплины, который не позволял руководству проследить за соблюдением некоторых соглашений и правил войны. Следует признать иногда немилосердное отношение запорожцев к сторонникам католической веры и униатов, а также к евреям, которые подвергались притеснениям с их стороны, несмотря на почти полную отстраненность последних от вооруженной борьбы, шла на территории Украины. М.В. Попович прав, когда указывает, что жертвами антипольского восстания были евреи, поляки, украинские униаты и украинская шляхта.

Во время битвы запорожцы убивали незнатных, знатных пытались захватить в плен, за что получали впоследствии определенный выкуп; лошадей, рогатый скот, овец и верблюдов отгоняли в свой лагерь, оружие, одежду и деньги брали в добычу. Казацкое войско жило в основном за счет военной добычи, а потому увлечение богатого ясыря, ограбления и разорения городов и сел были также обыденным явлением.

Особый этап в развитии украинской военно-гуманитарной традиции составил период подготовки и само освободительное движение за независимость государства в первой половине XX века. Основное противоречие того периода было между политической бескомпромиссной целью войны и гуманистической традиции ведения вооруженной борьбы Украинской воинами.

Таким образом, отечественное гуманитарное наследие заложило демократические, «европейские» принципы традиции. Гуманистическая боевая мораль украинских воинов, у которых никогда не была плохая репутация жестоких, способствуют взаимопониманию между культурами Востока и Запада. Положительный имидж украинских воинов в составе миротворческих сил в Европе и Африке, к которым предъявляются особо высокие требования с точки зрения строгого соблюдения международного гуманитарного права и морали, базируется на военно-гуманитарной традиции и требует новых усилий в деле овладения философией гуманизма.

Литература:

1. Попович М. Козацька кров, пролита за волю" // День. – 1998. – № 23.
2. Сория Ж. Война и революция в Испании. 1936–1939: в 2 т. – Т.1: Сокр. пер. с франц. – М., 1987.
3. Библия. Пятикнижие Моисея. Повторения Закона. 28: 49–50.
4. Помпоний, Мела. Землеописание. // Крисаченко В.С. История Крима в источниках и документах. Часть первая. (на укр.. яз.). – Черновцы, 1998.
5. Крисаченко, В.С. История Крима в источниках и документах. Часть первая. (на укр.. яз.). – Черновцы, 1998.
6. Византийские историки. – Спб, 1860.
7. Документы Богдана Хмельницького // Состав. И.Крип`якевич и И. Бутич. (на укр.. яз.). – К., 1961.
8. Мельник, Л.Г. Конституция 1710 года Пилипа Орлика // Весник Киевского университета. Историко-филологические науки. Вип. 2. – К., 1991.
9. История Русов / Пер. Ивана Драча. (на укр.. яз.). – К., 1991.

С.И. Сулимов, И.В. Черниговских (Воронеж, Россия)

МЕХАНИЗМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АНТИСИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ)

Современный мир без всякого преувеличения называют «глобальным», то есть «всеобщим» в плане экономики, политики, искусства и даже моды. Ведущие экономические структуры давно уже перешагнули границы национальных государств, политические решения в одной стране неизменно влияют на все страны региона, благодаря сети Internet публика по всему миру смотрит голливудское кино и стремится одеваться в подражание его персонажам. Также свободно циркулируют по миру идеи, находя для себя

воплощение порой в таких странах, вся история которых, казалось бы, противоречит возникновению интереса к ним (например, национал-социализм встретил горячий интерес в современной Украине, некогда очень сильно пострадавший от приверженцев данного учения). Какие же перспективы ожидают развивающийся таким путем мир? Всеобщее взаимопроникновение, слияние всех наций, этносов и культур в единый мировой социум, демократически управляемый и уважающий права человека? Политики и официальные идеологи США и ЕС надеются, что так и будет. Но, к сожалению, исторический опыт человечества свидетельствует, что это утопия, мечта, которая никогда не осуществится. В философии Л.Н. Гумилева (1912–1992 гг.) содержится учение, которое разочарует, но отрезвит любого поборника «глобального общества» или «общечеловеческих ценностей». Многие читатели во всём мире знакомы с теорией пассионарности Л.Н. Гумилева, но почему-то мало кто акцентирует внимание на её «изнанке», учении об антисистемах. А ведь именно данное учение позволяет составить четкий прогноз будущего мирового развития, если стремление к глобализму не будет остановлено. Но прогнозы вообще, а в исторической науке в частности дело очень неблагодарное. Поэтому в данной работе мы хотели бы привести пример возникновения антисистемы в далеком прошлом и показать механизм, вызывающий её к жизни, что позволит читателю без труда обнаружить аналогичные механизмы в современном мире.

Прежде чем переходить к собственно исторической фактуре, необходимо уточнить терминологию. Л.Н. Гумилев использует авторские термины «этнос», «суперэтнос» и «антисистема», которые требуют хотя бы краткой расшифровки. «Этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющих себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени» [2, с. 135]. То есть в основе этнической целостности лежит в первую очередь общий стереотип поведения, можно сказать, общие ценности, на основе которых возникает кровное родство и формируется нация. Например, французский этнос формировался на основе множества романо-германских (бургунды, окситанцы) и даже кельтских (бретонцы) национальностей, которые в наши дни монолитно соединены общей историей, католицизмом и единым географическим пространством, именуемым «Франция». Несколько соседствующих и поддерживающих между собой связь этносов образуют суперэтнос. «Суперэтнос – группа этносов, возникающих одновременно в одном регионе, и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность» [2, с. 134]. Примером суперэтноса могут послужить европейцы (романо-германцы), которые между собой различаются в национальном и культурном планах, но при этом сходны друг с другом больше, чем с любыми другими этносами планеты. Например, в современном ЕС прекрасно уживаются французы, испанцы, немцы и другие романо-германские народы, но интегрировать в ЕС турок, по меньшей мере, проблематично. Если двум и более суперэтносам приходится соседствовать друг с другом продолжительное время, то они в лучшем случае поддерживают отстраненные отношения, выражающиеся в торговле и военных союзах, а в худшем случае на их стыке

возникает антисистема, одинаково разрушающая все суперэтноты, с которыми она контактирует. Антисистема – это социально-духовная общность людей с негативным мирозерцанием, имеющая общее для своих членов мировоззрение. Проще говоря, это люди, рассматривающие ситуацию, сложившуюся в их этносе, с позиции другого этноса и поэтому воспринимающие реальное положение дел как неправильное и нуждающееся в исправлении. Но поскольку они видят ситуацию «чужими глазами», то лишь разрушают «неправильное», а желаемое создать не могут, потому что вдохновляющий их образец либо непригоден в данной ситуации, либо настолько синкретичен, что не может быть воплощен нигде и никогда. Л.Н. Гумилев выделяет два непреложных условия для возникновения антисистемы: «Для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например, момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса. Пусть даже обе системы будут перед началом процесса положительными, творческими, как в плане экологии, так и в аспекте культуры» [2, с. 493]. В данной работе мы рассмотрим механизм возникновения антисистемы на примере гуситского движения в Чехии XV в., которое по своей сути было национально-освободительным, но антисистемные элементы настолько исказили его доктрину и протекание, что обусловили поражение гуситов.

Само экономико-географическое положение средневековой Чехии буквально превращало её в социально-духовного кентавра: граница между православным славянским Востоком и католическим романо-германским Западом превращала королевство в настоящий проходной двор для различных противоречивых идей. Тем более что Чехия числилась в составе Священной Римской империи и по форме представляла собой западноевропейское королевство, хотя уклад жизни славянских подданных германского императора коренным образом отличался от жизни тех же швабов или саксонцев. Чешское дворянство (паны и панюши) было очень похожим на польскую шляхту, но при этом искусственно втискивалось в рамки культуры германского рыцарства. Поскольку император Священной Римской империи обычно принадлежал к одной из германских династий (в начале XV в. – к династии Люксембургов), то все его интересы сосредотачивались в немецких землях, а Чехия становилась как бы экономическим и людским базисом для осуществления его планов. Точно также Папа Римский воспринимал Чешское королевство как далёкую окраину католического мира, годную лишь для финансовой поддержки римской курии. В результате страна оказалась ввергнута в длительный экономический, политический и духовный кризис, усугубляемый постоянным отсутствием или слабостью реального монарха, который в это же время мог быть способным германским императором. Для контроля над Чехией, имевшей статус едва ли национальной окраины империи, на её землях король давал поместья своим немецким вассалам. Точно также поступал Папа Римский, назначая на высшие церковные должности клириков немецкого происхождения. Вот как описывает сложившееся положение дел чешский историк Й. Мацек: «Во времена Карла IV лучшие и наиболее доходные церковные должности в Чехии получали иностранцы, прежде всего немцы, собиравшиеся вокруг императорского двора,

который использовал свою тесную связь с папой. У чешского духовенства, особенно низшего, была, таким образом, ещё одна причина ненавидеть высших сановников церкви, бывших, как правило, чужеземцами» [3, с. 17]. В городах большинство населения и, что важно, ремесленников составляли чехи, но магистраты состояли по большей части из представителей немецкого патрициата. Точно так же как в Чехии было совсем немного немецких помещиков, но они владели огромными землями. Например, германская феодальная династия Рожемберков (Розенбергов) поставила в земельную зависимость от себя почти всё чешское рыцарство. В результате такого положения дел Чехия оказалась полна безработных клириков чешского происхождения, безземельных рыцарей коренной национальности и разорившихся ремесленников, которые в прямом смысле слова не знали, куда себя деть. Многим из них казалось, что весь мир вошел в полосу упадка, что близится конец света. Народная и авторская лирика той эпохи пестрит пессимистичными и апокалипсическими мотивами. Например, произведения Смилы Флашки и Томаша Штитного буквально пронизаны негативным мирозерцанием, выражающемся в критике всего и вся: от крестьянских нравов до привычек высшего духовенства. Для начала национально-освободительного, антиимперского движения необходима была лишь идея, которая объединила бы представителей разных социальных групп чешского общества. К сожалению, идея национального государства ещё не была знакома людям, и консолидирующий принцип прибыл в многострадальное королевство с запада.

Та идея, за которую чешские национальные герои Ян Гус и Иероним Пражский впоследствии пошли на костёр, зародилась в Англии во второй половине XIV в. в творчестве Джона Уиклефа, клирика и протеже Джона Гентского, герцога Ланкастера. Уиклеф был создателем и апологетом концепции национальной Церкви, утверждая, что Папа Римский, коль уж находится в плену в Авиньоне, не может даже свои дела привести в порядок, а, значит, не стоит ему вмешиваться в дела других государств. Данная идея была крайне актуальной для Англии, ведущей Столетнюю войну, потому что Папа был не просто в плену, а в плену у французов и отдавал распоряжения, выгодные последним. Поэтому идея Уиклефа стала для английского парламента санкцией на экономический разрыв с Римом. При этом сам проповедник не отрицал святость Папы или правомерность института папства. Он лишь противился выплате десятины и требовал секуляризации земель. Вот как описывает отношения Уиклефа и властей немецкий историк Г. Вебер: «В октябре (1377 года), когда заседал первый парламент его (герцога Ланкастерского – авт.) регентства, он предложил Уиклефу вопрос, не должно ли удержать и употребить на государственные надобности те суммы, которые были назначены для отсылки папе. Уиклеф отвечал, что следует сделать так на основании Священного Писания, повеления которого выше всех мирских и канонических законов» [1, с. 41]. Для английского королевства, бывшего к тому времени национальным государством, такие идеи были крайне выгодными.

Иначе обстояло дело в Чехии, лишённой независимости и мало осознающей свои национальные интересы. Как только Ян Гус, верный последователь идей Уиклефа, выступил против зависимости чешской церкви от

Рима, сразу же оказалось, что в стране нет реальной альтернативы. Не существовало ни чешского кардинала, который мог бы возглавить национальную церковь, ни национальной династии, способной осуществить такой радикальный шаг. Зато отход от канонической нормы открыл путь всевозможным маргинальным сектантским течениям хилиастической и антиклерикальной направленности. Так, когда началась вооруженная борьба против имперских властей и верных им немецких поселенцев, в повстанческое движение активно влились вальденсы, заслужившие недобрую славу ещё во время Альбигойских войн. Факт их присутствия в рядах таборитов подтверждает чешский историк Й. Мацек: «Вальденские проповедники ходили из края в край, проповедовали своё учение и везде находили сердечный прием, особенно у низших классов общества, всегда готовых воспринять учение, которое сулит им освобождение от гнета Церкви» [4, с. 229]. Кроме вальденсов, в восставшей Чехии нашли себе применение представители бельгийской секты адамитов, которых отечественный историк И.Р. Шафаревич описывает так: «Беггард из Бельгии основал среди таборитов секту адамитов, которая обосновалась на р. Лужнице. Сам он называл себя Адамом и сыном Божиим, призванным воскресить мертвых и осуществить предначертания Апокалипсиса. Адамиты считали себя воплощением вездесущего Бога. Скоро, считали они, кровь затопит мир по уздечку коня. Они в этой земле – коса Божия, они посланы для отмщения и уничтожения всей скверны на земле. Прощение – грех. Они убивали всех подряд, по ночам сжигали села, города и людей, ссылаясь на то, что в Библии сказано: «В полночь раздался крик»» [5, с. 52]. Пражский проповедник Ян Желивский выступал против любого богатства, а его ученики прямо мешали ремесленникам работать, чтобы те случайно не разбогатели. В результате подлинные национально-освободительные силы, представленные чешским дворянством во главе с рыцарями Яном Жижкой из Троцнова и Яном Гвездой из Вицемилиц, стали отождествляться в глазах всей Европы с кровавыми сектантами. Неслучайно Папа Римский организовал против гуситов ряд *крестовых* походов; такие меры не принимают против повстанцев с далекой окраины. Требования гуситов были более чем умеренными: веротерпимость, причастие по православному обряду («требование чаши»), секуляризация церковных земель и равенство чехов и немцев перед законом («наказание за грехи»). Однако неуместные и кровавые выходки сектантов раз за разом расстраивали переговоры, а после того как отряды таборитов возглавил бывший священник Прокоп Голый (возможно, выходец из адамитов), началась гражданская война уже между самими чехами. Например, табориты теперь препятствовали всякому возрождению хозяйства, атакуя чешские же города в поисках «изменников». Например, в 1433 г. отряды Голого осадили Пльзень, хотя горожане не подавали даже повода и были всецело на стороне повстанческого движения. Разумеется, при таких отношениях внутри чешского лагеря не могло быть и речи об окончательной победе над германскими войсками, хотя в битвах местного значения чехи продемонстрировали высокую боеспособность. В 1437 г. был достигнут шаткий компромисс с империей, но только после того, как были уничтожены адамиты и хилиасты из числа таборитов.

Рассмотренное нами явление раскрывает механизм формирования антисистемы, в общих чертах указанный Л.Н. Гумилевым: славянская Чехия втянута в орбиту романо-германского суперэтнуса и ввергнута в политический и духовный хаос; в это время совершенно безобидная для романо-германской Англии идея национальной церкви, попав на чешскую, синкретическую почву, приводит к чудовищным результатам. Базирующееся на иностранной духовной основе движение быстро превращается из освободительного в хилиастическое и буквально разваливается под собственной тяжестью, увлекая страну в ещё больший кризис, чем в предвоенные годы. Для нас же, жителей начала XXI в., данный пример актуален тем, что в современном мире все культуры взаимно проникают друг в друга, кризисные ситуации случаются постоянно, а идеи циркулируют по миру через сеть Internet с колоссальной быстротой. Думается, процесс глобализации принесёт миру не одну антисистему.

Литература:

1. Вебер, Г. Всеобщая история в 14 т. Т 8: История средних веков, Ч 4 / Г. Вебер. – М. : изд-во К.Т. Солдатенкова, 1894. – 916 с.
2. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М. : АСТ, 2004. – 556 с.
3. Мацек, Й. Гуситское революционное движение / Й. Мацек. – М. : изд-во иностранной литературы, 1954. – 230 с.
4. Мацек, Й. Табор в гуситском революционном движении / Й. Мацек. – М. : изд-во иностранной литературы, 1956. – 586 с.
5. Шафаревич, И.Р. Социализм как явление мировой истории / И.Р. Шафаревич. – Париж : YMCA-PRESS, 1977. – 390 с.

Д.В. Жарын (Мінск, Беларусь)

КУЛЬТУРНА-ЦЫВІЛІЗАЦЫЙНЫ АСПЕКТ ДЗЕЙНАСЦІ ГАНЗЫ ВА УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ Ў XIII – ПАЧ. XVI СТСТ: ГІСТАРЫЧНЫЯ МАГЧЫМАСЦІ ДЛЯ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСІ

Усходняя Еўропа для ганзейскіх купцоў у Сярэдня вякі з’яўлялася вельмі важным рэгіёнам. З канца XII – пач. XIII ст. немцы паспяхова вялі свой гандаль у розных гарадах Усходняй Еўропы. З сабой яны прывозілі туды не толькі новыя тавары і рамёствы, але таксама і звычаі.

У першай палове XIII ст. нямецкія купцы заключылі шэраг дагавороў з усходнеславянскімі князямі, на падставе якіх маглі ў адноснай бяспецы гандаляваць па Заходняй Дзвіне і Верхнім Дняпры. Вядомыя нам дагаворы паміж немцамі і усходнімі славянамі былі заключаны ў 1210, 1212, 1223–25, 1229 гг. Гэтыя дагаворы стварылі правы падмурак гандлёвых, а разам з тым і культурных зносін жыхароў Полацкага, Віцебскага і Смаленскага княстваў з жыхарамі Заходняй Еўропы, перш за ўсё з немцамі.

Пасля далучэння Полацка да Вялікага Княства Літоўскага ў 1307 годзе ганзейскі гандаль там адбываўся пад патранажам уладароў новай дзяржавы. З XIV ст. Ганза мела ў Полацку кантору, праз якую была арганізавана дзейнасць яе купцоў.

Трэба мець на ўвазе, што купцы з Вялікага Княства Літоўскага доўгі час не мелі непасрэднага доступу да Балтыйскага мора, а разам з тым да рынкаў

Заходняй Еўропы, таму павінны былі прадаваць туды свае тавары праз ганзейскіх купцоў. Па-сутнасці, ганзейскія купцы з'яўляліся пасрэдкамі ў руху прадукцыі зямель Вялікага Княства Літоўскага ў Заходнюю Еўропу. З іншага боку, ганзейскія купцы самі імкнуліся выйсці да ўнутраных рынкаў Вялікага Княства Літоўскага, спрабавалі там набываць прадукцыю без пасрэдніцтва мясцовых купцоў. У XV ст. ганзейскім купцам было забаронена набываць прадукцыю Вялікага Княства Літоўскага на месцах яе непасрэднага вырабу, напрыклад – драўніну і попел у лясках. Тавары дазвалялася набываць толькі аптовымі партыямі ў гарадах. Гэтая мера павінна была абараніць інтарэсы купцоў Вялікага Княства Літоўскага.

Ганза пад час свайго расквіту кантралявала асноўныя марскія шляхі зносін. Аднак, кантроль Ганзы на Паўночным і Балтыйскім моры мала распаўсюджваўся на рачныя шляхі. На ўнутраных рачных шляхах галоўнымі дзеячымі асобамі з'яўляліся жыхары Вялікага Княства Літоўскага, якія цалкам трымалі рачное суднабудаўніцтва і абслугоўванне гэтых шляхоў у сваіх руках. Ганзейскія купцы, не маючы суднаў, прыстасаваных для эксплуатацыі ў рачных умовах, павінны былі наймаць іх у мясцовых жыхароў. З павілічэннем аб'ёма перавозімых тавараў узрастаў попыт на рачныя сродкі транспарту, што ў сваю чаргу выклікала развіццё ўласнага суднабудаўніцтва ў Вялікім Княстве Літоўскім. Дакладна вядома, што ў Полацку меліся карабельшчыкі, якія забяспечвалі патрэбы міжнароднага гандлю. Полацкія гараджане будавалі судны, вялі рачны сплаў. Яны абслугоўвалі полацкіх, іншагародніх і нават іншаземных купцоў [1, с. 17].

Ганзейскія купцы прывозілі ў Вялікае Княства Літоўскае розныя тавары, такія як соль, селядцы, піва, віно, паўднёвую садавіну, металы, у тым ліку срэбра, тканіны, прадукты рамеснай вытворчасці Заходняй Еўропы, некаторыя будаўнічыя матэрыялы. З беларускіх і літоўскіх зямель Вялікага Княства Літоўскага ў Заходнюю Еўропу ганзейскія купцы вывозілі ў асноўным прадукцыю сельскай і лясной гаспадаркі: воск, мёд, футра, скуры, драўніну, смалу, попел, дзёгаць, лён, каноплі і інш.

Прыбыткі ад гандлю з Ганзай заклалі падмурак дабрабыту многіх буйных гарадоў Вялікага Княства Літоўскага. Да таго, большасць гарадоў Вялікага Княства Літоўскага, з якімі Ганза вяла гандаль, у наступным атрымалі Магдэбургскае права, сталі больш самастойнымі, развіваліся ў кантэксте агульнаеўрапейскіх працэсаў таго часу.

Адначасова з гандлёвым узаемадзеяннем праходзіла і культурнае ўзаемадзеянне. Так, у многіх краінах Усходняй Еўропы нямецкія моўныя ўплывы відавочны і па сённяшні дзень. Нямецкія словы вайшлі ва ўжытак польскай, чэшскай, літоўскай, беларускай і рускай мовы, перш за ўсё ў такіх сферах як, гандаль, рамяство, гарадская культура.

У старабеларускай мове большасць нямецкіх запазычанняў таксама звязана з рамяством і гандлем. Дарэчы, само слова *гандаль* мае нямецкае паходжанне. Як сведчуць гістарычныя лексікаграфічныя крыніцы, асобныя германізмы з'явіліся ў беларускай мове не пазней XIV ст.: *баволна, ваг, лан, морг, рахаваць, шэлег*; XV ст.: *бакшта, бляха, войт, грунт, кушнір, лотыр, лымар, лядвойт, трам, фаліварак* [2, с. 128]. Вынаходніцтва друкарскага станка

Іяганам Гутэнбергам у сяр. 40-х гг. XV ст. і далейшае развіццё кніжнага друку таксама прынеслі ў старабеларускую мову словы з гэтай, на той час новай галіны вытворчасці: *друкарня, друкар, друк*. Дарэчы, у першай чвэрці XVI ст. Францыск Скарына першым з усходніх славян паспяхова скарыстаўся тэхнічным вынаходніцтвам немца для друкавання кніг. Тое, што менавіта Скарына ажыццявіў першае ў гісторыі ўсходнеславянскай культуры навукова-рэнесансавое выданне Бібліі [3, с. 390], было зусім не выпадкова. Паходзіў Францыск Скарына з заможнага купецкага роду з горада Полацка. Тут трэба ўлічваць, што горад Полацк у сярэднія вякі меў трывалыя сувязі з Ганзай. Праз ганзейскіх купцоў у Полацк траплялі не толькі заходнія тавары, але таксама інфармацыя пра гаспадарчае і культурнае жыццё Заходняй Еўропы, у тым ліку звесткі пра тэхнічныя вынаходніцтвы. Відавочна, Скарына валодаў такой інфармацыяй і ў наступным яна яму спатрэбілася. Такім чынам, дзейнасць Ганзы нельга разглядаць толькі праз прызму гандлёвых стасункаў, але трэба ўлічваць яшчэ і яе культурна-цывілізацыйны аспект.

У многіх гарадах Усходняй Еўропы паралельна з развіццём гандлёвых зносін з Ганзай праходзіла ўспрыняцце нямецкіх прававых нормаў. На падставе Магдэбургскага права ў гарадах Усходняй Еўропы ствараліся органы самакіравання. З гэтай сферы да нас прыйшлі нямецкія словы *канцэлярыя, ратуша, магістрат*. Што тычыцца іншых запазычанняў, такія словы як *дах, бровар, варштат, цуглі, куфар, бурытын, кірмаш* трапілі да нас таксама з нямецкай мовы. Многія нямецкія словы прайшлі праз гісторыю і шырока выкарыстоўваюцца ў сучаснай беларускай мове.

Акрамя моўнага уплыву ва Ўсходняй Еўропе назіраўся нямецкі архітэктурны і мастацкі ўплыў. Многія будынкі гарадоў Усходняй Еўропы былі пабудаваныя ў гатычным стылі. Гэты стыль прынеслі з сабою нямецкія перасяленцы і ганзейскія купцы. Выдатным прыкладам гатычнага стылю ў Вялікім Княстве Літоўскім сярэдзіны XV ст. можна лічыць так званы “дом Пяркунаса” у Коўне (сучасны літоўскі горад Каўнас). Даволі верагодна, што гэты дом да 30-х гадоў XVI ст. выкарыстоўваўся ганзейскімі купцамі для сходаў і захоўвання тавараў. Іншым прыкладам поздняй готыкі з’яўляецца прыгожы касцёл св. Ганны у Вільні (сучасны літоўскі горад Вільнюс) канца XV ст. Будынкі старога горада ў Рызе залічаны ЮНЭСКО да сусветнай культурнай спадчыны і таксама з’яўляюцца прыкладам архытэктурнага уплыва Ганзы.

Безумоўна, культурна-цывілізацыйны кантэкст зносін ганзейскіх купцоў з жыхарамі гарадоў Усходняй Еўропы, у прыватнасці Вялікага Княства Літоўскага, быў не адназначны па сваёй сутнасці. З аднаго боку на землях Усходняй Еўропы мела месца агрэсія крыжаносцаў і вайсковае пранікненне Ордэна, з іншага боку праходзіла мірнае гандлёвае ўзаемадзеянне з Ганзай. Пад час сутыкненняў з Ордэнам цяпелі не толькі купцы з Вялікага Княства Літоўскага і Польшчы, але ж і самі ганзейскія купцы неслі вялізарныя страты у гандлёвых справах. Ганзейскія купцы ўвесь час павінны былі прыстасоўвацца да канкрэтных падзей ва Усходняй Еўропе, ўлічваць адносіны да іх мясцовага насельніцтва, будаваць стратэгію ўзаемадзеяння з гарадскімі ўладамі і вялікімі князямі.

Развіццё краін Усходняй Еўропы у сярэднія вякі нельга ўявіць без дзейнасці Ганзы. Цесныя сувязі з ганзейскімі купцамі спрыялі дачыненню гарадоў Усходняй Еўропы да гандлёвых, эканамічных і дыпламатычных працэсаў. Гарады Полацк і Віцебск, Гродна і Брэст, Коўна і Вільня ў сярэднія вякі гандлёвымі шляхамі былі звязаныя з гарадамі і рынкамі Ганзы. У Полацку на працягу некалькіх стагоддзяў існавала кантора Ганзы, а вялікія князі літоўскія надавалі вялікую увагу гандлёвым сувязям з нямецкімі купцамі.

Гісторыя ганзейскага гандлю ў Вялікім Княстве Літоўскім і Усходняй Еўропе мае свой сучасны пазітыўны працяг. У наш час узнік так званы “Ганзейскі саюз Новага часу”, ці “Новая Ганза” – міжнароднае дабраахвотнае аб’яднанне гарадоў, якія абвясцілі за мэту захоўванне былой ганзейскай спадчыны і на гэтай падставе пашырэнне культурных і эканамічных сувязей паміж сабою. Арганізацыя існуе з 1980-га года, і ў яе склад зараз уваходзіць больш за 170 гарадоў з 15 еўрапейскіх краін [4]. “Новая Ганза” з’яўляецца бадай што самым вялікім міжнародным аб’яднаннем гарадоў.

На базе вывучэння сярэднявковай гісторыі нямецка-беларускіх гандлёвых сувязей мэтазгодна распрацаваць шэраг сумесных гісторыка-культурных праектаў, якія б сёння маглі садзейнічаць добразычлівым адносінам паміж Федэратыўнай Рэспублікай Германія і Рэспублікай Беларусь. Такія праекты могуць значна паскорыць стварэнне рэгіянальных турыстычных прадуктаў, а таксама садзейнічаць устойліваму развіццю як гарадоў, так і сельскай мясцовасці. Пажадана, каб беларускі бок у рамках міжнароднай дзейнасці “Новай Ганзы” актыўна скарыстаўся магчымасцямі кааперацыі ў эканамічнай, культурнай, сацыяльнай і іншых сферах. Удзел беларускіх гарадоў у “Новай Ганзе”, перш за ўсё Полацка і Віцебска, можа пазітыўна адбіцца не толькі на адносінах з Германіяй, але таксама з іншымі краінамі-удзельніцамі гэтай арганізацыі. Беларусі было б вельмі карысна, у рамках “Новай Ганзы”, актывізаваць культурныя і эканамічныя адносіны з суседзямі – Польшчай, Літвой, Латвіяй, Расіяй.

Наяўнасць “ганзейскай” старонцы у беларускай гісторыі дае сучаснай Беларусі выдатную магчымасць для ўдзелу ў міжнародных адукацыйных, культурных, турыстычных і іншых праектах так званай “Новай Ганзы”.

Літаратура:

1. Полоцк. Исторический очерк. – Минск, 1962. – 286 с.
2. Станкевіч, А. Аб некаторых асаблівасцях функцыявання і адаптацыі германізмаў у беларускіх гаворках // Беларусіка = Albaruthenica: Кн. 7. Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы / Рэд. Л.Кулажанка, А.Мальдзіс і інш. – Мінск: Цэнтр імя Ф.Скарыны, 1996. – 176 с.
3. Асветнікі зямлі Беларускай: Энцыкл. Даведнік / Рэдкал.: Г.П.Пашкоў і інш.; Маст. У.М.Жук. – Мн.: БелЭн, 2001. – 496 с.
4. Ганзейский союз Нового времени [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу:http://ru.wikipedia.org/wiki/Ганзейский_союз_Нового_времени. Дата доступу: 25.03.2014.

С.А. Ганус (Ужгород, Украина)

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ НЕМЕЦКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII В.

Гуманистический поворот, начавшийся в европейском сознании в ренессансную эпоху, пройдя через философско-рационалистическую инструментализацию в ходе научной революции XVII в., нашел определенное завершение в период Просвещения. В XVIII в. в процессе «очеловечения» истории произошла логичная эпистемологическая метаморфоза. Если Возрождение создает культ исторической личности, воспеваает достойных внимания современников и потомков героических персонажей, то просветители преодолевают рамки подобной традиции интереса к человеку. По мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, историки Просвещения, исходя из того, что человек – часть природы, а культура – лишь способ адекватной реализации природы человека, исключили для себя возможность разработать концепцию самого человека, ибо такая концепция предполагает изменчивость, а не постоянство человеческой природы [11, с. 125]. То есть, место «человека исторического» занял «человек вообще». С подчеркнутой категоричностью М. Фуко даже писал о том, что философские, или же этические упражнения, размышления политического характера и иные формы рефлексии в XVIII в. «не столкнулись с таким предметом, как человек... Поэтому под именем человека или человеческой природы XVIII век передал... некоторое очерченное извне, но пока еще пустое внутри пространство» [13, с. 364]. Критика чрезмерной абстрактности многих построений просветительской мысли, пожалуй, вполне понятна. Но есть ли основания по этой причине отвергать их в принципе? Так вот, мы стремимся разобраться, настолько ли уж бесплодными оказались мнения просветителей по поводу человека как монады рода людского, параметров его «естественного» состояния и исторических форм его индивидуального и общественного бытия?

Расширение пределов видимого и познаваемого мира с его неведомым ранее природным, этническим и культурно-цивилизационным многообразием, значительно ускорившееся в XVII–XVIII вв., поставило перед западноевропейскими интеллектуалами задачу обобщить весь накопленный массив информации в виде определенных систем классификации, натурфилософских и философско-исторических построений. Хронологически непрерывный и одновременно дискретный процесс историко-логического формирования самосознания европейцев как раздвоенности и разъединенности на мир «Я» и мир объективной действительности вступил в новую фазу. На повестке дня возник вопрос выработки нового отношения человека к миру, выражаемого в рефлексии по поводу таких отношений, как «я–природа», «я–социум», «я–я» [6, с. 54]. Ведь и вправду, по наблюдению Р.Ю. Виппера, европейское общество чувствовало себя твердо лишь на европейском клочке. Поэтому рассказы путешественников, коммерсантов, миссионеров, открывающих пути в иные земли и страны, иногда вовсе неведомые, «как бы на луну», читались с особым интересом [2, с. 39].

Важным являлось также и то, на основе каких принципов будут выстраиваться эти модели восприятия и понимания, классификационные схемы. Очень многое в эпоху Просвещения должно было способствовать выработке толерантного, а временами – доброжелательного и даже восхищенного (как в отношении, например, Китая, в котором, якобы, правит император-философ в окружении ученых-мандаринов) отношения к «инаковости», специфичности, отличию. Евангельская парадигма, в которой «нет эллина и нет иудея», ренессансная гуманистическая традиция, предпринимаемые еще со времен Платона попытки «утопийного» моделирования идеального и гармоничного общества и государства, осознанное стремление к непредвзятому созерцанию и рационалистической интерпретации чужого опыта, влияние космополитических идей французского Просвещения на его национальные варианты (в том числе и на немецкую просветительскую мысль) послужили той основой, на которой формировались образы восприятия «иных» государственно-политических образований, цивилизационных, этнических сообществ и их отдельных представителей.

В эпоху Просвещения доминировало представление о том, что человечество едино, и, несмотря на видимые антропологические, языковые, этнографические, хозяйственно-бытовые и культурные различия оно развивается по естественным законам в пределах как своих локальных сообществ, так и во всестороннем взаимодействии в качестве людского рода как такового. Расцвет в Германии жанра всеобщих историй именно в XVIII в. является этому выразительным свидетельством. Кроме того, эпоха Просвещения обосновала оптимистическое представление по поводу возможности усовершенствования человека в процессе его общественного развития, исходя из веры в огромные возможности человеческого разума. Каждое новое поколение в господствующем в то время понимании наследует сокровища мудрости от своих предков и что-то к ним добавляет. То есть, потомки неизбежно превосходят своих предков [11, с. 128]. При всех частностях, в просвещенческом общественно-историческом мышлении доминировало представление о поступательном развитии человечества (за исключением регрессивной концепции Ж.-Ж. Руссо), главными движителями которого были факторы не потустороннего, а «очеловеченного» характера. Показателями этого развития в направлении «вперед и вверх» были прогресс разума (наук, искусств и ремесел в терминологии того времени), морали (согласно И. Канту), гуманности (по мнению И.Г. Гердера).

Переходя к конкретике изложения ряда положений немецкой просветительской мысли мы обращаем внимание на принципиальный момент. Многочисленные германские князья и князьки с легкостью совмещали ставшую модой «просвещенность» с расточительностью, самодурством и жестокостью. Во имя «торжества» идей Просвещения эти правители пускали в дело и армию, и чиновничий аппарат и административный произвол, чем вызывали, например, среди людей искусства, устойчивую аллергию на усиленно культивируемые в Германии эстетические взгляды французских вольнодумцев [7, с. 197]. В этой стране Просвещение имело ряд особенностей, что отличало его как специфическую систему принципов и ценностей от конвенциональной модели

Просвещения французского. Носителем просветительских идей здесь был, прежде всего, образованный слой населения, передовое бюргерство, то есть, тогдашний „средний класс”. В состав этого слоя входили также представители традиционной немецкой учености [15, s. 414]. „Прикладной” характер немецкого Просвещения был связан с задачами распространения позитивного знания, разработки немецкого литературного языка, изучения проблем морали, политики, юриспруденции, государствоведения [16, s. 152]. Этико-педагогическая направленность усилий немецких просветителей, отмечал В. Дильтей, вполне закономерна. Бюргерство, лишенное в Германии возможности самовыражения в сфере социально-политической деятельности, подвизалось на поприще духовного совершенствования индивидов и общества [цит.: 5, с. 105].

Квинтэссенцией германской просветительской историософской мысли стали «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791) И.Г. Гердера. Этот труд имеет общепризнанное мировое цивилизационное значение. Момент единства людского рода в его многообразии зафиксирован уже в эпиграфе к этой книге, в качестве которого избраны строки римского поэта-сатирика Персия: «Кем быть тебе велено Богом и занимать средь людей положение какое. Это познай» [4, с. 5]. Очевидными для мыслителя были значительные отличия людей и их общностей в пределах природно-климатической среды и исторических условий их бытования. Воображение человека, а конкретнее – человеческие образы восприятия и фантазии повсюду климатически и органически определены, полагал Гердер, и повсеместно традиция руководит воображением [4, с. 199-205]. Но, тем не менее, по его убеждению, «лишь Дух рода человеческого способен охватить всю его историю в целом» [4, с. 140]. Более того, «человечество – эскиз плана, столь изобилующего силами и задатками, столь многообразный набросок, а в природе все настолько зиждется на самой определенной конкретной индивидуальности, что великие и многообразные задатки человечества могут быть лишь распределены среди миллионов живущих на нашей планете людей и как-то иначе вообще не могут проявиться», – резюмирует германский мыслитель [4, с. 440]. Поэтому, «всякий народ несет на себе печать соразмерности своего, присущего только ему и несопоставимого с другими совершенства» [4, с. 440–441]. Соответственно, любая культура и, соответственно, каждый народ имеет естественное право на существование, ибо они являются даром Божьим и наделены собственной, безотносительно к иным культурам и народам самоценностью.

Аналогичных позиций придерживались и иные властители помыслов – крупнейшие авторитеты немецкой философии и историографии. В ранней работе "О различных человеческих расах" (1775) И. Кант, демонстрируя приверженность просвещенческому космополитизму, подчеркивал, что «люди на всем пространстве земли принадлежат к одному и тому же естественному роду... как бы они вообще сильно не отличались по своему внешнему виду» [9, с. 453]. А вот в поздней работе "Антропологии с прагматической точки зрения" (1798) ученый, подавая свое понимание дефиниции "народ", трактует ее как соединение многих людей той или иной местности. Народы имеют свой характер, вытекающий из врожденных качеств человека и приобретенных в процессе совместной жизни [8]. Впрочем, по выводу философа «природные

здатки человека..., направленные на применение его разума, развиваются полностью не в индивиде, а в роде» [10, с. 9]. Предлагая, таким образом, собственное понимание соотношения общего и частного, что показательно, Кант, как «ранний», так и «поздний» не сворачивает со стези гуманистического трактования понятий, связанных с родом человеческим. А вот один из отцов-основателей норманнской теории Г.Ф. Миллер в духе XVIII в. и не без гуманистической патетики мечтал: "Хотел бы я очень, чтобы все народы признали общее свое происхождение от одного корня (в данном контексте от Бога – С.Г.) и вследствие этого отложили бы всякую ненависть и вражду между собой" [1, с. 108].

Интересно также в этом смысле обратить внимание на одну из первых историко-этнологических классификаций, предложенную А.Л. Шлецером в его «Представлении всеобщей истории» (1809). Имея достаточно материала для систематизации и сопоставлений, из общей суммы историк избрал те народы, «которые в великом сообществе мира преобладавали». Это победоносные народы – персы, татары, монголы; важные народы, украсившие мир без великих завоеваний – египтяне, финикийцы, евреи, греки. И, наконец, главные народы, соединившие оба критерия – ассирийцы, македоняне, римляне, франки, аравитяне, испанцы, британцы, россияне [14, с. 19–20]. Показательно, что определения «победоносные», «важные», «главные» аксиологически приблизительно равноценны. Шлецер не делил народы на «исторические» и «неисторические», как это позднее сделал Г.В.Ф. Гегель. Более того, историк резонно подчеркивал, что «воображение могут занимать не только «четыре монархии», выбранные может быть из тридцати других, не народ Божий, не только греки и римляне» [14, с. 27].

Нельзя не упомянуть также умозаключений известного немецкого путешественника и натуралиста Г. Форстера, состоявшего в числе участников второй кругосветной экспедиции Дж. Кука в 1772–1775 гг., а позже приглашенного Польской Эдукационной комиссией преподавать в университете Вильно (1784–1787). С огромной симпатией и сочувствием Форстер пишет о народах посещенных им земель и островов. Он естественно, не мог не попасть априори под влияние весьма распространенных в XVII–XVIII вв. представлений о преисполненной идиллической простоты жизни добрых и благородных дикарей, что служило наглядной иллюстрацией к утверждениям о многих преимуществах «естественного» состояния общества. Во всех случаях ученый стремится «раскусить» содержание и истинный смысл особенностей бытия и представлений туземцев Океании. Для него очевидно, что пасторальной идиллии нет и на экзотических архипелагах и малоисследованных землях, где также присутствуют нужда, насилие, зависть, угнетение и иные общественные пороки. Вместе с тем, ученый незыблемо верит в преимущества «цивилизованного устройства», осуждая при этом его недостатки, отчетливо просматривавшиеся в сопоставлении с «естественными» законами развития и «священными правами человека», которые он смог видеть в жизни островных сообществ во время своего научного вояжа. Подобные мысли встречаются в его описании «Путешествия вокруг света» во многих местах.

Пребывая в пределах Речи Посполитой, Форстер ужаснулся от картин бедственного хозяйственного положения страны, варварской роскоши ее аристократии и рабского состояния народа. Используя свой традиционный маркер цивилизационной зрелости, Форстер констатировал измеряемое целыми столетиями отставание Польши от других стран Европы. По его мнению, «поляки одни довели невежество и варварство до такой степени, что почти уничтожили последний след умственной силы» [цит.: 3, с. 491]. Однако упражнений на предмет чьих-либо преимуществ или ущербности ученый не предпринимал, излагая свои впечатления во время кругосветного путешествия, или же от пребывания в Восточной Европе. А ведь многим, например автору «Приключений барона Мюнгаузена» Р.Э. Распэ Россия, в частности, рисовалась страной, где по улицам бродят медведи, а снег засыпает городки и села до верхушек колоколен. Впрочем, и в этом случае мы имеем дело, скорее, не со злобной предвзятостью, а с неким юмористическим подтруниванием и желанием сделать свое сочинение занимательным.

Подытоживая, отметим, что в эпоху Просвещения в Германии с ее образцовой организацией университетского преподавания и научных исследований в условиях существенного расширения рамок познаваемого мира и неизбежно возникающей при этом потребности моделирования образа восприятия «иного» эта задача выполнялась достаточно взвешенно, толерантно и разумно. Германские философы, историки, публицисты вполне четко осознавали ограниченность рационалистических абстракций для познания многообразного мира, предлагая свои модели осмысления соотношений общее-особенное-единичное, человечество и составляющие его народы, общество и индивид. Очевидная «инаковость» в подавляющем большинстве случаев не вызывала реакции отторжения, агрессивного непонимания и невосприятия, что выражало заметную гуманистическую составляющую немецкой просветительской историософии, стремящейся к положительному, наполненному конкретикой познанию мира общества и человека.

Источники и литература:

1. Белковец, Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. – Томск: Издательство Томского университета, 1988. – 284 с.
2. Виппер, Р. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на западе. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2007. – 277 с.
3. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 548 с.
4. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества. Пер. и прим. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
5. Гурьева, И.Ю. Некоторые аспекты дильтеевской концепции немецкого Просвещения // Вопросы историографии всеобщей истории. Сб. статей под ред. д.и.н. Б.Г. Могильницкого, к.и.н. И.Ю. Николаевой. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 1986. – С.101–113.
6. Денисенко, В. Проблеми раціоналізму та ірраціоналізму в політичних теоріях нового часу європейської історії. – Львів: ПАІС, 1997. – 273 с.
7. Исторический лексикон. XVIII век. Энциклопедический справочник / Ред совет: В.Н. Кудрявцев (предс.) и др. – М.: Знание, 1997. – 800 с.

8. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/docs/kant_anthoropology.pdf
9. Кант, И. О различных человеческих расах // Кант И. Сочинения в 6 томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1963. – С. 443–472.
10. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения в 6 томах. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 5–24.
11. Мизес, Л. фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. проф. А.Г. Грязновой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с.
12. Савельева, И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. Учебное пособие. – СПб.: Алетейя, 2008. – 522 с.
13. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. С франц. – СПб.: Acad, 1994. – 408 с.
14. Шлецер, А.Л. Представление всеобщей истории. Пер. с нем. – СПб.: Типография Правительствующего Синода, 1809. – 227 с.
15. Dann, O. Das historische Interesse in der deutschen Gesellschaft des 18. Jahrhunderts. Geschichte und historische Forschung in den zeitgenössischen Zeitschriften // Historische Forschung im 18. Jahrhundert. Organisation. Zielsetzung. Ergebnisse. (12 Deutsch-Französisches Historikerkolloquium des Deutschen Historischen Instituts Paris) / hrsg. von Karl Hammer und Jürgen Voss. – Bonn: Röhrscheid, 1976. – S. 36–415.
16. Schilfert, G. Deutschland von 1648 bis 1789 (Vom Westfälischen Frieden bis zum Ausbruch der Französischen Revolution. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1980. – 266 S.

М.В. Стрелец (Брест, Беларусь)

ЕВРЕЙСКОЕ ИСКУССТВО В ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

С изгнанием большинства еврейских общин из германских городов в конце средневековья и в раннее новое время началась новая фаза еврейской культуры, которая характеризуется растущей ритуализацией. С Тридцатилетней войны до французской революции развивалась уникальная еврейская сельская культура с – по большей части – производимой ритуальной утварью для синагоги и дома (украшения для Торы, посуда для шаббата и песаха). В её разнообразных формах декора можно распознать укоренение в германские культурные ландшафты.

Имевшие в большинстве случаев форму зала сельские синагоги были скромно сложены и выглядели вовне едва ли иначе, чем заметные крестьянские дома. Внутри имелись зарешёченная женская галерея на западе, деревянная скамейка с пюпитром, а также кафедра и шкаф для Торы («арон ха кодеш»), часто только из раскрашенного дерева. В некоторых культовых заведениях Франконии и Швабии, как в Хорбе, Швабском Галле (сейчас в музее Кекенбурга) и в Беххофене всё обшитое внутреннее пространство было раскрашено молитвенными текстами и животной и растительной символикой, для чего был специально привлечён еврейский художник по имени Элизер Зюссман из населённого пункта Броды в Галиции. Часть из почти 500 сельских синагог во Франконии и Швабии имели бесценные украшения из позолоченного серебра для Торы, для которых золотых дел мастера в Аугсбурге и Нюрнберге

развили свой собственный форменный репертуар в стиле позднего барокко и рококо. К этому также относятся заметная насадка для необходимой для свитков опоры в форме скипетра, корона для Горы для праздника дарования заповедей и дополнительно одно или несколько изображений Горы, которые указывают на соответствующий шабат или на праздник, на котором должен был читаться свиток. Но важнейшей была 30-тисантиметровой длины серебряная указка в форме посоха с указательной рукой на острие, с которой читалась Тора с тем, чтобы священный текст не нужно было трогать руками.

Почти точно так же был важен сшитый из постиранной пелёнки вымпел для Горы. Это был свивальник длиной до 3,6 метров для свитков Горы, который содержал в вышитой или расписной форме ивритское имя мальчика, прошедшего обрезание, его дату рождения и благословение. Если буквы были ивритскими, то исполнение определялось местными традициями. Только в общинах германского ритуала с XV века распространённый обычай буквально связывал носителей имени с Горой и их общинами. До 1938 года синагоги часто сохраняли сотни таких вымпелов, которые вместе с тем представляли уникальное культурное свидетельство германского еврейства. Во времена национал-социализма большая часть сельских синагог с их содержимым была уничтожена, но часть культовой утвари и книг смогло быть спасённым в эмиграции, так что представление об уничтоженном культурном богатстве сохранилось [2, с. 143–145].

Точно так же как синагоги и ритуальная утварь были напечатанные на иврите или напечатанные на еврейско-немецком («дайч») книги, которые появились в таких местах для печатания, как Вильгельмсдорф, Зульцбах или Рёдельхайм. Они снабжали еврейство страны не только молитвенными и религиозными назидательными книгами, но и календарями, алфавитными досками, амулетами и собственно прокламациями, которые часто были богато иллюстрированными. Они служили приобретению религиозного образования точно так же как развлечению старых и молодых, мужчин и женщин. Для женщин имелись даже собственные, так называемые «женские библии», которые были снабжены гравюрными иллюстрациями на дереве. Как писал Якоб Таури, «жили в деревне, но не жили деревней» [1, с. 112].

Ещё одну культурную особенность можно проследить на примере развития культуры придворных евреев. Среди синагог XVIII века в городе и деревне имелись каменные сооружения, построенные или оборудованные придворными евреями. Сегодня ещё сохраняются из их числа синагоги только в Ансбахе и Файтсхёххайме (реконструировано внутреннее убранство), но старые снимки позволяют догадываться, что такие сооружения, как например, построенная в 1712 году Берендом Леманом синагога в Хальберштадте, имели не только роскошное барочное внутреннее убранство с отличной живописью, но и весьма репрезентативно воздействовали вовне благодаря большим окнам полуциркулярных арок и двойной вальмовой крыше.

Придворные евреи как финансисты имели доступ к строительным объектам князей и публично пытались привлечь их специалистов по строительству для своих собственных синагог. Так синагога общины Ансбаха была в 1744–1746 гг. сооружена придворным мастером Леопольдо Ретти. Она

имела высокий зал с восьмиугольной кафедрой. Её обрамление образует балясиновый участок со стройными, касающимися земли колоннами. По сути повторяется мотив шкафа для Торы «арон ха-кодеш», который дугообразно обрамляется двумя стройными колоннами. Восьмиугольная кафедра и поддерживаемый колоннами «арон ха-кодеш» Файтсхёххайма и Хёхберга были созданы каменотёсами вюрцбургской резиденции, которые работали у тамошнего архитектора Бальтасара Ноймана. Самсон Байерсдорф, тесть Моше, сын Гликля фон Хаммельна, смог привлечь для своей воздвигнутой вскоре после 1700 года синагоги в Байерсдорфе заводских рабочих байротской резиденции, которые ему построили каменное строение в стиле семьи строительных мастеров Динтценгоферов.

Кроме дорогих серебряных украшений для Торы придворные евреи спонсировали также особенно роскошные, расшитые золотом занавески для Торы, из которых сохранилось лишь несколько экземпляров. Их создание было специальностью еврейских мастеров по вышиванию золотом, например для Эльконе Наумбурга, который работал для ашкеназийских общин во всей Европе. Сверх того, придворные евреи продолжали старую ашкеназийскую манускриптную традицию, тем что они позволяли себе изготавливать иллюминированные, то есть снабжённые рисунками рукописи и молитвенные книги [1, с. 117–119].

Рассказ об уникальной в европейском интерьере культуре придворных евреев был бы неполон без упоминания о дорогом и роскошно построенных домах, из которых сохранилось ещё два дома: первый дом начала XVIII века принадлежал Самсону Вертхаймеру в Марктбрайте, второй дом конца XVIII века – Элиасу Зелигману.

В противовес новой культуре деревенского и придворного еврейства в старых имперских городах Франкфурте и Вормсе, которые загнали своих евреев исключительно в юденгассе, но не изгнали, была своеобразная общинная культура. С полной гордостью за старую традицию вормская община вновь оборудовала в старой форме свою средневековую синагогу после французского штурма 1689 г. за исключением барочного «арон ха-кодеш». Точно так же вновь отстроенная после пожара 1711 г. франкфуртская синагога следовала средневековому плану с крестовым ребристым сводом, лишь кафедра (бима) и «арон ха-кодеш» были барочно оборудованы.

Серебряные украшения для Торы во Франкфурте приблизительно до 1720-х гг. оставались образцом позднего ренессанса. Ханукальные подсвечники из позолоченного серебра, которые приблизительно с 1680 года изготавливались в качестве свадебных подарков для богатых семей франкфуртской еврейской улицы, свидетельствуют, что сознательно искался этот антикварный предмет и как домашний символ владельцев он был связан как выражение специфической франкфуртской еврейской идентичности. Наряду с домашними символами одинаковое самосознание демонстрируют разукрашенные надгробные камни старого еврейского кладбища на Баттон-штрассе во Франкфурте-на-Майне. Связанная с традицией культура образовала противовес барочной культуре вновь возникавших деревенских общин [2, с. 164–166].

Ограничение занятия искусством передачей ритуальной культуры ослабилось лишь с Просвещением, когда евреям также было разрешено овладевать профессией свободно творящего художника. В течение XIX века художники и скульпторы развивали позиции самосознательной индивидуальности.

Как первый еврейский художник Моритц Даниэль Оппенгайм (1800–1882 гг.) познал необходимость собственной идентичности уже во время своего обучения в дискуссии с назарейцами в 1823–1825 гг. в Риме. Хотя его раннее произведение позволяет судить об очаровании новым романтическим направлением, он не примкнул к назарейцам – в отличие от внука Мендельсона Филиппа Вайта, перешедшего в христианство, – именно потому что они были так подчёркнуто христиански направлены. Вместо этого он стал художником еврейского бюргерства; его творчество отмечено дискуссией с эмансипацией. Уже в годы его жизни стали знаменитыми его программные жанровые картины: «Возвращение добровольцев из освободительных войн к бытию на основании старых обычаев» (1833/1834 гг.), «Лаватер и Лессинг у Моше Мендельсона» (1866 г.) и, наконец, картины из древнееврейской семейной жизни, которые впервые появились в 1866 году как серия из шести литографий и до смерти Оппенгайма в 1882 году были расширены до 20 изображений и постоянно издавались. Оппенгайм этаблировал этой серией своеобразный вид картин: еврейскую жанровую картину, которая пережила свой расцвет в позднем XIX и раннем XX веке и главным образом создавалась еврейскими художниками. Эти картины из древнееврейской семейной жизни украшали еврейские торжества и праздники в полной уюта атмосфере семейного очага и вследствие этого сигнализировали о том, что еврейство уже перед эмансипацией владело всеми ценностями нового бюргерства и поэтому могло требовать равноправия [3, с. 76–122].

Среди предвестников, предзнаменований эмансипации находилось также занятие Оппенгаймом темой образования, особенно его дискуссия с Гёте. Он вновь и вновь представлял Гёте как бюргерского духовного героя (полубога); наконец, в историческом моменте, когда ему играет Феликс Мендельсон Бартольди («Мендельсон играет перед Гёте» [1865 г.]). Композитор и поэт здесь противопоставлены друг другу и таким образом представляют идеал удавшейся эмансипации. Эти изображения показывают, что Оппенгайм целенаправленно делал акцент на портрет исторической личности, чтобы представить образ нового еврейского бюргерства [2, с. 250].

Следующее за Оппенгаймом поколение еврейских художников известно, прежде всего, Максом Либерманом (1847–1935 гг.). Он родился в семье крупной берлинской еврейской буржуазии, которая успешно преодолела эмансипацию без того, чтобы отказаться от еврейской идентичности. Либерман в начале своей карьеры дискутировал со своей еврейской идентичностью как художник, но после скандала насчёт его картины «Христос в храме» (1879 г.) в Мюнхене, который разгорелся из-за того, что он как еврей отважился представить своё понимание спора Христа с фарисеями, он отвернулся от библейской исторической живописи. Школа Барбизона, французский импрессионизм и голландско-еврейский художник и график Йозеф Израэльс (1824–1911 гг.)

предопределили его центральный интерес к новой ландшафтной живописи и новому образу человека, который соответствовал светскому жизненному ощущению образованного германского бюргерства. Либерман стал выдающимся портретистом этого бюргерства, для которого религия, одинаково еврейская или христианская, означала только лишь конфессию. Он рассматривал себя как еврейско-немецкий художник, который черпал свою идентичность из симбиоза обоих элементов. В этом свете появляются его многочисленные автопортреты как непрерывная дискуссия с собственным образом как художника, немца и еврея [5, с. 37–49].

Наряду с еврейскими художниками в XIX веке впервые появились еврейские архитекторы. Некоторые из них, как например, Альбрехт Розенгартен (1803–1893 гг.), Эдвин Опpler (1831–1880 гг.) и Людвиг Леви (1854–1907 гг.) стали важными теоретиками синагогального строительства, которые программно в отношении совершенствования синагог отстояли в жёстких дискуссиях и осуществили на практике использование особого подчёркивающих исторический момент строительных стилей [7, 6, 8]. Субъекты дискуссий по-разному отвечали на следующий вопрос: «Как архитектура синагог будет коррелироваться с местом еврейских общин в буржуазном обществе?» По мнению авторитетных теоретиков, синагоги должны отчётливо выступать вовне как сакральные строения; поэтому для городских синагог стала правилом известная из христианского церковного строительства форма трёхнефной базилики. Одновременно синагоги должны были отличаться от христианских церквей, поэтому в интерьере избегалась основа с крестообразной формой.

Но решающий аргумент прослеживался отныне извне. Альбрехт Розенгартен решил при строительстве синагоги в Касселе в 1834 году на стиль полуциркулярной арки как межконфессиональный сакральный строительный стиль [7, с. 233]. Напротив, Эдвин Опpler построил в 1863–1870 гг. с ссылкой на средневековую вормскую синагогу первую неороманскую синагогу [41, с. 107]. С другой стороны Людвиг Леви предпочёл в наследство от Дрезденской синагоги Готтфрида Земперса и роскошной синагоги Эдуарда Кноблауха на Ораниенбургер-штрассе в Берлине в 1866 году мавританский строительный стиль, который должен демонстрировать восточное происхождение еврейства [6, с. 38]. Различные стилевые направления свидетельствуют, как интенсивно еврейское бюргерство участвовало во всеобщей дискуссии о строительных стилях. Стилевой плюрализм в синагогальном строительстве был выражением воли к интеграции и самосознания в публичном пространстве.

Список использованных источников:

1. Herzig, Arno: *Judische Geschichte in Deutschland - Von den Anfängen bis zur Gegenwart* / Arno Herzig. – München: Beck, 1997. – 654 S.
2. Eschwege, Helmut. *Die Synagoge in der deutschen Geschichte*, 3. Aufl. / Helmut Eschwege. – Dresden: Verlag d. Kunst, 1988. – 641 S.
3. Heuberger, Georg. *Moritz Daniel Oppenheim – Die Entdeckung des jüdischen Selbstbewußtseins in der Kunst* / Georg Heuberger, Anton Merk. – Bonn: Wienand Verlag, 1999. – 286 S.
4. Michael Brenner, Stefi Jersch-Wenzel, Michael A. Meyer (Hrsg.): *Deutsch-jüdische Geschichte in der Neuzeit*, Band 2: 1780–1871. – München: C. H. Beck, 1996. – 432 S.

5. Küster, Bernd. Max Lieberman. Ein Malerleben / Bernd Küster. – Hamburg : Ellert & Richter, 1988. – 387 S.
6. Hammer-Schenk, Harold: Edwin Opplers Theorie des Synagogenbaus. Emanzipationsversuche durch Architektur / Harold Hammer-Schenk // Hannoversche Geschichtsblätter. – 1979. – N.F. 33. – S. 99–117.
7. Rohde, Saskia. Albert Rosengarten (1809–1893). Die Anfänge des Synagogenbaus jüdischer Architekten in Deutschland / Saskia Rohde // Menora, Jahrbuch für Deutsch-Jüdische Geschichte. – 1993. – S. 228–258.
8. Böcher, Otto. Der Architekt Ludwig Levy (1853–1907) / Otto Böcher // Mitteilungen des Oberhessischen Geschichtsvereins. Neue Folge. – 1992. – Band 77. – S. 33–46.

М.И. Матюшевская (Могилев, Беларусь)

МЕТОД СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

Основатель московской школы историков рубежа XIX-XX веков школы В. О. Ключевский, методологию своего научного творчества наиболее точно описал в следующем афоризме: "Развивая мысль в речи, надо сперва схему ее вложить в ум слушателя, потом в наглядном сравнении предьявить ее воображению и, наконец, на мягкой лирической подкладке осторожно положить на слушающее сердце, и тогда слушатель – Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушным Вашим клиентом" [3, с. 400].

Анализируя творческое наследие московского профессора, один из самых известных религиозных мыслителей, историков и публицистов русского зарубежья Г. П. Федотов в статье «Россия Ключевского» (Париж, 1932 г.) отмечает: «...с 1880 года...читающая Россия впервые ознакомилась, в художественном воплощении, с совершенно новой схемой русской истории...С этих пор схема Ключевского царствует почти неограниченно. Это не одна из многих, а единственная Русская История, на которой воспитаны два поколения русских людей...» [4, с. 329]. «...Для поколения начала XX века Ключевский был еще современным, передовым. Его история удовлетворяла не только художественным, но и социологическим потребностям русского интеллигентного читателя времен первой революции. Это значит..., что Ключевский, как всякий большой человек, во многом упредил свое время – был зачинателем, а не завершителем эпохи...» [4, с. 331].

По оценке автора, важнейшее достоинство трудов В. О. Ключевского – мастерство преподнесения им исторического материала. «...В обращении со словом Ключевский может найти себе равных только среди символистов XX столетия ...» [4, с. 334].

Новация теоретического наследия В. О. Ключевского – исторический экономизм. «...Ключевский опередил расцвет исторического экономизма на Западе...Задолго до Макса Вебера, Ключевский, не теоретизируя, нащупал религиозно-психологические основы хозяйства...Экономизм Ключевского, в отличие от западной науки, связан не с юридическими формами хозяйства и не с

техникой (как в марксизме), а с бытом и нравственными основами жизни...» [4, с. 338–339]. «...Если в России исторический материализм нашел для себя сравнительно благоприятную почву, то это потому, что она была подготовлена для него Ключевским...» [4, с. 346–347].

Еще одно теоретическое достоинство трудов В. О. Ключевского – «...в разработке...социальной истории общества как совокупности классов...» [4, с. 345] По заключению Г. П. Федотова, самое лучшее в научном наследии В. О. Ключевского – созданные им социальные портреты: древнерусского князя, великорусского земледельца, московского боярина, служилого человека, портреты исторических деятелей. Научное значение этих социальных портретов заключается в том, что «...Ключевский, в отличие от марксистов, не механизует духовной культуры. Обходя ее молчанием, он, напротив, одухотворяет культуру экономическую и социальную. Под его пером она утрачивает свой схематизм, становится выражением конкретной человеческой личности. Социальная история превращается в социальную характерологию...» [4, с. 342–343].

Сам В.О.Ключевский о методологии социологического портретирования писал так: «...типические лица помогут нам полнее изучить состав жизни, их воспитавшей. В таких лицах цельно собирались и выпукло проступали такие интересы и свойства их среды, которые терялись в ежедневном обиходе, спорадически бродя по заурядным людям, разбросанными и бессильными случайностями...» [1, с. 300].

«Типические лица» В.О.Ключевский отыскивал, в первую очередь, среди реально существовавших в прошлом государственных деятелей. Их он изучал как самостоятельные исторические явления, делая подробные социально–биографические экскурсы, которым посвящал иногда целые лекции «Курса русской истории» (например, лекцию LVI о царе Алексее Михайловиче и Ф. М. Ртищеве).

Интересовавшие его «типические лица» ученый рассматривал также в общем контексте своего исследования исторического процесса. В этом случае прием типологии В. О. Ключевский соединял с ретроспективой. Историк отслеживал поведение «типических лиц» в «большом времени». Примером тому является анализ им двух типов государственных людей XVII–XVIII веков, родоначальниками которых он считал князя В.В.Голицина и А.Л.Ордин–Нащокина, выходцев из «переходного периода» Смуты [1, с. 335]. Обозревал он проблему и на протяжении «большого пространства». Здесь, пожалуй, самой удачной была его характеристика Александра I – своеобразного, как писал ученый, «типического лица», явившегося воплощением общеевропейского мировоззренческого кризиса рубежа XVIII–XIX веков [2, с. 186].

Наряду с изучением конкретных исторических личностей, при столкновении с трудностями в поиске необходимого материала В. О. Ключевский прибегал к замене их вымышленными «дуалами». Ими были либо абстрактные типы (русский вольтерьянец, петиметр и кокетка и др.), либо герои художественной литературы. Обосновывая возможность подобной замены и, в частности, использования в научном исследовании художественных образов, историк в статье «Недоросль Фонвизина» отмечал, что художественное

понимание вызывается той высшей творческой силой зрения, которая за невидимыми для всех призрачными явлениями умеет разглядеть никем не замечаемую действительность [3, с. 62]. Среди обладателей этой творческой силы зрения он особенно выделял А. С. Пушкина. По мнению В. О. Ключевского, А. С. Пушкину, как никому другому, удалось показать сложившейся в России XVII–XIX веков культурный тип русского человека, который вырос в убеждении, что он родился не европейцем, но обязан стать им. Как историческое явление, этот тип активно изучался ученым. Наиболее яркое исследование историка в этой области – статья «Евгений Онегин и его предки» [3, с. 84–101].

Данная методологическая традиция в XX столетии была продолжена учеными московской исторической школы. В частности, в своем научно-публицистическом творчестве ее разрабатывал Г. П. Федотов. Используемый им метод социологического портретирования представляет собой комплекс научно-исследовательских приемов. Он включает в себя историко-генетический метод, системный подход, типологию, принцип историзма, сравнительно-исторический и аксиологический методы. С помощью данного метода автором были созданы коллективные социальные портреты дореволюционного российского дворянства, бюрократии, буржуазии, народа, советского крестьянства, рабочих, служащих, нэпманов, партийных деятелей.

Особое внимание в своих трудах Г. П. Федотов уделяет изучению социального портрета интеллигенции. В частности, этой теме посвящены его статьи: «Трагедия интеллигенции» (Париж, 1926 г.), «Революция идет» (Париж, 1929 г.), «Письма о русской культуре» (Париж, 1938 г.), «Создание элиты» (Париж, 1939 г.). Определяя научную значимость данной темы, автор пишет: «...Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории...мы имеем дело с одной из роковых тем, в которых ключ к пониманию России и ее будущего...».[4, с. 66–67] При этом Г.П.Федотов убежден: «...бытие народов и государств оправдывается только творимой ими культурой...» [4, с. 143], а потому «...отношения между общественными классами становятся понятны лишь на фоне духовной жизни общества. Это основная тема русской истории...» [4, с. 127].

Описывая интеллигенцию как особый социальный тип русского общества, Г. П. Федотов подчеркивает: «...интеллигенция – категория не профессиональная. Это не «люди умственного труда»...» [4, с. 68]. «...Русская интеллигенция есть группа, движение, традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей...» [4, с. 71–72]. Автор с сарказмом рисует такой социальный портрет интеллигенции: «...это вечный искатель, энтузиаст, отдающийся всему с жертвенным порывом, но часто меняющий своих богов и кумиров. Беззаветно преданный народу, искусству, идеям – положительно ищущий, за что бы пострадать, за что бы отдать свою жизнь. Непримируемый враг всякой неправды, всякого компромисса. Максималист в служении идее, он мало замечает землю, не связан с почвой – святой беспочвенник (как и святой бессребренник), в полном смысле слова. Из четырех стихий ему ближе всего огонь, всего дальше земля, которой он хочет служить, мысля свое служение в терминах пламени, расплавленности, пожара. В терминах

религиозных, это эсхатологический тип христианства, не имеющий земного града, но взывающий небесного. Впрочем, именно не небесного, а «нового неба» и «новой земли». Всего отвратительней для него умеренность и аккуратность, добродетель меры и рассудительности, фарисейство самодовольной культуры. Он вообще холоден к культуре как царству законченных форм и мечтает перелить все формы в своем тигеле. Для него творчество важнее творения, искание важнее истины, героическая смерть важнее трудовой жизни. Своим родоначальником он чаще всего считает Белинского, высшим выражением (теперь) – Достоевского...» [5, с. 173].

Сравнивая развитие западноевропейского и восточноевропейского общества, Г. П. Федотов отмечает: «...Европейская интеллигенция нового времени была одним из слоев третьего сословия, питалась соками городской буржуазии, воспитывалась в ее дисциплине, защищала ее право...» [4, с. 145–146]. Питомником интеллигенции в России вплоть до 1917 года являлось дворянство. Из этих социальных корней выросло презрение российской интеллигенции к черному труду, ведению хозяйства и даже спорту. «...Привыкнув дышать разреженным воздухом идей, она с ужасом и отвращением взирала на мир действительности...Отсюда пресловутый максимализм ее программ, радикализм – тактики...Самое отношение интеллигенции к политике было не политическим отношением, а бессознательно-религиозным. Благодаря отрыву от исторической Церкви и коренного русла народной жизни, религиозность эта не могла не быть сектантской...» [4, с. 144].

Корни сектанства интеллигенции Г. П. Федотов усматривает в кенотическом типе русской святости в Древней Руси, в расколе XVII века. При этом автор замечает: «...Любопытно, что у русской интеллигенции кроме народной параллели есть и другая, все отчетливее проявляющаяся к концу XIX века. Это параллель еврейская. Недаром, начиная с 80-х годов, когда начался еврейский исход из гетто, обозначилось теснейшее слияние русско-еврейской интеллигенции не только в общем революционном деле, но и во всех духовных увлечениях, а главное, в основной жизненной установке: в пламенной беспочвенности и эсхатологическом профетизме. Это была духовная атмосфера, в своей религиозной глубине напоминающая первохристианство, но, конечно, лишенная центрального стержня веры и потому способная рождать всевозможные, порой изуверско-сектантские уклоны...» [5, с. 174].

Г.П.Федотов соглашается: «...Русские реакционеры правы, когда сближают интеллигенцию с еврейством. Они лишь извращают историческую перспективу, делая еврейство соблазнителем невинных русских юношей. Нет, орден русской интеллигенции давно сложился и вступил в единоборство с самодержавием, когда начался первый, сперва слабый, приток из гетто, притягиваемый духовным сродством. Это именно сродство заставляет близорукого западного наблюдателя рисовать «ame slave» в типично еврейских чертах. Если для многих сионистская работа в Палестине кажется делом русской интеллигенции, то Шпенглер – конечно, ненавистник ее – видит в кружках русской интеллигенции продолжение духа и традиции талмудистов. Да, был такой «особенный еврейско-русский воздух»,...однако, лишь иностранцу

простительно не различать в единстве интеллигентско-сектантского типа славянские и семиотические черты. Белинского не примешь за еврея, и о еврействе Достоевского Толстой, конечно, говорил в самом метафорической смысле. Различие тонкое, но ощутительное, – скорее в стиле, в эстетической оправе, чем в этическом содержании, каковы и все почти национальные различия...» [5, с. 174–175].

Автор заключает: «...Интеллигенция не имела классов, на которые могла бы опереться. Не заметив растущей буржуазии, она не пустила корней и в народных массах. Ведя борьбу с дворянством, она разделяла его слабости, его предрассудки. Она могла бы завладеть государством, став над классами. В России внеклассовая государственность вовсе не утопия. Но для этого нужно было уважать государство, иметь вкус к власти...В странах революционного Востока – Турции, Китае, в России XVIII века возможна диктатура интеллигенции, кующей национальное сознание. Там смысл диктатуры – просвещение, а упрощенность просвещения допускает широкие национальные партии. Русская политически активная интеллигенция XIX века жила в сектантском подполье...Из сектантских течений после 1905 года сохранился лишь большевизм...Но его диктатура означала гибель интеллигенции...» [4, с. 148].

Эти теоретические идеи Г. П. Федотова, бесспорно, остаются актуальными и интересными сегодня. Они позволяют нам по-новому оценить научную методологию московской исторической школы рубежа XIX–XX веков, сделать ее востребованной и результативной в проблемно ориентированном поиске современных гуманитарных наук.

Литература:

1. Ключевский, В.О. Сочинения : в 9 т. / В.О. Ключевский ; под ред. В.Л. Янина ; послесл. и коммент. В.А. Александров, В.Г. Зими́на. – Москва : Мысль, 1988. – Т. III : Курс русской истории. – Ч. 3. – 414 с.
2. Ключевский, В.О. Сочинения : в 9 т. / В.О. Ключевский ; под ред. В.Л. Янина ; послесл. и коммент. В.А. Александров, В.Г. Зими́на. – Москва : Мысль, 1989. – Т. V : Курс русской истории. – Ч. 5. – 476 с.
3. Ключевский, В.О. Сочинения : в 9 т. / В.О. Ключевский ; под ред. В.Л. Янина ; послесл. и коммент. Р.А. Киреевой. – Москва : Мысль, 1990. – Т. IX : Материалы разных лет. – 525 с.
4. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г.П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В.Ф. Бойкова. – Т. 1. – Санкт-Петербург : София, 1991. – 352 с. : портрет.
5. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 т. / Г.П. Федотов ; сост., вступ. ст., прим. В.Ф. Бойкова. – Т. 2. – Санкт Петербург : София, 1991. – 352 с. : портрет.

Мирко Благојевић (Београд, Србија)
**ОСПОРАВАЊА СЕКУЛАРИЗАЦИОНЕ ПАРАДИГМЕ И
ДЕСЕКУЛАРИЗАЦИЈА САВРЕМЕНОГ СВЕТА И СРПСКОГ ДРУШТВА**¹²

Мирко Благоевич (Белград, Србија)
**АНАЛИЗ ТЕОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ И ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И СЕРБСКОГО ОБЩЕСТВА**

В статье автор приводит несколько замечаний, касающихся сложившихся концепций секуляризации, которые разрабатывались мировой социологией религии в в 60-х и 70-х годах прошлого века. Затем автор обсуждает недостаточно обозначенную и систематизованную на сегодняшний день в современной социологии религии концепцию десекуляризации. Основываясь на анализе религиозных изменений, и в первую очередь в сербском обществе, автор показывает, как проявляется десекуляризация общества.

Светска социологија религије у 60-им и 70-им годинама прошлог века располагала је прилично обимном искуственом евиденцијом за доказивање актуелности процеса секуларизације, пре свега у Западним друштвима, користећи у својим истраживањима већи број индикатора религиозности и развијајући у исто време одговарајуће методе у истраживању, тј. у квантификавању религиозности односно повезаности људи са религијом и црквом на одређеном религијском и конфесионалном подручју. Али је самим тим у социологији, нарочито оној религиолошки усмереној, сазрела и свест о неким битним недостацима не само квантитативног изражавања процеса секуларизације, него и саме концептуализације секуларизационе парадигме, што се морало одразити и на њено теоријско преосмишљавање. Истина, ни сва *оспоровања* процеса секуларизације нису била без идеолошких натруха и метанаучних претпоставки, премда су сама, секуларистичкој тези приписивала иста својства. Све то показује комплексност и вишедимензионалност проблема секуларизације и недовршеност како самог концепта тако и одређених оспоровања секуларизационе парадигме у социологији религије.

Постоје неколико модела оспоровања процеса секуларизације: један од таквих је и модел оспоровања секуларизације преко схватања религије као нужног, универзалног, неуклоњивог састојка људског живота. Никакви квантитативни, нити било какви други подаци не могу довести у питање религију јер је свако толико религиозан колико сваки човек говори неки језик (Јингер). Отуда у најближој вези са овим начином оспоровања секуларизације стоји модел довођења у питање секуларизационе парадигме схватањем човека као *homo religiosus*, дакле као природно религиозног бића. Религиозност се не доводи у везу са социјалним човековим животом, она дакле није битно социјална појава него човеку религиозност долази из његовог биолошког бића (Лукман).

---

¹² Текст је рађен у оквиру пројекта која финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије у циклусу пројектног финансирања од 2011. до 2014. године под евиденционим бројем III 47010.

То у крајњем случају значи да родитељи деци преносе урођену диспозицију за религиозност¹³.

У блиској вези са оваквим начином оспоравања секуларизације јесте и схватање три кључне и неуклоњиве трансисторијске константе људског живота: већ наведена трансисторијска константа људске природе која тражи задовољење истинске и јединствене религијске потребе, затим трансисторијска константа људске ситуације уопште, тј. извесних граничних питања човекове егзистенције (смрти на првом месту) и егзистенцијалних проблема¹⁴, и без обзира како се ти проблеми конкретно предочавали поједницу или друштвеној групи, са њима човек увек излази на крај уз помоћ трансцендентног, и најзад трансисторијска константа постојања и функционисања самог људског друштва које свој основ, да би опстало, мора да тражи ван себе, ван политичког, заправо у предполитичком, у апсолутном и трансцендентном, пошто сталним критичким односом према себи, сталним преиспитивањем себе и друштва у коме живи или постављањем свог средишта, свог темеља у релативном, изазива своју сопствену пропаст [10, s, 68].

Секуларизација се оспорава и на равни проблема дефинисања појма религије. У зависности од тога у ком се значењу појам религије употребљава у искуственим истраживањима религије, зависиће и закључак о процесу секуларизације [6]. Ту је и модел оспоравања концепта секуларизације преко његове идеолошке усмерености и преко оних карактеризација које инсистирају на његовим фиктивним, митским значењима, привидној релевантности или у најбољем случају у значењу једне велике историјске приче (Лукман). Поменућемо још и модел оспоравања секуларизације преко ограничавања делокруга искуствене евиденције само на тзв. конвенционалну религиозност која је стварно подложна том процесу, али не и тзв. недоктринарна религија, невидљива, дифузна, неинституционализована религија која наводно уопште није захваћена процесом секуларизације. Одатле битна разлика коју секуларисти не праве, а треба је правити између религије и религијског, између конвенционалне, црквене религиозности и религиозности уопште (црквеност је само једна форма религиозности), између религије и световне религије. Секуларизација је само привид јер религиозност пребива у још јасно препознатљивим доменима, ван јавног и политичког јер «постоји обиље светог, само га ми не препознајемо јер није завијено у верску одору» (Хемонд).

---

¹³ Пре би се могло тврдити да родитељи на своје потомство преносе само диспозицију за усвајање одређених вредности, да мисли, верује, осећа, учи итд. Кад се тако поставе ствари, онда се не може занемарити утицај процеса социјализације на религиозност, што добро знају све цркве кад организују конфесионалну веронауку у цркви или конфесионалну веронаучну поуку у јавним школама. Тешко је приликом разумевања феномена религиозности занемарити психу појединца, искуство живота са другим људима, историјски период, целину друштвеног простора итд.

¹⁴ Даниел Бел, који је у другој половини 70-их лансирао идеју о «повратку светог» те тиме започео плодну расправу која је потом уследила, добар је пример схватања културе и религије као одговора на егзистенцијалну угроженост (predicament) људског живота. Према њему ни људска природа нити људска историја нису полазна тачка за разумевање културе. Култура је низ различитих, доследних или противуречних, тескобних одговора на суштинска питања човекове егзистенције (смрт, обавеза, љубав, трагедија...). Религија је у контексту наведеног схватања културе низ кохерентних одговора на суштинска егзистенцијална питања која подразумева кодефикацију тих одговора, одређену обредну форму која обезбеђује емоционалну повезаност људи у оквирима институционализоване организације као облика људског заједништва у коме се опет обезбеђује континуитет и трајност поменутих обреда [1, s, 14-15].

Можда је са најочигледнијом доказном снагом модел оспоравања секуларизације изравно на терену искуствене евиденције, дакле доказима које употребљава сама секуларистичка парадигма и који од средине 70-их, а посебно од 80-их, те за посткомунистичка друштва од краја 80-их и током 90-их, све видљивије показују у разним доменима религијског и друштвеног живота ревитализацију религије, и то не само «повратком светог» и различитим видовима тзв. постмодерне религиозности, већ и у њеним традиционалним, институционализованим и чак конзервативним облицима. Та врста аргументације недопуњена је и квалитативном анализом савремене социјалне и духовне ситуације модерних, посветовљених друштава у којима се налази онај најшири оквир за духовна кретања која иду у супротном смеру од утврђене доминантности секуларистичког процеса. Тако смо дошли до појма *десекуларизације*, неизоставно важног у анализи религијских промена, како савремених постиндустријских, тако и постсоцијалистичких, «транзитних» друштава.

Истина, неће сви аутори употребљавати појам десекуларизације да би означили један процес религијских промена који је на духовну сцену многих друштава ступио у другој половини 70-их година. Но, и кад се говори о ревитализацији конвенционалне религије или њеној реafirмацији, кад се исто тако говори о повратку или буђењу светог, кад се говори о новим религијским покретима и култовима или појави харизматичног хришћанства, па онда повратку мистици и појави езотеричне и окултне религиозности итд., заправо се мисли на исти ток процеса који сада доводи у питање пре тога мање-више прихваћену теорију секуларизације као доминантном тренду религијских промена са важењем за тадашња модерна, индустријска друштва. У 80-им годинама прошлог века се и даље наравно пише о секуларизацији и концепту секуларизације, али сада из једног посебног тематског аспекта, аспекта упитности о његовој ваљаности и хеуристичкој плодности, али исто тако и са аспекта упитности о аргументованој ослоњености на фактицитет, понајвише у светлу чињеница које су се односиле на друштвену и религијску ситуацију у светским размерама почетком осме деценије прошлог века. На фону таквих друштвених и религијских превирања и у самој социологији религије настаје обрт, покушај промене владајуће парадигме (не без одговора у «одбрани» парадигме од стране доследних секулариста, Вилсона на пример) која се појмовно могла изразити као кретање од секуларизације друштва према десекуларизацији, чак и религијској реконквисти (*reconquista*). Религија, дакле, поново осваја сопствено подручје религијског, али и јавног и друштвеног, подручја која су се у прошлим вековима полако губила надирањем световног устројства друштва и световног менталитета, поготову у сфери моралних (религијских) вредности. Тај обрт је виђен и у терминима застоја секуларизације или пак кризе, наравно сада не више као кризе религије него кризе секуларности, као и у терминима заокрета од десакрализације светог према повратку и обнови светог, нарочито од како се 80-их година социологија религије више почела занимати за секте и савремене култове као и за религијске групе које су се најчешће именовале као нови религијски/религиозни покрети или као групе које припадају религијама младих (*Neue Jugendreligionen*).

Детерминистички оквир поменутог заокрета је сложен од сплета неколико значајних друштвених промена око којих се социолози прилично слажу као догађајима који су парадигматично потврдили промену како положаја саме религије и религијских институција у друштву тако и духовног штимунга у култури. Са једне стране на делу је задобијање политичког значаја религијских традиција, а са друге стране поменуте традиције, најављујући свој повратак, деприватизују усвојена, синкретичка веровања и понашања, што су битни елементи процеса десекуларизације религијског живота. Ради се о догађајима који су показали да религија није изгубила, тј. да је опет повратила потенцијале да надахњује велике, колективне напоре људи за променама које се тичу саме суштине њиховог политичког и религијског живота. Конкретно, то су следећи догађаји: 1. јачање фундаментализма у исламским земљама крајем 70-их година, најпре у лику иранске исламске револуције а потом и у низу исламских политичких покрета у другим земљама, затим 2. промене религијске ситуације и у низу западних земаља, као што је на пример успон хришћанског конзервативизма у САД или јачање радикалног хришћанства у Латинској Америци, као и промена стратегије католичанства у Европи од прилагођавања модерном свету према реевангелизацији тог истог света, посебно са подстицајима који су требали да дођу од католичанства на Истоку, понајвише од пољског католичанства као најделотворнијег узора. У том смислу као следећи важан детерминистички оквир религијског обрта свакако је 3. активна или барем подржавајућа улога религије и цркве у рушењу комунистичког поретка у Средњој и Источној Европи крајем 80-их и на том темељу религијска ситуација која се може описати терминима радикалне деатеизације ових друштава у процесу повратка или приближавања широких слојева становништва деценијама потискиваној и стигматизованој религији и цркви. У комунистичким земљама дакле, религија почиње да преузима све више јавну улогу, најпре у Пољској у којој је опозиционо удружење радника *Солидарност* са Лехом Валенсом на челу исказивало свој политички бунт према комунистичком тоталитаризму преко традиционалне религијске иконографије, потом у ДР Немачкој, па у СССР-у где традиционално православље почиње да се буди након више од пола века прогона и потпуне скрајнутости од социјалистичког друштва. И најзад на просторима бивше социјалистичке Југославије и садашње Србије, у 80-им, а поготово у 90-им годинама током рата, силно, без обзира на конфесије, расте јавна, прецизније политичка (зло)употреба религије, али и смиривање у религијској стабилизацији током прве деценије новог века након идентитетских лутања кроз читав тај кризни период за који ни данас не бисмо могли рећи да је само далека успомена.

Крајем прошлог и почетком новог века, са проблемима и неједнозначностима религијских промена у правцу десекуларизације суочавају се аутори на сличан начин као што су се аутори током 50-их до 70-их година прошлог века суочавали око концепта и процеса секуларизације. Парадокс је можда и тај да се у неким случајевима ради о ауторима који су у међувремену „срушили“ своја властита теоријска полазишта. Парадигматичан је пример Питера Бергера, некада једног од озбиљних заговорника теорије секуларизације [2], који крајем прошлог века у свом, сада чувеном и често цитираном тексту [3; 5], пише о процесу десекуларизације многих друштава и чак читавог света па је

претпоставка о томе да данас живимо у секуларизованом свету погрешна. „Данашњи свет, уз неке изузетке ... је жестоко религиозан као што је одувек и био, а у неким подручјима је чак и више него раније. Ово значи да је читава литература коју су стварали историчари и друштвени научници, који су прилично комотно објавили 'секуларизациону теорију', у суштини погрешна“ [5, s, 12]¹⁵. А највише је погрешна просветитељска претпоставка да модернизација директно води до опадања религије и религиозности, иако ова претпоставка може бити тачна за нека, нпр. за Западна друштва па отуда и извесна географско-цивилизацијска сажимања секуларизационе пардигме која чини Дејвид Мартин [9, s, 123–128; 4, s, 23–24]. Међутим, јасно је да однос између модерности и религије није једноставан и једностран ни у поменутом Западним друштвима а да о друштвима која не припадају овог групи друштава и не говоримо. При свему томе, посебно су важне друштвене групе и појединци који се не прилагођавају савременом секуларизованом свету него се боре и против су секуларизације или секуларизма, да занемаримо оне појединце и друштвене групе које нису активне у том супротстављању али не могу да поднесу стање релативности друштвених вредности, индивидуалности, неизвесности и несигурности у савременом секуларизованом свету. Конзервативне, ортодоксне и традиционалне верске организације и покрети, не само у хришћанству него и у другим светским религијама – пише Бергер, који су на међународној религијској сцени активни у одбацивању или борби против секуларизационих учинака свуда су у порасту за разлику од оних покрета и организација које су уложиле силну енергију током много деценија у прилагођавању савременом свету. Све је ово важно управо због тога што се савремени процес десекуларизације понајпре дефинише и разуме у изразу *контрасекуларизације* и треба да означи друштвени процес супротан процесу секуларизације [7; 8]. То са друге стране говори о комплексности религијске и глобалне друштвене ситуације: у многим савременим друштвима сапостоје секуларизационе и контрасекуларизационе тенденције, актери и снаге па је њихово проучавање као међусобно неискључујућих процеса, и даље важан задатак савремене социологије религије.

Према томе, ако се десекуларизација савременог света тумачи увек као нека реакција на прошлу или актуелну секуларизацију или атеизацију, то онда значи да десекуларизација није свака религијска експанзија и сваки пораст религиозности или повезаности појединца и друштвених група са религијом и црквом, него је десекуларизација специјалан случај раста религије и проширење њеног друштвеног утицаја у контексту одговора на прошле или актуелне секуларизационе тенденције. Ту Бергер испољава у свом тексту о десекуларизацији света непрецизност пошто у навођењу примера бројних манифестација десекуларизације у свету наводи и оне примере животности, преживљавања и адаптације религије на услове савременог света који се не могу тумачити као реакција на процес или тенденције секуларизације. Ову непрецизност Карпов је јасно истакао у свом тексту успешног пионирског систематског покушаја концептуализације појма и процеса десекуларизације као

---

¹⁵ „Дозволите да поновим оно што сам већ рекао. Данашњи свет је масовно религиозан и јесте *све друго осим* секуларизованог света какав је предсказан (било радосно или малодушно) од стране великог броја аналитичара модерног доба“ [5, s. 20].

контрасекуларизације, вишедимензионалне религијске трансформације која обухвата друштво у целини [8, s, 114–164]. Амерички пораст религијске припадности у периоду од XVIII века, када је био низак (17%), до XX века, када је прилично висок (62%), тешко се може назвати десекуларизацијом пошто првобитно низак постатак припадности религијама није био повезан са некаквом секуларизацијом земље, али руски пораст православља и других религија (нпр. ислама и потестантизма) у савременој Русији се управо директно може довести у везу са реакцијом на претходни процес принудне атеизације и секуларизације совјетског друштва. Конфузији доприноси одуство концептуализације десекуларизације и једнозначне употребе овог појма у, пожељним, компаративним истраживањима десекуларизације широм света. Овако, у употреби је мноштво термина који некад означавају супротне тенденције од секуларизационих (секуларистичких) а некада нису повезане са одговором на секуларизацију друштва: процват, препород, ренесанса религије, обнова, ревитализација религије, фундаментализам, пораст религије, верски покрети – неки су од таквих термина.

Схватање религијских промена у контексту реакције на атеизацију и секуларизацију друштва примерено је процесу религијских промена у српском друштву од краја 80-их година прошлог века до данас. Истина, тај период није јединствен и у њему се могу идентификовати одређене фазе, нпр. почетна бурна фаза нагле десекуларизације кад су се такве религијске промене везивале, са једне стране, за претходну доминацију атеизма у култури и процесе деконструкције друштвених вредности, а са друге стране за етнорелигијску мобилизацију, хомогенизацију и протекцију нација и култура у конфликтима на знатној територији социјалистичке Југославије (1991–1995); и мање бурна фаза стабилне религијске, конфесионалне идентификације и друштвене видљивости религија и цркава (1996–2013). Такође, у објашњењу специфичности настанка тих десекуларизујућих промена, на само у постјугословенском српском, него и у осталим постјугословенским друштвима, никако не треба занемарити опште, амбијенталне, друштвене и политичке услове распада социјалистичке југословенске заједнице и стварања независних националних држава на темељима тог расцепа, као и сукобе у којима су биле уплетене три конфесионалне заједнице. Првенствено не својом заслугом до средине 90-их година, религије, конфесије и цркве ових заједница добијају такве друштвене улоге које су само час пре тога у претходном друштвеном систему биле незамисливе. Наравно, не негира се у овом смислу унутрашња, самостална религијска логика десекуларизационих тенденција, него се само указује на видљиве и делотворне активисте и актере контрасекуларизације друштва након распада социјалистичког друштвеног система. Турбулентне друштвене околности ратних конфликата у Хрватској и Босни и Херцеговини, сукоб са НАТО алијанском током 1999. године на Косову и Метохији и бомбардовање Србије, политичка превирања почетком новог века, тешка економска криза, проблем незапослености и одлива мозгова из Србије, тежак материјални положај великог броја људи, посрнула економија јесу околности у којима живи становништво у Србији. У таквом окружењу, истраживања јавног мњења показују да људи највеће поверење од свих институција имају у религијске

организације, односно у Спрску православну цркву. Омладина, на пример, у последњих двадесет година живи у описаним околностима али те околности више не делују дестимулативно, неафимативно и стигматизујуће према религији и религијским организацијама. Савремена омладина не живи више у окружењу форсиране атеистичке културе и почетком 90-их година била је социјална група која се, поред најстаријег становништва у земљи, чешће од других генерацијских и социјалних група изјашњавала у прилог конфесионалне и религијске припадности или веровања у Бога. Тај податак је симптоматичан за наведене десекуларизационе тенденције у то време, пошто су управо млади у периоду социјализма, уз радно активно становништво, били један од најатеизованијих делова социјалистичког друштва.

Литература:

1. Bell, Daniel (1986) «Povratak svetoga? Diskusija o budućnosti religije», *Lica*, br. 7–10.
2. Berger, Peter (1969) *The Sacred Canopy, Elements of a Sociological Theory of Religion*, New York.
3. Berger, Peter (1999) *The Desecularization of the World: A Global Overview, The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*, Grand Rapids: Wiiliam B. Eerdmans Publishing Company.
4. Berger, Piter (2001) «Sociologija: povlačenje poziva», u Đorđević, B. D. *Sociologija forever*, Niš, Punta.
5. Berger Piter L. (2008) *Desekularizacija sveta – preporod religije i svetska politika*, Meditteran Publishing, Novi Sad.
6. Blagojević, Mirko (2005) *Religija i crkva u transformacijama društva*, Institut za filozofiju i društvenu teoriju, IP Filip Višnjić, Beograd.
7. Karpov, Vjaceslav (2010) „Desekularization: A Conceptual Framework“, *Jouranl of Chursh and State*, Vol. 52, No. 2., P. 232–270.
8. Карпов, Вячеслав (2012) „Концептуальные основы теории десекуляризации“, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, № 2., С. 114–164.
9. Martin, Dejvid (1994) «Pitanje sekularizacije: perspektiva i retrospektiva», u *Povratak svetog?* Niš, Gradina.
10. Vrcan, Srđan (1997) «Ateizam u suvremenim prilikama», u *Iskušenja ateizma*, Niš, Gradina; JUNIR.

И.Н. Грабовская (Киев, Украина),

Т.Н. Талько (Днепропетровск, Украина)

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНЦЕВ

Актуальность постановки проблемы вытекает из того факта, что формирование этнонациональной идентичности украинцев становится одним из факторов защиты национальной культуры и ее исторических рубежей. К тому же стержневым направлением развития постклассической культуры в целом является решение проблем личностной самореализации, что, в свою очередь, невозможно без формирования представлений об аутентичном Я как каждого отдельного индивида, так и нации в целом. Современные исследователи подчеркивают, что обретение индивидом своего аутентичного Я делает человека

ответственным гражданином своей страны, способным принимать взвешенные самостоятельные решения и отвечать за последствия своих поступков. Развертывающийся процесс самоидентификации индивида в конкретной культуре приводит к формированию коллективной национальной идентичности. В свою очередь, сформированная коллективная этнонациональная идентичность является достаточным основанием для легитимации и поддержания гражданского порядка и солидарности в обществе.

В отечественной культуре поддерживается как западная «гражданская» модель национальной идентичности, основанная на рассмотрении нации как культурного сообщества, члены которого объединены общей исторической памятью, мифами, символами и традициями, так и восточная «этническая» концепция, которая основывает идентичность на общности происхождения и принадлежности к одной культуре, то есть индивид всегда несет на себе печать генетической связи с местом рождения и своим родом. Если в западной концепции народ рассматривается в качестве политического сообщества, объединенного общими законами и институциями, то в этнической модели народ представляет собой «риторический суд последней инстанции» [3, с. 20–25].

Следует отметить, что в структуру национальной идентичности наряду с классовой, экономической, политической и другими видами, вписана и религиозная идентичность, которая, как отмечал Энтони Смит, опирается на объединение культуры и ее элементов – ценностей, символов, мифов и традиций, — часто кодифицированных в обрядах и ритуалах. Таким образом религиозная идентичность сопряжена со стремлением объединить в «сообщество верных» всех, кто признает определенный символический код, соответствующую систему ценностей, представлений о сверхэмпирической реальности, традиции веры и ритуал [3, с. 10–27].

Процесс религиозной самоидентификации украинцев сегодня демонстрирует две противоположные тенденции. С одной стороны является очевидным, что «мировые религии», будь то христианство, буддизм или ислам, которые широко представлены в нашей культуре, по самой своей сути всегда стремились уничтожить этнические границы, во всяком случае, значительно их расширяли, особенно в духовном плане, тем самым выводя человека за границы этнического, с другой же стороны, давно уже выработана национальная украинская форма христианства, которая поддерживала и продолжает поддерживать этнические границы нашей культуры. Тенденцию «денационализации» поддерживает (сознательно или нет) большинство активно развивающихся на нашей земле, начиная с 1970–90-х г. прошлого века, современных неорелигиозных движений (исключая неоязыческие верования) и их ответвления – религии Нью-эйдж. Роль неорелигиозных практик в процессах этнонациональной идентификации нельзя недооценивать.

Религиозное сознание ныне отражает столкновение двух цивилизационных выборов. Один из них представлен традиционной христианской культурой, а другой – пост-христианской цивилизацией, о рождении которой свидетельствуют ньюэйджевские религиозные практики. К характерным чертам «New Age» относят неоязыческий оккультизм, эклектичное соединение восточных и западных теософских и мистических систем,

разбавленное сциентистскими концептами, целительство, ченнелинг, веру в безличностного бога и эволюцию человека в божество, в реальность контактов с внеземными цивилизациями и др. Культура активно использует ньюэйджевский словарь, как то: «новое мышление», «новый мировой порядок», «эпоха Водолея», «позитивная энергетика», «очищение чакр», «прокачка энергетических каналов» и др.

Сегодня среди защитников христианства стало модным обвинять Нью-эйдж в гендерировании общественного сознания, что якобы спровоцировало распространение гомосексуализма, лесбиянства, трансгендера и т.п. Например, О.Четверикова утверждает, что идет активная **«подготовка к провозглашению и утверждению «религии содомизма»**, которая в качестве новой, экуменической религии III тысячелетия должна заменить христианство»[5]. Среди идеологов содомии автор называет философа Мишеля Фуко, американского психиатра Джорджа Вайнберга, проф. Терезу де Лауретис, Юдифь Батлер и др. знаменитых представителей постклассической культуры.

Среди распространившихся в Украине неоязыческих Ридновирства и РУНвиризма, особое место занимает Ведическое православие. Этот русскоязычный культ не может претендовать на абсолютную новизну и оригинальность, будучи своеобразной попыткой синтеза языческого мировоззрения и достижений современного естествознания, густо замешанной на антисемитизме, сегрегационной трактовке расогенеза и разделении народов на людей света и тьмы, чистых и нечистых. Славяне, судьбой которых озабочен основатель учения в его украинском варианте Сва Святослав Николаевич, отнесены им к людям светлым и чистым, а евреи – это народ тьмы, навязавший нам христианство с целью уничтожения [2, с. 6].

Очевидно, мы имеем дело с довольно радикальной формой этнического национализма. Трактовка истории культуры в этой концепции базируется на идее славянского единства. Подобная логика иногда ныне используется в риторике радикальных восточных политических групп. Христианство здесь рассматривается как идеология оккупанта, мешающая самоидентификации славянина. Автор пишет: «На смену коммунизму снова пришла христианская религия и, порожденная иудаизмом, такая же разрушающая идеология мировой глобализации. ... В мире правит извращенная гипотеза, что мир материальный и наша задача ее изменить, вернуть истинные знания и нашу Ведическую Православную Веру. *Это ключ, с помощью которого необходимо спасти все человечество, жизнь на Земле.* Поэтому, истинная Вера не может быть чем-то оторванным, отделенным от науки и философии, это единство всех знаний, это основа жизни всего государства. В живом и явном Мире должна главенствовать идеология жизни» [2, с. 13–14].

Интересной в плане понимания особенностей и способов формирования религиозной идентичности является молодежная, в частности, студенческая среда. Исследование, целью которого было установить, изменились ли представления современной молодежи о сущности божественного и сакрального, показали, что можно говорить о непроясненности и путанности понятий и эклектичном наборе черт, которыми наделяет молодежное сознание Бога и сам феномен божественного. Просматривается некая попытка написать

«портрет» Бога, составляя его из тех черт, которые приписывает традиционная, преимущественно православная культура, и прописанных в нетрадиционных религиозных учениях божественных образов и атрибутов. С одной стороны, студенческое сознание демонстрирует попытки понять особенности духовно-личностного уровня богопознания в Церкви Христовой, но, в то же время, постоянно пытается мистифицировать этот процесс, часто вымывая собственно теистическое понимание и подменяя его суевериями, либо «человеческим, слишком человеческим». Христианское понимание того, что «Бог «выходит из своей трансцендентности к человеку и выводит его из тварной имманентности к сопричастности с собой в любви» [1, с.5], часто размывается ньюэйджевским видением божественного как проявления инопланетного сознания, а процесс сакрализации рассматривается как заражение вземными невидимыми духовными сущностями, могущими управлять человеческим сознанием и волей.

Довольно часто молодежная религиозность основывается на соединении сакрального и сексуальности. В творческих работах студентов, изучающих религиеведение, подчеркивается, что религию и сексуальность объединяет интимность. Конечно, соединение сакрального и сексуального не является чем-то новым в культуре, это было характерно и для первобытного сознания. А вот интимность в отношениях с Богом, которая устанавливает между индивидом и трансцендентным экстаическую связь, превращает Бога в «своего парня», продуцирует идею, что в каком-то смысле «все мы боги».

Иногда связь с Богом студенты отождествляют с исповедальным духом личных дневников, раскрывающих особую глубину повседневности, которая заставляет надеяться на чудо и открывать чудесную неисчерпаемость жизненного многообразия.

Следует подчеркнуть, что присущее большинству украинских студентов эклектичное соединение традиционных христианских представлений с неорелигиозными оккультными мистико-магическими взглядами свидетельствует о недостаточной духовной зрелости.

Поскольку зафиксированное состояние незрелости существенно влияет на решение основного мировоззренческого вопроса о смысле человеческого бытия, следует заняться его углубленным изучением с целью выявления позитивных и негативных влияний на характер социальных процессов в современной Украине.

Можно утверждать, что и все украинское общество также демонстрирует недостаточную зрелость. При этом под зрелостью общества следует понимать осуществленный процесс интеграции, приведший к конструктивности, творчеству и когерентности, когда сообщество способно взять на себя ответственность за жизнь каждого своего члена и решать стоящие перед ним проблемы.

Безусловно, возврат к ортодоксальному христианству, на котором настаивают многие политические силы в Украине и за ее пределами, не может стать панацеей от всех бед, хотя христианство было и остается горизонтом европейской культуры. Религия, как социальный феномен и институция, так же как и политика, склонна к дегуманизации и деперсонализации человека, поскольку ориентирована на превалирование групповых ценностей над индивидуальными. На этом, в частности, настаивает английская

исследовательница М. Хоуп, подчеркивая, что склонность к дегуманизации, присущая религиозным институтам, составляет одну из угроз современного западного общества, поскольку способствует тому, что многие его члены так и не приобретают устойчивое моральное и этическое «Я», которое способно противостоять «групповой сущности» [4, с. 154].

В заключение следует подчеркнуть, что украинцы не принадлежат к тем многочисленным этническим сообществам, идентичность которых прежде всего определяют религиозные критерии дифференциации, однако религиозная идентификация здесь также, как и во всем мире, накладывается на этнонациональную. Мы можем констатировать тот факт, что украинцы двигались в общем ходе истории, на протяжении которой, по мнению исследователей, «сферы-близнецы религиозной и этнической идентичности были если не тождественны, то очень близки» [2, с. 10–27]. Сегодня, однако, ситуация несколько изменилась. И если в предыдущие эпохи исторического развития Украины религиозная идентичность была главным определяющим фактором в формировании этнической идентичности, заставляя человека сквозь призму религиозных ценностей смотреть на свою национальную принадлежность, то в начале третьего тысячелетия религиозная идентичность носителей украинской культуры *определяющим* образом на характер этнонациональной идентификации уже не влияет. Соответственно то, что рождается как чисто религиозная община (секта) не станет основой для возникновения новой этнической общности, как это было в истории, например, с друзами. Однако невозможно сбрасывать со счетов тот факт, что наша культура пронизана многими сакральными символами и религиозные связи в обществе крепнут. Следует констатировать, что представители русской православной религиозной общности могут расколоть и реально уже раскололи этнолингвистическое население и этот религиозный раскол мешает формированию сильной и устойчивой национальной идентичности.

Литература:

1. Гаваньо, Иван. Богопізнання у Церкві Христовій: духовно-особовий рівень. Бесіда 1/ Іван Гаваньо. – Дрогобич, 2003. – 24 с.
2. Сва, С. Н. Православные веды / С.Н. Сва. – К.: «Київська правда», 2010.
3. Сміт, Ентоні Д. Національна ідентичність / Ентоні Сміт. – К.: Основи, 1994.
4. Хоуп, Мерри. Сущность женщины: Ее Сила, тайна, архетипы. Ее Богиня / Мерри Хоуп. – М.: ООО Издательский дом «София». 2006. – 224 с.
5. Четверикова, Ольга. «Новый мир» извращенцев как вселенская содомская церковь / Ольга Четверикова. – Электронный ресурс: [communitarian. ru|publikacii|novyyu_mirovoyu_poryadok_metody|](http://communitarian.ru/publikacii/novyyu_mirovoyu_poryadok_metody)

Ю.А. Яроцкая (Минск, Беларусь)
**РОЛЬ ХРИСТИАНСТВА В СТАНОВЛЕНИИ МУЗЫКАЛЬНОГО
ИСКУССТВА ЯПОНИИ**

В 1639 г. японское правительство издает указы о закрытии страны и о полном запрещении христианства на островах. Такими указами Япония закрыла себя от внешнего мира почти на два с половиной столетия. Однако уже с

конца XVIII века у японских берегов начали появляться корабли Великобритании, России и Франции. Японское правительство придерживалось изоляционной политики и отказывалось вступать в дипломатические отношения с этими странами. В 1825 г. сёгунат издал директивы, направленные на усиление береговой обороны, однако долго противостоять иностранному давлению он не мог. В июне 1853 г. в Японию прибыла военная эскадра США под командованием Мэттью Перри, который заставил японцев принять письмо президента США с требованием начать торговлю [2, с. 552]. Глава японского правительства Абэ Масахиро пообещал дать ответ за год и созвал для этого всеяпонское собрание знати. Однако общего решения они не приняли, а факт их созыва пошатнул авторитет сёгуната. В январе 1854 г. М. Перри вторично прибыл в Японию и, угрожая войной, добился подписания договора. Согласно ему, сёгунат открывал для США два порта, а также позволял строить в них американские поселения и консульства. Вскоре подобные договоры были подписаны с Россией (Симодский трактат), Англией и Францией. В 1858 г. японцы снова сделали уступки иностранным государствам и заключили с ними договоры Ансэй, которые лишили Японию таможенной независимости [2, с. 89].

В 1859 г., после заключения Японией договоров Ансэй, христианские миссионеры вновь получили право посещать страну как иностранные граждане. Однако запрет на исповедание христианства японцами снят не был. Репрессии продолжались даже после реставрации Мэйдзи в 1868 г., когда Япония вступила на путь модернизации и вестернизации. В 1868 и 1870 гг. правительство провело показательные казни японских христиан в Нагасаки, что вызвало осуждение европейских государств и США.

Первыми католическими миссионерами, вступившими на японскую землю, были Евгений Эммануэль Мермет де Кашон, и Пруденс-Серафин Бартоломей Жирард. Мермет жил в г. Хакодате, где преподавал французский язык японцам [12, с. 6]. Жирард оставался в г. Иокогаме, где в январе 1862 г. построил первую католическую церковь. Жирард проповедовал широким слоям общества: крестьянам, торговцам, и даже самураем. И уже месяц спустя 36 человек из числа новообращенных были арестованы за пропаганду «культы зла» и приговорены к смерти. Только после вмешательства главы французской дипломатической миссии, японские власти согласились отпустить их с условием, что Жирард не будет больше проповедовать по-японски [12, с. 6].

Правительство Мэйдзи не могло выработать определенного отношения к христианству, а сама политика государства была достаточно непоследовательна. С одной стороны, католические и протестантские миссионеры получили право строить церкви в крупнейших портах и проповедовать свою веру в различных городах Японии, а с другой стороны, настроение правительства было враждебным по отношению к западным миссионерам и к христианству в целом.

Первая японская конституция 11.03.1889 г. объявила возможность выбора любой религии, даже христианской: «японские подданные могут пользоваться свободой вероисповедания в рамках, не нарушающих мир и порядок и не угрожающих исполнению их обязанностей как граждан страны» [2, с. 97]. Таким образом, с этого момента, благодаря усилиям христианских миссионеров начинается знакомство японцев с музыкальной культурой Европы.

Под влиянием западной культуры появились новые жанры прозы и поэзии, философские течения. Изменения в культуре происходили под лозунгом «соответствовать современности», означавшим ориентированность на западные образцы. Одновременно с этим в некоторых кругах возник страх потерять свою самобытность, вызвавший протест против «прозападных» веяний в культуре. Появились реформаторы, которые предлагали способы вдохнуть новую жизнь в старые жанры [5, с. 193].

Зарождение музыкального искусства Японии имело теснейшую связь с процессом утверждения христианства японских островах. Роль провозвестников и первых пропагандистов искусства игры на фортепиано в Японии принадлежала исключительно католическим миссионерам [1, с. 102]. В первых храмах, построенных европейскими проповедниками, разные виды органа нередко соседствовали с клавесином и клавикордом. Фортепиано и фисгармония, появившиеся в богослужебной практике позднее, использовались вместе с органом [1, с. 102].

Началом зарождения музыкальных школ в Японии следует считать 1551 г., когда первый миссионер–иезуит Ф.Ксавье представил сёгуну Одо Набунага небольшой клавишный инструмент, по–видимому, клавикорд[1, с. 104].

В 1579–1580 гг. в храмах около г. Нагасаки миссионером Алессандро Валиньяно были установлены два органа. Иезуиты не только демонстрировали японцам музыкальное искусство, но и готовили церковных музыкантов. Возникали зародыши музыкальных учебных заведений – две семинарии, где японцы, помимо изучения духовной литературы, занимались также хоровым пением и игрой на органе и клавикорде. В 1582 г. А. Валиньяно организовал посольство в Европу для четверых японских студентов–семинаристов. Они продемонстрировали европейцам свои достижения в игре на органе. В 1585 г. японцы выступили в соборе португальского города Эвора, заслужив горячее одобрение многочисленной публики [1, с. 105]. А 3.03.1591 г. вернувшиеся послы присутствовали на личной встрече с правителем Хидэёси во дворце Джураку в Киото. Для правителя делегаты исполнили музыкальные произведения на западных инструментах: арфе, клавикорде, скрипке и лютне. Это так нравилось Хидэёси, что он дважды вызывал их на бис и обращался с музыкальными инструментами с большим любопытством [11]. Однако дальнейшего развития музыкальная культура в Японии не получила, ввиду закрытия страны вплоть до XIX в.

Начиная со второй половины XIX в. наступает новая эра – эра активного проникновения в Японию элементов европейской музыки. Процесс внедрения европейской музыкальной культуры в японское общество был очень интенсивным. Впервые японцы познакомились с европейской музыкой в исполнении военных оркестров под управлением У. Фентона (создавшего национальный военный оркестр японской армии в 1872 году) и Ф. Эккерта (создавший оркестр военно-морских сил Японии в 1879 году), а также певчих, участвовавших в христианских богослужениях[3, с. 114–115].

Первые попытки объединения элементов европейских и японских стилей осуществлялись в культовой музыке с целью привлечения верующих, когда в

ритуале церковных служб стали использоваться японские музыкальные инструменты.

Существенную роль во внедрении европейской культуры в быт японской нации сыграла реформа всеобщего школьного образования, начатая в 1872 году. Одним из основных пунктов этой реформы являлась подготовка школьных учителей–музыкантов с обучением их игре на европейских музыкальных инструментах.

Зарубежные музыканты, работавшие в Японии в последнюю четверть XIX века, ограничивались сочинением военной, придворной (государственный гимн, марши), популярной и детской (школьной) музыки, а также обработками для фортепиано песенного фольклора. Они не пытались осваивать жанры крупной формы – музыкальную драму и комедию, оперу, симфоническую поэму и сюиту. Эти жанровые сферы в Японии появились только в первые десятилетия XX века в творчестве молодых национальных композиторов [6, с. 147].

Первое знакомство японских слушателей с европейской симфонической музыкой состоялось в 1887 году на втором выпускном вечере Токийской музыкальной школы (бывшего Центра музыкальных исследований), где была исполнена одна из частей Первой симфонии Л. Бетховена [3, с. 115].

Первым среди национальных композиторов, кто получил европейское образование, был Таки Рентаро (1879–1903), которого называют японским Шубертом. Его песня «Кодзёно цуки» («Луна над руинами замка», 1901), стала широко известна каждому японцу, став народной японской песней [3, с. 115]. Среди японских музыкантов, которые получили образование за рубежом и стали всемирно известными, следует также назвать Ямада Косаку (1886–1965). Ямада сыграл большую роль в развитии оперной и симфонической музыки в Японии. Он сумел создать свой индивидуальный стиль на основе синтеза европейской музыки и японского национального стиля [9].

Мияги Мичио (1894–1956) также трудился над синтезом элементов традиционной японской и европейской музыки. Его творчество было с восторгом воспринято в Японии и за ее пределами. Наиболее известным его произведением является «Харуноуми» («Море весной», 1929), музыка, которого была сочинена как дуэт для кото и сякухати (японские национальные инструменты) [4, с. 39]. В настоящее время существуют несколько переложений этого произведения. Скрипач И.Стерн исполнил ее вместе с автором в 1955 году в Карнеги-холле в исполнении Нью-Йорского филармонического оркестра под названием «концерт для кото, флейты и оркестра», где партия сякухати была заменена флейтой [4, с. 39].

В Японии для обозначения всех жанров современной популярной музыки преимущественно вокальной и написанной под западным влиянием, является понятие «каёкёку». Его отличительными чертами являются четко обозначенное авторство песен, т.е. указание имен композитора и автора слов, презентация и распространение по каналам масс-медиа [10, с. 213]. Композитором всех первых популярных песен в западном стиле стал Накаяма Симпэй, который стремился совместить японские мелодии, основанные на традиционной пентатонике с западными музыкальными приемами инструментовки, аранжировки и музыкального сопровождения [10, с. 214].

Первыми распространенными жанрами новой для японцев популярной музыки стали военные марши (гунка), получившие особую популярность в годы японо-китайской и русско-японской войн, а затем вновь приобретшие актуальность в конце 1930-х и начале 1940-х г. С ними могли конкурировать по своей распространенности только детские песни – «сёка», предназначенные, главным образом, для обучения детей пению и развитию хорового движения в общеобразовательных школах [10, с. 214].

Музыкальная реформа Министерства образования повлекла за собой также созданиешкол балета и современного европейского танца. Главным стало изучение японцами ранее незнакомой семинотной европейской гармонии для игры на редких в то время инструментах: пианино и органе [7, с. 2].

История японского балета начинается с визита в Токио в 1912 году итальянского танцовщика и хореографа Джованни Витторио Росси. Росси стал директором и хореографом для оперных и балетных спектаклей в театре «Тэикоку», он стал и первым преподавателем классического балета японцам. Но понадобилось ещё примерно 10 лет, пока эта новая для Японии форма европейского танца стала привлекать внимание, т.к. японская традиционная культура и социальная среда, в которой стал развиваться классический балет в Японии, отличалась в корне от традиций восприятия и построения культуры Запада [7, с. 4].

Таким образом, благодаря деятельности миссионеров–иезуитов в середине XVII столетия сложились определенные предпосылки для активного становления национальных музыкальных школ игры на клавишных инструментах.

Однако интенсивно внедряться иностранная музыка стала на японской почве только после реставрации Мэйдзи, т.к. изучение и популяризация иностранной музыки в Японии стали рассматриваться как часть правительственной политики модернизации страны. Благодаря такой политике в Японии стали складываться национальные музыкальные, композиторские и балетные школы, приобретшие свои специфические черты и ставшие широко известными на Западе.

Список литературы:

1. Айзенштадт, С.А. Зарождение фортепианного искусства в странах Дальнего Востока / С.А. Айзенштадт // Идеи и идеалы. – 2007. – Т. 2. – №4. – С. 101–109.
2. Бесстремянная Г.Е. Христианство и Библия в Японии. Исторический очерк и лингвистический анализ / Г.Е. Бесстремянная. – М.: ОВЦС МП, 2006. – 318 с.
3. Ген-Ир, У. История музыки Японии в контексте музыкальной культуры дальнего Востока / У Ген-Ир // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – №46. – Том 9. – С. 108–118
4. Ген-Ир, У. Образцы традиционной музыки Китая, Кореи и Японии / У Ген-Ир // Век науки и образования. – 2012. – №10-12 (42-44). – С. 34–40.
5. Герасимова, М.П. Механизм заимствований в японской культуре / М.П. Герасимова // Япония. Ежегодник. – 2010. – № 39. – С. 192-208.
6. Дубровская, М.Ю. О формировании в Японии национальной композиторской школы (конец XIX–первая половина XX в.) / М.Ю. Дубровская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2000. – №5. – С. 143-159.

7. Жукова, А.В. Об этническом темпераменте японцев в связи с изменениями музыкально-исполнительской культуры XX–XXI вв. / А.В. Жукова // Этнографическое обозрение. – 2006. – №3. – С. 1-20.
8. История Востока. – М.: Восточная литература РАН, 2009. – Т. IV: Восток в Новое время. – 2009. – 806 с.
9. История развития музыкальной культуры Японии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://userdocs.ru/muzika/1477/index.html>. – Дата доступа: 12.12.2013
10. Катасонова, Е.Л. Мир японской популярной музыки. / Е.Л. Катасонова // Япония. Ежегодник. – 2010. – № 39. – С. 210-232.
11. Cooper, M. Spiritual Saga: the Japanese mission to Europe, 1582-1590 [Electronic resource]. – Access mode: <http://pweb.cc.sophia.ac.jp/britto/xavier/cooper/cooper02.pdf>. – Date of access: 27.11.2013.
12. Doak, K. Xavier's Legacies: Catholicism in modern Japanese culture. / K. Doak. – London: UBCPress, 2012. – 232 p.

В.В. Буднік (Гомель, Беларусь)

ЭТНАРЭЛІГІЙНАЕ ЎЗАЕМАДЗЕЯННЕ ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ НАРОДАЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ЎСХОДНЕПАЛЕСКАГА РЭГІЁНА)

Гістарычнымі ўмовамі усходнеславянскія народы апынуліся ў цесных узаемасувязях і добрых суседскіх адносінах. Асабліва плённае ўзаемадзеянне рускіх, украінцаў і беларусаў назіраецца на памежнай тэрыторыі. Таму для нас выклікае цікавасць усходнепалескі рэгіён (гомельска-бранска-чарнігаўскае памежжа, у прыватнасці), які з'яўляецца своеасаблівым гістарычным фактарам славянскага адзінства.

Актуальнасць этнарэлігійнага даследавання усходнепалескага рэгіёна звязана з тым безумоўным фактам, што рэлігійныя традыцыі з'яўляюцца важным фактарам у развіцці грамадства. Узаемадзеянне усходнеславянскіх народаў у значнай ступені вызначае не толькі эканамічную і палітычную сітуацыю, але і сацыякультурны, этнарэлігійны стан рэгіёна сёння і ў мінулым.

Мэта артыкула – на прыкладзе найбольш распаўсюджаных канфесій Гомельшчыны вызначыць узаемадзеянне суб'ектаў усходнепалескага рэгіёна ў рэлігійнай сферы як адну з формаў сацыякультурнай камунікацыі.

Заглянуўшы ў мінулае славянскіх народаў, зразумелым становіцца тое, што кантакты паміж прадстаўнікамі канфесій назіраліся напрацягу гісторыі і незалежна ад дзяржаўных межаў. Было шмат агульнага і адрознага. Нават калі звярнуцца да найбольш старажытнай рэлігіі славян, то язычніцтва (або паганства) на тэрыторыі Мазырска-Прыпяцкага Палесся не атаясамлівалася ад вераванняў суседніх славянскіх народаў [8, с. 149].

Як вядома, Гомельшчына з'яўляецца своеасаблівым цэнтрам стараверства, якое ўзнікла ў выніку царкоўнага расколу сярэдзіны XVII ст. Так, значная колькасць прыхільнікаў гэтага накірунку праваслаўя знайшлі прытулак на тэрыторыі Гомельскай вобласці, заснаваўшы слабаду Ветка. Аднак, на гэтым іх прыгоды не закончыліся. Царскі ўрад накіроўваў усю моц на ліквідацыю стараверскіх анклаваў, арганізоўваў так званыя выганкі. Крыніцы адзначаюць цікавы факт - калі адбываліся выганкі Веткі, большая частка старавераў

знаходзіла прытулак у Старадубскіх слабодах раскольнікаў, што ў сваю чаргу павялічвала насельніцтва Клімавай слабады. Такі працэс, напрыклад, назіраўся ў 1740-м і 1763 гг. Зразумеўшы, што яшчэ раз аднавіцца не атрымаецца, веткаўскія стараверы вывезлі ў Клімава сваю святыню - Пакроўскую царкву. А разам з ёй у Клімава быў перанесены цэнтр усяго паўднёва-заходняга стараверства [7, с. 32].

У другой палове XIX ст. узнікае некалькі плыняў пратэстанцкага сектанцтва. У канцы 1870-х гг. у Гомельскім павеце былі выяўлены прыхільнікі штундызму, які быў занесены сюды з паўднёвых раёнаў Расійскай імперыі, куды жыхары павета адпраўляліся на заробкі. З суседніх украінскіх губерняў сяляне прыносілі не толькі заробленыя грошы, але і новыя рэлігійныя павевы. У 1880-я гг. штундысты з'явіліся ў Рагачоўскім павеце Магілёўскай губерні і іншых месцах [2, с. 105]. А ў наш час баптысцкія абшчыны Гомельшчыны падтрымліваюць цесную сувязь са сваімі братамі па веры ў Хрыста з Чарнігаўскай і Бранскай абласцей. Ажыццяўляюць сумесныя набажэнствы, мерапрыемствы з удзелам моладзі, што знаходзіць адлюстраванне на старонках органа перыядычнага друку Саюза ЕХБ Беларусі – часопісе “Крыніца жыцця”.

Адметным з'яўляецца і тое, што працэс узаемадзеяння назіраўся і на ўзроўні народных вераванняў, забабонаў. Так, архіўныя матэрыялы 1920-х гг. зафіксавалі наступны цікавы факт: “... Сектанцкое движение в губернии не обнаруживает в последний период тенденции к дальнейшему росту и вкрапливается в деревню почти по всей губернии, помимо этого по губернии имеются случаи появления различных чудес, как например, история со священными хлебами, перенесена сюда из Украины, имеет довольно большое распространение в деревне” [3, л. 35].

У наш час ва Усходнім Палессі, як у цэлым у Беларусі, на фоне поліканфесійнай разнастайнасці дамінуюць праваслаўныя традыцыі. Найбольш плённыя камунікатыўныя працэсы назіраюцца менавіта паміж праваслаўнымі вернікамі. Пры гэтым неабходна адзначыць, што сацыякультурная камунікацыя адбываецца як на дзяржаўным узроўні (дамовы, пагадненні ў межах Саюзнай дзяржавы), так і на ўзроўні міжасабовых зносін (кантакты паміж асобнымі вернікамі, паломніцкія вандроўкі). Ужо традыцыйнай стала прысутнасць праваслаўнага духавенства на міжнародным фестывалі славянскіх народаў “Славянскае адзінства”, што ладзіцца штогод у апошні тыдзень чэрвеня каля Манумента Дружбы на памежжы Беларусі, Украіны і Расіі. Так, у лістападзе 2010 г. на гэтым гістарычным месцы адбылася сустрэча іерархаў Рускай Праваслаўнай Царквы – мітрапаліта Валакаламскага Іларыёна, архіепіскапа Чарнігаўскага і Ноўгарад-Северскага Амвросія, епіскапа Бранскага і Сеўскага Феафілакта і епіскапа Рэчыцкага Леаніда, вікарыя Гомельскай епархіі. Каля паклоннага крыжа мітрапаліт Іларыён здзейсніў малебен аб росквіце трох брацкіх народаў [6].

25 чэрвеня 2011 г. Свяцейшы Патрыярх Маскоўскі і ўсей Русі Кірыл таксама ўдзельнічаў у адкрыцці Міжнароднага фестывалю славянскіх народаў “Славянскае адзінства-2011”. У сваёй прамове кіраўнік Рускай Праваслаўнай царквы зазначыў, што неабходна паглыбіць супрацоўніцтва паміж памежнымі рэгіёнамі Расіі, Украіны і Беларусі. На яго думку, перспектыўнымі накірункамі

гэтага супрацоўніцтва могуць з'явіцца правядзенне сумесных набажэнстваў, развіццё паломніцтва, пакланенне святыням, арганізацыя культурных і грамадскіх акцый з удзелам моладзі. Менавіта гэтыя прапановы былі зафіксаваны ў плане мерапрыемстваў па супрацоўніцтву Чарнігаўскай вобласці Украіны, Бранскай вобласці Расійскай Федэрацыі і Гомельскай вобласці Рэспублікі Беларусь у межах Памежнай Супольнасці “Еўрарэгіён “Днепр” на 2012-2013 гг. (у прыватнасці, такі пункт, як садзейнічанне рэлігійным арганізацыям розных канфесій ў арганізацыі і правядзенні паломніцкіх і місіянерскіх вандровак вернікаў) [5].

Важнай складаючай і адначасова формай этнарэлігійнага ўзаемадзеяння веруючых з'яўляецца рэлігійнае паломніцтва. Так, жыхароў Кармы цяжка здзівіць колькасцю веруючых і паломнікаў, якія рэгулярна наведваюць храм святога праведнага Іаана Кармянскага. Вельмі шмат паломнікаў наведваюць храм у царкоўныя святы. Паломніцтва дазваляе веруючым дакрануцца да той ці іншай праваслаўнай святыні. Яно збліжае людзей, умацоўвае іх душы і сэрцы, дазваляе адкрыць для сябе новыя храмы і святыя месцы. Так, усяношнае набажэнства ў дзень памяці святога праведнага збірае іх неверагодную колькасць. Беларускія, украінскія і расійскія грамадзяне, падзеленыя дзяржаўнымі межамі, але аб'яднаныя верай, прымаюць ўдзел у правядзенні набажэнства. [1, с. 1]. Адным з прыкладаў паломніцкай дзейнасці з'яўляецца таксама наведванне Свята-Мікалаеўскага мужчынскага манастыра і Свята-Іаана-Кармянскую жаночую абіцель інвалідамі па зроку Бранскай рэгіянальнай грамадскай арганізацыі. Пад час наведвання вернікі мелі магчымасць не толькі памаліцца, але і даведацца аб гісторыі заснавання манастыроў, а таксама аб жыцці і дзейнасці святых беларускага Палесся [4].

Адзінства славян павінна грунтавацца не толькі на эканамічных сувязях, але і на аснове агульнасці культуры і духоўнасці. І менавіта адной з важнейшых функцый міжкультурнай камунікацыі ў сферы рэлігіі і духоўнасці з'яўляецца падтрыманне дынамічнага адзінства і цэласнасці усходнеславянскай сацыякультурнай прасторы.

Такім чынам, можна канстатаваць той факт, што працэсы сацыякультурнай камунікацыі ў рэлігійнай сферы паміж беларусамі, рускімі і ўкраінцамі на памежжы мелі месца быць як у гістарычным мінулым, так і ў наш час. Пры гэтым розніліся яны і па характары суб'ектаў камунікацыі (міжгрупавая, міжасабовая), і па ўзроўні яе працякання (на дзяржаным узроўні праз дамоўленасці і пастановы і на ўзроўні народных вераванняў).

Літаратура:

1. Дубовский, Л. И стар и млад... / Леонид Дубовский // Добрушскі край. – 2012. – 6 чэрвеня. – С. 1, 5.
2. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII-XX ст.) / В. В. Грыгор'ва, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі. – Мінск : ВП “Экаперспектыва”, 1998. – 340 с.
3. Отчеты отдела о проделанной работе, проекты постановлений // Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2629.
4. Паломники из Брянска на Гомельщине : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eparhiya.by/palomnichestvo/1338-palomniki-iz-bryanska-na-gomelschine.html>. – Дата доступа: 19.03.2014.

5. План мероприятий по сотрудничеству Черниговской области Украины, Брянской области Российской Федерации и Гомельской области Республики Беларусь в рамках Приграничного Сообщества «Еврорегион «Днепр» на 2012–2013 годы : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.econom.brk.ru/bank/deyatelnost/plan_2012_2013.doc. – Дата доступа : 19.03.2014.
6. Славянское единство–2011 : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.klsovremennik.ru/2011-04-07-14-46-12/2011-04-09-17-30-36/215-2011>. – Дата доступа : 19.03.2014.
7. Смолянкин, Н. С. Старообрядцы. Историко-краеведческий очерк / Н. С. Смолянкин. – Климово : ООО “Издательство “Наяда”, 2006. – 96 с.
8. Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / А. В. Гурко, И. В. Чавкин, Г. И. Касперович [и др.] ; НАН РБ, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы. – Минск : Беларуская навука, 2010. – 466 с.

Н.Н. Сазонова (Санкт-Петербург, Россия)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Идея развития гражданского общества, формирования политической культуры вызывает всеобщий интерес в российском обществе со второй половины XX века. Обсуждению актуальных проблем теории посвящены многочисленные конференции и публикации [2; 3; 4]. Современные интерпретации проблем гражданского общества связаны с двумя последовательными подходами. Сторонники первого подхода рассматривают гражданское общество как своего рода социальную универсалию, как весь исторический комплекс общественных отношений, противопоставленных государству в любой его форме, т.е. как все «что не есть собственно государство, власть, администрация».

Второй подход заключается в рассмотрении гражданского общества как конкретного феномена западной цивилизации, т.е. как формы существования буржуазного общества. Достаточно сослаться на немецкое выражение «*Bürgerliche Gesellschaft*» (бюргерское, городское, буржуазное общество), отождествляющее гражданское общество именно с буржуазным.

В историческом плане идеи гражданского общества следует искать в античной классике и средневековье. Как известно, в течение долгого времени само выражение гражданское общество (*civitas sive, societas civilis*) отождествлялось с государством, пока философы XVIII века не противопоставили их. Для древних греков вся общественная жизнь была политической, т.е. помимо полиса, который обозначал и совокупность всех граждан, и городское население, и государство, существовало понятие политики – права гражданства, форма правления, конституция, конкретные особенности государственного управления.

В политической философии средневековья понятие гражданское общество отражало различия с религиозными институтами, в XVII веке – с природным,

естественным состоянием. И только в XVIII веке Ж.Ж. Руссо, пожалуй, первым в политической теории четко и определенно противопоставил в своей концепции идеальной республики жесткую формальную структуризацию государства самодвижению ассоциации граждан. Характерно, что государство образуют подданные, а гражданское общество или, по терминологии Руссо, суверены – граждане. Разрабатывая свою политическую философию, автор трактата «Об общественном договоре» пытается установить, каким образом люди, вынужденные жить в государстве, могут воспользоваться его преимуществами, соединяя их с добродетелями первобытного человека. Ответ Руссо прост – путем повиновения законам, которые необходимо заново создать. С этой целью люди заключают договор, по которому каждый индивид уступает целому все природные права и становится, таким образом, подданным этого целого.

В XIX в. в Германии под большим влиянием Руссо и Французской революции возникает направление, в котором историки, юристы, философы – романтики (Фихте, Гегель) идеализируют народ, который объявляется носителем особого мировоззрения и духа. Он представляет особую сущность, отличную от государства, является прообразом того, что мы называем «обществом», т.е. объединением людей, действующих во имя своих целей. В целом, как отмечает профессор В.А. Гуторов, гегельянство является самой крайней версией концепции «государство-общество» и в его рамках возникает идея буржуазного общества как системы взаимодействующих интересов, стимулирующих развитие права. Это – исходный пункт становления марксистской теории [3, с. 101–103].

Дальнейшее развитие теории гражданского общества отражено в представлениях, связывающих возникновение гражданского общества с появлением гражданина как самостоятельного социального и политического субъекта.

На рубеже XIX – XX вв. эти особенности генезиса гражданского общества были проанализированы М.Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Опираясь на огромный исторический материал, он показал, какую роль в этом процессе играли религиозные учения аскетического пуританизма, его своеобразная практическая философия. В ее рамках сформировалась концепция индивида, обладающего собственной метафизической и моральной ценностью. Из таких индивидов в дальнейшем возникли «деловые клеточки» западного общества.

Таким образом, основным признаком западного общества является то, что в нем впервые в истории появилась возможность для формирования человека как индивидуализированной личности не в порядке исключения, а в массовых масштабах. В этом смысле западное общество резко отличалось от «традиционных» (восточных) цивилизаций, в которых интересы индивидов и групп всегда были опосредованы государством, подчинены ему.

Очевидно, что в современном обществе наиболее активные и содержательные политические процессы идут в сфере взаимодействия гражданского общества и государства. Можно высказать предположение, что в этом пространстве, где в основном разворачиваются социальные и политические движения, находится мотор политического развития, определяя и тип

государства, и характер гражданского общества. Каковы основные черты политического сознания, политической культуры, менталитета российского народа в современном обществе? Большинство экспертов сходятся в том, что наиболее распространенной в России является подданническая политическая культура. Она предусматривает ограниченное участие граждан в политической жизни. Для политической культуры значительной части россиян наиболее характерными чертами являются политическая лояльность, политическая наивность, доверчивость, склонность к политическому радикализму, идеологизированность, ограниченность личных притязаний на власть, правовой нигилизм [5, с. 263].

Участие россиян в крупных политических событиях, результаты выборов в государственные органы – все это является предметом постоянного анализа, дискуссий. Можно говорить об отчуждении общества от власти, и власти от общества. Вероятно, государство и общество могут числиться в каком-то отношении независимыми, но эта предпосылка имеет весьма ограниченный смысл. Бесспорно исторически и теоретически положение социальной философии, согласно которому общество – сущность первичная, порождающая в своем развитии разнородные формы и функции. Именно в качестве и состоянии социальности, в уровне ее развитости следует искать объяснение особенностей присущей ей власти. Как бы далеко не простиралось признание самостоятельности государственной формы организации общества, как это имеет место в тоталитарных структурах, тем не менее, бытие человека в обществе абсолютно, а в государстве относительно.

Из этого следует, что гражданское общество должно укрощать государство в его непомерных претензиях, оно должно создавать механизмы общественного контроля за его деятельностью и определять его границы и функции. В общественном сознании постоянно должно находиться понимание вторичности статуса политической сферы. Если и есть надежда на смягчение отчуждения между властью и обществом, то она связана с признанием безусловной ценности и первенства общественного принципа жизни и суверенности личности гражданина в общественном сознании.

Гражданское общество нельзя построить, это самоорганизующая система, динамичная и открытая. Судьба социального эксперимента predetermined, если под некоторую принятую рациональную конструкцию или проект подводится живой организм, понимаемый как исходный материал, а затем совершается его переделка по требованиям теории. Искусственное навязывание стандартов, которые общественное сознание и практика не могут освоить, неизбежно порождает нетерпимость как со стороны элиты, так и со стороны основной массы индивидов.

Очевидно, что процесс вызревания гражданского общества следует связывать с развитием правового государства. В этом понятии заключено важнейшее требование гражданского общества к государству – правовыми методами обеспечивать социальную справедливость, свободу, защищенность, равноправие. В этом, как представляется, и состоит главная задача современного развития России.

Литература:

- 1.Бороноев, А.О., Смирнов П.И.Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. – СПб.: Лениздат, 1992.
- 2.В поисках гражданского общества / под ред. К.Ф. Завершинского.- Великий Новгород, Нов. ГУ им. Ярослава Мудрого, 2008.
- 3.Гражданское общество: история и современность / под ред. И.И. Кального. – СПб: Юридический центр Пресс, 2002.
- 4.Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством/под ред. Л.И. Якобсона. – М.: Вершина, 2008.
- 5.Фортунатов, В. Россия в 2017 Чем закончатся эксперименты со страной? – СПб.: Питер, 2011.

Э.И. Рудковский (Витебск, Беларусь)

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА И ИДЕОЛОГИЯ

Известно, что многие западные исследователи заявляют о конце идеологии в условиях набирающих темпы процессов глобализации. Так ли это? Процессы глобализации в последние десятилетия резко вторглись в жизнь человеческого общества, затрагивают все его сферы, изменяют динамику и содержание экономической жизни, направленность и интенсивность межкультурного взаимодействия, привычные устои быта людей.

Индикатором глобализации является формирование единого, целостного, взаимозависимого и взаимопроникающего мира. Национально-государственные формы человеческого бытия постепенно утрачивают свою самодостаточность. Все мы стали свидетелями и участниками грандиозной эпопеи, когда глобальные системы не только скрепляют прежде разрозненные фрагменты целого, но и оказывают на них глубокое преобразующее воздействие. Фактически речь идет о создании глобального сообщества, в рамках которого существующие национально-государственные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных структурных единиц. Его можно назвать мегаобществом.

Следует учитывать, что современная глобализация – это закономерное и объективное явление, достаточно сложное и противоречивое, у него немало сторонников и противников. В результате при оценке глобальных процессов наблюдаются две крайности. Для одних – это панацея от всех бед, а для других – негативное явление, ускорившее социальную дифференциацию и пауперизацию населения, маргинализацию многочисленных социальных слоев и целых континентов, не входящих в «золотой миллиард» и оказавшихся на обочине социального прогресса. Кроме того, следует учитывать, что культура малых по численности этносов, а также региональная субкультура значительных по численности этнических общностей часто исчезают в условиях нарастающей интенсификации информационных процессов. Все это часто порождает «реакцию отторжения» от того государственного образования, в которое входили малые этносы. Более того, данный процесс часто сопровождается

вспышкой национализма. Но кто может сказать, что национализм не является идеологией?

Нельзя не замечать и геополитический аспект проблемы. Распад СССР явился геополитической катастрофой XX века. Исчез биполярный мир, основанный на противостоянии двух сверхдержав. Однополярный мир не является более прочной конструкцией, он стоит «на одной ноге», хотя эта «нога» и обута в американский ботинок. США определяют по своему усмотрению национальные интересы, а потом пытаются подстраивать под их обеспечение весь остальной мир. Казалось бы, после исчезновения СССР, Варшавского Договора накал идеологического противостояния, характерный для «холодной войны», должен уменьшиться. Однако действительность нам демонстрирует иные образы. По-прежнему господствуют двойные стандарты в политической практике и оценке тех или иных событий на международной арене. Яркое тому подтверждение – события в Сирии, в Украине. Никуда не исчезла черно-белая картина мира, изображаемая западными политическими лидерами и СМИ. Имеющие место быть двойные стандарты как раз и вытекают из идеологических ориентаций западного общества.

Интеграционные процессы проявляют себя, как известно, на региональном и субрегиональном уровнях. Здесь также важную роль играют социокультурные и идеологические факторы. Безусловно, решающая, первичная роль в этих процессах принадлежит экономическому сотрудничеству. Экономика, как ни крути, – это базис общества, который определяет все надстроечные явления и процессы. Однако нельзя стоять на позициях технологического детерминизма. В обществе все взаимосвязано, существуют прямые и обратные связи. Решение многообразных задач строительства Союзного государства Беларуси и России предполагает определение идеологических ориентиров и приоритетов. Вне их нельзя определить стратегию социально-экономических и политических преобразований внутри страны, цели и механизмы сотрудничества на международной арене. Идеология делает более целостным общественное сознание, влияет на морально-психологическую атмосферу в обществе.

Распространено мнение, что идеология – это неотъемлемый атрибут тоталитарного общества. Следует, конечно, признать, что господствовавшие идеологические «одежды» были изрядно потрепаны в период СССР от частого (к месту и не к месту) употребления. Вместе с тем, опыт постсоветского развития целого ряда стран показал, что любое общество (как и человек) должно иметь идейные ориентиры. Идеология – это не изобретение коммунистов, а атрибут любого государства. Именно идеологические ценности и приоритеты определяют, к примеру, отношение стран Запада к тем процессам, которые происходят на постсоветском пространстве. По масштабам и агрессивности идеологическая работа западных стран нисколько не уступают практике бывшего СССР времен холодной войны.

К сожалению, в современных условиях вопросы роли идеологии в общественной жизни не занимают того места, которое должны занимать. В этой связи хотелось бы обратиться к позиции известного российского ученого Ю. Вяземского. Он справедливо отмечает, что человек без идеологии – это человек в коме. «Сейчас идеология есть и очень мощная – это идеология успешности,

эффективности, способности обеспечить свою семью... Та (советская – Э.Р.) идеология была наполовину идеология. Тогда было много лжи и фарисейства, но были и другие ценности, и золотой телец не был центром всего. Когда я сравниваю эту идеологию с той... мне все-таки радостно, а не горько. Потому что мир стал честнее, естественнее, пусть и циничнее» [1]. С автором можно согласиться в том, что современная идеология – это идеология успешности. Его величество доллар, золотой телец стал мерилем этой успешности. И разве такая «идеология» преодолевает яко бы половинчатость той, советской идеологии? Можно ли вообще потребительскую психологию, насаждаемую массовой культурой, считать образцом целостной, а не половинчатой идеологии? Массовая культура играет роль важнейшего средства социализации в современном обществе. Семья, школа, церковь постепенно сдают свои позиции по сравнению с ее охватом и воздействием на современное молодое поколение. Порой направленность этого воздействия оказывается в существенном противоречии с теми целями и задачами, которые процесс социализации по своему назначению призван решать. Она часто выступает в роли такого фактора, который не гуманизирует индивида, а дегуманизирует его, «расчеловечивает» человека. Безусловно, современное общество становится циничнее, с этим можно согласиться. Но ведь понятия «цинизм» и «пошлость»- они где-то рядом, близко друг к другу. Легко быть снобом, поскольку не надо ни за что отвечать. Сколько бы ни говорили СМИ о свободе творчества в новой стране, а счет-то все равно в пользу культуры 60-80-х годов. Тогда она была нацелена на качественный гуманистический, а не коммерческий результат. Сегодня всем и вся заправляет на большинстве российских телеканалов и в шоу бизнесе коммерция. К примеру, в советских фильмах люди любят не праведных партийных работников и начальников великих строек, а демонстрацию тех человеческих характеров и отношений между людьми, которые рассматривались в качестве образцов жизни. Воспевались любовь, товарищество, взаимопомощь, честный труд, патриотизм, трудовая семья, т.е. речь шла о понятных и известных христианских ценностях, которые советская власть умело, использовала в практике идеологического воспитания. Пришедшая на смену советской интеллигенции новая «культурная» элита пока не смогла предложить те ценности, которые могли бы стать фундаментом подлинно человеческих отношений. Пока, кроме погони за избыточным потреблением, апологии успеха «здесь и сейчас», другого идеологического продукта стране-соседке не предложено. Правда, следует отметить, что в последнее время В. Путин и его помощники делают необходимые шаги к преодолению сложившегося положения. При этом особый акцент сделан на формирование патриотизма, гражданственности. Полагаем, что это создаст предпосылки и для формирования союзного патриотизма.

Эффективность и действенность идеологии будет определяться, прежде всего, тем, если она будет сформирована не под отдельные личности, а под народы, под общества двух братских стран, стратегические цели их развития.

Литература:

1. Вяземский, Ю. «Читайте и выигрывайте» / Ю. Вяземский // Союз. Беларусь – Россия. – 2014. – 23 января. – С. 7.

В.З. Жуков (Могилев, Беларусь)
**УСЛОВИЯ ПОЗИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
НОСИТЕЛЯМИ МУЛЬТИКУЛЬТУР И ОСНОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В
БЕЛАРУСИ**

В белорусском обществе, в главном и основном, существует атмосфера межкультурной толерантности. Основная культура белорусов и мультикультуры находятся в равном положении и свободном саморазвитии в соответствии с принципом коэволюции.

Под мультикультурами подразумеваются сохраняющиеся культурные традиции и достижения в области духовных ценностей национальных меньшинств, проживающих на территории Республики Беларусь.

В Беларуси межнациональные конфликты существуют только в виде исключений в бытовых условиях жизни и деятельности отдельных граждан (и лиц без гражданства), а также во время политических мероприятий, проводимых оппозицией, когда отдельные экстремистски настроенные молодые osoby выкрикивают националистические лозунги. Чем обусловлена утвердившаяся межкультурная толерантность?

Прежде всего, обращает на себя внимание экономическая и политическая стабильность в Республике Беларусь. Когда имеется возможность устроиться на работу или предпринять попытку открыть свое дело, тогда социальным группам не приходится искать «врага народа». И наоборот, когда система хозяйствования развалена, например, коррупцией (как это случилось в Украине), тогда социальные общности находят такого «врага» и все обвинения в плохом уровне жизни направляют в его сторону.

Белорусское государство применяет много усилий в направлении поддержания экономической стабильности, противодействия коррупции, постепенного повышения уровня и качества жизни рядовых граждан всех национальностей, сокращения колоссального различия в доходах, укрепления политики социальной защиты населения. Особое внимание отводится судьбе молодежи в сложных условиях рыночного выживания.

Экономический фактор играет главенствующую роль в любом обществе. Негативным анти примером могут послужить кризисные события в Украине. Там власть не обеспечила должным образом режим экономической стабильности. Коррупция приняла всеукраинский размах. Депутаты Верховной Рады демонстрировали возле телекамер заботу о народе в форме потасовок. В действительности шла борьба за власть на протяжении многих лет. В результате расцвел национализм и «западенцы» нашли двух врагов украинского народа в лице русскоязычных граждан, проживающих на Украине, а также России во главе с В.В. Путиным.

В Беларуси удачно была выбрана методология стратегических реформ. Вместо шоковой терапии перестройка осуществлялась методом оптимального сочетания нововведений и сохранения полезных традиций, то есть посредством дозированных рыночных преобразований. При этом большое внимание власть отводила социальной защите нуждающейся части (рядового большинства)

населения и развертыванию режима правовой государственности. В итоге мы имеем внутреннюю обстановку, в которой любой национальности нет нужды искать врага народа. Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает строгое наказание за разжигание националистической, расовой, религиозной, политической вражды, розни [1, с. 82].

В системе образования Беларуси проводится конструктивная воспитательная работа. Большинство средств массовой информации работает во благо роста и укрепления поликультурной атмосферы. Идеология белорусского государства предусматривает воспитание представителей всех национальностей, проживающих в Беларуси, в направлении адаптации жизни к условиям сосуществования разнородных культур, умению общаться с людьми, разделяющими неодинаковые национальные традиции и религиозные нормы. В качестве государственной политики осуществляется ориентация народа на диалог культур. В Беларуси отсутствует языковая проблема. Главной целью для структур власти выступает научение каждого гражданина уважительному отношению к праву любой социальной общности хранить и преумножать значимые для них ценности.

Если бы белорусское государство не противодействовало монополии одной культуры, не уделило должного внимания национальной политике и интернациональному воспитанию граждан, а также допустило свободное распространение идей национализма, то Беларусь постигла бы участь Украины.

Следует отметить то, что в комфортном белорусском обществе сохраняется возможность возникновения межнациональных конфликтов на бытовом уровне, особенно в молодежной среде. Эта проблема находится в неясном, «спящем» состоянии. При определенных обстоятельствах она (проблема национализма) может заявить о себе в запредельной форме выражения. Это обусловлено тем, что часть молодежи подверглась рыночной ресоциализации. В их сознании произошла переоценка ценностей в форме монетаризации сознания. Ради обогащения отдельные молодцы и девицы мечтают о продвижении во власть своих хозяев и ниспровержении действующей власти. Им нужно отчитаться перед заказчиками о проделанной разрушительной работе, заработать побольше денег и получить разрешение на перемену места жительства. Судьба народа их не интересует.

Обращают на себя внимание традиционные этнические особенности белорусов. Идентичность жителей Беларуси издавна характеризуется огромным трудолюбием, гостеприимством, готовностью жить и трудиться рядом с представителями любых наций и народностей. Белорусский менталитет граждан органично воспринял от национальной политики государства объединительную межнациональную идею. Самосознание и социальная психология жителей Беларуси преимущественно ориентирована на многонациональность.

В заключение необходимо указать на значение и роль благоприятной межнациональной атмосферы в жизни белорусского общества.

Результаты экономической деятельности детерминированы в некоторой степени поликультурным согласием большинства социальных групп различных национальностей.

Стабильность политической системы белорусского общества также частично предопределена рассматриваемым фактором. Провокации оппозиции, предпринимаемые периодически по команде западных персон, не были поддержаны абсолютным большинством населения Беларуси благодаря межнациональному единству.

Правовое воспитание в Беларуси также базировалось на атмосфере духовного согласия, культурного взаимопонимания и сотрудничества между представителями основной нации и национальных меньшинств.

Атмосфера устремленности к уважению прав человека любой национальности воплощена в белорусском законодательстве. Она сыграла воспитательную роль не только в отношениях между рядовыми гражданами, но также применительно к деятельности чиновников.

Идея межнационального единения представителей различных культур оказала благоприятное влияние на искусство, деятельность средств массовой информации, образование, также на положение дел в белорусской армии.

Общественный порядок в Беларуси частично предопределен духовным единством носителей различных национальных культур.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2012.

А.И. Мельникова (Могилёв, Беларусь)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Своё рассуждение на тему уполномоченного по правам человека я хотела бы начать с определения важности введения этого института. На современном этапе международное право и политика прогрессирует в постоянно возрастающем темпе, что является серьёзной причиной к изменениям в данной области в Республике Беларусь. Для интеграции нашей страны с зарубежными странами введение института Уполномоченного является одним из важнейших шагов, который бы показал желание государства обеспечить защиту прав человека от посягательств со стороны чиновников.

Институт омбудсмена прошёл свою историю становления, которая берёт своё начало в Швеции 1809 года. Но, кроме того, многие исследователи видят корни данного института уже и в Древних веках, что даёт право говорить о том, что уполномоченный по правам человека прошёл много этапов, модернизировался и, как результат, предстал уже в современном мире. На примере Швеции всё больше и больше стран стали внедрять подобную должность. Основным отличием аналогичных институтов стало официальное название, которое брала каждая страна. Например, в Швеции, Финляндии (1919 г.), Норвегии (1952 г.), Дании (1953 г.) его называют парламентским омбудсменом, в Великобритании (1967 г.) – парламентским комиссаром, на Кипре (1991 г.) – национальным правозащитником, в Греции (1969 г.) – защитником граждан, в Австрии – народным правозащитником, в Испании (1978

г.) – защитником народа, в Македонии (1991 г.) – национальным правозащитником, в Молдавии (1997 г.) – парламентским адвокатом, в Польше (1987 г.) – представителем по правам граждан, во Франции (1973 г.) – посредником Французской Республики, в Португалии (1976 г.) – уполномоченным по делам правосудия (проведором) [1, 63].

Но суть, естественно, не в названии, а в выполняемой функции содействия обществу в восстановлении нарушенных властью прав. Сейчас мы можем наблюдать развитую структуру института, классификацию, охватывающую все сферы, где могут быть нарушены права человека. Также расширился и пакет полномочий омбудсмана для более точного и результативного функционирования. Исходя из этого, можно сделать вывод, что современному обществу и государству нужен такой институт как определённая «черта», через которую нельзя переступать и которая также выступает «барьером защиты».

Всё же, теперь хотелось бы от глобального перейти к локальному, а конкретнее к Республике Беларусь. Наша страна, стремясь идти по пути господства международного права и интеграции с Европой, всё же пока не решилась сделать шаг по введению института уполномоченного по правам человека. Нельзя отрицать того, что были попытки введения данной должности даже на законодательном уровне, но, к сожалению, всё и осталось в теории. Например, в сети интернет на официальном сайте Республики Беларусь <http://www.belarus.by> 14 февраля 2012 года была размещена такая статья:

«У Беларусі магчымы разгляд пытання аб стварэнні інстытута ўпаўнаважанага па правах чалавека 13 лютага, Мінск /Кар. БЕЛТА/. У Беларусі магчымы ў бліжэйшы час разгляд пытання аб стварэнні інстытута ўпаўнаважанага па правах чалавека. Аб гэтым ішла размова на сустрэчы Прэзідэнта Беларусі Аляксандра Лукашэнкі са старшынёй Канстытуцыйнага суда Пятром Міклашэвічам, наведамлі БЕЛТА ў прэс-службе кіраўніка дзяржавы. Як растлумачыў старшыня КС, грамадзяне маглі б звяртацца да ўпаўнаважанага па найбольш важных пытаннях, якія закранаюць канстытуцыйныя правы і свабоды грамадзян, а ўпаўнаважаны па правах чалавека мог бы затым звяртацца ў Канстытуцыйны суд. Пётр Міклашэвіч таксама адзначыў, што ў краіне ўжо выпрацаваны пэўны механізм ускоснага доступу грамадзян да канстытуцыйнага правасуддзя праз упаўнаважаных суб'ектаў - урад, Палату прадстаўнікоў і Савет Рэспублікі, Вярхоўны суд, Вышэйшы гаспадарчы суд і Прэзідэнта».

Искренне веря и надеясь на то, что всё таки введение института Уполномоченного в скором времени осуществиться, хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты.

Первым из них является независимость омбудсмана, т.к. во многих странах данная должность прикреплена к какому-либо органу власти (например, к Президенту). На мой взгляд, это является неприемлемым, ведь в функцию омбудсмана входит объективная и непредвзятая оценка происходящего. Прикрепленность же ставит эту функцию под большой вопрос.

Вторым моментом является бескорыстность Уполномоченного. Естественно, это должно входить в его характерные качества. Очень не хочется

представлять омбудсмена, который желает только подзаработать, ведь он олицетворяет защиту общества, а не стремиться к коммерческим целям.

Немного хотелось бы коснуться темы, которая почему-то постоянно остаётся в тени от общества, но которая непосредственным образом вытекает из рассуждений в данной работе. Здесь имеется ввиду введённая Советом ООН в 2012 году должность спецдокладчика по ситуации в Беларуси по правам человека. А конкретнее невозможность выполнять этим лицом, возложенных на него полномочий из-за запрета въезда (отказ в выдаче визы) на территорию нашей страны. Спецдокладчик Миклош Харашти должен был непредвзято отразить ситуацию по правам человека в Республике Беларусь, своё видение существующих проблем и пути их решения. Но как это можно осуществить, не видя сложившуюся ситуацию изнутри страны?! Вместо вывода по данному вопросу остаётся только непонимание власти нашего государства, которая официально не признаёт мандат М.Харашти и не открывает доступ в страну. Ведь его наблюдения, выраженные в виде доклада, и рекомендаций по улучшению ситуации, в интересах не только общества, но и Правительства Республики Беларусь.

С одной стороны, изучив всю проблему с Уполномоченным в нашей стране, становится понятно, что нужно менять создавшуюся ситуацию, но с другой стороны – непонятно, почему никто и ничего не меняет?!

Самый основной вопрос, который возникает: «Нужен ли Республике Беларусь институт уполномоченного по правам человека?». На мой взгляд, ответ однозначен и очевиден: «Да, нужен». Ведь мы стремимся к «светлому будущему», изменению действующих порядков на более гуманные и демократические, и т.д. Конечно, нельзя утверждать то, что внедрение института Уполномоченного станет беспроблемным, но это уже будет огромным шагом, который со временем нужно лишь шлифовать.

Литературные источники:

1. Башимов, М.С. Институт омбудсмена в странах СНГ и Балтии / М.С. Башимов // Государство и право. – 2004. – №5. – С. 63–73.
2. У Беларусі магчымы разгляд пытання аб стварэнні інстытута ўпаўнаважанага па правах чалавека [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : http://www.belarus.by/by/government/events/u-belarus-magchymy-razgljad-pytannja-ab-stvarenn-nstytuta-panavazhanaga-pa-pravax-chalaveka_i_3129.html – Дата доступа : 23.03.2014.
3. Шверцлер, Н. Европейский институт омбудсмена/ Н. Шверцлер // Безопасность Евразии. – 2003. – №3. – С. 482–495.

Ю.В. Каркин (Минск, Беларусь)

ОБЩЕНИЕ – ГЛАВНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАБОТЕ СОТРУДНИКА МЧС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Во время своей профессиональной деятельности спасатель-пожарный обладает необходимыми педагогическими умениями. Прежде всего он должен найти подход к каждому работнику, а для этого нужно общение.

Общение – межличностный или межгрупповой процесс, в основе которого лежит обмен между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека [1, с. 26].

Общение включает в себя, прежде всего, обмен информацией между участниками совместной деятельности, который может быть охарактеризован в качестве коммуникативной стороны общения. Это и есть первая функция или сторона общения, важнейшим средством реализации которой является понятный общающимся язык.

Вторая сторона общения – взаимодействие общающихся, обмен в процессе речи не только словами, но и действиями, поступками.

Третья сторона общения предполагает восприятие общающимися друг друга. Очень важно, например, воспринимает ли один из партнеров по общению другого как заслуживающего доверия, умного, понятливого, подготовленного или же заранее предполагает, что тот ничего не поймет и ни в чем сообщенном ему не разберется.

Таким образом, в едином процессе общения можно условно выделить три стороны:

1. коммуникативную (передача информации);
2. интерактивную (взаимодействие);
3. перцептивную (взаимовосприятие).

Общение при кажущейся простоте некоторых своих проявлений, довольно сложный вид человеческих отношений, включающий в себя пеструю по характеру эмоционально-нравственных характеристик гамму чувств и взаимоотношений. Как и любая плодотворная деятельность, общение должно иметь свой порядок, принципы, последовательность, свои определенные средства и способы. Именно поэтому современная наука все в большей степени склоняется к мысли, что общение как существенный вид жизнедеятельности каждого человека выступает своего рода искусством, где есть свои правила, свои особенности, знать которые необходимо каждому человеку для оптимизации своей деятельности, достижения целей, в ней поставленных.

Способ общения отдельных людей, его качественные характеристики во многом отражают уровень культуры общечеловеческих взаимоотношений.

Вполне понятно, что человек в свою профессиональную деятельность привносит выработанные в ходе развития человеческой цивилизации и усвоенные им нормы общения. И в то же время общение в деятельности спасателей наполнено своим специфическим содержанием и манерой, определяемой системой его профессионального обучения и воспитания, функциональным предназначением. Однако профессионализм общения, тот или иной его уровень развития у каждого свой собственный, хотя, казалось бы, люди, получив одни и те же знания, в одной и той же школе, должны одинаково их и применять на практике. Но в жизни так случается не часто. Бывает же, что и найденный ранее удачный стиль общения перестает работать, ибо не учтены новые изменившиеся условия, не внесена определенная корректура в манеру и способы общения. Чем более содержательной по объему и характеру является деятельность офицера, тем более многогранным, разнообразным выступает

общение. Деятельность задает направленность, характер и виды общения, определяет требования и уровень его культуры.

Учет в процессе общения индивидуально-психологических качеств личности спасателя, модальности, пристальное внимание к жестам и мимике собеседника, «подстройка» по позе - все это позволит сделать процесс делового общения эффективным и достигать поставленных целей.

Существует некоторая совокупность психологических принципов и правил межличностного общения, нарушая или игнорируя которые, любой человек рискует создать в общении искусственные барьеры [2, с. 162].

Оптимальное сочетание вербальных и невербальных средств общения при ведении делового диалога считается настоящим искусством, овладеть которым достаточно непросто, но к чему необходимо стремиться.

Например, очень важно в процессе общения учитывать дистанцию. Каждому виду общения соответствует определенное расстояние, на котором друг от друга располагаются собеседники (коммуниканты):

- Дистанция интимного общения – 0,5 метра и ближе;
- Дистанция личного общения (с друзьями) – от 0,6 до 1, 2 метра;
- Дистанция делового общения – от 1, 2 до 3,6 метра, причем величина дистанции зависит от степени формальности отношений.
- Дистанция публичного общения – от 3,7 метров.

Существует закономерность в использовании вербальных и невербальных средств общения: с увеличением дистанции возрастает роль невербальных элементов общения.

Следующим элементом парадигмы правил и элементов общения является темп речи. Установлено, что темп свыше 2,5 слов в секунду создает семантический барьер (проблема восприятия и понимания) в общении.

Но даже при соблюдении всех вышеприведенных правил и учета элементов общения процесс информационно-предметного взаимодействия между партнерами может протекать исключительно неэффективно по причине отсутствия мотивации (заинтересованности) у собеседника. Поэтому при общении очень важно создать атмосферу взаимной заинтересованности предметом разговора.

Разнообразная информация, получаемая при общении, служит для того, чтобы сформировалось наше представление о человеке (с кем общаемся).

Представление как сложное образование включает в себя:

- Образ человека, предполагаемые качества и особенности;
- Отношение к человеку, чувства по отношению к нему;
- Понимание и объяснение его поведения.

Первые две составляющие представления формируются при общении уже в течение первых нескольких минут. На данном этапе, когда информации недостаточно, представление заключается в формах «плохой-хороший», «симпатичный-несимпатичный». Факторами симпатии на раннем этапе формирования представления являются:

- Внешние данные (играют роль с 4-летнего возраста). Неосознанно люди, подчиняясь стереотипу «красивого и справедливого мира» приписывают

плохие качества некрасивым людям (мошенники часто используют эту особенность человеческой психологии).

- Анкетные данные (пол, национальность, символы статуса и т.д.).

Психологи утверждают, что первое впечатление о человеке самое сильное (так называемый эффект новизны), и об этом необходимо помнить государственному инспектору по пожарному надзору, организуя деловые встречи с руководителями и иными должностными лицами объектов хозяйствования в рамках ознакомления с обслуживаемой территориально - административной единицей.

Значительно затруднить процесс общения могут разнообразные барьеры: информационно-дефицитный, эмоциональный барьер (влияние на понимание информации эмоционального состояния), барьер непонимания (дефекты речи, незнание языка), семантический барьер (слэнги и жаргоны), стилистическое несоответствие общения и ситуации, логический барьер, основной причиной возникновения которых, по словам специалистов, являются социально-культурные различия.

Существует некоторая система приемов преодоления барьеров в общении: прием «имя собственное» (основан на произнесении вслух имени партнера). Вызывает у партнера чувство удовлетворения; «зеркало отношений» (добрая улыбка и приятное выражение лица) и дружеские эмоции; «золотые слова» (высказывание комплиментов в адрес партнера, способствующих эффекту внушения); «терпеливый слушатель» (выслушивание проблем клиента. Реализуется право на самоутверждение).

Таким образом, любой вид общения с человеком подчиняется своим очень сложным закономерностям объективного и субъективного характера. Знание работниками органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям основ различных видов общения – неперемное условие его эффективной деятельности.

Литература:

1. Бориснёв, С.В. Социология коммуникации. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
2. Введение в психологию // Под ред. А.Б.Петровского. – М.: Издательский центр «Академия», 1997. – 496 с.

А.М. Лявіцкі (Мінск, Беларусь)

**БЕЛАРУСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПАСЛЯ 1991 ГОДА:
ПЛЮРАЛІСТЫЧНАСЦЬ ГІСТАРЫЧНАГА ТЭКСТУ ЯК
АДЛЮСТРАВАННЕ КУЛЬТУРНАЙ ГЕТЭРАГЕННАСЦІ ГРАМАДСТВА**

Як вядома, у перыяд існавання Савецкага Саюза гістарычныя веды апынуліся ў досыць складаным становішчы. У выніку палітыкі кіраўніцтва КПСС у гістарыяграфіі з 1930-х гг. у якасці неаспрэчнай запанавала марксісцка-ленінская метадалогія, у выніку чаго ўтварылася своесаблівая “гістарыяграфічная монакультура” [1, с. 22]. Яна асягала не толькі метадалогію гістарычных даследаванняў. Рэгуляванню падлягалі таксама тэматыка гістарычных прац, інтэрпрэтацыя тых ці іншых падзей, выкарыстаная літаратура. Зразумела, дадзеная рамка магла парушацца – рознымі спосабамі, напрыклад,

пры дапамозе наўмыснага выхаду аўтара за межы прафесійнага поля вытворчасці гістарычных ведаў, як гэта рабіў, напрыклад, М.Ермаловіч (гл. напр. ягоны артыкул [2]).

Пасля 1991 г. (у сапраўднасці, ужо з канца 1980-х гг.) сітуацыя рэзка змяняецца. Гісторыкі становяцца перад неабходнасцю выпрацоўкі новых гістарычных наратываў і засваення раней недапушчальных метадалагічных падыходаў. У 1991–1993 гг. узнікае новы праект апісання гістарычнага мінулага Беларусі – т.зв. нацыянальная канцэпцыя (гл. напр. [3]). Дадзенае канцэптэуальнае абнаўленне беларускай гістарычнай навукі тычылася, аднак, у першую чаргу ацэначна-інтэрпрэтацыйнага і факталагічнага боку гістарычнага тэксту, толькі дэкларацыйна абвешчаючы намер забяспечыць плюралістычнасць метадалогіі. У выніку, пры фармальным адыходзе ад марксісцкай парадыгмы, беларускія гісторыкі выкарыстоўвалі звычайныя спосабы навуковай работы [1; 4].

Разам з тым, абсалютна новым была магчымасць крытычнага выказвання на адрас новай канцэпцыі – уважаючы на кантэкст “дэмакратычнага эпизоду” 1991–1994 гг. Як пазней заўважыў Я.Новік [5, с. 158], нацыянальная канцэпцыя не была зацверджаная ў якой-небудзь дзяржаўнай установе, г.зн. яна можа ўважацца за вынік нізавай самаарганізацыі гістарычнай супольнасці (нізавай – умоўна, бо актыўны ўдзел у яе распрацоўцы і публічным прад’яўленні браў, напрыклад, тагачасны дырэктар Інстытута гісторыі М.Касцюк). Далёка не ўсе гісторыкі пагадзіліся з ідэямі нацыянальнай канцэпцыі. Ужо ў 1992 г. І.Котаў пярэчыў аднаму з ключавых пастулатаў яе аўтараў – намеру канструяваць новы гістарычны наратывы як “дэідэалагізаваны” [6]. І.Котаў падкрэсліваў, што грамадская кан’юнктура іманентна ўплывае на творчасць гісторыка, то-бок і нацыянальная канцэпцыя абумоўлена знешнімі ў адносінах да навукі фактарамі. Пасля таго, як адміністрацыя А.Лукашэнкі вызначылася са сваімі гістарычным светапоглядам і нацыянальная канцэпцыя была адрынута на афіцыйным узроўні (прыблізна ў 1995 г.), значна большая колькасць гісторыкаў выказаліся супраць яе; найбольш вядомыя сярод іх – П.Петрыкаў, А.Залескі, Я.Новік. Яны аб’ядналіся ў новым грамадскім аб’яднанні “Гістарычныя веды”. У цэнтры ўвагі ўдзельнікаў дыскусіі, якая разгарнулася ў прафесійным асяроддзі гісторыкаў, апынуліся “Нарысы гісторыі Беларусі” [7; 8] і школьныя падручнікі, выдадзеныя ў 1992–1993 гг. Так, у 1998 г. выйшаў двухтомны ўніверсітэцкі падручнік “Гісторыя Беларусі” [9; 10], пакліканы замяніць сабой “Нарысы...”

Разам з тым, нават у новых умовах вяртанне да сітуацыі савецкага перыяду, калі гістарычны наратывы прынамсі на ўзроўні школьнага і ўніверсітэцкага выкладання, быў гранічна маналітны і гамагенны, было немагчымае. Ужо ў першай палове 2000-х гг. з’явіліся школьныя падручнікі, аўтары якіх кіраваліся хутчэй палажэннямі нацыянальнай канцэпцыі, чым устаноўкамі групы “Гістарычныя веды”. У 2000 г. пачалося выданне шасцітомнай “Гісторыі Беларусі” [11], аўтары якой былі арыентаваныя на стварэнне “максімальна поўнага, аб’ектыўнага, непалітызаванага даследавання мінулага беларускага народа” [11, с. 5]¹⁶ – цалкам згодна ўстаноўкам аўтараў

¹⁶ Варта, аднак, звярнуць увагу, што падобнае мэтавызначэнне было ўласцівае і падручніку Я.Новіка – Г.Марцуля [10, с. 5]. Рэзка супраць такіх фармулёвак выступаў П.Петрыкаў [17, с. 4 і інш.], які лічыў аб’ектыўную і дэідэалагізаваную гісторыю “метадалагічна” немагчымай.

нацыянальнай канцэпцыі. Можна прывесці шмат прыкладаў далейшага развіцця палажэнняў нацыянальнай канцэпцыі. Аўтары, якія прытрымліваюцца процілеглых інтэрпрэтацый, таксама працягваюць сваю актыўнасць. Асаблівы розгалас у грамадскай думцы атрымалі творы Я.Трашчанка [гл. найбольш вядомыя 12; 13]. Нарэшце, у рамках т.зв. “беларускай інтэлектуальнай прасторы” (часопіс “ARCHE Пачатак”, “Наша Ніва”, “Беларускі Гістарычны Агляд” і інш.) адбываецца спроба крытычнага прачытання нацыянальнай традыцыі. Аўтары гэтага кола маюць на мэце дастасаванне да беларускага матэрыялу дасягненні заходняй гуманітарнай думкі. Выдатны прыклад – манаграфія В.Булгакава [14], якая была вельмі неадназначна сустрэтая беларускімі гуманітарыямі (гл. напр. рэцэнзіі А.Казакевіча [15] і А.Ціхамірава [16]). Яе вывады выразна кантрастуюць з палажэннямі нацыянальнай канцэпцыі і наратывам, які распрацаваны прадстаўнікамі “Гістарычных ведаў”. Працэсы ўнутранай дыферсіфікацыі гісторыкаў могуць быць адзначаныя таксама і ў лагеры “Гістарычных ведаў”. Напрыклад, П.Петрыкаў, пішучы пра творы Я.Трашчанка, выказаў поўнае адабрэнне ягонаму тэксту, прысвечанаму перыяду да 1917 г., і цалкам не пагадзіўся з вывадамі па гісторыі Савецкай Беларусі [17, с. 93]. Ён таксама звяртае ўвагу на “антырасійскія па сутнасці” выказванні, якія ўтрымліваюць іншыя падручнікі для вышэйшай школы (у тым ліку і падручнік Я.Новіка – Г.Марцуля). Некаторыя даследчыкі гэтага лагера таксама звяртаюцца да ідэй заходніх гуманітарыяў [гл. 18].

Плюралістычнасць поля беларускай гістарыяграфіі (або: поля гістарычных ведаў) – знамянальнае сведчанне тых сацыякультурных працэсаў, якія маюць месца ў Беларусі пачынаючы з палітыкі перабудовы. Гаворка ідзе ў першую чаргу пра дэмантаж найбольш адыёзных праяў сістэмы савецкага сацыялізму: панавання адзінай агульнаабвязковай ідэалогіі, партыйнага кантролю над сферай культуры.

Пры гэтым неабходна звярнуць увагу на досыць часта ўзнікаючае непаразуменне, калі дадзеную сітуацыю ў навуцы трактуюць як “анархію”, “блытаніну”, немагчымасць гісторыкаў выпрацаваць дакладныя ацэнкі і пад. У сапраўднасці, гэта зусім не адпавядае рэчаіснасці.

Гетэрагеннасць гістарычных ведаў належыць разглядаць як важнае дасягненне беларускіх гісторыкаў апошніх трох дзесяцігоддзяў (пасля 1985 г.) і як набытак беларускага грамадства. Нягледзячы на некаторыя эксцэсы ў гэтай сферы, прагрэс у параўнанні з савецкім перыядам відавочны. У гэтым сэнсе гістарыяграфія, з’яўляючыся складальнікам нацыянальнай культуры, дазваляе прасачыць яе актуальнае становішча, дынаміку пераўтварэнняў, бо гістарыяграфія залежыць ад агульнейшых змяненняў. Разам з тым, трэба меркаваць, што гістарыяграфія таксама спрыяе далейшым працэсам дэмакратызацыі культуры, умацавання яе ўнутранай разнастайнасці.

У гэтай сувязі варта прылучыць да разгляду праблемы вопыт замежных даследчыкаў. У 2013 г. уплывовае нямецкае паліталагічнае выданне “Aus Politik und Zeitgeschichte” выдала нумар, тэмай якога з’яўлялася інструменталізацыя гістарычнай навукі. Асабліва цікавым у кантэксце разглядаанай праблематыкі з’яўляецца артыкул Б. фон Боррыса [19]. Аўтар засяроджваецца ў ім на вельмі істотных праблемах. У прыватнасці, кажучы пра інструменталізацыю гісторыі,

ён асабліва падкрэслівае небяспеку ўзаемных папрокаў, бо “маралізатарства прыносіць мала” [19, S. 13]. Ён настойвае на тым, што пры адказе на важныя гістарычныя пытанні могуць існаваць розныя версіі – але ні ў якім разе не адзіная слухная трактоўка. На думку даследчыка, з прычыны прыналежнасці людзей да розных груп ідэнтычнасная канкрэтнасць, якая магла б рэзультываваць у адзінай агульнапрызнанай версіі гістарычнага мінулага, немагчымая. “Падзеленая гісторыя” – нармальнае з’явішча для плюралістычна-гетэрагеннага грамадства.

Прыклад узнікнення монакультуры ён адсочвае на гісторыі нямецкай школьнай дытактыкі прадмета [19, S. 14–17]. Гэтыя прыватнасці не ўяўляюць у кантэксце нашай тэматыкі значнага інтарэсу. Асноўны ягонь вывад можна сфармуляваць наступным чынам: пры нармальнасці выражэння ў рамках гістарычнага тэксту розных інтарэсаў, павінны быць інстытуцыі (школа, парламент, універсітэт, урад), якія б прытрымліваліся “нейтралітэту і аб’ектыўнасці”, ці, паводле аўтара, – “максімальнай інтэрсуб’ектнасці і кантралявальнай праўды” [19, S. 18].

Актуальны *modus vivendi* ў беларускай гістарыяграфіі, трэба меркаваць, з’яўляецца вынікам складаных працэсаў як у беларускім грамадстве, так і ва ўласна гістарычнай навуцы. У другой палове 1990-х – пачатку 2000-х гг. канчаткова склаліся ўмовы, якія вызначаюць сёння змест падручнікаў па гісторыі, прастору магчымага ў рамках навуковых манаграфій і г.д. Бясспрэчна, у Беларусі склалася плюралістычная гістарыяграфія – гісторыкі маюць магчымасць даволі вольнага выказвання наконт беларускага мінулага.

Сёння праблема варыянтнасці гістарычнага наратыву ва Усходняй Еўропе зноў актуалізуецца. Можна ўпамнуць у гэтай сувязі, напрыклад, нядаўнія спрэчкі вакол увядзення ў Расію адзінага школьнага падручніка па гісторыі [гл. напр. 20], а ў якасці ўзору прапануецца савецкі вопыт, калі гісторыкі прытрымліваліся “даволі дакладнай пазіцыі” [21, с. 315]. У Беларусі падобных вострых дыскусій у апошнія гады не адбылося, але гэта, натуральна, не значыць, што ў беларускім грамадстве склаўся кансэнсус вакол базавых вартасцей, якія павінны адлюстроўвацца ў гістарычным тэксце (параўн. вывады асобных аналітыкаў пра наяўнасць эстэтычнага канфлікту ў беларускім грамадстве [22, с. 12–13; гл. таксама 23]). Ва ўмовах захавання і канкуравання розных праектаў беларускай ідэнтычнасці (найлепш апісаных, па ўсім відаць, Р.Ёфэ [24]) Зразумела, падобнага роду цяжкасці ў першую чаргу ўласцівыя краінам з недастатковай дэмакратычнай традыцыяй, вопытам існавання ў гетэрагенным грамадстве і г.д.: у дэмакратычных краінах “занадта бадзёрая грамадскасць, занадта моцная ўлада медыяў, занадта плюральны дыскурс дысцыпліны” [25, S. 8]. І калі мы адносім Беларусь да краін з пераходным грамадскім ладам, то дадзеная праблема не павінна знікнуць з актуальнай грамадскай павесткі – праблема захавання магчымасці свабоднага выказвання ў рамках гістарычнай навуцы і шырэй – поля вытворчасці гістарычных ведаў.

Літаратура:

1. Лінднер, Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // Кантакты і дыялогі. – 1996. – № 3. – С. 20–25.
2. Ермаловіч, М. «...Нарекліся кривичи и дреговичи...» / М. Ермаловіч // Неман. – 1980. – № 9. – С. 183–188.

3. Біч, М. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь / М. Біч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 1. – С. 15–24.
4. Браточкин, А. Историческая наука в Беларуси после 1991 года: кризис марксистской методологии и поиск новых теоретических оснований / А. Браточкин // После советского марксизма: история, философия, социология и психоанализ в национальных контекстах (Беларусь, Украина) / сост., науч. ред. О.Н. Шпарага. – Вильнюс: ЕГУ, 2013. – С. 11–49.
5. Новік, Я. Пісаць і выкладаць праўдзівую гісторыю, а не ствараць новыя міфы / Я. Новік // Беларуская думка. – 2000. – С. 157–164.
6. Котов, И.С. Влияние политической конъюнктуры на изучение истории / И.С. Котов // Методологические проблемы исторической науки: Сб. статей по материалам междунар. науч. конф. (Минск, 29 сентября – 1 октября 1992 г.). – Минск: БГУ–БИЖ, 1993. – С. 61–64.
7. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1. – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.;
8. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 2. – Мінск: Беларусь, 1995. – 560 с.
9. Гісторыя Беларусі: У 2-х ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г.: Вучэб. дапам. / Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 416 с.
10. Гісторыя Беларусі: У 2-х ч. Ч. 2. Люты 1917 г. – 1997 г.: Вучэб. дапам. / Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 464 с.
11. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 351 с.
12. Трещенок, Я. И. История Беларуси. В 2-х ч. Ч. 1: Досоветский период / Я. И. Трещенок. – Могилев: МГУ имени А. Кулешова, 2004. – 294 с.
13. История Беларуси. В 2-х ч. Ч. 2. / Я. И. Трещенок [и др.]; под ред. Я. И. Трещенка. – Могилев: МГУ имени А. Кулешова, 2005. – 310 с.
14. Булгакаў, В. Гісторыя беларускага нацыяналізму / В. Булгакаў. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. – 326 с.
15. Казакевіч, А. Яшчэ адна гісторыя пра беларускі нацыяналізм / А. Казакевіч // АРСНЕ-Пачатак. – 2007. – № 7–8. – С. 5–22.
16. Ціхаміраў, А. Гісторыя беларускага нацыяналізму без нацыяналізму / А. Ціхаміраў // Беларускі Гістарычы Агляд. – 2006. – Т. 13, Сш. 2. – С. 420–440.
17. Петриков, П.Т. Очерки новейшей историографии Беларуси / П.Т. Петриков. – Минск: Белорусская наука, 2007. – 290 с.
18. Исторический поиск Беларуси: альманах / Сост. А. Ю. Бендин. Минск: Экономпресс, 2006. — 416 с.
19. Borries, V. von. Zurück zu den Quellen? Plädoyer für die Narrationsprüfung / V. von Borries // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2013. – 14. Oktober. – S. 12–18.
20. Портнов, А. Учебник истории по госзаказу / А. Портнов // Ab Imperio. – 2013. – № 3. – С. 388–396.
21. Курилла, И. Лоскутное одеяло истории или историческое сообщество в эпоху политизации его академического поля / И. Курилла // Ab Imperio. – 2013. – № 2. – С. 298–326.
22. Эксперимент продолжается... Интервью с Палом Тамашем // Топос. – 2011. – №2. – С. 9–21.
23. Горных, А. Интеллигенция и эстетика антикоммунизма / А. Горных // Топос. – 2011. – № 2. – С. 28–37.
24. Ёфэ, Р. Беларусь: дзяржава, але яшчэ ня нацыя / Р. Ёфэ // Геапалітычнае месца Беларусі ў Эўропе і сьвеце / Пад рэд В. Булгакава. – Варшава: Вышэйшая школа гандлю і права імя Р. Лазарскага, 2006. – С. 149–164.

25. Sabrow, M. Geschichte als Instrument: Variationen über ein schwieriges Thema / M. Sabrow // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2013. – 14. Oktober. – S. 3–11.

А.В. Пронкевич (Николаев, Украина)
**«НАШЕ ВСЕ» В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: А.С.ПУШКИН –
ГЕРОЙ МУЛЬТФИЛЬМОВ**

Знакомство с литературными произведениями, а также их творцами осуществляется параллельно с восприятием их зрительных образов, которые появляются в книжных иллюстрациях, кино- и мультипликационных фильмах, картинах, скульптурах и других видах визуальных искусств. Американский литературовед Дж. Иффланд так описывает воздействие этих визуальных репрезентаций на сознание человека: «... графические иллюстрации (а также зрительные образы других искусств – *А.П.*) убеждают читателя в том, что он должен читать текст определенным образом ... Я бы сказал, что во многих случаях они навязывают определенные прочтения. Они «оккупируют» пространство текста, колонизируют его» [1, с. 96]. Они способны «колонизировать» не только пространство текста, но и широкое пространство культуры. Узнаваемость, обеспеченная длительной традицией чтения и преподавания, приумножается семантическим потенциалом искусств, рассчитанных на зрительное восприятие. В результате визуализированные литературные образы становятся чрезвычайно привлекательным инструментом в руках тех, кто использует культурные индустрии в борьбе за каноны, идентичности, ценности, идеалы. Кроме того, визуальная популярность литературного образа также служит чисто коммерческим целям, поднимая проценты продаж определенных товаров и услуг. Именно так функционируют Дон Кихот, Фауст, Дон Жуан, а также имена и изображения национальных классиков В.Шекспира, М. де Сервантеса, Г.Ибсена и др. В этой статье речь пойдет о том, как мультипликация вовлекает в современную русскую культурную индустрию образ А.С.Пушкина.

Изучение истории мультипликации приводит к одному поразительному заключению: А.С.Пушкин (тут имеется сам поэт, его частная жизнь, его портрет) является рекордсменом анимации. Он стал самостоятельным мультипликационным героем. На сегодня количество анимационных фильмов, где появляется поэт, исчисляется десятками. Пояснить этот феномен можно, во-первых, тем, что поэт с давних пор является брендом русской культуры, который сам по себе окружен целым шлейфом легенд, слухов, сплетен. Его образ активно эксплуатируется творцами русского культурного империализма в «войне знаков» – это штандарт, знамя великорусского националистического движения и шовинизма. Тут, конечно, немалую роль сыграла риторика русской литературы последних двух столетий, которая стремилась представить А.С.Пушкина абсолютным символом «русскости». Во-вторых, русская (советская) анимация, наряду с балетом, ракетами и хоккеем, является одним из немногих бесспорных достижений советской эпохи, эксплуатировать которую стремятся творцы обновленной русской (российской) имперской идентичности.

Закономерно, что А. С. Пушкин и мультипликация устремились в объятия друг к другу, поскольку их союз создает исключительно благоприятные возможности для поддержания культурной гегемонии русской имперской символики в эпоху глобализации.

Попытки использовать образ А. С. Пушкина для реализации плана «монументальной пропаганды» делались еще в сталинскую эпоху. В 1950 году режиссер М. Цехановский экранизирует «Сказку о рыбаке и рыбке». В картине есть маленький эпизод, когда закадровый голос очень торжественно читает знаменитый текст «У лукоморья». В этот момент над зрителем «буквально» нависает демонстрируемый на экране портрет Пушкина работы О.А.Кипренского. У зрителя есть достаточно времени, чтобы его разглядеть. Поскольку мультфильм адресован детскому зрителю, то намерение творцов картины очевидно: они стремятся еще на уровне детской амнезии навязать образа поэта-академика, который находится в центре русского культурного канона. Сам мультфильм создан при помощи диснеевско-реалистической техники: тут все основательно, понятно и иллюстративно. В прочтении образов сказки преобладает социально-психологический подход, который воспитывает ненависть к богатым и сочувствие бедным. Картина дает знать, что именно А. С. Пушкин был основоположником такой «реалистической» стилистики.

Проходит время и меняется язык мультипликации. Теперь творцы, работающие в этом жанре, активно экспериментируют с разными техниками и играют с текучей материей графики. В такой эстетике созданы три картины о Пушкине А. Хржановского и Ю. Норштейна, которые являются классиками мировой анимации. В основу художественной концепции фильмов положены рисунки самого Пушкина, а также его стихи, исполняемые разными выдающимися актерами. Таких картин было создано три «Я к вам лечу воспоминаньем...» (1977), «И с вами снова я...» (1980), «Осень» (1982). Тут аниматоры ведут зрителя в сложный и внутренне противоречивый художественный и человеческий мир поэта, но в то же время стремятся создать ощущение недостижимой высоты и каноничности А.Пушкина: в том, как мультипликаторы работают с деталями, чувствуется исключительное почтение и бережность к пушкинскому наследию. Появляется на экране и знаменитый автопортрет А.Пушкина, о котором уже шла речь выше. Вообще вся личность поэта в мультфильмах обожествляется: он простой человек (об этом говорят его рисунки), но он – воплощение чистой духовности и своеобразный Бог, каждый жест, факт биографии, каждое слово которого, пусть самое незначительное, овеяны ореолом святости. Поэт является эстетическим и национальным абсолютом, который активно навязывается как норма бытия на протяжении всего советского времени. По сравнению с мультфильмом 1950 г. А.Хржановский и Ю.Норштейн существенно обновляют риторiku образа: теперь А.Пушкин показан не как воплощение академизма, а символизирует «интеллигентность», о которой пишет и говорит Ю.Лотман. Но при этом совсем не снимается с повестки дня использование образа поэта для конструирования этно-национального мифа о советском народе как «новой исторической общности», так как в его основе должна лежать русская культурная мифология.

Эпоха постмодернизма принесла с собой целую серию мультфильмов, в которых можно обнаружить новую стратегию утверждения исключительности Пушкина – при помощи иронии анимированный образ поэта перемещается в зону «фамильярного контакта», но при этом сакральная аура вокруг Пушкина не разрушается, равно как не ставится под сомнение значение образа поэта как иконы русской имперской культурной мифологии. Показательным в этом плане является фильм «Настала осень», созданный в 1999 году в школе-студии «Шар» режиссером Е. Соколовой по мотивам книги А. Битова и Р. Габриадзе «Трудолюбивый Пушкин». Осень и Пушкин представлены в этом фильме иначе, чем у А. Хржановского и Ю. Норштейна. Графика тут лаконична, иронична, но одновременно очень выразительна и лирична. Зритель проживает с Пушкиным один день. Поэт ничего не делает, не работает, не пишет, а только гуляет, общается с котом, лежит на кровати, хотя ему постоянно что-то мешает. Творцы анимационной картины «опускают» А. С. Пушкина на землю и создают образ «поэта-лентяя». Но это только видимость, или точнее таким его воспринимает обыватель, так как серьезная духовная работа в сознании А. С. Пушкина происходит постоянно, и в конце она прорывается на поверхность потоками гениальных стихов. Ирония оказывается доброй, теплой, братской, благодаря чему Пушкин остается Пушкиным, то есть центром русского культурного канона и знаменем «русской идеи».

Такой же щадящей иронией отмечен еще один анимационный фильм «Ваш Пушкин», который является визуализацией известного стихотворения «Памятник» (Школа-студия «Шар», Свердловская студия анимации А-фильм, 1999 г., режиссер О. Черкасова). Творцы фильма как бы говорят и одновременно укоряют зрителей – это ваш Пушкин, то есть это не сам поэт, а кто-то другой, которого знают по сплетням, пересказам, слухам. Тут вспоминается строка самого поэта: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой». Конечно, слово «слух» А. С. Пушкин употребляет совсем в другом значении. В картине, кроме слухов (сплетен), ничего нет: о Пушкине все говорят, но вряд ли кто-либо его читал. Значительное внимание в анимационном фильме уделяется образам инородцев (немцам, французам, кавказцам), мелькающим на экране и бормочущим строки поэта с разными акцентами. Но в том, как подаются обстоятельства жизни поэта, в самом пафосе картины, призывающей перестать распространять слухи о нем и начать изучать его произведения, четко прочитывается восторженное отношение ее авторов к А. С. Пушкину как абсолютной национальной святыне. В то же время благодаря тому, что в анимационной картине визуализируется восприятие поэзии А. С. Пушкина представителями разных этносов империи, сам текст «Памятника» предстает как краткое изложение политики языковой экспансии. Эти смыслы были очевидны для творцов культа А. С. Пушкина еще в 19 веке и стали неотъемлемой частью советской программой «пушкинизации» общественного сознания.

Одним из самых оригинальных мультфильмов про А. С. Пушкина, иллюстрирующих как саму эту программу, так и ее результаты, представляется работа 2003 года режиссера Л. Носарева «Пинежский Пушкин». Этот фильм – связующее звено между соцреалистическими монументальными и осовремененными ироничными формами «навязывания» идеи всеобъемлющей

гениальности поэта. Мультфильм создан по мотивам сказа о Пушкине, записанного Б. Шергиным в районе реки Пинеги. Сам Б. Шергин в 1934 году в ходе подготовки к столетию со дня гибели А. С. Пушкина посетил этот регион с лекциями. Естественно, эта поездка осуществлялась за счет государства. Это лишь один эпизод глобальной кампании сталинской пропаганды по превращению А. С. Пушкина в символ нового русскоговорящего советского народа. Крестьяне по-своему поняли рассказы писателя и создали свою легенду о поэте. Это чрезвычайно сложная и интересная работа, основанная на эстетике русского лубка (китча) и озвученная северным русским говором. Авторы иронизируют по поводу образа А.С.Пушкина как общенародного поэта, создававшегося советской литературной пропагандой. В то же время, как и предыдущие две картины, фильм нельзя назвать деконструкцией. В фильме, в частности, иронически визуализированы некоторые популярные клише («Пушкин – наше все», «Вся русская литература вышла из Пушкина» и т.д.), но эффект десакларизации не возникает, потому что, кроме стилистики лубка, режиссер вписывает образ пинежского Пушкина в традицию северной иконы. Пушкин остается святым образом, он остается творцом русского культурного имперского канона, хоть и иронично прорисованным.

Любопытно, что почтительное отношение к Пушкину сохраняется даже в анимационной коммерческой рекламе антивирюсника Касперского. В фильме обыгрываются события на Черной речке. Аниматоры комично подчеркивают страстный характер поэта, который буквально пылает от ревности и ненависти к Дантесу. После рокового выстрела А. С. Пушкин лежит на снегу. Он открывает глаза, живой и невредимый, так как защитил себя кольчугой, произведенной Касперским. В финале фильма учительница ведет урок на тему «Поэт – долгожитель», на котором присутствует целый класс детей, внешне похожих на А. С. Пушкина. Программа «пушкинизации» успешно продолжается: мысль о том, что все мы немного Пушкины, навязывается общественному сознанию, хотя и в игровой форме.

Анимационные работы на пушкинскую тему, созданные в последнее годы, продолжают сохранять принцип самоограничения в использовании иронии. Они подсмеиваются над практиками рецепции произведений А. С. Пушкина, но тщательно оберегают ауру его величия. В 2005 г. выходит фильм «Вурдалак» режиссеров А. Сараны и И. Голдыревой, которые обыгрывают одноименное стихотворение. С нечистой силой встречается сам поэт. В анимационной работе использованы элементы готического кинематографа: летучие мыши, зловещие птицы, кладбище, открытая могила, из которой выскакивает вурдалак. Наконец появляется коллега Пушкина Н.В.Гоголь, который на поводке ведет Вия. Однако, кроме хулиганской и китчевой эстетики, в фильме есть и серьезное измерение. Это еще одна попытка актуализировать смыслы художественного текста, утраченные в результате ритуальных восхвалений А. С. Пушкину, к которым нередко сводится преподавание его произведений в школе.

Целый ряд анимационных картин отражает эту риторику спасения А. С. Пушкина от школы. Творцы мультипликационных фильмов призывают к углубленному чтению текстов поэта, которое должно послужить его реканонизации как центральной фигуры обновленного русского имперского

культурного канона. Пушкин-непоседа и непослушный ученик появляется в мультфильме «Буревестник» режиссера А. Туркуса, созданного на студии Аргус Интернешнл в 2004 г.: он вместе со школьником-двоечником и Максимом Горьким изгоняется из класса истеричной учительницей литературы. Мультипликационный фильм «Дорожные жалобы» (2006 г., режиссер Дм. Палагин) создан на основе цитат из разных произведений А. С. Пушкина. Поэт, чей облик напоминает изображение, выбитое на серебряной монете, находится внутри кареты. Нарратор за кадром читает «Историю села Горюхина», в то время как на экране фрагментарно воспроизводятся наиболее значимые персонажи и эпизоды из «Выстрела», «Братьев-разбойников», «Цыган», «Сказки о царе Салтане», «Сказке о попе и работнике его Балде», вступления из «Руслана и Людмилы» и даже «Кирджали». В целом перед зрителем предстает едва ли не весь А. С. Пушкин, по крайней мере, его опыт путешественника, без которого не было бы сюжетов и впечатлений, легших в основу поэм, новелл, стихов.

Таким образом, ирония и игра, которые получили такое распространение в анимации эпохи постмодернизма, приближают Пушкина к зрителю, но не разрушают ауры его исключительности. Такая стратегия визуализации образа поэта – попытка приспособиться к новым информационным условиям, в которых существует русская культура эпохи глобализации. Для того, чтобы сохранить свою культурную гегемонию, она должна полностью переосмыслить и обновить свою риторику, прежде всего визуальную. Эта риторика больше не может быть, как прежде, прямолинейно навязчивой. Она должна учитывать элемент игры, ироничность современного миропонимания, но при этом эти игра и ирония должны быть умело дозированы. Современная русская анимация успешно справляется с этой задачей и умело поддерживает традиционно высокий статус Пушкина в русском самосознании. Она вносит свой весомый вклад в обновлении образа поэта как центральной мифологической фигуры российской имперской риторики начала третьего тысячелетия.

Литература:

1. Iffland J. «Seeing is Believing»: the Rhetoric of Graphic Illustrations in the History of Don Quixote» / James Iffland // Cervantes : Bulletin of the Cervantes Society of America. – Spring, 2007. – V. 27, N. 1. – P. 95–160.

Т.И. Синкевич (Витебск, Беларусь)

ТОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК П.П.БАЖОВА)

Топоним – собственное название отдельного географического места (населённого пункта, реки, угодья и др.). В ходе исследования, нами были отмечены следующие группы топонимов (приложение № 2): диалектная форма (7%); разговорная форма (21%); нейтральные топонимы (72%).

Диалектная форма – это производная форма от документального имени, которая возникла на основе диалектных лексем с помощью формантов. Поскольку данная форма является особенностью, характерной для определённой

территории, то определение коннотации становится затруднительным. Образование онимов происходит на двухуровневой основе: 1) формообразовательный: Сам-Петербурх, Место Песошное; 2) фонетический: Чусова река, Крылатовско, Медна гора, Зюзельско болотце; Терсутско болото.

Разговорная форма – это производная форма от документального имени, которая образовалась в разговорной речи. Так же, как и личные имена, топонимы способны содержать в себе оценочный компонент, который выражается посредством суффиксов:

1) -ин-: Васькина гора. Топоним образован с помощью присоединения к пейоративу Васька суффикса -ин-.

2) -к-: Богданка, Гумешки, Красногорка, Амбарка, Кунгурка, Сарапунка, Глинка. Данную группу топонимов можно отнести к числу пейоративов.

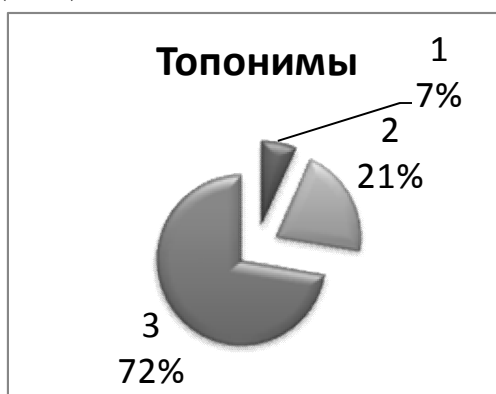
3) -овк-/-евк-: Бутыловка, Щербаковка, Рябиновка, Габеевка, Мочаловка, Демидовка, Пеньковка. Данную группу топонимов можно отнести к числу пейоративов.

4) -инк-/-енк-: Плотинка, Воздвиженка, Мурзинка. Топонимы с таким видом суффиксов приобретают уменьшительно-ласкательный оттенок и, возможно, в некоторых случаях указывают на «размер» топонима.

5) -ушк-: Северушка. Топонимы с таким видом суффиксов приобретают уменьшительно-ласкательный оттенок и, возможно, в некоторых случаях указывают на «размер» топонима.

6) -ха: Волчиха, Ватиха, Гримиха. Топонимы, которые заканчиваются на -ха, как и личные имена носят оттенок неофициальности и как правило образованы путём прибавления суффикса к женскому имени.

Среди топонимов нами были выделены такие группы онимов (приложение №1): диалектная форма (7%), разговорная форма (21%), нейтральные топонимы (72%).

- 1) диалектная форма топонима;
- 2) разговорная форма топонима;
- 3) нейтральные топонимы.

Ономастическое пространство сказок П.П.Бажова включает большое количество нейтральных топонимов, но, тем не менее, в состав отобранных единиц входят и культурно маркированные онимы.

Невозможно представить себе жизнь современного общества без географических названий. Они повсеместны и всегда сопровождают наше

мышление с самого детства. Все на земле имеет свой адрес, и этот адрес начинается с места рождения человека. Топонимы тесно связаны с называемыми объектами, а поэтому они имеют более тесную связь с понятием, чем какие-либо другие имена собственные. Исходное значение топонима может содержать информацию о его топографических особенностях (Ельничная – происхождение наименования объясняется тем, что река окружена еловыми лесами; озеро Шарташ – название водоёма происходит от двух слов тюркского происхождения: «сары» - «жёлтый», «таш» – «камень» – и связано с оттенком прибрежных скал; Полдневская сторона – название было получено в связи с тем, что в полдень солнце стоит над её главной улицей), указывать на связь с общественно-историческими условиями и фактами (Черемисская – по одной из версий происхождения деревни считается, что основателями села и родоначальниками являются местные крестьянские рода марийцев (черемисов), участвовавшие в набеге на Каму; улица Воздвиженка – наименование происходит от названия монастыря Воздвижение Честного Креста Господня, основанного на рубеже XV – XVI веков; Мурзинка – название села обязано татарскому мурзе, который жил в этих местах), отражать своеобразие флоры и фауны (Мочаловка – река протекает в болотистой долине и наименование происходит от слова «мочаг» – сырое, влажное, болотистое место; Карабаш-гора – в переводе с тюркского обозначает «чёрная голова, вершина», что можно определить как: скалы на вершине горы сложены из необычно тёмных для данной местности пород; Волчиха – самая высокая гора в окрестностях Екатеринбурга, название которого происходит по причине большого количества волков); принадлежать ониму определённого человека (Еланская – улице было дано такое название в память о военном хирурге Н.Н. Еланском; Марков камень – гора названа в честь Марка Береговика, который бежал от любви хозяйки со своей женой и прятался около скал; Благодать – в переводе с древнегреческого означает Анна. Бывший в то время начальником горнозаводской промышленности Урала Татищев распорядился о прорубке дороги к горе, где было обнаружено новое месторождение. В письме к русской царице Анне Татищев писал: «Для того обстоятельства назвали мы оную гору Благодать, ибо такое великое на счастье вашего величества по благодати, божьей открылось, тем же, и вашего величества имя в ней бессмертное славиться имеет»).

Таким образом, топонимы, представленные автором в сказках, являются одним из значимых компонентов создания ономастического пространства текста, выполняя при этом различные функции. В них отражается культурно историческая информация, они являются своеобразными маркерами истории и быта людей, в них отражается наш язык и сознание, наше общее прошлое.

Литература:

1. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А.Серебренников, Е.С. Кубрякова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов) / В.И. Даль. – М.: Цитадель, 1998. – 4472 с.
3. Бажов, П.П. Малахитовая шкатулка / П.П. Бажов. – М.: Прогресс, 1986. – 464 с.

В. Рубінчык (Мінск, Беларусь)
«ЯЎРЭЙСКІЯ ТЭМЫ» Ў ТВОРЧАСЦІ ВАСІЛЯ БЫКАВА

Творчасць народнага пісьменніка Беларусі Васіля Уладзіміравіча Быкава (1924–2003) у апошнія дзесяцігоддзі была разгледжана ці не з усіх бакоў, але пра тое, як у ёй адлюстраваліся яўрэі і яўрэйства, гаварылася толькі фрагментарна. Гэтыя нататкі – спроба запоўніць лакуну.

Найперш заўважым, што літаратурная спадчына Быкава ўлучае, умоўна кажучы, мастацкую і публіцыстычную часткі. Да першай часткі належаць пераважна аповесці і апавяданні, да другой – артыкулы і публічныя прамовы. Безумоўна, варта агледзець абедзве часткі, тым болей што яны часцяком перакрываюваліся. Прыклад гэткага сінтэзу (або сімбіёзу) – перадсмяротныя мемуары Быкава «Доўгая дарога дадому» (2002), у якіх не бракуе ні лірыкі, ні палемікі, ні разваг над праблемамі надзённасці. Магчыма, найбольш каштоўнымі ў гэтых мемуарах з’яўляюцца згадкі пісьменніка пра дзяцінства, праведзенае ў роднай вёсцы Бычкі і суседнім мястэчку Кублічы, куды юны Васіль хадзіў у школу. Мястэчка апісваецца больш падрабязна, і з яго апісання ўжо можна зрабіць папярэдняю выснову пра стаўленне Быкава да яўрэяў: «У Кублічах, як у кожным беларускім мястэчку, тады было шмат яўрэйскіх дзяцей, зь якімі мы разам і вучыліся, і сябравалі. У нашай клясе палова вучняў былі яўрэйскія рабяты. Я сябраваў з братамі Свядловымі – Мэрам і Лейбам. Мэер быў старэйшы... а з Лейбам мы хадзілі ў адну клясу. Загінуў мой Лейба-Лёва ў 41-м годзе, расстраляны разам з усімі кубліцкімі яўрэямі ў Вушачы, а Мэер жыў у Маскве, працаваў на нейкай паштовай скрынцы. Неяк прыезджаў у Менск, і мы разам ездзілі ў мястэчка, дзе не засталася і сьледу ад хаты Свядловых» [1, с. 18–19]. Праз гэтыя радкі праточваецца настальгія па старой дружбе, хоць наратар больш схіляецца да летапіснага стылю, чым да эмацыйных воклічаў кшталту «Толькі б яўрэі былі!», што былі ўласцівы народнаму паэту Рыгору Барадуліну (1935–2014) [2]. Цікава таксама, што, адрозна ад Р. Барадуліна і многіх іншых творчых людзей, В. Быкаў не праблематызаваў найменне «яўрэі» – відаць, таму, што адчуваў непрыманне такіх этнонімаў, як «габрэі» і «жыды», большасцю беларускіх яўрэяў.

У інтэрв’ю канадскай даследчыцы Зіне Гімпелевіч В. Быкаў крыху больш падрабязна і дакладна раскажаў пра свайго сябра дзяцінства: «[Кублічы] былі ў асноўным яўрэйскім паселішчам, таму ў час вайны яго амаль цалкам зьнішчылі. Толькі адзін хлопец [Мэер, Міхась, Мішка Свядлоў] з маёй клясы перажыў вайну. Чуў, што яшчэ некалькі яўрэйскіх дзяўчат з нашай школы ацалелі... Мэер выжыў толькі таму, што быў прызваны перад вайной у Чырвоную Армію. Ён прайшоў вайну ад пачатку да канца, і мы часта сустракаліся пасля вайны. Мэер ужо жыў у Маскве... але рэгулярна наведваў мяне, асабліва калі я жыў у Менску. Потым адразу ехалі ва Ушачу, у Кублічы... Даўно нешта ад яго не было ніякіх вестак» [3, с. 22–23]. У «далітаратурнай біяграфіі» 1993 г. Быкаў спыніўся на тым, што амаль усе кубліцкія яўрэі «загінулі ў верасні 1941 г. пад могільнікам каля Ушачы» і падкрэсліў, што да вайны «адносіны беларусаў і яўрэяў былі абсалютна нармальныя, сяброўскія... Мая маці, напрыклад, усё жыццё мела прызнасць да Рывы-Рывіткі, як яна яе звала, што была

краўчыха. Яна часам шыла нам пінжакі, кашулі, за якія маці плаціла то кавалкам сала, то яйкамі. Па ўзаемнай згодзе і выгадзе» [4, с. 450].

Напэўна, не менш важным для разумення светапогляду пісьменніка з'яўляецца і яго першае знаёмства з літаратурнымі творамі, адзначанае як у мемуарах: «Яшчэ чытаць ня ўмеў, і першы мастацкі твор мне прачытаў бацька. Гэта быў знакаміты “Гой” Міхася Лынькова. (“І плакала Рыва...”»)» [1, с. 16], так і ў крытыцы [3, с. 17]. Апавяданне М. Лынькова (1926), пра якое ідзе гаворка, было прысвечана каханню яўрэйкі і чырвонаармейца-беларуса, што мела драматычнае адценне (бацькі дзяўчыны былі супраць шлюбу з «гоем», г.зн. неяўрэем), але ў рэшце рэшт усё скончылася добра. Сёння гэтае апавяданне выглядае найўным, аднак можна меркаваць, што на юнага Быкава яно зрабіла моцнае ўражанне. У далейшым для быкаўскай творчасці будзе характэрна стаўленне да людзей перадусім у залежнасці ад іх паводзінаў, а не паходжання. Такое стаўленне можна было б назваць «інтэрнацыяналісцкім», дарма што В. Быкаў, асабліва ў апошні перыяд сваёй дзейнасці, настойваў на памыснасці ўмеранага нацыяналізму і шкадаваў, што яго сыны «выраслі на сутнасці ў касмапалітычным гарадзкім асяродку» [1, с. 394].

У «Доўгай дарозе дадому», апрача кубліцкіх, пункцірна паказаны іншыя яўрэі, з якімі спатыкаўся пісьменнік: мастак Лейтман і стары гандляр капелюшамі Абрам у даваенным Віцебску, літаратары Рыгор Бязрозкін, Навум Кіслік, Яфім Эткінд у паваенны час... Крыху больш падрабязна расказана пра гісторыка Барыса Клейна, які цяпеў ад цкавання за іншадумства ў Гродна. В. Быкаў называў яго сябрам і ў інтэрв'ю З. Гімпелевіч прызнаўся, што Клейн стаў прататыпам аспіранта Краснянскага ў «Бедных людзях» – апавяданні 1994 г. [3, с. 164]. У гэтым творы не выпукляецца нацыянальная прыналежнасць героя, аднак у Быкава ёсць нямала твораў, дзе яна прама ці ўскосна пазначана.

Мастацтвазнаўца Барыс Фішар з аповесці «Жураўліны крык» (1959) – найперш ленынградскі інтэлігент, які з цяжкасцю прызвычайваецца да вайсковага жыцця. Характэрна яўрэйскага ў ім мала, хіба прозвішча (якое гіпатэтычна магло быць і нямецкім), аднак З. Гімпелевіч настойвае на тым, што герой Быкава – «яўрэйскі інтэлектуал» [3, с. 54]. Зусім інакш за Фішара выглядае ардынарац камбата Лёва Гутман у аповесці «Яго батальён» (1975), зухаваты рамеснік, які «акадэміяў не канчаў»: гэта «майстар на ўсе магчымыя і немагчымыя справы — усё ў яго выходзіла надзіва лёгка і адмыслова». Ён жадае помсціць за сваю радню, што загінула ў Кіеве, і аўтар яму спачувае. Відавочна, сімпатычны аўтару і смелы (хоць і «доўгі, няскладны») баец Шнэйдар у «Праклятай вышыні» (1968), які не стрымліваецца і б'е нямецкага палоннага, калі той пры допыце кажа яму «Вэк, юдэ».

Эпізодычным персанажам у «Знаку бяды» (1982) з'яўляецца Лейба, з якім у героя да вайны склаліся добрыя адносіны: «Лейба быў чалавек майстравіты, ужо ён бы Петрака выручыў. Тым болей, у іх была нават дружба. Пятрок да яго ставіўся з павагай і звяртаўся ласкава Лейбачка, а той да яго – Пятруська. Здаецца, нават яны былі аднагодкі і ведалі адзін аднаго з хлапечай пары. Здаўна ўсю кавальскую справу рабіў яму Лейба... Калі ж заплаціць не было чым, Лейба мог зрабіць у доўг, «напавер», пачакаць месяц, паўгода, пакуль вырасце збожжа ці прыйдзе час рэзаць авечку. І ніколі ў іх з Петраком не было ўзаемных крыўд ці

непаразуменняў» [5, с. 36]. У аповесці згаданы і іншы Лейба – балагол, да якога Сцепаніда меркавала звярнуцца дзеля паездкі ў Полацк: *«Не хопіць грошай, каб заплаціць, – напросіць у доўг, пасля, можа, заплаціць яйкамі... Лейба – чалавек добры, мог і пачакаць да вясны ці да лета. Не паднімаў вэрхал, як іншыя»* [5, с. 138].

Гісторыя 13-гадовай дзяўчынкі Басі, дачкі Мэера-шаўца (імя «Мэер», улічваючы ўспаміны В. Быкава пра дзяцінства, наўрад ці выбрана выпадкова), расказаная ў аповесці «Сотнікаў» (1970), з’яўляецца, магчыма, найлепшым сведчаннем пра Катастрофу беларускага яўрэйства ў савецкай літаратуры. «З жыдоў пачалі, а, глядзі, намі скончаць», – кажа арыштаваны стараста Пётра ў адказ на жаклівы аповед Басі [6, с. 473], і падобныя словы рэальна вымаўляліся беларусамі на першым этапе знішчэння яўрэяў [7, с. 122]. Заслуга В. Быкава палягае і ў тым, што ён нагадаў пра Катастрофу ў час, калі гэта не віталася ў СССР. Аўтар засяроджваў увагу на пакутах людзей, настойваючы на каштоўнасці кожнага жыцця, і не рабіў маштабных высноваў. У літаратурнай творчасці, філасофскім падмуркам якой былі ідэі экзистэнцыялізму, арыентаванага на індывідуальны выбар, В. Быкаў не быў схільны да агульных разваг пра лёсы народаў. Між тым падобныя развагі нярэдка ў публіцыстыцы Быкава ад «перабудовы» і далей. Выглядае, погляд пісьменніка на суайчыннікаў з цягам часу рабіўся больш песімістычным, што вынікае з наступнага фрагмента: *«Калі б немцы былі разумнейшыя, далі беларусам зямлю і вярнулі ўласнасць, дык беларусы, мабыць, наводзілі б сябе інакш. Прынамсі, як літоўцы, латышы і эстонцы... Тое, што побач нішчылі яўрэяў, іх ня надта турбавала – абы саміх не чапалі»* [1, с. 422]. Відавочна, такія беларусы, пра якіх сказана тут, наўрад ці сталі б сябраваць з кавалём Лейбам (як Пятрок у «Знаку бяды») або спрабавалі б уратаваць Басю (як цётка Праскоўя ў «Сотнікаве»). Скарэй яны нагадваюць начальніка паліцыі Драздзенку з рамана «Кар’ер» (1986), які агітуе героя рамана, параненага камандзіра Чырвонай Арміі Агеева: *«Трэба наводзіць парадак, а то немцы ўсіх панішчаць. Вунь як яўрэяў. Але яўрэі – чорт з імі, а сваіх шкада»* [8, с. 211]. Ёсць у рамане і «абгрунтаванне» падобных поглядаў, укладзенае ў вусны адукаванага калабаранта: *«Непаўнацэнная раса, – з націскам сказаў Кавешка. – ...Калі разабрацца, яны нам чужыныцы. Яны сапсавалі нашу гісторыю. Яны стагоддзямі расслаблялі дух беларусінаў. Не будзем шкадаваць іх»* [8, с. 172]. Агееў, аднак, застаецца на сваіх ранейшых гуманістычных пазіцыях, праяўленых у размове з сакратаром райкома. Дарэчы, калі размова заходзіць пра масавае забойства яўрэяў, сакратар нібыта спрачаецца з Кавешкам: *«Жах – мала сказаць. Злачынства! Палова мястэчка як вымерла. А яны ж тут жылі стагоддзямі. Тут на могільках дзесяткі іх пакаленняў...»* [8, с. 77].

Апошні раз у мастацкім творы В. Быкава яўрэі з’яўляюцца ўжо ў XXI ст. Ідзеца пра апавяданне «На балотнай сыцяжыне», упершыню надрукаванае ў газеце «Наша Ніва». У гэтым познім быкаўскім апавяданні яўрэйка Рыма Барысаўна праяўляе грамадзянскую мужнасць і перад вайной выкладае беларускую мову ў школе (калі ніхто з іншых педагогаў, якія баяліся абвінавачванняў у «нацыяналізме», за гэта не браўся). У выніку *«перадваеннае пакаленьне местачкоўцаў пайшло на вайну зь ведамі роднае мовы, засвоенымі ад беларусазнаўцы-габрэякі. Сама ж Рыма Барысаўна лягла ў супольную магілу на*

краі мястэчка, дзе ў адзін дзень і час былі расстраляныя ўсе местачковыя габрэі. І сярод іх - адзін негабрэй, стары выкладчык матэматыкі Станіслаў Альбертавіч, яе бацька, дзед яе Ўладзіка» [9]. Слова «габрэй» тут, верагодна, адлюстроўвае моўную палітыку газеты, бо звычайна, як пазначана вышэй, В. Быкаў не карыстаўся ім ні ў мастацкіх, ні ў публіцыстычных творах.

З публіцыстычнай спадчыны пісьменніка відаць, што ён шчыра цікавіўся біяграфіяй свайго земляка, мастака Марка Шагала, выступаў за ўвекавечанне яго памяці ў Віцебску. У 1987 г. В. Быкаў разам з іншымі дзеячамі культуры падпісаў «прашагалаўскае» пісьмо ў маскоўскую газету [10], нягледзячы на тое, што гэты крок паглыбіў яго разыходжанні з іншым земляком, будучым Героем Беларусі Міхасём Савіцкім, да якога пісьменнік (прынамсі да 1980-х гг.) ставіўся не менш прыязна [11]. У пачатку 1990-х гадоў В. Быкаў не раз браў удзел у «Шагалаўскіх днях» і «Шагалаўскіх чытаннях», а ў ліпені 1992 г. на адкрыцці помніка Шагалу звярнуўся да аднаго з ініцыятараў імпрэзы Д. Сімановіча: «...сёння мы павінны сказаць: асаблівы дзякуй табе, Давід – ад беларусаў, рускіх, яўрэяў. Ты свой абавязак выканаў...» [12, с. 69]. Напэўна, у даным выпадку галоўным у грамадскай дзейнасці В. Быкава было адчуванне несправядлівасці (доўгае замоўчванне на мясцовым узроўні імені ўраджэнца Віцебска, які праславіў Беларусь у свеце), а не барацьба за правы яўрэйскага народа: «Калі сёння мы дапускаем пякельны шабаш вакол Шагала, то дзе гарантыя таго, што заўтра падобнае не адбудзецца ў дачыненні да любога іншага мастака?» [13, с. 72]. У мемуарах В. Быкаў нават крыху перабольшыў невядомасць Шагала ў савецкім Віцебску: «Пра... Марка Шагала, які тады [у канцы 1930-х гг.] жыў у Парыжы, у яго родным горадзе нічога не было вядома. Бы ён і не меў ніякага дачынення да гэтага гораду» [1, с. 37]. Насамрэч у змрочны перадваенны перыяд імя Шагала ў БССР афіцыйна не забаранялася, пра што сведчыць публікацыя водгуку мастака на смерць яго настаўніка Пэна ў дзвюх рэспубліканскіх газетах, «Акцябер» і «Звязда» [14]. Найбольш выразна пазіцыя В. Быкава была акрэслена ў 1991 г.: «...Шагал, будучы яўрэем па паходжанні, у роўнай меры апостал і беларускай культуры ўжо хоць бы фактам свайго нараджэння на беларускай зямлі» [13, с. 201].

У канцы 1980-х гг. В. Быкаў паспрыяў публікацыі ўспамінаў былой вязніцы мінскага гета Ганны Краснапёрка ў аўтарытэтным расійскім часопісе «Дружба народаў», напісаўшы да іх прадмову [15, с. 138]. У 1993 г. В. Быкаў уваходзіў у аргкамітэт Дзён памяці 50-годдзя знішчэння гэтага гета, пакліканых нагадаць пра Катастрофу ўсяго беларускага яўрэйства. У той час атрымала розгалас яго прамова з заклікам памятаць: «І калі цяпер беларусы памкнуліся да таго, каб найперш “людзьмі звацца”, дык у тым заслуга і нашых суседзяў яўрэяў, якія стагоддзямі жылі поруч з намі. Мы разам і згодна жылі так доўга, што па сутнасці склалі адзін мана-народ. Народ Беларусі». Крыніцай антысемітызму, паводле Быкава, былі «расейскае чорнасотніцтва, пасля нямецкі нацызм ды і маскоўскі бальшавізм таксама» [16]. Гэтая рыторыка, характэрная для руху БНФ пачатку 1990-х гадоў, да якога належаў В. Быкаў, кантрастуе з сумнымі развагамі ў «Доўгай дарозе дадому», цытаванымі вышэй.

Няма сведчанняў пра тое, што В. Быкаў цікавіўся літаратурай на ідышы так, як яго сябар Р. Барадулін. У інтэрв’ю З. Гімпелевіч (2001 г.) В. Быкаў казаў:

«Я па-ранейшаму лічу, што кожны з беларускіх пісьменнікаў мае права выбіраць сваю мову: рускую, іўрыт, татарскую або беларускую» [3, с. 181]. На наш запыт праф. Гімпелевіч у лісце ад 24.03.2014 пацвердзіла, што Быкаў меў на ўвазе іменна іўрыт, а не ідыш (мову, на якой у Беларусі ХХ ст. тварылі значна часцей). На яе думку, адказ Быкава быў заступніцтвам пісьменніка за некалі забаронены ў СССР іўрыт. Нам здаецца, што гэты адказ тлумачыцца іначай: падчас візиту ў Ізраіль увесну 1995 г. пісьменнік убачыў краіну, дзе іўрыт панаваў у розных сферах, у тым ліку ў літаратуры, і свядома або падсвядома надаў гэтай мове большую каштоўнасць. Апрача таго, адным з важкіх довадаў для адраджэнцаў беларускай мовы ў канцы ХХ ст. было тое, што «габрэі адрадзілі сваю мову (іўрыт), значыць, зможам і мы».

Аналізуючы творчасць В. Быкава, можна прыйсці да высновы, што яўрэі цікавілі яго як «свае чужыя» – часам больш «свае», чым славяне ўвогуле і супляменнікі-беларусы ў прыватнасці. Гэты погляд бярэ пачатак у купалаўскай традыцыі ўслаўлення «ўсебеларускіх жыдоў» [17, с. 69-71]. Парадаксальна ці не, але яўрэі, намаляваныя ў ваенных аповесцях В. Быкава – байцы, якія не мелі непасрэднага дачынення да Беларусі – выглядаюць часам ярчэй за вобразы «тутэйшых». У цэлым жа ўклад людзей у справу значыў больш, чым іхняе паходжанне – і для Быкава-мастака, і для Быкава-публіцыста.

Спіс літаратуры:

1. Быкаў, В. У. Доўгая дарога дадому / В. У. Быкаў. – Мінск: ГА БТ «Кніга», 2003. – 544 с.
2. Барадулін, Р. І. Толькі б яўрэі былі!.. / Р. І. Барадулін. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 244 с.
3. Gimpelevich, Z. J. Vasil Bykaŭ: His Life and Works / Z. J. Gimpelevich. – Montreal: McGill-Queens' University Press, 2005. – 260 p.
4. Быкаў, В. Пункціры жыцця / В. Быкаў. – Поўны збор твораў. У 14 т. Т. 8. – Мінск: Саюз беларускіх пісьменнікаў; Масква: ТАА «Выдавецтва “Время”», 2009. – 576 с.
5. Быкаў, В. Знак бяды / В. Быкаў. – Збор твораў у 6 т. Т. 4. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – 495 с.
6. Быкаў, В. Сотнікаў / В. Быкаў. – Поўны збор твораў. У 14 т. Т. 3. – Мінск: Саюз бел. пісьменнікаў; Масква: ТАА «Выдавецтва “Время”», 2005. – 656 с.
7. Рудлінг, П. А. Непрыкметны генацыд: Халакост у Беларусі / П. А. Рудлінг // Arche. – 2013. – № 2. – С. 120–139.
8. Быкаў, В. Кар’ер / В. Быкаў. – Збор твораў у 6 т. Т. 5. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – 432 с.
9. Быкаў, В. На балотнай сьцяжыне / В. Быкаў // Наша Ніва. 2001. 2 красавіка.
10. Алексіевіч, С., Быков, В. и др. Кто украл «фонарь гласности»? / С. Алексіевіч, В. Быков и др. // Советская культура. 1987. 3 октября.
11. Быков, В. Подвиг Савицкого / В. Быков // Известия. 1979. 21 января.
12. Симанович, Д. «Не отлучить Шагала от Витебска!..» Василь Быков о великом художнике / Д. Симанович // Бюллетень Музея Марка Шагала. – 2009. – № 16-17. – С. 67–69.
13. Быкаў, В. На крыжах / В. Быкаў. – Мінск: Беларусь, 1992. – 270 с.
14. Письмо мастера М. Шагала // Звезда. 1937. 5 красавіка.
15. Мехов, В. Вспомяная Быкова / В. Мехов // Мишпоха. – 2004. – № 14. – С. 134–139.
16. Быкаў, В. Прамова / В. Быкаў // Мы яшчэ тут! –2003 кастр. – Спецвыпуск № 2.
17. Купала, Я. Жыды / Я. Купала. // Поўны збор твораў. У 9 т. Т. 4. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1997. – 446 с.

Е.П. Маюк (Минск, Беларусь)

**ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ С ОБРАЗНОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ
И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ)**

Язык является хранилищем коллективного опыта человечества, который выражается в значениях слов и устойчивых выражений, в ценностных ассоциациях и зафиксированных в языке нормах поведения, в прецедентных текстах, определяющих принадлежность людей к той или иной культуре. Особую роль в передаче коллективной и индивидуально-авторской мудрости от поколения к поколению играют паремии (пословицы и поговорки), в сжатой и емкой форме выражающие наиболее важные для людей идеи. Паремии, являющиеся объектом изучения в данной работе, не раз привлекали к себе внимание исследователей. Вместе с тем этнокультурная специфика этих высказываний остается недостаточно изученной и составляет предмет нашего исследования.

Межъязыковые эквиваленты (соответствия) – «это сходные по семантике единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от степени их семантической близости, а также от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь в некоторых специальных или единичных контекстах» [1, с. 34]. Понятие межъязыкового соответствия существует в сопоставительном языкознании на протяжении долгого времени и является не только объектом пристального внимания ученых, но и инструментом ряда лингвистических исследований: при работе над переводом языковых единиц одного языка на другой обнаруживается большое количество разных типов межъязыковых соответствий, изучение расхождений и сходств которых способствует изучению иностранных языков и служит потребностям перевода.

В работе Я.И. Рецкера предлагается три вида соответствий при переводе на родной язык: перевод при помощи эквивалентов, аналогов и адекватных замен. Выделенные типы соответствий встречаются как при передаче лексических единиц, так и фразеологических сочетаний [2].

В исследовании Л.С. Бархударова [3], на основе классификации типов соответствий, предложенной Я.И. Рецкером, рассматриваются три основных случая соответствий в языках. Гораздо более распространенным типом являются частичные соответствия, к числу которых Л.С. Бархударов относит случаи включения и пересечения. З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют три основных типа межъязыковых соответствий: линейные, векторные и лакуны [1, с. 35].

Настоящая работа посвящена выявлению межъязыковых паремиологических соответствий с образной национальной спецификой. В качестве фактического материала выступили белорусские и английские паремиологические тексты с квантитативным компонентом *один*. Мифологические числовые образы составляют часть наивной картины мира, которая, как считает Ю.Д. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную

философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [4, с. 39]. В мифопоэтических системах под числами понимается один из наиболее известных классов знаков, ориентированный на количественную оценку. Паремии с квантитативным компонентом *один*, с одной стороны, являются хранилищем индивидуального и общественного опыта, количественного восприятия и оценки окружающей действительности представителей белорусской и английской лингвокультур, с другой, отражают мировосприятие двух этнокультурных общностей, их ценностные установки.

Мы исходим из того, что паремии характеризуются наличием релевантных признаков фразеологических единиц и разделяем точку зрения сторонников фразеологически ориентированного подхода, относя паремии к сфере изучения фразеологии. В отношении паремий термин «соответствие» следует считать в значительной степени условным, т.к. «понятие, которое кладется в основу фразеологической единицы, у каждого из языков, как правило, находит отличительные, только ей присущее семантическое содержание и лексико-грамматический состав» [5, с. 5]. При выявлении типов белорусско-английских паремиологических соответствий мы опираемся на классификацию межъязыковых паремиологических эквивалентов, разработанную лингвистом А.В. Куниным, которая в дальнейшем была поддержана В.Н. Комиссаровым. Исследователи выделяют шесть типов межъязыковых эквивалентов [6]:

1. полные эквиваленты – разноязыковые паремии с полным совпадением по значению, лексико-грамматической структуре, образности, стилистической направленности.

2. частичные эквиваленты – разноязыковые паремии, содержащие лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения при наличии одинакового значения одной и той же стилистической направленности. Этот тип включает два подтипа:

а) частичные лексические эквиваленты подразделяются на две группы:

- разноязыковые паремии, совпадающие по значению, стилистической направленности и близкие по образности (грамматическая структура может как совпадать, так и не совпадать), но несколько расходящиеся по лексическому составу;

- разноязыковые паремии, совпадающие с ними по значению, по стилистической направленности, но различные по образности (грамматическая структура может как совпадать, так и не совпадать);

б) частичные грамматические эквиваленты – разноязыковые паремии, совпадающие по значению, стилистической направленности и образности, но отличающиеся по своей грамматической структуре;

3. безэквивалентные паремии – паремиологические единицы, не имеющие эквивалентов в языке сопоставления.

В нашем исследовании мы выделяем полные паремиологические эквиваленты, паремиологические эквиваленты с образной национальной спецификой, безэквивалентные паремии (лакуны). На практике подобная типология помогает выявить различия в семантике, структуре и прагматике разноязыковых паремий. Это особенно важно при составлении двуязычных

словарей, где часто разноязыковые единицы постулируются как эквивалентные, несмотря на наличие в них существенных функциональных несоответствий.

Паремиологические единицы являются наиболее «представительными» единицами лингвокультурологии: внутренняя форма фразеологических единиц, являющаяся носителем мотивированности, часто содержит элементы национально-культурного плана, так как паремии возникают на основе «образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [7, с. 302].

Под образным компонентом паремии понимается закрепленный за паремией обобщенный чувственно-наглядный образ обозначаемого. По мнению фразеолога Ю.П. Солодуб, образный компонент, входящий в состав коннотации, является структурирующей основой фразеологического значения [8]. Как указывает В.Н. Телия, большей содержательности фразеологического значения содействует образность фразеологизма, в основе которой лежит не единичный элемент действительности, а определенный фрагмент мира, благодаря чему большинство идиом ситуативно [9].

Следовательно, образный компонент, непосредственно отражаясь в значении паремии, способствует структурированию фрагментов языковой картины мира, связанной с образным восприятием предметов, явлений окружающей действительности, что находит реализацию в актуальном (зафиксированном в словаре) значении паремий.

Паремиологические эквиваленты с образной национальной спецификой – это белорусские и английские паремии, частично или полностью отличающиеся образной составляющей, положенной в основу паремии, при совпадении семантики ПЕ. Например, белорус. *Адна пчала мёду не наносіць* [10, с. 374] и англ. *One stone alone cannot grind corn* [11] (буквально ‘один камень сам не перемелет зерно’) имеют одинаковое значение ‘человек не может справиться со сложной задачей в одиночку’, но наблюдается различие образа. В белорусской паремии – это пчела, а в английской паремии образным составляющим выступает камень. Считать их межъязыковыми паремиологическими эквивалентами позволяет тот факт, что внутренний образ паремий практически не осознается носителями языка и в большинстве случаев не влияет на применение паремии. Всего было выявлено 207 белорусских и английских паремиологических эквивалентов с образной национальной спецификой. Они составляют 57,2% от общего числа паремий, содержащих количественный компонент *один* (362 белорусские паремии).

Высокий процент белорусских семантических эквивалентов с образной национальной спецификой в паремиях с количественной единицей *адзін* обусловлен наличием в структуре паремий лексем с ярко выраженной идеознтической спецификой. Значительная степень несовпадения образных составляющих белорусских и английских паремий связана с осмыслением количества *адзін* в белорусской лингвокультуре как

1) недостаточного количества для осуществления тех или иных действий, например: белорус. *Аб адном гурку добр не будзеш* [10, с. 246], англ.

The belly/stomach carries the feet/legs – буквально ‘брюхо/желудок несет ноги’ [11];

2) одиночества, например: белорус. *Адзін дасуж, ды не дуж* [12, с. 39], англ. *One stone alone cannot grind corn* – буквально ‘один камень в одиночку зерно не перемелет’ [11]. *The voice of one man is the voice of none* – буквально ‘голос одного человека – это голос никого’ [11];

3) несчастной судьбы, например: белорус. *Адна сарочка і тая як сапуха* [10, с. 264], англ. *It's hell to be poor* – буквально ‘быть бедным – это ад’ [11].

Все вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: несовпадение образного компонента в белорусских и английских поговорках, содержащих в своей структуре нумератив *адзін*, свидетельствуют о разном образном осмыслении этой количественной характеристики носителями сопоставляемых языков.

Список литературы:

1. Стернин, И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 288 с.
2. Рецкер, Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я.И. Рецкер // Вопросы теории и методики учебного перевода. – М. : 1950. – С. 156–158.
3. Бархударов, Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий / Л.С. Бархударов / Иностр. яз. в школе. – 1980. – № 5. – С. 11–17.
4. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
5. *Proverbia et dicta: Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў* / Н.А. Ганчарова [і інш.]; пад рэд. Н.А. Ганчаровай. – Мінск: Універсітэцкае, 1993. – 255 с.
6. Кунин, А.В. О переводе английских фразеологизмов / А.В. Кунин // Вопросы теории и истории перевода [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/transl-book-kunin.shtml. Дата доступа : 08.05.2013.
7. Телия, В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В.Н. Телия // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – М. : «Наука», 1993. – С. 302–305.
8. Солодуб, Ю.П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений / Ю.П. Солодуб // Филологические науки. НДВШ. – 1997. – №5. – С.43–54.
9. Телия, В.Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка / В.Н. Телия // Словарь образных выражений русского языка. / под ред. В.Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – С.10–16.
10. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 1. Рэд. А.С. Фядосік. Мінск : “Навука і тэхніка”, 1976. – 560 с.
11. Русско-английский словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа : http://proverbs_ru_en.academic.ru/. – Дата доступа : 24.01.2013.
12. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах, кн. 2. Рэд. А.С. Фядосік. Мінск : “Навука і тэхніка”, 1976. – 616 с.

В.А. Шпакоўская (Магілеў, Беларусь)
**ХАРАКТАРЫСТКА КЛЮЧАВОГА СЛОВА Ў БЕЛАРУСКІХ
ЛІТАРАТУРНЫХ АФАРЫЗМАХ.**

У ходзе даследавання было прааналізавана каля 3000 беларускіх літаратурных афарызмаў. У дадзеных афарызмах было вылучана ключавое слова. Ключавым словам можа быць толькі такая лексічная адзінка, у якой адлюстравана зместавая сфера асноўнай думкі афарызма [1].

Асноўная колькасць ключавых слоў з прааналізаваных афарызмаў з'яўляюцца назоўнікамі, напр.: **Чалавек** жыве дзеля добра, для служэння праўдзе, каб стварыць нейкія вартасці жыцця і каб быць карысным для іншых... (Я. Колас); **Старасць** – час, калі не маеш права, / Апроч сну, адпачынку, спакою, / Ні на адзін дзень адкласці свае справы... (М. Танк); **Бог** - чалавек! / І чалавек, вялікі / Сваёй вялікай вераю ў людзей! (Т. Бондар).

У якасці ключавых слоў выступаюць агульныя назоўнікі. Сярод іх сустракаюцца і адушаўлённыя асабовыя, напр.: **Ніколі** не страціць для нас цікавасці **чалавек**, бо праяўленне яго розуму бязмежна, бо дарогі яго не вызначаны, бо формы яго жыцця і яго адносіны да другіх людзей бясконца разнастайныя, канчаткова не выяўлены і ніколі не могуць стаць канчатковымі (Я. Колас); **Дзеці** – радасць і прыгажосць усіх народаў свету (Я. Брыль), і неадушаўлённыя, напр.: **Веды**, засвоеныя механічна, - нямая нага (А. Разанаў); **Зернейку** трэба загінуць у чорнай раллі, каб выжыць... (Н. Мацяш).

Большасць ключавых слоў з'яўляюцца абстрактнымі назоўнікамі, напр.: **Каханне** без **пространі** – птах без крыла (Н. Мацяш), **Шчасце** – / Жыць, працаваць з чалавекам сумленным (М. Танк); **Важны**, і галоўны, / і самы светлы талент – **дабрата** (С. Грахоўскі); **Ліха** знойдзе ўсюды, / **Шчасце** ж уцякае (Я. Колас);

ці зборнымі назоўнікамі, напр.: **Кожны народ** мае свой твар (Я. Колас); **Каб людзі** ў шматмільярдным стане / **Нарэшце** зваліся людзьмі (Н. Мацяш).

Але ёсць сярод ключавых слоў і канкрэтныя назоўнікі, напр.: **У кожнага** – адзіная **дарога** / Ад метрыкі да некралого, / А паміж імі, як заўжды, – / **Хвіліны радасці і горычы гады...** (С. Грахоўскі).

У невялікай колькасці сустракаюцца рэчыўныя назоўнікі, напр.: **Жыта**, жыта, вечны скарб, / **Спажытак** чалавечых цела і душы (Н. Мацяш).

Меншая колькасць афарызмаў мае ў якасці ключавога слова дзеясловы. Гэта пераходныя дзеясловы абвеснага або загаднага ладу, напр.: **Жывеш**, пакуль жывыя, / **Хто** нарадзіў цябе (В.Зуёнак); **Папрацуй** як трэба, то будзеш спаць, хоць шылам калі (Я. Колас).

У кантэксце часта ўжываюцца дзеясловы ў форме інфінітыва, напр.: **Гаварыць** языком можна ўсё ўсякаму, **а зрабіць** можа не ўсякі і не ўсё (Я. Колас); **Жыць** не трэба, калі здрадзіў ахвярніку, калі кадзіш хату (У. Караткевіч), але зредку сустракаюцца і пераходныя дзеясловы, напр.: **У люстэрка** глядзі ў несхаванай журбе, / **На імгненне запомні** жывога сябе / **Перад тым**, як зрабіцца зямлёю (Р. Барадулін); **А хто** не паважае сябе, таго і другія не паважаюць... (Я. Колас).

У якасці ключавых слоў выступаюць і прыметнікі, напр.: **Багаты** духам той, хто дорыць многа, / **Убогі** – хто не дорыць, а бярэ (А. Звонак). сустракаюцца субстантываваныя прыметнікі, або дзеясловы, напр.: **Супроць** цячэння вады зможа толькі **жывое** паплыць (П. Трус); **Таленавіты** – сам сабе суддзя, / **А** для паскуд – заўсёды небяспечны (Я. Янішчыц); **Існуючае** – ў векавечным руху (М. Рудкоўскі), прыслоўі, напр.: **Дома** суха і ў багне, / **На чужыне** ён на ўзгор’і гразка (Р. Барадулін).

У якасці ключавых слоў могуць выступаць словы ў прамым значэнні, напр.: **Жанчыны** панствуюць і ў мане, / **А мужчыны** і ў праўдзе – рабы (У. Караткевіч); **Дабрата** – гэта не толькі ад шчырасці, але і ад усведамлення сілы, ад дзейнай веры, якая не прымае маны, спекуляцыі на дарагім паняцці ці слове (М. Стральцоў); **Жыццё** – патрэба ўсіх патрэб (А. Вялюгін), а таксама і ў пераносным значэнні, напр.: **І на светлай душы** нават светлыя **плямы** відаць (У. Марук); **Калі ты камень, то трымайся дна** (К. Чорны) **Мы – насенне жыцця** (А. Разанаў), або ў ідывідуальна-аўтарскім ўжыванні, напр.: **А які выпівака не ведае, што азначае сверб носа!** (Я. Колас); **Як немагчыма прынізіць абразую / Маці-зямелюхну, неба і сонца – / Гэтак і мовы, што служыць украсаю / Роду людскога, не ўнізіць – ні слоўца!** (Н. Гілевіч); **Хто йдзе – не мінае, бярозу ламае, – / Ніякага жалю нялюбасць не знае** (В. Аколава).

Ключавыя словы могуць адносіцца і да састарэлай або дыялектнай мовы, напр.: **Да роднага парога на паклон / Ідуць усе дарогі і сцяжыны...** (Р. Барадулін); **А людства** будзе жыць, бо кожны з нас / **Па-свойму рысы Бога паўтарае** (Р. Барадулін); **Хто гэта знае: чаму на чужыне / Вецер у вочы дзьме пылам заўсёды** (М. Танк).

У некаторых афарызмах, дзе вылучаецца два або больш ключавых слоў, яны могуць з’яўляцца сінонімамі, напр.: **Пайшоў пясняр, а песня засталася, / Памёр паэт, а песня будзе жыць** (С. Грахоўскі), або антонімамі, напр.: **Капцы жадаюць вечнага спакою, / Жывыя – працаваць, кахаць і пець** (У. Караткевіч); **Міг і Вечнасць** – святога зарубкі (В. Аколава).

У некаторых афарызмах ключавыя словы з’яўляюцца адноснымі і ўспрымаюцца ў кантэксте не як паняцце, а як вобраз, і фармальнае вылучэнне лексем у якасці ключавога слова з’яўляецца адносным, таму такое ключавое слова можа быць устаноўлена з кантэксту, напр.: **Кожны (чалавек) сам сваю капае студню** (Н. Мацяш); **Калі б ды кожны (чалавек) / З маленства думаў, з першых лет, / Які – ці светлы, ці прыгожы – / Пакіне ў памяці ён след** (Н. Гілевіч); **Хто (чалавек) сам не творыць даброты, / На даброту не мае права** (А. Бачыла); **Усе мы (людзі) аб’ектыўныя, калі нас не кранаюць** (І. Шамякін); **Адным (людзі) ляцець высока; ходам крэсным / Паўзці другім (людзі), хто розумам аглух** (А. Звонак).

Ёсць і такія афарызмы, дзе ключавыя словы не маюць сваіх апорных лексем. У такіх афарызмах ключавыя словы вылучаюцца з агульнага сэнсу кантэксту і пры падстаноўцы ў яго вельмі добра і натуральна ўпісваюцца ў агульны сэнс афарызма ў якасці звароту, напр.: **Навошта ж злаваць на таго, да каго цяжка ўзняцца? (чалавек)** (Т. Бондар); **Ешце з голаду, / кахайце змоладу – / іначай вы – / ні к сялу, ні к гораду (людзі)** (А. Вярцінскі); **Усміхніся ўсяму, / Што варожаю цемраю гнеціць... (чалавек)** (Н. Мацяш).

Ключавыя словы ў афарызмах могуць быць і ў форме словазлучэнняў, або састаўных найменняў, напр.: ...*Усё няпэўнае хаваць у сабе, а напаказ выстаўляць толькі скамянелую ўпэўненасць і непахісную цвёрдасць волі* (В. Быкаў); *Сляпыя агульныя выразы вельмі шкадлівы, бо яны звязваюць уніклівую думку чалавека, заспакойваюць і закалыхваюць яе, як закалыхваюць крыклівае дзіця, і не даюць ёй ходу там, дзе трэба разгарнуць дзейнасць, каб дашукацца прычыны* (Я. Колас). *Мерка жыцця ўсё ж: / “Ёсць ці няма што ўспомніць!”* (А. Вярцінскі).

Большасць ключавых слоў у складзе беларускіх літаратурных афарызмаў з’яўляюцца абстрактнымі назоўнікамі, якія ўжыты ў прамым значэнні. Невялікая колькасць з іх з’яўляецца адноснымі назоўнікамі і ўспрымаецца ў кантэксте як вобраз. Некаторыя ключавыя словы ў складзе беларускіх літаратурных афарызмаў не маюць апорных лексем і вылучаюцца з агульнага сэнсу кантэксту.

Літаратура

1. Королькова, А.В. Руская афористика: монографія. / А.В. Королькова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 344 с.

I.C. Канавалава (Магілёў, Беларусь)
**БЕЛАРУСКІЯ АНТЫПРЫКАЗКІ І ІХ ПРАДМЕТНА-
ТЭМАТЫЧНАЯ КЛАСІФІКАЦЫЯ**

Пачынаючы з другой паловы ХХ стагоддзя ў сучаснай беларускай мове, як і ў многіх іншых еўрапейскіх мовах, назіраюцца істотныя змяненні ў функцыях і спосабах ужывання прыказак. Гэта выклікана істотнымі сацыяльнымі і культурнымі зрухамі ў жыцці чалавека і грамадства. Адбываюцца актыўныя працэсы трансфармацыі формы і зместу прыказак, прыстасаванне і прымяненне іх да новых сітуацый сучаснага сацыяльнага і культурнага жыцця. Адзін з такіх працэсаў – пераўтварэнні прыказак з мэтай іх парадывавання, высмейвання, што тлумачыцца сучаснымі парэміёлагамі як выкананне свайго роду “сацыяльнага заказу” па “асучасніванню” традыцыйных парэмій [1, с. 14]. Адзінкі, якія ўтвараюцца ў выніку парадыйных або жартаўлівых трансфармацый вядомых парэмій, у сучаснай парэміялогіі прынята называць “антыпрыказкі” [2].

Агульная колькасць зафіксаваных аўтарам артыкула ў розных крыніцах беларускіх антыпрыказак складае 1000 адзінак, якія адрозніваюцца паводле зместу і тэматычнай прыналежнасці.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца выяўленне прадмета-тэматычных груп беларускіх антыпрыказак.

Змест і тэматыка антыпрыказак вызначаюцца сваёй дуалістычнасцю. З аднаго боку, у антыпрыказках высмейваюцца традыцыйныя погляды на свет і духоўныя каштоўнасці, а з другога, адлюстроўваюцца новыя эпістэмалагічныя назіранні і этычныя нормы, якія проціпастаўляюцца старым, аджыўшым. Таму вывучэнне зместу і тэматыкі антыпрыказак мае дзве задачы: па-першае, вызначэнне тых тэматычных сфер парэміялагічнага фонду мовы, рэаліі якіх высмейваюцца ў антыпрыказках, а па-другое, дыферэнцыяцыя антыпрыказак на тыя прадметна-тэматычныя групы, якія адпавядаюць новым, сучасным рэаліям сацыяльнага і духоўнага жыцця.

Для вырашэння першай задачы патрабуецца выяўленне тэматычнай прыналежнасці прыказак, якія з’яўляюцца зыходнымі адзінкамі антыпрыказак, паколькі аб’ектам асмяяння і парадыравання ў антыпрыказках выступаюць тыя матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці сацыяльнага і духоўнага жыцця, якія адлюстраваны ў адзінках парэміялагічнага фонду беларускай мовы і з’яўляюцца эпістэмалагічна актуальнымі, значнымі для сучасных носбітаў мовы: “радзіма” (*Дарагая тая хатка, за якую заплаціў падаткі* ← *Дарагая тая хатка, дзе радзіла (нарадзіла) мяне матка*); “жыццё чалавека” (*Два вякі жыць не будзеш: надакучыць* ← *Два вякі жыць не будзеш*); “здароўе” (*Здароўе за грошы не прадасі* ← *Здароўе мілейшае за грошы*); “бацькі і дзеці” (*Чым бы дзіця ні цешылася, абы бацькі не плакалі* ← *Чым бы дзіця ні цешылася, абы (толькі б) не плакала*); “выхаванне” (*Гні дрэва, пакуль лаза* ← *Гні дрэва, пакуль яно маладое*); “сяброўства” (*З кім павядзешся – ад таго і захварэеш* ← *З кім павядзешся, ад таго <i>набярэшся*); “дабрабыт” (*Хочаш жыць – умей лётаць... па ўрачах і аптэках* ← *Хочыш жыць – умей круціцца*); “праца” (*Што пасееш, тое і збяруць суседзі на дачы* ← *Што пасееш, то (тое) і пажнеш*); “веды” (*Колькі не вучыся, усё роўна болей за тэлевізар ведаць не будзеш* ← *Век жыві – век вучыся*); “умельства” (*Не багі аб гарыкі апякаюцца* ← *Не багі гарыкі лепяць*); “досвед” (*Лепш адзін раз убачыць, чым пачуць і аглыхнуць* ← *Лепей <адзін> раз убачыць, чым сто разоў пачуць*); “слова” (*Слова не верабей: гадзіць без стомы* ← *Слова не верабей, выпусціў (выпусціш, вылеціць, вылецела) – не зловіш*); “надзея” (*Хто шукае, той і ашукваецца* ← *Хто шукае, той знаходзіць*); “знешнасць і сутнасць чалавека” (*Сустракаюць на вопратцы, праводзяць – як могуць* ← *Па адзенні страчаюць (сустракаюць), а на розуму праводзяць*) і г. д.

Калі прыказкі, паводле вядомага парэміялага А. Дандзіса, з’яўляюцца “люстэркам культуры” і жыцця народа [3, с. 45], то антыпрыказкі, на нашу думку, гэта свайго роду крывое люстэрка жыцця сучаснага грамадства, у іх у гратэскным выглядзе адлюстраваны найбольш важныя для сённяшняга чалавека праблемы асэнсавання навакольнага свету, сябе і свайго месца ў свеце.

Прадметна-тэматычная класіфікацыя антыпрыказак вымагае іерархічнага падыходу, што адпавядае пабудове моўнай карціны свету, у якой уяўленні аб рэчаіснасці суадносяцца паводле дыхатаміі “род – від”, “агульнае – прыватнае”, “частка – цэлае” і да т. п. Чыннікам успрыняцця пэўных рэалій у пэўнай якасці з’яўляюцца акрамя аб’ектыўна існуючых сувязей паміж рэаліямі яшчэ і суб’ектыўныя асацыяцыйныя сувязі паміж імі, абумоўленыя сацыяльным і духоўным вопытам грамадства.

Беларускія антыпрыказкі паводле зместу мэтазгодна дыферэнцыраваць на 9 галоўных прадметна-тэматычных блокаў: “Дзяржава. Улада. Палітыка”, “Эканоміка. Фінансы”, “Вытворчасць. Праца”, “Жыццё грамадства. Сацыяльныя з’явы, працэсы”, “Свет чалавека. Існаванне, асаблівасці, адносіны”, “Чалавек. Людзі. Зносіны”, “Духоўнае жыццё”, “Свет. Быццёвыя катэгорыі. Абстрактныя паняцці”, “Непазнанае”. Кожны з блокаў падзяляецца на некалькі прадметна-тэматычных груп, якія, у сваю чаргу, размяжоўваюцца на падгрупы па больш вузкіх прадметных тэмах.

Неабходна адзначыць, што некаторыя антыпрыказкі адначасова могуць адносіцца да двух розных тэматычных груп або падгруп. Напрыклад, адзінкі,

якія адносяцца да групы “сяброўства”, могуць уваходзіць у наступныя групы: “грошы” – (1) *Хутка знойдзе мільён “сяброў” той, хто мае мільён рублёў*; “карысць” – (2) *Скажы мне, хто твой сябра, і я скажу табе, чым ты можаш быць мне карысным*, “п’янства” – (3) *Адзін друг заўсёды лепей за трох, бо тры, калі наведваюцца ў госці, з’ядуць і вып’юць у тры разы больш*; “сямейныя адносіны” – (4) *Новых сяброў нажывай, а старых ад жонкі адганяй*. Гэта не супярэчыць іерархічнаму падыходу да прадметна-тэматычнай класіфікацыі, паколькі антыпрыказкі, таксама як і прыказкі, азначаюць не асобныя прадметы, а цэлыя сітуацыі, што складаюцца з некалькіх рэалій, якія могуць адносіцца да розных прадметна-тэматычных сфер. Аднясенне антыпрыказак да тых ці іншых прадметна-тэматычных груп абавязана на вылучэнне пэўнай дамінантнай тэмы. Згодна гэтага прынцыпу, антыпрыказкі (3) і (4) былі аднесены да групы “сяброўства”, а (1) і (2) – да груп адпаведна “грошы” і “карысць”.

Такім чынам змест беларускіх антыпрыказак прысвечаны актуальным праблемам у сацыяльным і культурным жыцці беларусаў, адносінам носьбітаў мовы да таго, што адбываецца ў Беларусі і ў свеце. Прадметна-тэматычныя групы беларускіх антыпрыказак з’яўляюцца ўзаемазалежнымі і ўзаемаабумоўленымі, суадносяцца паводле прынцыпу іерархіі, што адлюстроўвае аб’ектыўную іерархію паняццяў і каштоўнасцей, якія выступаюць найбольш значнымі для сучасных носьбітаў мовы. Розныя прадметна-тэматычныя групы маюць неаднолькавую колькасную прадстаўленасць, што паказвае на прадуктыўнасць адлюстравання ў мове тых ці іншых сфер сацыяльнага і духоўнага жыцця сучаснага чалавека, яго ўяўленняў і каштоўнасцей.

Прыкладна роўнымі па сваёй колькаснай напаяўняльнасці з’яўляюцца прадметна-тэматычныя блокі “Жыццё грамадства. Сацыяльныя з’явы, працэсы” (22% ад агульнай колькасці антыпрыказак), “Свет чалавека. Існаванне, асаблівасці, адносіны” (21,5%), “Духоўнае жыццё” (17,6%), “Чалавек. Людзі. Зносіны” (17,2%). Найменш колькасна прадстаўлены прадметна-тэматычныя блокі “Свет. Быццёвыя катэгорыі. Абстрактныя паняцці” (4,4%) і “Непазнанае” (0,2%).

Да найбольш актуальных сфер жыцця сучаснага грамадства адносяцца, паводле іх колькаснай прадстаўленасці ў беларускіх антыпрыказках, наступныя: “Маральныя якасці, праяўленне і рысы характару, эмоцыі” (10,4%); “Быт” (8%); “Адмоўныя сацыяльныя з’явы” (8,1%), у тым ліку “Злачыннасць” (3,9%), “П’янства” (3,7%); “Каханне. Інтымныя адносіны. Секс” (6,8%), “Сацыяльная іерархія” (3,6%), “Сям’я” (3,1%).

Літаратура:

1. Walter, H. Анти-пословицы в современной живой русской речи / H. Walter, V. Mokienko // Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. – Greifswald : Institut für Slawistik, 2002. – С. 3–24.
2. Mieder, W. Antisprichwörter / W. Mieder. – Wiesbaden : Verlag für deutsche Sprache, 1982. – Band I. – 235 s.
3. Dundes, A. Interpreting folklore / A. Dundes. – Bloomington : Indiana University Press, 1980. – 304 p.

С.У. Бачкова (Магілёў, Беларусь)
**ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНЫЯ СУВЯЗІ Ё МОВЕ БЕЛАРУСКАЙ
МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ**

Адметнай асаблівасцю беларускай мастацкай літаратуры ХХ стагоддзя з'яўляецца выкарыстанне інтэртэкстуальных сувязяў як праяўленне звароту да каштоўнасцяў рускай і сусветнай культуры. Інтэртэкстуальнасць – гэта працэс культурнага, гістарычнага, семіятычнага і міжтэкставага ўзаемадзеяння, які з'яўляецца адной з катэгорый тэксту і служыць сродкам адлюстравання міжтэкставых сувязяў.

Інтэртэкстуальнасць – складаная мастацкая з'ява, на аснове якой адбываецца дыялагічнае ўзаемадзеянне твораў, культур, эпох. Інтэртэкстуальнасць разглядаецца ў шырокім сэнсе як універсальная ўласцівасць тэксту і ў вузкім сэнсе разумеецца як наяўнасць канкрэтных і яўных адсылак да папярэдняга тэксту.

Інтэртэкстуальнасць – універсальная міжтэкставая сувязь, з дапамогай якой адбываецца злучэнне новага тэкста з ужо існуючымі вядомымі творамі. Уся культура – гэта інтэртэкст і прадтэкст для новага тэксту, а ўсё мастацтва з'яўляецца «паўтаральным» (тэрмін У.Эка) [1, с. 157].

Інтэртэкстуальнасць у нашым даследаванні вызначаецца намі як міжтэкставае ўзаемадзеянне, якое выяўляецца як у прамым, так і ва ўтоеным цытаванні, алюзіі, рэмінісцэнцыях, перайманні, парадзіраванні і г.д. і заўсёды рэпрэзентавана пэўнымі рознаўзроўневымі моўнымі маркерамі інтэртэкстуальнасці.

Інтэртэкстэма з'яўляецца адзінкай перадачы моўнай катэгорыі інтэртэкстуальнасці [2, с. 33] і найменшай адзінкай, якая маніфестуе інтэртэкстуальныя адносіны. Інтэртэкст пачынае існаваць у тэксце як пэўная адзінка з моманту актуалізацыі інтэртэкстэмы, асноўнымі прыметамі якой з'яўляюцца прэцэдэнтнасць, узнаўляльнасць і суаднесенасць з крыніцамі, што выяўляецца ў цытатнасці (відавочнай або ўтоенай). У артыкуле пад інтэртэкстэмай разумеецца «адзінка інтэртэксту, функцыянальна арыентаваная міжтэкстава, прадстаўнік пратэксту, міжузроўневы рэляцыйны (суадносны) сегмент зместавай структуры тэксту – сэнсавай, граматычнай (марфемна-словаўтваральнай, марфалагічнай, сінтаксічнай), лексічнай, прасадычнай (рытміка-інтанацыйнай), страфічнай, кампазіцыйнай, – які далучаны да міжтэкставых сувязяў» [3, с. 11].

Інтэртэкстэмы (прэцэдэнтныя феномены паводле тэрміналогіі І.У. Захаранкі, В.У. Красных і інш.) могуць з'яўляцца сімваламі і функцыянаваць у тэксце ў выглядзе згорнутых намінацый, успрымання якіх актуалізуе культурны код, або могуць служыць сродкам выражэння эмоцый, ацэнкі, дадатковай аргументацыі [4, с. 101]. Многія даследчыкі [2, 3, 4, 5] адзначаюць суб'ектыўнасць успрымання інтэртэкстуальных сувязяў. Распазнаванне інтэртэкстэм у тэксце залежыць ад эрудыцыі, памяці, унутранай культуры чытача, спосабаў чытання і г.д.

Інтэртэкстэмы (прэцэдэнтныя цытаты паводле тэрміналогіі Ю.А. Сарокіна) з'яўляюцца вынікам «свядомай і несвядомай устаноўкі аўтара на

структураванне прэцэдэнтнага поля. Прэцэдэнтнае поле тэксту актывізуе ў свядомасці рэцыпіента кагнітыўна-эматыўныя і аксіялагічныя структуры, якія фарміруюць сэнсавое поле тэкстаў культуры, агульнае і для аўтара, і для чытача» [6, с. 13]. Асноўным крытэрыем вылучэння інтэртэкстэмы з'яўляецца яе вядомасць усім прадстаўнікам нацыянальнай лінгва-культурнай супольнасці, актуальнасць і пастаяннае ўзнаўленне ў маўленні. Напрыклад, *Рэдактар спыніўся каля стала, шырока развёў рукі. – Што я бачу! Змаганне на зялёным полі!..О, людзі, людзі!! Як далёка адышліся вы ад законаў разумнага жыцця! І гора тым, хто будзе пераможан!* – *тонам філосафа адказаў Тарас Іванавіч.* (Я. Колас. На ростанях) [7, с. 231] – лац. *Vae victis!* (бел. *Гора пераможаным!*) – вядомы лацінскі крылаты выраз са значэннем «умовы заўсёды дыктуюць пераможцы, а пераможаныя павінны быць гатовыя да любога трагічнага павароту падзей».

У мастацкіх творах назіраецца вялікая колькасць інтэртэкстэм, прадстаўленых прэцэдэнтнымі імем, сітуацыяй, выказваннем, якія дакладна арыентаваны на тэкст-крыніцу, лёгка распознаюцца і лёгка выдзяляюцца ў тэксце. Напрыклад, *Злачынцы, частка якіх сядзіць на лаве падсудных, а частка яшчэ знаходзіцца ў гэтай зале на становішчы свабодных людзей, не грэбавалі ніякімі спосабамі для ажыццяўлення сваіх злачынных мэт. Яны страцілі сумленне, забыліся аб сваім доўгу, аб сваёй ролі, якая адведзена ім: «сеяць разумнае, добрае, вечнае».* (Я. Колас. На ростанях) [8, с. 339] – інтэртэкстэма *сейте разумное, доброе, вечное* прадстаўлена радкамі з верша «Сеяцелям» (1876) М. А. Някрасава, якія сталі крылатымі. Выслоўе ўжываецца ў значэннях «займацца асветніцтвам», «выхоўваць падростаючае пакаленне», «несці ў грамадства прагрэсіўныя ідэі». Такія міжтэкставыя ўключэнні ўспрымаюцца чытачом як адсылка да пратэксту, як чужое слова, яны афармляюцца пунктуацыйна-графічнымі сродкамі, і можа ўказвацца крыніца цытавання. Напрыклад, – *Каго ты хочаш у дурнях пакінуць? – зняважліва пытае пісар. – Скажы мне, з кім ты знаёмы, і я табе скажу, хто ты, – прыводзіць ён вядомы афарызм.* (Я. Колас. На ростанях) [7, с. 348] – алюзія да вядомага афарызма «Скажы мне, хто твае сябры, і я скажу, хто ты» з рамана «Дон-Кіхот» іспанскага пісьменніка Мігеля дэ Сервантэса Сааведры.

Але ў мове мастацкай літаратуры сустракаецца значная колькасць інтэртэкстэм, якія прадстаўлены ў выглядзе алюзій або рэмінісцэнцый і разлічаны толькі на інтэртэкстуальную кампетэнцыю чытача. Напрыклад, *Моцкін. А потым? Будзем націскаць і здаваць хлеб, каб вярнуць гарантыйныя распіскі. Праўда, цяпер развялося столькі рэвізораў, кантралёраў і правяральшычкаў, што хоць ты плач. І асабліва тых, як іх, што пішуць у газеты, у «Кракадзіл», у «Вожык». Калібераў. А ты, брат, камбінатар! Спе-ец!* (А. Макаёнак. Выбачайце, калі ласка) [9, с. 101] – інтэртэкстэма *камбінатар* з'яўляецца алюзіяй да вобраза Астапа Бэндара, галоўнага героя раманаў І.Ільфа і Я. Пятрова «Дванаццаць крэслаў» і «Залатое цяля», якому ўласцівы такія якасці, як схільнасць да авантурызму і махлярства.

Інтэртэкстэмы не заўсёды функцыянуюць у мастацкіх творах у нязменным выглядзе. Даволі часта кампаненты інтэртэкстэмы могуць з'яўляцца адсылкамі да аднаго або некалькіх пратэкстаў. Напрыклад, у маналогу Кудасава з п'есы А.

Макаёнка «Пагарэльцы» можна ўбачыць зварот адразу да некалькіх гістарычных падзей і асоб. (*Кудасаў. А як жа не спяшацца? Правароніць можна. Вы наберыце з такімі біяграфіямі, што... Мне цяжка будзе цягацца. Я адкрыта: мой дзед цара не забіваў, дзекабрыстам не быў. Дзевяцьсот пяты год праспаў на печы. Ён, дурань, аб унуках не клапаціўся. А ў лейтэнанта Шміта вунь колькі ўнукаў! Праўда, бацька мой у грамадзянскую не падвёў. Не прымкнуў ні да Пятлюры, ні да Балаховіча. Устаяў! І за тое – дзякуй. А мог бы на рэвалюцыйнай хвалі ўзляцець... А цяпер вось і я быў бы на сметніку, каб не класавае чуццё і адданасць.*) [10, с. 134]. Кампаненты *мой дзед цара не забіваў, дзекабрыстам не быў, дзевяцьсот пяты год* з'яўляюцца алюзіямі на рэальныя падзеі канца XIX – пачатку XX стст. – замах на цара Аляксандра III (1887 г.), паўстанне рускіх дваранскіх рэвалюцыянераў (снежань, 1825 г.), першая руская буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя. Кампаненты *Пятлюра і Булаховіч* з'яўляюцца адсылкамі да дзейнасці С.В. Пятлюры і С.Н. Булак-Балаховіча. Выкарыстанне кампанента *ў лейтэнанта Шміта вунь колькі ўнукаў!* з'яўляецца трансфармацыяй вядомага выразу «дзеці лейтэнанта Шміта» з рамана І. Ільфа і Я. Пятрова «Залатое цяля», у якім так называюцца спрытныя махляры, што выдавалі сябе за дзяцей лейтэнанта расійскага флоту П.П. Шміта.

Інтэртэкстэмы ў мастацкай літаратуры ўжываюцца як у нязменным, так і ў трансфармаваным выглядзе. Напрыклад, *Усе іляхі прыводзяць не да Рыма, / А да родных вербаў і бяроз* (У. Караткевіч. У дняпроўскіх хвалях, бы ў калысцы...) [11, с. 40] – граматычная трансфармацыя вядомага выразу «Усе дарогі вядуць у Рым».

Многія інтэртэкстэмы з'яўляюцца прэцэдэнтнымі і выконваюць ролю сімвалаў. Напрыклад, *Я ганарылася табою ў марах, / Адважны мой, каханы мой Ікар...* (У. Караткевіч. Вячэрнія ветразі) [11, с. 67] – алюзія да вобраза Ікара з міфаў Старажытнай Грэцыі, сімвалу ўзнёслых чалавечых імкненняў. *Сэрцу лёганька было, / Цэлы свет – вясёлы рай, / Хоць і восень, а святло / Так і льецца цераз край.* (Я. Купала. Лён) [12, с. 70] – інтэртэкстэма *рай* з'яўляецца сімвалам блажэннага шчаслівага жыцця, навакольнай прыгажосці і гармоніі.

Інтэртэкстэмы ў беларускіх мастацкіх тэкстах характарызуюцца разнастайнасцю крыніц, найбольш тыповыя з якіх наступныя: 1) творы класічнай мастацкай літаратуры (нацыянальная, руская і замежная літаратура), 2) міфалогія, 3) Біблія; 4) фальклор, 5) мастацтва, 6) дзейнасць прадстаўнікоў нацыянальнай, рускай і сусветнай гісторыі, культуры і навукі, 7) падзеі нацыянальнай і сусветнай гісторыі. Найбольш частотнымі крыніцамі інтэртэкстэм у мове беларускай мастацкай літаратуры з'яўляюцца творы класічнай нацыянальнай і сусветнай мастацкай літаратуры, Біблія, фальклорныя тэксты.

Даволі часта пратэкстам інтэртэкстэм з'яўляюцца сюжэты, вобразы, цытаты, выслоўі, назвы твораў класічнай мастацкай літаратуры. Напрыклад, *Калі мы ўсе разыграем такую «божскую камедыю», дык, яй-права, добра будзе!* (Я. Колас. На ростанях) [8, с. 183] – назва паэмы Дантэ Аліг'еры «Боская камедыя» (1321 г.), сусветна вядомага твора эпохі Ранняя Адраджэння. Я. Колас сумяшчае фразеалагізм «*разыграць камедыю*» і назву твора «*Боская камедыя*», падкрэсліваючы, якое істотнае значэнне мае для герояў твора гэты падман і

адносiны герояў да гэтага падману. Зварот у рамане да твора Дантэ Аліг’еры сведчыць пра гатоўнасць Лабановiча i яго таварышаў пайсцi на самаахвярнасць дзеля справы, за якую змагаецца народ. – *Правiльна, стары, – падтрымаў Лабановiча Уладзiк Сальвэсеў i зараз жа зацягнуў: Вихри враждебные веют над нами* (Я. Колас. На ростанях) [8, с.124] – радкi з песнi «Варшавянка» (1897 г.) на словы савецкага дзяржаўнага i палiтычнага дзеяча Г.М. Кржыжанойскага. Выкарыстанне гэтай iнтэртэкстэмы падкрэслiвае прыналежнасць герояў рамана да рэвалюцыйнага руху ў Расii.

Фальклорныя iнтэртэкстэмы прадстаўлены звычайна прыказкамі, прымаўкамі, адсылкамі да вобразаў, сюжэтаў, выказаў з казак, паданняў, легендаў, песень. Напрыклад, *У глушы, дзе туманы белыя, / Дзе жывуць лесуны i трасца, / Як заўсёды, шукалі смелыя / Кветку-папараць, кветку ичасця* (У. Караткевiч. У тую ноч) [11, с. 44] – алюзiя да вядомай усiм славянскiм народам легенды, паводле якой у купальскую ноч нiбы расцвiтае кветка папараць, i той, хто яе адшукае, можа авалодаць усiмі зямнымi скарбамi.

Iнтэртэкстэмы бiблейскага паходжання звязаны са зваротам да бiблейскiх сюжэтаў, вобразаў i цытат з тэкстаў Святога Пiсання. Напрыклад, *I прадаў ён Хрыста. I адвалiлі за гэта / Трыццаць срэбных дынараў* (У. Караткевiч. Балада аб трыццаць першым сярэбранiку) [11, с. 142] – зварот да евангельскага сюжэту аб пацалунку Iуды, які выступае як «узор» здрады наогул: – *Я хацеў бы прасiць вас, калега, пазнаёмiць мяне з вашай грамадою, бо трэба ж, як кажучь, аддаць кесарава кесаравi* (Я. Колас. На ростанях) [7, с. 22]. Параўн. «...кесарава кесару, а Божае Богу» – выраз з Евангелля, які мае значэнне «кожнаму прызначаецца тое, што стала вынiкам яго дзеянняў».

Адметнай асаблiвасцю мовы беларускай мастацкай лiтаратуры з’яўляецца ўжыванне адзiнак iнтэртэксту, якія выступаюць сродкам выражэння iнтэртэкстуальных сувязяў i адлюстроўваюць зварот да культурных, гiстарычных i сусветных каштоўнасцяў. Такія тэкставыя ўключэннi размяжоўваюцца паводле паходжання, характарызуючы культурныя прыярытэты нацыянальнага дыскурсу. Найбольш частотнымi крынiцамi iнтэртэкстэм з’яўляюцца творы класiчнай мастацкай лiтаратуры, Бiблiя i фальклор. Вялiкая частка iнтэртэкстэм наўмысна ўводзiцца ў тэкст аўтарам, а выбар iнтэртэкстэм залежыць ад iх мастацкай функцыi ў тэксце. Выкарыстанне мiжтэкставых сувязяў у мастацкiм творы – гэта спосаб нагадаць чытачу пра культурныя факты, для чытача – лепш зразумець, што жадаў сказаць аўтар. Iнтэртэкстуальнае ўзаемадзеянне выкарыстоўваецца аўтарамi для характарыстыкi духоўнага i маральнага свету герояў мастацкiх твораў, так адначасова i для фармiравання асабiстай культуры чытача.

Лiтаратура:

1. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Иностранная литература – 1988. – № 10. С. 150 – 157.
2. Золотухина, Е.Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке.: дис. ...канд. фил. наук: 10.02.01 / Е.Н. Золотухина; Вятский гос. гуманитарный ун-т. – Киров, 2009. – 207 с.
3. Сидоренко, К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова: монография / К.П. Сидоренко. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 253 с.

4. Захаренко, И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко [и др.] // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: «Филология», 1997. – Вып.1. – С. 82 – 103
5. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н.А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
6. Сорокин, Ю.А. Цитаты как знаки прецедентных текстов / Ю.А. Сорокин, И.М. Михалева // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 2. – С. 13 –25.
7. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. / Я. Колас. – Т. 13: Трылогія «На ростанях». Кн. 1; 2. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 457 с.
8. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. / Я. Колас. – Т. 14: Трылогія «На ростанях». Кн. 3. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 429 с.
9. Макаёнак, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Макаёнак. – Т. 1. П’есы. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 384 с.
10. Макаёнак, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Макаёнак. – Т. 2. П’есы. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 376 с.
11. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Т. 1: Вершы, паэмы. – Мінск: Маст. літ., 1987. – 431 с.
12. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 5 т. / Я. Купала. – Т. 5. Вершы, пераклады 1930 – 1942. – Мінск: Маст. літ., 1998. – 278 с.

Е.М. Лазаревич (Минск, Беларусь)

**ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО,
ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Процесс эвфемизации речи весьма характерен для современного общества. Так, например, пишет Л. П. Крысин: «Обращаясь к теме “эвфемизмы”, исследователь вынужден привлекать к анализу не только эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [3, с. 262]. Следовательно, эвфемизмы отражают разнообразные языковые и культурные тенденции, актуальные для определенной стадии развития общества.

Рассмотрение процесса эвфемизации целесообразно начать с причин, которые приводят к возникновению новых эвфемизмов.

Одними из самых ранних причин можно считать **страх, суеверия и предрассудки**, которые тесно связаны с табуированностью некоторых явлений. Обратимся к понятию табу и описанию его в рамках некоторых этнических традиций.

Считается, что табуирование, как обычай, впервые было отмечено в 1771 году Дж. Куком у аборигенов островов Тонга (Полинезия) во время кругосветного плавания, а сам термин «табу» (*tabu*), заимствованный из религиозно-обрядовых установлений Полинезии, обозначает «всецело выделенный» и «особо отмеченный» (*ta* ‘отмечать’, ‘выделять’ и *pu* ‘всецело’, ‘вместе’: *tapu tabu*). Табу – этнографическое понятие, касающееся и языка. Табу означает **запрет**, возникающий в сфере общественной жизни на разных

ступенях развития общества. Исходя из различных предпосылок, такой запрет может распространяться и на факты языка [5, с. 104]. В настоящее время черты табуирования под различными названиями найдены у всех народов, стоящих на определённой, ранней, ступени развития.

А. А. Реформатский пишет: «У народов, находящихся на ранней стадии общественного развития (полинезийцы, австралийцы, зулусы, эскимосы и др.), табу слов возникает на почве мифологических верований. В случае смерти вождя нельзя дотрагиваться до его тела, трогать его вещи, входить в его дом, говорить с его женой и произносить его имя, так как факт смерти – это проявление деятельности духов и вступать с ними в противоречие нельзя, иначе вызовешь их гнев. Подлежат запрету (табуированию) обозначение смерти, название болезней, имена богов и духов; часто табуируется название того животного, которое служит основным объектом охоты данного племени. Все это основано на наивном отождествлении этих «вещей» и слов, их называющих, что часто ведет к табуированию других созвучных слов или тех же слов в других значениях. На более высокой ступени развития, например в эпоху формирования народностей в крестьянской среде, источником табуирования служат суеверие и предрассудки» [5, с. 104]. Например, отсюда в славянских языках появилась потребность в эвфемизмах для наименования беременности: в русском языке вместо *брюхата*, *чревата* говорили *натяжеле*, *тяжелая*, *в тягости* (*тягостях*) [6, с. 211, 427, 76] и т.д. Беременность считалась состоянием опасным (иногда нечистым) как для самой беременной женщины, так и для окружающих и всего жизненного порядка, что связывали с присутствием в ней двух душ и ее близостью к границе жизни и смерти. Беременная женщина также считалась ранее лицом беззащитным перед нечистой силой, и ее поведение регламентировалось множеством правил и запретов, главным образом защитного характера [7, с. 161].

Г. Пауль называл в качестве причины возникновения эвфемизмов «**чувство стыда**», которое заставляет говорящего избегать обозначения вещей «их собственными именами» и пользоваться «косвенными обозначениями» [4, с. 123]. Источником табуирования слов в цивилизованной среде также служит **этикет**, боязнь грубых или неприличных выражений [5, с. 106]. Так, в русском языке вместо *беременная* говорят *в (интересном / деликатном / счастливом) положении* [6, с. 75]. Именно по этой причине врачи часто прибегают к латинским названиям болезней (заменяют слова латинскими синонимами) или употребляют особые медицинские термины: *репродукция* ‘размножение, производство потомства’ [6, с. 375], *редукция* ‘умертвление плода’ [6, с. 374], *эмбриотомия* ‘уничтожение плода’ [6, с. 454] и т.п.

Таким образом, **эвфемизмы** служат заменой тех слов и выражений, которые в соответствии с табуированностью определенных предметов или явлений (ввиду страха, суеверий, предрассудков или стыда) на ранних стадиях развития общества, а также в соответствии с речевым этикетом в цивилизованном обществе, являются запрещенными или нежелательными. Следовательно, эвфемизации речи присущи три аспекта – социальный, психологический и собственно лингвистический [2, с. 7].

В дополнение к этому определению можно привести цитату Л. П. Крысина касательно такого явления, присущего эвфемизмам, как «дрейф эвфемизмов» (стирание со временем эвфемистической функции у слова и замена его новым эвфемизмом): «В отличие от обычной лексики эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений. С этим связана историческая изменчивость статуса эвфемизма в языке и речи: то, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению, в следующем поколении может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены [3, с. 266]. В этой связи Л. П. Крысин в своей книге «Русское слово, свое и чужое» также пишет следующее: «То, что кажется эвфемизмом на одном этапе развития общества, перестает им быть на следующем, превращаясь в средство, которое, с точки зрения большинства носителей данного языка, именуется объектом слишком прямо [3, с. 283].»

Также считает и американский лингвист, профессор Л. Блумфильд, который пишет: «В подобных случаях, когда неприятное заключено в самой реальной ситуации, языковые формы становятся нежелательными, как только они приобретают слишком конкретную связь с неприятным содержанием. Слова-заместители (субституты) могут со временем тоже начать ассоциироваться с соответствующим значением и стать в свою очередь табу» [1, с. 437]. В связи с этим можно указать на историю такого слова, связанного с женщиной, как *проститутка* (инояз. от лат. *prostitution* ‘осквернение, обесчещение’), которое ранее также было эвфемизмом и употреблялось вместо прямого наименования продажной женщины [6, с. 361]. Оно является историческим эвфемизмом и в настоящее время причисляется к категории прямых наименований и деэвфемизмов, подлежа замена новыми эвфемизмами, например, *путана*, *потерянная*, *падшая*, *обольстительница* и т.д. [6, с. 366, 340, 303, 279]. Изменился и нормативный статус некоторых медицинских терминов: ряд терминов, связанных с женщиной и ранее употреблявшихся в сугубо специальных текстах или в узкопрофессиональной среде (типа *менструация*, *климакс*, *мастит* и под. [6, с. 194, 154, 191]), сейчас достаточно свободно используется в неспециальной речи — в газетных статьях, радио- или телепередачах, в бытовой речи.

Кроме временного фактора для процесса эвфемизации существен и фактор социальный: в разной социальной среде — неодинаковое представление о том, что «прилично» и «неприлично» и, соответственно, о том, что может именоваться прямо, а что должно получать «вуалирующие», эвфемистические обозначения. В этом смысле весьма примечательны различия между носителями литературного языка, с одной стороны, и, с другой, людьми, использующими в качестве основного или единственного средства просторечие и какие-либо еще некодифицированные подсистемы национального языка. Однако неверно было бы считать, что в социальной среде, где используется просторечие, нет потребности в эвфемизации речи. Напротив, в просторечии имеются весьма развитые «микросистемы» лексических средств, которые служат для эвфемистического обозначения табуируемых объектов, процессов, свойств [3, с.

283]: например, просторечные глаголы *понести*, *подзалететь*, *залететь* в значении 'забеременеть' [6, с. 335, 322, 132].

Таким образом, можно сделать вывод, что эвфемизмы являются следствием **лексического запрета**, который благодаря разного рода предубеждениям, суевериям, религиозным верованиям, страху, стыду, а также этикету налагается на употребление названий определённых предметов и явлений окружающего мира, в результате чего человек прибегает к иносказательным выражениям. Кроме того, эвфемизмам ввиду своей сущности свойственно такое явление как «дрейф эвфемизмов», а также социальная обусловленность от представлений носителей разных социальных пластов о том, какое слово или выражение может заключать в себе функцию субституции.

Список литературы:

1. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
2. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
3. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
4. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 501 с.
5. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 536 с.
6. Сеничкина, Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
7. Толстая, С. М. Беременность, беременная женщина / С. М. Толстая // Этнолингвистический словарь «Славянские древности». – Т. I. – М.: Международные отношения, 1995. – 575 с.

О.В. Яскевич (Минск, Беларусь)

ПРАВОСЛАВНАЯ ПРОПОВЕДЬ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена исследованию православной проповеди. Проповедь рассматривается как коммуникативный речевой акт, которому присущи лингвистические и экстралингвистические особенности.

Язык – это универсальное средство коммуникации, и такие темы как язык и культура, язык и религия, язык и наука, язык и право открывают возможность увидеть своеобразие языка и языкового общения в различных сферах человеческой жизни. Развивая тезис о соответствии между областями социального взаимодействия людей и сферами общения, мы констатируем: поскольку религия признается одной из областей социального взаимодействия, значит, существует и религиозная сфера общения.

Как пишет Л. П. Крысин, религиозно-проповеднический стиль (условное название) – это «один из функциональных стилей кодифицированного литературного языка» [3, с. 550]. Он обслуживает церковно-религиозную сферу и очень близок к публицистическому, так как в нем язык используется в своей агитационной функции.

В названной сфере общения принципиально важным является назначение соответствующей формы общественного сознания, характерная для него форма мысли и тип содержания, а также цели и задачи общения. Общение в религиозной сфере происходит как в устной, так и в письменной форме. Это такие виды текстов, как религиозная проповедь, молитва, песнь, исповедь, послание, доклад, беседа, поучение, воззвание и др. Все эти тексты обладают рядом интегральных признаков, и поэтому объединены под названием «религиозный текст». А это, в свою очередь, позволяет нам говорить о наличии определенного класса религиозных текстов.

Проповедь сочетает в себе формальные признаки произведения ораторского стиля и глубинные особенности сакрального текста. Она изначально присутствует в религиозной коммуникации людей раньше любых письменных фиксаций религиозного содержания. С проповеди начинается приобщение людей к Откровению Бога, посланному людям через пророка. Проповедь – это начало жизни вероучения среди людей в их сознании и коммуникации.

В словаре русского языка С. И. Ожегова приводится следующее определение проповеди: «проповедь – 1) речь религиозно-назидательного содержания, произносимая в храме во время богослужения, 2) распространение каких-либо идей, взглядов» [7, с. 503]. Всякая проповедь – это текст «второго порядка», слово наставника по поводу слова Бога. Такая передача смысла представляет собой ту или иную адаптацию первичного текста (слова Бога) к возможностям человеческого разума.

Одним из конститутивных признаков текста религиозной проповеди можно считать категорию сакральности (от лат. священный, святой, магический, таинственный). В. Г. Адмони называет сакральными практически все виды религиозных текстов, применяя такой критерий, как наличие в этих текстах «известной доли сакральности» [1, 97]. Под категорией сакральности в данном случае следует понимать совокупность определенных дифференциальных признаков, характеризующихся архаичной отмеченностью, которая проявляется в некотором отличии языковых форм.

Необходимо отметить, что в отличие от текстов Библии, являющихся самым ярким образцом закрытых систем, тексты проповеди должны быть настроены синхронно со временем и эпохой. То есть проповедь должна быть доступной, понятной современному адресату, но без ущерба для содержания первоисточника (Ветхого Завета и Евангелия). В связи с этим, текст проповеди можно считать «вторичной формой сакральных текстов» [5, 99], которая несет на себе стилевые черты того основополагающего текста, в котором изложена соответствующая религия.

Категория сакральности реализуется разнообразными языковыми средствами на всех языковых уровнях – фонетическом, лексическом, грамматическом. Остановимся подробнее на рассмотрении некоторых языковых средств, актуализирующих категорию сакральности в тексте проповедей¹⁷.

Что касается грамматической структуры, то наиболее характерными средствами экспликации категории сакральности в текстах проповедей являются

---

¹⁷ Материалом для данной статьи послужили храмовые проповеди, произнесенные в период Великого Поста (2010 год).

сочетания типа «существительное + прилагательное», «существительное + существительное в родительном падеже», а также считающийся архаичным в русском языке звательный падеж (вокатив), с помощью которых создается стилистический оттенок возвышенности.

Лексические средства, использующиеся для реализации категории сакральности, представляют собой группу слов, имеющих в словарях помету «религиозное». Это узкая понятийная и терминологическая подсистема, та часть словарного состава естественного языка, с помощью которого выражаются религиозные значения и смыслы. Такая лексика, стилистически характеризую религиозный текст, присутствует во всех видах православной проповеди, независимо от того, по какому поводу и перед каким адресатом она произносится. В эту группу можно отнести лексику, обозначающую:

- символ веры: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой;
- центральные религиозные действия: крестное знамение, стояние, поклоны, названия проповедей, богослужений, постов, молитвословий;
- предметы с атрибутированными свойствами: храм Божий, крест, освященная вода, хлеб и вино, книги Священного Писания;
- конфессиональные отличия: евангелический, католический, православный – и другие языковые сигналы той или иной конфессии.

Наряду с религиозной лексикой категория сакральности реализуется в текстах проповедей с помощью такого приема, как перифраза. Наиболее характерными для проповедей являются образные перифразы, усиливающие выразительность и действенность текста. Например:

- Бог: Отец всемогущий; Отец ваш небесный; Отец твой; Небесный отец; Владыка неба и земли; Свет незаходимого Солнца правды; Царь веков нетленный, невидимый, единый, премудрый;
- Иисус Христос: Сын Божий; Сын Человеческий; Искупитель; Агнец; Царь Иудейский; Мессия; Господь Спаситель; Жизнодавец; Учитель; Владыка жизни и Победитель смерти; Утешитель; Царь Израилев; Спаситель мира; Божественный Чудотворец;
- Дух святой: Дух истины, который от Отца исходит, Дух, который Он послал в мир;
- Богородица: Дева Мария; Пренепорочная; Заступница; Пречистая; Пресвятая Дева; Владычица Богородица; Матерь Дева и; Преподобная Дева.

Итак, мы отмечаем, что язык религии влияет на различные стороны культурной жизни всего общества и, прежде всего, на общую культуру речи. Религиозная проповедь имеет все признаки, позволяющие идентифицировать ее как текст, имеющий определенную специфику. Это последовательность определенных предложений, связанных между собой относительно законченной темой. Проповедь обладает семантической завершенностью, имеет функциональную доминанту – воздействие на адресата, содержит в себе элементы различных семиотических систем, а также обладает определенной композиционной моделью.

Список использованных источников:

1. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания [Текст] / В. Г. Адмони. – СПб. : Наука, 1994. – 151 с.

2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дис-курс [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с
3. Крысин, Л.П. Религиозно-проповеднический стиль / Л.П. Крысин // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003.-550-552 с.
4. Куссе, Х. Истина и проповедование. «Живое слово» архиепископа Амвросия (Ключарева, 1820–1901) и соотношение между гомилетикой и риторикой [Текст] / Х. Куссе // Логический анализ языка. Истина и ценность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 78–85.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – Одесса: Латстар, 2002. – 288 с.
6. Левшун, Л. В. Проповедь как жанр средневековой литературы: на материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках: автореф. дис. канд. филол. наук [Текст] / Л. В. Левшун. – М., 1992. – 20 с
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2004. – 944 с.

РАЗДЕЛ 3

ГІСТАРЫЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ ФАРМІРАВАННЯ І ПРАКТЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ РЭАЛІЗАЦЫІ ЭТНІЧНАЙ, МОЎНАЙ І КУЛЬТУРНАЙ РАЗНАСТАЙНАСЦІ

А.Б. Багдановіч (Мінск, Беларусь)

ПЕРАДУМОВЫ ФАРМІРАВАННЯ ЭТНІЧНАЙ САМАСВЯДОМАСЦІ БЕЛАРУСАЎ

Этнічная самасвядомасць – адзін з найважнейшых кампанентаў этнасу. Праблема вывучэння форм этнічнай самасвядомасці надзвычай актуальная як у навуковым, так і ў грамадскім стаўленні.

Палітычныя, эканамічныя, ідэалагічныя змены, якія адбыліся ва ўсіх посткамуністычных дзяржавах пасля распаду СССР, выклікаюць цікавасць да праблемы самасвядомасці народаў, якія стварылі і развіваюць сваю дзяржаўнасць.

У Рэспубліцы Беларусь па аб'ектыўных і суб'ектыўных прычынах гэтая праблема набыла асабліва важнае значэнне. Па-першае, ад падыходаў да пытанняў нацыянальнай самасвядомасці ў значнай меры залежыць стаўленне да ўтварэння і развіцця нашай дзяржавы – Рэспублікі Беларусь. Па-другое, гэтая праблема звязана з духоўна-маральным фарміраваннем сучаснага чалавека.

Відавочна, што раскрыццё тэмы мае не толькі навуковае, але і палітычнае значэнне. І важна строга прытрымлівацца навуковых падыходаў у даследаванні дадзеных праблем і рэпрэзентатыўных гістарычных фактаў.

Доўгі час беларускія землі ўваходзілі ў склад Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі, таму работы гісторыкаў гэтых дзяржаў не заўсёды аб'ектыўныя, бо нярэдка яны адлюстроўваюць інтарэсы нацыянальных эліт гэтых дзяржаў. Многімі польскімі гісторыкамі Беларусь была прадстаўлена як гістарычныя “Kresy wschodnie”, для афіцыйных расійскіх гісторыкаў XIX – пачатку XX ст. – з'яўлялася “Паўночна-Заходнім краем”, некаторыя савецкія даследчыкі разглядалі Беларусь, перш за ўсё, у кантэксце яе сувязі з Расіяй, а ў больш познія часы, галоўным чынам, як састаўную частку СССР.

Па характарыстыцы акадэміка Ю.У. Брамлея, этнічная самасвядомасць уключае наступныя асноўныя кампаненты:

- 1) этнічную самаідэнтыфікацыю, выяўленую ў этноніме;
- 2) уяўленні аб агульнасці паходжання членаў этнасу, адзіным гістарычным мінулым;
- 3) уяўленні аб тыповых рысах сваёй супольнасці, яе ўласцівасцях і дасягненнях як цэлага [1, с. 176].

Безумоўна, карані трох блізкіх усходнеславянскіх народаў – рускіх, украінцаў і беларусаў – адзіныя. У нашых продкаў шмат агульнага ў матэрыяльнай і духоўнай культуры, але шляхі фарміравання этнічных супольнасцяў і дзяржаўнасці маюць пэўную сваеасабліваць.

Праблема фарміравання этнічнай самасвядомасці беларусаў складаная, але наяўнасць гістарычных крыніц і комплексны іх аналіз пераконваюць у магчымасці ўнесці пэўную дакладнасць у вырашэнні гэтых пытанняў, але даць вычарпальныя адказы на іх не проста.

Асаблівая складанасць у разгледжанні гэтых праблем звязана з перыядам Кіеўскай Русі і феадальнай раздробленнасці. Як лічаць шматлікія, у тым ліку і сучасныя, гісторыкі, гэты час характарызуецца фарміраваннем старажытнарускай ці ўсходнеславянскай народнасці [4, с. 60]. Існуе і іншы пункт гледжання, згодна з якім ужо тады этнічная дыферэнцыяцыя зайшла так далёка, што казаць аб фарміраванні агульнай народнасці не прыходзіцца [2, с. 56]. На наш погляд, з’явы этнакультурнага сінтэзу ў гэтым ўсходнеславянскім рэгіёне ў IX – пачатку XIII ст. пераважалі над працэсамі дыферэнцыяцыі і адасаблення. Старажытнаруская, або ўсходнеславянская народнасць, па меншай меры ў яе пачатковых формах, склалася пад уплывам этнаўтваральных працэсаў, якія адбываліся ва ўсходнеславянскіх плямёнах у IX – XII стст. у выніку разлажэння ў іх першабытнаабшчыннага ладу і ўтварэння раннефеадальнай дзяржавы. На аснове развіцця вытворчых сіл заканамерна ўзмацняецца ўлада феадалаў на месцах, адбываецца распад Кіеўскай Русі і ўзнікненне самастойных княстваў. Адным з першых пачало ўзмацняцца і адасобілася Полацкае княства, затым – Тураўскае і г.д.

Барацьба супраць крыжакоў, татарскіх набегі, развіццё таварна-грашовых адносін, працэсы феадалізацыі, а таксама палітычныя і этнічныя працэсы прывялі да ўзнікнення цэнтралізаванай поліэтнічнай дзяржавы – Вялікага княства Літоўскага, утворанага шляхам аб’яднання як літоўскіх, так і беларускіх, украінскіх земляў старажытнарускай дзяржавы.

Усходнеславянскае насельніцтва Беларусі набыло ад старажытнарускай народнасці як “Рускае права”, гутарковую мову, так і мову летапісаў.

Фарміраванне і развіццё беларускага этнасу адбывалася пад уздзеяннем розных палітычных, культурных, сацыяльна-эканамічных і іншых фактараў. Важнае значэнне мела таксама спецыфіка развіцця і фарміравання Вялікага княства Літоўскага, якое стварыла ўнутры- і знешнепалітычны каркас для развіцця этнасаў.

Неабходна адзначыць, што Вялікае княства Літоўскае атрымала ў спадчыну шматлікія старажытнарускія традыцыі. У сувязі з тым, што вялікія князі літоўскія доўгі час прытрымліваліся пазіцыі “старіны не рухати”, у ВКЛ захоўвалася пераемнасць са старажытнарускімі традыцыямі.

У XIV–XV стст. паступова складалася агульная для беларусаў і літоўцаў форма саманазвы – палітонім “літвіны”. Аднак, пры канфесійнай градацыі на праваслаўных і каталікоў першыя вызначалі сябе як “русіны”. “... Для того, абы братія моя русь, люди посполитые, чутути могли лепей разумети”, прысвяціў сваё жыццё вялікі беларускі асветнік і першадрукар Ф. Скарына.

Даследванне працэсаў этнагенэзу і развіцця беларускага этнасу з’яўляецца цяжкім у сувязі з недастатковай, на наш погляд, распрацаванасцю некаторых навуковых паняццяў у гістарыяграфіі дадзенай тэмы.

У шэрагу прац сучасных аўтараў блытаюцца паняцці “літвін”, “русін”, “беларусец”; недастаткова адрозніваюцца палітонімы ад эндаэтнонімаў (этнічных саманазваў беларусаў). Гістарычна гэтыя праблемы ў значнай меры звязаны з розным палітычным уплывам ВКЛ і Рэчы Паспалітай на фарміраванне і распаўсюджванне паняццяў “Літва”, “Русь”, “Белая Русь” у этнагеаграфічных рэгіёнах.

Вядома, што ў XIV–XVIII стст. жыхароў сучаснай тэрыторыі Беларусі ў асобных выпадках называлі літвінамі або па назве мясцовых княстваў (берестейцы, палачане і інш.).

Напрыклад, слова “Litphanus” (“літвін”), прыведзенае ў актах Кракаўскага ўніверсітэта за 1506г. у дачыненні да Ф. Скарыны, характарызавала яго, як выхадца з Вялікага княства Літоўскага. І падобных прыкладаў шмат.

Надзвычай важную ролю ў фарміраванні ўсіх усходнеславянскіх народаў мела праваслаўе. Як вядома, насельніцтва Беларусі з канца X ст. паступова набывала хрысціянскую веру. Ужо ў XIII ст. сюды пачынае пранікаць і каталіцызм, уплыў якога стаў узмацняцца пасля прызнання Крэўскай (1385) і Гарадзельскай (1413) уній.

У наступны час, асабліва з канца XVI – пачатку XVII ст. ўзрастае ўплыў каталіцкай і ўніяцкай канфесій. Раскол беларусаў па этнарэлігійным прынцыпе зрабіў цяжкім станаўленне агульнай этнічнай самасвядомасці. Удзел нашых продкаў у сацыяльных рухах, гаспадарчых, гандлёвых, культурных кантактах, наадварот, садзейнічала кансалідацыі.

З фарміраваннем этнічнай самасвядомасці беларусаў гісторыкі звязваюць распаўсюджанне тэрміна “Белая Русь”. Доўгі час ён не меў якой-небудзь значнай этнічнай нагрукі. Больш таго, дадзеным тэрмінам у XIV – першай палове XVI ст. пазначалі землі за межамі сучаснай Беларусі, уключаючы рэгіёны паўночна-ўсходняй і паўночна-заходняй Русі. Аднак вялікая дыстанцыя паміж спарадычнымі назвамі тэрыторыі і самасвядомасцю народа, які пражывае на ёй. Адным з першых, хто называў сябе беларусам, быў Саламон Рысінскі, аўтар некалькіх кніг, вядомы беларускі выдавец і пісьменнік. У іматрыкулярных актах Альдорскага ўніверсітэта ад 2 снежня 1586 г. С. Рысінскі запісаны як “Solomo Patherus levcorussus” – Саламон Патэрус беларус. Беларуссю Рысінскі зваў сваю Радзіму ў лісце да нямецкага навукоўца К. Рыттэргузіса [3, с. 8].

Новы эндаэтнонім атрымаў шырокае распаўсюджанне ва ўсіх пластах беларускага этнаса ў другой палове XIX – пачатку XX ст. пад уплывам розных грамадска-палітычных фактараў. Гэтаму, безумоўна, спрыяла развіццё нацыянальна-дэмакратычнага руху і ўзнікненне ў першай чвэрці XX ст. сучасных форм дзяржаўнасці.

Гістарычная змена эндаэтнонімаў, развіццё этнічнай самасвядомасці характэрна для шматлікіх еўрапейскіх краін перыяду сярэднявечча і новага часу. Напрыклад, этнічная самасвядомасць у яго развітых агульнанацыянальных формах склалася крыху раней ў Францыі. Спецыфіка Беларусі ў тым, што на фарміраванне этнічнай самасвядомасці асабліва моцна паўплывалі ўнутрыпалітычныя і этнарэлігійныя фактары, а таксама асаблівасці дзяржаўнага ладу, сацыяльна-эканамічнае развіццё ВКЛ і яго поліэтнічны характар.

Падзелы Рэчы Паспалітай і ўключэнне Беларусі ў склад Расійскай імперыі паклалі канец існавання Вялікага княства Літоўскага. XVIII і XIX стст. сталі для нашых продкаў перыядам барацьбы за захаванне самабытнасці, мовы і культуры.

У пачатку XX ст., ва ўмовах буржуазна-дэмакратычных працэсаў у Расійскай імперыі пачаўся значны ўздым самасвядомасці беларусаў, пра што сведчыць з’яўленне беларускай газеты “Наша ніва”, дзейнасць выдатных паэтаў – Янкі Купалы, Якуба Коласа. Лютаўская і Кастрычніцкая рэвалюцыі 1917 г.,

утварэнне БНР, утварэнне і развіццё БССР (пры ўсіх ускладняючых фактарах) зрабілі сапраўдны пераварот у самасвядомасці беларусаў. Аднак масавыя рэпрэсіі і фактычнае знішчэнне беларускай інтэлігенцыі ў гады сталінізму прывялі да цяжкіх наступстваў. У сучасных умовах неабходнасць вывучэння праблем самасвядомасці беларусаў абумоўліваецца цэлым шэрагам фактараў сучаснага перыяду, звязаных з працэсамі развіцця новай дзяржаўнай сістэмы, фарміраваннем дзейсных грамадскіх інстытутаў, выхаваннем новых пакаленняў грамадзян, якія ведаюць сваю гісторыю і адказныя за яе развіццё.

Літаратура:

1. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
2. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – 366 с.
3. Порецкий, Я. Соломон Рысинский. – Минск: изд-во БГУ, 1989. – 158 с.
4. Чаквін, І.У. Беларусь // Этнаграфія Беларусі: Энцыкл. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.

Н.Ф. Грэбень (Мінск, Беларусь)

ПСІХАЛАГІЧНЫЯ АСНОВЫ ТАЛЕРАНТНАСЦІ БЕЛАРУСАЎ

Традыцыйна лічыцца, што талерантнасць з’яўляецца адметнай рысай беларусаў. Талерантнасць – уласцівасць, якая замацавалася адначасова як этнічны аўта- і гетэрастэрэатып нашага народа. Але талерантнасць як уласцівасць асобы або народу прадстаўляе сабой даволі такі няпростую з’яву. Перш за ўсе гэта звязана з неадназначнасцю трактовак самога паняцця “талерантнасць”, а па другое – з псіхалагічнай прыродай талерантнаці. У псіхалогіі пад талерантнасцю традыцыйна разумеецца адсутнасць, або паслабленне рэагавання на які-небудзь суб’ектыўна неспрыяльны фактар. Вонкава гэта можа выяўляцца ў вытрымцы, самавалоданні, здольнасці доўга выносіць неспрыяльныя ўздзеянні без паніжэння адаптацыйных магчымасцяў [3].

Аднак у “Дэкларацыі прынцыпаў талерантнасці”, прынятай у лістападзе 1995 г. Генеральнай канферэнцыяй ЮНЭСКА, прыведзена ўжо некалькі іншая трактоўка: “Талерантнасць азначае павагу, прыняцце і разуменне багатай шматстатнасці культур нашага міру, нашых формаў самавыяўлення і спосабаў праяў чалавечай індывідуальнасці. Ёй спрыяюць веды, адкрытасць, зносіны і воля думкі, сумлення і перакананняў” [2]. У дадзеным выпадку талерантнасць не гэтулькі прыраўноўваецца да цяроплінасці і памяркоўнасці, а робіцца акцэнт на нейкім вызначаным узроўні развіцця асобы, на падставе якога яна здольная прымаць індывідуальнасць іншых людзей і народаў.

У залежнасці ад паходжання талерантнасць можа быць прыроджанай і набытай. А у залежнасці ад сітуацыі і асаблівасцяў яе ўспрымання індывідам талерантнасць дзеліцца на натуральную і праблемную [1].

Як псіхічная ўласцівасць талерантнасць дэтэрмінаваная рознымі асобаснымі рысамі, сярод якіх прыводзяцца цяроплінасць, нізкая агрэсіўнасць, ўсталёўкі, пачуццё гумару, зычлівасць, альтруізм, уменне валодаць сабой, рэлігійнасць і іншыя.

На наш погляд, можна вылучыць наступныя псіхалагічныя асновы талерантнасці беларусаў:

- псіхафізіялагічныя асаблівасці этнаса. Беларусаў варта аднесці да флегматыкаў, для якіх характэрны цягавітасць, як здольнасць пераносіць вялікія фізічныя і псіхічныя нагрузкі, ураўнаважанасць як баланс працэсаў узрушанасці і тармажэнні, і інэртнасць – нізкая рэактыўнасць на змены навакольнага асяроддзя. На псіхалагічным узроўні гэта выяўляецца як спакойнасць, разважлівасць, вытрымка пры пераадоленні цяжкасцяў, слабая эмацыйнасць;

- асаблівасці этнічнага характару. Паводле класіфікацыі характараў К.Г. Юнга і яго паслядоўнікаў І. Майерс і К. Брыггс этнічныя беларусы адносяцца да тыпу логіка-сэнсарны інтраверт, якому ўласцівыя такія рысы як лагічнасць, надзейнасць, адказнасць, неэмоцыйнасць, грунтоўнасць, арыентацыя на ўнутраны мір. Таксама талерантнасць беларусаў вызначаецца такімі рысамі яго этнічнага характару як цяроплівасць і асцярожнасць. Гэта тыя якасці, якія шмат у чым звязаныя з нашай гісторыяй, дзякуючы якім беларусы прыстасоўваліся і выжывалі пры розных палітычных рэжымах і нашэсцях. З аднаго боку, асцярога і цяроплівасць забяспечваюць адаптацыю народа і талерантнае ўспрыманне рэчаіснасці, а з іншай – вядуць да канфармізму і ксенафобіі;

- нізкі ўзровень агрэсіўнасці. Калі параўноўваць беларусаў з іншымі этнасамі, то, вядома жа мы меней агрэсіўны народ, чым рускія, украінцы, немцы, палякі і інш., пра што сведчаць гістарычныя факты: беларусы амаль што не вялі захопніцкія войны, у беларускім грамадстве не ўзнікала сур'ёзных рознагалоссяў і канфліктаў на этнічнай, рэлігійнай, або сацыяльна-эканамічнай глебе;

- менталітэт. Перш за ўсё, калі гаворка ідзе пра менталітэт народа, то неабходна звярнуцца да яго роднай мовы, якая непасрэдна адлюстроўвае своеасаблівасць мыслення яе прадстаўнікоў, разнастайнасць і багацце іх светапогляду. Па сваіх фаналагічных характарыстыках беларуская мова адрозніваецца мяккасцю гучання, мілагучнасцю, манерай казаць “нараспеў”, што ўскосна сведчыць аб зычлівасці беларусаў да сваіх суразмоўцаў. А паводле класіфікацыі А. Кэпелла [4, с. 194], беларуская мова будзе адносіцца да групы моў, дзе дамінуе катэгорыя “прадметнасці”. Асаблівасцю моў гэтай групы з'яўляецца тое, што ў іх пераважае вектар пасіўнасці, фіксацыі бягучых падзей і станаў, што ў большай ступені адлюстроўвае ўсталёўку на адмову ад непасрэдных дзеянняў (у тым ліку і агрэсіўных). Сапраўды для беларусаў характэрна усталёўка на пазбяганне канфліктных сітуацый, аж да адмовы ад якой-небудзь актыўнасці, калі яна можа пацягнуць змену існага прымальнага ўкладу жыцця, пра што ярка сведчыць прыказка “мая хата з краю”. Акрамя таго, у лексіцы беларускай мовы маецца шмат памяншальна-ласкавых слоў (напр., “гаспадынька”, “гаспадарчык”, “сыночак”, “дачушка”, “дзетачкі”, “госцікі”, “татка”, “матачка”, “браточки”), што ў цэлым наладжвае суразмоўцу на сяброўскія зносіны. Таксама трэба адзначыць і адсутнасць у нашай мове лексікі, эквівалентнай рускаму мацюку, псіхалагічны сэнс якога змяшчаецца ў выразе вярбальнай агрэсіі да іншага чалавека або групы людзей;

- увогуле ў менталіцеце беларусаў пераважаюць песімістычныя устаноўкі, што адлюстроўваецца як нявера ў тое, што мой асабісты ўдзел здольны нешта

памяняць у грамадскім жыцці. Следствам гэтага таксама з'яўляецца адмова ад актыўнасці;

- пачуццё гумару. Беларусам уласціва развітое пачуццё гумару, пра што сведчаць розныя ўзоры вусновай народнай творчасці – у першую чаргу шматлікія анекдоты, прыпеўкі, загадкі, а таксама асобныя прыказкі і прымаўкі, сацыяльна-бытавыя казкі, песні.

Такім чынам, згодна с праведзеным намі аналізам праблемы талерантнасці беларусаў, трэба адзначыць, што гэтая ўласцівасць беларусаў дэтэрмінавана псіхалагічнымі асаблівасцямі этнаса, як прыроджанымі, так і набытымі, і выяўляецца ў натуральнай і праблемнай форме.

Літаратура:

1. Бондырева, С.К. Толерантность: Введ. в проблему: Учеб.-метод. пособие / С.К.Бондырева, Д.В. Колесов; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. – Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 238 с.
2. Декларация принципов терпимости // ЮНЕСКО. – 1995. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://gm.websib.ru/6/tolerance/doc.html/>. – Дата доступа: 12.02.2014.
3. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М.Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
4. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – 3-е изд. – М: Смысл; Спб.: Лань, 2003. – 281 с.

С. Митяй, А. Орлов (Мелитополь, Украина)

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ЭТНИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

Язык – это явление духовной культуры человечества, одна из форм общественного сознания, это живой организм, который ищет и находит свои пути развития и перемен. Через язык осуществляется передача социального опыта (культурных норм и традиций, естественно-научного и технологического знания). Язык выступает универсальным средством общения народа. Он сохраняет единство народа в исторической смене поколений и общественных формаций, несмотря на социальные барьеры, объединяя его во времени, в географическом и социальном пространстве.

Язык как средство общения является одним из самых высоких достижений духовного развития общества. Он развивается в тесной взаимосвязи с общественным прогрессом и фиксирует достижения социально-экономического, государственно-политического, научно-технического и культурного развития человечества. Он является условием развития любой национальной культуры и общества в целом. Одной из основных проблем на сегодня в украинском обществе есть проблема социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры, в частности, характер взаимодействия между языковыми и социальными структурами.

Данное исследования и является одним их этапов диагностирования именно отношения студенческой молодежи к этнической функции языка. Этноконсолидирующая функция создается не столько использованием языка определенной национальной общности, а отношением молодежи к ней, что

является проявлением национально-культурной идеологии. Студенческая молодежь в первую очередь является «индикатором» такого взаимодействия, в частности, когда это касается территории с разнообразным полиэтническим составом населения, которым выступает Восточная Таврия. В любом обществе, на любом историческом этапе его развития процесс и результат социального самоопределения молодежи содержит определенное противоречие, обусловленное ролью этой социально-демографической группы в социокультурной трансформации. Это, с одной стороны, социализация как процесс соблюдения студенческой молодежью основных норм и ценностей общества. С другой стороны, новое отношение молодежи к системе ценностей конкретного социума, в том числе социально – политических. Противоречие заключается в конфликте между принятой в обществе системой ценностей и теми изменениями, которые вносит в нее каждое следующее поколение. Однако именно оно и является источником развития общества. При этом трансформируются не только основные объекты социализации (семья, образование и др.). Но и механизмы социализации, в частности важнейшего из них – самоидентификации.

Исследуя феномены данного понятия, мы исходили из определения, сформулированного С. Макеевым, который под социальной идентификацией понимает попытки индивида найти в социальном пространстве похожих в определенных взглядах, дистанцируясь по любым значимыми признаками [3].

Одним из основных факторов взаимопонимания молодежи выступает межкультурная коммуникация, на которую влияет языковая ситуация, которая определяется как совокупность форм существования языка, обслуживающего континуум общения в определенной этнической общности или административно-территориальном объединении.

Среди совокупности различных коммуникаций, объединяющих любую общность людей в современном мире, вербальные коммуникации языка, который является родным, занимают важнейшее место. Соответственно, в общем массиве этнической традиции речевая традиция молодежи является одной из определяющих.

Основой для таких исследований послужили труды представителей социологического направления в языкознании (А. Мейе), который внес существенный вклад в выявлении роли социальных факторов на развитие речи, труды таких этнолингвистов, как Э. Сепир, В. Матезиус, которые продемонстрировали связь языка с социальными процессами и социальную роль литературного языка. Убеждение в том, что люди видят мир по-разному, сквозь призму своего родного языка, лежит в основе теории «лингвистической относительности» Э. Сепира и Б. Уорфа.

Привлекает внимание позиция белорусских языковедов, ориентированная на отражение в языке культуры народа (С. Прохорова, О. Воронцова, В. Маслова): «Язык отражает национальную специфику видения, способа фиксации и членение объективной реальности. С одной стороны, было бы ошибочным утверждать, что речь накладывает жесткие ограничения на познавательную деятельность, но, с другой стороны, нельзя отрицать факты ее фильтровальной влияния на познание. Язык будто набрасывает на мир тонкое

покрывало, сквозь которое проступают своеобразные для каждого языка очертания объектов [4, с. 82].

В конце XX века интерес к социологическими проблемами языка возрос, учитывая потребности современного общества, для которого проблемы языковой политики приобретают все больший вес в связи с желанием глубже изучить природу языка как общественного явления. Именно поэтому, должны быть решены задачи исследования динамики языковых изменений в сегодняшней молодежной среде в различных социальных условиях.

Непосредственным материалом для наших суждений послужили наблюдения за речевым поведением студентов, проводимое во время анкетирования и интервьюирования. Целью интервьюирования и анкетирования было определение состояние функционирования украинского языка и языка той этнической общности, с которой себя идентифицирует студент во всех сферах жизни студенческой молодежи: в семье, в высших учебных заведениях, в системе науки, культуры.

Одной из важных социолингвистических проблем является проблема социальных аспектов билингвизма (двуязычия). В условиях билингвизма два языка сосуществуют в пределах одного коллектива, который использует их в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. Конечной целью анализа является выявление социальных норм, детерминирующих речевое поведение.

Язык как выразитель жизнедеятельности этнических общностей связан с историей каждого отдельного народа и его обычаями. Непосредственно в нашем исследовании было выявлено следующее: по мнению 40,5% респондентов наиболее влияют на сохранение национальности такие факторы, как сохранение народных обычаев, а также сохранение языка (35,3%). Причем принципиальной разницы между ответами представителей различных этносов не было обнаружено за исключением караимов, которые предпочитают как сохранение языка – 50,0% так и сохранение вероисповедания – 50,0%.

На вопрос «Насколько хорошо Вы знаете свой родной язык?» Представители разных этносов дали несколько неоднозначный ответ. Хорошо знают свой родной язык русские (83,3%), армяне (80,0%), украинцы (78,1%), караимы (60,0%), болгары (53,8%), чехи (50,0%), крымские татары (41,9%), греки (40,0%). Однако, опрос показал, что 40,0% греков, 40,0% молдаван, 38,5% евреев, 28,6% немцев вообще не знают родного языка. Все же изучать и лучше знать свой язык, чтобы быть интегрированным в свою этнокультуру хотят все этносы, а именно: чехи (100%), крымские татары (96,8%), евреи (91,7%), армяне (90,0%), болгары (84,6%), караимы (80%), немцы (76,2%), греки и молдаване (60%), как ни странно русские (70,8%), украинцы (65,8%).

Неоднозначность этноязычной ситуации усугубляется неравномерностью использования языков в процессе семейного общения. Большинство респондентов (68,7%) отдадут предпочтение русскому языку, 19,8% общаются на украинском, 33,0% и на русском и украинском в зависимости от обстоятельств, и только 0,2% на другом языке.

На вопрос, общаетесь ли Вы на украинском языке с родственниками, друзьями, в пределах учебного заведения, в основном отвечают: «Не общаемся,

потому что в молодежной среде никто не говорит. Однако передачи по телевидению просматривают как на украинском языке, так и на русском языке.

Конечно, на территории любого государства, и Украины в частности, необходимо знание в первую очередь государственного языка, благодаря чему люди разных этнических сообществ могут найти общий язык. Однако, украинский язык в семейном кругу используют для общения только 21,9% украинцев, 18,8% болгар, 10,0% армян, 9,1% чехов, 6,0% русских. Положительным является то, что такие этнические сообщества, как русские (94,0%), армяне (90,0%), крымские татары (26,5%), украинцы (21,9%), болгары (12,5%) выбирают именно родной язык для семейного общения.

На вопрос «На каком языке Вы преимущественно разговариваете на работе, в транспорте, на улице?» Ответы респондентов распределились следующим образом: предпочитают русский язык крымские татары (91,2%), чехи (90,9%), русские (88,0%), болгары (78,6%), украинского (78,1%); украинском языке – украинском (21,9 %), немцы (16,0%), болгары (14,3 %), русские (12,0%), армяне (10,0%), чехи (9,1%), крымские татары (5,9%).

И все же, несмотря на то, что подавляющее большинство населения региона является русскоязычным, 10,0% армян, 7,1% болгар, 2,9% крымских татар предпочитают общению на работе, в транспорте, на улице на родном языке.

Достаточно контрастно на этом фоне выглядит языковая самоидентификация молодежи: 68,7% опрошенных молодых людей считают родным русский язык, 29,2% – украинский. Это обусловило языковое перераспределение и в семейном общении: 67,9% молодых людей общаются в основном на русском языке, 27,3 % – на русском и украинском, и только 40,0% отдадут предпочтение украинскому языку.

С возрастом процент тех, кто в семье общается на украинском языке, несколько возрастает, но не намного. Уровень образования опрошенных практически не усиливает позиций украинского языка. 73,2% респондентов с высшим образованием предпочитают русский язык, 25,1% – общаются как на украинском, так и на русском языках.

Коммуникант, общаясь с представителями других этносов, должен быть знаком с их культурой. «Овладение основами культуры того лингвокультурного сообщества, с представителями которого ведется общение, – замечает Д.Б. Гудков, – является необходимым и обязательным условием успешности такого общения» [2, с. 17]. При этом такие знания закрепляются в семантике языковых единиц, системе ценностей и норм культуры, продуцирующие правила вербального и невербального поведения говорящего.

Соответственно, в человеческом обществе помимо коммуникативной, язык выполняет и функцию отображения действительности, формирования категорий мышления и сознания. По выражению Э. Смита, национальная идентичность остается естественной формой современной культурной общности. Л. Выготский доказывает, что благодаря культурным знакам (в частности знакам конкретного языка) человек формирует свой внутренний мир, основными единицами которого становятся значения, определенные обобщения и когнитивные элементы сознания, и эмоциональные компоненты [1]. Именно

они играют ведущую роль при образовании межфункциональных связей между мышлением и речью, между речью и самосознанием личности.

Т.М.Николаева среди трех видов стереотипов в речевом поведении человека кроме речевого и коммуникативного выделяет ментальный стереотип, что понимается как определенные установки и привычные реакции, помещены в языковую или неречевую форму индивида [5, с. 113]. Если такие стереотипы доминируют в определенных ситуациях они характеризуют все лингвокультурное сообщество. Так, для каждой культуры сложились определенные ключевые понятия, выраженные словесно, как, например, для украинцев, русских, караимов – гостеприимство, для немцев – порядок, точность. Для признания той или иной лексемы концептом, ключевым понятием определенной культуры, нужно, чтобы оно стало общеупотребительным, частотным, вошло в состав фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.п.

Итак, культура живет и развивается в языковой оболочке, а язык является важной составляющей культуры и условием существования, фактором формирования культурного кода определенной этнической общности.

Среди институтов, воспитывающих в духе народных (национальных) традиций видное место (37,6%) занимает семья, 28,5% – национальные общества, 13,6% – средства массовой информации. Школы и учебные заведения воспитанию уделяют ненадлежащем внимание (соответственно 5,4% и 6,3%).

Но среди респондентов неоднозначное мнение о роли социальных институтов в воспитании. Так предпочитают семейному воспитанию армяне (100%), молдаване (60,0%), болгары (50,0%), немцы (86,3%), евреи (83,3%), караимы (60,0 %) – национально – культурным обществам. Украинского считают, что в этом духе воспитывают, в основном, школы (12,8%) и учебные заведения (13,9%).

На территории Запорожской области функционируют 60 национально - культурных обществ, из них 11 областных, 37 городских и 12 районных. Все же далеко не все знают об их деятельности. Среди них 41,7% россиян, 30,0% армян, 25,0% греков. Это преимущественно жители сельской местности.

Итак, в результате проведенных исследований, можно сделать следующие выводы: задача всех уровней современного образования заключается в активизации речевой доминанты. Должны приложить усилия удержать языковое образование на должном уровне. Нужны эффективные программы творческого, методологического обеспечения языкового образования. Наконец, общество будущего будет обществом знаний, в том числе – языковых. Есть надежда, что социолингвистика вступает в новую эру своего развития, теперь мы ждем совместных результатов исследования лингвистики, социологии и антропологии.

Литература:

1. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
2. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
3. Макеев, С.А., Оксамитная С.Н., Швачко Е.В. Социальные идентификации идентичности / С.А. Макеев, С.Н. Оксамитная, Е.В. Швачко. – Киев: Институт социологии НАН Украины, 1996. – 185 с.

4. Маслова, В.А. Текст и отраженная в нем культура народа / В.А. Маслова // Язык и культура. – К.: Полиавт, 1992. – С. 82.
5. Николаева, Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 112–131.

А.Н. Тесленко (Астана, Казахстан)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

На фоне модернизации казахстанской экономики и общественной жизни все более отчетливо высвечиваются острые проблемы в национальной и языковой политике. При неразвитости инфраструктуры гражданского общества и доминирования государства социальные институты, регулирующие межэтнические отношения, вынуждены приспособливаться к государственной политике в сфере языковой политики.

Языковая ситуация в Казахстане выступает как самостоятельный сегмент социального целого, и как элемент других сфер жизни: межэтнического общения, государственного строительства, развития культуры, науки и образования. По данным социологов 41% славян, проживающих в Казахстане, еще связывают свои надежды с Казахстаном, при этом 26,3% из них считают, что дискриминация по языковому признаку имеет место [1].

Этнократизация общественной жизни на лингвистическом и правовом уровне закреплена Конституцией и Законом РК «О языках». Статус казахского языка как государственного в общественной дискуссии политизируется, выходя за рамки цивилизованного диалога *своих* и *чужих*. В республике достаточно влиятельны группировки националистического толка, стремящиеся разыграть сценарий «Казахстан для казахов» и навязать трайбалистскую модель государственного строительства, повернуть национальную политику на путь построения мононационального государства. Сегодня по степени знания казахского языка определяется политическая лояльность самих казахов к своему народу. Однако исторически Казахстан сформировался как *полиэтническое государство*, где так называемые «этнические меньшинства» составляют практически половину его населения и основное средство их социальной коммуникации – *русский язык*, которому в Казахстане отводится, практически неопределенное в правовом ракурсе, положение «языка межнационального общения».

Жесткое командно-административное внедрение государственного языка на местах частью этих «меньшинств», прежде всего русскими, воспринимается как стремление казахов побудить их покинуть страну, другой – как политический демарш, призывающий к ассимиляции и потери своей этнической идентичности. В этих условиях языковой барьер, навязываемый государством, в ближайшем будущем приведет к разобщенности этносов и росту межэтнических конфликтов.

В тоже время по данным казахстанских исследований 65,5 % респондентов, в том числе 51,1% казахов, считают, что есть необходимость во

втором государственном языке [2, с. 32]. По данным другого социологического опроса, в Южном Казахстане 63,2% респондентов также ответили положительно на вопрос о втором государственном языке и это в регионе компактного проживания титульной нации, а в студенческой среде г.Алма-Аты положительно ответили 74,9% респондентов, в том числе 54,7% казахов [3, с. 68].

Приведенные данные показывают специфику социолингвистических проблем в Казахстане. Чрезвычайно затрудняющим естественное распространение и внедрение казахского языка как государственного является принципиальное качественное различие между разговорной речью и нормами литературного языка. Зачастую сами казахи, свободно владеющие разговорной речью, не знают языка литературного. Многие специалисты коренной национальности испытывают серьезные трудности в чтении лекций написании научных работ на родном языке. По данным Информационно-аналитического центра парламента 14% казахов на государственной службе испытывает затруднения в исполнении своих служебных обязанностей [4]. Нуждается в усовершенствовании казахский алфавит, орфография и терминология.

Официозные казахские филологи и другие представители «этнокультурного истеблишмента» вместо того, чтобы работать над казахским словообразованием, ограничиваются формальным переводом слов с русского языка, безграмотно нарушая языковые конструкции как русского, так и казахского языка. Государственная программа поэтапного перехода на латинскую графику вряд ли решит все проблемы казахского языка. Более того, она еще более подогревает русофобские настроения, рассматривающие кириллицу как духовное «орудие русификации» и «колониализма», а латынь вряд ли восстановит прежнее «национальное своеобразие и спасет от моральной и культурной экспансии других национальностей» [5, с. 27].

Казахский язык за десятилетие независимости не занял и вряд ли займет, несмотря на командно-административный ресурс, свою декларируемую нишу в информационном пространстве. Лексическая база, социолингвистическая инфраструктура казахского языка, представленная в словарном запасе современных словарей, сильно отстает от темпов роста знаний. Тем более, что по объему информации, в том числе в глобальной сети Интернет, казахский язык проигрывает русскому. Не секрет, что в казахстанской школе (особенно высшей) ведущий язык обучения – русский, и такое положение в силу целого ряда объективных причин не возможно изменить сейчас без ущерба качеству подготовки будущих специалистов. Поэтому, признавая необходимость знания государственного языка, прагматично мыслящие казахстанцы в своем выборе для молодой поросли языкового средства приобщения к высшему и среднему специальному образованию продолжают отдавать предпочтение русскому языку (46%). Распределение ответов в зависимости от профессии или социального положения респондентов отражено в таблице 1.

Реально мыслящее население Казахстана понимает, что казахская школа (сейчас их в стране 62%) в своем большинстве не может конкурировать с русскоязычными по качеству получаемых знаний, а чтобы войти в список 50-ти конкурентно-способных стран мира необходимо не только знание

государственного языка. Поэтому, махнув рукой на патриотизм, большинство наших респондентов отправляют своих детей в русскоязычные школы. Официально отрицая наличие целенаправленной политики вытеснения русского языка из Казахстана, власти провозглашают идею формирования *полилингвальной личности*. Президентом Казахстана озвучена задача отечественной системы образования: выпускники школы должны владеть казахским и русским языками, объясняться на английском языке и работать на компьютере. Если этими знаниями они не овладевают, то у них резко сузятся жизненные перспективы.

Таблица 1. – На каком языке жители Казахстана предпочитают дать образование своим детям (в %)

Профессия, соц. положение	Казахский	Русский	Язык своей национальности	Иностранный язык	Затруднились ответить
Рабочие	19,46	53,69	9,40	3,36	9,40
Сельчане	40,74	44,44	9,26	0,00	5,56
ИТР	20,25	50,28	11,86	3,39	8,47
Служащие	29,69	44,39	8,07	5,73	5,99
Предприниматели	45,00	47,50	7,50	2,50	7,50
Безработные	21,43	50,00	7,14	0,00	14,29
Студенты	34,21	31,58	0,00	2,63	2,63
Пенсионеры	20,63	42,06	10,32	5,56	7,14

Осознание жесткой конкуренции в отношении между традиционными и инновационными культурными образцами в современном социуме приводит к вытеснению первых вторыми. Это, прежде всего, связано с тем, что у большей части казахов все еще преобладает не рациональное мироотношение, основанное на правопорядке и современных принципах, а родоплеменное, архаичное сознание. Противоречия между традиционными и инновационными культурными образцами разрывают страну на социокультурные полюса: *евроцентризма* и *пан-тюркизма* [6].

Евроцентристский полюс культурного развития ориентируется на ценности индустриально-урбанистической цивилизации. Здесь все естественные отношения, которые подчиняли и интегрировали человека в локальную общность с ее тесной личностной (натуральной или родственной) зависимостью распадаются и связи индивида и общества приобретают опосредованный деньгами, отчужденно-анонимный рыночный характер. Это позволяет отдельному индивиду автоматизироваться, быть прямо или опосредованно независимым субъектом социализации.

Полюс пан-тюркизма основывается на традициях аграрно-кочевой цивилизации и господстве патриархального родоплеменного (жузового) патерналистского менталитета аульной среды, со свойственными ей трайбализмом, жузовыми междоусобицами, родовым чванством, регионализмом. Процессы социальной интеграции и аккультурации так и не сформировали у выходцев из аула прочных навыков и культуры труда,

профессиональной компетенции и уважения к высокотехнологичному труду, не выработали личностное индивидуальное начало.

Само существование этого межкультурного разрыва связано с тем, что *цивилизационно*, Казахстан, основанный на межэтнической конфессиональной и этнолингвистической общности, всегда принадлежал к тюрко-мусульманскому миру, *культурно* – русско-советской общности. В цивилизационном плане всегда важную роль играл казахский язык, сформировавшийся на базе тюркского языка, выступавшего в качестве универсального средства религиозной и культурной идентификации всей исламской цивилизации, в культурном плане – русский язык не только как язык межнационального общения, но глобальный коммуникационный канал, позволяющий Казахстану не затеряться в цивилизационной картине мира.

В этих условиях дуализм социоллингвистического пространства отражается на социальной структуре казахстанского общества. Так, французские исследователи CNRS считают, что в Казахстане гражданское общество строится по принципу не социальных групп, а этнических [7]. То есть получается некая пирамида, где наверху находятся этнические казахи, в руках которых находится вся государственная власть и крупные финансовые структуры. А в самом низу находятся так же этнические казахи, лишенные всего и проживающие в депрессивных, малодоступных регионах, а мелкий и средний бизнес занимают в основном представители разных этнических меньшинств. И еще один промежуточный слой, это русский этнос. При официальной риторике о *евразийстве* как универсальном интеграционном процессе, в повседневной практике организационного поведения на всех уровнях общественной жизни происходит, в терминологии англо-американских исследователей (Марта Брилл Олкот, Салли Каминс и др.), *казахизация* – процесс доминирования титулярной этнической группы в Казахстане, то есть казахов, на сцене общественной жизни страны.

Таким образом, Казахстан является этнократическим государством, строящиеся на системе *государствообразующего этноса*¹⁸. Если сейчас политическое доминирование идет в виде унификации языкового пространства, то при нынешних темпах это будет достигнуто в течение некоторого времени. То есть роль казахского языка будет воздвигнута в ранг неких политических традиций, что сегодня уже происходит, то есть все пытаются говорить по-казахски и нравиться обществу. Но в условиях мультикультурности или мультицивилизационности, свойственная Казахстану, это приведет к возрастанию трений на социокультурной почве, так как советские кровные принципы остаются некой частью традиций как титульного населения и этноэлиты, так и нетитульных этносов.

По данным социологических исследований казахский язык для большинства казахов является вторым, только *этническим языком*. Только

---

¹⁸ В самой Конституции РК уже заложены основы этнической сегрегации. Правда, в современной редакции конституции нет термина государствообразующего этноса, в отличие от конституции 1993 года, где прямо говорилось о самоопределившейся казахской нации. В ней всего одно определение с приставкой «казахское», в преамбуле звучит такая фраза: «мы народ Казахстана, сложившийся на казахской земле».

около 37 процентов казахов могут разговаривать, писать и думать на казахском языке [2]. По стандартам ООН родным языком является тот, на котором человек думает, пишет и говорит, следовательно для многих людей, особенно русскоязычных казахов, казахский не является родным. Так что языковой фактор не есть способ идентификации, даже если их считать казахами. Тем более, казахский язык не может быть инструментом интеграции и строительства гражданской нации. [8]. Сама постановка проблемы через призму государствообразующего этноса не состоятельна и абсурдна. В условиях современной демократии не существует понятия «государствообразующий этнос» – это архаика, пришедшее к нам из XIX века, когда формировались государства-нации. В конце XX века это явление как нечто внутренне плодотворное исчезло с культурно-исторической арены. Современное государство образуют не этносы, а равноправные граждане. Этносы в наше время – а примеров тому бесчисленно – порождают только напряженность, конфликты, войны и геноцид. К сожалению, деление на различные этнические группы наследие советской системы, еще очень сильно, поэтому в ближайшее время единой нации в Казахстане не получится. А, следовательно, социолингвистическое пространство Казахстана будут и дальше потрясать «культурные войны». И, скорее всего, это та реальность, с которой придется смириться всем сторонам конфликта.

Используемые источники:

1. Региональный экспертный опрос КИСЭИП // Время ПО. – 25 ноября 200. – С. 3–4.
2. Исследование межнациональных отношений. – Алматы: Агентство «Бриф», 1998
3. Жунусов, С. Исторический очерк межэтнических отношений в Республике Казахстан. – Астана: КИСЭИП, 2003.
4. Хасанов, Б. Новый Закон о языках – требование времени // Новое поколение. – 1996. – № 20.
5. Байтемирова, Н. Роль духовной сферы в межэтнической интеграции // Мысль. – 1999. – № 2.
6. Тесленко, А.Н. Культурная социализация молодежи: казахстанская модель. Монография. – Саратов-Астана, 2007.
7. Перуссо, Л. «Русский вопрос Казахстана»? // Республика. – 12 июля 2008. – С. 6.
8. Галкин, А., Красин Ю. Культура толерантности перед вызовами глобализации // СОЦИС. – 2003. – №8. – С. 66–69.
9. Шустов, А. Казахский языковой вопрос // <http://www.arvedi.kz/>

Е.С. Арабаджи (Мелитополь, Украина)

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ)

Для Украины, как государства многонационального (более 130 этносов и коренных народов), многоконфессионального и поликультурного (более 30 % населения принадлежат к национальным и языковым меньшинствам) актуальна проблема возрождения национальных культур, привлечения этнических

образовательно-культурных феноменов к решению многих проблем современного развития страны, консолидации общества и т.д. Применение эффективных демократических механизмов объединения всех этнических, языковых, культурных составляющих украинского общества является важным условием для успешного развития Украины как правового европейского государства.

Правовая база сосуществования народов и народностей Украины в области образования, культуры и других сферах общественной жизни базируются на основных положениях Конституции Украины, Всеобщей декларации прав человека, законов Украины «О национальных меньшинствах в Украине», «О ратификации Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств», «О ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков национальных меньшинств». Основные направления этнонациональной политики Украины определены в статье 11 Конституции: «... консолидация и развитие украинской нации, ее исторического сознания, традиций и культуры, а также развитие этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств ...» [4].

К ключевым вопросам государственной этнополитики принадлежит удовлетворение потребностей граждан в обучении на языках национальных меньшинств, в изучении этих языков. Развивая демократические достижения, отраженные в действующем законодательстве, Конституция приняла положения Декларации прав национальностей Украины от 1 ноября 1991 года, где гарантируется создание условий для развития всех национальных языков и культур, свободного пользования родными языками во всех сферах общественной жизни, включая образование [1], и Закон Украины «О национальных меньшинствах в Украине» от 25 июня 1992 года, статья 6 которого гарантирует использование и обучение на родном языке или «изучение родного языка представителями национальных меньшинств в государственных учреждениях или через национально-культурные общества» [3].

Ратифицировав Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств, государство, в соответствии со статьей 14 этого документа, взяла на себя обязательство «обеспечить лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, в районах, где они традиционно или в значительном количестве проживают, возможность учиться на языке своих меньшинств или обучаться на этом языке» [7, с. 4].

Правовой режим сосуществования различных языков, использования языков в образовании, науке и других сферах общественной жизни является той сферой, в которой совпадают этнические и языковые проблемы и противоречия. Язык, который является огромным достоянием человечества и выступает универсальным средством общения людей, их объединение и понимание, стал в Украине средством конфронтации и раскола общества. Через политическую окраску существующих дискуссий вряд ли в ближайшее время будет найдено решение, которое бы удовлетворило все стороны. Языковой вопрос остается одним из самых сложных в этнонациональной сфере. Урегулирование языкового вопроса требует, на наш взгляд, осуществление надлежащей (продуманной,

обоснованной, толерантной) культурно-образовательной государственной и региональной политики, и прежде всего – высокого уровня культуры и образованности самих граждан Украины.

Наглядным примером внедрения этнонациональной политики по сохранению языков национальных меньшинств является, на наш взгляд, Запорожская область. Этот южный регион Украины имеет свой неповторимый этнический цвет и самобытные историко-культурные традиции. По данным переписи 1897 года жители Таврической губернии по национальностям на основании родного языка представляли 30 народностей [5]. Исследование прошлого невозможно без изучения истории русского, немецкого, болгарского, еврейского, чешского, польского, белорусского, караимского и других народов, которые вместе с украинским длительное время определяли судьбу региона. На протяжении всей истории любой народ, попадал на запорожские территории, пытался сохранить собственную культуру, веру, ценности и традиции, чтобы передать следующим поколениям все то, что давало ему право называться отдельным этносом.

По данным Всеукраинской переписи населения 2001 года на территории Запорожской области проживали представители свыше 130 этносов. Среди них подавляющее большинство составляли украинцы, численность которых составляла 1364,1 тыс. человек или 70,8 % общей численности населения области (в целом по Украине – 77,8 %). Россиян насчитывается 476,7 тыс. (24,7 %), болгар – 27,8 тыс. (1,4 %), белорусов – 12,7 тыс. (0,7 %), армян – 6,4 тыс. (0,3 %), евреев – 4,4 тыс. (0,2 %) [6]. В Запорожской области на сегодня проживают представители 16 языковых групп.

С провозглашением независимости Украины в регионе начался широкомасштабный процесс возрождения этнических обществ. Процессы этнического ренессанса охватили все сферы жизни национальных меньшинств. Особенно ярко это проявилось в создании множества национально-культурных обществ; быстрых темпах развития сети музыкальных, фольклорных коллективов; возрождении прессы этнических меньшинств.

На сегодня создано Запорожскую областную ассоциацию национально-культурных обществ, в состав которой вошли более 50 национально-культурных и общественных организаций. Основными принципами деятельности ассоциации является взаимоподдержка, постоянный конструктивный диалог, укрепление межнационального согласия, возрождение и развитие национальных культур. В г. Запорожье действует Центр национальных культур и общественной морали «Мы - украинцы», регулярно проводятся этнофестивали «Приазовский Интер-Фольк», «Покрова на Хортице», «В кругу друзей», татарский народный праздник «Сабантуй», недели национальных культур, праздники, которые знакомят жителей с народным искусством, ремеслами, культурой, языками, национальными кухнями, духовным богатством всех этнических групп населения. В г. Приморске ежегодно проводится Всеукраинский фестиваль национальных культур «Мы – украинские», который получил статус международного.

Надо отметить, что большинство представителей национальных меньшинств проживают на территории Запорожской области не одно поколение,

поэтому многие из них родным языком считают украинский или русский. В то же время в регионе реализуется право этнических меньшинств на свободное владение родным языком и его развитие. Действует сеть общеобразовательных, дошкольных и высших учебных заведений, в которых учебный процесс осуществляется на языках национальных меньшинств. Русский язык изучают как предмет в большинстве средних школ, болгарский – в пяти, иврит – в двух, чешский – в одной. Также факультативно изучаются русский, болгарский, чешский, крымскотатарский, польский, идиш и иврит. Организована сеть культурно-образовательных центров и воскресных школ, где представители разных этносов изучают родной язык и культуру своего народа. Всего работают 17 воскресных школ: литовская, польская, еврейская, татарская, греческая, немецкая, болгарская, караимская и др. Решается вопрос обеспечения школ учебниками языками национальных меньшинств: за средства областного бюджета были приобретены учебники для крымских татар, татар России; профинансировано издание учебника «21 урок караимского языка» и пособия по ассирийскому языку; обеспечиваются литературой литовские, болгарские, польские воскресные школы с соответствующих стран. В регионе работают учителя из Болгарии и Чехии. Город Бердянск стало инициатором проведения школьного областного фестиваля «Планета языков» [8].

В г. Приморске существует украинского-болгарский многопрофильный лицей. Между Министерством образования Республики Болгария и лицеем подписан договор, согласно которому болгарская сторона обязуется предоставлять учебные пособия по болгарскому языку и литературе, истории, музыки. При лицее создана болгарская воскресную школу «Джон Атанасов», которая выиграла грант по программе «Родной язык и культура за рубежом» Министерства образования Болгарии и получила финансовую поддержку болгарского правительства для развития языка и культуры среди болгарских меньшинств за рубежом.

В рамках образовательного проекта «Учись, обучая» в молодежном центре немецкой культуры «Заммельзуриум» в г. Запорожье работает школа выходного дня, функционирование которой несколько похоже на воскресную школу. Преподавателями являются молодые специалисты - германисты или студенты немецкого отделения Запорожского национального университета, учениками – дети членов немецкой общины в возрасте от 3 до 24 лет. Занятия проходят в дифференцированных по возрасту и уровню владения языком группах и построены на коммуникативных методиках, максимально приближенных к условиям реального общения. Альтернативно к привычным занятиям проводятся также тематические языковые площадки и языковые лагеря, основной целью которых является предоставление учащимся возможность практически применить полученные языковые знания, умения и усовершенствовать необходимые для свободного общения навыки.

Не только для поляков по национальности или украинцев польского происхождения, но и для всех желающих разных возрастов в помещении Запорожского национального университета организуются бесплатные занятия по польскому языку. Занятия проходят в специализированной аудитории, оснащенной современной учебно-методической литературой и наглядными

пособиями (в частности такими новейшими учебниками польского языка, выданным в Польше, как «Czesc, jak sie masz ?», «Нуга ро польску», «Z polskim na ty» и др.), необходимыми техническими средствами, что способствует эффективному усвоению слушателями польского языка. Эта университетская специализированная аудитория стала одним из основных центров полонистики в г. Запорожье, где не только учат польский язык, но и собираются для просмотра польских фильмов, проведения праздничных мероприятий.

В ряде высших учебных заведений области открылись группы и отделения по подготовке специалистов для школ с языками национальных меньшинств. Так, Бердянский государственный педагогический университет готовит учителей болгарского, русского языков; Запорожский национальный университет – русского, словенского и польского. Особую благодарность заслуживает Вроцлавский университет, который ежегодно принимает студентов Запорожского университета, изучающих польский, на языковую стажировку, обеспечивая им бесплатное проживание и стипендию.

В то же время, отмечая определенные успехи в изучении родных языков национальных меньшинств в Запорожской области, отметим проблемы, которые характерны не только для образовательного пространства этого региона, но и Украины в целом: отсутствие качественных образовательных программ, должным образом разработанных материалов и методик преподавания языков меньшинств: централизация образовательных систем, которая не позволяет школам и классам приспособиться к специфическому языковому и культурному составу своих воспитанников; нехватка систематической профессиональной подготовки и повышения квалификации учителей, которые преподают языки и предметы по культуре меньшинств, или же подготовки учителей по вопросам толерантности и т.п.

Кроме того, есть необходимость восстановления в населенных пунктах компактного проживания национальных меньшинств системы дошкольного воспитания. Требуется дальнейшего развития внешкольное образование для детей национальных меньшинств; проведения олимпиад по языкам национальных меньшинств; создание ассоциации преподавателей языков национальных меньшинств. Особого внимания заслуживает подготовка и переподготовка педагогических кадров для учебных заведений национальных меньшинств, ведь учитель такого образовательного учреждения с одной стороны должен хорошо владеть государственным языком, а с другой – на языке представителей этноса, которого он обучает.

Список использованной литературы:

1. Декларація прав національностей України // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 53 – ст. 799.
2. Закон про засади державної мовної політики. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon.nau.ua/doc/?doc_id=715788
3. Закон України. Про національні меншини в Україні: Прийнятий 25 червня 1992р. № 2494-ХІІ // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 36 – ст. 529.
4. Конституція України від 28 червня 1996р. // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – ст. 141.
5. Перепис 1897: підсумкова таблиця. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://etno.uaweb.org/nsklad/1897-pidsumkova.html>

6. Про кількість та склад населення Запорізької області за підсумками Всеукраїнського перепису населення 2001 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality>
7. Рамкова Конвенція про захист національних меншин та пояснювальна доповідь. – К.: УПФ, 1996. – 32 с.
8. Языковая составляющая деятельности национально-культурных обществ: материалы круглого стола по вопросам этнонациональной политики, г. Запорожье – г. Приморск, 18 сентября 2010. – Запорожье, 2011. – 91 с.

Л.І. Падгайская (Мінск, Беларусь)

МОЎНЫЯ ПРАКТЫКІ ЖЫХАРОЎ БЕЛАРУСІ

Беларусам ўсё цяжэй даказваць, асабліва прадстаўнікам замежжа, пра існаванне ў самой прыродзе беларускага этнасу. Усе, хто наведваецца ў Беларусь, рэдка чуюць беларускую мову і ў грамадскім жыцці, і ў міжасабовых стасунках паміж людзьмі. Пытанне пра мову у любы гістарычны перыяд займае асаблівае месца ва ўсіх важнейшых сферах грамадства. Нашы продкі словам “мова”, “язык” называлі народ, тым самым падкрэсліваючы, што асноўнай прыметай любога народа з’яўляецца яго мова, дзякуючы якой народ і успрымаецца як асобная самабытная гістарычная цэласнасць. Нацыянальная мова дапамагае не толькі асэнсоўваць сябе як грамадскасць, але і разумець свае мінулае, свае узаемаадносіны з другімі народамі. На працягу стагоддзяў, з пакалення ў пакаленне непаўторныя прыкметы замацоўваюцца ў жыцці народа ў выглядзе традыцый, асаблівасцей народа, як гістарычна складзенай грамадскасці людзей. Гэтыя асаблівасці, традыцыі знаходзяць свае адлюстраванне ў мове, таму што без мовы няма глыбокіх чалавечых камунікацый, абмену думкамі, немагчыма і само грамадства.

Чаму так здарылася, што беларуская мова і культура выглядае толькі як сялянская, фальклорная, а не змяшчае ў сваёй аснове здабыткі шляхетскай культуры ВКЛ і Рэчы Паспалітай? У 2001 годзе, падчас сваёй навуковай стажыроўкі у Варшаўскім універсітэце, працуючы над гэтым пытаннем, я прыйшла да высновы, што значныя страты беларускай мове і культуры нанеслі масавыя рэпрэсіі да ўдзельнікаў паўстання 1863–1864 гг. [2, с. 7–10]. Гэтыя расправы выключылі з жыцця краіны не толькі тых, хто сапраўды лічыў сябе палякам, але і тых, хто ўжо быў, як К. Каліноўскі, альбо потым мог стаць творцам новай беларускай культуры. І самі паўстанні, і рэпрэсіі пасля іх затармазілі працэс фарміравання беларускай нацыі. Хаця да сярэдзіны 1850-х гг. У Беларусі склалася сітуацыя своеасаблівага парытэту дзвюх супрацьлеглых сіл. З аднаго боку – дзяржаўная ўлада і руская культура, якія мелі ў саюзніках царкву, школу, частку праваслаўнага насельніцтва, асабліва на ўсходзе Беларусі. З другога боку – польская культура і польскі нацыянальна-вызваленчы рух, якія мелі дастаткова моцныя пазіцыі дзякуючы касцёлу, сям’і, якая захавала гістарычную памяць і мову, часткова – літаратуру і тэатр.

Своеасабліваць сітуацыі, якая склалася на беларускіх землях, заключалася ў тым, што польскае уздзеянне было значна аслаблена, а рускае толькі набірала сілу. Узнікла ніша, што давала магчымасць прабіцца першым

парасткам беларускай культуры, давала імпульс для развіцця беларускага этнасу, для зараджэння беларускага адраджэнскага руху. Менавіта на 1840-я гады прыпадае першая хваля беларускага нацыянальнага адраджэння. У гэты перыяд выходзяць першыя друкаваныя творы на беларускай мове, узнікаюць праекты выдання беларускіх часопісаў, дзейнічае першая тэатральная труппа; пачынаецца вывучэнне беларускага фальклору.

У гэтых умовах сфарміравалася пакаленне, якое выйшла на палітычную арэну ў пачатку 1860-х гг. Беларускі этнас, які знаходзіўся на стыку дзвюх магутных культур, непазбежна аказваўся ўцягнутым у канфлікты, якія узніклі паміж Польшай і Расіяй. Катастрафічнай з’явай для беларускага этнасу з’явіўся адрыў ад яго ў палітычным, культурным і этнічным аспектах інтэлектуальнай эліты, якую складала ў XVIII–XIX стст. шляхта. Успрыняўшы польскія культурныя традыцыі, мову, з’яўляючыся пераважна католікамі, беларуская шляхта не магла не быць удзельніцай польскага нацыянальна-вызваленчага руху і не магла не падзяліць лёс карэнных палякаў. Удзел беларускай шляхты ў паўстанні, асноўнай мэтай якога была барацьба за незалежнасць суседняга польскага народа, спрыяў умацаванню ў яе ўяўленні сваёй тоеснасці з карэннымі палякамі. Гэта давала магчымасць і палякам успрымаць беларускую эліту не як прадстаўнікоў суседняга нароа, а як суайчыннікаў. Яны не хацелі заўважаць нацыянальныя асаблівасці вызваленчага руху ў Беларусі.

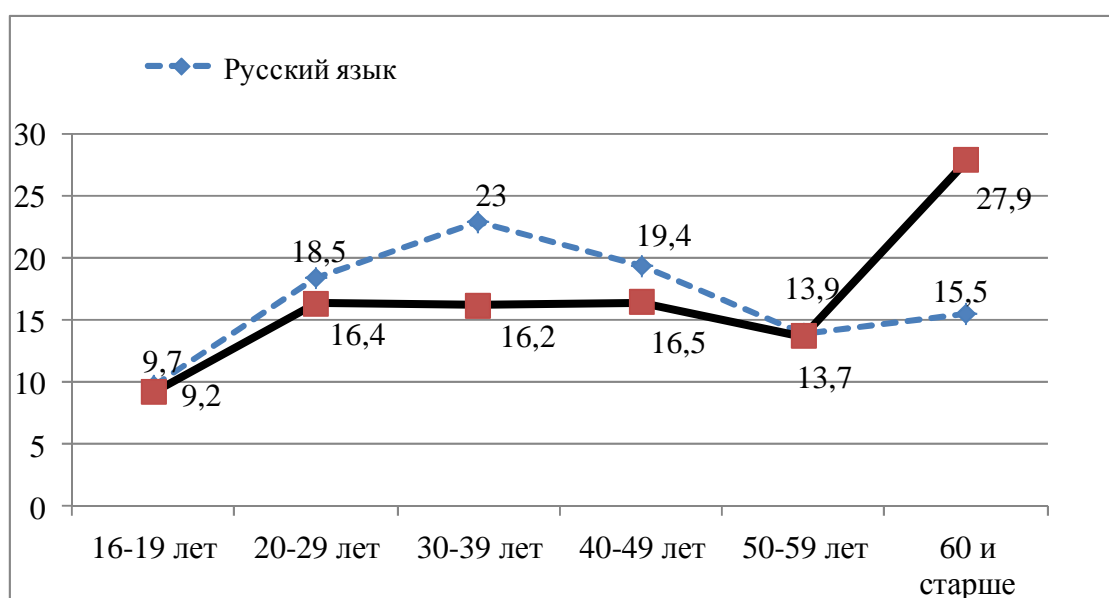
Удзел беларускай шляхты у польскім нацыянальна-вызваленчым руху з’явіўся таксама асноўнай прычынай уяўлення пра яе як пра палякаў і ў большасці расіян. Успрымаючы беларускую шляхту як людзей прышлых на беларускія землі, расійскія ўлады замацоўвалі яе адрыў ад мясцовага насельніцтва. Расправіўшыся з удзельнікамі паўстанняў, царызм знішчыў не толькі носьбітаў польскай культуры, але і магчымых дзеячаў беларускага нацыянальнага адраджэння. Далейшае развіццё беларуска-літвінскай традыцыі, якая ўвасабляла фактычна беларускую і літоўскую плыні, магло б пры спрыяльных умовах прывесці да складвання зусім іншага зместу сучаснай беларускай культуры. Яна, безумоўна, магла б увасобіць лепшыя здабыткі шляхецкай культуры ВКЛ, а не выглядаць толькі фальклорнай.

Сучасную моўную сітуацыю мае сэнс разглядаць з канца 1980-х гг., калі пачалося другое беларускае адраджэнне. Пачалі праводзіцца сацыялагічныя даследаванні на тэму беларускай мовы і культуры, узніклі грамадскія арганізацыі, прымаліся законы. Так, 26.01.1990 г. быў прыняты закон “Аб мовах у Беларускай ССР”, надаваўшы беларускай мове статус дзяржаўнай. І ўжо ў верасні 1990 г. Савет Міністраў БССР прыняў дзяржаўную праграму развіцця беларускай мовы. Многім тады здавалася, што яшчэ трошкі часу і сітуацыя з беларускай мовай карэнным чынам памяняецца: людзі пачнуць размаўляць па-беларуску, дзеці пойдучь у беларускія школы, беларуская мова стане функцыянальнай, якой і павінна быць дзяржаўная мова, родная для больш чым трох чвэрцей насельніцтва Беларусі. А руская мова будзе одной з моў межнацыянальных камунікацый і знешняй палітыкі. Вярхоўным Саветам было прадугледжана паступовае (на працягу 10 год) увядзенне ў дзеянне Закона аб мовах. Аднак рэалізацыя Закона набыла характар паспешнасці, вызвала мноства скаргаў з боку бацькоў. Напрыклад, у 1991–94 гг. прымаліся пастановы

накшталт: “Усе вузы рэспублікі у 1993–94 вучэбным годзе павінны здзяйсняць выкладанне на 1 курсе на беларускай мове”[1, с. 214]. Аднак рэалізаваць іх не ўдалося. Сацыялагічныя даследванні, праведзеныя ў 1993 годзе, паказалі, што людзей не зусім задавальняла існаванне адзінай дзяржаўнай мовы. І пасля таго, як пытанне аб мовах было вынесена ў 1995 годзе на усенародны рэферэндум, на пытанне “Ці згодны Вы з наданнем рускай мове роўнага статусу з беларускай?” 83,3% прыняўшых удзел у галасаванні адказалі “Так”, і толькі 12,7% адказалі “Не”. Пасля рэферэндуму фарсіраваны пераход на беларускую мову закончыўся і пачаўся процілеглы працэс.

У лютым 1999 года ў Беларусі прайшоў чарговы перапіс насельніцтва. У перапісныя лісты разам з пытаннем “Якой мовай Вы карыстаецеся дома?” было занесена пытанне “Назавіце сваю родную мову”. 7 млн чалавек назвалі беларускую мову роднай, з іх 3683 тыс. чал. (37%) карысталіся ёю ў паўсядзённым жыцці. Згодна дадзеным, прадстаўленым у афіцыйнай справаздачы, дома размаўлялі на беларускай мове – 37% (92% з іх складалі беларусы). На рускай мове размаўлялі дома 6308 тыс. чалавек (63%) ад агульнай колькасці насельніцтва. З іх 4783 тыс. чалавек – беларусы. Сярод беларусаў доля выкарыстоўваючых рускую мову у паўсядзённым жыцці складала 59%. Параўнальны аналіз апошніх перапісаў насельніцтва сведчыць аб пашырэнні камунікатыўнай распаўсюджанасці рускай мовы. Перапіс 2009 года паказаў, што ў якасці роднай беларускую мову выбрала ужо каля палавіны насельніцтва, а ў камунікатыўных практыках людзі выкарыстоўваюць часцей рускую мову.

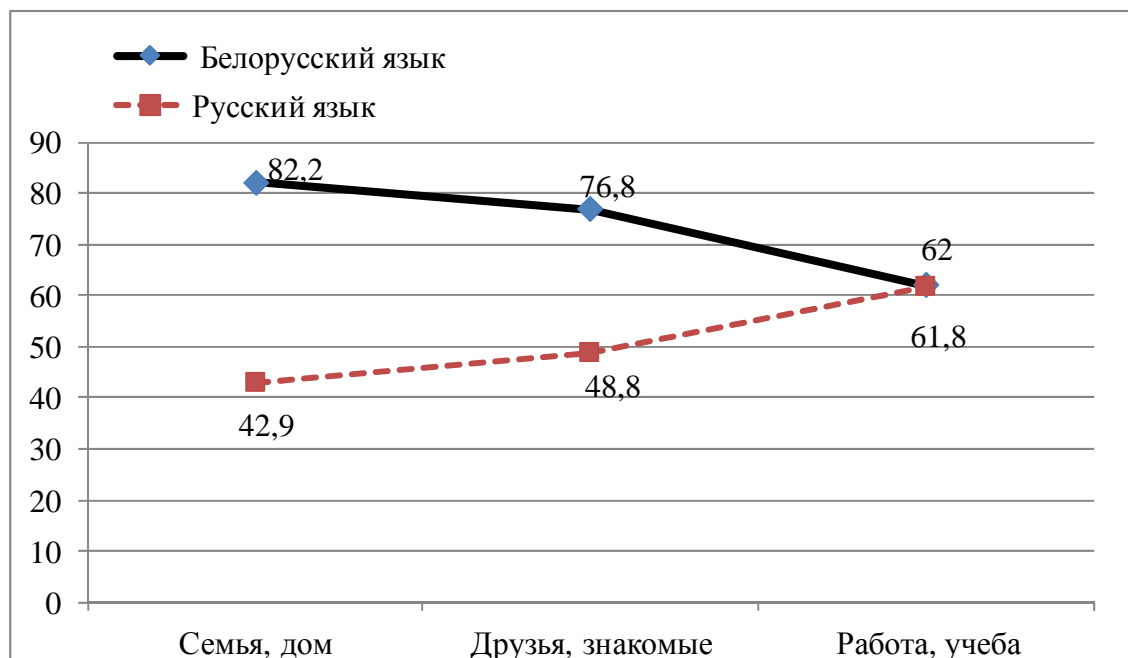
Прааналізуем далей дадзеныя сацыялагічнага даследвання, праведзеныя Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі ў 2011 г. адносна асаблівасцей моўных практык жыхароў Беларусі (выбарка 2219 чалавек). Па выніках даследвання ў якасці роднай выбралі беларускую мову 48,8% апрашаных; 58,5% – рускую мову. Разгледзім сацыяльна-дэмаграфічныя характарыстыкі рэспандэнтаў. Так, выбар роднай мовы істотна адрозніваецца ў залежнасці ад узроста рэспандэнтаў (мал. 1).

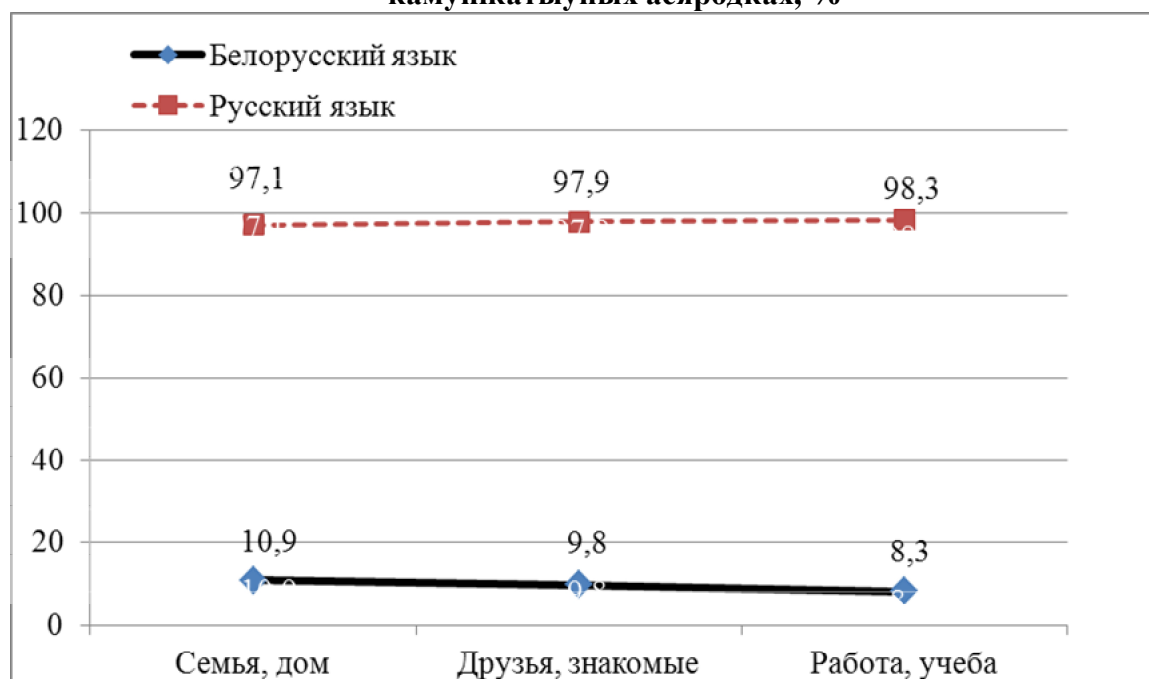
Малюнак 1 Выбар роднай мовы ў залежнасці ад узроста, %

Атрыманья ў ходзе даследвання дадзеныя сведчаць аб тым, што выбраўшы рускую мову ў якасці роднай з'яўляюцца больш маладой кагортай у параўнанні з выбраўшымі беларускую мову.

Паспрабуем далей прааналізаваць сувязь паміж выбарам функцыянальна першай мовы і яе выкарыстаннем у іншых камунікатыўных практыках (мал. 2 і мал. 3).

Малюнак 2 Моўныя практыкі «думаючых» на беларускай мове ў розных камунікатыўных асяродках, %

Малюнак 3 Моўныя практыкі «думаючых» на рускай мове ў розных камунікатыўных асяродках, %

Дадзеныя, атрыманыя ў ходзе сацыялагічнага даследвання, сведчаць аб тым, што чым вышэй сацыяльная нарміраванасць камунікатыўнай сітуацыі, тым меней выкарыстоўваецца беларуская мова. Так, сярод тых, хто думае на беларускай мове, 82,2% выкарыстоўваюць яе дома, у сям'і. Аднак з пашырэннем сацыяльнага круга гэты працэнт змяншаецца. Сярод думачых на рускай мове такой асаблівасці не наблюдаецца.

Такім чынам, на аснове аналізу сацыялагічных і статыстычных дадзеных можна выдзеліць наступныя асаблівасці моўнай сітуацыі ў Беларусі:

1. Параўнальны аналіз апошніх перапісаў насельніцтва сведчыць аб пашырэнні камунікатыўнай распаўсюджанасці рускай мовы.

2. Існуе несупадзенне паміж выбарам беларускай мовы і рэальным яе выкарыстаннем. Так, сярод выбраўшых роднай беларускую мову, толькі 5,9% выкарыстоўваюць яе ва ўсіх прапанаваных інструментарыем сітуацыях.

3. Чым шырэй сацыяльны круг, тым у меншай ступені выкарыстоўваецца беларуская мова.

Як бачна, патрэбны пэўная намаганні грамадства для таго, каб беларуская нацыя прадоўжыла свае фарміраванне. Для падтрымання беларускай мовы неабходна разгарнуць глыбока прадуманую тлумачальна-асветніцкую работу, найперш у сродках масавай інфармацыі пра надзвычайную патрэбу менавіта моўнага адраджэння беларускай нацыі як найвялікшага фактару этнакультурнай адметнасці, каб не даць ёй знікнуць як асобнаму этнасу. Моладзі неабходна выкарыстоўваць беларускую мову як мага часцей: у размовах з сябрамі, знаёмымі, падчас наведвання сусветнай сецівы выбіраць беларускі інтэрфэйс. Неабходна практычнай ставіцца да беларускай мовы, каб яна ўвайшла ў паўсядзённае жыццё беларусаў.

Літаратура:

1. Конюшкевич, М.И. Языковая ситуация в Белоруссии и особенности функционирования русского и белорусского языков / М.И Конюшкевич // Язык в контексте общественного развития. – М., 1994.
2. Падгайская, П.І. Роля паўстанняў 1794, 1830–1831 і 1863–1864 г.г. у фарміраванні ўяўленняў пра беларуска-ліцвінскую шляхту / П.І. Падгайская // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 7. – С. 3–10.
3. Хентшель, Г., Киттель, Б. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространённости языков в стране // Социология. – 2011. – № 4.
4. <http://belstat.gov.by>

Ю.П. Прысяжнюк, Н.А. Бережная (Черкассы, Украина)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ АРМЯНСКИХ ОБЩИН В 1990–2000-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ УКРАИНЫ)

Тема, избранная нами для исследования, актуальна для стран постсоветского пространства. Прежде всего, это объясняется проблемами, что возникли в связи с формированием качественно новых отношений между представителями национальных меньшинств и властями независимых государств, которые попытались отойти от советских традиций регулирования

межнациональных связей. Тематика еще не получила освещения в трудах историков.

Необходимо констатировать, что более два десятилетия, которые отделяют современность от времен распада великого геополитического образования СССР, существенно сказались на политической, социально-экономической, культурной, национальной, религиозной жизни людей. Одним из таких изменений стало формирование качественно новых типов идентичностей. Там же, где заметно активизировались миграционные процессы, начали происходить ещё более глубокие преобразования. Целью нашего разыскания есть попытка проанализировать опыт институционализации армянских общин в условиях политической демократизации украинского общества в первые два десятилетия существования Украины как самостоятельного государства, избрав для этого относительно мало заселенный армянами регион центральных областей страны.

Следует отметить, что вопрос о правовом статусе национальных меньшинств, в частности армянской, был сразу поставлен властями Украины на повестку дня. В этом можно видеть определенную преемственность, если вспомнить аналогичные шаги Украинской Народной Республики в 1917 году [1, с. 112]. В новых исторических условиях это поспособствовало активизации миграционных процессов. К тому же толерантная позиция официального Киева определенным способом совпала с трагическими событиями, что происходили на Кавказе в конце 1980-х годов. Вначале 1990-х гг. многие армяне бросали родные края и начинали искать более надежные с позиции безопасности страны для проживания. Украина оказалась одной из таких. Приток переселенцев заметно возрос. Вот статистические данные: в Киевской, Полтавской, Черкасской, Черниговской областях Украины только на протяжении первых десяти лет после распада Советского Союза численность армян возросла в два раза. В следующем десятилетие эта тенденция сохранилась. Естественно не мог не возникнуть вопрос о качественно ином благоустройстве людей. Тем более, что определенным образом начали меняться требования самих иммигрантов, которых уже не устраивали временные условия жизни и труда.

Институционализацию мы рассматриваем как конкретные усилия/действия, направленные на структурную интеграцию армян в украинское общество, которая предусматривала определенный компромисс представителей разных этнических культур в едином государстве. Поскольку охватить весь спектр проблемы здесь невозможно, подробнее остановимся на таком важном аспекте, как формирование институтов армянских общин на местах. Его особенностью есть то обстоятельство, что многое людям доводилось делать впервые, поскольку на этой территории такой опыт не имел аналогов в прошлом. Вместе с тем, давние культурные связи двух народов естественно не могли не способствовать налаживанию новых отношений.

Очень важно отметить: армяне, численность которых увеличивалась достаточно быстро, не претендовали на какие-либо политические или другие льготные преференции. На общественном уровне “наращивание” диаспоры происходило почти незаметно для коренного населения. Внимание на увеличение числа людей армянской национальности обращали разве что врачи,

учителя, разного рода государственные служащие, которым приходилось заниматься регистрацией населения, заботиться о его благоустройстве.

Армянские общины в регионе, как организованные и зарегистрированные ячейки, начали возникать в 1990-х годах. Этот процесс происходил по инициативе местных, как правило, достаточно авторитетных представителей национального меньшинства. Не всегда всё получалось сразу. Официальная регистрация иногда затягивалась на несколько лет. И всё же бюрократические проволочки оказывали лишь определенное, но далеко не решающее влияния на формирование общин.

В 2000-х гг. фактически в каждой области Центральной Украины уже действовала армянская община. На Черкащине она возникла под названием “Арарат”. Цель территориального образования, как указывалось в его уставе, было желание людей “сохранить традиции, язык, воспитывать детей в национально-культурных ценностях” [2, с. 11].

Аналогичные процессы, со своей оригинальностью, разворачивались на Черниговщине. Дело в том, ещё в 1986 г., когда произошла техногенная авария на Чернобыльской АЭС, с Армении, для ликвидации последствий и строительства нового города Славутич, сюда было направлено 3 тыс. чел. Впоследствии часть этих людей не возвратилась на свою родину, а осталась жить на территории Черниговской области. После страшного землетрясения в Армении в 1988 г. Черниговщина предоставила пансионаты для потерпевших. В них поселились новые тысячи армян. И снова некоторые из них остались в Украине. Естественно, жизнь вносила существенные коррективы в судьбу многих людей. Со временем кое-кто все же вернулся в Армению или переехал в другие страны на постоянное проживание. Однако были и такие, которые обживались на Черниговщине, приглашали с Армении своих родственников. Распад Советского Союза открывал здесь, как указывалось выше, дополнительные сопутствующие возможности. Более того, вставал вопрос о принятии местными армянами гражданства Украины.

Первое учредительное собрание Общественной организации “Армянская община Черниговской области” состоялось 23 ноября 2005 г. Оно утвердило ряд документов, в частности устав организации. 13 января 2006 г. она была официально зарегистрирована. С этого времени началась усиленная деятельность общины сразу на нескольких направлениях. Большое внимание активисты уделили работе с молодежью. Они открыли воскресную школу, учителя которой главное внимание сосредотачивали на культурном воспитании детей, изучении ими истории и традиций Армении, армянского народа. Община установила тесные и достаточно конструктивные контакты с местной властью. Случаев непонимания сторонами друг друга, тем более скандальных конфликтов, зафиксировано не было.

Что касается Полтавской области, то здесь власти зарегистрировали наибольшее в Центральной Украины количество людей армянской национальности. В 2001 г. их насчитывалось около 2,7 тыс. чел. Для сравнения, в Киевской области их было немногим более 2,3 тыс., в Черкасской – более 1,7 тыс., в Черниговской – менее одной тысячи, а всего – 7,7 тыс. И это лишь официальные данные. Реальное число армян в регионе было на много больше.

Попытки создать на Полтавщине армянскую общину предпринимались с 1960-х годов. В условиях национальной политики, которую проводил коммунистический режим, эта структура должна была послужить “интернациональному” воспитанию, “дружбе народов”, то есть господствующим в то время идеям. Создавалась она по инициативе заслуженных людей, среди которых следует назвать ветеранов: генерала в отставке Ю.Л. Мартиросяна, полковника в отставке Е.И. Арутюняна, а также известного производственника М.Б. Вартеваняна и др. И всё же, по большому счёту, этот проект остался нереализованным.

Фактически армянская община на Полтавщине начала функционировать с 2004 года. Благодаря меценатам, прежде всего Г.Е. Агаджаняну, было построено часовню и открыто армянскую недельную школу. Это позволило сплотить значительную часть армян области.

31 марта 2005 г. было получено свидетельство о государственной регистрации “Полтавской областной армянской организации “Банк”, которую решением общего собрания (от 20 февраля) возглавил А.З. Овакимян. День создания общины отметили великим концертом. В нём приняло участие более 80 артистов. Праздник стал большим событием если не для всех, то для большинства армян центрального региона. Зрители, небезучастные к национальному единению, прибыли тогда с большинства районов Полтавской области, а также с соседних Харьковщины, Черкащины и других областей. Очевидцы вспоминают, что люди плакали от радости. Концерт семь раз транслировало телевидение. О нём писали многие областные и районные газеты. Событие засвидетельствовало: армянам Центральной Украины удалось преодолеть определенную степень национальной институционализации.

Таким было начало. А уже через полгода 45 детей армянской национальности Полтавщины посещало воскресную школу, кружок художественной самодеятельности, школу КВК, спортшколу. Благодаря радио, телевидению, интернету, прессе об общине узнали в Украине и Армении.

Сегодня община имеет офис, двухклассную школу, которую посещает более восьми десятков учеников. Пять педагогов обучают юных армян общеобразовательным предметам, национальным песням, танцам, сценическому искусству, навыкам КВК. Дети полностью обеспечены сценической одеждой, музыкальной техникой.

Систематическими стали концерты, которые армянская община начала практиковать на сценах Полтавщины и соседних областей. Начиная с 2005 г., состоялось около 75 концертов. С другой стороны, армянские дети начали активно интегрироваться в украинский национальный учебный процесс. Оказалось, что ничего сложного, тем более непреодолимого в этом нет. В частности, достаточно легко был преодолен языковой барьер, стереотипы, что украинский язык сложно выучить. Интересные случаи бывали на родительских собраниях, когда 10-летние дети перекладывали слова учителей своим родителям с украинского языка на армянский или русский. Только за последние годы дети армянской национальности Полтавской области стали лауреатами более 10 различных всеукраинских и международных конкурсов и фестивалей. Среди них мероприятия, которые, казалось бы, не имеют никакой связи с

национальной культурой армян – концерты, посвященные Сорочинской ярмарке, Дню Конституции Украины, Дню Европы в Украине, Дню украинского языка.

Перспективы развития институтов армянской общины на Полтавщине связаны со строительством церкви, новой школы, единении людей на принципах “законопослушности, мудрости, благородства и гордости за выдающиеся достижения армянского народа” [2, с. 13].

Особенности развития общины в Киеве были связаны со значительными возможностями столичного статуса города. Ещё с советских времён были активизированы соответствующие усилия власти и общественности. В 1989 г. возникло товарищество “Друзья Армении”. Его возглавил А. Божко, который вскоре стал послом Украины в Республике Армения. Товарищество сыграло заметную роль в налаживании дружественных отношений между странами.

В 1990 г. при Украинском фонде культуры была зарегистрирована общественная организация “Товарищество армянской культуры”. Возглавляла её В. Хачатурова. 21 ноября 1993 г. под названием “Киевское армянское товарищество” начала деятельность Киевская армянская община. Юридически она была оформлена в начале 1994 г. Её лидером стал спортсмен С. Цирунян.

Как видим, формирование институтов армянской общины на Киевщине происходило более оперативно. Свидетельством того было основание в 1994 г. газеты “Арагац” (как дополнение к “Голос України”), которая выходила на двух языках – украинском и армянском. Главным редактором работала Ж. Церунян.

В начале XXI в. Киевское общество сделало существенные шаги в улучшении организации жизнедеятельности армян столицы и области. Было восстановлено работу учебных классов (в киевских школах № 61, № 85, № 135, № 215), факультативов, активизировано сотрудничество с общинами других меньшинств города. Кружки художественной самодеятельности стали постоянными участниками фестивалей (“Оберіг надії”, “Всі ми діти твої, Україно”, “Духовні джерела”, “Квітти, мово, зірниця слова”, “Один народ, єдина нація”). Все это способствовало развитию и совершенствованию институтов общины.

20 октября 2003 г. на очередном общем собрании членов общества были внесены изменения в устав – оно начало называться “Киевское армянское общество”. С 29 февраля 2012 г. его возглавляет Г. Галусян.

Важнейшим направлением деятельности общин Центральной Украины было возрождение и развитие армянской культурной самобытности и национальной самосознания. Также налаживание связей с украинскими национально-культурными, культурно-просветительскими и молодёжными структурами, СМИ. Большой вклад сделали известные мастера творческой интеллигенции Б. Егизарян, Л. Маркосян, М. и С. Бароянцы, К. Багдасарян, С. Тигранян, А. Алексанин и др. Что касается внутренней жизнедеятельности общин, то здесь первоочередное внимание уделялось социальным проблемам. Прежде всего, обеспечению социальных гарантий пенсионерам, ветеранам войны и труда, инвалидам, социально незащищённым гражданам.

Армянские общины региона, и прежде всего Киева, наладили тесные связи с Украинской епархией Армянской Апостольской Церкви, церковно-приходскими общинами. Во многих городах развернулось строительство

храмов. Одновременно деятельность армянских общин всё более активизировалась в информационном поле. С сентября 2009 г. начала функционировать веб-страница Киевской общины (редактор С. Азизян). Кроме информирования, она служила налаживанию контактов с другими общинами, и не только армянскими. На радиостанции “Радио Киев 98 ФМ” активисты создали ежемесячную армянскую радиопрограмму (диктор М. Алахвердова), которая начала сообщать новости местной общины и Республики Армении.

Таким образом, за последние два десятилетия армянское национальное меньшинство Центральной Украины не только численно увеличилось, фактически в несколько раз, но и прошло важный этап формирования общественных институтов. Этому способствовали, с одной стороны, благоприятные политико-правовые условия государства Украины, с другой, значительная активность армянского населения. Был наработан современный опыт нормализации отношений людей разных этнических культур.

Литература:

1. См. : Бережна, Н.О. Правове становище вірмен України у 1990-х – 2000-х рр. (на матеріалах Черкаської громади) / Н.О. Бережна // Вісник Черкаського університету. Серія : Історичні науки. – Черкаси, 2012. – № 29. – С. 111–116.
2. Дополнительно см. : Населення Черкаської області (за даними Всеукраїнського перепису населення 2001 р.). – Черкаси, 2003.

М.В. Тухашвили (Тбилиси, Грузия)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГРУЗИИ ДИАСПОРЫ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПЕРИОДЕ

В Грузии к автохтонному населению относятся грузины и абхазцы. Остальное население, несмотря на гражданство Грузии, представляет собой диаспору. Она сформировалась в результате протекающих на протяжении веков иммиграционных процессов.

В течение последних двух веков на территории современной Грузии численность этнических меньшинств и их доля вначале возрастали, а после Второй мировой войны в целом характеризовались тенденцией убыли. Эти показатели скачкообразно изменились в постсоветском периоде (см. табл. 1).

Причиной этого являются происшедшие в Грузии после развала СССР разрушительные процессы: политический хаос, тогдашняя беспомощная власть, этнополитические конфликты, экономический крах и катастрофическое падение уровня жизни.

В 1991–1995 гг. совокупный продукт снизился в 4 раза. Уровень жизни составил 42,5% прожиточного минимума, те, кто располагал какой-либо опорой за границей, переехали на постоянное жительство за границу. Либерализация перемещения между странами после развала СССР ускорила репатриационные процессы и эмиграция диаспор происходила намного интенсивнее, чем автохтонного населения, что еще более резко сократило численность диаспор (см. табл. 2).

Таблица 1 – Изменение доли диаспор в общем населении Грузии в XIX–XX вв. (%)

Диаспора	1800 г.	1832 г.	1865 г.	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Осетинская	3,7	3,6	3,6	4,2	4,2	4,2	3,5	3,2	3,2	3,0	1,7
Русская	-	-	2,0	5,3	3,6	8,7	10,1	8,5	7,4	6,3	2,1
Армянская	6,0	9,4	9,5	10,3	11,5	11,7	11,0	9,6	9,0	8,1	5,7
Азербайджанская	3,8	3,0	4,0	4,2	5,4	5,3	3,8	4,6	5,1	5,7	6,5
Еврейская	0,4	0,5	0,6	0,9	1,1	1,2	1,3	1,1	0,6	0,5	0,1
Греческая	0,1	0,8	0,9	2,0	2,0	2,4	1,8	1,9	1,9	1,9	0,3
Немецкая	-	-	0,3	0,4	0,4	0,3	-	-	-	-	-
Украинская	-	-	-	-	0,5	1,3	1,3	1,1	0,9	1,0	0,2
Остальные	-	0,5	0,7	1,1	2,4	1,9	1,4	1,4	1,4	1,6	0,4

С другой стороны, государственная политика СССР не содействовала процессу гражданской интеграции национальных меньшинств Грузии. Результатом этого является то, что по переписи 1989 г. 74% проживающих в Грузии русских не знали грузинского языка, который и тогда был признан официальным государственным языком. Интенсивно протекал процесс русификации всех диаспор. Поэтому значительная часть русской и культурно обрусевших диаспор сразу же после развала Союза переехала на жительство в Россию и на Украину.

Таблица 2 – Изменение численности диаспор в межпереписном периоде 1989–2002 гг. (человек)

Диаспора	1989 г.	2002 г.	(±)	1989 г. к 2002 г. (раза)
Армянская	437211	248929	- 188282	1,8
Азербайджанская	307556	284761	- 22795	1,1
Русская	341172	67671	- 273501	5,0
Осетинская	164055	38028	- 126027	4,3
Греческая	100324	15166	- 85158	6,6
Еврейская	24720	3772	- 20948	6,5
Езидо-курдская	33331	20843	- 12488	1,6
Украинская	52443	7039	-45404	7,4
Белорусская	8595	542	- 8053	15,8

Среди теперешних сравнительно крупных диаспор наименьшее численное изменение претерпела азербайджанская диаспора. Причиной этого является то, что показатель их территориальной мобильности всегда был низким, а показатель естественного прироста всегда был высоким.

В Грузии имеются регионы, в которых численно диаспора превышает автохтонное население. Азербайджанцы компактно поселены в Квемо Картли, а армяне – в Джавахети, где они составляют этническое большинство.

Большое влияние на численность диаспор оказывала весьма дифференцированная рождаемость и естественный прирост. Падение уровня жизни и катастрофическое сокращение необходимых для демографического роста ресурсов в постсоветском периоде намного ослабили роль естественного фактора в росте численности населения диаспор. Она наглядно проявилась в изменении показателей рождаемости и естественного прироста в районах компактного проживания наиболее крупных диаспор азербайджанцев и армян (см. табл. 3).

Таблица 3 – Изменение показателей рождаемости и естественного прироста в компактно поселенных диаспорах в постсоветском периоде

Общий коэффициент рождаемости, ‰				
Районы	1990 г.	1993 г.	2006 г.	2011 г.
Марнеульский (азербайджанская диаспора)	26,1	17,2	14,8	14,7
Ахалкалакский (армянская диаспора)	19,4	20,0	8,5	9,7
Ниноцминдский (армянская диаспора)	20,7	18,5	8,1	9,7
Естественный прирост, ‰				
Марнеульский (азербайджанская диаспора)	18,4	11,2	10,1	7,0
Ахалкалакский (армянская диаспора)	14,3	10,4	3,7	1,5
Ниноцминдский (армянская диаспора)	14,8	10,5	4,4	2,2

В настоящее время в Грузии уже не имеется диаспор с молодым населением. В возрастном отношении весьма деформированы русская, греческая, осетинская и украинская диаспоры. Это результат интенсивной эмиграции представителей этих диаспор в постсоветском периоде. Их демографическое старение ускорилось из-за массового выбытия сравнительно молодых контингентов (см. табл. 4).

Особо выделяется катастрофическое сокращение численности и атрофия половозрастной структуры русской диаспоры. По переписи 2002 г., число русских женщин в 2,5 раза превышало численность мужчин этой диаспоры [6, с. 73–77]. Такая асимметрия сформировалась не только за последние годы, однако особенно резкую форму она приняла в постсоветском периоде. Как видим, также атрофирована возрастная структура русской диаспоры. К 2002 году доля населения 60 лет и старше в русской диаспоре достигла 34,4%, медианный возраст – 48,8 года, в то время как эти же показатели, по переписи 1989 г., составляли соответственно 20% и 36,7 года. Такая демоструктура, естественно, исключает расширенное воспроизводство диаспоры. В 2005 г. показатель

естественной убыли этого контингента превышал – 15%. Во время переписи 2002 г. был осуществлен опрос женщин фертильного возраста (15–49 лет) относительно мнения замужних женщин об ожидаемом числе детей. В этом отношении также намерение наибольшей молодетности наблюдалось среди русских женщин. Следовательно, нагляден режим выделяемого суженного воспроизводства и весьма регрессивная демографическая ситуация.

Таблица 4 – Изменение возрастной структуры в диаспорах в 1989-2002 гг.

Диаспора	Год	0-14 лет, %	60 лет и старше, %	Медианный возраст, лет
Армянская	1989	25,9	14,4	30,5
	2002	19,8	21,5	35,9
Азербайджанская	1989	34,6	7,1	23,5
	2002	27,1	12,0	27,0
Русская	1989	19,3	20,2	36,7
	2002	8,4	34,4	48,8
Украинская	1989	13,7	24,2	39,3
	2002	5,9	40,0	52,6
Осетинская	1989	23,4	14,7	32,0
	2002	11,8	31,6	43,8
Греческая	1989	27,3	12,2	29,7
	2002	11,5	37,6	50,2
Курдская	1989	35,4	4,4	22,9
	2002	23,5	10,2	28,0
Всего по Грузии	1989	24,7	14,4	30,7
	2002	21,0	18,0	34,5

В Грузии, несмотря на то, что на протяжении последних 100 лет государственным языком был грузинский, большинство диаспор среднее образование получали на своем родном языке. И в настоящее время в Грузии имеется 234 школы на языке национальных меньшинств, а 408 школ смешанные, в которых обучение ведется на азербайджанском, армянском, русском, осетинском и других языках[4, с. 14–18]. Одной из главных идей проводимой реформы образования является ускорение гражданской интеграции диаспор и политика всесторонней защиты прав национальных меньшинств. Интенсивно осуществляется процесс выравнивания образовательного потенциала диаспор.

Среди крупных диаспор наибольшую перспективу демографического развития имеет азербайджанская диаспора. В то же время уже заметен рост интенсивности трудовой иммиграции из Турции, Индии, Китая, что после экономического развития Грузии будет содействовать формированию новых диаспор.

Литература:

1. Государственная стратегия отношений с диаспорой. <http://www.diaspora.gov.ge>
2. Джаошвили, В. Население Грузии в XVIII–XX вв. – Тбилиси: “Мецниереба“, 1984 (на груз. яз.).
3. Кутелия, Б. Парадоксальное постмодернизация : Диаспора и мы. // Картули эмиграция. – 2013. – №1. – С. 111–122 (на груз. яз.).

4. Мехузла, С., Роше Э. Реформа образования и национальные меньшинства в Грузии. 2009. (на груз. и рус. яз.). http://kms2.isn.ethz.ch/serviceengine/Files/EINIRAS/106681/ipublicationdocument_singledocument/3f51b572-24e3-4bb7-9f54-1916659a50e6/ka/working_paper_46_geo.pdf
5. Материалы Всеобщей переписи населения Грузии 1989 г. Национальный состав населения Грузии. Статистический сборник. – Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
6. Материалы Всеобщей переписи населения Грузии 2002 г., т.1. – Тбилиси, 2003 (на груз. яз.).
7. Национальный состав населения Грузии. Статистический сборник. – Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
8. Тухашвили, М. Переселение русских и их эмиграция из Грузии // “Миграция 3“. – С. 5–15 (на груз. яз.).
9. Тухашвили, М. Трудовой потенциал Грузии (формирование и распределение). – Тбилиси, ТГУ, 1998 (на груз. яз.).
10. Тухашвили, М. Миграция населения Грузии. – Тбилиси. 1996. (на груз. яз.).
11. Тотадзе, А. Национальный состав населения Грузии. – Тбилиси, “Универсали“, 2009 (на груз. яз.).
12. Тотадзе, А. Осетины в Грузии : миф и реальность. – Тбилиси, “Универсали“, 2006 (на груз.и рус. яз.).
13. Шелия, М. Пожилое население в Грузии: социальные и экономические проблемы. – Тбилиси, “Универсали“, 2013 (на груз. яз.).
14. Georgian Diaspora Study. giz. Tbilisi. 2013. <http://www.diaspora.gov.ge/files/GIZ%20For%20web.pdf>

Н.А. Азарных (Воронеж, Россия)
**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В УСЛОВИЯХ
 ПРЕДНАМЕРЕННОЙ МИГРАЦИИ**

Одним из последствий глобализации является усиление миграционных потоков, которое затрагивает как страны Евросоюза, так и Россию. Впервые о трудностях приспособления к новой социокультурной среде мигрантов заговорил Oberg К. [13]. Он установил, что они испытывают большой психологический дискомфорт, связанный с потерей социального статуса, значительными изменениями в системе социальных установок, утратой личностной и групповой идентичности. Для описания эмоционального состояния, сопровождающего адаптацию человека в иной культурной среде, используют понятия «стресс аккультурации» и «культурный шок», под которыми понимают всю совокупность психосоматических симптомов и эмоциональных состояний, проявляющихся в условиях адаптации к новой культуре, когда пропадают знакомые ориентиры и теряют смысл привычные символы [13].

Исследователи различают вынужденную и преднамеренную миграцию. Если вынужденная миграция является необходимостью и часто единственным способом спасения жизни своей и членов семьи, то преднамеренная осуществляется добровольно.

Целью исследования являлся анализ данных литературы по психологии преднамеренной миграции.

В настоящее время у исследователей преднамеренной миграции нет единого мнения относительно ее последствий для личности. Некоторые считают, что она является позитивным событием в жизни человека, т.к. является реализацией его свободы передвижения, выбора места жительства, потенциальных возможностей [10]. Другие отмечают, что даже если миграция носит добровольный или временный характер (т.е. при наличии четких целей, конкретных планов, материальной обеспеченности, достаточно высокого социального статуса и доброжелательного отношения местного населения), она также сопровождается развитием стресса аккультурации, проявляющегося динамическим комплексом психоэмоциональных состояний (тревожность, депрессия в разных сочетаниях во времени с агрессией), который регистрируется и через год пребывания в чужой стране [2].

О психоэмоциональных проблемах мигрантов свидетельствуют исследования и других авторов. В частности, установлено, что отрыв от родины приводит к экзистенциальному вакууму, актуализирующему ностальгию [5].

Нет единого мнения у исследователей и по вопросу как факторов, способствующих успешной адаптации мигрантов, так критериев ее. В качестве факторов, способствующих адаптации мигрантов, называют личностные черты и особенности когнитивных процессов. В частности исследователями выявлен ряд факторов, способствующих успешной адаптации к новой культуре: концептуальное мышление, эмпатия, экстравертированность, высокая самооценка, внутренний локус контроля, гибкость, самообладание [7]. Другие исследователи утверждают, что главным в адаптации являются не особенности характера личности, а ее ценностные ориентации, в частности, базовые убеждения в безопасности мира (по шкале Р. Янофф-Булльман) [7].

Одним из подходов, который позволяет комплексно рассмотреть как ценностные ориентации, так и личностные особенности, является концепция позитивного функционирования личности и, в частности, такой конструкт как психологическое благополучие. Базой этого конструкта являются такие психологические феномены как индивидуация К.Г. Юнга, идентичность Э. Эриксона, смысл жизни В. Франкла, жизнестойкость С. Мадди, экзистенция А. Лэнгле, самоактуализация А. Маслоу. Наибольшее распространение в эмпирических исследованиях получила концепция психологического благополучия К. Рифф [14], которая проинтегрировала работы, связанные с позитивным функционированием человека. Психологическое благополучие – это базовый субъективный конструкт, отражающий восприятие и оценку своего функционирования с точки зрения вершины человеческих потенциальных возможностей. Психологическое благополучие личности связано с общим уровнем доверия личности; характеристиками гражданской идентичности (выраженность и степень позитивности); толерантностью к представителям иных групп [9]. Выявлены также взаимосвязи психологического благополучия с идентичностью [15, цит. по: 4], а также стратегией адаптации, определяемой по Дж. Берри (интеграция, сепарация, ассимиляция), в условиях миграции [6]. В частности, показано, что мигранты, ориентирующиеся на сходные стратегии адаптации, имеют сходные характеристики психологического благополучия, независимо от их этнической принадлежности и региона пребывания [6].

Чрезвычайно важным в плане исследования миграции является наличие трансгенерационной передачи психологического благополучия от матерей детям [3]. Это значит, что психологическое благополучие мигрантов второго поколения определяется психологическим благополучием матери.

Наряду с психологическим благополучием в настоящее время в литературе встречается также и такое понятие как субъективное благополучие. Некоторые исследователи отождествляют эти понятия [1], другие считают их взаимно дополняющими [3]. Субъективное благополучие личности также имеет отношение к успешности адаптации мигрантов и согласно некоторым исследователям является внутренним критерием социально-психологической адаптации [10]. Наиболее значимым фактором у мигрантов из России, способствующим достижению субъективного благополучия, является возможность соблюдать культурные традиции, характерные для России, и в тоже время умение принять новую культурную среду. Существуют как общие типы субъективного благополучия, которые остаются не зависимыми от процесса миграции (эмоциональное благополучие, субъективное благополучие в сфере профессиональной деятельности и материальное благополучие), так и специфические, связанные с условиями миграции (в/из России). Для мигрантов из России отличительной особенностью являются: оценка возможности духовного роста, удовлетворенность неделовым общением и медицинским обслуживанием; для мигрантов в Россию – удовлетворенность жизненными перспективами, возможностью реализации себя [10].

Одним из актуальных является вопрос об этнической идентичности личности. Опыт послевоенной Европы показывает, что совсем не обязательно эмиграция сопровождается также формированием новой этнической идентичности во втором и даже третьем поколении мигрантов. «Этническая идентичность – это осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности» [8, с. 6]. Это понятие разводится с понятием этничности – социологической категории, определяющей этническую принадлежность по ряду объективных признаков: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре. Если этничность является приписываемой обществом характеристикой, то «этническая идентичность достигается личностью в процессе конструирования социальной реальности на основе этничности, но не сводится к ней» [8, с. 6].

Понятие идентичности и кризиса идентичности было введено в психологию Э. Эриксонем, который понимал под идентичностью «тождество личности и непрерывности времени» [12, с. 77]. Проблемы с идентичностью личности (а не только с этнической идентичностью) изучены у вынужденных мигрантов, которые пережили перед отъездом чрезвычайно драматичные ситуации (военные действия, катастрофы, преследования). Пребывание в другой иноязычной и культурной среде усугубляет их проблемы и речь идет о кризисе идентичности [12, с. 77]. Однако в какой степени можно говорить об изменении идентичности личности в условиях преднамеренной миграции? И как личностная идентичность соотносится с этнической? Этот вопрос является практически не исследованным.

Таким образом, можно сделать следующие выводы из обзора литературы. 1) Миграция относится к числу ситуаций, которые предъявляют повышенные требования к психологическим возможностям человека; 2) одним из показателей, по которым можно определить успешность адаптации вообще и мигрантов в частности служит психологическое благополучие и психозоциональное состояние; 3) показателем, по которому можно определить успешность адаптации в условиях миграции, является также этническая идентичность личности, 4) миграция в Европу и в Россию имеет как общие черты, так и особенности, которые требуют изучения с целью открытия общих психологических механизмов адаптации.

Список литературы:

1. Бессонова, Ю.В. Психологическое благополучие как комплексный феномен // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – Т. 3. – С. 551.
2. Гришина, Е.А. Динамика эмоциональных состояний личности в условиях кросс-культурной адаптации. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
3. Жуковская, Л.В. Психологическое благополучие и родительские установки женщин. Автореф. дис. канд. психол. наук. – СПб., 2011.
4. Жуковская, Л.В., Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. – 2011. – Т. 32. – № 2. – С. 82–93.
5. Константинов, В.В., Ковалева Н.А. Расставание с Родиной: социально-психологическая проблема миграции // Психологический журнал, 2013. – Т. 34. – № 5. – С. 3–15.
6. Лепшокова, З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологические характеристики / Материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество», Москва 14–18 февраля 2012. В 3 тт. (научное издание). – М.: Российское психологическое общество, 2012. – Т. 2. – С. 352–353.
7. Маслова, О.В. Базовые убеждения личности и межкультурная адаптация // Материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество», Москва 14–18 февраля 2012. В 3 тт. (научное издание). – М.: Российское психологическое общество, 2012. – Т.2. – С. 354.
8. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: практикум: Учебное пособие для студентов вузов. – М: Аспект Пресс, 2006. – 208 с.
9. Татарко, А.Н. Социальный капитал и психологическое благополучие представителей этнических групп в мультикультурном обществе / Материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество», Москва 14–18 февраля 2012. В 3 тт. (научное издание). – М.: Российское психологическое общество, 2012. – Т.2. – С. 366–367.
10. Усова, Н.В. Структура и социально-психологические факторы субъективного благополучия личности в условиях миграции. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Саратов, 2012.
11. Шайгерова, Л.А. Психология идентичности личности в ситуации вынужденной миграции. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2002.
12. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.

13. Oberg, K. Culture shock: Adjustment to new cultural environments. // *Practical Anthropology*. – 1960. 7. – P. 177–182.
14. Ryff, C.D., Magee W.J., Kling K.C., Wing E.H. Forging macro-micro linkages in the study of psychological well-being // *The Self and Society in Aging Processes* / Ed. Ryff C.D., Marshall V.W.: – New York, Springer, 1999. – P. 247–278.
15. Vleioras, G., 2005, цит.: по 4.

Т.Д. Азарных (Воронеж, Россия)
**ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ И ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ
СТРЕССЫ**

Миграционные процессы в мире имеют тенденцию к резкому увеличению. Причины, которые заставляют людей покидать родные места, многочисленны. Одной из них являются войны, преследования, дискриминация по религиозному и национальному признакам. В таком случае миграция является вынужденной. В ряде исследований установлено, что среди вынужденных мигрантов (беженцев) есть люди, страдающие различными психоэмоциональными нарушениями из-за пережитых стрессов в период предшествовавший миграции.

По данным большинства авторов наиболее распространенными диагнозами у беженцев являются посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и депрессия, часто встречающиеся совместно (коморбидно). ПТСР возникает в срок до шести месяцев после стрессов, связанных с переживанием страха, ужаса или беспомощности и включает определенный комплекс симптомов: повторяющееся воспроизведение события, соответствующих образов, мыслей и чувств, вызывающее тяжелые эмоциональные реакции (флэшбэк-эффекты); постоянное избегание стимулов, связанных с событием; оцепенение, эмоциональная блокировка; возрастающее напряжение и возбуждение, сопровождающиеся нарушением социальной адаптации [3, с. 20]. При этом ПТСР в 80 % случаев сопровождается такими коморбидными расстройствами как депрессия, алкогольная зависимость и суицидальное поведение. Однако исследователи влияния тяжелых стрессов на психическое здоровье пришли к выводу о том, что весь спектр нарушений психики диагноз ПТСР не охватывает: несравнимо чаще встречаются его редуцированные формы, которые в настоящее время называют посттравматические стрессы (ПС), которые также нарушают социальную адаптацию личности [3, с. 13–14.].

В литературе встречаются разные цифры страдающих ПТСР среди беженцев. В первую очередь это связано разными классификационными системами диагностики психических расстройств, принятых в США (DSM) и в Европе (МКБ), разными методами диагностики внутри этих классификационных систем, а также с особенностями самого обследованного контингента. Не исключено, что существуют и культуральные особенности проявления этих расстройств, которые являются пока практически не изученными. Так, обследование камбоджийцев в США выявило 86 % страдающих ПТСР [10]. Среди молодых афганцев в США 34 % имеют депрессию или ПТСР, или то и другое вместе [7]. Среди вьетнамских беженцев в США 8 % страдают ПТСР [9]. Среди боснийцев, находящихся в США, в 65 % случаев диагностировано ПТСР,

в 35 % – депрессия [Weine S.M. et al., 1995, цит. по: 5]. У боснийских беженцев в Швеции психологические проблемы выявлены в 95 % случаев, при этом у 39 % из них они достигают степени расстройства [Aritzch P. et al., 1996, цит. по: 5]. Среди мигрантов в Швеции выше процент суицидов, чем среди коренных жителей [8], что также свидетельствует о наличии депрессии и/или ПТСР.

В ряде случаев влияние пережитых стрессов на психику у беженцев так велико, что можно говорить о личностной дезинтеграции – утрате идентичности, что часто выражается фразой «Я не знаю, кто я есть». Феномен утраты идентичности в результате воздействия тяжелых стрессов впервые описал Э. Эриксон [6]. Он писал о том, что идентичность людей, переживших военные психотравмы «распалась на телесные, сексуальные, социальные, профессиональные составляющие, каждая из которых должна была снова уйти от своего плохого прототипа» (то, что они отрицали в себе после психотравмы, с чем отказывались идентифицироваться). «Даже упоминание подобных прототипов могло вызвать у этих людей такую ярость, что они становились способны на убийство или самоубийство» [6, с. 77]. О феномене утраты идентичности говорили и другие психоаналитики. Так, Кристал Г. описывал разрыв линии жизни и также утрату личности у переживших тяжелые стрессы [2, с. 341] и утверждал, что в травматическом переживании наиболее калечащие последствия – это утрата интеграции и личной идентичности. В такой диссоциированности бытия жизнь индивида не является его собственной. Иными словами, индивид пытается отрицать самость части себя [2, с. 360]. Утрата ими идентичности привела к тому, что они оказались не способны выполнять квалифицированную работу и быть нормальными родителями [2, с. 345]. Таким образом, прослеживается трансгенерационное влияние утраты идентичности как минимум на второе поколение.

О трансгенерационном влиянии тяжелых стрессов свидетельствуют и исследования, в которых установлено, что ПС у матерей сопровождаются выраженными личностными нарушениями у детей, что приводит впоследствии к разным формам нарушения социального функционирования, в том числе к девиантному поведению [4]. В контексте изучения миграции это значит, что дискомфортное эмоциональное состояние первого поколения мигрантов увеличивает вероятность девиантного поведения второго.

От каких факторов зависит глубина и длительность течения расстройства? В первую очередь от количества психотравм, полученных до миграции [1]. Дополнительными факторами, повышающими риск возникновения психических расстройств, являются пожилой возраст, вдовство, отсутствие образования, незнание языка страны, в которую эмигрировали, безработица, низкий социально-экономический статус, ограничение доступа к медицинской помощи [7; 5, с. 30].

Успешность совладания с ПС у мигрантов зависит также и от их личностных ресурсов. В частности, для лиц успешно совладавших с ПС, характерны более позитивные базисные убеждения о ценности и значимости собственного «Я» и о возможностях контролировать происходящие в жизни события; выраженная интернальность (внутренний локус контроля),

осмысленность жизни, удовлетворенность самореализацией в прошлом и настоящем, наличие целей в будущем [1].

Таким образом, адаптация вынужденных мигрантов проходит значительно труднее, чем уехавших добровольно. Психологические проблемы вынужденных мигрантов первого поколения могут транслироваться второму. Это значит, что требуется целенаправленная работа психологов и психиатров принимающей страны для того, чтобы миграция прошла удовлетворительно.

Список литературы

1. Котельникова, А.В. Личностные корреляты посттравматического стресса (на материале выборки вынужденных переселенцев). Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009.
2. Кристал, Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект. Травма. Алекситимия. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 800 с.
3. Тарабрина, Н.В., Агарков В.А., Быховец Ю.В., Калмыкова Е.С. и др. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч.1. Теория и методы. Психология посттравматического стресса. – М.: Когито-Центр, 2007. – 208 с.
4. Харламенкова, Н.Е. Особенности идентификации в паре мать–дочь при выраженном посттравматическом стрессе у матери // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – Т. 3. – С. 597–560.
5. Цыганков, Б.Д., Тюнева А.И., Былим А.И. Психические расстройства у жертв насилия и их медико-психологическая коррекция. – М., 2006. – 174 с.
6. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 352 с.
7. Chung, R.S., Kagawa –Singer M. Predictors of psychological distress among Southeast Asian refugees // Soc. Sci. Med. – 1993. – V.5 – P. 631–639.
8. Ferrada-Noli M., Asberg M., Ormstad K., Nordstrom P. Definitive and undetermined forensic diagnoses of suicide among immigrants in Sweden // Acta Psychiatrica Scandinavica. – 1995. – 91. – P. 130–135.
9. Hinton, W.L. Tiet Q., Tran C.G., Chesney M. Predictors of depression among refugees from Vietnam: a longitudinal study of new arrivals // J. Nerv. Ment. Dis. – 1997. – Jan. – V.185. – № 1. – P. 39–45.
10. Sack, W.H. Posttraumatic stress disorder across two generations of Cambodian refugees // J. Am. Acad. Child. Adolescent Psychiatry. – 1995. – V. 9. – P. 1160–1166.

Г.Ф. Бедулина (Минск, Беларусь)

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Мы живем в сложное время, когда нарушены естественные связи людей с их корнями, историей, поэтому активизация работы с обучающимися в этом направлении имеет огромное значение, ведь только настоящая культура с ее традициями, народным духом может противостоять тому суррогату, который в изобилии предоставляется различными средствами массовой информации.

Ключевой для становления учащейся молодежи является проблема развития коммуникативной культуры. Необходимо формирование навыков самопрезентации, саморегуляции, межкультурных коммуникаций, личностного самоопределения в информационных потоках различных идеологических систем.

Коммуникативная культура формируется на основе ценностных установок учащейся молодежи и выступает в качестве индикатора общей культуры общества. Практика показывает, что разработка инновационных методик по формированию коммуникативной культуры обучающихся должна быть основана на применении особенностей ценностных установок белорусского менталитета, на национальном и интернациональном воспитании молодежи, что будет способствовать осознанию ими белорусской государственности и особенностей становления белорусской науки и производства, ознакомлению с традициями, идеями и культурой белорусов, приобщению к их национальному наследию.

Главное условие эффективности воспитания подрастающего поколения на основе народных педагогических традиций и особенностях белорусского менталитета – создание особой атмосферы, в которой обучающийся постоянно будет приобщаться к культуре своего народа, а средства и методы народной педагогики будут использоваться не от случая к случаю, а войдут в канву всей системы непрерывного образования и воспитания, формирования коммуникативных навыков.

Этой теме была посвящена двухлетняя работа по осуществлению экспериментальной и инновационной деятельности Республики Беларусь на базе инновационных площадок Гродненской области (ГУО «Гимназия №1 имени К. Калиновского г. Свислочь», ГУО «Средняя школа №2 г. Ошмяны»), реализующих проект «Внедрение модели формирования коммуникативной культуры учащихся в контексте белорусского менталитета». В рамках этой деятельности была разработана региональная модель по формированию коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета.

Этапы и условия проектирования модели формирования коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета.

Выделяются несколько аспектов, связанных с воспитанием коммуникативной культуры – наличие у обучающихся широкого мировоззрения и опыта межкультурного взаимодействия; готовность к полноценной жизни в обществе, самоопределению и самореализации. Понимание обучающимся самого себя, как члена семьи, учебного коллектива, общества в целом; необходимости овладения способами передачи информации и ее приема; знание общечеловеческих нравственных норм, правил речевого этикета, правил общения со сверстниками, со взрослыми, способов приема и передачи информации, способов адекватной оценки своих поступков, поведения [2, с. 51].

Оптимальный уровень межличностных отношений обучающихся возможен при условии формирования необходимой воспитательной среды учреждения общего среднего образования: благоприятного социально-

психологического климата в коллективе, который во многом зависит от стиля педагогического руководства и стиля педагогического общения.

Создание необходимых условий для формирования коммуникативной культуры обучающихся является необходимым условием развития учреждения общего среднего образования. Необходима разработка основных этапов и определение условий проектирования модели формирования коммуникативной культуры школьников. «Моделирование воспитательной работы школ осуществляется на основании учета конкретной воспитывающей среды региона, которая представляет собой совокупность обстоятельств, социально-ценностных ориентаций, влияющих на развитие ребенка и содействующих его вхождению в современную культуру. В качестве содержания среды как фактора социального развития личности выступает предметно-пространственное, социально-поведенческое, событийное, информационное и природное окружение» [1, с. 59].

Целью построения модели формирования коммуникативной культуры является создание условий, обеспечивающих развитие коммуникативных навыков личности обучающегося, его нравственных ценностей, способности к успешной социализации в обществе и поиску духовного самосовершенствования на основе ценностных установок белорусского менталитета.

Исследования в этой области позволяют выделить основные этапы моделирования воспитательной работы, характеризующиеся различными качественными особенностями, позволяющими судить о степени ее эффективности. Процесс построения модели формирования коммуникативной культуры учащихся в контексте белорусского менталитета охватывает собой весь период деятельности учреждения общего среднего образования и условно состоит из 3-х этапов:

Первый этап. Организационно – моделирующий: возникновения идеи, создание команды, объединенной на основе определенных интересов развития учреждения образования: формирование образа (видения) настоящего и будущего состояния учебного заведения, организация сообщества педагогов, обучающихся и родителей в целях активизации воспитательной работы по формированию коммуникативных навыков.

Это процесс интегрирования представлений об идеологии государства, об уровне воспитанности обучающихся, об уровне подготовки педагогического коллектива, родителей и других представителей окружающего социума с целью создания исходной модели.

Второй этап – это воплощение сформированного образа в одну из форм модели воспитательной системы учреждения образования.

Третий этап – это внесение корректив, уточняющих или незначительно изменяющих образ модели формирования коммуникативных навыков обучающихся. Необходимость его выделения вызвана тем, что завершение разработки модели не означает окончание процесса моделирования, так как при прогнозировании и проектировании невозможно максимально точно предусмотреть развитие всех элементов сложного учебного организма, поэтому вносятся коррективы, уточняющие или незначительно изменяющие модель формирования коммуникативных навыков обучающихся.

Можно выделить основные этапы построения модели, из которых складывается технология процесса моделирования:

- формирование инициативной группы. Формируется команда, разрабатываются модель, проект и программа конкретных действий, выявляются проблемы педагогического и ученического коллектива на семинарах, собраниях, путем участия в диспутах;

- установление контактов инициативной группы с научно-методическими подразделениями района, города, республики;

- анализ исходного состояния и определение путей реализации модели формирования коммуникативной культуры обучающихся, определение воспитательного потенциала окружающей социальной и природной среды;

- ознакомление педагогов с теорией коммуникативной культуры;

- разработка исходной концепции модели формирования коммуникативной культуры обучающихся в рамках воспитательной системы учебного заведения;

- разработка программы (плана) действий по построению модели формирования коммуникативной культуры обучающихся; обобщение всех идей в общий проект, в план конкретных действий;

- организация системы повышения квалификации педагогов и просвещения родителей, системы общешкольных дел, разнообразных ученических, педагогических, родительских сообществ;

- обсуждение концепции модели формирования коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета;

- экспертиза концепции, модели и программы построения (развития) воспитательной системы учреждения образования;

- утверждение программы на конференции или педсовете учреждения образования;

- внесение корректив в концепцию и программу построения (развитие) модели коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета.

Основными условиями построения модели формирования коммуникативной культуры обучающихся являются:

- учет особенностей субкультурного опыта педагогов, обучающихся, родителей, их потребностей, интересов;

- владение разнообразными педагогическими технологиями, методиками, формами и методами работы в зависимости от индивидуальных особенностей контингента обучающихся, включающих социокультурные, этнические, конфессиональные, возрастные, психофизические и другие характеристики;

- формирование коммуникативной культуры педагогов;

- организация педагогической поддержки обучающимся в освоении межкультурного разнообразия, формирование терпимости к инакомыслию и способностью к диалогу;

- создание необходимых условий для развития личности, стимулирование процесса культурного самоопределения обучающегося, помощь в определении зоны своего ближайшего культурного развития.

Формирование коммуникативной культуры учащихся должно быть прежде всего основано на общечеловеческих и нравственных ценностях: понятие добра и зла, порядочности, гуманности и любви к природе, духовности, свободы, ответственности личности за то, что происходит с ней и вокруг нее, скромности, доброты и бескорыстности. В основе формирования коммуникативной культуры обучающихся лежат общепринятые нравственные требования традиций белорусского народа к общению, неразрывно связанные с признанием неповторимости, ценности каждой личности: вежливость, корректность, тактичность, скромность, точность, предупредительность [4, с. 51].

Формирование коммуникативной культуры на основе ценностных установок белорусских традиций осуществляется посредством рассмотрения следующих аспектов:

- *экономических*: каким является уровень материального благосостояния жителей своего региона, страны. Какими традиционными способами решаются возникающие экономические проблемы?

- *политических*: каким образом белорусские люди реагируют на те или иные изменения в общественно-политической жизни?

- *культурных*: как выражают белорусские люди себя в искусстве и религии?

- *эмоциональных*: как проявляется национальный характер?

- *исторических*: в чем выражаются исторические изменения своего народа? [3, с. 46].

Нравственный компонент образуют потребности в позитивных контактах, мотивы развития коммуникативной культуры, смысловые установки «быть успешным» партнером взаимодействия, а также ценности общения и цели, смыслы, образ другого как партнера взаимодействия, социально-коммуникативные способности, личностные характеристики, образующие коммуникативный потенциал личности.

Модель формирования коммуникативной культуры обучающихся включает развитие следующих навыков: коммуникативные знания, коммуникативные умения, коммуникативные способности.

Эта модель позволяет создать такое образовательное пространство, которое превращает территорию учреждения образования в воспитывающую среду, в которой создаются условия взаимодействия и сотрудничества взрослых и обучающихся, что способствует разработке новых методик и технологий формирования коммуникативной культуры в контексте белорусского менталитета, активному выполнению обучающимися гражданских обязанностей перед обществом, соблюдению и уважению законов и традиций своей родины.

Список использованных источников:

- 1.Катович, Н.К. Технология воспитания / Н.К. Катович // Проблемы воспитания. – 2009. – № 1 – С. 59–64.
- 2.Кравченко, Е.В. Система развития коммуникативной культуры учащихся: Методические рекомендации / Е.В.Кравченко. – Балашов: Изд-во «Николаев», 2004. – 280 с.
- 3.Луговцова, Е.Н. Формирование у учащихся умения жить в поликультурном мире: пособие для пед. работников общеобразоват. учреждений и учреждений внешк.

воспитания и обучения / Е.И Луговцова. – Минск: Нац. инт-т образования, 2010. – 192 с.

4.Соловьева, О.А. Развитие ценностных ориентаций и коммуникативной культуры / О.А. Соловьева // Народная асвета. – 2007. – С. 50–59.

О.П. Мариненко (Могилев, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ПОЛУЧАЮЩИХ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Получение образование за пределами неродной страны имеет преимущество в виде получения международного диплома, уверенного владения неродным языком и освоения неродной культуры. Данные преимущества приводят к постоянному увеличению иностранных студентов в большинстве стран мира, включая Республику Беларусь. Начиная 2007 года, когда была принята «Концепция развития экспорта образовательных услуг в рамках сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами» ежегодно численность иностранных студентов в нашей стране возрастает примерно на 15 %.

Преимущества, получаемые студентом-иностранцем, омрачают сложности в виде адаптации к системе обучения в неродной стране, незнакомой культуре, обычаям, языку, климату, еде и т.д. Соответственно, различные исследователи выделяют физиологическую, психологическую, социальную, культурную, дидактическую и прочие виды адаптации, с которыми неминуемо сталкиваются иностранные студенты.

Чтобы уточнить возможные сложности адаптации и определить направления оказания помощи иностранным студентам, мы изучили работы исследователей, выделив максимальное количество - 17 факторов, представляющих потенциальную сложность для указанной группы студентов. Впоследствии мы предложили 300 иностранным студентам, обучающимся в Республике Беларусь, ранжировать данные факторы по степени значимости.

Основываясь на классификации М. А. Ивановой [1], мы разделили выделенные нами факторы на 4 группы: социокультурные, психофизиологические, учебно-познавательные и бытовые (рисунок 1), – и определили количественный показатель значимости каждой группы факторов.

Результаты обработки данных свидетельствуют, что наибольшую сложность у иностранных студентов вызывают социокультурные факторы: неродной язык, непонимание местных жителей (2,2 балла), незнакомая культура, обычаи, традиции, правила поведения (1,8 баллов), – средний балл данной группы – 2 [2]. На втором месте по значимости для иностранных студентов находятся психофизиологические факторы: тоска по дому (среднее значение 2,6 баллов); плохое самочувствие (2,3 балла); жизнь без родных и близких (1,9 балла); холодный климат и погода (1,6 и 1,7 балла соответственно); незнакомая еда (1,6 балла); ощущение, что никто не понимает, все чужое (1,5

балла) и отсутствие людей, с которыми можно поделиться своими проблемами (0,9 баллов). Средний балл данной группы – 1,8.

Рисунок 1 - Сложности, с которыми столкнулись иностранные студенты в процессе вхождения в неродную среду

Третье место по значимости занимают также **учебно-познавательные факторы**, связанные с адаптацией к учебному процессу: отличие обучения в университете от обучения в школе (2,2 балла); интернациональный состав групп (1,5 балла); незнакомая система обучения (1,4 балла); необходимость обучения на подготовительном отделении (1,3 балла); недостаточное владение языком (1,2 баллов). Средний балл учебно-познавательных факторов – 1,6.

И, наконец, наименьшее беспокойство вызывают у иностранных студентов **бытовые факторы**: необходимость все делать самому (1,7 балла), нехватка денег (1,2 баллов), жизнь в общежитии (0,9 баллов) – средний балл данной группы – 1,3.

Актуализированные иностранными студентами сложности позволяют нам определить значимость адаптационных процессов для иностранных студентов и выделить наиболее необходимые виды помощи.

Социокультурные факторы определяют потребность для иностранных студентов в **социокультурной помощи**, представляющей специфический вид помощи, актуальный именно для иностранных студентов в связи с вхождением в неродную среду и культуру. Данная помощь организуется как на занятиях (особенно по русскому языку как иностранному), так и во внеучебное время посредством просвещения студентов-иностранцев относительно особенностей неродной культуры, знакомства с особенностями межкультурного взаимодействия, организации коллективных обсуждений возникших у студентов-иностранцев сложностей, проведения тренингов, экскурсий и пр.

Психофизиологические факторы определяют значимость для иностранных студентов **медико-психологической помощи**, рассматриваемой как улучшение внутреннего состояния иностранных студентов, которая способствует разрешению психологических и физиологических проблем. Данная помощь организуется посредством следующих мероприятий: мониторинг психофизиологического состояния студентов с целью выявления проблем;

просвещение студентов относительно процесса адаптации и его интенсификации; способах решения психологических проблем и проблем со здоровьем; практикумы и тренинги, направленные на оптимизацию внутреннего состояния студентов; обучение способам самоорганизации жизни за границей; индивидуальная консультативная помощь и пр.

Учебно-познавательные факторы определяют необходимость оказания иностранным студентам *дидактической помощи*, которая рассматривается нами как средство нейтрализации учебно-познавательных сложностей и оптимизации процесса дидактической адаптации. Дидактическая помощь включает обучение студентов методикам самостоятельной работы; развитие их активности и инициативы; использование в процессе работы на занятиях и популяризация для самостоятельной работы современных информационных технологий; закрепление более успешных студентов за отстающими; оказание индивидуальной помощи и пр.

Влияние **бытовых факторов** значимо для процесса социокультурной адаптации и связано у иностранных студентов с необходимостью заботиться о себе и взаимодействовать с представителями белорусского социума в процессе решения бытовых проблем. Данный аргумент подчеркивает важность социокультурной помощи иностранным студентам в процессе их социализации в стране обучения, которая должна систематически и спланировано оказываться как кураторами учебных групп, так и преподавателями-предметниками, сотрудниками международных отделов, общежитий и пр.

Литература:

1. Иванова, М. А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России: дис. ... д-ра психолог. наук: 19.00.05 / М. А. Иванова. – СПб., 2001. – 353 с.
2. Мариненко, О. П. Образовательная среда учебного заведения как средство поддержки иностранных студентов / О. П. Мариненко // Выш. шк. – 2009. – № 2. – С. 38–40.

Г.А. Быковская, Е.Ю. Карташова, Е.Н. Мирошниченко
(Воронеж, Россия)

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К РАБОТЕ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

В современных условиях возросла роль этнического, языкового и культурного разнообразия при обеспечении развития общества. Каждая страна в связи с ростом конкурентоспособности на международной арене учитывает особенности этнокультурного поля при разработке приоритетов политики в сфере экономики, международных отношений, товарообмена. С наступлением нового XXI века национальные интересы каждого государства могут быть реализованы только при взаимодействии с партнёрами в различных областях жизнедеятельности. Известно, что в системе российского образования общекультурное развитие обучающихся, повышение ранее приобретенного ими культурного уровня исторически рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений и непреходящей ценности.

Социально-политическая ситуация в мире и в России диктует необходимость готовить конкурентоспособных, образованных специалистов, способных уверенно и эффективно участвовать в профессионально-деловом, социокультурном и повседневном общении с коллегами из других стран мира. Важнейшей составляющей профессиональной деятельности преподавателя является его конструктивное педагогическое взаимодействие со студентами в ходе совместной работы. Развитие личностных и профессиональных качеств современного специалиста зависит от педагогической идеологии, от атмосферы, которую создаёт педагог на занятиях, от способности привить студенту интерес к изучаемой дисциплине. Нормы педагогического взаимодействия: доброжелательность, уважение, ответственность, право на высказывание своей точки зрения и на творчество, иначе говоря, формирование толерантности в отношениях.

Иностранному студенту, получающему высшее образование в чужой стране должен, как и «местные» студенты усваивать все знания, овладевать всеми умениями и навыками. Механизмы поведения и оценок, работавшие до тех пор, пока общение осуществлялось в рамках одной культуры, начинают давать сбои, когда во взаимодействие вступают представители разных культур, общение становится затруднительным. Это служит причиной неуверенности, потери внутренней стабильности, неверных интерпретаций поведения партнера, непонимания друг друга. Вступая в контакт со студентом-иностранцем, преподаватель должен учитывать подобные феномены.

Особое место в построении педагогического межкультурного общения отводится начальному этапу обучения иностранных студентов, который является сложным и неоднозначным периодом адаптации и социализации. К его особенностям следует отнести: новую социокультурную среду, значительные психологические, эмоциональные и физические нагрузки, интенсивный характер обучения, профессиональную направленность обучения, значительную учебную занятость студентов. Следует отметить, что при вхождении в новую культуру у личности, как правило, возникают различного рода сложности и проблемы - что актуализирует проблему социальной адаптации иностранных студентов. Подчеркнём, что преподаватели ответственны за позитивное восприятие и должны создавать на занятиях условия, способствующие эффективной адаптации студентов-иностранцев.

Утверждение Константина Дмитриевича Ушинского о том, что педагог живет до тех пор, пока учится, в современных условиях приобретает особое значение. Профессиональное саморазвитие, как и любая другая деятельность, имеет в своей основе довольно сложную систему мотивов и источников активности. Обычно движущей силой и источником самовоспитания педагога называют потребность в самосовершенствовании. Когда педагогическая деятельность приобретает в глазах педагога личностную, глубоко осознанную ценность, тогда и проявляется потребность в самосовершенствовании, тогда и начинается процесс саморазвития. Преподавателю, работающему с иностранцами, необходимы такие качества, как коммуникабельность, умение справиться со стрессом, умение преодолевать психологические барьеры в общении, владение специальными техниками общения. Даже фонетические

параметры речи преподавателя (интонация, высота тона, даже тембр голоса) могут оказаться шокирующими и неприемлемыми для студентов-иностранцев.

Важно обратить внимание и на такой момент межкультурного общения, как гендерные национально обусловленные представления, то есть представления о месте и роли в социальной и образовательной жизни представителей разного пола. Не секрет, что для многих иностранных студентов в их стране преподаватель-женщина и женщина вообще не играет такой важной роли, как в России. Поэтому студенты должны привыкнуть к осознанию значимости женщин в российском обществе и в российской культуре, что происходит далеко не сразу. Поэтому нужно проявлять такт и терпимость в общении со студентами-иностранцами.

Преподаватели-практики на собственном опыте знают, насколько отличаются национальные модели поведения студентов, приехавших из разных регионов. Культуры по способу организации их деятельности подразделяются на моноактивные (Германия, США, Великобритания, Франция, Швеция), полиактивные (Испания, Италия, страны Латинской Америки, арабские страны) и реактивные (Китай, Вьетнам, Корея, Япония). Представители моноактивных культур ориентированы на выполнение задачи, пунктуальны, обязательны. В спорах сдержанны, вежливы, стараются быть объективными. Представители полиактивных культур эмоциональны, импульсивны, многословны и не всегда пунктуальны. Они часто меняют планы, но в трудных ситуациях способны к импровизации. В третью группу объединены культуры, представители которых молчаливы, уважительны по отношению к собеседнику, пунктуальны. Считается, что первым двум группам (моноактивным и полиактивным культурам) сложно общаться между собой и легче – с представителями реактивных культур.

Эффективное межкультурное общение является одновременно условием и продуктом функционирования межкультурной коммуникативной компетентности личности, которая для достижения взаимопонимания с представителями других коммуникативных сообществ и культур, а также для достижения поставленных целей общения использует на практике знания культурных правил и категорий, обуславливающих успешность межкультурного взаимодействия. Таким образом, межкультурная коммуникативная компетентность позволяет человеку в процессе межкультурного общения выбирать нужные языковые и речевые средства в соответствии с социокультурным контекстом, создавать дискурсы, использовать социолингвистические средства, избирать стратегии и тактики общения, приемлемые для достижения поставленных целей, что повышает эффективность межкультурного взаимодействия. Отметим, что есть виды педагогического общения, являющиеся приемлемыми, благоприятными и эффективными. Виды стилей педагогического общения: 1. Перспективные: общение на основе совместной творческой деятельности, общение на основе дружеского расположения. 2. Неперспективные: общение-устрашение, общение-заигрывание. Ясно, что специалисты в своей деятельности должны пользоваться перспективными стилями общения.

Иноязычное образование, рассматривающееся как один из путей подготовки специалиста к межкультурной коммуникации, должно включать культурологическое содержание, на основании которого у студента формируется межкультурная коммуникативная компетентность способность личности признавать и понимать другое мировоззрение и другую культуру. Знакомство с иным мировоззрением способствует обогащению своего собственного существования в современном мире, в котором осуществляется постепенное сближение различных народов и культур.

Любой человек видит мир в определенных культурных рамках. Но эти культурные рамки (нормы), как правило, не осознаются индивидом, ибо чаще всего настолько ему присущи, что составляют часть его личности. Поведение людей, принадлежащих к разным культурам, вовсе не является чем-то непредсказуемым, оно поддается изучению и прогнозированию. Изучение иных культур, их особенностей, закономерностей их функционирования и развития обогащает человека, трансформирует его отношение к миру и другим людям, может кардинально изменить его отношение к жизненным ситуациям. Для того, чтобы эффективно построить процесс обучения, преподаватель должен знать особенности своих учеников.

Отметим некоторые из особенностей поведения представителей иных культур, которые могут быть значимы в процессе преподавания.

В психологию русского народа накрепко вошли и постоянно проявляются в ней такие психологические качества, как любовь и сострадание, жертвенность и ответственность, солидарность и взаимная выручка, стойкость в страданиях и отсутствие жесткой регламентации поведения человека. Вместе с тем, необходимо помнить, что работа с представителями русской национальности требует определенного контроля, большой взыскательности, профилактики иногда встречающейся расхлябанности, безответственности, халатности. Представители русской национальности иногда могут быть не склонны к самостоятельности, поддаются отрицательным влияниям, в ряде случаев излишне легко перенимают чужие пороки, бывают чересчур доверчивы.

Представители тюркской группы народов: татары, чуваша, башкиры, тувинцы, хакасы, алтайцы и другие. Наиболее общими национально-психологическими особенностями их представителей, влияющими на межнациональные отношения, являются: национальное самолюбие, особое чувство осознания своей национальной принадлежности; неприхотливость и непритязательность в быту и при выполнении профессиональных и повседневных обязанностей; высокое чувство ответственности перед коллективом, руководителем и сослуживцами; дисциплинированность, исполнительность и настойчивость при выполнении любых видов деятельности, но при этом имеет место селекция требований, которые к ним предъявляются. Учитывая высокую степень исполнительности и дисциплинированности, в ходе практических занятий можно взывать к этим особенностям.

Типичными чертами социального и национально-психологического облика представителей Северного Кавказа по данным этнографических, социально-психологических исследований являются: высокоразвитое чувство национальной гордости и самоуважения, большая приверженность

национальным традициям и привычкам, способствующим поддержанию родовой сплоченности и ответственности, черты преимущественно холерического типа темперамента, ярко выраженное стремление к самопрезентации, инициативность, самостоятельность и большая активность, однако, недостаточная самокритичность.

Украинцам присущи: трудолюбие, напористость, интерес к выполняемому делу, умение показать себя и свою работу, исполнительность, деловитость, самостоятельность. Украинцы подвижны и жизнерадостны, хотя в общении с новыми для них людьми, в непривычной обстановке могут казаться замкнутыми. У этого народа хорошо развито чувство юмора. Они всегда стремятся отличиться, стараются быть в числе первых, но в некоторых случаях украинцы проявляют необоснованную неуступчивость, неумение идти на компромисс во взаимоотношениях. На семинарских занятиях можно предоставлять возможность отчитываться представителям данной народности, чтобы они могли выступить и отличиться.

Белорусский народ отличается упорством, трудолюбием, надежностью, скромностью и уважительным отношением к старшим, а также выносливостью, неприхотливостью в любых условиях, верностью в дружбе. Специальные исследования свидетельствуют: большинству белорусов присущи такие качества, как стремление добросовестно относиться к любому делу, упорно добиваться поставленных целей, деловитость, уважение к порядку, дисциплинированность, доверительное отношение к людям, честность, коммуникабельность, обстоятельность, порядочность, совесть. Свои профессиональные обязанности они выполняют ревностно, по этой причине белорус вступает в конфликт с теми, кто работает недобросовестно. Внушают уважение уравновешенный темперамент, высокая эмоциональная устойчивость, невозмутимость, хладнокровие в сложных ситуациях, терпеливость и обстоятельность во всех видах деятельности, способность выдерживать большие нагрузки, стойко переносить трудности и лишения в повседневной жизни.

Представители народов Средней Азии (таджики, киргизы, туркмены, казахи) наделены практическим складом ума, рациональным мышлением, слабовыраженной внешней эмоциональностью, сдержанным темпераментом, спокойствием и рассудительностью, высокой исполнительностью, честностью, уважением к старшим. В основном, это люди флегматического и сангвинического темпераментов. Они медленнее, чем другие народы, осмысливают жизненные и профессиональные задачи, которые возникают в процессе деятельности.

Народы Закавказья (Грузии, Армении, Азербайджана) обладают высокоразвитым чувством национальной гордости и самолюбием, большой приверженностью национальным традициям и привычкам, этнородовой сплоченностью и ответственностью, главным образом, чертами холерического и сангвинического типов темперамента, взрывной эмоциональностью, повышенной чувствительностью к чужим поступкам и суждениям, большой самостоятельностью, упорством и настойчивостью в достижении поставленных целей во всех видах деятельности, особенно в тех, которые индивидуально или

национально предпочтительны и выгодны. Доверием, дружеским отношением и участием от них можно добиться большего, нежели давлением и принуждением.

Этническое, языковое и культурное разнообразие, присущее современному обществу, заставляет педагогов больше внимания уделять подбору методических приёмов, способствующих эффективному преподаванию. Методические разработки на современном уровне велись на этом направлении не менее полувека, однако, востребованными оказались только сейчас. Вопросы межкультурного взаимодействия и обмена культурными достижениями выходят сегодня на одно из значимых мест в сфере образования, воспитания молодёжи в традициях толерантности и взаимного уважения.

О.Е. Ефимчик (Минск, Беларусь)

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ С ТУРКМЕНСКИМИ СТУДЕНТАМИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Языковая ситуация, существующая в Туркменистане, характеризуется понятием «национально-русское двуязычие» [1, с. 11]. Еще со времен существования Советского Союза русский язык широко используется во многих коммуникативных сферах страны.

Так, туркменские студенты, обучающиеся в Беларуси, очень активно используют русский язык (один или наряду с другими языками) не только в коммуникативных сферах, обусловленных жизнью в нашей стране, но и в сферах, не зависящих от места жительства. Если не все туркменские студенты читают художественную литературу и прессу, смотрят театральные спектакли и пишут письма, то подавляющее большинство смотрит художественные фильмы, пользуется Интернетом, – и делает это, как правило, на русском языке. Можно предположить с большой долей вероятности, что это характерно не только для туркмен, обучающихся в Беларуси, но и для туркмен, проживающих в Туркменистане.

Теперь во многом само время диктует необходимость знания второго языка, поскольку во многих случаях «деловую информацию», «информацию для специалистов», «массовую потребительскую информацию» [термины см.: 2, с. 23] удобно получать на наиболее близком туркменам мировом языке.

Туркменский язык, являясь исключительно значимым, как фактор национальной самоидентификации, преобладает лишь при общении в семье и в беседах на бытовые темы. «Естественно, что уже одно это обстоятельство (то, что один из двух языков связан с семьей в большей мере) смещает психологическое равновесие языков в сознании билингвов... В их речевой практике за пределами семейного общения также наблюдается тенденция к дифференцированному выбору языка в зависимости от ситуации общения...» [1, с. 105]. У туркменских студентов, обучающихся в Беларуси, в ситуациях за пределами семейного общения преобладает русский язык [3, с. 183].

Ситуация закрепления определенного языка за определенной коммуникативной сферой называется неравновесным билингвизмом. «При массовом и относительно полном двуязычии использование двух разных языков

в тождественных ситуациях является избыточным, функционально неоправданным» [1, с. 105]. Такая языковая ситуация, конечно, еще не вполне сложилась у туркменских студентов, обучающихся в Беларуси (многие предпочитают в ряде коммуникативных ситуаций использовать два языка), однако можно наблюдать отчетливую тенденцию к функциональному разграничению русского и туркменского языков. Причем русский язык осознается многими туркменами более социально значимым и престижным.

Несмотря на это, многие преподаватели РКИ отмечают, что у туркменских студентов, обучающихся в Беларуси, снижена мотивация изучения русского языка. Если студентов из Европы, Азии, Африки нет необходимости мотивировать, они и так понимают необходимость знать язык страны, в которую приехали, то, воспитанный в ситуации билингвизма, туркменский студент убежден, что русский – не совсем незнакомый ему язык. Его русскоязычная компетенция, как правило, позволяет решать вопросы, возникающие в повседневной жизни, а если появляется сложность – всегда есть рядом сосед-туркмен, окончивший русскоязычную школу и готовый помочь.

Мотивационная работа с туркменскими студентами, безусловно, должна проводиться и может быть направлена на демонстрацию и объяснение того, что их русскоязычной компетенции недостаточно для полноценной учебы в белорусских вузах, для успешной работы с Интернетом, для чтения литературы по специальности.

Очень важно также при работе с туркменскими студентами учитывать их изначальный уровень владения русским языком, поскольку он может быть абсолютно различен. Нужно учитывать такие факторы, как язык школьного образования, место проживания в Туркменистане, материнский язык, язык семейного общения...

Определяющими факторами, на наш взгляд, здесь являются язык школьного образования и материнский язык (язык, на котором человек говорил с рождения). Если туркменский студент с рождения говорил в семье на русском языке или закончил русскоязычную школу, он владеет русским языком, как правило, абсолютно свободно. Основная работа с таким студентом может заключаться в проведении общего коррективовочного грамматического курса (русского языка как иностранного или русского языка как родного), а также в повышении его общего культурного уровня посредством чтения русской художественной литературы, просмотра кинофильмов и т.п.

Достаточно высок уровень русскоязычной компетенции также у студентов, выросших в городах [4, с. 114]. Там русский язык часто используется в повседневно-бытовом общении. Городские жители Туркмении лучше владеют русским языком, чем деревенские. Именно они, как правило, чувствуют необходимость получения образования в другой стране. Хорошо владеют русским языком также те студенты, для которых этот язык является языком семейного общения (один или наряду с туркменским); а также те, кто изучал в школе не только РКИ, но хотя бы еще один предмет на русском языке (чаще всего – русскую литературу) [4, с. 116]. Такие студенты, как правило, неплохо говорят по-русски, но очень плохо знают грамматику. Работа с ними, по нашему мнению, должна быть мотивационной – они должны осознать значимость

грамматических правил, понять, что без знания грамматики не смогут полноценно овладеть русским языком.

Туркменские студенты, говорившие с рождения только на туркменском языке, при этом изучавшие в школе только русский язык как иностранный (а таких большинство) показывают самый разный уровень владения русским языком, в том числе и чрезвычайно низкий [4, с. 115]. Изучение русского языка только как школьной дисциплины в Туркмении совсем не обеспечивает высокий уровень владения им. Работа с такими студентами, прежде всего, зависит от их учебной мотивации, способности заниматься интеллектуальным трудом, креативности. К сожалению, низкий уровень довузовской подготовки, отсутствие навыков самоорганизации, планирования своей учебной деятельности, и при этом отсутствие желания работать над овладением знаниями (ориентация на получение диплома, а не знаний) – все это затрудняет работу преподавателя. Нужно, прежде всего, сделать процесс обучения максимально интересным для такого студента и помочь ему сформировать такие мотивы и установки, которые позволят ему получать удовольствие от учебной деятельности. Хвалить или критиковать учащегося при этом необходимо не за результат, а за прилагаемые для его достижения усилия.

Литература:

1. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
2. Гегель, Л.А. Социология билингвизма : учеб. пособие / Л.А. Гегель, С.С. Ковалева. – М. : Издательский центр МАТИ, 2008. – 112 с.
3. Ефимчик, О.Е. Языковые предпочтения туркменских студентов, обучающихся в Беларуси. // Ученые записки УО “ВГУ им. П.М. Машерова”. Сборник научных трудов. – 2012. – Том 14. – С. 177–184.
4. Ефимчик, О.Е. Основные факторы формирования русскоязычной компетенции туркменских студентов, обучающихся в Беларуси / О.Е. Ефимчик // Весн. Мазырк. дзярж. пед. ўн-та імя І.П. Шамякіна. – 2012. – № 2(35). – С. 113–118.

Д.А. Канашевич-Адыгезалова (Минск, Беларусь)

ГРУППЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В условиях нарастающей интернационализации высшего образования новый импульс получили исследования на группе иностранных студентов процесса социальной адаптации в условиях кросс-культурного перемещения. Следует отметить, что содержание дискурса социальной адаптации иностранных студентов в условиях иной культурной среды в последние десятилетия существенно изменилось в двух отношениях :

а) если с 60-х до 90-х гг. XX века учёные, занимавшиеся этой проблематикой исходили преимущественно из теории культурного шока, предложенной в 1954 г. американским антропологом К. Обергом, и их в основном, интересовали такие темы, как симптомы культурного шока и этапы приспособления к новой культурной среде, то в условиях новых реалий,

порожденных процессами глобализации, наблюдается рост исследовательского интереса к процессам адаптации, в контексте активности по преодолению культурного шока.

б) наравне с теорией «культурного шока» сегодня активно используется концепция стресса аккультурации (аккультурационного стресса), которая опирается на методологию копинг-стратегий, разработанную американскими психологами Р. Лазарусом и С. Фолкманом как поведения по преодолению или совладающего поведения («Coping behavior»), реализующегося в виде усилий, прилагаемых человеком для того, чтобы справиться с внешними/внутренними требованиями, чрезмерно напрягающими или превышающими его ресурсы.

Исследования процесса адаптации в контексте стратегий по преодолению культурного шока ведутся в основном в русле кросс-культурной психологии. Однако в числе восьми копинг-стратегий, предложенных Р. Лазарусом и С. Фолкманом - конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка – стратегия поиска социальной поддержки, безусловно, имеет значительный потенциал для развития социологических исследований процесса социокультурной адаптации иностранных студентов в стране пребывания.

Соответственно выявление и оценка эффективности групп социальной поддержки в условиях межкультурной коммуникации в учебном процессе в вузах Беларуси представляется практически важной задачей в аспекте процесса оптимизации адаптации иностранных граждан к условиям обучения и проживания в нашей стране и повышения качества отечественных образовательных услуг.

Тенденция к интернационализации высшего образования проявляется в Беларуси не только в столичных, но и в региональных университетах. Не смотря на все сложности развития международного образования, оно обеспечивается и усилиями региональных ВУЗов, причем, региональные образовательные центры успешно конкурируют за иностранных абитуриентов с центральными. В последние годы значительно вырос экспорт образовательных услуг оказываемых ВУЗами Могилевщины, которые стремятся создать привлекательные условия для студентов и аспирантов из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Крупнейший научно-образовательный центр Могилевщины – Государственное учреждение высшего профессионального образования «Белорусско-Российский университет» (далее «БРУ») в стенах которого подготовлены десятки тысяч инженеров, его диплом получили граждане из 44 стран мира. Обучение иностранных граждан здесь осуществляется с 1985 года. Сегодня здесь обучается более 200 иностранных граждан, из 13 стран мира. С учетом этих факторов, 25–27 июня 2013 г., при содействии международного отдела университета, было проведено социологическое исследование на предмет выявления резервов оптимизации адаптации иностранных студентов к учебному процессу в ситуации межкультурного взаимодействия.

В исследовании, проводившемся методом анкетного опроса, приняли участие 108 иностранных граждан из стран дальнего зарубежья, которые обучаются в БРУ на дневном отделении первого - пятого курсов (включено

также 3 чел. с подготовительного отделения). По результатам данного исследования было выявлено, что абсолютное большинство, а именно 96,3 % задействованных в опросе иностранных студентов из стран дальнего зарубежья, являются гражданами Туркменистана. На момент опроса в БРУ обучались также граждане КНР, Сирии, Турции, Азербайджане и Нигерии. Средний возраст респондентов составлял от 17 до 25 лет.

Одной из задач проведенного исследования было выяснение влияния социальной поддержки на процесс социальной адаптации иностранных студентов в условиях межкультурного взаимодействия в учебном процессе. Поиск социальной поддержки представляет собой копинг-стратегию, в которой человек предпринимает усилия по нахождению действенной информационной и эмоциональной поддержки, чтобы справиться с внешними/внутренними требованиями, чрезмерно напрягающими или превышающими его ресурсы. В нашем случае предполагалась ситуация культурного шока, испытываемого респондентами, которые, в отличие от остальных студентов БРУ, оказались в новом природно-климатическом и социокультурном окружении. Стратегия поиска и нахождения социальной поддержки предполагает вступление в социальный контакт, то есть коммуникации с другими людьми, в нашем случае мы ограничились участниками учебного и воспитательного процесса, включая как представителей принимающей культуры, так и соотечественников и представителей других стран.

Анализ полученных в процессе опроса материалов подтвердил, что иностранные студенты, обучающиеся в данном университете, испытывают состояние, которое называют культурным шоком. На психосоматические признаки «культурного шока» – повышенную нервозность, бессонницу, утомляемость, стресс, общее недомогание пожаловалась в совокупности половина респондентов (55,6%). Не испытывали таких состояний 40,7% юношей и лишь 3,7 % – девушек. Симптомами глубокого «культурного шока» принято считать ощущение человеком полной беспомощности, того что его никто не понимает и у него ничего не получается. По результатам исследования выяснилось, что только 36,1 % респондентов никогда не испытывали чувства полной беспомощности по приезду в Республику Беларусь; 38 % респондентов испытывали это только в первое время после приезда; но доля тех, кто постоянно испытывает подобные чувства значительна и составила 12 %.

Анализ результатов проведенного опроса выявил, что самым сложным по приезду в страну обучения для наших респондентов оказалось отсутствие родных и друзей (46,3%) и жизнь в студенческом общежитии (32,4%), а затем, по убывающей, – необходимость говорить на русском языке (28,7%), другой климат (26,9%), привыкание к чужой социальной среде (23,1%).

Отсутствие родных и друзей наиболее тяжело и для юношей, и для девушек, но, одновременно были выявлены гендерные отличия в восприятии иностранными студентами дискомфорта новой социокультурной среды. Так, у юношей после «отсутствие родных и друзей», вторым по значимости фактором адаптационного процесса стала необходимость говорить на русском языке, третьим – жизнь в общежитии, четвертым – привыкание к новой социальной

среде; у девушек, соответственно, – «отсутствие родных и друзей», жизнь в общежитии, необходимость говорить на русском языке, другой климат.

Практически половина респондентов (49,5%) не удовлетворены условиями жизни в общежитии. Среди основных причин такой неудовлетворенности было выявлено, что респондентов в первую очередь не устраивают санитарные условия (34,4 %), отношение к себе работников (17,2 %), перенаселенность (15,6%), отсутствие покоя и ощущение беспокойства (12,5%), работа воспитателей – (7,8 %). 15,7 % респондентов считают, что следует создать условия для учебы в общежитии,

Немногим менее половины иностранных студентов считают свой уровень владения русским языком достаточным для повседневного общения (44,4 %), но считают, что сложно на нем учить предметы (41,7%) и «знаю недостаточно для учебного процесса» (13,9 %). В ходе исследования адаптации иностранных студентов к обучению в университете было выявлено, что у 57,4 % студентов не возникает особых трудностей в учебе на их факультете, но 38% респондентов ответили, что учиться им тяжело и 4,6 % затруднились ответить на этот вопрос.

Отвечая на вопрос «Кто Вам помогает, когда у вас возникают проблемы?», большая часть респондентов считают, что необходимую помощь им оказывают, прежде всего, друзья (68,5 %) и руководство университета (61,1%), Одногруппники также не отказывают в помощи, но такого мнения придерживаются только 37 %, респондентов, еще меньше отметили помощь со стороны преподавателей – 16,7 %, а вот помощь со стороны получали лишь 4,6 % респондентов, со стороны посольства еще меньше – 2,8 % респондентов. Не малая часть респондентов (21,3 %) рассчитывают при возникновении проблем только на себя.

Для успешного обучения иностранных граждан необходимо, чтобы этот процесс осуществляется не только на уровне педагогической поддержки, но и на уровне межкультурной коммуникации. Оптимальным способом «включения» иностранных студентов в учебный процесс является их интеграция в новое культурное окружение, при которой происходит активное освоение национальной культуры принимающей стороны при сохранении собственной национальной идентичности. Именно степень интеграции в новое культурное окружение становится главным фактором и показателем успешной адаптации и обучения иностранных студентов.

Исходя из анализа результатов проведенного исследования, можно говорить о том, что возможности для осуществления такой «культурной интеграции» в условиях БРУ имеются, но они не в полной мере используются всеми субъектами, ответственными за процесс адаптации и обучения иностранных студентов. Большинство респондентов (81,5 %), хотели бы больше узнать о культуре Республики Беларусь и ее жителей.

Вместе с тем, несмотря на то, что со страной, в которой проходит обучение, связаны 4 – 5 лет жизни и заветная мечта получения высшего образования, не у всех иностранных студентов возникает интерес к стране пребывания и принятие ее. Так, 4,6 % респондентов ничего не желают знать о культурных традициях нашей республики, а 13,9 % опрошенных затруднились дать ответ на данный вопрос. В основном это те, кто приехал в Республику

Беларусь, «потому что так захотели родители» или «отправило государство». Нельзя исключать и того, что они противопоставляют свою культуру тому, что видят и окружающая их действительность страны с иной ментальностью и конфессиональной ситуацией, вызывает у них, непонимание, отторжение и «культурный шок».

Насколько проявляют интерес к стране и культуре иностранных студентов представители тех социальных групп, с которыми они непосредственно взаимодействуют в процессе обучения: руководство университета, деканат, преподаватели, кураторы, одногруппники. Исходя из полученных данных, 75 % респондентов полагают, что руководство ВУЗа проявляет должный интерес к культуре их страны, к их национальным праздникам, обычаям, традициям, но 13,9% респондентов дали отрицательный ответ на этот вопрос и столько же (13,9%) затруднились ответить. Какова роль остальных субъектов, ответственных за процесс не только обучения, но и социокультурной адаптации иностранных студентов: деканат, преподаватели, кураторы, одногруппники? Систематизация полученных данных представлена ниже, в таблице.

Таблица 1 – Степень интереса, проявляемого к национальной культуре иностранных студентов со стороны деканатов, преподавателей, кураторов, одногруппников, %

	Деканат	преподаватели	кураторы	одногруппники
Максимальный интерес	59,4	35,4	22,9	20,8
Достаточный интерес	25	35,4	29,1	41,7
Всего	84,4	70,8	52	62,5
Минимальный интерес	2,1	8,3	15,6	2,1
Недостаточный интерес	2,1	6,3	15,6	11,5
Всего	4,2	14,6	31,2	13,6

По мнению 84,4% респондентов деканат проявляет максимально возможный интерес и достаточное внимание к культуре их страны, 70,8 % респондентов придерживаются такого же мнения в отношении преподавателей, меньше – 62,5% опрошенных отмечают такой интерес со стороны одногруппников. Но лишь половина респондентов – 52 % считают, что кураторы проявляют к культуре их страны должный интерес. Соответственно, минимальный и недостаточный интерес к культуре и традициям их страны, по мнению респондентов, проявляют кураторы (31,2 %), в отношении преподавателей и одногруппников такого мнения придерживаются только 14,6% и 13,6 % респондентов.

Немаловажным показателем адаптации иностранных является их отношения с другими членами студенческого коллектива, Нередко бывает так, что студенты не стремятся заводить дружбу с иностранцами. Однако в ходе исследования была выявлено, что 43,5 % респондентов успешно общаются в

своих группах с белорусскими студентами, а 46,3% ответили на поставленный вопрос «скорее да, чем нет». Однако хотя всего 0,9 % респондентов ответили, что не общаются с белорусскими студентами вообще, сам по себе этот факт должен стать предметом раздумий для агентов, ответственных за социализацию иностранных студентов в ВУЗе.

Исходя из анализа результатов исследования, проведенного в УО «Белорусско-Российский университет» можно сделать вывод, что возможности для осуществления эффективной социальной поддержки обучающихся здесь иностранных студентов, имеются, но они не в полной мере используются всеми субъектами, ответственными за процесс адаптации, обучения и воспитания иностранных студентов, в их числе кураторы, работники общежития и ответственные за этот процесс работники иностранных посольств. Группами социальной поддержки респонденты назвали семью, друзей, руководство университета, деканаты, преподавателей, одногруппников.

В.Д. Выборный (Могилёв, Беларусь)

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В последнее время все чаще поднимаются вопросы о необходимости формирования у подрастающего поколения национального самосознания. Интерес к рассмотрению национального самосознания обусловлен его субъектно-объектной природой. С одной стороны, факторы и условия развития общества влияют на становление в нем национальных интересов и национального самосознания. С другой, уровень развития национального самосознания народа и степень его распространенности могут оказать существенное влияние, как на процессы консолидации нации, так и стать фактором нестабильности в обществе. Становление и развитие национального самосознания жителей Беларуси тесно связано, как с историческим прошлым, так и социально-политическими и культурными процессами, происходящими сегодня в стране. Национальное самосознание включает в себя принадлежность к данной общности, любовь и уважение к родному языку, национальной культуре, приверженность к традициям и национальным ценностям, осознанное чувство национальной гордости и общности интересов со своей нацией.

Реформирование различных секторов социально-экономической, политической и культурной сферы белорусского общества связано как с изменением системы ценностей молодежи, так и с поиском самобытного пути государственного развития страны. Сегодня важно выработать у населения, особенности у молодого поколения, ценностное восприятие национальной культуры и истории, и на этой основе сформировать личность с высоким уровнем национального самосознания. А это возможно только с учетом многочисленных факторов, влияющих на процесс самоидентификации индивида в современном белорусском обществе.

Значительное влияние на процесс формирования самоидентификации могут оказать средства массовой информации и коммуникации – основные агенты социализации современного общества. Система масс-медиа, используя свои методы и механизмы воздействия, вносит свой вклад, как прямой, так и опосредованный, в процесс формирования личности и консолидации белорусского общества. Масс-медиа формируют систему ценностей, передают социально-культурный опыт, транслируют культурные нормы, моделируют поведение личности и т.д. Состоятельность данного утверждения доказывается не только результатами многочисленных социологических исследований, но и подтверждается практикой жизни. Среди множества средств массовой информации, по мнению молодого населения Могилевской области, в этом направлении выделяется областное телевидение (51,8-далее в процентах). На втором месте областные и районные газеты (37,4). Третьим, по популярности источником моделирования поведения выступают информационно-новостные сайты(26,3). Менее всего (15,0) в этом деле респонденты области полагаются на радио [2, с. 8].

Важным критерием национальной идентификации, как показывают данные социологического исследования, проведенного в последние годы Могилевским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ) в молодежной среде, является чувство гордости за свою национальность. Роль масс-медиа в этом вопросе соответственно должна заключаться в трансляции на аудиторию той информации, которая будет способствовать формированию чувства гордости и уважения к своей многонациональной стране. Среди информации, которая вызывает такие чувства, чаще всего молодые респонденты Могилевщины называют: победы спортсменов (52,1); героическое прошлое страны (48,9); неповторимость и красота природы (36,2); богатство национальной культуры (23,9); успехи деятелей культуры (19,2); международный авторитет страны (17,3). А достижения в области науки и экономики вызывают гордость у 16,4-12,3 процентов [1, с. 44–45].

В тоже время следует отметить, что в ходе исследований 7,2 процента респондентов высказали точку зрения, что гордиться нечем.

Следует обратить внимание на тот факт, что многие молодые респонденты прямо указали на то, что средства массовой информации играют значительную роль в процессе приобщения населения к национальным ценностям и традициям. Респондентам предложили определить, какие программы, транслируемые региональными СМИ о культуре, истории, традициях и обычаях белорусского народа будут наиболее привлекательны для них. Участники опроса отметили следующие варианты: документальные передачи (53,5); художественные фильмы (40,7); обучающие передачи (28,2); научные, интеллектуальные передачи (25,8); репортажи о народных мастерах и умельцах (25,7); интервью с деятелями культуры, искусства (20,1). На музыкальные и развлекательные передачи указали (13,2 и 12,5); викторины, конкурсы и ток-шоу (11,1 и 10,7); юмористические передачи (8,9); мультфильмы (7,5), а (6,9) на кулинарные передачи [1, с. 44–45].

Большое значение на процесс формирования национального самосознания подрастающего поколения играет и язык, который используют средства массовой информации. Так, на вопрос: «Одинаково ли Вы понимаете информацию на русском и белорусском языках в СМИ?» 62,5 процента опрошенных молодых респондентов указали, что им одинаково понятны оба языка. Для 36,9 более доступны для понимания сообщения на русском языке, и только 0,6% в качестве такового указало белорусский язык. С учетом этих данных, не вызывает удивление, почему жители страны, где титульной нацией являются белорусы не разговаривают на белорусском языке, не читают на нем книг и периодических изданий. Тревожно и то, что молодежь в возрасте до 20 лет более всего ориентирована на русскоязычное информационное потребление (50,0) в сравнении с возрастом от 21 до 29 лет (46,5) и (35,7) от 30 до 39 лет [1, с. 45–46].

В процессе популяризации родного языка для большинства жителей Беларуси благоприятным является создание языковой среды, в которой носитель языка может не только слышать язык, но и осознавать необходимость его использования. К сожалению, как показывают исследования прошлых лет, проведенных МИРСПИ, очень многие не разговаривают на белорусском языке, так как стесняются родного языка. В молодежной среде таких респондентов было четверть от числа опрошенных [1, с. 46; 3, с. 40–41].

На сегодняшний день среди средств массовой информации и коммуникации лидерами в использовании белорусского языка является реклама на телевидение(43,8). Каждый третий респондент(28,1) слышит белорусскоязычную рекламу по радио. В тоже время довольно много тех(22,5), кто отметил, что никогда не слышал рекламной информации на белорусском языке. Каждый пятый участник опроса(20,4) видит подобную рекламу на страницах газет и журналов[1, с. 46–47]. Следует отметить и тот факт, что набирающее год от года новое и популярное информационно-коммуникационное средство – Интернет, не является ретранслятором белорусского языка. На это указало всего 5,4 процента из числа опрошенных респондентов. Конечно, в сети Интернет сложнее сделать так, чтобы реклама на белорусском языке попала пользователю при его огромнейших возможностях посещения разнообразных сайтов. Однако использовать потенциал данного средства информации в процессе распространения национального языка вполне возможно. Это особенно важно, потому что под это информационное воздействие попадают такие активные категории населения как молодежь и подростки. Они более частые пользователи Интернета среди других возрастных групп и представляют наиболее активную и образованную в этом направлении часть общества.

В ходе социологического опроса 2012 г., проведенных МИРСПИ, молодых респондентов Могилевщины попросили указать название наиболее интересных, на их взгляд, телевизионных программ по истории и культуре Беларуси. К сожалению, 90,1 процентов, от числа опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос. Из оставшихся 9,9 процентов ответов более половины были неправильными, т.е. содержали название либо несуществующих программ, либо тех, которые не соответствуют указанной тематике[1, с. 47–48]. Однако среди телевизионных программ, которые молодые жители области

смогли назвать, наибольшей «популярностью» пользовалась «Путешествия дилетанта», которая касается Могилевской области, «Дети асфальта». Приятно отметить, что такая программа Могилевской областной телестудии как «Terra Historica» также имеет своих поклонников. Однако даже количество поклонников данных программ не позволяет говорить об их истинной популярности среди населения. Так программа «Путешествия дилетанта» пользуется популярностью у 3,9, а «Terra Historica» только 1,1 процентов от числа всех опрошенных респондентов [1, с. 47–48]. Причинами такого незнания населением программ данного направления могут быть как забывчивость, так и, что более вероятно, отсутствие простого интереса.

Как показывают результаты социологического исследования МИРСПИ, сегодня необходимо использовать все возможные средства и механизмы для решения актуальных проблем консолидации нации, возрождения национальной культуры.

В данном контексте представляется целесообразным обозначить основные направления деятельности региональных СМИ в формировании национального самосознания:

1. Подготовка телепередач, систематически выходящих на экраны и освещающих вопросы национального генофонда, природного и национального своеобразия, исторических и социальных преобразований;
2. Создание новых телевизионных роликов об историческом прошлом, современной жизни и перспективах развития общества, культурном наследии народа;
3. Использование средств кинематографа, путем создания фильмов и сериалов на исторические темы;
4. Подготовка телеочерков и телеэссе, раскрывающих национальные традиции, обычаи, обряды, образ жизни и подчеркивающих национальное своеобразие;
5. Создание аналитических телепередач, отражающих актуальные проблемы национального языка, национальной культуры и духовности, национального сознания.
6. Печатаение цветных фотопортретов великих предков, выпуска цветных фотоальбомов с изображением всемирно известных памятников архитектуры и достопримечательностей городов.
7. Создание колонок в печатных изданиях на белорусском языке, освещающих культурную жизнь Могилевского региона и достижения белорусов в различных сферах деятельности.
8. Увеличение числа сайтов, раскрывающих традиции, обычаи, особенности белорусского менталитета.

Организация данных мероприятий для юношества и молодежи будет способствовать становлению чувства национальной идентичности юных белорусов.

Литература:

1. Информационное пространство Беларуси как объект социологического анализа: региональный аспект: Отчет о научно-исследовательской работы / Н.Е. Лихачев, Могилевский институт региональных социально-политических исследований – 2012, № Г.Р. 20122130. – 60 с.

2. Отчет об итогах работы УКП «Могилевский институт региональных социально-политических исследований» (УКП «МИРСПИ») за 2012 год работы / Н.Е. Лихачев, Могилевский институт региональных социально-политических исследований – Могилев, 2012. – 14 с.
3. Жизненные ориентации и социальные ценности молодежи Могилевщины в условиях трансформирующего общества: Отчет о научно-исследовательской работе / Н.Е. Лихачев, Могилевский институт региональных социально-политических исследований. – 2012, № Г.Р. 20121639. – 60 с.

И.В. Букреева, Л.Ф. Глинская (Мелитополь, Украина)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСНОВА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАРОДОВ ЗАПОРОЖСКОГО ПРИАЗОВЬЯ

В современном мире интерес к проблеме толерантности обусловлен в значительной мере дестабилизацией социальных, этнических, конфессиональных отношений. Необходимость достижения мирного сосуществования людей разной этнической принадлежности обусловила появление соответствующих научных исследований, посвященных проблемам взаимопонимания и уважения различных этнических сообществ. Так, украинский ученый Е.Быстрицкий, характеризуя толерантность, указывает на то, что она учитывает культурные миры индивидов, т.е. локальный способ бытия людей, их повседневный жизненный мир, который максимально определяет их поведение и связи в обществе - личные переживания, понимание смысла жизни, чувство страха и прочее. Вот почему межнациональные и этнокультурные столкновения в странах СНГ после распада СССР, как и некоторые другие в мире, следует рассматривать, по его мнению, глубже – как конфликты культурных миров жизни, разных способов бытия людей [1, с. 148].

Можно согласиться с О.Стражным, что феномен ментального или менталитета является одним из трудно уловимых, менее всего таким, что поддается рациональной интерпретации, понятием. С одной стороны, менталитет нельзя свести к общепринятым правилам, обычаям, традициям, языку, мировоззрению. Он является чем-то таким, что ощущается, но не осознается. Однако, он включает также и общепринятые правила, обычаи, язык и мировоззрение. Сложность ситуации заключается также в том, что в настоящее время еще не существует четко разработанной научной методологии для проявления тех или иных национальных черт и поведенческих стереотипов, также как не имеет четкого и ясного определения понятие «ментальность» [2, с. 6].

Однако, не смотря на различные интерпретации, большинство современных украинских исследователей, таких как Воропаева Г., Заблоцкий В., Крымский, С. Грабовская И., Матвеев В. высказывают мнение о том, что ментальность является тем мостиком, который соединяет сознательное и бессознательное, логическое и эмоциональное, то есть ментальность является глубинным источником мышления, идеологии и веры. Составляющими этнической ментальности есть особенности мировосприятия и миропонимания,

способы и формы социального мышления, этническая картина мира, система смысловых образований и этноспецифические ориентации.

Определяющим для нашего исследования является понимание этнической ментальности, предложенное Воропаевой Т.С. По ее мнению, этническая ментальность – это совокупность образов, верований, представлений и установок, интегрированных в целостную систему мировоззрения, которая «цементирует» единство культурной традиции этноса, определяет своеобразное отражение представителями данного этноса окружающего мира, их отношение к нему, комплекс ценностно-смысловых образований и своеобразных «правил жизни», обуславливающих мотивационную активность и наиболее целесообразен в данных социальных, исторических, культурных и природных условиях тип поведения [3, с. 122].

Такой подход к изучению менталитета ценен тем, что он дает возможность проследить специфику проявления глубинных психологических черт в повседневной жизни народа, потому что межэтнические отношения в основном определяются обыденным сознанием людей, общественной атмосферой и настроениями. Особым образом обозначенные проблемы обостряются в регионах с полиэтничным составом населения, одним из которых является Запорожское Приазовье.

Характерной особенностью данного региона было постоянное усложнение этнической палитры. Так, на протяжении долгого хронологического периода территория юга Украины играла роль миграционного коридора, который заселялся представителями не только Российской империи (украинцами, русскими, белорусами, евреями, караимами, армянами, татарами), но и других государств (немцами, болгарами, чехами, греками, поляками). Одновременно с представителями разных этносов, в Запорожское Приазовье переселялись и представители отдельных конфессий, основу которых составили менониты (фризы и фламандцы) и духоборы (русские и украинцы).

Все они вступали в межэтнические контакты, что обусловило активное взаимодействие культурных традиций, которые и оказали влияние на формирование особенностей менталитета этносов, а со временем и нации. Также, следует отметить, что межэтническое взаимодействие повлияло и на тип хозяйственной деятельности и социальной структуры этносов.

Для выявления особенностей трансформационных процессов в Запорожском Приазовье лаборатория социологических исследований Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого провела социологическое исследование представителей разных этносов, проживающих в Бердянском, Мелитопольском, Приазовском, Приморском, Акимовском районах, методом анкетного опроса.

Так, самыми распространенными элементами самоидентификации почти каждого этноса Запорожского Приазовья выступают язык, народные обычаи, обряды и вероисповедание. Однако, у украинцев, чехов, русских, караимов, болгар, греков преобладает самоидентификация на языковой основе, а у армян, евреев, татар, немцев – духовные элементы традиционно-бытовой культуры. Следует отметить, что армяне и караимы наряду с языковой идентификацией указывают и на сохранение вероисповедания.

Доминирующей же чертой этноса Запорожского Приазовья является обращение к историческим корням и этнической памяти своего народа. Непосредственно это проявляется в том, что большинство этносов (армяне, греки, болгары, караимы, татары, немцы, чехи) под национальностью понимают социально-биологическую общность, русские же отдают приоритет собственной культуре. Исключение составляют евреи: под национальностью они понимают согражданство, украинский народ.

Идею консолидации общества в единую украинскую политическую нацию поддерживают греки, болгары, евреи, караимы, немцы, русские, украинцы, а основой этого процесса считают единое государство и общую историческую память и судьбу. Исключение составляют армяне, большинство которых убеждены в том, что консолидация не возможна, а также чехи, которые окончательно не определились в этом вопросе.

Ментальность этносов проявляется и в отличиях, ярко выраженных в индивидуалистическом и коллективистском мировосприятии. Так, основной критерий индивидуализма состоит в том, что человек принимает решения и действует в соответствии со своими личными целями, которые доминируют над общественными. Основные ценности индивидуалистической культуры – свобода в действиях и самодостаточность, самостоятельность в суждениях, господство, выделение себя среди других и независимость от группы. И как следствие – поведение человека регулируется преимущественно социальными установками, а не групповыми моральными нормами. Принципов индивидуалистической культуры больше придерживаются немцы, чехи, украинцы, греки Запорожского Приазовья. Основной чертой, отличающей эти этносы от других, является четкий принцип разделения дружеских и деловых отношений.

И наоборот, коллективистские нормы присущи евреям, болгарам, караимам, татарам. Также, следует отметить, что русские традиции сильнее проявляются в масштабах коллективных действий. Основной смысл коллективизма – это, прежде всего, приоритет интересов группы над личными, а социальная идентичность является более значимой, чем индивидуальная, поэтому связь с группой более тесная, преобладает потребность в оказании помощи группе и людям, проявить заботу, а если есть необходимость, то и подчиниться. Довольно четко этот принцип проявляется у еврейского этноса.

Черты ментальности каждого народа особые, неповторимые, одновременно они непременно воплощают в себе палитру общечеловеческих ценностей, которые и формируют механизмы толерантного отношения к другому, определяют уровень межкультурного диалога, доверия в общении или наоборот дистанции.

Так, немцы и греки трудятся рационально, в основном у них все просчитано. Отличаются настойчивостью, целеустремленностью в своей деятельности и украинцы, белорусы, караимы, татары, болгары. В ментальности армян четко прослеживается склонность к накоплению, что объясняется климатическими условиями проживания в горах (где есть значительный перепад температур). Ценность для них – это земля и труд на ней, она источник благосостояния. Среди профессий они отдают предпочтение строительству.

Большая часть греков отличается трудолюбием, бережливостью. Они очень заботятся об устройстве своего будущего. Внимание к обустройству домашнего быта и хозяйства, аккуратность в работе – черта, присущая болгарскому этносу. Евреи не так терпимо относятся к тяжелой изнурительной работе, например, сельскохозяйственной, отдавая предпочтение – торговле, финансовым операциям. Так, например, украинцы считают, что евреи стараются не производить материальные средства, а распределять их. Эта черта является решающей для еврейского характера – стремление к коммерческой и интеллектуальной деятельности, которая определяет образ жизни последнего.

Типичной чертой армянского характера является сообразительность, благородство, терпение, покорность, толерантность, пафос страданий. Но армянин, особенно в иноэтической среде, стесняется проявлять благородство, сдерживает свои чувства. Богатый эмоциональный мир армян несколько похож на украинский, но армянская поэтичность не допускает рациональности, они, как правило, заранее не планируют будущее.

Греки от природы наделены умом, хитростью и проницательностью. Большая часть из них отличается трудолюбием, бережливостью, гордостью. Без энтузиазма воспринимают всевозможные новшества, нелюбопытны. Однако они имеют несколько схожие черты с украинцами: слишком эмоциональны, чувствительны, открытые для широкой гаммы эмоциональных переживаний рядом с оптимизмом и коммуникабельностью.

Караимы уважают все народы, которые их окружают, несмотря на их национальность и вероисповедание. В основном скромные, без энтузиазма воспринимают нововведения, “тяжелые на подъем”, поэтому их считают достаточно консервативным этносом. Примером тому можно считать, караимизм – религия караимов, которая является самостоятельной, со своими догмами, традициями, календарем религиозных праздников, духовной иерархией, молитвенными книгами. Караимское вероисповедание признает как единую священную книгу Ветхий Завет, без каких-либо дополнений и толкований.

Несмотря на национальную принадлежность, все этносы без исключения поддерживают идею толерантного и уважительного отношения к другим народам, которые проживают рядом с ними и довольны тем, как складываются их отношения. Подтверждением достаточно высокого уровня толерантности в регионе также является показатель удовлетворенности межнациональными отношениями: молдаване и чехи – 100%, немцы – 95,2%, болгары – 91,6%, армяне – 90%, крымские татары – 89,2%, русские – 84,%, караимы – 83,3%, украинцы – 77,2%, евреи и греки – 75%. К тому же, большинство представителей разных этносов указывают на то, что они имеют много похожих качеств с украинцами и русскими, которые на территории Запорожского Приазовья имеют более давние корни, и хотят проживать по соседству с ними. К этому следует добавить, что чехам нравятся поляки, русским – чехи, украинцам – греки, крымским татарам – евреи, немцам – чехи, караимам – крымские татары и поляки, армянам – болгары. Этнический менталитет таких групп носит несколько дуалистический характер потому, что специфический стиль мировосприятия сформировался в процессе долгого сосуществования в

одинаковых природно-географических и социокультурных условиях. Иноэтническая среда сделала возможным формирование у них общих с основным этносом традиций в новых условиях. Это нашло выражение, с одной стороны, в сохранении принадлежности потомков к своей этнической группе, а с другой – в тенденции к расширению и обогащению традиций, характерных для других этносов, что проявляется в общечеловеческих ценностях. Важным показателем здесь выступает мера толерантности окружения, в котором находятся эти группы. Однако, следует отметить, что мультикультурализм – это реальностью современного мира, а сохранение межнационального согласия в Украине во многом обусловлено поддержанием стабильного уровня толерантности к национальным общностям у большинства населения регионов, несмотря на ухудшение экономического положения государства и политического напряжения в обществе.

И хотя сегодня как в Украине в целом, так и в Запорожском Приазовье в частности, продолжается бесконфликтный, интегративный тип развития межнациональных взаимодействий, однако, следует учитывать и то обстоятельство, что в условиях продолжительного социально-экономического кризиса и снижения уровня жизни населения потенциал стабильности межэтнических отношений может быть исчерпан в достаточно близкой перспективе. Поэтому, в контексте анализа перспектив развития региона толерантность следует рассматривать не только в качестве поддержки мира и спокойствия в стране, но и как показатель степени готовности массового сознания населения к открытости и сотрудничеству с мировым сообществом на основе общепринятых демократических принципов.

Литература:

1. Бистрицкий, Є. Конфлікт культур і філософія толерантності // Демони миру та боги війни. Соціальні конфлікти посткомуністичної доби. – К., 1997. – С. 147–168.
2. Стражний, А. Украинский менталитет. – К., 2008. – С. 6.
3. Воропаева, Т.С. Українська ментальність крізь призму емпіричних етнопсихологічних досліджень // Полікультурність, діалог і злагода: українські реалії. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – Мелітополь, 2008. – 304 с.

С.А. Юрис, Е.П. Нарижная (Гомель, Беларусь)

НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ-АНАБАПТИСТЫ НА ЗЕМЛЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

Проповедническая деятельность в духе радикальной Реформации и стремление крестьянства опираться на христианство как социально значимую силу неоднократно служили катализатором для появления новых протестантских деноминаций. Поэтому проблема свободы вероисповедования и возможности интеграции новых религиозных направлений в социальную структуру общества и государства постоянно актуализируется в историческом процессе. Не всегда государство, получившее от части своего социума новую религиозную идею, оказывалось способно ее воспринять. Так произошло с одной из протестантских деноминаций – анабаптистской, отказавшейся признать связь церкви и государства,

и подчеркивавшей огромное значение личного религиозного опыта, свободы в светском государстве. Ее разнообразные течения в виде независимых общин вынуждены были искать убежища от постоянного преследования как со стороны католиков, так и со стороны других протестантов в лице приверженцев лютеранства, кальвинизма, цвинглианства и т.д.

Благодаря либеральным взглядам в религиозно-духовной сфере представителей известной в Российской империи династии Румянцевых и их ходатайству немецкие анабаптисты в 1770 г. впервые появляются на украинских землях. Граф П. Румянцев-Задунайский получает два близкорасположенных имения: Вишенки на берегу р. Десны приобретает самостоятельно в 1767 г., а Гомель на берегу р. Сож ему жалует в 1775 г. императрица Екатерина II. Он сразу же начинает вести активное строительство, которое фактически завершилось в 1787 г. в Украине, а в 1793 г. в Беларуси, как явствует из переписки с управляющими имениями [1]. Поселив в своем имении Вишенки Черниговской губернии 60 последователей Якоба Гуттера, генерал-губернатор Малороссии с разрешения императрицы в 1786 г. и далее принимал немецких переселенцев, приглашенных для освоения украинских земель в Вишенковское братство. Первыми прибыли единоверцы гуттеров – меннониты, позже лютеране (1788 г.), тоже страдавшие от дискриминации католической церкви.

Привлекали меннонитов к переселению правительственные гарантии полной автономии в церковно-религиозном управлении и возможности следовать пацифистским идеям своего вероучения. В 1786–1871 гг. в Российскую империю из Пруссии и г. Данцига переселилось около 10.000 человек, образовав комплексы поселений-анклавов в Волынской, Екатеринославской, Таврической и Самарской губерниях [2]. В чужеродном этническом окружении они сохраняли традиционный общинный уклад, сформированный на немецких землях. В Гомеле уже сын графа Н. Румянцев дал разрешение на заселение околицы Волотова немецким поселенцам, в основном ремесленникам. Многие из них были заняты на производстве кирпича. Тем не менее, сильной немецкой общины на южно-белорусских землях не сложилось вплоть до 1909 г., пока немецкая колония с Волыни из-за осложнения арендных отношений не вынуждена была переехать в Мозырское Полесье, купив там землю у местного помещика Анзельма [3, с. 12]. Сравнивая положение немецких переселенцев Черниговщины и Гомельщины, соседних регионов Российской империи, учитывая их приглашение и расселение на землях одних владельцев гр. Румянцевых, очевидно, что процесс их ассимиляции подталкивался сферой деятельности. Так, в Вишенках большинство занималось сельским хозяйством, а в Гомеле стали доминировать ремесленники, которым в поликонфессиональном и полиэтническом городе было сложнее сохранять свою принадлежность к диаспоре.

Церковную жизнь самоуправляемых анабаптистских общин в России контролировало МВД, ибо они, отрицая над собой какое-либо духовное единоначалие, не избирали общего церковного руководства, получив по закону свободу в разрешении церковных дел. Общий административный надзор вел Попечительный Комитет. Поэтому министр внутренних дел и его департамент духовных дел иностранных исповеданий руководствовался рекомендациями Генеральной консистории Евангелическо-Лютеранской церкви, органа высшей духовной инстанции протестантов в России. Существовавшие на религиозной почве

разногласия между меннонитами и лютеранами приводили к конфликтам с российскими чиновниками, все это осложнялось и постоянными внутренними распрями независимых друг от друга менонитских, гуттерских общин. Уравновесили ситуацию земская и колониетская реформы (1871 – 1874 гг.).

Принцип реализации универсальной политики ко всем иностранным колониетам позволил выровнять социальный и церковный статус всех членов их этноконфессионального сообщества, разрушить изоляцию немецкоговорящих колоний. Однако дальнейшее уравнивание в политических и гражданских правах с российским обществом влекло за собой ограничение их религиозных свобод и права на отказ от воинской обязанности, на контроль своих немецких школ, на неподсудность местным гражданской администрации и судебной власти. Попытка царского правительства ввести военную службу даже в альтернативной форме вызвала отток всех гуттеров и консервативно настроенных меннонитов в США, Канаду, Латинскую Америку – 1/3 всех немецких колониетов данной религиозной деноминации [2].

17 апреля 1905 г. был принят «Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату», получивший название указа о веротерпимости, который утверждал права православия в качестве господствующей и первенствующей конфессии. Вместе с тем переход из православия в другое вероисповедание больше не влек наказаний и гражданских ограничений. Сектантам обеспечивалась свобода вероопределения. Были установлены порядок образования религиозной общины, права ее членов и руководителей, но введенные в 1910 г. новые правила регистрации религиозных общин позволили государственной администрации контролировать их деятельность, прежде всего, миссионерскую.

Начавшаяся I мировая война вызвала вынужденную политическую и социально-экономическую дискриминацию со стороны Российского государства в условиях военного времени этнических немцев, тем более исповедовавших пацифистские идеи [4, л. 108]. Количество меннонитов на украинских землях, представлявших радикальное направление протестантизма, стало стремительно сокращаться.

В целом, протестантизм, был и оставался немногочисленной конфессией Российской империи. Так, на белорусских землях количество лютеранских и кальвинистских храмов было соответственно – 30 и 10. С середины XIX в. стали распространяться новые направления протестантизма: баптизм (сложился под воздействием анабаптизма и кальвинизма) и евангелическое христианство (внутри него сформировалось пятидесятничество). В 1870-е гг. баптизм получил массовое распространение в основном среди немецких колониетов и латышей. Он более быстро распространялся в крестьянской среде и в меньшей степени среди горожан белорусских губерний.

Количество последователей баптистской деноминации в конце XIX в. составляло несколько сотен, а годы I мировой войны к ним примкнули бывшие военнопленные и протестантские миссионеры. Первой была создана баптистская община в д. Уть (Гомельский уезд), к 1905 г. там возвели первый молитвенный дом. В Вишенках с 1908 г. также фиксируется уездным исправником появление баптистской секты, в которую к 1915 г. вошло 73 человека, руководимых крестьянином И. Лисогором [4, л. 234]. По количеству протестантов накануне I

мировой войны первенствовала Витебская губ., где в 1897 г. их было 3,1 % населения (46,6 тыс. чел.). Однако в связи с приближением линии фронта к Беларуси по законам от 2.02.1915 г. и 13.12.1915 г. немецкие поселенцы должны были прекратить свое землевладение и землепользование, за исключением тех семей, члены которых служили в царской армии. Кроме того, русское военное командование издало приказ об их выселении из прифронтовой полосы в 24 часа. Много немцев покинуло Гомельское Полесье и с уходящими кайзеровскими войсками в 1918 г. [3, с. 12; 5, л. 2]. Все эти события привели к тому, что ожиданиям немецких колонистов на обретение если уж не религиозной свободы, так хотя бы социально-экономической независимости, не суждено было сбыться.

Источники и литература:

1. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ). – Ф. 3014. – Оп.1. – Д. 1, 13, 16, 21, 43–45.
2. Безносова, О. Особенности конфессионального статуса меннонитов в царской России 1786-1917 г. / [Электр. рес.] Режим доступа. URL: http://www.nbuvi.gov.ua/Portal/Soc_Gum/Vchdpu/ist/2008_52/ – Дата доступа: 01.04.2013.
3. Малые диаспоры Гомельщины в 20–30 е гг. XX в.: анализ. мат. и док. Гос. арх. Гомел. обл. / Под ред. В.П. Пичукова. – Гомель, ГГТУ им. П.О. Сухого, 2008. – 250 с.
4. Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 15184.
5. НИАБ. – Ф. 2687. – Оп. 1. – Д. 264.

Б.И. Сидоренко (Могилев, Беларусь)

РУССКИЙ КОМПОНЕНТ В ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МОГИЛЕВА XIX ВЕКА

Русская составляющая в жизни могилевского социума по источникам начинает проследиваться с XV–XVI вв. К началу XIX в. она постепенно начинает приобретать привычные этно–культурные характеристики, типичные для полиэтнического губернского центра западного региона Российской империи, занимает прочное место в социально – классовой стратификации города, проникает во все сферы городского быта и становится неотъемлемой частью его повседневности. О том, как проявлял себя русский пласт в системе отношений и взаимодействий внутри сложноорганизованного городского организма и пойдет речь в этой статье.

Общие условия российского общественного и культурного наследия к русским относили всех православных восточных славян и лишь в рамках этого триединства выделяли великоросов, украинцев и белорусов. В данном повествовательном контексте автор под термином «русские» понимает именно великоросов как определенную часть этнического состава населения Могилева. В начале и на всем протяжении XIX в. русские составляли подавляющее большинство губернаторского корпуса и высшего чиновничьего слоя Могилевской губернии [1, с. 171–176]. К русским причислялась значительная часть начальствующего состава Могилевской православной епархии, перемещаемая по линии Священного синода из глубинных районов России, что поощрялось этим высшим духовным государственным органом [2, с. 20–26].

Компактная масса русских, относящихся к военно – служилому сословию, появилась в Могилеве в период размещения здесь Главной квартиры Первой русской армии (1815–1830). При Главной квартире действовала юнкерская школа и одногодичное офицерское училище, через которое прошли многие представители русских аристократических и известных военных фамилий, прославившихся в Крымской 1853–1856 кампании [3, с. 84–160], некоторые офицеры оставили свои мемуары о губернском центре того времени [4, с. 96–99]. Чиновники Первой русской армии, обучавшие своих детей в Могилевской мужской гимназии, в прошении на высочайшее имя смогли добиться ревизии гимназического учебного цикла 31 октября 1824 г. и последующего изъятия белорусских губерний из ведения Виленского университета и присоединения их к Санкт – Петербургскому учебному округу, мотивируя это: «дабы положить предел существовавшей системе наставников – поселить в учащихся дух чистого полонизма и дабы представить первое место в числе других предметов русскому языку» [5, с. 53]. Но вскоре ситуация изменилась. «Число жителей Могилева – писал современник – простирается до 17868. Народонаселение его было гораздо значительнее в двадцатых годах, когда здесь была Главная квартира Первой армии, впоследствии переведенная в Киев. После этого Могилев не мог уже оправиться» [6, с. 249–250].

С 60–х гг. XIX в. число воинского контингента, в своем проявляющем большинстве этнически русского, в губернском городе заметно возрастает, что хорошо прослеживается по «Памятным книжкам Могилевской губернии». До конца XIX в. город служит местом дислокации штаба 29 – й пехотной дивизии, Старорусского, Новоторжского, Вяземского, Малоярославского пехотных полков, штаба 16 – й пехотной дивизии, Владимирского, Суздальского, Углицкого и Казанского пехотных полков, штаба 41 – й пехотной дивизии, Абхазского, Ахалцижского и Александропольского пехотных полков и вспомогательных армейских служб и управлений. В пореформенный период происходит увеличение чиновничьего сословия русского происхождения. «Адрес – календарь Могилевской губернии на 1876 год» называет множество русских фамилий среди служащих Канцелярии губернатора, Губернского правления и других служб [7, с. 1–30].

Губернский центр развивается по планам 1778, 1783, 1833, 1851, 1862, 1898 гг. [8, с. 1; с. 141], разработанным в Санкт–Петербурге российскими инженерами, в практической реализации этих планов принимали участие инженер–прапорщик Мордвинов, инженеры путей сообщения – капитан Лукин и подполковник Шимов. В архитектурный облик Могилева внесли вклад могилевские архитекторы и чиновники Губернского строительного отделения Раевский, Федоров, Чекмасов, Камбуров, Марков [10, с. 31–56с]. Спроектированные и построенные ими здания служат городу, и по сей день. Талантливые проектировщики и архитекторы смогли развить традиции градостроительства, заложенные в Могилеве еще в конце XVIII в. Н.А. Львовым и В.П. Стасовым.

Русский вклад обнаруживается и в уникальном издании второй половины XIX в. – трехтомном «Опыте описания Могилевской губернии», созданном благодаря усилиям могилевского губернатора А.С. Дембовецкого совместно с

научной и культурной элитой губернского центра. «Краткий геогностический очерк» Могилевской губернии и обзор ее лесов и лесного хозяйства составил П. Муромцев, а картографическую часть издания выполнил С. Иванов.

Русские стояли у истоков исторического изучения Могилева и Могилевской губернии. Профессор Могилевской духовной семинарии С.И. Соколов безуспешно пытался издать «Записки игумена Ореста» (1854 г.), его перу принадлежит не опубликованная до настоящего времени «История Могилевской православной епархии с биографией всех бывших в ней архиереев от учреждения ея до настоящего времени» (1852 г.). В «Памятной книжке Могилевской губернии на 1861 год» мы найдем принадлежащие Соколову «Историко–статистические сведения о городах и местечках Могилевской губернии», «Могилевские наместники и губернаторы», «Архиереи управлявшие Могилевской епархией». «Историко–статистические сведения», занимающие более ста страниц являются первым по времени создания обобщающим очерком о прошлом восточно–белорусских земель осуществленным непосредственно в Могилеве [11, с. 139–140].

Имя другого могилевского историка русского происхождения не нуждается в представлении. Выпускник Санкт–Петербургского университета М.В. Фурсов [12, с. 329–331] написал подлинно научный «Исторический очерк Могилевской губернии» [13, с. 1–159] отвечающий всем исследовательским критериям того времени, который занял достойное место в знаменитом издании, редактируемом А.С. Дембовецким. Следует отметить, что традициям русской дворянской и буржуазной историографии, в рамках которой выполняли свои сочинения Соколов и Фурсов, следовали и местные белорусские историки И.И. Григорович, Н.Г. Гортынский, Е.Р. Романов.

В 1897 г. в Российской империи была проведена первая перепись населения. По ее результатам в 43,1 тысячном Могилеве проживало 6,8 тысяч этнически русских жителей. В подавляющем большинстве это были выходцы из Могилевской, Калужской, Костромской и Нижегородской губерний. Материалы переписи опровергают некоторые стереотипы, разделяемые отдельными белорусскими исследователями применительно к Могилеву о том, что белорусы видели в русских прежде всего чиновников и военных [14, с.]. Если количество военнослужащих в губернском центре русского происхождения действительно преобладало над белорусами (1435 русских и 506 белорусов), то численность чиновников была практически равной (администрация, суд и полиция включала 334 русских и 342 белоруса) [15, с. 42–43, 196–197]. Русские были третьей по численности группой жителей Могилева и уступали только евреям и белорусам, это выделяло город среди прочих белорусских центров – хотя евреи здесь численно преобладали, но не имели решающего перевеса над восточнославянским православным населением. Русские имели сравнительно высокий уровень письменности, а по образованию выше начального не знали себе равных [16, с. 68–69].

Среди образованной части населения на национальной почве эксцессов не наблюдалось, не отмечалось и проявления национального шовинизма. «А как же с национальным вопросом – вспоминал учащийся гимназии А.А. Власов – среди

могилевских гимназистов. За четыре учебных года, проведенных среди них, я не мог заметить выпадов среди племенных групп вообще» [17, с. 17].

Несмотря на всю сложность и драматичность взаимоотношений Вильно, Кракова и Варшава с Москвой и Санкт–Петербургом в XVI–XVIII вв. в исследуемый период русские оставались в пределах Могилева наиболее комплиментарной этнической группой. Представляется, что правы те историки, которые утверждают, что постепенно пришедший в XIX в. в губернский центр русский язык в белорусской среде воспринимался не как другой национальный язык, а как другой национальный язык, а как «городской», «книжный» язык образованных людей [18, с. 147]. Русский язык заменяет польский в качестве языка высшего и среднего управленческого слоя, школы и местной прессы. Происходит это без всякого административного прессинга через создание на русском языке конкурентных образцов и достижений науки и культуры мирового уровня, хорошо известных в Могилеве. Перед которым польская традиция оказалась бессильной, а только что начавшаяся образовываться белорусская национальная традиция из-за этической близости русских и белорусов ещё долго не могла обозначить свои фундаментальные ориентиры. Никакого ярко выраженного национального гнета и каких–либо правовых ограничений в днепровском губернском центре по отношению к белорусам со стороны русско ориентированной администрации всех уровней не было, а на бытовом уровне их просто не могло быть. Об этом не следует забывать и сегодня, когда общественное сознание все больше и больше пополняется примерами – куда может привести национал–радикализм.

Литература:

1. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. / Под общ. ред. Б.В. Грызлова, гл. ред. Н.Ф. Самохвалов. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. – 535 с.
2. Грыгаровіч, У.У. Беларуская іерархія / У.У. Грыгаровіч. – Мн.: БелЭн, 1992. – 102 с.
3. История русской армии. – М.: ООО «Издательство АСТ»: СПб: «Издательство «Полигон», 2004. – 667 с.
4. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // «Русский архив». – 1883. – № 5. – С. 73–201.
5. Празднование столетнего юбилея Могилевской мужской гимназии 1809–1909. / сост. Преподаватель М. Сазонов. – Могилев губернский: Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1910. – 195 с.
6. Путевые заметки Давида Мацкевича. – Киев: В университетской типографии, 1859. – 307 с.
7. Адрес – календарь Могилевской губернии на 1876 год. – Могилев губернский: В типографии Губернского правления, 1876. – 164 с.
8. Опыт описания Могилевской губернии. В 3 кн. Кн. 2. Репринт изд. – Могилев: Амелия Принт, 2008. – 1028 с.
9. Хроника белорусского города Могилева. Переведена с польского подлинника Статским советником Николаем Гортыньским. – ЧОИДР. – 1887. – Кн. 3. – 142 с.
10. Чарняўская, Т.У. Архітэктура Магілева. 3 гісторыі планіроўкі і забудовы горада/ Т.У. Чарняўская. – Мн.: «Навука і тэхніка», 1973. – 92 с.
11. Сидоренко, Б.И. Забытое имя: С.И. Соколов и его вклад в изучение истории Могилевской губернии. / Б.И. Сидоренко // Романовские чтения–7: Сб. статей

- Международной научной конференции / под общ. ред. А.А. Воробьева. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – 204 с.
12. Левін, Д. Некралог магілеўскага гісторыка Мацвея Фурсава як біаграфічная крыніца. / Д. Левін // Беларускі гістарычны агляд – Т. 5. сш. 2(9). – 1998.– С. 328–363.
  13. Опыт описания Могилевской губернии. – В 3 кн. Кн.2–Репринт. изд.– Могилев: Амелия Принт, 2007. – 844 с.
  14. Терешкович, П. Русские в Беларуси / П.Терешкович // Неман. – 1992. – № 6. – С. 164–176.
  15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание центрального статистического комитета Министерства Внутренних дел под редакцией Н.А.Тройницкого. Т. XVIII. Могилевская губерния. – Спб, 1903.
  16. Каспяровіч, Г.У. Руска на Беларусі (дэмаграфічны аспект) / Г.У. Каспяровіч // Нацыянальная палітыка і міжнацыянальныя адносіны на Беларусі ў XX стагоддзі. – Мінск, 1997.– С. 67–81.
  17. Власов, А.А. Воспоминания о Могилеве / А.А.Власов// Рукописи из архива Дома русского зарубежья имени А.Солженицина. – Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/archival materials/> Дата доступа: 12.11.2012 – С. 1–35.
  18. Трещенок, Я.И. История Беларуси. Ч.1 Досоветский период: Учебное пособие. / Я.И. Трещенок. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 176 с.

Н. Ю. Кривопалова (Самара, Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ САМАРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

С приобретением статуса центра вновь созданной губернии Самара с середины XIX века становится привлекательным местом для городских новопоселенцев, стремившихся к возможности быстрой карьеры в провинции, к новому интересному делу. В этом потоке определенное место занимали потомки немецких эмигрантов и различных групп российских немцев, в частности прибалтийских [1, с. 92]. Важным обстоятельством, привлекавшим немецкую интеллигенцию, было и то, что во главе губернии в период ее становления находился Константин Карлович Грот (с 1853 по 1860 гг.), немец по происхождению, заложивший многие новые традиции в общественной и культурной жизни Самары. Прибывшие немцы становились частью самарского общества, привнося черты национального характера, менталитет порядочных и трудолюбивых горожан с высоким образовательным уровнем.

Деятельность немецкой интеллигенции затронула практически все сферы жизни губернского города. Важнейшей из них была система образования, в которой с 1850-х годов начинают появляться частные школы с немецкой традицией обучения: пансионы госпожи Визенталь (с 1854 г.), госпожи Фланден (с 1858 г.), баронессы фон Древиц (с 1867 г.), женское училище Е.К. Рихтер (с 1868 г.), частная женская гимназия Фолькман и Беттичер (до 1905 г.). В составе губернских гимназий также встречалось немало преподавателей с немецкими фамилиями. Многие из них в своей практике использовали педагогический опыт Германии. Так, с наступлением XX века большое внимание начинает уделяться

экспериментальным методикам в преподавании естественнонаучных дисциплин, особенно в частных гимназиях. Например, проведение дополнительных практических занятий по физике, на которых воспроизводились физические опыты при помощи имеющихся приборов, а также изготавливались физические приборы разной сложности самими учащимися [2, с. 49]. В целом представители немецкой интеллигенции оставили заметный след в системе образования Самары.

Становление медицинской сферы губернии связано с деятельностью немцев-врачей. Так, у истоков организации Самарской земской психиатрической больницы в 1880 г. стоял врач-психиатр Иван Христианович Аксерблом, выпускник Петербургской Военно-медицинской академии, стажировавшийся в Германии и Австрии. Под его руководством осваивались новые методы лечения душевнобольных, имевшие развитие в практике его последователей в этой больнице. Врачи использовали современный тому времени метод лечения физическим трудом, к которому предрасположен пациент. На территории больницы было организовано опытное поле, выстроена кузница, устроены столярная и портняжная мастерские [3, л. 5]. С пациентами также занимались чтением книг, проводили беседы с показом «туманных» картин, приобщали к игре на музыкальных инструментах, рисованию и рукоделию, гармонизируя таким образом психику больных. На состоявшемся в 1903 г. XIV съезде врачей губернии было отмечено, что Самарская земская психиатрическая больница – одна из лучших провинциальных больниц России, в которой за все время ее существования не было отказано ни одному больному в приеме за неимением места [4, с. 36]. Большая заслуга в этом принадлежала И.Х. Аксерблом.

Первые частные аптеки Самары также были отмечены немецкими фамилиями (Миллер, Кенигсберг). Одним из известных фармацевтов города являлся Леопольд Андреевич Грeve, выпускник Дерптского университета, член-корреспондент Дерптского общества естествоиспытателей. В 1879 г. он был назначен фармацевтом при Врачебном отделении Самарского Губернского Правления. Его аптека располагалась в центре Самары на углу улиц Саратовской и Предтеченской, работала в две смены, в среднем изготавливая от 100 до 120 рецептов в день, и пользовалась большим вниманием горожан. Некоторые медикаменты выписывались непосредственно из Германии. В аптеке имелась хорошо оборудованная химическая лаборатория по судебной медицине. Современники отмечали выдающиеся способности Л.А. Грeve, его предприимчивость и мягкий характер [5, с. 106]. Он сыграл значимую роль в развитии фармацевтического дела в губернии.

В конце XIX века начинается активное формирование инженерно-технической интеллигенции Самары. В этой группе выделяются братья Клодт, обеспечившие инженерное сопровождение строительства первого городского водопровода. С их деятельностью связано использование первых элетролампочек в Самаре.

Среди потомков немцев представлена целая плеяда специалистов в сфере градостроительства и архитектуры, во многом определивших облик Самары во второй половине XIX – начале XX вв.: А.И. Мейснер, К.Т. Адамсон, О.Ф. фон Блосфельд, Ю.К. Бем, А.К. Левенштерн., А. Даугель. В этот период усилия

самарских архитекторов были направлены на благоустройство города и набережной, а также регулярное каменное строительство после частых опустошительных пожаров. С 1910-х гг. исторический центр Самары получает определенное стилистическое оформление, в чем проявилась немалая заслуга Дмитрия Александровича Вернера, работавшего городским архитектором с 1910 г. по 1916 г. Среди его проектов – жилые и общественные здания, выполненные, в основном, в стиле модерн. В этой традиции осуществлены наиболее известные его проекты: особняк Общественного собрания (1911–1913 гг.), Новотроицкий Торговый корпус (1914 г.), особняк семьи фон Вакано (1914 г.). Кроме того, следует особо подчеркнуть принципиальное, требовательное отношение Д.А. Вернера к проектированию и строительству зданий. В исследовании, рассматривающем формирование архитектурной школы Самары, отмечается, что в период работы Д.А. Вернера на должности городского архитектора гораздо больше внимания уделялось применению современных строительных материалов, качеству реконструкции и нового строительства фондовой застройки [6, с. 139].

Особой группой самарской интеллигенции являлись адвокаты, которые помимо своей профессиональной деятельности занимали активную гражданскую позицию, участвовали в работе органов местного самоуправления и других направлениях общественной жизни. Среди присяжных поверенных Самары представлены и немецкие фамилии – Егор Александрович Тимрот, Карл Карлович Позерн, неоднократно избиравшиеся гласными Самарской городской думы. Е.А. Тимрот состоял также гласным уездного и губернского земских собраний, прилагая усилия к развитию земской деятельности в области образования, здравоохранения, сельского хозяйства и улучшения крестьянского быта [7, л. 20]. Общественная деятельность К.К. Позерна была направлена на развитие культурно-просветительского движения в Самаре. Он являлся членом правления Самарского Общества поощрения высшего образования и Общества трезвости, стал основателем Общества любителей изящных искусств, организатором воскресных чтений для народа, в которых принимал участие как чтец-декламатор. М. Горький, тесно общавшийся с К.К. Позерном в Самаре в этот период, с благодарностью писал о нем в «Самарской газете» [8, с. 156–157].

Социальная активность немецкой интеллигенции проявилась и в музыкальной жизни города. Наиболее активным и талантливым деятелем в этой сфере был Екаб Карклинь, выпускник Петербургской консерватории. Он приехал в Самару в начале 1900-х гг. и стал организатором Самарского отделения Императорского Русского музыкального общества (СО ИРМО), открывшегося в 1902 г. Одним из направлений деятельности общества было создание первых музыкальных классов в городе. В этой работе активно участвовал Егор Филиппович Бем – член Общества любителей музыки и драматического искусства, владелец магазина музыкальных инструментов, где и расположились классы. Совместными усилиями был сформирован высокопрофессиональный коллектив преподавателей из выпускников Петербургской и Московской консерваторий, которых увлекли эстетические позиции организаторов, а также их энергичное стремление к распространению музыкальной культуры [9]. В результате плодотворной работы классы были

преобразованы в 1911 г. в музыкальное училище – первое специальное учебное заведение этого профиля в Самаре [10, с. 6]. Другим направлением, которым успешно занимался Е. Карклинь в рамках СО ИРМО, была организация систематической концертной деятельности. Благодаря его творческой инициативе на самарской сцене регулярно проходили академические концерты, в которых наряду с самарскими исполнителями выступали многие русские и зарубежные музыканты. Например, в феврале 1909 г. по приглашению Е. Карклина в двух концертных вечерах СО ИРМО принял участие известный виолончелист О. Фогельман [11, с. 3].

В целом деятельность немецкой интеллигенции сыграла важную роль в развитии Самары и стала исторической предпосылкой формирования социокультурного разнообразия самарского общества в дальнейшем. Взаимодействие различных национальных групп интеллигенции способствовало значительному подъему во всех сферах жизни города во второй половине XIX – начале XX вв.

Список литературы:

1. Савченко, И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. – Самара: Изд-во «Сам. ун-т», 1994.
2. Чеков, М.О. Частные школы Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. – Самара-Москва: Изд-во МГПУ, 1999.
3. Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф. 5. – Оп. 4. – Д. 2.
4. Вулис, Я.А., Носачев Г.Н., Сидельников В.Я. Самарская земская психиатрическая больница // Самарский земский сборник. – Самара, 1994.
5. Егоров, В.А., Абдулманова Е.Л. История фармации. – Самара: СамГМУ, 2001.
6. Басс, Н.И. К вопросу формирования архитектурной школы г. Самары (1859-1912) // Наследие и современность. Международные конференции художественных музеев 1998 и 1999 гг. – Самара: Сам. обл. худ. музей, 2000.
7. ГАСО. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 627.
8. Володин, В. Из художественной жизни города Куйбышева: конец XIX – начало XX века. – М.: Советский художник, 1979.
9. О музыкальном образовании // Голос Самары. – 1911. – № 9, 10, 11.
10. Отчет СО ИРМО за 1913–1914 гг. – Самара, 1914.
11. Волжское слово. – 1909. – 4 февраля. – № 25.

А.Д. Кузьмин (Могилёв, Беларусь)
**НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
ЧИНОВНИЧЕСТВА БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Поворотным моментом в кадровой политике царских властей в Беларуси стало восстание 1863 – 1864 гг., в котором приняли участие многие чиновники местной администрации. Так, только за январь 1864 г. в витебском тюремном замке за политические преступления из 105 арестованных 27 (25,7 %) принадлежали к служащим, в большинстве своём римско-католического исповедания [5, с. 61]. В марте 1864 г. жандармский штабс-капитан Гродненской губернии отослал губернатору список лиц, которые были по причине возникших сомнений в их благонадёжности высланы административным порядком во

внутренние губернии империи под надзор полиции. Данный список включал в себя 81 человека, среди которых насчитывалось 37 чиновников (45,7 %) [8, с. 111]. В таких условиях замещение в местной администрации чиновников-католиков было одной из важнейших мер в правительственной программе «утихомиривания» и русификации края.

Согласно циркуляру Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва от 21 июля 1864 г. все чиновники проверялись на благонадёжность. На каждого чиновника писалась характеристика, в которой указывались его способности и моральные качества. Указом 22 мая 1864 г. католики не допускались к занятию должностных мест, имеющих соприкосновение с народом. По указу от 17 марта 1867 г. генерал-губернатору было дано право замещать должности предводителей дворянства только лицами русского происхождения. В результате должности предводителей дворянства в крае были заняты или местными русскими помещиками, или чиновниками МВД из внутренних губерний империи [5, с. 61].

Царские власти поставили задачу привлечения в край русских чиновников, предоставив им ряд льгот и преимуществ. Уже 14 января 1864 г. М.Н. Муравьёв приказал выплачивать всем приехавшим из России чиновникам 50-процентную прибавку к жалованию. В Гродненской губернии, например, за этот год 364 чиновника получили 50-процентную прибавку к своим окладам. Эти деньги являлись вознаграждением за благонадёжность и старательную службу. В апреле 1865 г. гродненский губернатор обратился к начальнику края с просьбой разрешить выплачивать дополнительное жалованье чиновникам местного происхождения православного и мусульманского вероисповеданий, и такое разрешение было получено [8, с. 112–113].

Тотальная замена чиновников-католиков на православных значительно повысила расходы на их содержание. Поэтому позднее правительство постепенно регламентировало льготы для служащих западных губерний. Согласно правилам от 21 ноября 1869 г. служащим некоторых ведомств предоставлялась особая прибавка к жалованию, которая пополнялась из 10-, 5- и 1-процентных сборов с местных дворян-католиков. Лица, поступившие на службу в край до 1870 г. получали 50 % добавочного содержания, прибывшие в 1870 – 1875 гг. – 30–40 %; после 1875 г. – 15–20 % [5, с. 62].

13 июня 1886 г. были изданы дополнительные правила о преимуществах службы в отдалённых губерниях. Согласно правилам, в западных губерниях (Виленской, Гродненской, Минской) особыми преимуществами пользовались служащие в канцеляриях духовных консисторий православного исповедания, в канцеляриях губернаторов, в городских и уездных полицейских управлениях, а также учителя приходских училищ – в размере 50 % получаемого ими жалования. Чиновникам от XIV до VIII класса включительно в губернских правлениях, приказах общественного призрения, комиссиях народного продовольствия, в почтовых конторах, в казённых палатах, в казначействах, в управлениях государственными имуществами, контрольных палатах, в духовных учебных заведениях и канцеляриях попечителей учебных округов, учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения и дирекциях народных училищ, уездным врачам и землемерам, чинам ведомства

Министерства путей сообщения полагалась надбавка в размере 20 % получаемого жалования. Особые преимущества заключались и в предоставлении прогонных денег в повышенном размере. Лица русского происхождения, определяемые на должности по учебной и воспитательной части в учебные заведения Виленского учебного округа, получали сверх прогонов пособие: семейные – в размере полугодового оклада жалования, а одинокие – в размере 1/3 означенного оклада. Кроме того, чиновникам предоставлялся отпуск на льготных условиях и пенсионные преимущества [6, с. 14–15].

Таким образом, правительство делало всё возможное, чтобы материально заинтересовать русских чиновников. Эта политика вскоре стала приносить свои результаты. Чиновники местного происхождения католического вероисповедания в массовом порядке увольнялись со службы. Так, согласно данным гродненского губернатора за апрель 1866 г. в его губернии насчитывалось 186 уволенных чиновников. В Витебской губернии эта цифра была такой же. Витебский губернатор В.Н. Верёвкин писал в своём отчёте: «Главной причиной увольнения этих лиц со службы было их польское происхождение, которое не позволяло убедиться в их преданности русскому правительству». Таким образом, в данной ситуации католическое вероисповедание отождествлялось с принадлежностью к польской национальности [8, с.114]. На протяжении всего нескольких лет личный состав служащих местных государственных учреждений был кардинально обновлён. На основе данных адрес-календаря Виленского генерал-губернаторства за 1868 г. нами был проанализирован конфессиональный состав 3400 классных чиновников 5 белорусских губерний. По вероисповеданию они распределялись: православные – 2591 (76,2 %), католики – 571 (16,8 %), протестанты – 153 (4,5 %), мусульмане 75 (2,2 %), другие 10 (0,29 %). Среди 43 чиновников, которые занимали руководящие должности в губернских администрациях 32 были православными (74,4 %), 6 – лютеранами (14 %), 5 – католиками (11,6 %). 330 чиновников поветовых учреждений по вероисповеданию распределялись следующим образом: православные – 271 (82 %), католики – 33 (10 %), протестанты – 23 (6,7 %), мусульмане – 3 (0,9 %). Особенно высоким был процент православных среди поветовых судей (100 %), председателей мировых съездов (96,9 %) и полицейских исправников (89,7 %) [1].

В 1870 г. в канцелярии Минского губернатора в штате насчитывалось 9 человек. Все они были православными. Из них 3 были награждены орденами, которые давали право на дворянство. Только во врачебном отделении губернского правления из 46 человек 17 были католиками и 5 иудеями, на долю православных и лютеран приходилось 24 человека.

Несмотря на то, что по закону от 22 мая 1864 г. на государственную службу в крае запрещалось принимать католиков только в качестве начальников учреждений, в действительности же это касалось почти всех служебных мест. Так, 17 октября 1868 г. директор почтового департамента в своём циркулярном письме предлагал губернаторам не принимать католиков на открывавшиеся вакансии, а тех, кто уже служил – не повышать в должности. Этот циркуляр вновь был подтверждён в 1899 г. Таким же письмом от 27 октября генерал-

лейтенант А.Н. Безак запретил принимать на службу католиков и в телеграфные учреждения [2, с. 217].

В 1867 – 1877 гг. только 5 католиков в Могилёвской губернии были почтовыми чиновниками. Некоторые католики ради карьеры переходили в православие. Например, так поступил уроженец Пруссии А.Ф. Гензель, работавший 8 лет стационарным смотрителем. После крещения за такие же 8 лет прошёл путь до Мстиславского уездного почтмейстера. По итогам разгрома восстания 1863 – 1864 гг. все почтовые служащие Могилёвской губернии были награждены медалью «За усмирение польского мятежа», кроме почтовиков-католиков. При этом трое из них работали в этот период в губернии и в их послужных списках не зафиксированы претензии к их работе. Протестанты среди могилёвских почтовиков были из числа лютеран. Телеграфисты должны были владеть иностранным языком (французским или немецким). Знание языка было у российских подданных прибалтийских губерний, поэтому их охотно приглашали на телеграф. В начале XX в. в Могилёвской губернии работало 12 почтовых служащих лютеран [3, с. 42].

Мы изучили конфессиональный состав государственных служащих белорусских губерний. Теперь необходимо рассмотреть структуру местного бюрократического аппарата с точки зрения его национальной принадлежности. По данным переписи 1897 г. на территории 5 западных губерний проживало 5 млн.408 тыс. белорусов, 3,1 млн. русских, поляков, украинцев, евреев, литовцев, латышей [7, с. 144].

Одним из показателей реального места каждой этнической группы в социальной структуре общества является количество её представителей в органах власти. Так, на территории пяти западных губерний в 1897 г. русских проживало 5,97 %, а их доля на чиновничьих должностях составляла 49,09 %; белорусов соответственно 65,61 % и 32,35 %; украинцев – 4,59 % и 2,15 %; поляков – 5,15 % и 12,06 %; евреев – 14,59 % и 1,2 %; других национальностей – 3,93 % и 3,71 %. Таким образом, здесь преобладали русские.

Любопытен национальный состав интеллигенции: русских – 29,83 %; белорусов – 26,12 %; украинцев – 1,42 %; поляков – 10,13 %; евреев – 28,81 %; других национальностей – 3,67 %. Обращает на себя внимание тот факт, что процент русских, поляков и евреев в интеллигенции был выше их доли в общем составе населения, а процент белорусов – гораздо ниже. Безусловно, негативную роль в формировании интеллигенции Беларуси сыграл укоренившийся в правящих кругах стереотип о том, что белорусы – не самостоятельная нация, а лишь этнографическая ветвь русского народа, которая должна слиться с ним [4, с. 7–10].

Таким образом, после восстания 1863 – 1864 гг. царское правительство проводило политику по изменению кадрового состава местных государственных органов власти. На всех высших и ответственных должностях местные чиновники замещались выходцами из центральных губерний Российской империи. С целью привлечения на службу в край новых чиновников правительство предоставляло им значительные денежные и служебные льготы, в то время как законодательно местные уроженцы православного исповедания занимали незначительные должности, а католики и иудеи были ограничены в

праве на службу в местных органах власти. Политика царского правительства привела к тому, что среди представителей административного аппарата края не сформировалась собственная служилая интеллигенция как носительница национально-государственной идеи.

Источники и литература:

1. Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 г. – СПб. : Типография К. Вульфа, 1868. – 815 с.
2. Жытко, А.П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1864 – 1914 гг. : манаграфія / А.П. Жытко. – Мінск : БДПУ, 2003. – 233 с.
3. Заремский, В.К. Религия в жизни провинциального чиновника XIX в. (на примере почтово-телеграфных служащих Могилёвской губернии) / В.К. Заремский // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения: [сборник научных трудов] / под общ. ред. В.В. Старостенко. – Могилёв, 2006. – С.41 – 43.
4. Козляков, В. Е. Национальные проблемы Беларуси в конце XIX – начале XX в. / В.Е. Козляков // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Т.А. Новогородский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – С. 7 – 12.
5. Подорожня, Е.А. Особенности формирования губернской администрации в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / Е.А. Подорожня // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 61–64.
6. Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдалённых местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. (Высочайше утверждены 13 июня 1886 г.). – СПб. : Литотипография и словолитня Эрнста Платеса, 1886. – 19 с.
7. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. – Мн. : БГУ, 2004. – 223 с.
8. Токць, С.М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30 – 40-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус): дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / С.М. Токць. – Мінск, 1997. – 21с.

А.П. Грудзіна (Шклоў, Беларусь)
ЯЎРЭІ ШКЛОВА

Даследчыкі гісторыі горада Шклова неаднаразова апісвалі знакаміты культурна-эканамічны ўздым, які тут адбыўся ў часы дзейнасці Сямёна Гаўрылавіча Зорыча, былога фаварыта рускай імператрыцы Кацярыны II. Між тым, гэты перыяд у жыцці Шклова таксама адзначаецца і тым, што горад стаў выконваць ролю “яўрэйскай метраполіі” і адначасова становіцца цэнтрам па распаўсюджванню разнастайных ведаў і ідэй сярод яўрэйскай супольнасці.

Яўрэйская абшчына Шклова вельмі хутка развіваецца. Яшчэ ў 1668 годзе сакратар аўстрыйскага амбасадара пры двары Пятра I Георг Корб адзначаў, што шклоўскія яўрэі – “багацейшае і ўплывовае саслоўе”. У 1727 годзе шклоўскія яўрэі ўжо склалі 20 працэнтаў гарадскога насельніцтва, пры гэтым яны выплачвалі амаль 60 працэнтаў гарадскога падатку. Ім належыла 78 драўляных і 7 мураваных дамоў, што было болей, чым у хрысціян [3].

Гандлёвыя сувязі, у першую чаргу з Еўропай, паспрыялі таму, што Шклоў паступова пачынае станавіцца цэнтрам яўрэйскай вучонысці. Асаблівае роля ў

гэтым належыць шклоўскім купцам і мецэнатам Н.Ноткіну і І.Цэйтліну. Менавіта Юшуа Цэйтлін (нарадзіўся ў Шклове ў 1742 годзе, памёр у 1822 годзе) вылучыўся як буйны падрадчык і пастаўшчык фуражу і правіянту ў час турэцкай кампаніі. Нажыўшы мільённую маёмасць, Цэйтлін адышоў ад спраў і пасяліўся ў сваім маёнтку Вусце, дзе стварыў своеасаблівую “хатнюю акадэмію”. Яўрэйскі мэцэнат пабудаваў пры сваім двары малітоўны дом з дарагім начыненнем, лабараторыю для хімічных доследаў, стварыў раслінны гербарый. Навуковую дзейнасць забяспечвала і багатая бібліятэка. Пад прытулкам Цэйтліна навукоўцы актыўна займаліся даследніцкай працай.

Вось вытрымка з пісьма Мордехая Натанзона зяця Юшуа Цейтліна, якое распавядае пра дзейнасць асветнікаў у маёнтку Вусце: *“Я, семнадцать лет от роду, кормился тогда за столом у своего тестя, великого гаона рабби Йегошуа Цейтлина из Шклова (господина надворного советника фон Цайтлина), комментатора книги Сефер Мицвот Катан (Свод заповедей, составленный Исааком из Корбейля в 1277 году), жившего в то время в своем поместье и дворе Устье (что между Чериковом и Кричевом, в Белоруссии)... Поле ухода рава, господина и гаона учителя нашего р. Йегошуа Цейтлина на покой от великого множества дел по смерти его возлюбленного патрона, графа Потемкина Таврического, двор нашего гаона, с прекрасным видом, парками и садами, стал местом ограды и убежища для великих людей поколения в нашей стране. Гаон советник поселился, по обычаю великих министров, во дворце с многочисленными разнообразными залами, полного всякого блага, богатства и сокровищ, с хранилищами новых и старых ценнейших книг и рукописей тайного и явного учения, и с прекрасным большим бейт-мидрашом с древними свитками Торы на козьем пергаменте, привезенными из Турции, и дорогой священной утварью из серебра, золота и драгоценных камней. К нему собирались все, стремящиеся к Торе и к премудрости; всяк, кто был в горе и нужде, и всякий рав с вопросом о разрешении или запрете, или об имущественных законах, судящие и судимые, - все приходили к его воротам, и господин гаон всех принимал любезно и с радостным сердцем, выполнял их просьбы и разрешал их тяжбы”* [1].

Сярод даследчыкаў яўрэйскай гісторыі Шклова доўгі час дасканала адказаць дзе знаходзіўся маёнтак Цэйтліна ніхто не адважваўся. Аднак, 18 жніўня 2010 года, даследчая група “Самбаціон” з міжвуніверсітэцкага цэнтра Чэйза па развіццю іўдаікі (Масква, Санкт-Пецярбург, Іерусалім, Кіев) пад кіраўніцтвам аспіранта інстытута філасофіі імя Г.Скаварады Нацыянальнай акадэміі навук Украіны Кацярыны Малахавай здзейсніла навукова-даследчую вандроўку ў вёску Вусце Черыкаўскага раёна Магілёўскай вобласці, як магчымае месца знаходжання былога маёнтка “Вусце” Цэйтліна. У складзе вышэй згаданай групы давялось прысутнічаць і аўтару гэтых радкоў.

Вывучаючы гістарычныя крыніцы, даследаванні Черыкаўскага гісторыка-краязнаўчага музея, агляду наваколля вёскі Вусце і распавядзі мясцовых жыхароў, удзельнікі групы з вялікай доляй верагоднасці знайшлі месца былога маёнтка Вусце, якое на мяжы 18 – 19 стагоддзяў належыла яўрэйскаму мэцэнату з Шклова Юшуа Цэйтліну. Пэўны час у былым маёнтку дзейнічаў дзіцячы дом для дзяцей-сірот. Пасля зачынення дзіцячай установы (60–70 гады

20-га стагоддзя) гаспадарка былога маёнтка прыйшла ў заняпад. У дзень наведвання тут знаходзіліся тры паўразбураных драўляных будынка і асобныя дэталі мураваных падмуркаў [4].

Адначасова для выдавецкай дзейнасці ў 1783 годзе непасрэдна ў Шклове адкрываецца друкарня, а ў пачатку 19 стагоддзя – яшчэ дзве. Гістарычныя крыніцы захавалі і прозвішчы ўладароў гэтых прадпрыемстваў: Баньямін, Сабатай, Цэві. Усяго да 1835 года ў Шклове было выдадзена болей за 210 назваў кніг [3; 5].

Надрукаваныя ў Шклове навуковыя працы ў далейшым набылі сусветную вядомасць. Піянер асветы таго часу – ураджэнец Шклова равін Барух бен Яакаў Шык, вядомы пад прозвішчам Шкловед (1744 – 1808), гораха адстойваў неабходнасць свецкіх ведаў. З мэтай асветы перакладаў на яўрэйскую мову кнігі па розных навуковых галінах. У 1777 годзе ён друкуе кнігу вядомага яўрэйскага навукоўца 14 стагоддзя Ісака Ізраэлі “Кіраўніцтва па астраноміі і геаметрыі”. Атрымаўшы акрамя равінскага дыплама дыплом урача, Шык склаў у папулярнай і агульнадаступнай форме грунтоўны лячэбнік па гігіене і папулярнай медыцыне, апублікаваны ў 1779 годзе.

Пад прытулкам Цэйтліна Мендэль Левін напісаў сваю галоўную працу, якая прынесла яму папулярнасць. У ёй ставілася мэта: папулярызаваць веды і асновы этыкі сярод шырокіх слаёў насельніцтва. Левін таксама працаваў над дапаможнікам, які садзейнічаў бы чалавеку ў яго рабоце над уласным характарам і ва ўмацаванні яго маральных прынцыпаў.

З акадэміяй Цэйтліна звязаны імёны вядомых навукоўцаў канца 18 стагоддзя: равіна Біньяміна бен Шлома Залмана Рівеліса знаўца Талмуда, медыцыны і батанікі, равіна Нахума з Хаус, аўтара кнігі “Тосефет біккурим”, М. Сатановера, напісаўшага ў Шклове кнігу “Хеш бон ха-нефет” (Этыка), равіна Эліэзера з Слоніма.

У Шклове жылі: равін Іехуда Лейб Маргаліон (1747–1811 гг.), аўтар этычнага трактата “Бет-міддот” (Абіцель сумлення) і працы па прыродазнаўству “Вечны свет”, Яакаў Хірш з Бреслаў, прапанаваўшы праект удасканалвання яўрэйскай адукацыі, вядомы Нафталі Херц Шульман, даследчык біблейскай мовы і граматыкі, перавыдаўшы з дапаўненнем лексікаграфічную працу яўрэйскага вучонага В.Мусафіі і спрабаваўшага ў 1803 годзе выдаваць у Шклове яўрэйскую газету на іврыце [3].

Вось зварот Нафталі Шульмана да чытачоў у першым нумары газеты: *“Братья мои, в настоящее время даже в маленьких городах немало людей, жаждущих знания. Главной помехой является отсутствие книг. Я, поэтому, решил выпускать еженедельно известия о новостях и событиях, происходящих на белом свете, переводы из гамбургских, петербургских и берлинских газет, наиболее важные сведения из научных книг. Таким образом, купец будет читать об интересующих его политических событиях, о промышленности и индустрии, а любители знания – о научных вопросах. И всякий, у кого будет что-либо новое из области знания, сообщит об этом мне для опубликования, и таким образом будет дана возможность распространить в массе полезные сведения по языкам, математике, географии, естествознанию и другим областям знания. Кто хочет подписаться на этот орган, пусть обратится в Шклов по адресу*

моего ученика Хаима (*Chajim be'Maharaz*). И когда наберется достаточное количество абонентов, я сообщу дальнейшие подробности” [1].

Між тым Іошуа Цэйтлін мае дачыненне і да яшчэ аднай з’явы ў жыцці яўрэйскай супольнасці ў Расійскай імперыі. Вось што сцвярджае навуковец Пётр Садоўскі пра апелятыў “жыд”, які набыў адмоўнае значэнне на землях Расійскай імперыі. Садоўскі сцвярджае, што ў Вялікім Княстве Літоўскім апелятыў “жыды” ужываўся толькі ў нейтральным значэнні, як і ва ўсёй Еўропе. Пасля анексіі беларускіх зямель Расійскай імперыяй гэта слова пачало паступова ўспрымацца праз моўныя паводзіны прышлых расійскіх грамадзян як абразлівае. У 1787 годзе, пры наведванні Кацярынай II Шклова, ёй быў прыняты шклоўскі “аўтарытэт” Іошуа Цэйтлін. Цейтін быў не толькі ўдалым купцом, але і “управляючым светлейшага князя” Пацёмкіна. Безумоўна, пры дапамозе апошняга і здзейснілася гэта сустрэча. Ад імя шклоўскіх яўрэяў ён звярнуўся да імператрыцы з пажаданнем не ўжываць у афіцыйных дакументах прыніжальнага ў штодзённай расійскай інтанацыі слова “жыды”. Кацярына дала згоду, загадаўшы выкарыстоўваць у афіцыйных паперах Расійскай імперыі толькі слова “яўрэй”, тым самым ускосна адрэзала нашы абшары ад еўрапейскай традыцыі і законсервала бытавы антысемітызм. У першыя гады існавання БССР рабілася спроба вярнуцца да еўрапейскай традыцыйнай назвы “жыды”, аднак савецкая ўлада не захацела развітацца з традыцыямі расійскага антысемітызму [6].

Між тым, у другой палове 18 стагоддзя паступова наступае крызіс равінізму і пачынаецца барацьба паміж равінамі артадаксальнага іудаізму і ўзнікшай новай плыню Хасідзізмам. Як адзначыў адзін з даследчыкаў іудаізму С.Дубноў: “...адной з буйнейшых і найцікавейшых з’яў не толькі з гісторыі іудаізму, але і ў гісторыі рэлігійнай эвалюцыі ўвогуле” [7].

Назва Хасідзізм узнікла ад слова “хасід”, што азначае “богабаязлівы” і “адданы заветаў Госпада”. Непасрэдна рух узнік на Падоллі Украіны. Заснавальнікам лічыцца рабі Ісраэль бен Эліэзера Баал-Шэм-Тов, прызваны Бештам. Гэты чалавек праявіў сябе як духоўны лідэр, містык, заговоршчык хвароб, заклікальнік бесаў і вырабляльнік амулетаў. Рабі Ісраэль сцвярджаў, што збліжэнне чалавека з Стварыцелем Вечнасці дасягаецца не толькі шляхам вывучэння Торы, тым больш што яно не заўсёды даступна простаму чалавеку, а ўзнёслай, вельмі радаснай і амаль палаючай малітвай. Падчас такой малітвы чалавек адчувае сябе адзіным цэлым з Усявышнім. Сапраўды вернік павінен служыць Госпаду не толькі выконваючы адпаведныя заведзі, але ўсёй сваёй сутнасцю, усімі памкненнямі. Галоўнае прызначэнне рэлігіі – поўнае зліццё з Усявышнім і праз навуку пазнанне ўсіх з’яў жыцця. У сваю чаргу, вучонасць не мае сэнсу, калі ў ёй адсутнічае рэлігійнасць, або духоўная сутнасць Торы.

Пасля смерці Бешта (1760 год) яго паслядоўнікам стаў магід (прапаведнік) Дов Бер з Межэрыча, прызваны Вялікім Магідам. Пры ім хасідская плынь значна ўзмацнілася, дзякуючы прытоку маладых талмудыстаў. Адзін з хасідскіх лідэраў рабі Пінхас бен Аврахам Абба Шапір нарадзіўся ў Шклове (1726–1799 гады). Менавіта рабі Пінхас быў сярод тых некалькіх хасідаў, якія не прызналі рабі Дов Бера, як адзінага лідэра хасідаў пасля смерці заснавальніка руху рабі Ісраэля (Бешта) [2; 8].

Першыя спробы супраціву хасідам пачаліся яшчэ пры жыцці раббі Ісраэля. Хасідаў абвінавачалі ў скажэнні асноў іудаізму і здрадзе рэлігійнай традыцыі, парушэнні норм сумлення і абасобленасці ад іншых яўрэяў. Барацьбу ўзначаліў Эліяху бен Шлома з Вільні. Група яго прыхільнікаў атрымала назву “Віленскі Гаон”. Ідэалам для гэтых людзей было “жыццё ў Торі і з Торай”.

Кіраўніцтва яўрэйскай абшчыны Шклова падтрымала паслядоўнікаў Віленскага Гаона і адно з першых пачала актыўную барацьбу з хасідамі. Сярод іх – згаданы вышэй равін Біньямін бен Шлома Залман Рывелес, равін Аврахам бен Шлома Залман (1742–1807 гг.), равін Сімха Бухем бен Барух Бендэт (памёр у 1808 годзе), равін Менахем Мендл бен Барух Бендэт (памёр у 1827 годзе) і іншыя. У далейшым гэта мясцовая групоўка атрымала назву “Шклоўскія мудрацы”.

У 1771 годзе ў Шклове адбыўся дыспут з беларускім цадзікам (хасідскі выхавальнік, прапаведнік) раббі Авраамам із Каліска (1741 – 1810 гг.), пасля якога хасіды былі абвешчаны “ерэтыкамі”. Але на гэтым “Шклоўскія мудрацы” не спыніліся. Яны звярнуліся за падтрымкай да Віленскага Гаона і дамагліся, што першы херэм (супрацьхасідскі дэкрэт) быў наложаны на хасідаў менавіта ў Шклове ў 1772 годзе. У гэтым жа годзе херэм быў абнародаваны ў Вільні і разасланы ў іншыя абшчыны з патрабаваннем аб выгнанні хасідаў [2; 3].

У 1781 – 1797 гадах пракацілася другая хваля супрацьстаяння. І зноў у Шклове ў 1786 годзе ад імя сходу равінаў быў выдадзены супрацьхасідскі зварот. Вытрымка з гэтага дакумента гучыць: “...Хасіды пакінулі сапраўднае яўрэйства і абвясцілі так званы храм для сябе, якому яны пакланяюцца найбольш бяздумным спосабам, выкарыстоўваючы рытуалы, не адпавядаючыя рэлігіі нашай Торы”. Дакумент змяшчае 9 пунктаў патрабаванняў, якія кожная яўрэйская абшчына павінна была абавязкова выконваць [7].

Між тым багатыя шклоўскія купцы паступова ад’язджаюць у Маскву і Санкт-Пецярбург. У 1808–1809 гадах большасць вучняў Віленскага Гаона са Шклова пад кіраўніцтвам раббі Менахема Мендла і раббі Ісраэля бен Шмуэля здзейснілі алію (перасяленне) у Эрец-Ісраэль, дзе ў гарадах Цфаце і Іерусаліме заснавалі першыя нехасідскія абшчыны. Праз невялікі час, у 1822 годзе, памірае галоўны фундатар яўрэйскай вучоныя ў Шклове Іошуа Цэйтлін. Як вынік, у шклоўскай яўрэйскай абшчыне, пачынае дамінаваць любавіцкі хасідызм, або вучэнне Хабад. Заснавальнік вучэння, раббі Шнеўр Залман Шнеерсон, найперш чым зрабіўца Хасідам, з’яўляўся вучоным талмудыстам. Ён прыўносіць у вучэнне равінскую рэлігійную філасофію. Замест чыстасардэчнай веры, якую прапаведваў Бешт, заснаванай толькі на пачуццях, у новым падыходзе аб’ядноўваюцца вера і пазнанне, аб чым адпаведна гаворыцца і ў Торы. Менавіта па гэтаму шляху Хасідызм атрымаў развіццё ў Беларусі. Назва “Хабад” утварылася па першых літарах слоў “хохма, біна, даат” – “мудрасць, разум, пазнанне”. Некалькі вядомых дзеячоў Хабада паходзілі з шклоўскай абшчыны, у тым ліку заснавальнік хабадскага пасялення ў Хеўроне Шімон Менаше Хайкін [2; 8].

У пачатку ХХ стагоддзя грамадска-рэлігійнае жыццё яўрэяў яшчэ заставалася дастаткова актыўным, але хутка настае час антырэлігійнай прапаганды і палітычных рэпрэсій. Дзейнасць яўрэйскай супольнасці паступова

звужаецца. Насельніцтва вымушана было ўлічваць тагачасную рэчаіснасць і прынараўлівацца да новых абставін. “Яўрэйская метраполія” Шклова знікае.

Літаратура:

1. Книга ШКЛОВ. Составлена с помощью Божией и человеческой, в поезде по дороге в святую общину Шклова и ко двору советника рабби Йегошуа фон Цейтлина, что в Устье, между Чериковым и Кричевом, в Белоруссии.
2. Краткая еврейская энциклопедия. Том 9, кол. 671 – 695.
3. Краткая еврейская энциклопедия. Том 10, кол. 224 – 227.
4. Максименко, В. Исторический интерьер Черикова и его окрестностей. – Красноярск, 2010.
5. Прамысловыя прадпрыемствы дарэвалюцыйнай Беларусі. – Мн., 1988. – С. 313, 314.
6. Садоўскі, П. Таварныя знакі і нацыянальныя пачуцці. // Наша слова. 17 сакавіка 2010. – №11.
7. Фридман А., Литин А. Могилёв – Шклов и кризис равинизма. // Мишпоха. – 2003. — №13. – С. 33–35.
8. Шломо-Залман, Ариель. Энциклопедия иудаизма «Меиль натив». – Иерусалим – Тель-Авив: «Амана», «Массада», 1983. – С. 240–241.

Н.Е. Новик (Минск, Беларусь)

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА УЧАЩИХСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX В.

В начале XX в. на территории Беларуси сложилась система профессионального образования, которая включала средние и низшие учебные заведения разных профилей: сельскохозяйственного, педагогического, медицинского, технического, музыкального, художественного. Этнический состав учащихся профессиональных учебных заведений представляет интерес в связи с решением вопроса о степени доступности профессионального образования для представителей различных народов, которые населяли Беларусь. Определение национальной принадлежности учащихся затрудняется отсутствием в официальном делопроизводстве соответствующей статистики. Вместе с тем сопоставление данных о конфессиональном составе и месте жительства учащихся позволяет сделать соответствующие выводы.

В правительственном курсе после подавления восстания 1863–1864 гг. наблюдалась тенденция к привлечению на свою сторону крестьянства, которое должно было стать основой стабильности Северо-Западного края. И хотя подобная политика проводилась весьма непоследовательно, она увеличивала возможности белорусского крестьянства в получении как общего, так и профессионального образования. Сохранение традиционного уклада жизни, более слабое распространение грамотности среди белорусов по сравнению с другими народами, проживавшими на территории края, подталкивало органы власти к созданию условий для получения профессиональных знаний именно этой категории населения. В результате в начале XX в. большинство учащихся в местных профессиональных учебных заведениях составляли белорусы. Они

преобладали в педагогических, сельскохозяйственных, медицинских учебных заведениях с государственной формой финансирования.

Наиболее четко и последовательно государство регулировало этно-религиозный состав учащихся педагогических учебных заведений. В условиях борьбы с польским влиянием в Виленском учебном округе правительство сосредоточило внимание на подготовке учительских кадров в педагогических учебных заведениях, контингент которых формировался по конфессиональному и социальному принципам. Приоритет местных православных крестьян в получении педагогического образования обеспечивался бесплатным обучением и содержанием, а также созданием подготовительных классов при учительских семинариях. В единичных случаях в педагогические учебные заведения допускались представители иных этносов и вероисповеданий.

Во второй половине XIX в. на территории Беларуси были созданы медицинские учебные заведения (Могилевская и Гродненская повивальные школы, Могилевская фельдшерская школы), которые, по замыслу властей, должны были обслуживать нужды местного крестьянского населения. Отсюда вытекала установка о преимущественном приеме в школы выходцев из крестьянского сословия православного вероисповедания. В повивальных школах получали образование и обеспечивались всем необходимым для жизни в основном девушки-белоруски. Вольнослушательницами же могли быть представительницы различных сословий и национальностей. Сходная ситуация сложилась и в Могилевской фельдшерской школе.

В сельскохозяйственных учебных заведениях с преобладанием государственного финансирования процент белорусов был высок, а в частных и общественных школах возрастал удельный вес представителей других этносов. В такой ситуации власти предпринимали шаги по увеличению возможностей обучения в частных сельскохозяйственных школах для белорусских крестьян.

Среди народов, проживавших на территории Беларуси, наибольшую активность в получении специального образования проявляли евреи. На частные и общественные средства была создана обособленная сеть еврейских ремесленных учебных заведений. Евреи также обучались в профессиональных учебных заведениях иных профилей. Они составляли большинство учащихся музыкальных и художественных школ Беларуси. В начале XX в., когда открылось много частных медицинских учебных заведений, абсолютное преобладание среди их учащихся получили евреи. В отличие от учебных заведений других профилей в сельскохозяйственных школах Беларуси был незначителен процент учащихся-евреев. Тем не менее, в Горецком земледельческом училище их удельный вес в среднем составлял 1 – 3%, в отдельные годы достигая 9% [6, л. 131]. Евреи были лишены доступа только в педагогические учебные заведения.

Поскольку в сфере торговли в Беларуси ключевые позиции занимала еврейская буржуазия, которая давала значительные средства на открытие и содержание коммерческих училищ, среди учащихся данных учебных заведений преобладали лица еврейской национальности. Разрешая открывать коммерческие училища, правительство отдавало себе отчет в том, что учиться в них будут преимущественно дети евреев. С целью ограничения их числа в

уставы коммерческих училищ вводились определенные процентные нормы для лиц иудейского вероисповедания. Так, в уставе Минского коммерческого училища было записано, что число учащихся евреев не должно превышать 40% от всего личного состава [8, с. 10]. Вместе с тем на практике это правило не соблюдалось, и правительство пыталось изменить существующее положение. В августе 1909 г. Совет министров утвердил правила, которые устанавливали 15% норму евреев в средних государственных учебных заведениях, а также в средних общественных или частных учебных заведениях с правами правительственных в районе черты еврейской оседлости. Осуществление этой нормы предполагалось проводить постепенно, однако реализована она так и не была, поскольку могла бы привести к ликвидации коммерческих училищ по причине отказа представителей еврейской общественности от их финансирования [2, л. 11].

Показательным примером политики российских властей являлось дело об открытии в Минске высшего коммерческого учебного заведения. Рассмотрев ходатайство Минской лесной биржи об открытии коммерческого института, минский губернатор А. Гирс пришел к выводу о том, что данное учебное заведение будет обслуживать образовательные нужды евреев и послужит к усилению «враждебного существующему строю инородческого элемента и без того оказывающего уже значительное влияние на политическую и экономическую жизнь Северо-Западного края». По мнению губернатора в Минске необходимо учебное заведение сельскохозяйственного профиля, которое бы выпускало специалистов, способных поднять благосостояние деревни путем более рационального ведения сельского хозяйства, вызвало бы приток в Минскую губернию «русского элемента» как из черты оседлости, так и из других регионов империи [1, л. 1–2]. Отклонение Министерством торговли и промышленности в сентябре 1913 г. ходатайства об открытии коммерческого института в Минске было связано не только с особенностями национальной политики российских властей, но и с отсутствием ясности по одному из важнейших вопросов – неопределенностью источников субсидирования предполагаемого вуза. Ведь при наличии стабильного финансирования частных и общественных профессиональных школ государство предоставляло определенную свободу учредителям и не предпринимало действенных ограничительных мер по регулированию этнического состава учащихся.

Во многих сельскохозяйственных учебных заведениях Беларуси училось значительное количество лютеран, которые по национальной принадлежности являлись латышами, выходцами из Лифляндской губернии, а также латышских уездов Витебской. Латыши в большей степени, чем белорусские крестьяне, втянутые в процесс капиталистического развития, стремились активнее получить общее и профессиональное образование. О притоке лютеран в Горещкое земледельческое училище свидетельствует следующее: в 1887 г. они составляли 13%, в 1888 г. – 16%, в 1901 г. – 18% [6, л. 33 – 34] учащихся. Как отмечают современные исследователи, в развитии образования латышского национального меньшинства никакой дискриминации со стороны местной администрации и высших государственных органов не существовало [7, с. 140].

Отдельные изменения политики по формированию национального состава учащихся профессиональных школ произошли в период Первой мировой войны.

С одной стороны, война внесла в образовательную политику некоторые ограничения этнического характера: прекратился прием германских, австро-венгерских и турецких подданных в учебные заведения, а также исключались те, которые уже учились. Избежать такой ограничительной меры могли учащиеся, чьи родители заявили о желании перейти в русское подданство [3, л. 65]. С другой стороны, наблюдались и определенные послабления: 10.08.1915 г. был разрешен прием в учебные заведения империи всех ведомств, детей военнослужащих, а также участников войны, демобилизованных из-за ранений или болезни, без различия национальностей и вероисповеданий вне конкурса даже сверх установленных вакансий только при наличии образовательного ценза и удовлетворительной сдачи экзаменов. В учебные заведения допускались учащиеся иудейского вероисповедания, дети служащих ведомства народного просвещения, независимо от установленной процентной нормы учащихся евреев [4, л. 107]. Процесс демократизации общественно-политической жизни после Февральской революции нашел отражение в деятельности профессиональных учебных заведений. В циркуляре Департамента земледелия отмечалось, что «всякого рода стеснения, связанные с вероисповедными или национальными вопросами, не должны иметь места в школе, которая открыта для всех граждан» [5, л. 20].

Таким образом, государственная политика по формированию состава учащихся профессиональных учебных заведений на территории Беларуси создавала определенные преимущества в получении профессионального образования белорусам православного вероисповедания, которые по своему социальному происхождению являлись выходцами из сословий крестьян и мещан. Мероприятия по формированию этно-религиозного состава учащихся относились в основном к учебным заведениям с преобладанием государственной формы финансирования и касались в первую очередь педагогических учебных заведений как важного орудия в осуществлении внутривнутриполитического курса правительства на территории Северо-Западного края. Профессиональные школы, содержащиеся на общественные и частные средства, в меньшей степени подвергались корректировке этнического состава учащихся. В целом государственные органы не создавали существенных препятствий удовлетворению образовательных потребностей евреев, латышей, представителей других этносов в области профессиональной подготовки. В период Первой мировой войны и Февральской революции власти несколько смягчили национальные и религиозные ограничения в отношении доступности профессионального образования, хотя на окончательную их отмену так и не пошли.

Литература и источники:

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 295. – Оп. – 1. – Д. 8306. – Дело по ходатайству Минской лесной биржи об открытии коммерческого института в г. Минске. 1913.
2. НИАБ. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 23. – Циркуляры Министерства торговли и промышленности о порядке введения процентных норм о приеме евреев в коммерческое училище, сборе средств на постройку памятника Лермонтову и музея Отечественной войны 1812 г.; правила об испытаниях, о переводе учащихся в следующие классы и награждении окончивших курс училища и др. 1909 – 1910.

3. НИАБ. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 3. – Циркуляры попечителя Виленского учебного округа о приеме в учебные заведения детей беженцев, об участии воспитанников учебных заведений в кружечных сборах на раненых и больных воинов, о прекращении приема в учебные заведения детей германских и австрийских подданных. 1914.
4. НИАБ. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 20. – Циркуляры попечителя Виленского учебного округа о предоставлении для просмотра протоколов педагогических советов, об оказании содействия делу устройства временных приютов-яслей для детей лиц, призванных на войну, о приеме в учебные заведения детей беженцев, об освобождении их от уплаты за обучение и др. вопросам. 1915.
5. НИАБ. – Ф. 491. – Оп. 1. – Д. 419. – Циркуляры Департамента земледелия о воспитании в учащихся самодеятельности и творческих способностей путем организации кружков, обществ, союзов; об отмене экзаменов в связи с привлечением учащихся на сельскохозяйственные работы; отношения управляющего училищем в Департамент земледелия об увеличении пособий к окладам преподавателей. 1917.
6. НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 136. – Сведения о личном составе. Ведомости о числе учащихся по сословиям в Горецких учебных заведениях. 1871 – 1901.
7. Тугай, У.В. Латышскі этнас у сацыяльна-эканамічным і культурным жыцці Беларусі/ У.В.Тугай. – Мн.: БДПУ, 2003. 2-е выд., стэатып. – 305 с.
8. Устав Минского семиклассного коммерческого училища. – Минск: типо-литография И. и В.Тасьман, 1901. – 51 с.

В.В. Юдин (Могилев, Беларусь)

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ (1917 – 1918)

Вооруженное восстание в Петрограде 7 ноября полностью поменяло систему власти, которая перешла в руки РСДРП (б). Лидеры партии возглавили законодательную и исполнительную власть в стране, которая с первых дней, даже часов, своего существования приступила к формированию нового правового поля в стране, не оставив при этом и вопросы, касающиеся положения религии и церкви в новых условиях.

На заседании Второго Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 года был принят «Декрет о земле». В пункте 2 декрета объявлялось, что «помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания» [1, с. 17]. В распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов только по Могилевской и Витебской губерниям должно было перейти более 65 тыс. десятин церковных и монастырских земель [2, с. 173, табл. 187]. Секуляризация земель, которые до революции принадлежали церкви и монастырям, явилась первым шагом политики новой власти в отношении религии и церкви.

Декларация прав народов России от 2(15) ноября 1917 отменила всякие религиозные и национальные ограничения, ликвидировав тем самым привилегированное положение православной церкви. Декларация провозгласила отмену «всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений» [1, с. 40].

Следующий шаг новой власти в отношении религии и церкви касался «дела воспитания и образования», которым в империи ведало не только старое Министерство народного просвещения, но и духовное ведомство. Совнарком РСФСР 11 (24) ноября постановил передать дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению. «Передаче подлежат церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, духовные училища и семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии и все другие, носящие различные названия, низшие, средние и высшие школы и учреждения духовного ведомства, со штатами, ассигновками, движимым и недвижимым имуществом...» [1, с. 211]. Постановление Совнаркома и Народного комиссариата по просвещению не просто вывело светское образование из под влияния церкви, но и лишало религиозные организации материальной базы для подготовки священнослужителей. В Минске в декабре 1918 с ведома властей Западной области у епархии забрали духовную семинарию и училище, архиерейский дом, консисторию и дома кафедрального собора [3, с. 158].

Новая власть принимает 16 (29) декабря 1917 года Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака, по которому брак расторгается в суде, либо «по обоюдному соглашению может быть подано и непосредственно в Отдел записей браков...» [1, с. 237]. Действие декрета распространялось на всех граждан России «вне зависимости от принадлежности их к тому или иному вероисповедному культу» [1, с. 239]. Декрет от 18 (31) декабря «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» объявил, что церковный брак есть частное дело, «Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки» [1, с. 247]. Декрет уравнивал в правах и обязанностях по отношению к родителям законных, рожденных в браке и т.н. незаконных внебрачных детей. «Дети внебрачные уравниваются с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям» [1, с. 248]. Запрещалось «препятствовать погребению в черте кладбищ по обряду гражданских похорон» [1, с. 249]. Духовным учреждениям было предписано передавать документы регистрации браков, рождения и смерти «в соответствующие городские, уездные, и волостные земские управы» Церковь и другие религиозные организации таким образом теряли канал взаимоотношений с обществом, основанном на культовой практике, связанной с повседневной жизнью прихожан.

Кроме этого уже в январе 1918 Советской властью было ликвидировано ведомство придворного духовенства, управление духовного ведомства в армии, и прекращена выдача государственных средств на содержание духовенства [4, с. 143].

Концентрированное выражение правового обеспечения политики Советской властью в отношении религии и церкви мы находим в Декрете Совета народных комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных

обществах». Совет Народных Комиссаров еще 11(24) декабря 1917 года образовал комиссию для разработки декрета, а 20 января (2 февраля) декрет был принят [1, с. 374]. В дальнейшем, в «Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Систематический сборник важнейших декретов. 1917 – 1920», изданном в Москве в 1920 году, этот декрет вышел под названием: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [5, с. 19].

Важнейшим положением декрета явилось отделение церкви от государства (ст.1) и школы от церкви, а преподавание религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных заведениях не допускается, «граждане могут обучать и обучаться религии частным образом» (ст. 9) [5, с. 19]. Постановление Народного Комиссариата Юстиции «О порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция)» от 24 августа 1918 г. оставляло право преподавания религиозных вероучений за специальными богословскими учебными заведениями [5, с. 23]. Однако действия местных властей порой не позволяли религиозным организациям реализовать оставленную им возможность подготовки священнослужителей. В Минске в декабре 1918 у епархии забрали духовную семинарию и по закону, епархия, лишенная прав юридического лица, п.12 Декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», не могла взять у власти «в арендное или иное пользование» здания семинарии, это могли сделать только граждане с «ведома Народного Комиссариата просвещения» [5, с. 23].

Декретом запрещалось «издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли либо ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан» (ст. 2) [5, с. 19]. Каждый гражданин РСФСР получал право «исповедовать любую религию или не исповедовать никакой», а так же отменялись «всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры» (ст. 3). В примечании к статье 3 было сказано, что из «всех официальных актов указание на религиозную принадлежность граждан устраняется» [5, с. 19]. Декрет практически запрещал использование религиозной обрядности в общественной и государственной жизни. В статье 4 говорилось что «действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями» [5, с. 19]. Декрет устанавливал, что свобода исполнения религиозных обрядов лишь обеспечивается «постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан и Советской Республики» [1, с. 374].

Обеспечение общественного порядка и безопасности при исполнении религиозных обрядов возлагается на местные власти. Согласно п. 31 Постановления Народного Комиссариата Юстиции «О порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция)» от 24 августа 1918г. религиозные шествия, совершение религиозных обрядов на улицах и площадях могли проводиться только с письменного разрешения местных Советов Рабочих и Крестьянских депутатов,

которое «устроители каждый раз должны получать заблаговременно и во всяком случае не позднее, чем за 2 дня до публичного совершения религиозной церемонии» [5, с. 22].

Декрет окончательно определил имущественный статус церкви (ст. 12). «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [1, с. 374]. Движимое и недвижимое имущество религиозных организаций было объявлено «народным достоянием», но предусматривалась передача в бесплатное пользование зданий и принадлежностей религиозных обществ для богослужебных целей (ст. 13) [1, с. 374]. Постановление Народного Комиссариата Юстиции «О порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция)» от 24 августа 1918 г. устанавливало, что «необходимое число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество определяется местным Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов, но не может быть менее 20 человек» [5, с. 20].

Религиозные клятвы и присяги отменялись (ст. 7), ведение актов гражданского состояния передавалось в исключительную компетенцию гражданской власти (ст. 8), религиозные общества подчиняются «общим положениям о частных обществах и союзах» и не пользуются никакими преимуществами либо субсидиями от государства (ст. 10) [1, с. 374]. Декрет провозглашал принцип добровольности при определении гражданами своего отношения к религии, не допускались «принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ» (ст. 11). [1, с. 374].

Декреты о религии и церкви были одобрены в Манифесте Временного Рабоче-крестьянского Советского правительства Белоруссии, в котором говорилось, что на территории БССР «вся земля помещиков и крупных землевладельцев, монастырей, церквей, костелов и духовенства со всем живым и мертвым инвентарем, а также все леса, воды, и недра земли становятся достоянием трудового народа Белоруссии» [6, с. 434]. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» в Белоруссии был принят уже после второго провозглашения БССР 11 января 1922 года. [7, с. 27].

В результате своей правовой деятельности новая власть практически ликвидировала православную церковь, католический костел и любую другую религиозную организацию как субъект права. Был заложен фундамент правового обеспечения для атеистической пропаганды и дальнейшей борьбы с религией, в том числе и в системах права будущих советских республик.

Литература:

1. Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1. – 626 с.
2. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900 – 1917) / Под ред. действительного члена АН БССР В.Н. Перцева и др. – Минск: Издательство Академии наук, 1953. – Т III – 1019с.
3. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.] ; Навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП “Экаперспертыва”, 1998. – 340 с.
4. Старостенко, В.В. Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография / В.В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2011. – 272 с.

5. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920. – Москва, 1920. – 268 с.
6. Борьба за Советскую власть в Белоруссии 1918 – 1919гг. Сборник документов и материалов в двух томах. Том первый (февраль 1918г. – февраль 1919г.). – Минск: «Беларусь», 1968. – 604 с.
7. Корзун, М. С. Русская православная церковь, 1917 – 1945 гг.: Изм. социал.-полит. ориентации и науч. несостоятельность вероучения. / М.С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1987. – 111 с.

О.О. Зайцева (Санкт-Петербург, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИМЕР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Формирование производственной субкультуры – достаточно долгий и сложный процесс, который характеризуется появлением многочисленных трудностей. Изучение и анализ исторических и культурных особенностей отдельного региона или предприятий позволяет корректировать политику управления персоналом и более четко прогнозировать последствия принятия управленческих решений. Кроме того, подобная практика позволит избежать возникновения всевозможных трудовых конфликтов, последствия которых могут негативно сказаться на функционировании предприятия. Особый интерес вызывает изучение трудовых конфликтов на предприятиях Петрограда-Ленинграда – крупного промышленного центра, где наиболее ярко проявлялись культурные особенности рабочих в период реформ начала 1920-х годов.

Организацией, которая регулировала деятельность предприятия и представляла интересы профсоюзов на местах, являлись фабрично-заводские комитеты. Официально основная их работа заключалась в поддержке и защите интересов рабочих, но на практике это выглядело иначе. Иногда рабочие не одобряли деятельность вновь избранных фабричных комитетов и требовали вернуть старый комитет. Основной причиной этого, по версии одного из информаторов, были грубость и нетактичность представителей завкомов. В частности, при возникновении разногласий нередко заводские комитеты поддерживали администрацию предприятия, что не нравилось рабочим и вызывало у них недоверие к фабрично-заводским комитетам [1; 2]. Негативными последствиями такого положения могли стать массовые конфликты, так как рабочие, не находя поддержки официальных организаций, пытались разрешить свои проблемы самостоятельно, нарушая при этом закон.

Нередко конфликты возникали из-за задержки в выплате заработной платы [3]. Основной причиной перебоев в выплате заработной платы была сложная экономическая ситуация, которая сложилась в Советской России в начале 1920-х годов. Для решения вопросов оплаты труда был принят декрет от 7 апреля 1921 г. «Об урегулировании оплаты труда рабочих», который давал право рабочим увеличить свою заработную плату, не учитывая процентное отношение суммы заработка к основной тарифной ставке. На местах

разрешалось вводить упрощенные системы оплаты труда, чтобы связь между увеличением производительности труда и заработной платы была более заметна для рабочих [4, с. 227]. На практике, рабочие не всегда были довольны деятельностью администрации предприятий. В частности, обвинялись в грубом обращении с рабочими директора заводов. На Невской ниточной первой фабрике следствием такого конфликта даже стали попытки рабочих избить директора [5].

Причины возникновения трудовых конфликтов можно проследить, например, учитывая информацию протокола открытого заседания правления Губпрофсовета с делегатами от рабочих фабрик и заводов от 22 февраля 1922 г. Важным является анализ разнообразных интерпретаций причин возникновения одних и тех же конфликтов каждой из конфликтующих сторон. Так, на Первой государственной фабрике причиной волынки послужил отказ рабочих выходить на очистку железнодорожных путей и разгрузку дров. Главной причиной их поведения, по словам рабочих, были опасения отправляться на далекие расстояния от Петрограда, чтобы без затруднений вернуться обратно. Для других - основной причиной было отсутствие физических сил выполнить дополнительную работу из-за голода. Некоторые объясняли свои действия опасением за свое здоровье и нежеланием работать на следующий день в мокрой обуви, так как они не могли иметь нескольких пар сапог. С другой стороны, представители правления Союза заявляли о нежелании рабочих подчиняться циркулярам, а значит о нарушении закона и отсутствии веских причин невыхода на работу [6]. Таким образом, можно сделать вывод, что нередко представители Правления Союза и рабочие подходили к проблеме с различных сторон. Союзные органы не всегда уделяли должного внимания проблемам, которые рабочие считали важными, что, безусловно, являлось причинами возникновения трудовых конфликтов.

Необходимо подчеркнуть, что не всегда виновными признавались рабочие. Осведомитель одного из предприятий Петрограда основную ответственность за произошедший конфликт возложил на мастера. Разногласия начались из-за того, что рабочие не хотели приступать к своей деятельности. Причиной этому была публикация сообщения о том, что заводы не будут работать четыре дня из-за перебоев в поставке топлива. Поведение рабочих могло иметь негативные для них последствия, так как предприятие продолжало функционировать, а рабочие не хотели приступать к своим обязанностям, поэтому были причиной его «простоя». Вина мастера состояла в том, что он не убедил остальных продолжить работать [7]. Можно предположить, что рабочие или не доверяли администрации завода, или просто данное сообщение являлось лишь поводом, чтобы не работать.

Важно отметить, что причинами конфликтов становился бюрократизм управляющих кадров. В частности, рабочие жаловались на невнимательное отношение к ним со стороны заведующих отделами. Кроме того, на предприятиях отмечались явные злоупотребления отдельных служащих, которые проявлялись в пьянстве, неисполнении своих должностных обязанностей, воровстве, драках. Главными аргументами рабочих в защиту

своих слов было утверждение о подрыве авторитета руководителей и появлении оснований для различных преступлений [8; 9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на предприятиях Петрограда-Ленинграда в первой половине 1920-х годов причинами трудовых конфликтов являлось не только сложное экономическое положение в сфере промышленности, но и отсутствие понимания друг друга со стороны рабочих и администрации предприятия. Часто последствием этого было возникновение трудовых конфликтов, которые негативно сказывались на функционировании предприятия. Рабочие нередко объясняли свои действия сложным материальным положением, расхождением между официальными распоряжениями, опубликованными в газете, и поведением руководства. Администрация предприятия, в свою очередь, не всегда могла согласиться с аргументами рабочих, считая их недостаточно объективными. Возможно, причиной этому были различные ценности, которые разделяли рабочие и администрация, различный уровень образования. Устранению подобных причин появления конфликтов, которые могли стать массовыми, способствовали пропаганда, обучение и организация досуга рабочих.

Список источников и литературы:

1. Расширенное заседание бюро коллектива РКП (б) совместно с активными работниками. 22 декабря 1921г. // ЦГАИПД СПб. – Ф. 457. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 46;
2. Информационная сводка № 18 Ленинградского губкома РКП (б) за февраль 1925 г. // ЦГАИПД СПб. – Ф. 457. – Д. 6043. – Л. 23.
3. Документы ЦГА Санкт-Петербурга о трудовых конфликтах в 1918–1928 гг. // Трудовые конфликты в советской России 1918–1929 гг. – М., 1998. С. 90–97.
4. История социалистической экономики СССР в 7-ми т. Т.2. Переход к НЭПу. Восстановление народного хозяйства СССР 1921–1925 гг. М.: Наука, 1976. – 479 с.
5. Заседание бюро коллектива РКП (б) Невской ниточной первой фабрики. 17 декабря 1921г. // ЦГАИПД СПб. – Ф. 457. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 44 об.
6. Протокол открытого заседания Правления Губпрофсовета совместно с делегатами от рабочих Первой государственной табачной фабрики. 22 февраля 1921г. // ЦГАИПД СПб. – Ф. 457. – Д. 42. – Оп. 1. – Л. 49.
7. Сообщение информационного осведомителя Петроградской губернской чрезвычайной комиссии Выборгского района в ЛГСПС. 31 января 1921 г. // ЦГА СПб. – Ф. 6276. – Оп. 6. – Д. 172. – Л. 23.
8. Заявление коллектива коммунистов отдела местного транспорта Петроградского губернского исполнительного комитета. 5 октября 1921 года. // ЦГАИПД СПб. – Ф. 457. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 92.
9. Донесение заведующего орготделом ЛК РКП (б) в Центральный райком РКП (б). 5 августа 1925 г. // ЦГАИПД СПб. – Ф. 16. – Оп. 6. – Д. 6117. – Л. 10.

І.І. Шаўчук (Брэст, Беларусь), Г.У. Карзенка (Мінск, Беларусь)
СПРОБА СТВАРЭННЯ ІНСТЫТУТА ЯЎРЭЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Імкенне Народнага камісарыята асветы Беларусі структурна аформіць нацыянальную яўрэйскую навуковую працу праяўляецца адначасова з інстытуалізацыяй навукі ў Беларусі з 1921 г. Як вядома, падмуркі навуковага комплексу рэспублікі сталі актыўна закладацца з пачатку гэтага года. Функцыі

арганізацыі навуковай дзейнасці першапачаткова належалі Навукова-літаратурнаму адзел Наркамата асветы, што праіснаваў з 7 лютага да канца 1921 г. У чэрвені 1921 г. адбылася рэарганізацыя НКА. Пры ім створаны Акадэмічны цэнтр (АЦ, Акадэміцэнтр), асновай якога стаў Навукова-літаратурны адзел [9, с. 54]. Сярод асноўных задач, пастаўленых перад Акадэміцэнтрам, было непасрэднае кіраўніцтва ўстановамі, якія займаюцца навуковай акадэмічнай работай (Акадэміі, НДУ, вучоныя таварыствы і г.д.) [7, арк. 4; 9, с. 54]. Пералічаныя захады ў той ці іншай ступені вядомыя навуковай грамадскасці. Мы жа больш падрабязна спынімся на тым аспекце, які не атрымаў належнай увагі ў айчыннай гістарыяграфіі.

У прыватнасці, гэта тычыцца спробы стварэння Інстытута яўрэйскай культуры. Беларуская гістарыяграфія на дадзеную праблему ўвагі не звяртала. Згадак пра яўрэйскі інстытут у ёй практычна няма. Толькі, П.Ц. Петрыкаў [9, с. 55] і ўслед за ім М.У. Токараў [11, с. 133] салідарна канспектыўна адзначылі, што асноўнай прычынай, якая не дазволіла рэалізаваць гэту ідэю (ІЯК – Аўт.) з’яўляўся недахоп матэрыяльных сродкаў. Але пры больш дэталёвым аналізе тагачаснай навукова-арганізацыйнай сітуацыі, іх думка выглядае досыць павярхоўнай. Абмяжоўваючыся дазволеным аб’ёмам дадзенай публікацыі, паспрабуем паказаць гэта, абапіраючыся, галоўным чынам на шырокім цытаванні аднаго з дакументаў Акадэміцэнтра НКА БССР.

Яшчэ ў лютым 1921 г., пры абмеркаванні пытання аб універсітэце на II сесіі ЦВК БССР НКА інфармаваў: “Ідучы насустрач развіццю культур мясцовых моў, мы пры БДУ адчыняем два інстытуты – беларускай і яўрэйскай культуры”. У красавіку 1921 г. III сесія ЦВК БССР пастанавіла: “... устанавіць пры ўніверсітэце Навукова-даследчы інстытут беларускай і яўрэйскай культуры” [3, с. 16; 10, с. 43]. Аднак, паводле ліпеньскага дэкрэту ўраду аб адкрыцці БДУ, апошні пачынаў сваю дзейнасць без Інстытута беларускай і яўрэйскай культуры.

У сваю чаргу, справаздача Акадэміцэнтра за 1921 г. сярод 19 інстытуцый фіксуе існаванне Яўрэйскага навукова-гістарычнага таварыства [6, арк. 40; 9, с. 54]. Пра тое ж у кастрычніку 1921 г. пісаў вучоны сакратар АЦ М.М. Гуткоўскі [1, с. 19]. Зафіксаванае гэтае таварыства, разам з Інстытутам беларускай культуры, і ў дзевяці пра дзейнасць устаноў АЦ ад 1 верасня 1921 г. [4, арк. 4 адв.]. Але яго няма ў штатах Акадэміцэнтра, зацверджаных 26 верасня 1921 г. Тут разам з Навукова-тэрміналагічнай камісіяй пад чацвёртым нумарам пазначаны агульны Інстытут беларускай і яўрэйскай культуры [8, арк. 2]. У згаданай кастрычніцкай публікацыі М.М. Гуткоўскага побач з Навукова-гістарычным яўрэйскім таварыствам прысутнічаюць ужо два асобныя Інстытуты беларускай і яўрэйскай культуры [1, с. 19]. Такім чынам, можа скласціся ўражанне, што савецкая ўлада падтрымала ініцыятыву яўрэйскай нацыянальнай меншасці Беларусі ў яе імкненні да стварэння ўласных навуковых арганізацыйных адзінак.

Пэўным чынам скарэктаваць дадзеную выснову дазваляе інфармацыя, прыведзеная ў запісцы намесніка кіраўніка Акадэміцэнтра С.М. Некрашэвіча Наркаму асветы У.М. Ігнатоўскаму, які адначасова, паводле пасады, з’яўляўся старшынёй АЦ. У ёй утрымліваецца адказ на абвінавачванне загадчыкам

яўрэйскага бюро* Франкфуртам кіраўніцтва АЦ у тым, што яно не лічыцца і ігнаруе пытанні яўрэйскага культурнага жыцця. С.М. Некрашэвіч у канцы снежня 1921 г. пісаў: “Ак. Центр принимает все возможные меры к созданию при Ак. Центре еврейского культурного ядра, и если оно ещё до сих пор не создано, то вина в этом почти исключительно падает на т. Франкфурта, как руководителя Евбюро и члена Коллегии Ак. Центра.

За весь шестимесячный период существования Ак. Центра от т. Франкфурта решительно не поступило ни одного конкретного предложения об еврейской культурно-научной работе при АЦ.

Эта культурно-научная работа могла проявляться в двух направлениях – в области создания Еврейского Академического Театра и Института еврейской культуры.

Первый вопрос осуществлён, только [не по] инициативе т. Франкфурта и Евтруппа при Актеатре существует. Что же касается второго вопроса – учреждения Института евкультуры, то к данному вопросу Евбюро отнеслось совершенно индифферентно, а между тем инициатива по организации этого учреждения, как специально-еврейского, может исходить только от Евбюро. Академическим Центром с своей стороны были представлены все возможности: 1) учреждена была специальная должность по разработке вопроса об Институте евкультуры; 2) в отношении от 31 октября с.г. за № 859 испрашивалось 30 пайков на названное учреждение.

Не могу не упомянуть о существовавшей до октября м-ца при Отделе охраны памятников старины еврейской комиссии по изучению древностей. При организации А.Ц. в октябре м-це было предложено всем подведомственным учреждениям представить доклады об их работе. В виду того, что представленный доклад Отд. охраны памятников старины был признан неудовлетворительным, этот Отдел был расформирован, а евр. комиссия по изучению древностей, не представившая никаких докладов о своей работе, была причислена к обществам, субсидируемым по мере их действительной работы. Приблизительно через полтора м-ца ко мне обратился т. Франкфурт с претензией, что Комиссия отнесена к обществам. Мною было указано, что это [решение] принято Вами и т. Каценбогином; однако, мною тут же было заявлено, что если т. Франкфурт находит, что комиссия действительно работала, а не только числилась на бумаге (в чём можно убедиться из того, что Комиссия только через 1½ месяца узнала о своём переименовании), то под его, Франкфурта ответственность, Ак. Центр может зачислить их на службу и найти таким образом способ компенсировать их труд. По видимому, т. Франкфурт в принципе был согласен с Ак. Центром, так [как] в виде компенсации за труды Комиссии предложил одного из бывших членов т. Рабиновича зачислить на паёк. В ответ на это отношение А.Ц. было указано, что паёк выдаётся только состоящим на службе, а потому предлагалось указать, на какую должность Евбюро предзначает т. Рабиновича, но ответа на это отношение не последовало” [6, арк. 28–30адв.].

---

* Цэнтральнае яўрэйскае бюро Наркамата асветы ССРБ [12, с. 44–45].

Аналізуючы працытаваны дакумент, мусім зазначыць, што на працягу амаль усяго 1921 г., дакладней – да кастрычніка месяца, пры разглядзе навукова-арганізацыйных пытанняў гутарка ідзе пра Інстытут (-ты) беларускай і яўрэйскай культуры. Падчас гэтага звяртаецца, зразумела, увага і на іх штатны склад. Напрыклад, паводле штатаў АЦ, зацверджаных 26 верасня 1921 г., прадугледжвалася заняць на сталай працы ў Інстытуце беларускай і яўрэйскай культуры чатырох чалавек: старшыня, сакратар і два члены па сумяшчэнні [8, арк. 2]. Адзін з варыянтаў каштарысу Акадэміцэнтра на 1922 г. вызначаў асабовы склад Інстытута еўкультуры ў пяць чалавек: загадчык, тры навуковых супрацоўніка і адзін сакратар (для ІБК – 27 работнікаў) [6, арк. 41 адв.]. Што тычыцца кастрычніцкага запыту С.М. Некрашэвіча пра штат ІЯК, згаданага ім у запісцы, то выяўлены намі дакумент некалькі ўдакладняе яго пазіцыю. Па-першае, датаваны ён 30, а не 31 кастрычнікам. Па-другое, адрозніваецца і колькасць асоб: “<...> Інстытут беларускай культуры і Інстытут яўрэйскай культуры, для кожнага з якіх патрабуецца па 30 акадэмічных, па 5 адказных і 3 ударных пайка” [5, арк. 45]. Такім чынам, для кожнай з устаноў прадугледжваўся штат у 38 чалавек. Хаця можна дапусціць, што праз дзень была напісаная яшчэ адна запіска, якая ўдакладняла папярэдняю.

Вынікае, Наркамат асветы Беларусі ў асобах У.М. Ігнатоўскага, С.М. Некрашэвіча, М.М. Гуткоўскага, У.В. Чаржынскага і іншых беларусаў намагаўся стварыць умовы для асобнай структураванай нацыянальнай яўрэйскай навуковай дзейнасці. Але “разумення” з іх боку не знайшоў. Яўрэі не захацелі скарыстоўваць прадстаўленыя магчымасці. Сведчаннем гэтага служыць і колькасны склад створанай нарэшце ў пачатку 1922 г. яўрэйскай гістарычнай камісіі – адзін чалавек. Дарэчы, у самім Інстытуце беларускай культуры да 1925 г. стабільна прысутнічае толькі адзін яўрэй – Змітрок Бядуля.

Можа быць, індыферэнтнае стаўленне да рэалізацыі ідэі ІЯК абумоўлівалася тым, што адчыняўся ўніверсітэт, праз які, відаць, кіраўнікі яўбюро НКА і імкнуліся наладзіць і актывізаваць яўрэйскую вышэйшую адукацыю і навукова-даследчую работу. Універсітэт быў старой і добра вядомай формай, гарантавана аплачанай у той час, як установы кшталту ІБК і ІЯК, – новымі і невядомымі, з няпэўнай будучыняй. Асабліва, калі ўлічыць, што першапачаткова меркавалася прысутнасць ў іх працы многіх рысаў грамадскіх арганізацый. Відавочна у такім статусе ІЯК уяўляўся яўрэйскай грамадскасці менш прывабным.

На нашу думку, такога кшталту арганізацыйныя мерапрыемствы, калі пакінуць па-за полем зроку палітыку, ды і каляпалітычныя пытанні, не былі патрэбныя для даследавання гісторыі і культуры яўрэяў (8,2% у складзе насельніцтва), палякаў (2%), латышоў (0,3%), літоўцаў (0,1%), маючы на ўвазе ўласна навуковыя ды і фінансавыя інтарэсы. Як згадвалася, з пачатку 1922 г. існавала яўрэйская гістарычная камісія, колькасны склад якой не мяняўся да 1925 г. – адзін чалавек**. Яна не пакінула ніводнага следу навуковай дзейнасці

** У сакавіку 1922 г. НКА БССР у хадаініцтве перад АЦ НКА РСФСР пра натуральнае забеспячэнне інфарме пра двух членаў яўрэйскай гістарычнай камісіі. Тамсама прыведзеная і колькасць штатных супрацоўнікаў ІБК – 54 чалавекі. Дакумент апублікаваны ў зборніку “Інстытут беларускай культуры. 1922–1928” [2, с. 29–30]. Інфармацыя, прыведзеная ў ім не

больш чым за тры гады. Відаць, меў усё-такі рацыю С.М. Некрашэвіч – справа заключалася выключна ў пайку, якім і задаволілі яўрэйскую навуковую грамадскасць.

Праўда, адзін такі напамін, але ён тычыцца “першай” яўрэйскай камісіі, выяўлены. У канцы ліпеня 1921 г. яўрэйскае бюро звярнулася з заявай у Навукова-літаратурную секцыю НКА з просьбай камандзіраваць двух – трох спецыялістаў дзеля супольнай працы ў “камісіі па распрацоўцы матэрыялаў жыцця жыдоў у Беларусі”. На задавальненне яе хадайніцтва выдзелены З.Бядуля, Я.Дыла, У.Чаржынскі [7, арк. 21 адв.]. Далейшыя падзеі паказалі, што такое “камандзіраванне”, калі яно і адбылося, ніякага плёну не мела. У дадзеным выпадку звяртае на сябе ўвагу погляд на арганізацыю яўрэйскай НДР, калі неабходна было некага “камандзіраваць”, верагодна, дзеля таго, каб стварыць беларускі кантэкст нацыянальна абмежаваным пошукам, адмежаваным ад агульнага гістарычнага працэсу і апраўдаць факт існавання самой камісіі, а значыць і пайка.

Вывучэнне наяўных дакументаў дазваляе меркаваць, што ініцыятарамі самастойнай яўрэйскай навукова-даследчай працы выступіла не яўрэі, а беларусы. Прычыну гэтага мы бачым у імкненні пабудаваць нацыянальную рэспубліку ў савецкай форме, завяршыць працэс нацыятварэння. Адсюль, відавочна, планавалася вывесці найбольш моцных канкурэнтаў па-за беларускі кантэкст у галіне культурнага і навуковага будаўніцтва, пакуль не былі прынятыя рашэнні па ажыццяўленню новай нацыянальнай палітыкі на XII з’ездзе РКП(б).

Літаратура і крыніцы:

1. Г-ский, Н. Академический центр Наркомпроса ССРБ / Н. Г-ский // Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ. – 1921. – № 2. – С. 18–20.
2. Інстытут беларускай культуры. 1922–1928 : дакументы і матэрыялы / В.У. Скалабан, М.У. токараў. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 257 с.
3. Каранеўскі, І. Інстытут беларускай культуры (Інбелкульт) / І. Каранеўскі // Наш край. – 1927. – № 10. – С. 16–20.
4. НАРБ. – Ф. 42. – Воп. 1. – Спр. 100. Приказы и отчёты о работе Наркомпроса БССР и подведомственных ему учреждений. 19 сентября 1921 г. – 29 ноября 1922 г.
5. НАРБ. – Ф. 42. – Воп. 1. – Спр. 513. Цирюляры НК РКИ, НКВД БССР и приказы Наркомпроса БССР. 13 июля – 28 декабря 1921 г.
6. НАРБ. – Ф. 42. – Воп. 1. – Спр. 519. Отчёт о работе за 1921 г., смета расходов на 1922 г. и штатное расписание академического центра БССР, отчёты о работе научно-литературного отдела Наркомпроса БССР, Белорусского государственного академического театра и оперно-драматической студии в гор. Москве. 31 августа 1921 г. – 12 января 1922 г.
7. НАРБ. – Ф.42. – Воп. 1. – Спр. 516. Протоколы заседаний коллегии научно-литературной коллегии Наркомпроса БССР и доклад о работе научной секции академического центра БССР. 17 декабря 1921 г. – 30 декабря 1922 г.
8. НАРБ. – Ф. 306. – Воп. 1. – Спр. 9. Штаты Академического центра, утверждённые в заседании штатной комиссии при НаркомтрудБеле. 26 сентября – октябрь 1921 г.

пацвярджаецца ніводным іншым архіўным дакументам, выяўленым на сённяшні дзень. Наадварот, усе вядомыя архіўныя матэрыялы абвяргаюць гэтую канстатацыю. У дадзеным выпадку мы маем справу з меркаванымі (запланаванымі) лічбамі, што ў рэчаіснасці былі значна ніжэйшымі. Зазначаныя акалічнасці не атрымалі навуковага каментару ўкладальнікаў.

9. Петрыкаў, П.Ц. Інстытуту беларускай культуры – 70 гадоў / П.Ц. Петрыкаў // Весці АН РБ. – Сер. гуманітар. навук. – 1992. – № 5–6. – С. 52–70.
10. Пічэта, У.І. Савецкая ўлада і пытаньне аб адчыненні унівэрсытэту на Беларусі / У.І. Пічэта // Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – С. 36–48.
11. Токараў, М. Вывучэнне культуры і гісторыі яўрэеў у Беларускай акадэміі навук / М. Токараў // Беларусіка=Albaruthenica. – Мінск, 1995. – Кн. 4. – С. 133–136.
12. Центральное Еврейское Бюро // Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ. – 1921. – № 1. – С. 44–45.

М.К. Альховік (Мінск, Беларусь)

ФАКТАР БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫМ ЖЫЦЦІ БССР У 1933–1939 ГГ.

У міжваенны перыяд моўны фактар займаў значнае месца ў грамадска-палітычным і культурным жыцці БССР. У канцы 1920-х – першай трэці 1930-х гг., нягледзячы на вострую палітыка-ідэалагічную барацьбу, статус беларускай мовы заставаўся высокім, а палітыка беларусізацыі па-ранейшаму лічылася дзяржаўнай палітыкай. 25 лютага 1933 г. «Правда» апублікавала пісьмо настаўніка фізікі і матэматыкі ў школе-сямігодцы ў г. Бобр Крупскага раёна Г.П. Сцяпуры, у якім ён паведаміў аб фактах цікавання яго за напісанне запіскі ў сельсавет на рускай мове і карыстанне ёй у прыватным жыцці. У пастанове ЦК УКП(б) ад 2 сакавіка 1933 г. «Па пытанні аб правядзенні нацыянальнай палітыкі УКП(б) у Беларусі» ўказвалася на недапушчальнасць як забароны выкарыстання рускай мовы ў зносінах дзяржаўных або іншых органаў Беларусі, так і праследаванняў за ўжыванне яе ў быце. Беларускія партыйныя і савецкія арганізацыі заняліся пошукам выпадкаў прымусявага выкарыстання беларускай мовы. Адначасова знікла пагроза адміністрацыйных мер уздзеяння ці публічнага асуджэння адказных работнікаў і кіраўнікоў за няведанне і неўжыванне беларускай мовы на працы. 11 ліпеня 1933 г. ЦКК РСІ БССР зняў абвінавачванні з прафесара хіміі М. Прыляжаева ў вялікадзяржаўным шавінізме (у 1929 г. ён адмовіўся ад беларусізацыі) [14, арк. 346]. Адмоўную рэакцыю партыйна-савецкіх органаў выклікалі толькі асобы, якія адкрыта выказваліся супраць беларускай мовы, адмаўлялі існаванне беларускай нацыі.

Увага партыйна-дзяржаўных органаў, грамадскіх арганізацый да пытанняў функцыянавання і развіцця беларускай мовы паступова змяншалася. Выцясненне беларускай мовы з грамадска-палітычнага жыцця, з дзейнасці розных устаноў і арганізацый неаднаразова абмяркоўвалася на старонках рэспубліканскага друку, падчас партыйных пленумаў і з’ездаў. Пра спыненне выкарыстання беларускай мовы пісала і газета “Правда”. Сакратар ЦК КП(б)Б Д.І. Валковіч, выступаючы на Пленуме ЦК КП(б)Б ад 6 – 7 красавіка 1935 г., адзначаў, што «многія таварышы, што ведаюць беларускую мову, усё ж, на ўсіх нашых, асабліва вялікіх сходах, якія транслююцца па радыё, на з’ездах і г.д., выступаюць на рускай мове”. Пленум ухваліў рэзалюцыю «Аб беларусізацыі марксісцка-ленінскага выхавання», якая прадугледжвала вяртанне беларускай

мовы ў дзейнасць партыйных органаў, выкладанне на ёй у сетцы партыйнай асветы і інш. [11, арк. 43–44]. У нацыянальных часцях Чырвонай Арміі аднавілася лінія на беларусізацыю і каранізацыю.

30 студзеня 1937 г. на пленуме ЦК КП(б)Б М. Гікала прызнаў, што існуе «недаацэнка неабходнасці сапраўднай і карпатлівай работы над вывучэннем мовы, над веданнем гэтай мовы... І вы, таварышы, будзеце, трэба прама сказаць, садзейнічаць вось такога кшталту разважанням, калі не будзеце ведаць мовы... Вядома, у нас з пытаннем мовы вельмі складаная справа, зусім зразумела, што трэба ў дзяржаўнае рэчышча яе накіраваць». У пачатку 1937 г. беларуская мова актыўна папулярывалася падчас агітацыйна-прапагандысцкай кампаніі, звязанай з перапісам насельніцтва і накіраванай на пашырэнне нацыянальнай самасвядомасці беларускага насельніцтва [20, с. 3].

19 лютага 1937 г. была прынята новая Канстытуцыя БССР, 86 артыкул якой абвяшчаў, што «судаводства ў БССР вядзецца на беларускай мове з забеспячэннем для асоб, якія не ўладаюць гэтай мовай, поўнага азнаямлення з матэрыяламі справы праз перакладчыка, а таксама права выступаць на судзе на роднай мове» [13, арк. 180]. Аднак у тэксце Канстытуцыі адсутнічаў артыкул пра беларускую мову як пераважную ў зносінах дзяржаўных устаноў і грамадскіх арганізацый, які меўся ў Канстытуцыі 1927 г. 10–19 чэрвеня 1937 г. у Мінску адбыўся XVI з’езд КП(б)Б, на якім першы сакратар ЦК КП(б)Б В.Ф. Шаранговіч і дэлегат з г. Оршы Хаўкін канстатавалі сабатаж партыйна-савецкімі і культурнымі работнікамі пастаноў па вывучэнні беларускай мовы. Пасля з’езда кіруючая ўлада ад публічнага абмеркавання становішча беларускай мовы ўхілялася, абмежаваўшыся згадкай у перыядычным друку фактаў, што сведчылі пра яе дыскрымінацыю ў дарэвалюцыйны час.

XVII з’езд КП(б)Б (праходзіў 10–18.06.1938 г.) звязаў пытанні далейшага развіцця беларускай мовы выключна з «ліквідацыяй наступстваў шкодніцтва ў галіне літаратурнай мовы» [17, с. 2]. Абмеркаванне беларускага правапісу і лексікі пачалося ў красавіку 1938 г. У ім удзельнічалі прадстаўнікі беларускай інтэлігенцыі, мовазнаўцы, настаўнікі, студэнты, партыйна-савецкія работнікі, вайскоўцы, рабочыя. Правапіс 1933 г., які набліжаў беларускую мову да рускай, быў абвешчаны шкодніцкім і нацыяналістычным. З’явіліся новыя праекты і прапановы. Частка ўдзельнікаў дыскусіі выказалася супраць ліквідацыі галоўных асаблівасцей беларускай мовы, частка – за знішчэнне «бар’ераў», «штучных перагародак, уведзеных ворагамі народа, паміж беларускай і рускай мовамі». Так, работнік АН БССР К.Гурскі сцвярджаў, што аканне псуе пісьменнасць вучняў па рускай мове, перашкаджае вывучэнню апошняй. На адрас сакратара ЦК КП(б)Б П.К.Панамарэнкі былі высланы спісы слоў з руска-беларускага слоўніка 1937 г., якія не былі падобныя на адпаведнікі ў рускай мове [7, арк. 41–43]. Ад іх выкарыстання прапаноўвалася адмовіцца з палітычных прычын. 23–24.01.1939 г. Рэспубліканская нарада работнікаў народнай асветы звярнулася да настаўнікаў з заклікам праявіць «максімум ініцыятывы і рашучай барацьбы па ачышчэнні беларускай мовы ад архаізмаў, анахранізмаў, паланізмаў» [16, с. 3]. У духу падобных прапаноў у 1939 г. спецыяльнай Камісіяй Інстытутам літаратуры і мовы АН БССР і НКА БССР быў падрыхтаваны новы правапіс.

26.06.1938 г. старшыня ССП БССР М.Лынькоў накіраваў на адрас першага сакратара ЦК КП(б)Б П.К.Панамарэнкі "Кароткую даведку фактаў аб шкодніцкай рабоце ворагаў у галіне літаратуры і мовы", дзе абвінаваціў рэпрэсаваных партыйна-савецкіх дзеячаў (В.Г.Кнорына, Я.Б.Гамарніка, І.В.Васілевіча, М.Ф.Гікалу, В.Ф.Шаранговіча, Я.А.Якаўлева і г.д.) у русіфікацыі беларускай мовы, знішчэнні беларускай культуры і дэнацыяналізацыі тытульнага насельніцтва [7, арк. 2–7]. Аднак першы сакратар не прыслухаўся да высноў кіраўніка беларускай пісьменніцкай арганізацыі. 21.11.1938 г. П.К. Панамарэнка накіраваў на імя сакратара ЦК УКП(б) І.В. Сталіна запіску «Аб беларускай мове, літаратуры і пісьменніках», дзе пацвердзіў курс рэспубліканскіх улад на далейшае выцясненне беларускай мовы са сферы адукацыі і друку [5, арк. 18–29].

У другой палове 1938 г. усе цэнтральныя, а таксама абсалютная большасць мясцовых партыйна-савецкіх устаноў, грамадскіх арганізацый працавалі на рускай мове. У перыядычным друку пашырэнне рускай мовы ў БССР тлумачылася тым, што руская мова стала другой роднай для працоўных усіх нацыянальнасцей. Дзяржаўныя чыноўнікі адносіліся да беларускай мовы як да дапаможнай. У 1938 г. наркам асветы У.І. Півавараў падчас выступлення ў Мінскім педагагічным інстытуце адзначыў, што “руская мова – гэта асноўная дзяржаўная мова, беларуская і яўрэйская – гэта другарадныя, яўрэйскай мове навучаюць у Бірабіджане і хто хоча вывучаць яўрэйскую мову, няхай той едзе ў Бірабіджан” [6, арк. 250]. Усе работнікі былі вызвалены ад неабходнасці ведаць беларускую мову. На IV Пленуме ЦК КП(б)Б (25–27 студзеня 1939 г.) П.К. Панамарэнка адзначыў, што сакратар віцебскага абкама КП(б)Б Стулаў для рэцэнзавання артыкулаў у абласной прэсе павінен выкарыстоўваць паслугі перакладчыка з беларускай мовы на рускую [3, арк. 369]. Калі ў 1931 г. Віцебскі ГК КП(б)Б аб’явіў партыйнаму работніку С.М. Недліну вымову за няведанне беларускай мовы, то 28 сакавіка 1939 г. Бюро ЦК КП(б)Б зняло гэтую вымову, як аб’яўленую «контррэвалюцыйнымі нацыяналістычнымі элементамі» і зрабіла заўвагу Віцебскаму РК КП(б)Б за ўнясенне вымовы ў новыя партыйныя дакументы ў 1939 г. [9, арк. 52 зв.]

У канцы 1930-х гг. ЦК КП(б)Б і НКУС БССР расцанілі нацыянальную палітыку 1920–1937 гг. як перыяд “прапаганды нацдэмаўскіх ідэй, правядзення гвалтоўным чынам беларусізацыі”. На іх думку, “руская мова ў літаральным сэнсе гэтага слова была забаронена, забаранялася гаварыць і пісаць на рускай мове. Найменшае супраціўленне гэтаму караналася і работнікі выганяліся...”. Удзельнікі “аб’яднанага антысавецкага падполля” былі абвінавачаны ў тым, што яны засмечвалі беларускую мову польскімі словамі, імкнуліся “ліквідаваць рускія школы для дзяцей рускага працоўнага насельніцтва Беларусі”, “выгнаць рускую мову са школы” і г.д. 9.10.1938 г. бюро ЦК КП(б)Б пацвердзіла рашэнне Кагановіцкага РК КП(б)Б і ЦК КП(б)Б аб выключэнні з радыў Кампартыі І.М. Мазура, работніка НКА БССР з 1926 па 1931 г., сярод іншага, за ігнараванне рускай мовы ў сферы адукацыі [4, арк. 21–21зв.]

У 1933 г. быў узяты кірунак на павелічэнне прысутнасці рускай літаратуры на кніжным рынку БССР. Напрыклад, калі ў 1933 г. кніжная беларускамоўная друкаваная прадукцыя ў СССР складала 1102 друк. адз., то ў

1939 г. – 392. 19 кастрычніка 1936 г. Бюро ЦК КП(б)Б прыняло пастанову “Аб рабоце Белдзяржвыдата”, у якой былыя яго работнікі Браўковіч і Іванькоўскі былі абвінавачаны ў “антыдзяржаўнай рабоце”, якая палягала ў “ігнараванні выпуску літаратуры на рускай мове” і выданні беларускіх кніг вялікімі тыражамі [15, арк. 41, 42].

Выцясненне беларускай мовы з грамадска-палітычнага жыцця негатыўна паўплывала на сферу адукацыі і асветы. Аб’яднаны пленум ЦК і ЦКК КП(б)Б ад 22–23 снежня 1933 г. аб’явіў аб тым, што роднай мовай дзіцяці лічыцца побытавая мова яго сям’і. Партыйна-савецкія органы пачалі барацьбу за камплектаванне класаў паводле жадання бацькоў і дзяцей. Ужо ў 1934 г. частка беларускіх бацькоў, прымаючы пад увагу палітычную кан’юнктуру, накіравалі сваіх дзяцей у рускія школы. У другой палове 1938 г. фактычна спынілася адкрыццё новых беларускіх школ і пачалася павольная рэарганізацыя беларускіх школ у рускія. Калі ў 1938/1939 навучальным годзе ў БССР на беларускай мове функцыянавала 96,75% школ, то ў наступным годзе гэты паказчык знізіўся да 94,33%. За першыя дзевяць месяцаў 1939 г. доля навучэнцаў, якія вучыліся ў беларускіх школах, зменшылася з 93,4% да 88%. Папярэднія дадзеныя па прыёме дзяцей у першыя класы на 1939/40 навучальны год сведчылі пра “масавы наплыў у рускія школы” ў Мінску, Віцебску, Гомелі і цэлым шэрагу гарадоў і райцэнтраў [8, арк.168]. У 1933–1938 гг. на рускую мову былі пераведзены ўсе ўстановы вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійна-тэхнічнай адукацыі. Так, у 1934 г. ад чытання лекцый па-беларуску адмовіўся практычна ўвесь прафесарскі склад Горацкага сельскагаспадарчага інстытута. З палітычных прычын ад вывучэння беларускай мовы адмовіліся і некаторыя студэнцкія групы: “каб вас не звалі нацдэмамі, не вывучайце беларускай мовы” [10, арк. 113–115].

Выкладанне было пераведзена на рускую мову ў многіх фармальна беларускіх школах. Так, 19 чэрвеня 1935 г. рэдакцыя газеты «Рабочий» накіравала ў ЦК КП(б)Б заяву аб парушэннях у камуністычным выхаванні падрастаючага пакалення ў агульнаадукацыйных установах. У прыватнасці, у ёй адзначалася, што “ў некаторых гарадскіх беларускіх школах [Віцебска] ігнаруецца беларуская мова. Вучні на ўроках і выкладчыкі ўвесь час размаўляюць на рускай мове... Партыйная, прафсаюзная арганізацыі і ГарАНА гэтым пытаннем не цікавяцца” [12, арк. 85.]. У многія беларускія школы дастаўлялася вучэбная і метадычная літаратура на рускай мове. Начальнік ТУ аддзела УДБ НКУС БССР капітан дзяржбяспекі Урачаў канстатаваў у 1937 г., што узнікла «нездаровая тэндэнцыя з боку настаўнікаў беларускай мовы (асабліва на перыферыі) пакідаць сваю спецыяльнасць і пераключацца на работу на рускай мове». [2, арк. 8]. У 1937–1938 гг. рэспубліканскія газеты атрымалі паведамленні аб спыненні выкладання беларускай мовы і літаратуры ў некаторых рускіх школах.

Негатыўныя працэсы ў нацыянальнай сферы ўспрымаліся часткай грамадства як праследаванне паводле нацыянальнай прыкметы. 17 студзеня 1935 г. падчас заняткаў па рускай мове на вячэрнім рабфаку у г. Полацку студэнт-камсамалец Козік заявіў аб тым, што “нас, беларусоў, прымушаюць забываць сваю родную мову, не даюць мажлівасці развіваць сваю культуру, прымушаюць

русскую мову вивучаць” [19, с. 2]. У 1938 г. Я. Колас у размове з партаргам АН БССР “раптам пачаў скардзіцца на тое, што быццам усе забылі пра беларусізацыю, што ён, Колас, не чуе нідзе жывога беларускага слова, усе гавораць па-руску, у Акадэміі навук і нават сярод беларускіх пісьменнікаў”. [1, арк. 1]. Падчас перапісу 1939 г. толькі 45,7 % прадстаўнікоў тытульнага этнаса, які пражываў у гарадах БССР, назвалі роднай мовай беларускую [18, с. 147].

Такім чынам, у 1933–1939 гг. адбылося значнае пагаршэнне становішча беларускай мовы ў грамадстве. Яна была выцеснена з усіх дзяржаўных устаноў і грамадскіх арганізацый. Пры гэтым да канца 1937 г. партыйна-савецкія органы яшчэ спрабавалі спыніць дадзеную тэндэнцыю. З 1938 г. дзяржаўныя чыноўнікі былі вызвалены ад абавязкаў ужываць і нават валодаць беларускай мовай, якая лічылася другараднай у параўнанні з рускай. Становішча беларускай мовы ў БССР не з’яўлялася прадметам шырокага абмеркавання. Палітыка беларусізацыі была фактычна асуджана як контррэвалюцыйная дзейнасць, накіраваная супраць рускай мовы і рускага народа. Частка жыхароў БССР успрыняла негатыўныя працэсы ў нацыянальнай сферы як імкненне знішчыць беларускую мову і асіміляваць беларускае насельніцтва.

Літаратура:

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 11638.
2. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 12055.
3. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 12309.
4. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 12471.
5. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 13201.
6. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 13225.
7. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 13246.
8. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 13267.
9. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 13400.
10. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 7184.
11. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 7732.
12. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 7741.
13. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 9162.
14. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 9164.
15. НАРБ. – Фонд 4П. – Вопіс 1. – Справа 9172.
16. Обращение актива Наркомпроса БССР ко всем учителям, работникам народного образования Белорусской ССР // Советская Белоруссия. – 1939. – 29 янв. – С. 3.
17. Резолюция XVII съезда КП(б)Б по отчету Центрального комитета КП(б)Белоруссии // Советская Белоруссия. – 1938. – 17 июня. – С. 2.
18. Старовойтов, М. И. Русские белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е гг.: социокультурный аспект // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы: сборник научных трудов / ред.: С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянов. – Брянск: Брянский гос. ун-т им. И.Г. Петровского, 2009. – С. 144–149.
19. У Полацку скажаюць ленінскую нацпалітыку // Звязда. – 1936. – 2 лютага. – С. 2.
20. Што адкажа Юрый Максімаў на пытанні перапіснага ліста // Звязда. – 1937. – 6 студз. – С. 3.

А.П. Костеров (Могилев, Беларусь)
**КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МОГИЛЕВА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

К концу 1930-х годов культурная жизнь областного центра характеризовалась многообразием, пестрой палитрой. Функционировали драмтеатр, музыкальные школа и училище, дворец пионеров, дом детского и юношеского творчества, клубы при крупных предприятиях и учреждениях, 2 кинотеатра, областной музей и его филиал, свыше 10 библиотек[3, с. 191]. Вместе с работниками культуры старших поколений, творчески трудились молодые талантливые кадры. Развивалась национальная культура, в первую очередь еврейского населения, которое в общем составе горожан составляло почти 20%. Репрессии замедлили тенденцию расцвета белорусских культурных традиций, однако в условиях социалистического реализма она сохраняла и приумножала достижения отечественных носителей культурных ценностей. По отношению к языковой политике ЦК КПБ (б) в начале 1940 г. обязал партийное руководство на местах провести совещания руководителей учебных заведений по вопросу преодоления нарушений в вузах, техникумах и школах БССР[1, л. 121]. Не без влияния культурных достижений к началу войны была преодолена неграмотность населения. Однако культурная жизнь была подвержена сильной идеологической политике. Многие могилевчане в условиях жесткого трудового ритма, низкого материального достатка не имели времени приобщаться к лучшим достижениям культуры. Рост населения Могилева за счет села усиливал маргинальность общества. С утерей сельских черт культурных традиций «новые горожане» медленно обогащались в духовном плане. Молодежь, привлеченная по набору на учебу и стройки, зачастую в духовной жизни отличалась безнравственностью, пошлым поведением. В ходе репрессий деятелей культуры исчезали из употребления и их произведения. Например, в феврале 1941 г. в библиотеки города был доведен циркуляр об изъятии по политическим мотивом 171 наименования книг и брошюр.

В культурной жизни могилевчан особое место занимала литература, особенно лирика, которая была наполнена духом великого коммунистического задора, духом близкой войны. Короткое действие ритмической фразы дышало романтикой сражений, подвига, жертвенности ради великой цели. Популярными поэтами являлись П. Коган, М. Кульчицкий, Б. Ласкин, К. Симонов, Н. Тихонов. С. Михалков так воспевал сталинское величие: «Спит Москва. В ночной столице в этот поздний звездный час только Сталину не спится, Сталин думает о нас». Его стихами пионеры заключали здравицы на крупных официальных, юбилейных мероприятиях. Пафосную лирику тех лет можно цитировать бесконечно. М. Кульчицкий: «Наперевес с железом сизым, и я на проволоку пойду, и коммунизм опять так близок как в 19-м году». П. Коган: «Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя». Б. Ласкин: «Пусть знает враг итог борьбы великой. Народ-герой никем не победим! Мы смерть несем фашистской банде дикой, мы от фашизма мир освободим!» Поэт Копштейн взывал: «И если я вернусь целым, когда переживу 20-ый бой, я хорошенько высплюсь первым делом, потом опять пойду

на фронт - любой». В Могилеве действовало объединение молодых литераторов «Приднепровье» в составе преподавателей и студентов педагогического института, учителей. В их числе были Н. Горулев И. Гуторов, Э. Волосевич, П. Шестериков, которые проводили просветительскую работу, организовывали творческие встречи с населением, читали стихи. Н. Горулев к юбилею И. Сталина 21.12.1939 г. поместил в газете «Камунар Магілеушчыны» такие строки: «И хоть на свете я и мало прожил, но мысль одну узнал людских сердец. Всего на свете нам дороже любимый Сталин - нежный наш отец». Э. Волосевич славил жизнь лирически по случаю 1-го мая: «Сегодня одет я в самое лучшее, иду в строю и пою от души. И город, и солнце жгучее как-то особенно хороши » [4, с. 1].

В ногу со временем маршировала военно-патриотическая проза. В школьные программы по литературе, в минимум прочтения для призывников в армию обязательными были произведения А. Гайдара, Б. Лавренева, В. Иванова, Д. Фурманова. Бестселлером стала повесть Н. Шпанова «Первый удар», с воодушевлением читали романы В.Каверина «Два капитана», Г.Адамова «Тайна двух океанов», фантастику А. Беляева. Из белорусской прозы популярны были повести Я. Мавра, М. Лынькова. Официальная идеология литературе, как и другим жанрам культуры и искусства ставила задачу: массовое сознание важно избавить от пошлого пацифизма, а советский человек должен быть готовым к справедливой революционной войне. Газета «Камунар Магілеушчыны» 15 апреля 1941г. посветила газетную полосу В. Маяковскому, который официально был объявлен лучшим поэтом советской эпохи. Была объявлена подписка на его сочинения в 12 томах. Считалось преступлением безразличное отношение к его памяти и творчеству. С. Есенин не вписывался в официальную советскую поэзию. Весной 1941г. к 100-летию смерти М. Лермонтова был объявлен всесоюзный конкурс на лучшие произведения, посвященные писателю. В школах учащихся обязали учить на выбор его стихи и поэмы. Накануне войны была объявлена подписка на 4-е издание собрания сочинений В.И.Ленина в 40 томах. При плане ее реализации по Могилеву в 500 комплектов была оформлена подписка 428 подписчикам, к началу войны они получили 2 тома сочинений вождя[2, л. 83–84; 5, с. 1].

По утверждению современников тех лет книги и кино воспитывали их больше, чем семья. Хороший фильм формировал сознание юношей и девушек как жить, бороться, пробиться к своему таланту. Культовым стал фильм «Светлый путь», в котором героиня представлена идеалом немислимой красоты и силы, из простой ткачихи становится передовиком производства. В финале фильма выпуска 1941г. «Валерий Чкалов» дан диалог И. Сталина и знаменитого летчика о смысле жизни и смерти ради светлого будущего. Накануне войны в прокат был возвращен фильм «Александр Невский». Периодически проводились недели военного кино. Новые фильмы шли неделями в кинотеатрах города, областная газета печатала анонсы и афиши, а после демонстрации рецензии и отзывы зрителей. По подсчетам автора из информации газеты в первой половине 1941г. в Могилеве состоялся показ 26 фильмов выпуска 1940-1941г. Областная газета 21 мая 1941г. сообщала: «С 26 мая в кинотеатре «Чырвоная зорка» будет демонстрироваться новый фильм «Юность командиров». В главных ролях

артисты Н. Свердлин и Т. Казанская. За 40 минут до начала сеанса в помещении кинотеатра играет джаз-оркестр». В последние дни перед войной начался показ нового фильма «Фронтовые подруги» по сценарию С. Михалкова о девушках-добровольцах, которые ушли медсестрами на советско-финляндскую войну. Тематика новых фильмов была разнообразная: историческая, революционная, военно-патриотическая, снималась немало кинокомедий и приключенческих лент. Среди них: «Суворов», «Минин и Пожарский», «Яков Свердлов», «Ветер с востока», «Девушка с характером», «Парень из тайги», «Дети капитана Гранта», «Волга- Волга». Предпочтение отдавалось фильмам на военные темы: «Если завтра война», «Истребители», «Трактористы», «5-й океан», «Глубокий рейд». Главной их идеей было то, что в духовном плане враг не превзойдет советского человека, а если войну неприятель навяжет, он будет разбит на чужой территории. Кумирами молодежи были популярные артисты Н. Крючков, М. Бернес, В. Серова, В. Орлова, М. Ладынина и др. Они исполняли и новые песни в кино. Многие фразы из фильмов становились ходовыми в обиходе. В фильме «Вратарь» герой утверждал: « При всякой неудаче давать умеете сдачи, иначе вам удачи не видать». Кстати, в последний день перед войной в Могилеве шел американский музыкальный фильм «Песнь о любви».

Советская песня в предвоенный период превратилась в массовую, ярко выразительную мелодию. В эстрадной музыке преобладала военно-патриотическая тематика. Очень популярны были культовые песни из фильма «Истребители» – «В далекий край товарищ улетает» в исполнении М. Бернеса, в фильме «Трактористы» – «Три танкиста» в исполнении Н. Крючкова. В. Серова исполнила песню «Если я ушла из дома» в кинофильме «Девушка с характером». Ленинградский военный оркестр исполнял песню «Принимай нас, Суоми - красавица». Популярностью пользовались революционные песни и марши «Дан приказ ему на запад», «Каховка», «Катюша», « По долинам и по взгорьям», «Песня о встречном», «Спят курганы темные». Школьники наизусть знали массу песен и пели их на вечерах в школе. Например, после многих песен о К. Ворошилове появилась песня 1941г. о новом наркоме обороны С. Тимошенко «По-над Збручем» со словами: «Мы идем вперед с боями, и куда не погляди, Тимошенко вместе с нами, Тимошенко впереди». Юноши любили петь песни: «Дальневосточная-опора прочная» и «Если завтра война». Песенный жанр был популярен среди военных, которых было перед войной в городе предостаточно. В праздники для горожан музыку играл духовой оркестр.

Могилев выделялся наличием талантливых коллективов музыкальной школы и училища (директор Л.М. Зисьман). В коллективе трудились профессионалы Ю. Дрейзин, Л. Юшкевич, А. Басов, Р. Шапиро. Преподаватели и студенты выступали с многочисленными концертами в Могилеве и области. В квартирах черный картонный диск на шарнирной стойке ласкал слух мелодиями классических певцов И. Козловского, Давыдовой, белорусской певицы Л. Александрович. Национальный хор часто по радио исполнял песню И. Лобана «Бывайте здоровы» и «Вдоль деревни от избы до избы». Во многих семьях интеллигенции были граммофоны с пластинками, а в квартирах руководителей и актива радиоприемники. По воспоминаниям современников молодежь собиралась компактно по своим районам, пели песни, играли на гитарах,

мандолинах, гармониках. В летнее время основным местом музыкальной жизни горожан стал летний сад «парк имени Горького». В 1941 г. сезон открылся 24 мая. Фонтан, ресторан, летний театр, танцплощадка, великолепные клумбы и скульптуры, детские площадки украшали место отдыха. В эти мирные дни в городе можно было прочесть объявление: «Открытие летнего театра в саду состоится 20 июня. Минский дом Красной армии даст вечер оперетты «Горная роза» и концерт. Начало в 9 часов вечера. Цена билета от 2 до 8 рублей». На танцплощадке мелодии дозировали: приоритетом пользовались советские мелодии, русские и белорусские танцы. Танго и фокстрот не особо приветствовались организаторы танцев, исходя из официальных указаний сверху. Молодежь запреты всячески обходила, наслаждалась романсами А. Вертинского, В. Козина, П. Лещенко, И. Юрьевой, популярными джазовыми композициями Л. Утесова. Накануне войны в Могилеве прошло немало музыкальных мероприятий, в том числе состоялись двухдневные гастроли Московского балета. В основу их репертуара были положены пушкинские сказки. В апреле 1941г. в кинотеатре «Чырвоная зорка» состоялся вечер песни и романса Нины Кульчицкой и концерт юноши-скрипача с Белгосфилармонии Буси Гольдштейна.

Лучшими постановками классической и советской драматургии было представлена театральная жизнь Могилева в исполнении коллективов областного драмтеатра и гастролирующих театров из других городов. Одновременно развивался самодеятельный театр. Весной 1941г. Государственный театр музыкальной комедии представил могилевчанам пьесу «Свадьба в Малиновке». Пинский драмтеатр в ходе своих гастролей дал 8 спектаклей, среди которых были 2 пьесы К.Крапивы «Партизаны» и «Кто смеется последним». 12 июня 1941г. начались гастроли Белостокского еврейского драмтеатра. Репертуар артистов составили пьесы А.Корнейчука, М. Лермонтова, У.Шекспира, Шолома - Алейхома. Спектакль по пьесе классика еврейской литературы «Кривавый жарт» состоялся в последний мирный день 21 июня. В ходе итоговых смотров коллективов самодеятельных театров лучшими были признаны театры шелковой фабрики и пединститута. Областная газета «Камунар Могилеўшчыны» 1 января 1941 г. поместила информацию: « В клубе шелковой фабрики зал полон. Водевиль по пьесе А.Чехова «Медведь» (руководитель инженер Н.Коновалов) имел огромный успех. Хор коллектива фабрики исполнил песню «Калинка-малинка», а в 24.00 труженики все вместе в честь Нового года пели песню «Широка страна моя родная». Танцы у ёлки завершили праздник».

Объем статьи не позволяет полномасштабно охватить все стороны культурной жизни могилевчан. Невзирая на сложную жизнь, люди грустили и веселились, остряли. Клиент в ресторане мог пошутить с официантом: «А пиво и вино у вас идеологически выдержано?» Любители коллекционирования повышали свой интеллект от собирания марок, открыток, спичечных этикеток, проводили свободное время за игрой в шахматы. Из сознания людей всеми средствами изгонялись религиозные пережитки, в том числе по линии Союза воинствующих безбожников. Религиозные дни в официальном календаре были заменены на революционные и героические даты. В плакатах, которые

сопровождали трудящихся от дома до заводских цехов, культивировались сытость и довольство жизни. Монументальные картины изображали Сталина и его соратников на фоне городов, воинов Красной Армии, роскошные портреты передовиков производства, пионеров, девушек-спортсменок. В красных уголках висели копии живописных полотен, среди которых картина художника И. Лукомского «Заседание парткома», на которой изображено человек 10 активистов, и они жестко прорабатывают провинившегося работника. Областной центр еще мог наслаждаться шедеврами советской культуры. Ее уровень и масштабы в регионах были на порядок ниже по массовости и качеству. Волны репрессий накатывались периодически на ее талантливых представителей, от уцелевших требовали творить в духе генеральной линии партии. Такой видится многогранная культурная жизнь в Могилеве в канун страшной трагедии.

Литература и источники:

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф.4. – Оп 3. – Д. 1215.
2. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 9. – Оп. 1а. – Д. 179.
3. Память: Гіст-дакум. хроніка Магілева. / Беларус. Энцыклап.: Г.П. Пашкоў (гал.рэд.). – Мн.: БелЭн, 1998. – 496 с. іл.
4. Камунар Магілеушчыны. – 1941. – 1 мая.
5. Камунар Магілеушчыны. – 1941. – 14 чэрв.

С.У. Грыбава (Брэст, Беларусь)

БЕЛАРУСКІЯ ТАТАРЫ Ў СКЛАДЗЕ ПАРТЫЗАНСКІХ ФАРМІРАВАННЯЎ УСХОДНІХ АБЛАСЦЕЙ БССР ПАДЧАС ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Нацыянальны склад барацьбітоў супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў на Беларусі падчас Вялікай Айчыннай вайны быў вельмі разнастайны. Прадстаўнікі больш за 70 нацыянальнасцей змагаліся ў радах партызан на беларускіх землях. Сярод іх былі і мясцовыя татары, ураджэнцы Беларусі, якія разам з іншымі таксама неслі ўвесь цяжар партызанскага жыцця. Дадзены артыкул прысвечаны антыфашысцкай барацьбе беларускіх татараў у складзе партызанскіх фарміраванняў усходніх абласцей БССР (па адміністрацыйна-тэрытарыяльнаму падзелу на 1.01.1941 г.). Дарэчы, паводле перапісу 1939 г. колькасць татарскага насельніцтва ў БССР на 17 студзеня 1939 г. складала 3731 чалавек. Гістарычна склалася так, што рэгіянальная лакалізацыя татараў у дадзеным рэгіёне была абмежавана тэрыторыяй Мінскай вобласці [1, с. 70–71].

Падчас Вялікай Айчыннай вайны вялі барацьбу з ворагам мясцовыя татары ў складзе партызанскіх фарміраванняў **Мінскай вобласці**, якія ўваходзілі ў групоўку партызанскіх брыгад Мінскай зоны. Найбольшая іх колькасць была прадстаўлена ў 1-й Мінскай партызанскай брыгадзе, якая дзейнічала ў Чэрвеньскім, Мінскім, Пухавіцкім і Рудзенскім раёнах. У яе складзе змагаліся 800 беларусаў, 252 рускія, 62 украінцы. У шэрагах адзначанага вайсковага фарміравання вялі барацьбу з ворагам і 48 прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей [2, с. 487]. Па падліках аўтара, дзве трэці з іх складалі

беларускія татары. Амаль што ўсе яны з'яўляліся ўраджэнцамі Смілавіч. Гэта можна патлумачыць тым, што рэгіён дзейнасці брыгады ахопліваў Рудзенскі раён, пасля адміністрацыйнай рэформы 1960 г. – Чэрвеньскі раён Мінскай вобласці, дзе і зараз размяшчаецца гэта адно з буйнейшых паселішчаў татараў на тэрыторыі Беларусі. Былі прадстаўлены татары і ў іншых партызанскіх фарміраваннях, якія ўваходзілі ў групоўку партызанскіх брыгад Мінскай зоны: у атрадзе імя С.М. Кірава *брыгады імя С.М. Кірава* (дзейнічала ў Чэрвеньскім, Барысаўскім, Рудзенскім і Пухавіцкім раёнах) [3, л. 21а], у атрадзе «Перамога» *брыгады імя Газеты «Праўда»* (дзейнічала ў Чэрвеньскім раёне) [4, л. 80–81].

Удзельнічалі ў антыфашысцкай барацьбе беларускія татары і ў складзе партызанскіх фарміраванняў злучэння Барысаўска-Бягомльскай зоны Мінскай вобласці, а менавіта ў партызанскім атрадзе імя А.В. Суворова і атрадзе імя Р.І Катоўскага *брыгады «Народныя мсціўцы»* імя В.Т. Варанянскага (дзейнічала ў Плешчаніцкім і Лагойскім раёнах) [5, л. 90], у 1-м і 5-м атрадах *брыгады «Жалызняк»* [6, л. 14, 101, 141, 143] (дзейнічала ў Бягомльскім і Лагойскім раёнах), у *1-й Антыфашысцкай брыгадзе* (дзейнічала ў Барысаўскім, Лагойскім, Плешчаніцкім раёнах Мінскай вобласці, Куранецкім, Пліскім, Пастаўскім раёнах Вілейскай вобласці, Лепельскім, Ушацкім раёнах Віцебскай вобласці) [7, л. 30–31, 66, 170], у атрадзе імя М.І. Калініна *брыгады імя М.І. Калініна* (дзейнічала ў Плешчаніцкім раёне) [8, л. 37–38], у атрадзе імя Г.К. Жукава і ў атрадзе «Грозны» *брыгады «Штурмавая»* (дзейнічала ў Заслаўскім, Лагойскім і Мінскім раёнах Мінскай вобласці, Радашковіцкім раёне Вілейскай вобласці), у атрадзе «За Айчыну» *брыгады «Дзядзькі Колі»* (дзейнічала ў Барысаўскім, Смалявіцкім, Бягомльскім, Лагойскім, Плешчаніцкім раёнах), у атрадзе імя С.М. Будзёнага *Лагойскай брыгады «Большавік»* [9, л. 418]. Змагаліся беларускія татары і ў складзе фарміраванняў партызанскага злучэння Мінскай вобласці (Паўднёвай зоны Мінскай вобласці): у *3-й Мінскай партызанскай брыгадзе імя С.М. Будзёнага* (дзейнічала ў Пухавіцкім, Рудзенскім, Мінскім і Старадарожскім раёнах) [10, л. 7], у *брыгадзе «Беларусь»* (дзейнічала ў Рудзенскім і Пухавіцкім раёнах) [11, л. 25], у атрадзе імя Р.І. Катоўскага *300-й брыгады імя К.Е. Варашылава* (дзейнічала ў Дзяржынскім, Уздзенскім, Капыльскім, Краснаслабоцкім раёнах Мінскай вобласці і Нясвіжскім раёне Баранавіцкай вобласці) [12, л. 20], у атрадзе імя В.І. Чапаева *27-й брыгады імя В.І. Чапаева* [13, л. 41–42, 52, 270] (дзейнічала ў Капыльскім, Грэскім раёнах Мінскай вобласці і Нясвіжскім, Клецкім раёнах Баранавіцкай вобласці), а таксама ў асобным атрадзе імя А.В. Суворова [14, л. 1, 8].

Змагаліся беларускія татары супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў і ў складзе іншых партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі ва ўсходніх абласцях БССР. У партызанскіх фарміраваннях **Магілёўскай вобласці** яны былі прадстаўлены ў мінімальнай колькасці. Вялі барацьбу з ворагам у *208-м асобным партызанскім палку імя І.В. Сталіна Магілёўскай і Пінскай абласцей*. [15, л. 40]. Полк дзейнічаў у Клічаўскім, Кіраўскім раёнах Магілёўскай вобласці, Крупскім раёне Мінскай, Рагачоўскім раёне Гомельскай, Целяханскім і Ганцавіцкім раёнах Пінскай абласцей.

У партызанскіх фарміраваннях **Віцебскай вобласці** беларускія татары змагаліся з ворагам у складзе атрада імя С.М. Кірава *брыгады імя С.М. Кароткіна*, якая дзейнічала ў Сіроцінскім, Расонскім, Полацкім, Ушацкім раёнах Віцебскай вобласці і Пліскім і Міёрскім раёнах Вілейскай вобласці [16, л. 96–97], а таксама ў атрадзе № 20 «Бальшавік» *брыгады імя А.Ф. Данукалава* («Аляксея») (дзейнічала ў Касплянскім раёне Смаленскай, Лёзненскім, Суражскім, Віцебскім, Аршанскім, Багушэўскім, Бешанковіцкім, Чашніцкім, Ушацкім раёнах Віцебскай і Пліскім раёне Вілейскай абласцей) [17, л. 233].

У партызанскія атрады татары былі залічаны ў асноўным летам-восенню 1943 г. Да ўступлення ў шэрагі партызан пэўная частка татарскага насельніцтва выконвала функцыю сувязных партызанскіх фарміраванняў ці мела дачыненне да падпольнай працы. Працавалі татары да ўдзелу ў партызанскім руху і на прамысловых прадпрыемствах ці ў сельскай гаспадарцы. Некаторыя прадстаўнікі беларускіх татараў знаходзіліся ў складзе 1-й Рускай нацыянальнай брыгады СС Рускай вызваленчай арміі (РВА) пад камандаваннем былога савецкага падпалкоўніка У.У. Гіля, які меў псеўданім Радыеўнаў. І ў складзе гэтай брыгады (Гіль-Радыеўнава) перайшлі 16 жніўня 1943 г. на бок партызан. Брыгада атрымала назву 1-я Антыфашысцкая, дзейнічала ў Мінскай вобласці.

Можна таксама прывесці прыклады пэўнай перавербоўкі савецкімі органамі татарскага насельніцтва. Так, сувязным 3-й Мінскай брыгады імя С.М. Будзёнага быў татарын з в. Сенніца Мінскага раёна Якаў Хасяневіч. Нарадзіўся ён 12.02.1902 г. у м. Смілавічы Мінскай вобласці. Скончыў Мінскае рэальнае вучылішча, навучаўся на завочным аддзяленні Мінскага педагагічнага інстытута, дзе атрымаў спецыяльнасць настаўніка гісторыі. З верасня 1921 г. да студзеня 1938 г. працаваў настаўнікам і дырэктарам Логава-Слабодскай школы. З 7 студзеня 1938 г. выконваў функцыі завуча і настаўніка сярэдняй школы ў в. Сенніца. Меў узнагароды ад савецкай улады. У ваенны час школа не працавала. У складзе яго сям’і былі жонка Марыя, маці і чацвёрта яго дзяцей [18, л. 4, 4 зв.].

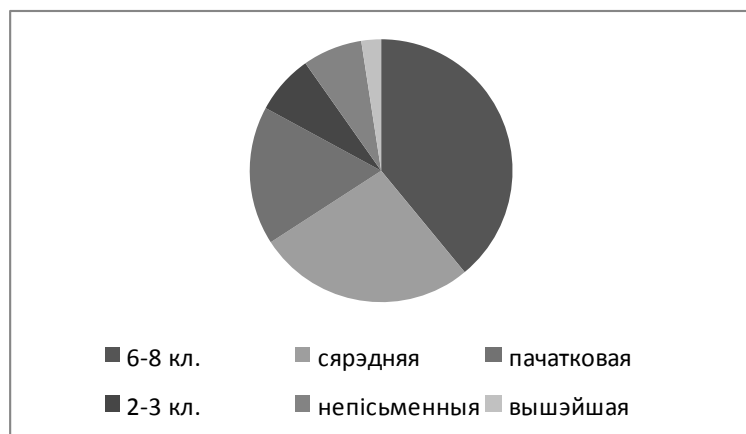
Да перапісу насельніцтва, які па загаду Мінскай раённай управы было неабходна правесці па валасцях раёна да 1 кастрычніка 1943 г., у кожнай воласці прыцягваўся настаўнік непрацуючай школы з выразным почыркам [19, л. 57]. У Сенніцкай воласці адказным акупацыйнымі ўладамі быў прызначаны менавіта Я.З. Хасяневіч. Дарэчы, у Дзяржаўным архіве Мінскай вобласці захаваўся пратакол Сенніцкай валасной управы Мінскага раёна ад 22 мая 1942 г., дзе зафіксаваны выбар сябраў камітэта пранямецкай БНС. Адным з іх быў вызначаны Якаў Зянонавіч Хасяневіч [20, л. 18]. Аднак 1 снежня 1943 г. ён даў падпіску асобаму аддзелу НКУС аб супрацоўніцтве. Пры перадачы звестак у пісьмовай форме ён павінен быў карыстацца псеўданімам «Тэлефон» [21, л. 6].

Па сацыяльным становішчы ў сваёй большасці татары ў партызанскіх фарміраваннях ўсходніх абласцей БССР былі рабочымі (малюнак 1). Калі весці размову аб партыйным членстве татараў-партызан, то асноўная маса была беспартыйнай.

Малюнак 1 – Сацыяльнае становішча татараў у партызанскіх фарміраваннях усходніх абласцей БССР

Што датычыцца ўзроўня адукацыі прадстаўнікоў татарскага насельніцтва ў складзе партызанскіх фарміраванняў усходніх абласцей, то большая колькасць з іх мела няпоўную сярэднюю ці сярэднюю адукацыю, значная частка мела пачатковую адукацыю (малюнак 2).

Малюнак 2 – Узровень адукацыі татараў у партызанскіх фарміраваннях усходніх абласцей БССР

Значная большасць татараў партызанскіх фарміраванняў усходніх абласцей удзельнічала ў баявых аперацыях, частка выконвала функцыю сувязных, яшчэ менш татараў было ў гаспадарчых узводах, адзінкі – у разведцы. Камандзірскіх пасадаў яны не займалі.

Такім чынам, татары ў партызанскіх фарміраваннях усходніх абласцей БССР змагаліся з ворагам у складзе 19 атрадаў 16 партызанскіх брыгад, у 1 асобным палку і 1 асобным атрадзе. З усіх усходніх абласцей больш за ўсё беларускіх татараў было ў партызанскіх злучэннях Мінскай вобласці, таксама татары змагаліся ў складзе партызанскіх фарміраванняў Магілёўскай і Віцебскай абласцей. У партызанскіх брыгадах Палескай і Гомельскай абласцей яны адсутнічалі. Прадстаўніцтва татарскага насельніцтва ў складзе партызанскіх фарміраванняў усходніх абласцей Беларусі залежала ад гісторыка-геаграфічнага размяшчэння татарскіх абшчын на дадзенай тэрыторыі і ад тэрытарыяльнага ахопу рэгіёна дзеяння брыгад.

Колькасць беларускіх татараў у партызанскіх фарміраваннях усходніх абласцей Беларусі выглядае наступным чынам: па падліках аўтара, каля 2 % з іх (ці

каля 70 чалавек) прымалі ўдзел у партызанскім руху. Прадстаўнікі дадзенага этнасу, якія прымалі ўдзел у партызанскім руху, аддана змагаліся з ворагам, некаторыя былі адзначаны шэрагам узнагарод. Ёсць прыклады ўдзелу ў антыфашысцкай барацьбе цэлых татарскіх сем'яў.

Літаратура і крыніцы:

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М. : Наука, 1992. – 256 с.
2. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1944 гг. / А.Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 764 с.
3. Отряд им. С.М. Кирова бригады им. С.М. Кирова, Минская обл. // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 53.
4. Список личного состава бригады им. Газеты «Правда» Минской области (август 1943 г. – 1944 г.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 2. – Спр. 405.
5. Бригада «Народные мстители» им. В.Т. Воронянского, Минская обл. (1941 г. – 29 мая 1945 г.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 97.
6. Бригада «Железняк» Минской области (1942 г. – 10 июля 1945 г.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 192.
7. 1-я Антифашистская бригада Минской области // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 331.
8. Списки личного состава бригады им. М.И. Калинина Минской области // НАРБ. – Фонд 1405. – Воп. 1. – Спр. 1112.
9. Бригада «Большевик», Минская область // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 50.
10. 3-я Минская бригада им. С.М. Буденного, Минская обл. (1941–1944 гг.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 421.
11. Бригада «Беларусь», Минская область // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 6. – Спр. 17.
12. Бригада им. К.Е. Ворошилова, Минская обл. (1941 г. – 20 августа 1945 гг.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 151.
13. Бригада им. В.И. Чапаева, Минская и Белостокская обл. (1941–1944 гг.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 165.
14. Отдельный отряд им. А.В. Суворова, Минская обл. (1942–1944 гг.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 273.
15. 208-й отдельный полк им. И.В. Сталина, Могилевская и Пинская обл. (1941–1944 гг.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 135.
16. Список личного состава бригады им. С.М. Короткина Витебской области (июль – август 1944 г.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 2. – Спр. 225.
17. 15-й «Сокол», 16-й «Комсомолец», 17-й «Мститель», 20-й «Большевик» отряды бригады им. А.Ф. Данукалова, Витебская обл. (9 сентября 1942 г. – 15 ноября 1944 г.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 199.
18. Подписки агентуры 3-й Минской партизанской бригады (1 декабря 1943г. – 13 декабря 1944 г.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 2. – Спр. 128.
19. Переписка с волостными управами о розыске граждан, предоставлении списков командиров Красной Армии, офицеров бывшей царской армии, заготовке и вывозке дров, сдаче книг записей актов гражданского состояния, переписи населения (25.01.1943 г. – 23.06.1944 г.) // Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Фонд 623. – Воп. 1. – Спр. 512.
20. Протоколы заседаний комитета Белорусской народной самопомощи, списки руководителей и членов волостных отделов БНС, списки, анкеты и автобиографии старост по деревням волостей за 1942 г. (01.02. – 14.09.1942 г.) // ДАМВ. – Фонд 623. – Воп. 1. – Спр. 204.

21. Подписки агентуры 3-й Минской партизанской бригады (1 декабря 1943г. – 13 декабря 1944 г.) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 2. – Спр. 128.

Е.А. Ковалев (Минск, Беларусь)

КЛАДБИЩА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ НА ТЕРРИТОРИИ ОТСЕЛЕННЫХ ДЕРЕВЕНЬ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ЗОНЫ

Зона отчуждения и отселения Чернобыльской АЭС – территория вокруг Чернобыльской АЭС, с которой в 1986 г. было эвакуировано население. Данное определение применимо к части площадей 10 районов Гомельской и 6 районов Могилевской области, из которых в 1986–1991 гг. эвакуировано более 100 тысяч человек [3, с. 276]. Исторически так сложилось, что данная территория Беларуси являлась местом проживания не только жителей титульной нации, но и представителей других народов – поляков, евреев, русских, украинцев, немцев, чехов, латышей и др. По данным 1926 г. из 7075 немецких поселенцев проживавших в БССР, 3294 человека приходилось на сельскую местность Мозырского Полесья. Основными пунктами их проживания являлись колонии Березовка, Антоновка, Майдан, Красиловка, Осиповка, Хатки, Дуброва, Анзельмовка [2, с 12]. За исключением последнего, все выше перечисленные населенные пункты перестали существовать после Чернобыльской аварии. Подобная ситуация также складывается вокруг бывших старообрядческих слобод на территории Ветковского района [1, с. 295–311]. Одним из крупнейших мест расселения лиц чешской национальности в начале XX в., являлась деревня Чехи в Микуличской волости Речицкого уезда (Хойникский район), которая сегодня входит в состав Полесского радиационно-экологического заповедника [2, с. 16]. Таким образом, при изучении национального разнообразия в современном белорусском обществе невозможно обойти вниманием малые диаспоры, представители которых проживали ранее в границах сегодняшнего «чернобыльского» пространства.

Коренное население и национальные диаспоры, находясь в тесных социально-экономических и одинаковых политических условиях, оказывали друг на друга значительное культурное влияние. Результаты этого диалога национальных культур можно наблюдать в различных сферах материальной и духовной культуры. Таким образом, изучение истории существования малых диаспор, является важной частью исследования культурного наследия отселенных территорий. Но отселение жителей и следующие за этим миграционные процессы, значительно осложняет исследование истории межэтнического взаимодействия на данных территориях, сокращая источниковедческую базу. Материальные свидетельства деятельности человека, в которых могут отражаться культурные особенности, в пространстве зоны отчуждения или не сохранились, либо продолжают стремительно разрушаться под влиянием природных факторов. Поэтому единственными полноценными источниками по изучению истории и культуры представителей национальных меньшинств, проживавших ранее на территории, которая ныне входит в состав зоны отчуждения и отселения, являются архивные материалы.

На сегодняшний день, значительное место в культурном пространстве зон отчуждения и отселения занимают кладбища. Феномен некрополей отселенных территорий заключается в том, что это единственная группа проявлений культурной деятельности, которая защищена человеческим вмешательством (в том числе и на законодательном уровне) от деструктивного воздействия природных комплексов. Более того, по мере осуществления новых захоронений кладбища увеличивают своё пространство и культурное поле. Благодаря именно этой группе культурных объектов можно говорить о наличии такой черты культурного пространства, как функция освоения, которая подразумевает расширение человеком (как социокультурным существом) пространства природы, что проявляется в оставлении материальных свидетельств человеческой деятельности. Особую роль кладбища отыгрывают в тех бывших населенных пунктах, которые подверглись процедуре захоронения. В данном случае, некрополь часто является единственным материальным свидетельством существования деревни.

В современной исторической (культурологической) науке кладбища все чаще рассматриваются как источник антропологической информации, позволяющий в первую очередь установить национальный состав населения определенной местности. Как правило, каждое захоронение обладает надмогильным знаком, с некоторой информацией об умершем. На нем могут быть начертаны годы жизни; фотография, зачастую отображающая сферу деятельности человека, его социальный статус, семейное положение; эпитафия, часто позволяющая определить обстоятельства смерти человека. Сама форма надмогильных знаков часто указывает на вероисповедание покойного. Эти данные могут служить основой для дальнейших исследований в архивах, а также при работе по сбору информации историко-культурологического характера от переселенцев. Безусловно, не стоит преувеличивать роль могильных захоронений в изучении истории и культуры малых диаспор. Часто количество могил представителей национальных меньшинств, даже на территории основных центров их компактного проживания, ограничиваются всего несколькими захоронениями. Кроме того, информационность надгробий нередко может быть весьма лаконичной, отображая исключительно годы жизни человека, либо его имя/фамилию. Тем не менее, в то же время нельзя и не учитывать эту группу артефактов при научном поиске.

Наиболее важным элементом могильных надгробий, все же можно считать фотографию, т.к. часто имена, фамилии, места работы и прочие данные встречаются в библиографических и архивных источниках, в то время как изображение простого человека, часто нигде помимо семейных фотоархивов и могильных медальонов не сохраняется. А учитывая же обстоятельства выселения жителей из загрязненных деревень, когда семейные реликвии оставались в покидаемых домах, то «кладбищенские» фотографии являются единственной группой материалов, иллюстрирующих внешность человека.

Особая роль кладбищ как источника историко-культурологической информации заключается в изучении немецкой, чешской и латышской диаспор. Указанные этнические группы, проживаемые на территории Беларуси утратили свою культурную общность еще до середины XX столетия под влиянием

различных событий. К таким историческим факторам можно отнести массовые репрессии 1930-х гг., которые проводились по национальному признаку с принудительной ассимиляцией. Ослабленные арестами, к началу 1941 г. эти диаспоры были практически уничтожены [2, с. 76]. Особенно сильным было преследование немецких колонистов, которых в начале Великой Отечественной войны депортировали во внутренние области СССР. В этом случае, могильные захоронения являются единственным материальным свидетельством расселения представителей национальных меньшинств на указанной территории.

Список использованной литературы:

1. Голоса ушедших деревень / Г.Г. Нечаева [и др.]; под общ. ред. Г.Г. Нечаевой. — Минск: Беларус. наука, 2008. — 342 с., ил.
2. Малые диаспоры Гомельщины в 20-30-е годы XX века: аналитические материалы и документы Государственного архива Гомельской области / сост.: В. П. Пичуков [и др.]; под ред. В. П. Пичукова; Гомел. обл. исп. ком; Гос. арх. Гомел. обл. — Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2008. — 250 с.: ил.
3. Чарнобыль. Погляд праз дзесяцігоддзе: Даведнік / Пад рэд. Я.В. Малашэвіч — Мн.: БелЭнц., 1996. — 319 с.: іл.

И.В. Горбунов (Витебск, Беларусь)
**СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ ЭКСПОЗИЦИЙ МУЗЕЕВ
МОГИЛЕВА ПЕРИОДА 2000-2006 ГГ.**

Роль и значение этнического, языкового и культурного разнообразия в практике создания музеев в современном обществе и в контексте развития мировой культуры трудно переоценить. На фоне последних событий в Украине и последствий этих событий актуальность такового рода исследований особенно востребована. На Украине почти полностью разрушена экспозиция «Музея истории города Киева». Комментарии, как говорится, здесь не нужны.

Важную роль в подготовке данной статьи сыграли работы таких авторов как Борисенко Н.С как А.Ю Волькович, А.С.Логинова, С.В.Любимцев, Т.П. Калугина, Л.П. Кириллова, В.М. Кимеев, С.Л. Ковалевский, М.Н. Ларченко, Л.А. Бажанов, Ю.А. Бирюлев, Т.П Поляков и других.

Как решалась задача сохранения историко-культурного наследия на Могилевщине 10-15 лет назад, и кто стоял у истоков этого процесса. В свое время городу с его славной историей помогли обстоятельства, в которых не было ничего удивительного. Решение музеефикации города практически своими силами, но с привлечением наших российских коллег. По сложившейся методике представители государственного аппарата в лице работников отдела культуры облисполкома выдвигали разные концепции по поводу практики создания музеев в Могилеве.

Традиции сформировались, и был заложен фундамент целевой программы музеефикации города. На практике отказались от размещения в центре города «Музея декабристов», спроектированного Ленинградским комбинатом живописно-оформительского искусства(КЖОИ). И в последствии этому историческому этапу в жизни города отведут лишь небольшой зал в филиале

МОКМ «Музей этнографии» в разделе «Губернский Могилев». Был подобран коллектив экспозиционеров. Ими стали проектанты из Санкт-Петербурга В. Бирюков и А. Токмаков, известный могилевский художник В.В. Комаров и автор данной статьи.

Итак, в зависимости от характера экспозиции, ее тематики и других конкретных условий художники использовали для создания экспозиционного образа все имеющиеся в их палитре средства или какую-то их часть. Иногда образное начало достигается в результате компоновки музейных предметов и их комплексов, в других случаях акцент делается на специально создаваемых произведениях искусства, в третьих — на архитектурном решении интерьеров экспозиционных помещений музея. Музейной специфике в наибольшей степени соответствует первый путь, когда образ экспозиционного ансамбля создается на основе музейных предметов и научного содержания при поддержке художественно-изобразительными и техническими средствами. В зависимости от экспозиционного опыта есть и другие решения, которые невозможно учесть в практике. И именно поэтому мы приводим цитату из высказывания известного российского музееведа, сценариста и автора многих крупных музейных экспозиций Полякова Т.П.: «Миф о «новом музее» в России создавался десятилетиями. Каждый из мифотворцев, не важно – латентных или публичных, вынашивал свою версию. Поэтому, когда в 1989 г. открылась скандальная экспозиция Государственного музея В.В. Маяковского, голоса отечественных музееведов разделились: половина – за, половина – против. На лицах же представителей дальнего зарубежья можно было прочесть только одно чувство – восторженное удивление. Избалованные *луврами и скансенами* – классическими коллекциями и ожившими предметными ансамблями, уставшие от виртуально-компьютерных шоу, обитатели иного мира никак не могли взять в толк: как из потертых вещей, оконного стекла, ржавого железа, подножного камня и обычной краски получилось произведение искусства, которому даже трудно найти жанровое определение?» [1]. Оказывается, можно создать экспозицию и вне привлечения фондовой коллекции предметов. Это как бы театр вещей, объединенный в новую форму, название которой немного сместилось и сегодня этот вид называют **инсталляция**.

В свое время музей был создан в 1980 г решением Могилевского облисполкома. До 1996 – отдел МОКМ. Для посетителей открыт в 1981 г как филиал. Сегодня основной фонд музея (2008) насчитывает 2400 экспонатов. Площадь помещений 693 кв.м.

Филиал МОКМ «Музей этнографии» в Могилеве, который был подведен под реконструкцию в 1999 году в Могилеве был реализован проект реконструкции филиала МОКМ «Музей этнографии» (1-й этаж) На протяжении двух лет директор МОКМ В.Н. Аненков проводил большую и сложную работу по подготовке к реализации этого проекта в Санкт-Петербурге. До этого художники из города на Неве уже создали постоянную экспозицию в самом здании МОКМ на трех этажах старинного здания. Теперь предстояла другая и более сложная работа создать практически первый на Беларуси самостоятельный музей площадью 692 кв. м. с двумя экспозициями «Земли родной круговорот» и «Могилев губернский». Мы анализируем все этапы реализации этого

проекта. Подчеркиваем, что сам проект всего комплекса был выполнен в Санкт-Петербурге, а тематико-экспозиционный план составлен в Могилеве сотрудниками музея. Получился творческий тандем двух экспозиционных школ-белорусской и российской. Приоритет петербуржцев безусловно ни у кого не вызывает никаких возражений ввиду устоявшегося передового опыта в создании музеев не только в сам городе, но и далеко за его пределами. Все это благодаря созданию в 1965 году Комбината живописно оформительского искусства (КЖОИ) при ленинградском союзе художников. *(Поляков Т. П. автор около 50 научных публикаций по проблемам музеологии, в том числе двух монографий – «Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции)» (М., 1996, премия Министерства культуры РФ за 1998 г.) и «Музейная выставка: история, проблемы, перспективы» (М., 1997, в соавторстве).

2010 году исследователь музейных экспозиций О. В. Веселицкий даст высокую оценку полувековому опыту ленинградских художников в своих теоретических работах и с середины 1990-х гг начинается медленное «затухание» деятельности уникального коллектива этих мастеров.

Согласно представлениям художников из Санкт-Петербурга вопросы этнографии региона Центрального Поднепровья не носили специфического характера. Труд крестьянина в необъятной Российской империи вне зависимости от расселения носил общий характер. Бортничество, уборка льна, праздник урожая, обряды и прочие виды трудовой деятельности должны были носить характер видового показа через «выгородки», количество которых определялось структурой самого здания музея. Глубокие ниши были выполнены заранее для другой экспозиции, посвященной движению декабристов на Могилевщине – членов «Северного общества». Соответственно был составлен совершенно новый ТЭП. Выполнен макет музея (и не один вариант, а три варианта).

Исходным документом для начала работ по архитектурно-художественному проектированию экспозиции – научная концепция, в которой содержится достаточно полная характеристика общего экспозици¹ ульт замысла. На ее основе, а в ряде случаев после написания расширенной тематической структуры (тематического плана) создали генеральное решение экспозиции, то есть первоначальный художественный проект. В нем разрабатывают следующие аспекты: общие стилевые принципы раскрытия содержания экспозиции архитектурно-художественными средствами; Музей этнографии. Филиал Могилевского областного краеведческого музея имени Е.Р. Романова.

В музее была смонтирована центральная декоративная установка «Времена года. Музей имеет две постоянные экспозиции- «Земли родной круговорот», «Могилев губернский» и выставочный зал для сменной экспозиции. Первая экспозиция открылась в конце 1999 г. В ней отражены особенности культуры и быта самого многочисленного сословия 19-нач. 20 вв.-крестьянства- историко –этнографического региона Центральное Поднепровье: этническую историю народа, жившего на этой территории, характер расселения, хозяйственные занятия и орудия труда, народную архитектуру, традиционный костюм ткачество (ручники) декоративно-прикладное искусство. Были выполнены все манекены, оборудование, этикетаж. В состав группы входили и Минские художники под руководством В. Кондратьева. (Стенды с

фотографиями, этикетаж. Что такое видовая структура. Это не инсталляция а нечто другое, хотя есть достаточно много общих черт. В круг предметов входит и бытовая характеристика и предметы повседневного быта, которые через несколько десятилетий выводятся из утилитарного оборота и входят в новое содержание, называемый «музейным предметом». Еще вчера это была прялка для изготовления льняной нити, а сегодня на невысоком подиуме установлена фигура крестьянки в окружении этих предметов. Общий цветовой строй стен золотисто- соломенный. Сама фактура дерева-основного материала крестьянина должна была по мысли экспозиционеров «держат» структуру экспозиции и выполнять образно-наглядную функцию. Иконы и ручники –результат фондовой работы, восстановление некоторых икон предмет особого разговора и не входит в данную статью Таким образом вся экспозиция развивалась по классической схеме.

Организация экспозиции а – организация экспозиции в соответствии со сценарием: 1 – пролог; 2 – завязка; 3 – кульминация; 4 – развитие; 5 – финал; б – пространственная организация экспозиции в разных уровнях в соответствии с тематической структурой. Археология и поселение Поднепровья, диорама В. Комарова «Проводы Зимы», экспонаты «Подворье», зона манекенов «Коляды». Зона манекенов «Встреча Весны», Зона манекенов «День матери». Ж. экспозиция «Троица», экспозиция «Купалле», «Спас», экспозиция « Деды» (старик со свечой), экспозиция «Обработка льна», зона манекенов «Свадьба» экспозиция «Дожинки», экспозиция Народные ремесла Центр. Календарь Крестьянина. (маршрут движения посетителей по замкнутому кольцу) При входе в музей. По линии прямо вход в следующий раздел музея. «Могилев губернский (2 этаж). Схема размещения экспозиции «Могилев губернский».

Маршрут движения замкнутый кольцевой. Входная группа и манекен «Полицейского, продолжение осмотра, экспозиция (выгородка) «Молочница», старик-еврей. Денежное обращение на Могилевщине (выгородка) Раздел экспозиции: быт знатного сословия в городе. Зал.2. Диорама «Торжественное шествие в честь открытия Шкловского Благородного училища 22 сентября 1793 г.» Декабристское движение на Могилевщине. Период 1830-х гг. И. Группа манекенов Школа артиллерийских прапорщиков. Обер-офицер квартирмейстер (топографическое депо) Зала периода 1916 г. Справа макет-диорама миниатюрного характера «Ставка Николая II в Могилеве» (Торжественное шествие в честь открытия Шкловского Благородного училища 22 сентября 1793 г. (автор Горбунов И.В. 2001.) Таким образом современная методика проектирования экспозиции предполагает разработку генерального решения в форме художественной концепции экспозиции.

Вторым по значимости объектом в Могилеве был реализованный проект «Музей истории Могилева» Основную задачу музей выполнил. Далеко не в каждом городе есть свой музей истории города. Его нет например в Минске. Но то обстоятельства что этот музей создан и находится в историческом центре города заслуживает всяческого уважения. В филиале музея на «Буйническом поле» располагается филиал музея – основным экспонатом которого является диорама «Буйническое поле. Полковник Кутепов против генерала Моделя». Историческое место украшает знаменитый «Симоновский камень» с его

монограммой. Если вспомнить знаменитый фильм «Живые и мертвые», снятый по роману К. Симонова все станет ясно, почему именно здесь решено было развернуть эту маленькую экспозицию. Художникам огромную помощь оказал могилевский военный историк Н. Борисенко. Его книга «Днепровский рубеж: трагическое лето 1941 года» была той самой почвой, на которой и сформировалась художественная концепция. Увиденное через окно диорамы событие разворачивается по ходу размещения плоскости диорамы. Мы видим бой на подступах к городу. «Бой сложный и напряженный. 388-й полк полковника С.Ф. Кутепова 10 июля 1941 года занимал позиции на участке Затишье, Тишовка, Буйничи» [2]. В результате отражения этой атаки было уничтожено 39 немецких танков. Именно этому посвящен и весь мемориал. Немой свидетель этих боев немецкий танк Т-III стоит на небольшом постаменте при входе в мемориал.

То обстоятельство, что мемориальная пластика еще не достигла своего апогея на Беларуси, но имеется свой опыт создания уникальных экспозиций свидетельствует о том, что мы сегодня немного сдвинулись в сторону мировой практики. Нам разумеется еще очень далеко до проектов международного уровня таких как военно- исторический музей Дрездена, или Королевского музея Онтарио в Канаде, но опыт формирования целевой программы формирования предметно-пространственной среды в Могилеве в отличие от других городов Беларуси заслуживает всеобщего уважения прежде всего к тем людям, которые не испугались трудностей и смогли в себе найти силы поддержать эстетику на высоком уровне. Реализация таких программ как благоустройства реки Дубровенки и музеефикация центра города и создание сквозной пешеходной зоны вдоль одной из центральных улиц создает сегодня городу неповторимый колорит.

Литература:

1. Поляков, Т. История и мифология в музейной экспозиции (на примере сценарной концепции Калининградского областного историко-художественного музея) // Музейная экспозиция: теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции : Сб. науч. ст. / Рос. ин-т П ультурологи. – М., 1997. – С. 219–237.
2. Борисенко, Н.С. Днепровский рубеж: трагическое лето 1941–го. – Могилев: УКПК «Могилевская областная укрупненная типография имени Спиридона Соболя, 2005. – 368 с.

А.П. Лимаренко, Е.М. Прилепко (Минск, Беларусь)
**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ
БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬЕ**

В гуманитарном знании традиционным стало понимание важной роли культурного многообразия в развитии современных обществ. Отмечается, что социальные изменения все в большей степени инициируются изменениями в культуре как системе идей, ценностей, норм и образцов поведения. Люди зачастую сознательно ориентируются на культурные образцы для организации собственной жизни. Подобная тенденция возрастания роли культуры, ее разнообразия в социуме проявляется и в функционировании различных

социальных институтов. Например, при анализе основных тенденций развития института семьи и брака становится очевидной возрастающая роль социокультурных факторов. Так, типы семейно-брачных отношений, основные их характеристики и степень распространенности во многом определяются именно ценностным и стилистическим разнообразием культуры определенного общества.

Каждая эпоха, социальная система порождает соответствующие типы личности и типы ценностей. Отличительной чертой современного мира является мультikonфигуративность ценностных ориентаций индивидов и социальных групп. В этом сложном мире ценностных ориентаций семейные ценности являются важным фактором социальной и эмоциональной стабильности и безопасности человека в обществе. В то же время многие ученые-гуманитарии отмечают, что культурная революция 60-70-х годов прошлого века, произошедшая в западноевропейском христианском мире, породила ряд сложных и непредвиденных ранее социальных и экономических проблем. Эти проблемы затрагивают как в целом современное мироустройство, так и отдельные институты общества. В первую очередь это касается процессов депопуляции и старения населения в европейских странах, кризиса института семьи и брака, девальвации семейных ценностей. Социальных исследователей интересует, насколько необратимы подобные тенденции развития западной и особенно европейской цивилизации.

Очевидно, что Республика Беларусь, как и другие страны на постсоветском пространстве, не может быть не вовлечена в подобные общие процессы, происходящие в сфере семейных и брачных отношений. В связи с этим большой научный и практический интерес представляет выявление социокультурных изменений в институте семьи и брака, анализ их последствий для развития белорусского общества. В первую очередь это касается семейных ценностей и семейных поведенческих установок. В РБ исследования последних 15 лет показывают, что такие ценности как семья, дети, родительство, родственные отношения по-прежнему играют важную роль в повседневной жизни белорусов. Однако экспансия новых культурных эталонов постепенно приводит к формированию новых образцов поведения, прямо влияет на семейные и брачные практики.

Исследования социокультурных процессов в современной белорусской семье показывают, что трансформация института семьи и брака в РБ, хотя и происходит в рамках европейской модели, отличается рядом существенных национальных особенностей. Во-первых, у нас в стране снижение рождаемости происходит не на фоне «низкая рождаемость – низкая смертность» как в западноевропейских странах, а на фоне «низкая рождаемость – высокая смертность». Во-вторых, не идет такими темпами «старение» семьи и брака (откладывание создания семьи, рождение детей на более поздний срок). В-третьих, еще высок потенциал «жизнеустойчивости» традиционной семьи и традиционного брака. Это объясняется тем, что брак, семья и дети, родственные отношения в повседневной жизни белорусов занимают более высокие рейтинговые позиции в системе базовых ценностей, чем в западных странах. Подобный тип трансформации института семьи и брака можно определить как

«постсоветский, постсоциалистический», отличительным признаком которого является то, что семья и брак в РБ еще долго будут обладать одновременно достаточно выраженными характеристиками как консервативно-патриархального, детоцентристского, так и современного супружеского типа семьи. Семья в РБ по-прежнему выступает в качестве одной из приоритетных ценностей индивида, к ней чаще всего обращаются, чтобы справиться с жизненными проблемами, большинство видят в ней и детях смысл жизни, именно с семьей и своими близкими люди чаще всего себя идентифицируют. Тем самым на аксиологическом уровне восприятие семьи индивидом как ценности занимает одну из лидирующих позиций. Семья стоит на первом месте среди таких базовых ценностей как здоровье, работа, друзья, свободное время и др.

Однако индивидуализация семейных ролей приводит к тому, что откровенная коммуникация между членами современной семьи выступает основным средством установления и поддержания доверительных и стабильных отношений. Если этого не происходит, в семье нарастает отчуждение, конфликтность и даже насилие. К сожалению, продуктивная коммуникация очень часто затрудняется нарастающими различиями в определениях и переопределениях повседневных семейно-бытовых ситуаций. Под влиянием социокультурных процессов современная семья начинает постепенно превращаться в партнерский союз, где каждый член семьи имеет собственную, индивидуальную самооценку именно как личность. Стереотипы семейного поведения, представления о распределении внутрисемейных ролей формируются все чаще не под воздействием родительских семей, семейной и групповой традиции, а под влиянием тех социокультурных процессов, которые происходят в обществе в целом. Большую роль здесь играют СМИ, особенно телевидение. Образы любви, брака и семьи, распространяемые современной литературой, журналами, кино и в целом массовой культурой влияют на представления и поведение людей в этих сферах жизни и, особенно на репродуктивные установки.

Социологические исследования уже на протяжении не одного десятка лет показывают, что граждане РБ в своих репродуктивных установках ориентированы в большинстве своем на малодетность. Малодетность является не просто адаптивной реакцией на социально-экономическую ситуацию, а сформировалась как устойчивая социокультурная норма диспозиционной регуляции репродуктивного поведения населения РБ. Статистически это выражается следующим образом: на конец 2009 г. в стране насчитывалось 1,411 тысяч семей с детьми, из них 63 % воспитывали 1 ребенка, 31% – 2 детей, 6 % – 3 и более детей. Важнейшие социокультурные характеристики репродуктивного поведения: потребность в детях (идеальное, желаемое, ожидаемое число детей), потребность в родительстве – материнстве, отцовстве, внутрисемейное планирование числа детей (контрацептивное поведение) во многом определяются сложившейся новой культурой повседневности. Необходимо отметить, что сам механизм изменения норм детности сложен, связан с изменением мировоззрения, уклада, образа и стиля жизни, появлением новых материальных, духовных, информационных ресурсов. Трансформация

рождаемости в сторону уменьшения детности коррелирует не только с экономическими факторами, структурой занятости, но и с переходом от ценностей традиционной, детоцентристской семьи к ценностям семьи супружеского типа, к новым формам партнерских супружеских отношений, которые в свою очередь стали следствием культурной модернизации общества, потери или уменьшения ранее присущих семье функций.

Снижение рождаемости, малодетность – это, по-видимому, долговременная макромасштабная тенденция в развитии современных обществ. Ее социальная дисфункциональность очевидна, тогда как для конкретной семьи или индивида ничего негативного в малодетности в современных развитых обществах нет. По сути, мы имеем дело с экзистенциальным конфликтом между интересами индивида и общества, предполагающим определенное принуждение к родительству за счет стимулов и вопреки культурному эталону. Целый ряд условий малодетности, по всей вероятности, необратимы: устойчивая трудовая занятость женщин, высокая стоимость для общества и семьи содержания и воспитания ребенка, зависимость социального статуса от собственных профессиональных успехов и достижений личности и т.п. Реальные механизмы стимулирования рождаемости сегодня – это повышение благосостояния брачных пар активного репродуктивного возраста за счет целевых льгот и выплат, через другие общественные фонды; всемерное развитие социальной инфраструктуры для нужд семьи; подготовка молодежи к семье и родительству; повышение социального престижа родителей и воспитательных функций семьи. Одно из важных направлений пропагандистского и воспитательного воздействий в этом плане – придание одинакового статуса матери и отцу, как лицам, ответственным за рождение и раннее воспитание, образование и культурное развитие детей, что отвечает общей тенденции эволюции половых ролей в современном обществе. Отдельным направлением должно стать формирование имиджа счастливой детной семьи посредством СМИ, кино, литературы и т. д.

Следует отметить, что ограничиваясь только мерами государственной поддержки и материального стимулирования, мы можем в лучшем случае незначительно поднять коэффициенты рождаемости. Но чтобы решить проблему сверхнизкой рождаемости, необходимы также меры нематериального характера. Во-первых, следует изменить информационный и культурный контент формирования образа семьи. Так, в России активно исследуется проблема образа семьи, семейных отношений, интимности в художественной литературе, художественных фильмах, телесериалах, рекламе. Вывод однозначен: семья, родительство, внутрисемейные отношения подаются в негативном или очень негативном свете. При этом следует учитывать общность культурного и информационного пространства Беларуси и России. Например, практически сто процентов т. н. современной женской литературы (любовные и авантюрные романы, женские детективы и т. п.) на белорусском книжном рынке являются произведениями российских или других зарубежных авторов. Проведенный анализ литературной серии «Русский романс» показал, что в основе образа современной девушки, женщины лежит ее самодостаточность, стремление индивидуализировать свое бытие, победить или переломить любые жизненные обстоятельства, в том числе и т. н. мужской шовинизм. Очень часто описывается

семейная и личная жизнь либо бездетной или малодетной семьи, либо семьи с матерью-одиночкой в ее кризисных ситуациях. Популярно описание героев в различных формах внебрачных сожительства, в состоянии развода, аборт часто используются персонажами как средство решения жизненных и семейных проблем. В свою очередь, образцом для подобной женской литературы стали произведения западных авторов, которые и сформировали литературный культурный контекст отношений между современными мужчиной и женщиной. Можно сказать, что в современную массовую культуру закладываются антирепродуктивные стандарты, создается культ «порочной» семьи (без любви, верности, взаимопонимания и взаимопомощи, стремления продолжить себя в детях и др.). Эта же тенденция прослеживается, когда мы анализируем приватную жизнь, публичные высказывания звезд шоу-бизнеса, богемы, гламурной публики. Например, высказывания о предпочтительности таких форм семейных отношений, как сожительство, раздельные, гостевые браки. Очень часто образ женщины в этой среде ассоциируется с хищницей, гонящейся за большими деньгами, не желающей обременять себя детьми. Мужчины определяют брак как «ярмо у себя на шее», считают, что они «никому ничего не должны».

Таким образом, анализ основных социокультурных процессов в современной белорусской семье свидетельствует о том, что эволюция института семьи и брака в РБ отличается рядом существенных национальных особенностей, связанных с сохранением традиционных семейных отношений советского периода истории Беларуси и формированием новых форм семейно-брачных отношений. Формирование новых форм семейно-брачных отношений является показателем переосмысления семьей как малой группой и личностью жизненных ценностей, роли супружества, отцовства, материнства, детства и в конечном итоге всей нравственной системы общества.

Т.И. Яковук (Брест, Беларусь)

СОВРЕМЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ОСВОЕНИЯ НОВОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Для современного человека так же, как и для туриста, важнейшей ценностью становится приобретение нового опыта. Американский социолог туризма Дин МакКеннелл, автор «Новой теории праздного класса», отмечает: «Прекрасно известно о том, что туристу не хватает «понимания» в веберовском смысле. Мы не знаем, почему туристический опыт подвергся такому упрощению. Общепринято напрасно обвинять ментальность туриста. Тот факт, что турист не может понять того, что видит, является производной отношений внутри структуры, связующей его с социальным объектом. Турист ведет себя так, как будто бы он видит то, что посетил и именно благодаря посещению вступает в общественную связь. Однако узы, связывающие туриста с объектом, слабые и их можно еще более ослабить, если турист хоть на минуту увидит дистанцию, отделяющую его от того, что он видит. Поскольку в бытовом сознании «опыт» является наиболее значимой дорогой к пониманию, то

посещающий турист лучше, чем каким-либо иным способом демонстрирует, что он не является в обществе чужеродным элементом. Если для туриста и существует какая-либо дистанция, то отнюдь не между ним и тем, что он посещает. Как турист он может быть отчужден единственно от значения того, что видит, поскольку это значение скрывается в невидимых деталях» [1, с. 105–106].

Туристы ищут истинной реальности посещаемых регионов, стран или континентов, но туристическая индустрия делает доступными лишь препарированные к использованию представления, инсценизации действительности. В связи с этим МакКеннелл обращается к драматургической концепции Эрвина Гофмана, согласно которой мир делится на сцену и на кулисы. Сцена или фасад – это место, в котором происходит выступление. Ее важным элементом является *декорация*. Сцену дополняют гардероб, кулисы и кухня, т.е. места, где готовится мистификация для публики. «Если за кулисами проявляются существенные тайны представления и если исполнители выходят здесь из роли, то естественно, что это место недоступно для публики и что от нее даже скрывается само его существование» [1, с. 142]. В этой связи автор отмечает, что наиболее очевидно деление на сцену и кулисы в гостиницах, где сценой являются ресторан, бар, ресепшн (стойка администратора), а фасадом кухня, прачечная или кондиционеры.

Социолог туризма отмечает, что в современном обществе возникает и развивается новый тип пространства – пространства, выделенного специально для туристов. Оно может иметь характер туристического *сценария*. Этим пространством, призванным служить иным целям, могут быть, например, биржа или парламент, т.е. места, выполняющие, прежде всего, иные функции, имеющие ключевые значения для государства, в которых туристы могут «подсмотреть» сессии или обсуждения.

Туристической сценографией является также такой тематический парк, как, например, Диснейленд, представляющий собой специально созданное для туристов пространство. Туристическая *инсценизация* – это более сложная форма туристического пространства, которую создают наиболее уникальные места, посещаемые исключительно с целью увидеть. Они «располагаются рядом с естественными пространствами социального действия или повторяют истинные действия, содержат предметы, оборудование, машины, используемые специальным образом при определенных социальных, профессиональных или промышленных процедурах; они открыты для посетителей как минимум в определенные часы»¹⁹ [1, с. 157].

Туристическая декорация – это определенный *континуум*,

---

¹⁹ В этой связи следует заметить, что посещения инсценированных пространств иногда принимают гипертрофированные формы. Так, в настоящее время по просьбе министра туризма Нидерландов посещение старейшей в Нидерландах алмазной фабрики CosterDiamonds является в Амстердаме, практически, обязательным пунктом программы даже однодневного пребывания в столице. На первом этаже знаменитой фабрики представлена музейная экспозиция, в подвальном помещении – коллекция Сваровский, а на втором этаже в помещениях за бронированными дверями под наблюдением множества видеокамер туристам демонстрируются и предлагаются к покупке ювелирные изделия с бриллиантами самой широкой ценовой категории, которыми можно полюбоваться, примерить их и даже в них сфотографироваться.

распространяющийся между сценой и кулисами. При этом, как отмечает американский социолог туризма, возможны следующие ситуации. Во-первых, сама сцена, за пределы которой пытается проникнуть туризм. Во-вторых, частично и слегка инсценированная для кулис сцена, например, рыбный ресторан на море с висящей снаружи рыбной сетью. В-третьих, сцена, полностью представляющая как кулисы, например, симуляция прогулки по Луне. В-четвертых, кулисы, открытые для аутсайдеров, примером чего могут служить «сплетни о знаменитостях» в бульварной прессе. Пятая возможность – это ситуация, в которой кулисы упорядочены настолько, чтобы их могли увидеть туристы, например, посещение машинного отделения во время теплоходного рейса²⁰. Наконец, настоящие кулисы – это то, что наиболее всего воздействует на воображение туриста и в то же время наименее доступно. Здесь МакКеннелл вступает в полемику с Даниэлем Бурштейном, автором, который наряду с самим МакКеннеллом, наиболее часто цитируется социологами туризма. Оба исследователя наблюдают схожий феномен доминирования в туризме искусственного мира, созданного специально для туристов. Эти миры отличает дистрибуция «вины». Д. Бурштейн считает, что «виновны» сами туристы, потому что именно они требуют этой искусственности. В то же время МакКеннелл считает, что туристы в своих усиленных поисках аутентичности становятся жертвами туристической индустрии, пытающейся продемонстрировать им специально приготовленный для них спектакль. «Туристы в поиске аутентичных переживаний совершают смелые выходы из отелей, но их маршруты, благодаря туристическим декорациям, заранее известны. Туристы-искатели приключений, постоянно находящиеся под наблюдением публики, переходят от одной сцены к другой, где их приветствуют доброжелательные толпы. В то же время местные жители настолько игнорируют туристов, что сосредоточены лишь на собственных интересах, в том числе на доходах, получаемых от туристов, трактуя их (туристов – Т.Я.) как часть сценария [1, с. 165]. Настоящие достопримечательности – это естественные картины, создаваемые достопримечательности – это копии натуральных объектов, примером чего могут служить сувениры. Между истинными и создаваемыми достопримечательностями располагается коммерция. В эпилоге к последнему изданию автор утверждает, что основным изменением, произошедшим с момента первого выхода в свет этой книги, является подчинение туризма развлечению. «Куда ни глянь, повсюду видны улыбающиеся рожицы мышки Микки, а также иные субституты туристического опыта, стратегически размещенные таким образом, чтобы скрыть пустоты, эксплуатацию и свалки. Огромные корпорации начали перемещать людей и предметы с невиданной скоростью и в не встречавшихся в истории человечества масштабах. Это также охватило и предметы, к которым некогда туристы должны были путешествовать. (...) В настоящее время окружение человека можно сконструировать из истинных и выдуманных воспоминаний о «инаковости» [1,

---

²⁰ Примером такой инсценизации может служить также широко распространенный в настоящее время в ресторанах глобальных гостиничных сетей showcooking – приготовление поварами блюд не только у ресторанного столика за ужином, но даже у стойки с разнообразными блюдами во время завтрака, обеда и ужина.

с. 299–301]. В подтверждение истинности своих выводов автор приводит шокирующие примеры о приобретении японским тематическим парком «Малый мир» целых деревень и городков в Греции, индейских резерваций в Америке, тайских деревень, после чего все они были свезены в тематический парк, где их повседневная жизнь и практические навыки были выставлены на показ туристам и этнологам.

В последние годы появился новый феномен, названный социологом «маркетинговой дикостью» – коммерческое использование племенных культур. Крайним примером этого являются автобусные поездки по Новой Гвинее, где папуасы, охотники за головами, показывают западным туристам места, в которых совершается каннибализм, и подробно отвечают на вопросы, касающиеся ритуальных преступлений. Коммерциализация инаковости ведет к опредмечиванию *чужих*. Так, индейцы в резервациях жалуются на то, что туристы не только предлагают им продать их повседневную одежду, в которую они одеты, но даже пытаются вырвать у них из головы на память «настоящий индейский волос». Как утверждает МакКеннелл, «современный массовый туризм опирается на две внешне различные тенденции: на международную гомогенизацию туристической культуры и на искусственное поведение локальных этнических групп и достопримечательностей таким образом, чтобы туристы могли потреблять их как туристический опыт» [1, с. 176]. В этом контексте следует заметить, что, с одной стороны, туристическая инсценизация и коммерциализация позволяют туристам постепенно расположить весь мир на расстоянии вытянутой руки, но, с другой стороны, в современном мире рационализация посещения грозит тотальным уподоблением друг другу соответствующих мест и вытекающей из этого скукой.

Литература:

1. MacCannell D. (2005), *Turysta. Nowa teoria klasy próżniaczej*, Warszawskie literackie Muza SA

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Агееў Аляксандр Рыгоравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт УА “МДУ імя А.А. Куляшова” (Беларусь).

Азарных Наталя Александровна, соискатель кафедры истории и политологии Воронежского государственного университета инженерных технологий (Россия).

Азарных Татьяна Дмитриевна, кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры философии Воронежского государственного университета инженерных технологий (Россия).

Аленькова Юлия Васильевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии УО «МГУ имени А.А. Кулешова» (Беларусь).

Альховик Николай Константинович, старший преподаватель Международного гуманитарно-экономического института (Беларусь).

Арабаджи Елена Семёновна, кандидат географических наук, доцент, проректор Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого (Украина).

Афанасьева Людмила Васильевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого (Украина).

Бабосов Евгений Михайлович, доктор философских наук, профессор, академик Национальной академии наук Беларуси (Беларусь).

Бабосова Екатерина Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (Беларусь).

Бедулина Галина Федоровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии УО «Белорусский государственный экономический университет» (Беларусь).

Бережная Наталия Александровна, аспирантка кафедры истории и этнологии Украины Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина).

Благоевич Мирко, доктор социологических наук, директор Центра религиоведческих исследований Института философии и общественной теории университета Белграда (Республика Сербия).

Богданович Алексей Борисович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных наук ГУО «Командно-инженерный институт» МЧС Республики Беларусь (Беларусь).

Бочкова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия (Беларусь).

Бубнаў Юры Міхайлавіч, доктор сацыялагічных навук, прафесар, загадчык кафедры гуманітарных дысцыплін УА “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання” (Беларусь).

Будник Вера Викторовна, библиотекарь, соискатель кафедры филологии УО «БГУКИ», Гомельская областная универсальная библиотека им. В. И. Ленина (Беларусь).

Букреева Ирина Викторовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого (Украина).

Бунос Анастасия Владимировна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин МГУП (Беларусь).

Буценко Александр, директор Украинского центра культурных исследований при Министерстве культуры Украины, эксперт Совета Европы по культурной политике (Украина).

Быковская Галина Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, декан факультета гуманитарного образования и воспитания, заведующая кафедрой истории и политологии, ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет инженерных технологий» (Россия).

Васілевіч Ганна Аляксандраўна, магістр дыпльматыі і міжнародных стасункаў, магістр еўрапейскіх даследванняў навуковы супрацоўнік Еўрапейскага цэнтра па пытаннях меншасцяў (Германія).

Вахнин Николай Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и психологии Национального минерально-сырьевого университета «Горный» г. Санкт-Петербург (Россия).

Вахнина Екатерина Георгиевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии Национального минерально-сырьевого университета «Горный» г. Санкт-Петербург (Россия).

Выборный Виталий Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент Могилевского государственного университета продовольствия (Беларусь).

Ганус Сергей Алексеевич, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории и историографии Государственного высшего учебного заведения «Ужгородский национальный университет» (Украина).

Глинская Людмила Федоровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого (Украина)

Горбунов Игорь Васильевич, кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна УО ВГУ им. П.М. Машерова, докторант НАН Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы (Беларусь).

Грабовская Ирина Николаевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра украиноведения философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Гребень Наталия Федоровна, старший преподаватель ЧУО «БИП – Институт правоведения» (Беларусь).

Грибова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета (Беларусь).

Грудино Александр Петрович, краевед, районная организация общественного объединения «Общество белорусского языка имени Франциска Скарныны» г. Шклов (Беларусь).

Ефимчик Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусского и русского языков БГЭУ (Беларусь).

Жарин Дмитрий Валерьевич, магистр гуманитарных наук, методист РИВШ БГУ (Беларусь).

Жуков Василий Захарович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин УО «Могилевский государственный университет продовольствия» (Беларусь).

Зайцева Оксана Олеговна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры социологии и психологии Национального минерально-сырьевого университета «Горный» г. Санкт-Петербург (Россия).

Канашевич-Адыгезалова Дарья Анатольевна, аспирантка Института социологии НАН Беларуси (Беларусь).

Капцов Александр Васильевич, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии управления Самарской гуманитарной академии (Россия).

Карзенка Георгій Уладзіміравіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі і права БДПУ, г. Мінск (Беларусь).

Каркин Юрий Владимирович, преподаватель кафедры гуманитарных наук ГУО «Командно-инженерный институт» МЧС Республики Беларусь.

Карташова Елена Юрьевна, психолог, ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет инженерных технологий» (Россия).

Ковалев Евгений Александрович, аспирант кафедры истории Беларуси и музееведения, Белорусский государственный университет культуры и искусств (Беларусь).

Коновалова Ирина Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (Беларусь).

Костеров Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин УО МГУП (Беларусь).

Кривопалова Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории ФГБОУ ВПО «Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)» (Россия).

Кузьмин Андрей Дмитриевич, магистр исторических наук, ассистент кафедры гуманитарных дисциплин УО «Могилёвский государственный университет продовольствия», аспирант кафедры истории и культуры Беларуси УО «МГУ им. А.А. Кулешова» (Беларусь).

Лазаревич Евгения Михайловна, аспирантка, БГУ (Беларусь).

Лимаренко Александр Петрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии БГУ, ФФСН (Беларусь).

Липницкий Вячеслав Валерьевич, научный сотрудник отдела правовых исследований и экспертизы Центра исследований государственного управления НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Беларусь).

Лихачёв Николай Егорович, доктор социологических наук, доцент, профессор Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова (Беларусь).

Лыч Леанід Міхайлавіч, доктар гістарычных навук, прафесар, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (Беларусь).

Лявіцкі Антон Мікалаевіч, студэнт гістарычнага факультэта БДУ (Беларусь).

Мазец Валянцін Генрыхавіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (Беларусь).

Макрушч Елена Николаевна, старший преподаватель кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь).

Марзалюк Ігар Аляксандравіч, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін УА “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.Куляшова”, намеснік Старшыні пастаяннай камісіі па міжнародных справах і нацыянальнай бяспекі Савета Рэспублікі Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь.

Мариненко Ольга Петровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» ГУВПО «Белорусско-Российский университет» (Беларусь).

Масненко Виталий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и этнологии Украины Черкасского национального университета им. Богдана Хмельницкого (Украина).

Матюшевская Мария Иосифовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин УО «МГУ имени А.А. Кулешова» (Беларусь).

Маюк Елена Павловна, аспирантка кафедры белорусского языка и литературы УО «Минский лингвистический университет» (Беларусь).

Мельникова Анастасия Игоревна, студентка факультета экономики и права МГУ им. А.А. Кулешова (Беларусь).

Мирошниченко Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, зам.декана факультета гуманитарного образования и воспитания, ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет инженерных технологий» (Россия).

Миськевич Владимир Иосифович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Беларусь).

Митяй Зоя Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры украинского языка и литературы Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого (Украина)

Нарижная Елена Павловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правоведения УО «БТЭУ ПК» (Беларусь).

Новик Наталия Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории НАНБ (Беларусь).

Орлов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Мелитопольского государственного педагогического университета имени Богдана Хмельницкого (Украина).

Осипов Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Европейского центра по вопросам меньшинств (Германия).

Петрова Елена, кандидат исторических наук (этнолог), начальник отдела национальностей и религий Одесской областной государственной администрации (Украина).

Подгайская Людмила Ивановна, кандидат социологических наук, доцент БГЭУ (Беларусь).

Прилепко Елена Михайловна, научный сотрудник кафедры социологии БГУ, ФФСН (Беларусь).

Пронкевич Александр Викторович, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Черноморского государственного университета имени Петра Могилы (г. Николаев, Украина), профессор кафедры иностранных языков Могилевского государственного университета продовольствия.

Прысяжнюк Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и этнологии Украины Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина).

Пушкін Ігар Аляксандравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін УА “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання” (Беларусь).

Рогозина Ольга Леонидовна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Национального минерально-сырьевого университета «Горный», Санкт-Петербург (Россия).

Рубінчык Уладзімір Паўлавіч, даследчык, перакладчык г. Мінск (Беларусь).

Рудковский Эдвард Иосифович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии ВГУ имени П.М. Машерова (Беларусь).

Сазонова Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии Национального минерально-сырьевого университета «Горный» Санкт-Петербург (Россия).

Сидоренко Борис Игоревич, кандидат исторических наук, доцент ЧУО «БИП – Институт правоведения» (Беларусь).

Синкевич Татьяна Ивановна, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания УО «ВГУ им. П.М.Машерова» (Беларусь).

Смяховіч Мікалай Уладзіміравіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык цэнтра гісторыі індустрыяльнага грамадства Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (Беларусь).

Старостенко Виктор Владимирович, кандидат философских наук, доцент декан факультета иностранных языков УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова» (Беларусь).

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета (Беларусь).

Строгальщикова Зинаида Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литератур и истории Карельского научного центра РАН (Россия).

Сулимов Станислав Игоревич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Воронежский государственный университет инженерных технологий (Россия).

Талько Татьяна Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Днепропетровского [ультурологи] университета [ульту Олеся Гончара (Украина).

Тесленко Александр Николаевич, доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РФ), профессор, профессор Казахский гуманитарно-юридический университет (Казахстан).

Трусаў Алег Анатольевіч, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў (Беларусь).

Тухашвили Мириан Васильевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры макроэкономики, научный руководитель центра миграционных исследований Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили (Грузия).

Цюрупа Михаил Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры подготовки офицеров запаса Национального университета обороны Украины в г. Киеве (Украина).

Черниговских Игорь Васильевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Воронежский государственный университет инженерных технологий (Россия).

Шаршунов Вячеслав Алексеевич, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент НАНБ, ректор учреждения образования «Могилевский государственный университет продовольствия» (Беларусь).

Шаўчук Ігар Іванавіч, доктар гістарычных навук, дацэнт, прафесар Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта (Беларусь).

Шпаковская Виктория Александровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова» (Беларусь).

Юдин Виктор Викторович, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин УО «Могилёвский государственный университет продовольствия» (Беларусь).

Юрис Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета довузовской подготовки УО «ГГТУ им. П.О. Сухого» (Беларусь).

Яковук Тамара Ивановна, кандидат [ультурологи, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Брестского государственного университета имени А.С.Пушкина (Беларусь).

Яроцкая Юлия Александровна, аспирантка Белорусского Государственного Университета культуры и искусств (Беларусь).

Яскевич Оксана Вацлавовна, аспирантка Белорусского государственного университета (Беларусь).

Навуковае выданне

ЭТНІЧНАЯ, МОЎНАЯ І КУЛЬТУРНАЯ РАЗНАСТАЙНАСЦЬ
У СУЧАСНЫМ ГРАМАДСТВЕ

*Зборнік навуковых прац удзельнікаў
Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі
29–30 мая 2014 г.*

У аўтарскай рэдакцыі

Укладальнік
Пушкін Ігар Аляксандравіч

Дызайн вокладкі А. В. Сенчурова

Падпісана ў друк 19.05.2014 г. Фармат 60x84 1/16.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 20,8. Ул.-выд. арк. 26,3.
Тыраж 90 экз. Заказ 62.

Установа адукацыі
“Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання”.
ЛВ № 02330/630 ад 31.01.2012 г.
Пр-т Шмідта, 3, 212027, Магілёў.

Надрукавана ва ўстанове адукацыі
“Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання”.
Пр-т Шмідта, 3, 212027, Магілёў.